

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Институт государственного управления, права

и социально-гуманитарных наук

На правах рукописи

Синика Виталий Степанович

**СКИФСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА III–II ВВ. ДО Н. Э.
СЕВЕРО–ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СКИФОВ**

специальность 5.6.3 – Археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Научный консультант –
доктор исторических наук,
доцент А. Р. Канторович

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

ГЛАВА I.

История изучения скифских памятников III–II вв. до н. э.

Северо–Западного Причерноморья	20
---	----

§1. История полевых исследований скифских памятников региона	20
--	----

§2. Основные проблемы изучения скифской культуры III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья на фоне соответствующего культурно–хронологического горизонта и в контексте общей истории скифов	63
--	----

ГЛАВА II.

Погребальные памятники и поминальные комплексы	104
---	-----

II.1. Погребальные памятники	104
------------------------------------	-----

§1. Намогильные, подкурганные и внекурганные сооружения и следы ритуальных действий	104
---	-----

§2. Погребальные сооружения и их конструктивные элементы	114
--	-----

§3. Останки погребённых	172
-------------------------------	-----

II.2. Поминальные памятники	188
-----------------------------------	-----

II.3. Датировка комплексов	192
----------------------------------	-----

ГЛАВА III.

Погребальный инвентарь и жертвенная пища	210
§1. Оружие и предметы воинского снаряжения	210
§2. Конское снаряжение	226
§3. Орудия труда	238
§4. Предметы быта	247
§5. Посуда	253
§6. Украшения	273
§7. Детали и аксессуары костюма	290
§8. Предметы туалета	297
§9. Предметы культа и следы культовых действий	301
§10. Жертвенная пища	315

ГЛАВА IV.

Памятники скифской оседлости и «клады»	319
IV.1. Поселения	319
§1. Топография и остатки сооружений	320
§2. Элементы скифской культуры на памятниках	326
IV.2. «Клады»	336
§1. Состав комплексов и их датировка	340
§2. Категории вещей и культурная принадлежность	360
§3. «Клады» как особый вид скифских памятников региона	365

ГЛАВА V.

Инокультурные влияния на скифское население Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. 375

§1. Основные характеристики скифского погребального обряда и материальной культуры 375

§2. Греческое влияние

на погребальный обряд и материальную культуру..... 383

§3. Фракийское влияние на материальную культуру399

§4. Латенское/германское влияние на материальную культуру 432

ГЛАВА VI.

Периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья и перспективы её использования для других регионов Северного Понта 458

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 470

Список литературы и архивных материалов477

Список сокращений553

ТОМ 2

Приложение 1. Таблицы 555

Приложение 2. Иллюстрации 652

ВВЕДЕНИЕ

Скифская культура является наиболее яркой археологической культурой Северного Причерноморья раннего железного века. За 150 лет систематических и целенаправленных раскопок скифских памятников, в основном, погребальных, их было изучено не менее пяти тысяч (Полин, 2014. С. 637). Столь значительный фонд источников, прираставший наиболее стремительными темпами в советское время как следствие масштабных новостроечных раскопок, поставил перед исследователями многочисленные задачи по систематизации и обобщению накопленного материала.

Одним из первых наиболее заметных трудов, в котором анализировалась вся совокупность известных на тот момент скифских памятников, стала монография В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, подготовленная к концу 1970–х гг. и опубликованная в 1983 г. В ней рассмотрены скифские памятники на Кавказе, в Северном Причерноморье, памятники кочевников и оседлого населения степной Скифии, а также памятники Правобережной и Левобережной Лесостепи. Авторы проанализировали данные о погребальном обряде скифов и скифской материальной культуре во всем их многообразии (Ильинская, Тереножкин, 1983). При этом финал скифской археологической культуры был отнесён к концу IV в. до н. э.: «На восточной границе активизировались сарматы. В начале III в. до н. э. Скифия оказалась ослабленной войнами и внутренними противоречиями. В III в. до н. э. племена савромат–сармат двинулись из–за Дона и сокрушили могущество скифов» (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 367).

Спустя восемь лет был опубликован фундаментальный труд В. С. Ольховского, где, на основании «углублённого анализа скифских погребений степного Причерноморья VII–III вв. до н. э. и с использованием единой методики и привлечения максимального количества источников», были

выделены четыре локальных варианта скифской степной культуры (Днестро–Дунайский, Днепро–Бугский, Крымский и Нижнедонской)¹, и четыре самостоятельные локальные зоны – Северостепная, Приольвийская, Присивашская и Приазовская. Для всех выделенных вариантов и зон были указаны наиболее характерные особенности погребального обряда и материальной культуры (Ольховский, 1991. С. 167–172. Рис. 11, 15)². Все скифские памятники были разделены на две хронологические группы – VII–V вв. до н. э. и IV–III вв. до н. э., причём финал скифской археологической культуры был упомянут вскользь. В. С. Ольховский отмечает движение скифов «из Поднепровья на Днестр в III в. до н. э. (Мелюкова, 1962. С. 162), в Крым через Перекоп» (Ольховский, 1991. С. 181).

Отдельно необходимо упомянуть концепцию хронологии скифской культуры М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, проследивших в связи с ней смысловую трансформацию этнонима «скифы» (Погрובה, Раевский, 1992. С. 164–224).

Вышедшая из печати в 2003 г. монография А. Ю. Алексеева «Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э.» заслуживает особого внимания, поскольку в ней предпринята успешная попытка «отыскать место Европейской Скифии среди одновременно существовавших с ней цивилизаций и культур» (Алексеев, 2003. С. 13). Автором была предложена новая периодизация скифской археологической культуры, охватывающая немногим более 400 лет – от конца VIII в. до н. э. до рубежа IV–III вв. до н. э. Для уточнения хронологии скифской культуры впервые активно

¹ Днестро–Дунайский вариант включает Придунайскую и Поднепровскую локальные зоны, Днепро–Бугский – Буго–Ингульскую, Поднепровскую и Ягорлыцко–Каланчакскую; Крымский – Западнокрымскую, Предгорную и Восточнокрымскую. Нижнедонской вариант не включает локальных зон.

² Рукопись монографии была завершена и рекомендована в печать в начале 1985 г. (Ольховский, 1991. С. 5).

использовались результаты радиоуглеродного датирования (Алексеев, 2003. С. 31–37)³. Заключительный период (середина IV – рубеж IV–III вв. до н. э.) охарактеризован как «финал истории Великой Скифии; период внешних войн и конфликтов, появление на Северо–Западном Кавказе и в Нижнем Подонье новых групп кочевников (сирматов, сарматов, сираков?)» (Алексеев, 2003. С. 27–28). Исследователь отметил, что «конец существования Большой Скифии, наступивший внезапно на рубеже IV–III вв. до н. э. и охвативший широкую территорию степной и лесостепной зон, до сих пор остаётся во многом загадочным» (Алексеев, 2003. С. 252).

В 2014 г. вышла из печати монография С. В. Полина, в которой значительное место было отведено хронологии скифских погребальных памятников Северного Причерноморья (Полин, 2014. С. 190–650). Основным итогом этого титанического труда стало датирование 904 скифских комплексов (курганов / захоронений / «странных комплексов»): 168 – V в. до н. э., 374 – первой половиной IV в. до н. э., 286 – второй и третьей четвертью IV в. до н. э., 57 – второй половиной IV – началом III в. до н. э., и 19 – III–II вв. до н. э. (Полин, 2014. С. 638).⁴ В завершении исследователь констатировал: «К концу IV в. до н. э. Великая Причерноморская Скифия прекратила свое существование ... Небольшой очаг скифской культуры III–II вв. до н. э., связанный по происхождению со скифами–кочевниками Великой

³ В последующем этот метод датирования стал использоваться значительно шире (Алексеев и др., 2005; Алексеев, 2014; 2015; Синика, Поспешны, Лукасик, 2020).

⁴ Подобная диспропорция (V в. до н. э. – 18,58%; IV в. до н. э. – 78,87%; III–II вв. до н. э. – 2,55%), скорее, отражает динамику и масштабы поступления греческих керамических импортов (на основании которых в большинстве случаев устанавливались даты) к скифам Северного Причерноморья, нежели распространение во времени их погребальных комплексов. На практически полное отсутствие в данной схеме памятников последней четверти IV и рубежа IV–III вв. до н. э., что «находится в абсолютном противоречии с масштабными историческими событиями последних десятилетий IV в. до н. э. в Скифии и на Боспоре, в которых участвовали скифы», на основании опубликованных ранее данных (Бидзиля, Полин, 2012. С. 596) обратил внимание А. Ю. Алексеев (2013. С. 350–351).

Скифии предшествующего периода, сохранился лишь в Нижнем Поднестровье, о чем свидетельствует могильник у с. Глиное и некоторые другие курганы Тираспольской группы. Его существование прекращается не позднее конца II – начала I вв. до н. э. Собственно на этом прекращается существование причерноморской Великой Скифии» (Полин, 2014. С. 641).

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что в настоящее время господствует представление о внезапном прекращении непрерывного развития скифской культуры в степях Северного Причерноморья на рубеже IV–III вв. до н. э. или в самом начале III в. до н. э. С этого времени не только прекращается сооружение царских курганов, но, самое главное, якобы почти полностью исчезают скифские погребальные памятники.⁵ Как отмечалось выше, только недавно С. В. Полин назвал скифские курганы Нижнего Поднестровья III–II вв. до н. э. последним «очагом» «Великой» Скифии.

Однако пять лет назад ситуация в корне изменилась. Во–первых, был опубликован и проанализирован самый представительный массив скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. – у с. Глиное на Нижнем Днестре. Во–вторых, были указаны некоторые синхронные скифские памятники в других регионах Северного Причерноморья – в Подунавье, Побужье, Поднепровье, Крыму и Подонье. В–третьих, стало очевидно, что в Северо–Западном Причерноморье скифских памятников III–II вв. до н. э. «более чем достаточно» (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 982–996).

⁵ Считается, что в результате экспансии сарматов с востока (и/или иных причин) скифское население с III в. до н. э. концентрируется в Малых Скифиях на Нижнем Днестре, в Крыму (Алексеев, 2003. С. 251; Канторович, 2006. С. 325), а также в Добрудже (Андрух, 1994; 1995. С. 96–161). Первые две Малые Скифии (Нижнеднепровская и Крымская) прекращают своё существование после гуннского нашествия IV в. н. э. (Дашевская, 1989. С. 145; 1991. С. 45). Малая Скифия в Добрудже угасает гораздо раньше – либо в конце первой трети II в. до н. э. (Манов, 2015. С. 425, 434), либо в начале I в. до н. э., растворяясь во фракийской среде (Андрух, 1994. С. 152–153; 1995. С. 146–147).

Таким образом, с учётом значительного прироста материала за последнюю четверть века, назрела настоятельная необходимость обобщающего исследования всех памятников скифской археологической культуры III–II вв. до н. э., сосредоточенных в степной зоне между р. Прут и р. Южный Буг – в Северо–Западном Причерноморье. Между тем, до настоящего времени специально изучались только отдельные скифские памятники III–II вв. до н. э., попытки же систематизировать всю их совокупность не предпринимались, что обуславливает **актуальность** данной работы.

В ней поставлена **цель** исследовать весь массив скифских памятников III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье – погребальные памятники и поминальные комплексы, памятники скифской оседлости и «клады».

С учетом вышесказанного, **задачи** работы были определены следующим образом:

выделить скифские памятники III–II вв. до н. э. из общего массива памятников скифской культуры региона;

проанализировать основные проблемы изучения скифской культуры III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье на фоне соответствующего культурно–хронологического горизонта и в контексте общей истории скифов;

проанализировать основные характеристики погребально–поминального обряда (виды и типы погребальных сооружений; останки погребённых; погребальный инвентарь; надгробные, подкурганые и внекурганые сооружения и следы ритуальных действий; поминальные памятники);

обозначить основания для датировки погребальных и поминальных комплексов региона в пределах III–II вв. до н. э.;

проанализировать памятники скифской оседлости Северо–Западного Причерноморья – топографию и остатки сооружений, а также элементы скифской культуры на данных поселениях;

изучить состав «кладов» и их датировку, проанализировать категории вещей из этих комплексов, их происхождение и культурную принадлежность, а также обосновать особый характер «кладов» среди прочих скифских памятников региона;

проанализировать скифские основы, а также инокультурные (греческое, фракийское, латенское/германское) влияния на погребальный обряд и материальную культуру населения Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.;

обосновать новую периодизацию скифской археологической культуры региона.

Методы исследования: сравнительно–типологический, метод аналогий, хронологический, метод стратиграфического и перекрёстного датирования, статистический анализ количественных показателей, картографирование.

Пространственные границы исследования составила территория Северо–Западного Причерноморья – т. е. степная зона, включающая левобережье Нижнего Прута, левобережье Нижнего Дуная (от впадения р. Прут в Дунай на западе до устья р. Дунай на востоке), Дунай–Днестровское междуречье (от устья р. Дунай на западе до правобережья Днестровского лимана), Нижнее Поднестровье и Днестро–Бугское междуречье.

Хронологические рамки – III–II вв. до н. э. – очередной этап существования и доминирования скифской археологической культуры в Северо–Западном Причерноморье.

Источниковую базу работы составили 370 памятников. Они были совершены (332 погребения), сооружены (14 поминальных комплексов),

функционировали (14 поселений), или депонированы (10 «кладов») в III–II вв. до н. э. Эти материалы были получены из раскопок в дореволюционное время на Тираспольщине, а также из раскопок Западно–Скифской экспедиции ИА АН СССР; Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета (далее – ПГУ) им. Т. Г. Шевченко; Слободзейской новостроечной экспедиции Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР; Орловского курганного отряда Буджакской экспедиции ИА АН УССР; экспедиции Одесского областного правления общества охраны памятников истории и культуры УССР; Семёновской новостроечной экспедиции ИА АН УССР; Дунай–Днестровской экспедиции ИА АН УССР; Приднестровской археологической экспедиции Одесского археологического музея НАН Украины; Буджакской экспедиции НАН Украины; Ингульской экспедиции ИА АН УССР; Никонийской археологической экспедиции ИА АН УССР.

В совокупности эти археологические комплексы составляют 33,33% от общего числа известных памятников (1110) скифской археологической культуры на территории Северо–Западного Причерноморья.

Личное участие автора в подготовке диссертации. Ряд погребальных комплексов, составивших источниковую базу диссертации, был исследован в ходе раскопок под руководством автора или при его участии в качестве соавтора раскопок. Это результаты раскопок 2013–2020 гг., осуществлявшихся руководимой автором Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Г. Шевченко (могильник Глиное, курганные группы Глиное/Водовод, Глиное/Клин, Глиное/Сад, Глиное/Плавни, Глиное/Рыбхоз, Ближний Хутор/Спутник), а также материалы из раскопок этой же экспедиции под руководством Н. П. Тельнова в 2004–2011 гг.

Для изучения иных материалов автором была проведена работа в научных архивах и фондах Национального музея истории Молдовы (г. Кишинёв),

Одесского археологического музея, Института археологии Национальной Академии наук Украины, Измаильского историко–краеведческого музея Придунавья.

Научная новизна работы: впервые в ходе исследования выделены различные скифские памятники III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье (370), а именно 332 погребения, 14 поминальных комплексов, 14 поселений (памятников скифской оседлости), 10 «кладов». Детально изучена пресловутая «проблема III в. до н. э.», состоящая из совокупности научных дискуссий по различным вопросам: поискам причин, обусловивших гибель «Великой Скифии» в конце IV – первой трети III в. до н. э.; поискам погребальных памятников, надёжно датирующихся в пределах III–II вв. до н. э., в Северном Причерноморье; культурной атрибуции этих памятников; реконструкции исторических событий в указанное время; культурной атрибуции, датировке и определению назначения так называемых «странных комплексов» или «кладов». Тщательно проанализированы погребальный обряд и материальная культура скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. на основании информации, полученной при исследовании захоронений, поминальных комплексов, поселений и «кладов» этого времени в регионе. Указаны основания для датировки погребальных и поминальных комплексов, а также «кладов» III–II вв. до н. э. Особое внимание уделено скифским «кладам»: рассмотрен их состав, а также обоснована скифская принадлежность этого особого вида скифских памятников. Проанализированы инокультурные влияния на скифское население Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. (греческое, фракийское, латенское/германское), при этом обозначены скифские основы погребального обряда и материальной культуры. Обоснована новая периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья.

Научная значимость. Указанные в настоящей работе скифские памятники III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье позволяют выделить аналогичные археологические комплексы в других регионах Северного Причерноморья – на левобережье Южного Буга, в Поднепровье, в Крыму, в Приазовье и в Подонье. Это особенно актуально, поскольку в настоящее время происходит значительное увеличение источниковой базы в результате публикации материалов из курганов, раскопанных в советское время. Детальный анализ погребального обряда и материальной культуры позволил не только расширить и уточнить общие представления о скифской археологической культуре Северного Причерноморья, но, что особенно важно, продлить её существование в Северо–Западном Причерноморье, как минимум, на два века – до конца II в. до н. э. Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что скифы населяли регион вплоть до появления здесь самых ранних сарматских памятников в I в. до н. э.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по скифской археологии Северного Причерноморья, по истории и культуре Скифии. Кроме того, результаты исследования нашли практическое применение в рамках читаемых автором общих и специальных курсов «Основы археологии» и «Ранний железный век Северо–Западного Причерноморья» в высших учебных заведениях региона, в экскурсоведении, а также при создании музейных экспозиций.

Положения, выносимые на защиту:

1. За последние 140 лет в Северо–Западном Причерноморье были выявлены и исследованы не только скифские памятники второй половины VII – конца IV в. до н. э., но и более позднего времени – III–II вв. до н. э. Из 1110 известных памятников в III–II вв. до н. э. были сооружены/совершены (курганы/погребения), функционировали (поселения) или депонированы («клады») 370 (33,33%).

2. Как демонстрирует историографический анализ, за последние 25 лет в специальной литературе оформились научные дискуссии, посвящённые: а) поискам причин, обусловивших гибель «Великой Скифии» в конце IV – первой трети III в. до н. э.; б) поискам погребальных памятников, датирующихся III–II вв. до н. э., в Северном Причерноморье; в) культурной атрибуции этих памятников; г) реконструкции исторических событий в указанное время; д) культурной атрибуции, датировке и определению назначения так называемых «странных комплексов» или «кладов».

В настоящее время большинство исследователей соглашаются, что: а) в Северо–Западном Причерноморье есть и погребальные, и поселенческие памятники III–II вв. до н. э.; б) погребальные памятники этого времени оставлены скифами, хотя демонстрируют различные инокультурные влияния; в) памятники Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. продолжают традиции скифской культуры региона предшествующего времени; г) могильник у с. Глиное является ключевым памятником для решения различных проблем, касающихся истории Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.; д) «клады» III–II вв. до н. э. в регионе не связаны с сарматской археологической культурой и депонированы скифами. При этом только отдельные подобные комплексы, обнаруженные к западу и к востоку от указанного ареала, могут датироваться более поздним временем и принадлежать носителям иных культурных традиций.

3. Анализ обряда, зафиксированного при исследовании захоронений III–II вв. до н. э., показал его преемственность погребальным обычаям скифов более раннего времени. Заметные изменения в погребальном обряде связаны только с широчайшим использованием катакомб (особенно T–образных), а также в господстве меридиональной ориентировки.

Материальная культура скифского населения Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. имеет прямое генетическое родство с

классической степной скифской культурой Северного Причерноморья предшествующего времени.

4. Практика сооружения значительного числа небольших курганных насыпей, компактно расположенных на могильниках, стала возможной при условии длительного проживания скифского населения в непосредственной близости от могильника, т. е. вследствие перехода от кочевого образа жизни к оседлому.

5. Немногочисленные поминальные комплексы III–II вв. до н. э. представляют собой следы тризн, которые совершались в непосредственной близости от синхронных скифских погребальных комплексов, а также и без всякой связи с последними.

6. В III–II вв. до н. э. памятниками скифской оседлости, как и в предшествующее время, являлись поселения на левобережье Нижнего Дуная, в низовьях Днестра, а также в Днестро–Бугском междуречье и на правобережье Южного Буга. Возле большинства поселений, на которых археологически фиксируется скифское присутствие, известны скифские курганы и захоронения III–II вв. до н. э.

7. «Клады» являются особым видом скифских памятников региона в III–II вв. до н. э. Скифская принадлежность большинства «культурообразующих» предметов (оружие, конское снаряжение, посуда) из «кладов» позволяет констатировать скифскую принадлежность самих этих комплексов.

Версия, что скифские «клады» (происходящие, как правило, из курганов) являются археологическим выражением захоронений (совершавшихся, как правило, под курганными насыпями), представляется наиболее предпочтительной. Однако эта гипотеза требует дополнительных подтверждений.

8. Материалы, обнаруженные при исследовании скифских погребальных комплексов, «кладов» и поселений региона, позволяют с достаточной уверенностью фиксировать греческий (эллинистический), фракийский (гетский) и латенский/германский (кельтский, ясторфский, поенешть–лукашёвский, зарубинецкий и др.) элементы, выраженные в погребальном обряде и материальной культуре скифов Северо–Западного Причерноморья.

Несмотря на латенские и греческие, а также фракийские влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., их скифские основы представляются очевидными и бесспорными.

9. Применение единых принципов датировок археологических комплексов позволит в последующем использовать различные хроноиндикаторы (в первую очередь, фибулы) и их совокупности для выделения скифских памятников III–II вв. до н. э. из массы более ранних.

10. Предложена новая периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья. Выделен новый этап её существования и доминирования в степной зоне между рр. Прут на западе и Южный Буг на востоке – III–II вв. до н. э.

Существует возможность переоценки всего ранее накопленного археологического материала с целью составления более точной картины скифского присутствия в III–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье, что продемонстрировано на примере одного из регионов – Северо–Западного Причерноморья.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации изложены в 5 монографиях, в 42 статьях, опубликованных в ведущих научных рецензируемых изданиях, в 14 статьях, опубликованных в журналах из перечня ВАК Минобрнауки РФ, а также в 42 иных статьях в российских и зарубежных изданиях.

Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях научно–исследовательской лаборатории «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко, на проблемном семинаре «Археология раннего железного века» кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Разделы работы многократно докладывались и представлялись на различных конференциях: «Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages)» (Румыния, Тульча, 2000); «Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века» (Ростов–на–Дону, 2001, 2002, 2006); «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья» (Тирасполь, 2002); «Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре» (Киев – Судак, 2004); «Изобразительные памятники: стиль, эпоха композиции» (Санкт–Петербург, 2004); «Граковские чтения» (Украина, Запорожье, 2004, 2009); Четвёртая Кубанская археологическая конференция (Абхазия, Сухум, 2005); «Археологическое изучение Центральной России» (Липецк, 2006); «Археологія: від джерел до реконструкцій» (Украина, Комсомольск, 2011); «Древность: историческое знание и специфика источника» (Москва, 2011); «Человек в истории и культуре» (Украина, Одесса, 2012); «Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.» (Тирасполь, 2012); «Археологія: можливості реконструкцій» (Украина, Киев, 2014); IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа «Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье» (Краснодар, 2014); «Война и военное дело в скифо–сарматском мире (Ростов–на–Дону – Кагальник, 2014); V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа «Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье» (Краснодар, 2015); Вторая международная конференция «Polish Society for Human & Evolution Studies» (Польша, Познань, 2015); XI чтения памяти профессора П. О. Карышковского (Украина, Одесса, 2016); 20 конгресс Европейской Антропологической Ассоциации «European Anthropology in a Changing World: From Culture to

Global Biology» (Хорватия, Загреб, 2016); «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (чтения памяти И. А. Анцупова) (Молдова, Тараклия, 2017, 2018, 2019); «Народы и культуры Нижнего Дуная в древности» (Украина, Измаил, 2018); «Биоархеологические и этнокультурные исследования в юго–восточной Европе» (Молдова, Крихана Веке, 2019); «Bronze and Iron Ages in Eurasia: Rituals and Grave Goods as Possible Markers of the Social Identity of the Dead» (Румыния, Бузэу, 2019); «FORUM OLBICUM III: до 70–річчя з дня народження В. В. Крапівіної» (Украина, Николаев, 2020).

Структура работы определяется ее целью и задачами. Диссертация включает Введение, основной текст, состоящий из шести глав, Заключение, список использованной литературы и архивных источников и список сокращений. Во Введении обозначены цель и задачи работы, определяется ее источниковая база. Глава I посвящена истории изучения скифских памятников Северо–Западного Причерноморья, при этом особое внимание уделено основным проблемам изучения скифской культуры III–II вв. до н. э. в регионе на фоне соответствующего культурно–хронологического горизонта и в контексте общей истории скифов. В главе II анализируется погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. и обозначена датировка погребальных и поминальных комплексов. Глава III содержит анализ погребального инвентаря. В главе IV рассматриваются памятники скифской оседлости (поселения) и так называемые «клады», при этом подчёркивается особый характер последних среди прочих скифских памятников региона. Глава V посвящена изучению инокультурных влияний (греческого, фракийского, латенского/германского) на скифское население Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. В главе VI предлагается и обосновывается новая периодизация скифской археологической культуры региона. В Заключении подводятся итоги исследования в контексте изучения скифской археологической культуры Северного Причерноморья.

Приложения представлены 22 текстовыми таблицами, в которых содержится информация об основных характеристиках погребального обряда, а также о встречаемости и размещении всех категорий инвентаря. Кроме того, к работе приложены 147 графических таблиц, отражающих все виды скифских археологических памятников Северо-Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., а также материальную культуру скифского населения этого времени.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО–ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

§1. История полевых исследований скифских памятников региона

Скифские памятники Северо–Западного Причерноморья к настоящему времени исследуются уже около 140 лет. На протяжении этого же времени накапливались и внекомплексные находки, связь которых со скифской материальной культурой бесспорна.

Первый этап изучения скифских древностей региона (1881–1911 гг.)⁶ характеризуется тем, что раскопки осуществлялись на достаточно хорошем для своего времени научном уровне: проводился учёт курганов как в группах, так и одиночных, велась полевая научная документация, дневники, чертежи, инвентарные описи материалов (Кетрару, 2005. С. 49–50). Исследователи вели раскопки колодцами, сначала небольшими квадратами, а затем квадратами больших размеров, вписанными в насыпь кургана. При этом терялась определённая часть информации о структуре насыпи, погребальных сооружениях, их взаиморасположении в курганах и др. Однако необходимо отметить, что данная методика (раскопки курганов колодцами) была характерна для всего дореволюционного периода в истории изучения скифских древностей (Мозолевский, Полин, 2005. С. 20–28).

Археологические исследования в степях Поднепровья начались ещё в середине XIX в. Они связаны с деятельностью А. С. Уварова, который в

⁶ В 1881 г. были проведены первые раскопки у с. Троицкое, в 1911 г. – завершены исследования И. Я. Стемпковского на Тираспольщине.

своде древностей юга России дал описание многочисленных групп насыпей на побережье Днестровского лимана (Уваров, 1856).

К началу 80–х гг. XIX в. относятся сведения о первых, пока ещё случайных, находках скифских захоронений и предметов в окрестностях с. Троицкое на левобережье Нижнего Днестра. Так, в 1881 г. при раскопках провала, образовавшегося в кургане, была найдена «пещера» с остродонной амфорой. Известно также, что в 1895 г. были раскопаны ещё два погребальных сооружения наподобие «крупного подбоя или катакомбы». Из материалов этих погребений сохранились две амфоры и лепной светильник, поступившие в Херсонский музей (Фабрициус, 1951. С. 14; Черненко и др., 1986. С. 12; Кашуба, Сапожников, 2020. С. 358–359, 361. Рис. 7).

Не позднее начала 1880–х гг. Н. Н. Мурзакевичем⁷ были приобретены четыре бронзовых навершия, обнаруженные в окрестностях Тилигульского лимана. Изделия украшены изображениями грифоно–гиппокампа (Островерхов, Охотников, 1989. С. 64–66, Рис. 4/4). Это «некое существо (схватившее за шею и грызущее неизвестного зверя), наделённое головой и передними ногами кошачьего хищника, гребнем грифона, крыльями, без задних ног и со змеевидной задней частью туловища и хвостом, которые очень похожи на туловище и хвост гиппокампов в греческом искусстве» (Канторович, 2015. С. 814).

Примерно к тому же времени относится обнаружение погребения в с. Ильинка (ныне Беляевского р–на Одесской обл. Украины) на правом берегу Куяльницкого лимана в Днестро–Бугском междуречье. В усадьбе Н. Чёрного при двух погребённых были обнаружены 13 бронзовых наконечников стрел (Фабрициус, 1951. С. 50; Черненко и др., 1986. С. 9).

⁷ Секретарем (с 1839 г.) и вице–президентом (с 1875 г.) Одесского общества истории и древностей.

С 1896 г. по 1911 г. смотрителем земской больницы И. Я. Стемпковским в окрестностях г. Тирасполь и близлежащих сёл было раскопано 412 курганов. Исследования осуществлялись на левом берегу Днестра в бывшем Тираспольском уезде Херсонской губернии, возле сс. Красногорка, Парканы, Терновка, Сукляя, Карагаш, Слободзея, Чобручи, Глиное и Коротное. До настоящего времени эти раскопки остаются наиболее значительными из проведённых в Поднестровье.

Помощь И. Я. Стемпковскому оказывал археолог и собиратель древностей В. И. Гошкевич – основатель Херсонского археологического музея. Определённая часть материалов из раскопок 1896–1911 гг. была издана им впервые (Гошкевич, 1903), а находки из Тираспольских курганов и сейчас хранятся в г. Херсон. Только в 1962 г. А. И. Мелюкова ввела в научный оборот курганы скифского времени из раскопок Стемпковского. Всего ею были опубликованы данные о 17 скифских захоронениях IV в. до н. э. и 47 погребениях III–II вв. до н. э., исследованных у сс. Глиное, Коротное, Парканы, Плоское⁸, Сербская Земля⁹, Сукляя, Терновка и Чобручи (Мелюкова, 1962б. С. 114–166). В этой работе были учтены и данные, полученные М. Шкадышеком в 1909 г. при раскопках скифского кургана у с. Сукляя (Мелюкова, 1962б. С. 132, Табл. 7/7). В кургане было обнаружено одно погребение, совершённое в катакомбе. Хотя автор раскопок датировал его первыми веками нашей эры (Шкадышек, 1910. С. 92–94), нет никаких сомнений, что это захоронение (на основании погребальных конструкции и инвентаря, аналогичных исследованным И. Я. и Л. С. Стемпковскими), датируется III–II вв. до н. э. и относится к позднескифской культуре (Фабрициус, 1951. С. 21).

⁸ Во время раскопок И. Я. Стемпковского – хут. Плосковской, в настоящее время – с. Бычок Григориопольского р-на Приднестровья.

⁹ В настоящее время с. Славяносербка Великомихайловского р-на Одесской обл. Украины.

Одновременно с началом исследований И. Я. Стемпковского на левобережье Нижнего Днестра Н. Ф. Савицким были проведены первые любительские раскопки трёх курганов на правом берегу р. Южный Буг (в 1896–1898 гг., у с. Терноватое Николаевского р–на Николаевской обл. Украины). В одной из насыпей было обнаружено впускное скифское погребение, сопровождавшееся восемью «медными» наконечниками стрел и сосудом «с круглым дном» и «с двумя горизонтальными ручками» (Фабрициус, 1951. С. 82). Позже, в 1901 г., Н. Ф. Савицкий вскрыл четыре грунтовые могилы, в которых нашёл семь бронзовых трёхлопастных и три костяных четырёхгранных наконечника стрел, а также свинцовую ворворку (Фабрициус, 1951. С. 82).

В 1901 г. «кладоискатели разрыли курган» неподалёку от с. Исаево Николаевского р–на Одесской обл., на правом берегу р. Тилигул в Днестро–Бугском междуречье. В ходе раскопок в этом кургане были найдены «типичный скифский котёл» и цилиндрический оселок (Гошкевич, 1903. С. 51–52; Фабрициус, 1951. С. 54; Черненко и др., 1986. С. 13).

В 1906 г. раскопками скифских курганных памятников на правобережье Днестровского лимана занимался Д. Я. Самоквасов, который у с. Шаболат¹⁰ Аккерманского уезда исследовал группу из девяти курганов (Самоквасов, 1908. С. 131–132). Из них на основании сохранившихся описаний и предметов погребального инвентаря к скифскому времени уверенно можно отнести только один (Мелюкова, 1979. С. 157).

Май 1908 г. ознаменовался находкой скифского «клада» металлических изделий на правобережье Нижнего Днестра – возле с. Броаска¹¹ (Шуманский, 1910. С. 8). Эта совокупность вещей широко известна специалистам как «клад из Бубуечь» (Рикман, 1969. С. 33; Полин, 1992. С. 50–53, рис. 9;

¹⁰ В настоящее время с. Беленькое Белгород–Днестровского р–на Одесской обл. Украины.

¹¹ Ныне с. Флорены Новоаненского р–на Молдовы.

Мордвинцева, 2001а. С. 108). В настоящее время остаётся только догадываться, каким образом «клад», обнаруженный у с. Броаска, «оказался найденным» в с. Бубуечь (Карнаух, Синика, Сердюк, 2016. С. 226–227; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 8).

Спустя два года на некрополе Ольвии было изучено скифское погребение архаического времени (№ 12 1910 г.), в котором были найдены бронзовая крестовидная бляха, бронзовая колчанная застёжка, 36 бронзовых наконечников стрел, фрагменты железного ножа, и кремьень, очевидно, кресальный (Капошина, 1956. С. 173–175, Рис. 16; 17; Скуднова, 1988. С. 55–56, Кат. 55; Полидович, 2009, Рис. 1/1; 2/1; Канторович, 2015. С. 110–113, 653–654).

Весьма примечательно, что в дореволюционное время, на первом этапе изучения скифских памятников Северо–Западного Причерноморья, большая их часть (66 захоронений из 76 известных) исследовалась в научных целях. Кроме того, был найден один клад (Броаска) и сделана случайная находка (навершия у Тилигульского лимана).

Полевые исследования скифских памятников в регионе прекратились в связи с началом Первой мировой войны. Более сорока лет целенаправленное изучение скифских древностей здесь не проводилось.

Второй этап изучения скифских древностей региона (1912–1955 гг.) характеризуется практически полным прекращением целенаправленных полевых исследований. Тем не менее, источниковая база продолжала увеличиваться. За указанное время на правом берегу Нижнего Днестра было найдено скифское бронзовое навершие, на правом берегу Днестровского лимана – скифский «клад» (из которого сохранился только бронзовый шлем), на правом берегу Среднего и на левобережье Нижнего Днестра – было обнаружено по одному скифскому захоронению. Также на р. Большой

Куяльник и на левом берегу р. Тилигул в Днестро–Бугском междуречье было найдено по одному разрушенному скифскому погребению.

В 1927 г. у с. Маяки Беляевского р–на Одесской обл. на левобережье Днестровского лимана, очевидно, во время строительных работ, было разрушено погребение IV в. до н. э., в котором находились амфора с английским клеймом, чернолаковая чашка, блюдо, восемь бронзовых наконечников стрел, две бусины и две раковины *Cyprea moneta* (Фабрициус, 1951. С. 14).

В 1936 г. в Белгород–Днестровский музей УССР из частного собрания М. Акулича поступил бронзовый шлем типа Монтефортино, найденный при раскопках на землях между сс. Акембет и Шаболат. Оба села в настоящее время объединены в с. Беленькое, расположенное в Белгород–Днестровском р–не Одесской обл. на правобережье Днестровского лимана (Бруяко, Росохацкий, 1993. Рис. 2). Подобные шлемы происходят из скифских «кладов» Северного Причерноморья, поэтому мы относим данную находку к составляющим именно этого вида памятников.

Спустя два года директор средней школы Коминтерновского р–на Одесской обл. Н. И. Подольский доставил в Одесский археологический музей «остродонную» амфору со «вздутым горлышком», которая была найдена в разрушенном кургане у с. Владиславка¹² на левом берегу р. Тилигул (Синицын, 1950. С. 52).

В 1947 г. в ходе разведок М. С. Синицына и Е. Ф. Лаговойской на р. Большой Куяльник стало известно, что у с. Ширяево Одесской обл. в кургане, разрушенном при строительстве дороги, было обнаружено погребение – костяк с греческой амфорой (Синицын, 1955. С. 51).

¹² В настоящее время часть с. Викторовка Берёзовского р–на Одесской обл.

На правом берегу Днестра в 1953 г. на вершине одного из курганов у с. Новые Раскаецы было найдено бронзовое навершие в виде головы грифона. На его длинной шее был орнамент в виде стилизованных птичьих голов (Нудельман, Рикман, 1956. С. 129, Рис. 2).

В 1954 г. на вершине одного из холмов в долине р. Ишковец, в 1,5 км южнее с. Суручены Котовского р-на¹³ МССР было обнаружено раннескифское погребение, из инвентаря которого сохранились 17 бронзовых наконечников стрел и акинак (Сергеев, 1961. С. 137–138, Рис. 1/1–3, 2).

Третий этап изучения скифских древностей Северо–Западного Причерноморья (1956–1991 гг.) характеризуется тем, что исследование памятников велось научными археологическими методами согласно полевой методике, выработанной за многие годы и применявшейся в СССР (раскопки под снос курганов, тщательная фиксация стратиграфии и всех элементов курганной архитектуры и др.), а также своими масштабами. Большой объём работ послужил объективной причиной того, что публикация материалов значительно отставала от темпов полевых исследований.

Строительство крупных оросительных систем и мелиоративные работы в молдавском Поднестровье и на юге Украины предоставили археологам возможность проводить широкомасштабные и систематические раскопки памятников, которым угрожало уничтожение.

В 1956 г. Прутско–Днестровской археологической экспедицией под руководством Г. Б. Фёдорова у с. Бравичены Оргеевского р-на МССР на правом берегу Среднего Днестра был обнаружен скифский «клад», состоявший из конской упряжи (не менее двух пар железных удил и псалиев, восьми серебряных колец, бронзового налобника) и аксессуаров костюма (бронзовой пряжки латенского типа и двух серебряных ворворок) (Фёдоров, 1960. С. 9, Рис. 1).

¹³ В настоящее время Яловенский район Республики Молдова.

В 1957 г. начинаются стационарные раскопки скифского городища на берегу Карагольского залива Днестровского лимана, у с. Надлиманское Овидиопольского р-на Одесской обл. УССР. Памятник был открыт и первично обследован ещё в 1954 г., а спустя два года на нём было заложено 17 шурфов. На протяжении восьми полевых сезонов (1957, 1959, 1960, 1963, 1965, 1966, 1971 и 1973 гг.) раскопки Надлиманского городища проводились под непосредственным руководством Г. А. Дзис-Райко. В итоге была изучена площадь более 1150 м², на которой удалось зафиксировать оборонительные сооружения, жилые и хозяйственные комплексы. Также была собрана представительная коллекция различных находок. Монографическая публикация всех материалов памятника была осуществлена только спустя 39 лет после завершения его исследований (Дзис-Райко, Охотников, Редина, 2012). При этом в работе после длительных размышлений об «этнических взаимоотношениях и духовной культуре» населения Надлиманского городища, авторами было указано, что оно, «несмотря на керамический комплекс со значительным количеством ярко выраженной лепной керамики варварского облика, было в своей основе греческим» (Дзис-Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 158). Памятник функционировал, судя по амфорным клеймам, на протяжении V – первой половины III в. до н. э. (Иващенко, Синика, 2017).

На территории Запрутской Молдовы в 1958 г. у с. Трушешть уезда Ботошань Румынии на правом берегу Среднего Попрутья, при исследовании трипольского поселения, в холме был обнаружен «клад», из которого сохранились железный наконечник копья, не менее пяти пар железных удиц (в том числе две пары с трензельными кольцами), пять железных псалиев и пять бронзовых круглых блях конской узды со скобами для крепления на ремнях оголовья (Babeş, 1993, S. 115–120, 217, Taf. 42/1–17).

В 1959 г. Скифским отрядом Молдавской экспедиции под руководством А. И. Мелюковой у с. Тудорово Каушанского р-на МССР на правом берегу

Днестра было исследовано скифское погребение, впущенное в курган эпохи бронзы (Мелюкова, 1962а. С. 82, Рис. 25/2).

В 1960–1962 гг. экспедицией Одесского государственного университета под руководством А. Г. Сальникова были проведены исследования поселения Пивденное, расположенного в 1,5 км к северу от одноимённого села Белгород–Днестровского р–на Одесской обл. УССР. Помимо пяти комплексов жилых помещений с очагами, на поселении было обнаружено большое количество гончарного керамического боя (амфоры, чернолаковые, красноглиняные и сероглиняные сосуды), а также лепная керамика фракийского и скифского облика, и три бронзовых трёхлопастных наконечника стрел (Сальников, 1966. С. 202, 206, Рис. 19, 25/7, 27/7,8). Опубликованные амфорные клейма (Сальников, 1966. С. 193–197, Рис. 4–11) позволяют констатировать, что поселение Пивденное функционировало как минимум до конца первой четверти III в. до н. э. (Mateevici, 2007, Cat. № 167, 170, 176, 215, 360, 361).

На левобережье Нижнего Дуная, в окрестностях г. Измаил, в урочище Кавказ, в 1961 г. при проведении земляных работ был разрушен скифский грунтовой могильник. Известно о 12 захоронениях. Из инвентаря сохранились восемь бронзовых наконечников стрел, оселок, железный нож с костяной рукоятью, четыре бронзовых браслета, два бронзовых кольца, четыре стеклянные бусины, три бронзовых консувидных/колоколовидных подвески, бронзовое зеркало, лепные сосуды и четыре греческие амфоры (Чигирин, 1965. С. 25–26, 30, Табл. 7, 9; Андрух, Чернов, 1990. С. 157, Рис. 2/5,6,10–12; Самойлова, Редина, 1997. С. 60, Табл. 1/13–16).

На следующий год Западно–Скифской экспедицией под руководством А. И. Мелюковой были начаты исследования поселения у с. Николаевка Овидиопольского р–на Одесской обл. Раскопки проводились в 1962, 1964 и 1966 гг. В результате была исследована площадь 800 м², где были зафиксированы жилые и хозяйственные сооружения, а также зольник.

Совокупность вещевого инвентаря позволила датировать памятник IV – первой половиной III в. до н. э. (Мелюкова, 1975. С. 8–64).

В 1963 г. шурфовками А. Г. Сальникова начинаются исследования на поселении Затока–I, расположенном в 3 км к северу–северо–западу от одноимённого посёлка в Белгород–Днестровском р–не Одесской обл. Спустя 15 лет, в 1978 г., шурфовки памятника были продолжены С. Б. Охотниковым. В 1989–1990 гг. на поселении были проведены охранные раскопки Моложской экспедицией Одесского археологического музея под руководством А. Е. Малюкевича. В результате на памятнике были выявлены каменные фундаменты двух строений и собран разнообразный вещевой материал (Брюко, Малюкевич, 2009. С. 180).

В 1964 г. при строительных работах в с. Великоплатовское Великомихайловского р–на Одесской обл. на левобережье Нижнего Днестра был обнаружен клад III–II вв. до н. э., состоявший из предметов конского снаряжения (железные удила, псалии и трензельные кольца, два бронзовых и один серебряный налобники, бронзовые перстневидные бляхи и кольцевидные пронизи, серебряный фалар), предметов вооружения (два железных наконечника копий, один железный наконечник дротика, девять железных наконечников стрел), двух серебряных ворворок, серебряной чаши, а также латенского бронзового сосуда. «Клад» был найден в бронзовом котле, обнаруженном в разрушенном кургане (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 148–158, рис. 1, 2; Зайцев, 2012б. С. 148–150, Рис. 6).

В том же году у с. Утконосовка Измаильского р–на Одесской обл. на Нижнем Дунае было разрушено скифское погребение, в составе погребального инвентаря которого входила греческая амфора (Чигирин, 1965. С. 27; Редина, 1989в. С. 27; Паламарчук, Синика, 2014. С. 299).

В 1965 г. у с. Твардица Чадыр–Лунгского р–на МССР были сделаны находки трёх серебряных позолоченных фаларов, а также «ложки» и

«булавки». Два фалара сохранились и спустя четверть века, в 1989 г., были переданы находчиком на определение в Музей археологии и этнографии АН МССР. В 1990 г. на месте находки предметов под руководством В. С. Бейлекчи был заложен раскоп, в котором были обнаружены яма, содержащая керамические сосуды (косская и синопская амфоры, красноглиняная чашка, фрагменты двух лепных горшков), каменная плита и кости животных (Бейлекчи, 1998. С. 5–13, Рис. 2, 3, Фото 1–7; Зайцев, 2012а. С. 57–58, Рис. 2–4).

В первой половине 1960–х гг. на вершине кургана у с. Демидово Берёзовского р–на Одесской обл., на правом берегу р. Тилигул, была найдена скифская антропоморфная стела (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 16–17, Кат. № 5, Ил. 3).

В 1964–1968 гг. Западно–Скифская экспедиция под руководством А. И. Мелюковой исследовала могильник скифского времени у с. Николаевка Овидиопольского р–на Одесской обл. За этот период было изучено три кургана с четырьмя погребениями (Мелюкова, 1975. С. 103–107) и два бескурганного могильника, содержащих 73 погребения: Николаевка I – 5 погребений (Дзис–Райко, 1965. С. 59–68); Николаевка II – 68 погребений (Мелюкова, 1975. С. 65–103). В 1968–1969 гг. А. И. Мелюковой на поле, примыкающем к северной окраине с. Николаевка, было исследовано ещё восемь скифских курганных погребений (Мелюкова, 1984. С. 90–103). Только одно из них (в кургане на поле «На горбах») датируется амфорным материалом первым десятилетием III в. до н. э.

В эти же годы Дунай–Днестровской археологической экспедицией под руководством Н. М. Шмаглия были начаты работы по исследованию ещё двух курганов у с. Николаевка Овидиопольского р–на Одесской обл. В связи с тем, что в курганах были обнаружены боеприпасы времён Великой Отечественной войны, их исследование было отложено, и раскопки производились в 1973 г. под руководством И. Л. Алексеевой. В результате в

кургане 8 у с. Николаевка были обнаружены два погребения скифского времени: одно из них принадлежало воину, а второе являлось сопровождающим конским захоронением (Алексеева, Булатович, 1990. С. 35, 38–39, 47).

В 1966 г. был обнаружен скифский железный меч у г. Котовск¹⁴ Одесской обл. в Днестро–Бугском междуречье (Охотников, 1984. С. 112–113).

В 1968 г. на левобережье Нижнего Днестра в кургане эпохи бронзы у с. Ефимовка Овидиопольского р–на Одесской обл. было исследовано впускное скифское погребение (Шмаглий, Черняков, 1985. С. 103–104).

В этом же году в Одесский археологический музей поступил скифский акинак из с. Гниляково Одесской обл. (Диамант, Черненко, 1971. С. 159–160).

Скифские памятники исследовались и на правом берегу р. Тилигул. Так, в 1968 г. у с. Анастасьевка Николаевского р–на Одесской обл. был изучен небольшой скифский курган с разграбленным погребением тяжеловооружённого воина (Алексеева, 1971. С. 150–152; Шмаглий, Черняков, 1985. С. 103–104).

Во второй половине 1960–х гг. был изучен и ряд скифских памятников Подунавья. Так, в 1965 г. Днестро–Дунайская новостроечная экспедиция во главе с Н. М. Шмаглиём у с. Борисовка Татарбунарского р–на Одесской обл. провела работы на курганном могильнике, находившемся на западном берегу оз. Сасык, на Нижнем Дунае. Были открыты три погребения скифского времени (Шмаглий, Черняков, 1970. С. 66–67). Годом позже эта же экспедиция исследовала курган эпохи бронзы, который содержал наиболее архаичное скифское погребение Северо–Западного Причерноморья – на могильнике № 2 у с. Огородное, расположенном на левом берегу р. Большой

¹⁴ В 2016 г. переименован в г. Подольск

Катлабух, в 1,5 км к юго–востоку от с. Городнее Болградского р–на Одесской обл. (Шмаглий, Черняков, 1970. С. 151–152, 155).

В 1968 г. у с. Жовтневое¹⁵ Болградского р–на Одесской обл. под руководством Л. В. Субботина была изучена группа курганов, один из которых содержал скифское захоронение (Субботин, 1984. С. 145–146, Рис. 1/4,7)

В 1969 г. у с. Червоный Яр Килийского р–на Одесской обл. археологическим отрядом под руководством А. В. Гудковой в курганной группе II, расположенной на левом берегу оз. Китай на Нижнем Дунае, был исследован курган с основным ограбленным погребением и сопровождающим захоронением коня в отдельной яме (Гудкова, 1978. С. 186–193).

В 1969–1972 и 1974 гг. Южнобугской экспедицией ИА АН УССР под руководством Г. Т. Ковпаненко у с. Ковалёвка Николаевского р–на Николаевской обл. Украины на правом берегу р. Южный Буг были исследованы восемь курганных групп. В семи из них было обнаружено 24 скифских погребения и три поминальных комплекса (Ковпаненко, Бунятян, 1978; Ковпаненко и др., 1975. С. 121; Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978. С. 18–19, 26, 46, 55–63, 65–67, 91, 107, 112, 120).

Интенсивные работы по изучению скифских памятников на территории молдавского Поднепровья начались несколько позже, чем на Украине, и ограничивались, как правило, исследованиями насыпей с охранными целями.

В 1969 г. у с. Чобручи Слободзейского р–на МССР на левом берегу Днестра отрядом по изучению бронзового века Молдавии под руководством В. А. Дергачёва было исследовано раннескифское погребение, впущенное в курган эпохи бронзы (Левицкий, Демченко, 1995. С. 42, 44–45, Рис. 2/5–7).

¹⁵ В 2016 г. переименовано в с. Каракурт.

Также в 1969 г. у с. Буторы Григориопольского р-на на левобережье Днестра В. И. Маркевичем было обнаружено скифское каменное изваяние, привлёкшее внимание к Буторскому I курганному могильнику. На следующий год исследованием двух курганов под руководством В. А. Дергачёва начинается его изучение, продолженное в 1972 г. раскопками ещё четырёх скифских курганов Западно-Скифской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством А. И. Мелюковой. В 1973 г. Западно-Скифская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Гальштатской экспедицией сектора археологии Института истории МССР исследовала ещё три скифских кургана. Через пять лет, в 1978 г., раскопками Первобытной новостроечной экспедиции сектора археологии Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР в зоне строительства Григориопольской оросительной системы под руководством Н. А. Кетрару было завершено исследование курганной группы у с. Буторы Григориопольского р-на МССР. В ней было изучено ещё два скифских кургана. Всего в 12 курганах было исследовано 26 скифских погребений (Синика, Разумов, Тельнов, 2013. С. 16–21, 101–128).

В 1970-х гг. нарастают темпы археологических работ в Подунавье. В 1970 г. на могильнике, расположенном в 4 км к северо-востоку от с. Каменка Измаильского р-на Одесской обл., Днестро-Дунайской экспедицией ИА АН УССР и Одесского археологического музея во главе с Н. М. Шмаглиём было исследовано два скифских кургана (Шмаглий, Черняков, Алексеева, 1971. С. 23–24, 26). На следующий год эта же экспедиция изучила скифский курган с одним погребением у с. Новокаменка (Шмаглий, Черняков, Алексеева, 1972. С. 13–15).

В 1971 г. на территории Чадыр-Лунгского р-на МССР Днестровская археологическая экспедиция Института истории АН МССР, возглавляемая Г. Ф. Чеботаренко, произвела раскопки курганной группы у с. Балабаны неподалёку от р. Ялпуг на Нижнем Дунае. В состав группы входил курган,

содержавший два скифских погребения (Чеботаренко, Яровой Тельнов, 1989. С. 29–37). В это же время у с. Гэвань жудеца Брэила Румынии (восточная Мунтения) при строительстве ирригационного канала был разрушен курган. В нём был найден «клад», из состава которого сохранились предметы вооружения (псевдоаттический шлем, вток копья, наконечник стрелы), конского снаряжения (пять серебряных блях конской узды, шесть пар удила и 14 псалиев), украшения (кольцо, три стеклянные бусины, подвеска), предметы культа (три клыка кабана), ворворка и три обивки деревянной чаши (Sîrbu, Harțuche, 2000; Зайцев, 2007; Симоненко, 2009. С. 137, Рис. 109/4).

В 1972 г. Днестро–Дунайской новостроечной экспедицией (начальник И. Л. Алексеева) ИА АН УССР и Одесского археологического музея у с. Виноградовка Арцизского р–на Одесской обл. был изучен скифский курган с единственным ограбленным погребением (Алексеева, Черняков, Шмаглий, 1973. С. 4–5). Также в 1972 г. во время исследования курганного могильника, расположенного на правом берегу р. Чага (притока р. Когильник) у г. Арциз Одесской обл., в Дунай–Днестровском междуречье, был раскопан курган, в насыпи которого были обнаружены два впускных скифских погребения. Одно из них принадлежало богатому воину (в составе погребального инвентаря этого погребения обнаружена единственная в Днестро–Дунайских степях большая золотая ворворка), а второе являлось сопровождающим конским захоронением (Алексеева и др., 1997. С. 49–51, 53, 55). В это же время на некрополе Никония у с. Роксоланы Овидиопольского р–на Одесской обл. на левобережье Днестровского лимана под руководством А. Г. Загинайло было исследовано скифское погребение в катакомбе (Брюяко, Загинайло, Колесниченко, 2016. С. 282–287, 305).

В 1973 г. на левобережье Днестровского лимана исследовался могильник у пгт. Каролино–Бугаз Овидиопольского р–на Одесской обл., где было

обнаружено одно скифское погребение в катакомбе (Загинайло, Черняков, Петренко, 1987. С. 103).

Дунай–Днестровской экспедицией Одесского археологического музея АН УССР под руководством И. Л. Алексеевой в 1974 г. было исследовано скифское погребение в кургане эпохи бронзы, находившемся у с. Шевченково Килийского р–на Одесской обл. на Нижнем Дунае (Алексеева, 1975. С. 14).

На правом берегу Днестровского лимана у г. Белгород–Днестровский в 1974 г. под руководством Л. В. Субботина было исследовано впускное в курган эпохи бронзы скифское погребение III–II вв. до н. э. (Субботин, 1975а. С. 3; 1975б. С. 356).

На левом берегу Среднего Прута в 1975 г. у с. Старые Куконешты Прутской экспедицией под руководством В. А. Дергачёва было обнаружено раннескифское погребение в катакомбе. В захоронении были обнаружены набор бронзовых наконечников стрел, костяная колчанная застёжка и ещё две грибовидные застёжки (Дергачёв, 1979).

В 1975–1976 гг. было изучено два погребения у с. Маяки (Субботин, Охотников, 1981. С. 106; Носова, 2011. С. 161, Рис. 3/3) и два – у с. Надлиманское (Субботин, Охотников, 1981. С. 106) на левом берегу Нижнего Днестра. В это же время на правом берегу Днестра, между сс. Семёновка и Староказачье, Семёновской новостроечной археологической экспедицией во главе с Л. В. Субботиным исследовались курганы, содержавшие 20 скифских комплексов. 18 из них были погребениями V–IV вв. до н. э. Ещё два комплекса были изучены под насыпью последней трети III в. до н. э.: центральный комплекс – кенотаф (с которым связаны находки предметов конского снаряжения, вооружения, стеклянного кубка и керамических сосудов) и сопровождающее захоронение зависимого лица в подбое. Кроме того, были изучены пять поминальных площадок (пункты II–VI),

содержавших амфорный бой IV–II вв. до н. э. (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 108, 140–159).

Нижне–Днестровской новостроечной экспедицией ИА АН УССР под руководством И. Л. Алексеевой в 1976 г. на восточном берегу р. Киргиж–Китай, к северу от с. Островное Арцизского р–на Одесской обл. (Нижнее Подунавье), был исследован один скифский курган с двумя погребениями (Алексеева, 1977. С. 45–47).

В 1976 г. на левобережье р. Тилигул у с. Новопетровка Николаевского р–на Одесской обл. был обнаружен конский наносник/нахрапник, выполненный в скифском зверином стиле (Островецких, Тоцев, 1985. С. 75–76, Рис. 1). В это же время в верховьях Березанского лимана у с. Нечаянное Николаевского р–на Николаевской обл. УССР Ингульской экспедицией ИА АН УССР под руководством О. Г. Шапошниковой был изучен курган эпохи бронзы, содержащий два впускных скифских погребения (Шапошникова и др., 1977. С. 228–230, 232–233, Табл. CX–CXIV). Кроме того, в 1976 г. в ходе работ Ингульской экспедиции были исследованы три скифских кургана с четырьмя скифскими захоронениями у с. Каменная Балка Первомайского р–на Николаевской обл., между р. Южный Буг и её притоком р. Кодыма (Шапошникова и др., 1977. С. 89–96, Табл. XXIV–XXVI).

В 1977 г. у с. Траповка Татарбунарского р–на Одесской обл. Дунай–Днестровской археологической экспедицией был исследован скифский курган, находившийся на плато в 1,7 км к востоку от современной оконечности придунайского оз. Сасык. Помимо этого, в заполнении средневекового погребения другого кургана был обнаружен скифский наконечник стрелы (Субботин и др., 1992. С. 14; Субботин, Островецких, Дзиговский, 1995. С. 54). В это же время Измаильской новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР под руководством А. В. Гудковой в кургане эпохи бронзы у с. Холмское Арцизского р–на Одесской обл. был обнаружен поминальный комплекс скифского времени. В насыпи

кургана была найдена родосская амфора (Гудкова, Черняков, 1978. С. 28, Табл. XLVIII; Черняков, Станко, Гудкова, 1986. С. 61, рис. 2а¹⁶; Самойлова, Редина, 1997. С. 62, Табл. II/38) с клеймами на обеих ручках (Mateevici, 2007, cat. 298, 299; Полин, 2014. С. 634; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 988–989).

В 1978 г. у с. Каменка Очаковского р–на Николаевской обл. Ингульской экспедицией АН УССР под руководством О. Г. Шапошниковой в верховьях Березанского лимана было исследовано шесть скифских насыпей, содержащих 12 скифских погребений. Также было изучено ещё одно захоронение, впущенное в курган, сооружённый в раннем бронзовом веке (Шапошникова и др. 1979. С. 48, 58–59, 75–96, 104, Табл. XXX/2,3,8–12, XLV/1–5, XLVI–LVII, LVIII/1,4). В это же время на правом берегу Среднего Днестра у с. Косоуцы Сорокского р–на МССР под руководством В. А. Дергачёва были проведены спасательные раскопки кургана, под насыпью которого была исследована единственная в своём роде грунтово–деревянная гробница (Манзура, 1982).

Измаильская новостроечная экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А. В. Гудковой в 1978 г. в кургане эпохи бронзы, находившемся на плато, в 4 км к северу от с. Богатое Измаильского р–на Одесской обл., выявила впускное скифское погребение (Алексеева, Тощев, 2009. С. 48–49).

На следующий год Измаильская новостроечная экспедиция исследовала курган с единственным скифским погребением, находившийся в 3,5 км к северо–западу от с. Струмок Татарбунарского р–на Одесской обл. Украины (Гудкова и др., 1980. С. 17–18), и один курган, также с одним погребением, на левом берегу балки, входящей в систему р. Еники, на юго–западной

¹⁶ В данной работе комплекс только упоминается как скифское погребение № 20, но при этом не описывается.

окраине станции Дзинилор Килийского р–на Одесской обл. (Гудкова и др., 1980. С. 40–41). Также в 1979 г. начинаются исследования курганов у с. Плавни. На протяжении 1979, 1981 и 1982 гг. было изучено пять скифских захоронений и два поминальных комплекса (Андрух, Добролюбский, Тощев, 1985. С. 18–19, 59, 61, 65–71).

В 1970–х гг. при проведении строительных работ на территории механического завода в г. Дубоссары было разрушено скифское погребение, от которого сохранилась только хиосская амфора. В 2012 г. она была приобретена Национальным музеем истории Молдовы (Mateevici, 2013, P. 293–295).

В молдавском Поднестровье начало масштабных исследований связано с 1978 г., когда в Суворовском, Дубоссарском и Григориопольском р–нах развернули работы крупные новостроечные экспедиции.

В 1978 г. в связи со строительством первой очереди Суворовской оросительной системы у с. Новые Раскаецы начала работать Суворовская новостроечная экспедиция во главе с Е. В. Яровым. У с. Новые Раскаецы на правом берегу Днестра были исследованы три скифских погребения, впущенные в курганы эпохи бронзы (Яровой, 1990. С. 7, 16–19, 36–37). Годом позже эта же экспедиция изучала курганный группу из пяти насыпей у с. Пуркары. В ходе раскопок были исследованы четыре скифских погребения: два впускных в курган эпохи бронзы, одно основное для второй насыпи и ещё одно, впущенное в эту насыпь (Яровой, 1990. С. 7, 41, 47–53, 116–118). Кроме того, возле кургана Новые Раскаецы 1 был найден литой бронзовый котёл. Как выяснилось, именно с этой насыпью связана находка бронзового навершия, сделанная в 1953 г. (Яровой, 1990. С. 1990; Toral, 2020. P. 123–124, Fig. 6/1, 8/4–9).

У с. Красное Григориопольского р–на МССР на левобережье Днестра в 1979 г. экспедицией под руководством Н. А. Кетрару было исследовано три

кургана, содержащих пять скифских погребений (Серова, Яровой, 1987. С. 21–30, 40–42, 85–87).

В течение 1980–1983 и 1985–1987 гг. Дубоссарская новостроечная экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР во главе с Н. А. Кетрару проводила масштабные исследования в зоне строительства Северо–Дубоссарской оросительной системы на левом берегу Днестра. В 18 исследованных курганах было обнаружено 26 скифских погребений – два у г. Дубоссары, два – у с. Погребя, четыре – у с. Дубово, семь – у с. Дзержинское, 11 – у с. Красный Виноградарь (Кетрару и др., 2014. С. 41–132). Попутно в 1982 г. эта экспедиция раскопала скифский курган с разграбленным погребением у с. Глиное Григориопольского р-на на левобережье Днестра (Mateevici, 1998, P. 73, 75–77), а в 1985 г. – два скифских погребения у с. Голерканы Дубоссарского р-на МССР на правобережье (Кетрару и др., 2014, С. 133–134).

В 1980 г. параллельно с Дубоссарской, но на правом берегу Днестра, у с. Коржево Криулянского р-на, вела работу Днестровская новостроечная экспедиция. В раскопанной ею курганный группе были исследованы четыре скифских погребения (Борзияк, Манзура, Левицкий, 1983. С. 3–5, 16, 17, 23–27). Капланским отрядом Суворовской новостроечной экспедиции под руководством С. М. Агульникова был раскопан курган эпохи бронзы у с. Капланы Суворовского р-на¹⁷ Молдавской ССР. Скифских захоронений в нём выявлено не было, однако в заполнении основного для насыпи ограбленного погребения ямной культурно–исторической общности были найдены бронзовый трёхгранный наконечник стрелы и фрагменты красноглиняных амфор (Агульников, 1984. С. 92, Рис. 2/6).

При строительных работах в г. Тирасполь в 1980 г. было разрушено скифское погребение III в. до н. э. – с амфорой, бронзовым браслетом и

¹⁷ В настоящее время Штефан–Водский район Республики Молдова.

бронзовой бляхой конской узды (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 210–211, Рис. 1/1–4). В это же время на правом берегу Среднего Днестра у г. Страшены в разрушенном кургане был обнаружен инвентарь раннескифского погребения – наконечники стрел и бронзовое зеркало (Левицкий, Демченко, 1995. С. 48–49, Рис. 2/1–4).

В 1982 г. разрушенное скифское погребение было исследовано у с. Маяки Беляевского р-на Одесской обл. на левобережье Нижнего Днестра (Черняков и др., 1983. С. 51–52).

В 1983 г. Черняховско–Сарматская экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР во главе с В. И. Гросу исследовала на юго-восточной окраине Тирасполя на левобережье Нижнего Днестра курганный группу из четырёх насыпей, в трёх из которых были найдены четыре скифских погребения (Хахеу, 1990. С. 121, 124, 126–128, 130–131). В том же 1983 г. Буджакской экспедицией под руководством Н. П. Тельнова у с. Хаджимус Каушанского р-на МССР на правом берегу Днестра была исследована группа из трёх курганов. Два из них оказались скифскими и содержали три погребения (Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989. С. 154–156, 169–173).

Отдельный курганный отряд Буджакской новостроечной экспедиции во главе с И. В. Гросу в 1983 г. приступил к изучению курганов у пгт. Тараклия. Эти раскопки были завершены под руководством Е. Н. Саввы на следующий год. Их итогом стало открытие одного скифского кургана и двух скифских погребений в курганах эпохи бронзы (Гросу, Агульников, Хахеу, 1984а. С. 29; Савва, Агульников, Манзура, 1985. С. 29–30, 68–69). Кроме того, в насыпи кургана 12, сооружённого в бронзовом веке и содержавшего впускное скифское погребение, был найден бронзовый конский налобник

(Симоненко, 2009. С. 187, Рис. 159/2)¹⁸. Одновременно с изучением курганов у пгт. Тараклия в 1984 г. в Буджакской степи провёл раскопки О. Г. Левицкий. У с. Томай Чадыр–Лунгского р–на МССР был исследован курган эпохи бронзы, среди погребений которого было и одно скифское (Левицкий, 1988. С. 39, 43).

Из археологических работ, осуществлённых в 1984 г. в Днестро–Бугском междуречье, отметим спасательные раскопки кургана эпохи бронзы в устье Анжалыкского лимана у с. Старые Беляры Коминтерновского р–на Одесской обл. В кургане были исследованы два впускных скифских погребения. Раскопки были проведены новостроечной экспедицией «Южная–1984» под руководством А. Г. Загинайло (Петренко, 1991. С. 78–89, Рис. 24/1,4,5, 25/1).

На правом берегу Нижнего Днестра в 1984 г. у с. Старые Дубоссары Криулянского р–на Днестровской новостроечной экспедицией Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР во главе с И. А. Борзияком было изучено скифское погребение, впущенное в курган эпохи бронзы (Борзияк, Левицкий, 1989, 117. С. 125–126, Рис. 6/3).

В 1985 г. Каушанской новостроечной экспедицией под руководством О. Г. Левицкого у с. Опач Каушанского р–на МССР была исследована сожжённая скифская гробница последней трети VI в. до н. э. (Кетрару и др., 2014. С. 180–181, Рис. 142).

В этом же году Буго–Днестровской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством И. Т. Чернякова на левобережье Днестровского лимана был исследован курган с одним скифским погребением у с. Грибовка Овидиопольского р–на Одесской (Черняков, Дзиговский, Островерхов, 1986. С. 6, Рис. 5/2,4). Также в 1985 г. в Буджакской степи в 3,5 км к юго–западу от с. Казаклия Чадыр–Лунгского р–на МССР, на водоразделе рр. Ялпуг и

¹⁸ Благодарю С. М. Агульникова (г. Кишинёв, Республика Молдова) за предоставленную информацию о месте и обстоятельствах данной находки.

Лунгуца, был исследован курган, сооружённый над основным скифским захоронением (Агульников, Малюкевич, 2013. С. 186–188, Рис. 1/1–4). Кроме того, при исследовании кургана белозёрской культуры, было изучено впускное скифское погребение (Agulnikov, 1996, P. 40–41, Fig. 17/4,7,9).

В 1986 г. у с. Терновка Слободзейского р-на МССР Парканской новостроечной экспедицией во главе с О. В. Лариной была изучена курганная группа из пяти насыпей; в трёх из них были обнаружены четыре скифских погребения (Манзура, Ларина, Савва, 1992. С. 172, 174, 177–178, 180–183). Спустя три года Слободзейской новостроечной экспедицией под руководством Е. Н. Саввы у с. Терновка было изучено ещё одно скифское погребение (Савва, Клочко, 2002. С. 153–154).

В 1987 г. при проведении плантажной вспашки поля между сс. Красногорка и Бычок Григориопольского р-на МССР на левом берегу Днестра была обнаружена скифская антропоморфная стела (Четвериков, 1997. С. 12–14). В этом же году в днестровском правобережье Пугаченской экспедицией во главе с В. А. Дергачёвым в насыпи кургана эпохи бронзы у с. Мерены Новоаненского р-на МССР были открыты два скифских погребения (Дергачёв, Сава, 2003. С. 529–538).

80–е гг. XX в. знаменуются наиболее массовыми раскопками в Подунавье. В 1980 г. во время археологических работ в окрестностях с. Белолесье Татарбунарского р-на Днестро–Дунайской новостроечной экспедицией во главе с Л. В. Субботиным был исследован курган эпохи бронзы с одним скифским впускным погребением (Субботин, Дзиговский, Островерхов, 1998. С. 61, Рис. 21/4–6); также были исследованы два кургана, содержащих пять захоронений, в 1 км к северу от с. Кочковатое Татарбунарского р-на Одесской обл. (Ванчугов, Субботин, Дзиговский, 1992. С. 39–40, 48, 50–51, 53–54, 79; Андрух, Чернов, 1990. С. 158, 160–161). В этом же году Измаильская археологическая экспедиция под руководством А. В. Гудковой начинает раскопки курганов у с. Нагорное Ренийского р-на Одесской обл. В

1980 и 1982 гг. были изучены четыре скифских захоронения (Гудкова и др., 1981. С. 60–61, Табл. LXXI/1,2; Андрух, Суничук, 1987; Тощев, 1992. С. 5, Рис. 2/2).

В 1981 г. продолжает работу Измаильская новостроечная экспедиция ИА АН УССР. Были исследованы три скифских погребения в курганах, расположенных в 1,5 км к западу от с. Помазаны Килийского р–на Одесской обл., в Нижнем Подунавье (Тощев, Редина, 1991. С. 98–101, 104). Этой же экспедицией был раскопан курган с двумя скифскими захоронениями, находившийся у станции Фрикацей Ренийского р–на Одесской обл. (Тощев, Сапожников, 1990. С. 25–26), а также могильники, располагавшиеся на водоразделе между озёрами Кагул и Ялпуг, между сс. Нагорное и Плавни Ренийского р–на Одесской обл. Украины: Чауш – с 19 скифскими погребениями и двумя поминальными комплексами (Гудкова и др., 1982. С. 64–65, 67–77, 80–81; Суничук, 1985. С. 38–45; Mateevici, 2007, P. 101–102, Cat. № 300); Плавни–I – с 35 скифскими захоронениями (Суничук, Фокеев, 1984).

Кроме того, в 1981 г. у с. Камышовка Измаильского р–на Одесской обл. при строительстве оросительной системы было разрушено скифское захоронение, содержащее три греческие амфоры – хиосскую, синопскую и неустановленного центра (Паламарчук, Синика, 2014. С. 298).

На правом берегу Среднего Днестра в 1981 г. Северо–Молдавской археологической экспедицией под руководством В. А. Дергачёва у с. Окланда и Кременчуг Сорокского р–на МССР было открыто по одному скифскому погребению (Дергачёв, 1982. С. 3–6).

В 1982 г. во время охранных раскопок в зоне строительства Дунай–Днестровской оросительной системы по одному скифскому кургану было исследовано у сс. Заря (два погребения) и Михайловка (одно захоронение) Саратовского р–на Одесской обл. (Черняков и др., 1983. С. 3–7, 24–25).

Измаильской новостроечной экспедицией (начальник А. В. Гудкова) в 1982 г. был изучен скифский курган с одним погребением у с. Каланчак Измаильского р–на Одесской обл. (Гудкова, Тощев, Фокеев, 1983. С. 47–48).

В 1983 г. Дунай–Днестровская экспедиция под руководством Л. В. Субботина раскопками в двух смежных курганах могильника Градешка, в 2 км к северу от озера–эпонима, выявила по одному скифскому впускному погребению (Субботин и др., 1992. С. 3–4). В то же время Измаильская новостроечная экспедиция под руководством А. В. Гудковой начинает исследования могильника Курчи, располагавшегося на водоразделе озёр Ялпуг и Кагул, у с. Виноградовка Болградского р–на Одесской обл. В 1983–1984 гг. на этом памятнике были изучены 15 скифских захоронений и четыре поминальных комплекса (тризны) скифского времени (Гудкова и др., 1984. С. 10–12, 16, 18; Гудкова и др., 1985. С. 4–6, 18–24, 26–31; Андрух, Чернов, 1990. С. 151–157; Тощев, 1992. С. 25, Рис. 8/8–12).

В 1984 г. на могильнике Мреснота Могила, находившемся на правом (западном) берегу оз. Ялпуг, на водоразделе между озером и балкой, впадающей в него с западной стороны, между сс. Виноградовка и Владычень Болградского р–на Одесской обл., было исследовано 34 погребения (Гудкова и др., 1985. С. 73–105). Одновременно с этими работами Орловским курганным отрядом Буджакской экспедиции под непосредственным руководством Е. Ф. Рединой (Открытый Лист выдан на имя А. В. Гудковой) исследуется крупнейший скифский могильник Подунавья – Кугурлуй. Могильник находился на второй надпойменной террасе Дуная, между озёрами Ялпуг и Кагул, и содержал 45 скифских погребений (30 скифских курганов с 43 погребениями, и два захоронения в курганах эпохи бронзы) (Гудкова, Суничук, 1985. С. 25–26, 28–69). Орловскому отряду Измаильской новостроечной экспедиции удалось в 1984 г. раскопать ещё два могильника поменьше. Один из них, располагавшийся в 1,5 км к западу от могильника Кугурлуй, получил название Дервент. В его 16 скифских курганах было

выявлено 21 погребение (Гудкова, Суничук, 1985. С. 1–2, 5–23). Кроме того, на могильнике Дервент были зафиксированы две тризны, о которых известно по публикации двух амфорных клейм (Самойлова, Редина, 1997. С. 60, Табл. 1/23,24; Mateevici, 2007, P. 79, Cat. 131, 132). Другой могильник – Градешка – находился на той же линии, что и Кугурлуй, и Дервент, но ещё в 1 км западнее. Его исследования, ставшие продолжением работ под руководством Л. В. Субботина 1983 г., позволили выявить 19 скифских погребений в 16 курганах (Гудкова, Суничук, 1985. С. 71–77, 82–98, 101). Кроме того, в 1984 г. Дунай–Днестровской новостроечной экспедицией ИА АН УССР под руководством Л. В. Субботина у с. Лиман Татарбунарского р–на Одесской обл., на правом берегу р. Хаджидер, было исследовано одно ограбленное скифское захоронение (Субботин, Тощев, 2002. С. 62–63–, Рис. 15/1).

В 1985 г. на западной окраине с. Дивизия Татарбунарского р–на, на правом берегу р. Хаджидер, в семи курганах были обнаружены 13 скифских погребений. На следующий год было продолжено изучение курганных памятников у с. Дивизия. При изучении могильника Дивизия–II, который находился в 7–8 км к востоку от южной окраины села, на водоразделе р. Хаджидер и Алкалия, в одном из курганов были обнаружены два скифских захоронения. Также в 1985 г. во время раскопок курганного могильника, располагавшегося в 3–5 км к востоку от с. Васильевка Болградского р–на Одесской обл., вдоль правого берега балки Банновская, западного притока р. Большой Катлабух, было открыто пять скифских погребений (Субботин и др., 1992. С. 11–21; Субботин, Сапожников, Субботин, 2003. С. 576–577). Эти работы проводились Дунай–Днестровской экспедицией под руководством Л. В. Субботина.

В 1986 г. на могильнике Кубей, расположенном в 3 км к югу от с. Червоноармейское¹⁹ Болградского р–на Одесской обл., в 1,5 км к востоку от с. Карасулак, было выявлено четыре скифских погребения (Субботин и др.,

¹⁹ В 2016 г. переименовано в с. Кубей

1992. С. 9–11). К востоку от южной окраины с. Табаки Болградского р–на Одесской обл., в 2,5 км к западу от р. Карасулак, исследовался курганный могильник, в четырёх насыпях которого были обнаружены семь скифских погребений (Субботин и др., 1992. С. 6–9). Исследования на придунайских могильниках Кубей и Табаки также проводились Дунай–Днестровской экспедицией под руководством Л. В. Субботина. В самом г. Болград в 1986 г. был частично раскопан скифский курган. В доступной к исследованию части насыпи был выявлен скифский ров, содержащий гераклейскую амфору и кости животных (Субботин, 1992. С. 67–68, Рис. 1/1,3). Кроме того, в 1986 г. были проведены охранные раскопки кургана у пгт. Березино Тарутинского р–на Одесской обл. в Буджакской степи. В ходе исследований в нём было выявлено одно скифское захоронение (Редина, 1989в. С. 26). Также в 1986 г. новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Ю. А. Шилова в ходе работ по трассе строящегося газопровода возле большого кургана Чауш между сс. Нагорное и Плавни Ренийского р–на Одесской обл. были исследованы три насыпи, две из которых (№ 2 и № 3)²⁰ оказались скифскими поминальными комплексами (Шилов, Островерхов, Кожокару, 1987. С. 36–37, Рис. 22, 28).

В 1987 г. экспедицией под руководством Ю. А. Шилова были исследованы два крупных кургана – Чауш и Цыганка. Оба они были возведены в эпоху бронзы. При этом в курган Цыганка, располагавшийся в 3 км юго–западнее с. Плавни Ренийского р–на Одесской обл., была впущена скифская гробница (Ольховский, Шилов, 1995). Возле этой насыпи были найдены два гераклейских клейма из тризны, совершённой во время сооружения гробницы (Самойлова, Редина, 1997. С. 60, Табл. I/17,18; Mateevici, 2007, P. 73, Cat. 96, 97). На этом же могильнике были найдены ещё две отдельные

²⁰ Раскопки проводились на могильнике Чауш, исследования которого в 1981 г. были начаты Измаильской новостроечной экспедицией под руководством А. В. Гудковой. Тем не менее, как ни странно, нумерация курганов была начата заново, а не продолжила существовавшую.

тризны с амфорным материалом: 1) рубежа IV–III вв. до н. э. – два гераклейских клейма; 2) начала третьей четверти II в. до н. э. – два родосских клейма (Самойлова, Редина, 1997. С. 60, Табл. I/19–22; Mateevici, 2007, P. 73, Cat. 148, 178; Полин, 2014. С. 633; Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 988).

Раскопками двух курганов, в каждом из которых было исследовано по одному основному скифскому погребению, Дунай–Днестровской экспедицией под руководством Л. В. Субботина в 1987 г. было начато исследование курганного могильника Алкалия. Памятник располагался к западу от с. Широкое Белгород–Днестровского р–на Одесской обл. на правом берегу р. Алкалия. На следующий год было исследовано ещё одно, впущенное в курган эпохи бронзы, скифское захоронение (Субботин и др., 1992. С. 23–25).

В 1988 г. у с. Ярославка Саратовского р–на Одесской обл. при исследовании курганного могильника на правом берегу безымянного притока р. Хаджидер Дунай–Днестровской экспедицией под руководством Л. В. Субботина был раскопан курганный могильник Хаджидер I. Могильник состоял из восьми курганов, в двух из которых было выявлено три скифских погребения (Субботин и др., 1992. С. 21–23). В это же время Прутской новостроечной экспедицией под руководством Е. В. Ярового в кургане 16 у с. Старые Бедражи Единецкого р–на МССР на левобережье Прута были обнаружены скифский «клад», состоявший из бронзовой ситулы, серебряного конского налобника, серебряного фалара с рельефным геометрическим орнаментом, шести круглых серебряных блях с петлями на обороте, бронзовой треугольной бляхи, трёх пар железных удил и псалиев, а также следы тризны в виде самосской (?) амфоры со следами ремонта (Яровой, Чирков, 1989. С. 18, 20–22, Рис. 11, 14/1,2; Зайцев, 2012а, 56–57, Рис. 2).

В 1989 г. у края плато, возвышающегося напротив г. Болград над северо–западным берегом оз. Ялпуг, при строительных работах было выявлено

каменное изваяние скифского воина, датированное авторами публикации концом VI – началом V в. до н. э. (Субботин и др., 1992. С. 4–5). В этом же году в с. Камышовка Измаильского р-на Одесской обл. было разрушено скифское погребение, содержащее гераклейскую и синопскую амфоры (Паламарчук, Синика, 2014. С. 296–298).

Экспедицией Одесского областного правления общества охраны памятников истории и культуры под руководством М. М. Фокеева в 1989 г. на плато правого берега оз. Ялпуг, в 3 км к северо-западу от одноимённого села Болградского р-на Одесской обл., был исследован могильник Владычень-I, десять курганов которого содержали 13 скифских погребений (Фокеев, 1990. С. 2–3, 5–8, 15–22). На следующий год эта же экспедиция исследовала в Ренийском р-не Одесской обл. Украины три могильника: Котловина (пять скифских погребений), находившийся на правой стороне балки, впадающей в оз. Ялпуг, в 5 км к западу от с. Котловина (Фокеев, 1991. С. 5–7); Котловина-I (шесть скифских погребений), находившийся на правой стороне балки напротив могильника Котловина-I (Фокеев, 1991. С. 10–11); Плавни-II (одно скифское погребение), располагавшийся по краю плато правого берега балки, впадающей в оз. Ялпуг, в 3 км к северо-западу от с. Плавни (Фокеев, 1991. С. 14–19).

На конец 1980-х гг. приходится очередной пик исследований курганных памятников на территории Нижнего Поднестровья.

За два полевых сезона 1987–1988 гг. Слободзейской новостроечной экспедицией во главе с С. М. Агульниковым на водоразделе Днестр–Кучурган у с. Никольское было исследовано 17 скифских погребений (Агульников, Бубулич, 2000; Агульников, Савва, 2004. С. 11–12, 19–32, 34–36, 38–44, 48, 96–101, 124–131). Этой же экспедицией на следующий год, но уже во главе с Е. Н. Саввой, в курганной группе у с. Уютное, в непосредственной близости от с. Никольское, было исследовано одно скифское захоронение (Агульников, Сава, 2004. С. 153–155).

В 1989 г. археологическая экспедиция АН Республики Молдова под руководством С. М. Агульникова начала изучение Суворовского курганного могильника у с. Талмазы и пгт. Суворово на правом берегу Нижнего Днестра. В 1989–1990 гг. у с. Талмазы было исследовано три скифских погребения, а в 1990 г. у пгт. Суворово – четыре скифских захоронения (Агульников, 1990. С. 33–35, 53–54; Синика, 2007в). На этом же курганном массиве, недалеко от с. Чобручи, был изучен ещё один скифский курган с единственным ограбленным погребением (Агульников, Субботин, 1997. С. 182–186).

В 1990 г. Дунай–Днестровской археологической экспедицией Института археологии НАНУ изучалась скифская курганная группа на водоразделе рек Кодыма и Южный Буг у с. Неделково Савранского р-на Одесской обл. Украины. Группа состояла из трёх курганов, сооружённых в скифское время и содержащих пять погребений (Редина, 1999б. С. 75, 77, 80). В то же время на могильнике Зальц, расположенном у с. Лиманское Раздельнянского р-на Одесской обл., экспедицией Одесского охранного археологического центра Украинского общества охраны памятников истории и культуры под руководством С. В. Ивановой был исследован скифский курган с одним погребением (Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005. С. 18, Рис. 6/4,5). В 1991 г. этой же экспедицией было изучено два скифских комплекса на могильнике Катаржино у с. Червонознаменка²¹ Ивановского р-на Одесской обл., на правом берегу р. Малый Куяльник: одно погребение и одно культовое сооружение (Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005. С. 44–45, Рис. 29/5–7).

В 1990–1991 гг. Кагульской новостроечной экспедицией АН РМ во главе с С. М. Агульниковым, а в 1992 г. под руководством С. И. Курчатова, были проведены раскопки в зоне строительства ирригационных сооружений на участке водораздельного плато между реками Прут и Кагул у сс. Манта, Гаваноса и Крихана–Веке Кагульского р-на МССР. В 1990 г. у с. Манта

²¹ В 2016 г. переименовано в с. Знаменка.

были исследованы четыре скифских погребения (Агульников, 1993; Agulnikov, 1997, P. 253–254). На следующий год у с. Гаваноса было обнаружено одно впускное скифское погребение (Агульников, 1992. С. 23). В 1992 г. у с. Крихана Веке раскопкам подверглись три скифских кургана, содержавшие шесть погребений (Agulnikov, 1997, P. 255–257).

Помимо Кагульской, в молдавском Попрутье работала и Прутская новостроечная экспедиция. В 1991 г. она приступила к исследованию самого большого в Молдавии скифского кургана у с. Дойна Кагульского р-на. К сожалению, в силу экономической ситуации, сложившейся в Молдавии к началу 1990-х гг., данный курган остался недоисследованным. В кургане было выявлено сопровождающее погребение зависимого лица, а также были обнаружены находки из основного погребения в грабительском лазе (Бубулич, 1992. С. 25–33).

Подытоживая результаты изучения скифских древностей Северо-Западного Причерноморья на третьем этапе (1956–1991 гг.), отметим, что масштабы исследований скифских комплексов в указанный период не имеют себе равных за всю историю. Первые девять лет осуществлялись инициативные научные раскопки, а позже, с 1965 г. начинают свою работу первая крупная новостроечная (Дуная–Днестровская) экспедиция. За 37 лет были обнаружены и исследованы 670 скифских комплексов: четыре поселения (Надлиманское городище, поселения Затока–I, у сс. Николаевка и Пивденное); 625 погребений; 25 поминальных комплексов (Дервент – тризны I и II; Катаржино, к. 5; Ковалёвка–II, к. 2, Ковалёвка–VIII, к. 7 и к. 8; Курчи, к. 19 и к. 28 (тризна I); Курчи – тризны II и III; Плавни, к. 7 и к. 29; Семёновка, пункты II–VI; Холмское, к. 1; Цыганка – тризна между курганами 1 и 2; Цыганка, к. 3 – тризны I и II; Чауш, объекты 1 и 2; Чауш, курганы 2 и 3); семь «кладов» (Бравичены, Великоплатское, Гэвани, Старые Бедражы, Тараклия, Твардица, Трушешть); девять внекомплексных находок (акинак из Гниляково, антропоморфные изваяния из Виноградовки, Демидово и

Красногорки, меч из Котовска и наносник/нахрапник из Новопетровки, котёл из Новых Раскаец, скифские наконечники стрел из инокультурных погребений Капланы 1/6 и Траповка 7/1).

Четвёртый этап изучения скифских памятников Северо–Западного Причерноморья (с 1992 г. по настоящее время) характеризуется сокращением объёмов археологических работ и, в этой связи, акцентированием внимания на отдельных памятниках.

В 1993 г. у с. Весёлая Долина Тарутинского р–на Одесской обл. был обнаружен «клад», состоявший из бронзовой ситутлы, предметов вооружения (бронзового шлема типа Монтефортино, железных наконечника копья и втока), конского снаряжения (серебряной и шести бронзовых круглых блях конской узды, железных удил и железных псалиев с железными трензельными кольцами, одного бронзового псалия, железного налобника), двух бронзовых бусин, бронзовой ворворки, железной пластины, плакированной золотой фольгой (поясная пластина?), бронзовой пластинки с отверстиями (концевая накладка на ремень?) и железного ножа (Редина, Симоненко, 2002).

С 1993 г. по 1996 г. на левобережье Нижнего Днестра Чобручской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко под руководством Т. А. Щербаковой было начато исследование многослойного поселения у с. Чобручи. Изучение этого памятника было продолжено Днестровской археологической экспедиции в 2001, 2002, 2004–2006, 2010, 2012–2014 гг. За всё время на памятнике была исследована площадь 1197 м², на которой было зафиксировано 174 объекта (12 сооружений, 160 хозяйственных ям и два захоронения). При всей сложности определения культурной принадлежности населения Чобрусского поселения, его скифский компонент для периода V–II вв. до н. э. очевиден (Фидельский, 2012. С. 19; Фидельский, Иващенко, Синика, 2017; 2018).

В 1995 г. на южном склоне Широкой Балки (на южной границе некрополя Ольвии) у с. Парутино Очаковского р-на Николаевской обл. на правом берегу Южного Буга под руководством В. А. Папановой было исследовано захоронение, в котором находились железный нож, четыре бронзовых наконечника стрел, а также крестовидный крючок-застёжка и две железные сердцевидные поясные накладки (Папанова, Ляшко, 2015. С. 216, 218, Рис. 5/1–8). С учётом состава инвентаря, скифская принадлежность захоронения не вызывает сомнений (Синика, Тельнов, 2016а. С. 309).

На протяжении 1995–2012 гг. и в 2017 г. сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко провели исследования могильника конца IV – II в. до н. э. у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра. За этот период было изучено 114 скифских курганов, содержащих 183 скифских погребения (Тельнов, Четвериков, Синика, 2012; 2016; Синика, Тельнов, 2018в). Кроме того, были изучены два кургана эпохи бронзы, на одном из которых (№ 1) при доисследовании в 2012 г. были обнаружены фрагменты красноглиняной греческой амфоры, а также фрагмент статуэтки Кибелы или Деметры (Разумов и др., 2013. С. 317, Рис. 3/2). Несомненно, данные находки фиксируют наличие скифского поминального комплекса на кургане.

Параллельно с работами на могильнике у с. Глиное, в 2000 г. Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Г. Шевченко был раскопан скифский курган у с. Чобручи Слободзейского р-на. Конструкция погребального сооружения и датировка единственного скифского захоронения кургана соответствовали аналогичным комплексам на могильнике у с. Глиное (Четвериков, Синика, 2009. С. 204–212).

В 1997 г. на правом берегу Днестровского лимана, в 2 км к югу от с. Прибрежное Белгород-Днестровского р-на, под руководством И. Т. Чернякова был исследован курган Попова Могила, возведённый в энеолите – раннем бронзовом веке. В западной поле кургана зафиксировано скопление

керамического боя (фассоских, гераклейских и родосских амфор, лутериев, лагиносов, рыбных блюд, чернолаковых канфаров, лепных сосудов), фрагментов стеклянных сосудов, три бронзовых наконечника стрел и «медная» монета Филиппа II Македонского, яма с расчленённым костяком и каменное сооружение, интерпретированные в совокупности как «жертвенник IV в. до н. э.» (Рябова, Супрунов 1998). Судя по описанию, курган использовался скифами в первой половине III в. до н. э. для сооружения кенотафа, который сопровождался не только обильной тризной, но и захоронением зависимого лица. Ранее подобный обряд был зафиксирован в кургане 20 у с. Семёновка.

В 1998 г. в черте г. Измаил при строительных работах был разрушен курган эпохи бронзы, в котором удалось исследовать захоронение знатного скифа с представительным набором вооружения (Паламарчук, Синика, 2014. С. 292–296). В этом же году Буджакской археологической экспедицией под руководством А. В. Гудковой были изучены два скифских поминальных комплекса – курганы–кенотафы могильника Воловарската Могила, расположенного на правом берегу р. Большой Катлабух, впадающей в придунайское оз. Катлабух, в 2 км к северо–западу от с. Новокаменка Измаильского р–на Одесской обл. (Синика, Тельнов, 2018а. С. 142; Фокеев, Синика, Руссев, 2018).

На левобережье Нижнего Днестра у с. Глиное Слободзейского р–на в 1998 г. И. А. Четвериковым было открыто скифское поселение Красное, расположенное на правом берегу одноимённой реки. За более чем 20–летний период на памятнике, не подвергавшемся стационарным раскопкам, было собрано значительное количество подъёмного материала (орудия труда, посуда, предметы культа, украшения), который позволяет определять время функционирования поселения как минимум в пределах V – первой половины I в. до н. э. (Синика и др., 2012; Четвериков, Иващенко, Синика, 2018).

В 1999 г. Буджакская археологической экспедиция под руководством М. М. Фокеева продолжила работу на Нижнем Дунае. На могильнике Катлабух, расположенном на правом берегу одноимённого озера на Нижнем Дунае, в 4,5 км югу от с. Новокаменка Измаильского р-на Одесской обл., были исследованы три скифских комплекса – два погребальных и один поминальный (Фокеев, Рандсборг, Руссев, 2000. С. 9–10).

При строительных работах на приусадебном участке в черте г. Тирасполя на левобережье Нижнего Днестра в 2002 г. было исследовано частично разрушенное скифское погребение (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 211–214, рис. 2).

В 2003 г. в окрестностях с. Редова Ширяевского р-на Одесской обл., на левом берегу р. Большой Куяльник, экспедицией Отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины под руководством С. В. Ивановой был изучен курган с единственным скифским захоронением (Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005. С. 73, рис. 46).

На правобережье Тилигульского лимана в 2004 г. была найдена уздечная бляшка с профильным изображением кошачьего хищника (Островерхов, 2005. С. 225, рис. 1/1). В то же время у с. Ларгуца Кантемирского р-на Молдовы, на левобережье Прута, был найден акинак (Топал, 2014. С. 23, Рис. 11/36).

В черте г. Тирасполь при проведении строительных работ в 2005 г. было разрушено скифское погребение, из которого сохранилась лепная курильница (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 71, Рис. 2/7; Синика, Четвериков, Тельнов. С. 214–215, Рис. 1/6).

В 2006 г. у с. Маяки Беляевского р-на Одесской обл. на левобережье Нижнего Днестра Приднестровской археологической экспедицией Одесского археологического музея под руководством В. Г. Петренко были исследованы два скифских захоронения (Носова, 2009, 104–109, рис. 1, 2; 2011. С. 162–

166, Рис. 4). На следующий год у с. Маяки было изучено ещё одно скифское погребение (Носова, 2011. С. 151–159, Рис. 1, 2). Также в 2006 г. у г. Беляевка Одесской обл. Приднестровской экспедицией был исследован курган эпохи бронзы, в котором были выявлены три скифских захоронения (Петренко, 2014. С. 96–101, 104–105).

Шесть скифских захоронений были исследованы в 2008 г. сотрудниками Белгород–Тирской экспедиции Института археологии НАН Украины под руководством Т. Л. Самойловой в курганах вблизи с. Вапнярка Коминтерновского р–на Одесской обл. на правом берегу Большого Аджалыкского лимана (Савельев, Остапенко, 2009. С. 164–171).

На левобережье Нижнего Днестра в 2009 г. А. В. Корецким (сотрудником НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко) было открыто поселение, расположенное у северо–западной окраины с. Незавертайловка Слободзейского р–на. На поверхности были собраны пряслице, фрагмент буролакового сосуда, фрагменты родосских и синопских амфор.

На протяжении 2000–2002 гг. под руководством М. М. Фокеева проводились раскопки поселения Сария, расположенного в окрестностях с. Пиденное Белгород–Днестровского р–на Одесской обл. Украины, на правом берегу Днестровского лимана. Были заложены два небольших раскопа, в которых были выявлены два жилища. Кроме того, были исследованы десять хозяйственных ям и зафиксирован ров. Наряду со значительным количеством фрагментов греческих амфор, в раскопах выявлены чернолаковая и красноглиняная гончарная посуда, а также лепные сосуды. Последние представлены фрагментами горшков скифского типа. Судя по амфорным клеймам, поселение функционировало на протяжении IV – первой трети III в. до н. э. (Фокеев, 2001. С. 1–7, Рис. 1–6; 2002. С. 6–8, Рис. 6–8; 2003. С. 1–5, Рис. 2–12).

В 2000–е гг. у с. Троицкое Беляевского р–на Одесской обл., на левом берегу р. Турунчук в Нижнем Поднестровье, была найдена бронзовая уздечная бляха в виде обособленного уха копытного с вписанным изображением головы хищной птицы (Бруяко, Островерхов, 2010. С. 117–118, рис. 1/2).

К этому же времени, по всей видимости, относится исследование скифского кургана на некрополе греческого поселения Кошары²². Памятник расположен на Тилигульском лимане в Днестро–Бугском междуречье. На некрополе были исследованы два захоронения (взрослого человека и ребёнка) в катакомбах I типа (подбоях), окружённые кольцевым рвом с двумя разрывами на западе и востоке. Оба погребённых лежали головой на запад (Chochorowski, 2008, P. 26, Fig. 1, 2, Pl. 1/1, 22/3; Редина, 2013. С. 589; Хохоровски, 2018. С. 195, Рис. 3).

На правобережье Нижнего Днестра в 2011 г. сотрудниками Центра археологии Института культурного наследия Академии наук Республики Молдова под руководством С. М. Агульникова были изучены два скифских погребения у с. Пуркары Штефан–Водского р–на (Агульников и др., 2013. С. 257–284).

В 2013 г. в черте г. Слободзея на левобережье Нижнего Днестра во время строительных работ было разрушено скифское погребение II в. до н. э. (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 215–216, Рис. 1/5).

На левобережье Нижнего Прута в 2014 г. экспедицией Центра археологии Института культурного наследия АН Республики Молдова и Национального агентства археологии РМ под руководством И. Чебану у с. Крихана Веке

²² Исследования совместной украинско–польской экспедиции на поселении и некрополе проводились на протяжении 1998–2007 гг. (Редина, 2013. С. 583). Из опубликованных материалов неясно, в каком именно году был раскопан курган.

Кагульского р–на исследован курган, содержащий два скифских захоронения (Seban et al., 2015).

В это же время экспедицией университета «Высшая антропологическая школа» (г. Кишинёв) под руководством М. Е. Ткачука на правом берегу Нижнего Днестра у с. Паланка Штефан Водского р–на РМ были проведены разведывательные археологические изыскания на поселении античного времени. На основании полученных в ходе раскопок материалов оно было датировано последней третью III – началом II в. до н. э. В итоге на основании преобладания греческой гончарной керамики над местной лепной было отмечено, что Паланка является «первым греческим поселением на территории Молдовы» (Ткачук, Топал, Зверев, 2016. С. 376).

В 2014 г. на левобережье Нижнего Днестра Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Г. Шевченко под руководством В. С. Синики были изучены два ограбленных скифских погребальных комплекса у с. Ближний Хутор Слободзейского р–на (Синика и др., 2015. С. 171–175, 179–182, Рис. 5, 6, 9, 10).

Годом позже в Музей археологии ПГУ им. Т.Г. Шевченко поступили артефакты различных культурно–хронологических горизонтов (верхний палеолит, средний и поздний бронзовый век, ранний железный век и средневековье) из поселения Парканы–II, расположенного у одноимённого села Слободзейского р–на на левобережье Нижнего Днестра. Памятник был открыт Н. А. Кетрару ещё в 1956 г., и с тех пор и до недавнего времени считался поселением черняховской культуры (Рикман, 1973. С. 132). В настоящее время очевидно, во–первых, что памятник является многослойным, а во–вторых, функционировал в скифское время – в VII–II вв.

до н. э.²³ (Синика, Тельнов, 2016а. С. 307–308; Синика, 2017б. С. 147–148; 2017в; Синика, Чореф, 2018. С. 338).

В 2015 г. на левобережье Нижнего Прута, у с. Царанкуца Кантемирского р–на Республики Молдова, при закладке виноградника была обнаружена гераклейская амфора. Обследование места находки и закладка шурфа не позволили археологам Центра археологии Института культурного наследия Академии наук Республики Молдова С. Поповичу и Е. Мистрянчу выявить археологический комплекс, из которого происходила находка. В то же время в 280 м к югу от места обнаружения сосуда была выявлена группа из пяти полностью распаханых курганов. В результате было сделано предположение, что амфора фиксирует тризну, связанную с сооружением указанных насыпей (Popovici, Mistreanu, 2016, P. 77).

Также в 2015 г. было открыто поселение Слободзея–VI на левобережье Нижнего Днестра, у юго–западной окраины современного г. Слободзея. Собранный материал свидетельствует, что памятник функционировал в раннем железном веке, в том числе и в скифское время – в V–III вв. до н. э. (Синика, Иващенко, 2017). В том же году на поселении Терновка «Кривое Озеро» на левобережье Нижнего Днестра (у с. Терновка Слободзейского р–на Приднестровья) были выявлены следы скифского присутствия в III–I вв. до н. э. – фрагменты лепной посуды, а также бронзовая подвеска–сферы с утраченным ушком для крепления.

На правобережье Нижнего Буга у с. Кривая Балка Николаевского р–на Николаевской обл. Украины в 2015 г. возле кургана были обнаружены следы тризны – фрагменты синопских и косских амфор, а также гончарных сосудов (Бондаренко, Иващенко, Синика, 2019).

²³ Именно поэтому памятник рассматривается среди скифских древностей четвёртого этапа.

На протяжении 2015–2020 гг. у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Г. Шевченко под руководством В. С. Синики в курганных группах «Водовод», «Клин», «Плавни», «Рыбхоз» и «Сад» были исследованы 96 скифских погребений второй половины V – первой трети III в. до н. э. Были раскопаны курганы с основными и впускными захоронениями, а также впущенные в курганы раннего бронзового века погребения (Синика, Тельнов, 2016б; 2016в; 2016г; 2017а; 2017б; 2017в; 2018в; 2020; Панковский, Синика, 2017; Sinika, Lysenko, Telnov, 2017; Синика, Тельнов, Загордонец, 2017; Синика, Загордонец, 2018. С. 82; Синика, Тельнов, Лысенко, 2018а; 2018б; 2018в; 2018г; 2018д; Синика, 2019; Синика, Лысенко, Тельнов, 2019; Синика, Тельнов, Разумов, 2019; Синика и др., 2019а; 2019б; 2019в; 2019г; 2020а; 2020б; 2020в; 2020г; 2020д; Sinika, Telnov, Lysenko, 2020). Кроме того, был исследован один поминальный комплекс (Глиное/Водовод, к. 17).

В 2016 г. у с. Индия Григориопольского р-на на левобережье Нижнего Днестра были обнаружены невыразительные фрагменты греческих амфор, лепных сосудов, зеркало «ольвийского» типа V в. до н. э., несколько бронзовых трёхлопастных наконечников стрел IV в. до н. э., античный перстень второй половины III в. до н. э. (Синика, Тельнов, 2018б), а в 2018 г. – бронзовый крючок (деталь упряжи?) латенского происхождения. В настоящее время нет сомнений, что этот памятник как минимум посещался скифами на протяжении V–III вв. до н. э.

Также в 2016 г. в Музей археологии ПГУ им. Т.Г. Шевченко поступили находки из многослойного поселения Токмазея–II, расположенного на левом берегу Днестра у одноимённого села Григориопольского р-на. Среди них оказались скифские бронзовые наконечники стрел, бронзовая бляшка конской узды, бронзовая серьга VII–IV вв. до н. э., а также фибула латенской конструкции и монеты II в. до н. э. (Синика, 2017а; Синика, 2017б. С. 146–148; Синика, Чореф, 2018. С. 337–339).

На левобережье Нижнего Прута в 2016–2017 гг. экспедицией Национального агентства археологии РМ под руководством И. Чебану у с. Крихана Веке Кагульского р-на на левобережье Нижнего Прута были исследованы шесть курганов, содержащих 17 скифских захоронений (Ciobanu et al., 2019. P. 89–114, Fig. 20–42). Спустя два года в 2019 г. этой же экспедицией были раскопаны два скифских захоронения под одной курганной насыпью у с. Джурджулешты Кагульского р-на на левобережье Нижнего Дуная (Ciobanu, Simalcsik, Iorga, 2020, P. 37, Fig. 1/2).

Также в 2019 г. у с. Казаклия Чадыр-Лунгского р-на Республики Молдова, в 1,35 км от берега Тараклийского водохранилища, в 2,7 км к северо-западу от р. Лунга и в 1,2 км к западу от ручья Чопрак-Дерсен под руководством С. М. Агульникова были исследованы шесть скифских курганов с восемью захоронениями (Агульников, Железный, 2020).

На современном этапе исследований (1992–2020 гг.) в связи с практически полным прекращением финансирования новострочных экспедиций на Украине и в Молдове археологические исследования скифских памятников проводятся в значительно меньших масштабах. Из 356 скифских памятников десять являются поселениями (Индия, Красное, Незавертайловка–VII, Паланка, Парканы–II, Сария, Слободзея–VI, Терновка «Кривое Озеро», Токмазея–II, Чобручи), 335 – захоронениями, семь – поминальными комплексами (Воловарската Могила, к. 1; Воловарската Могила, к. 2; Глиное, к. 1; Глиное/Водовод, к. 17; Каталабух, к. 3; Кривая Балка; Царанкуца), один – «кладом» (Весёлая Долина); три – внекомплексными находками (уздечные бляхи из с. Троицкое и с. Тилигульского лиамана, акинак из Ларгуцы).

Большая часть скифских комплексов (296) была изучена или выявлена в результате работ Днестровской археологической экспедиции ПГУ им. Т. Г. Шевченко на левобережье Нижнего Днестра. Это восемь поселений (Индия, Красное, Незавертайловка–VII, Парканы–II, Слободзея–VI, Терновка

«Кривое Озеро»²⁴, Токмазея–II, Чобручи), 183 погребения могильника III–II вв. у с. Глиное Слободзейского р–на, 96 захоронений второй половины V – первой трети III в. до н. э. в курганных группах «Водовод» (59), «Сад» (32), «Рыбхоз» (1), «Плавни» (3), «Клин» (1) у того же села, а также один поминальный комплекс в курганной группе «Водовод», два погребения – у с. Ближний Хутор Слободзейского р–на, одно захоронение – у с. Чобручи Слободзейского, два разрушенных погребения в г. Тирасполь, и одно – в г. Слободзея. Кроме того, ещё восемь комплексов были изучены в украинском Поднестровье: три – во втором Беляевском кургане, три – у с. Маяки, и два – в кургане Попова Могила у с. Прибрежное.

Ещё 17 захоронений были выявлены у с. Крихана–Веке на левобережье Нижнего Прута. Также в этом регионе были раскопаны два скифских погребения в одном кургане у с. Джурджулешты, а также обнаружены поминальный комплекс у с. Царанкуца и акинак у с. Ларгуца.

На левобережье Нижнего Дуная в это время были исследованы шесть комплексов: три погребальных (Измаил–1998 г., Катлабух 1/3 и 2/1) и три поминальных (Воловарската Могила, к. 1 и к. 2, Катлабух, к. 3).

В Буджакской степи у с. Казаклия были исследованы восемь захоронений.

В Дунай–Днестровском междуречье был найден «клад» у с. Весёлая Долина.

На правобережье Нижнего Днестра было начато изучение поселений Сария и Паланка, а также раскопан курган у с. Пуркары с двумя скифскими погребениями. Кроме того, была обнаружена уздечная бляха у с. Троицкое.

²⁴ Памятник открыт и предварительно обследован в 1987 г. С. М. Агульниковым, И. В. Манзурой и С. И. Курчатовым. В 1989 г. раскапывался Е. Н. Саввой и Е. О. Ключко как поселение позднего бронзового века (Сава, Ключко 2002: 170–178). В 2015 г. и в 2018 г. на памятнике автором настоящей работы обнаружены материалы III–I вв. до н. э.

В Днестро–Бугском междуречье были исследованы девять захоронений (шесть у с. Вапнярка, два – в кургане некрополя поселения Кошары, и одно у с. Редова), а также найдена уздечная бляха на Тилигульском лимане.

На правом берегу Южного Буга исследовано погребение на южной границе некрополя Ольвии и зафиксирована тризна возле кургана у с. Кривая Балка.

Подводя итоги 140–летнему периоду изучения скифских древностей Северо–Западного Причерноморья, необходимо отметить, что за всё время были выявлены и/или изучены 1110 памятников: 1040 погребений, 32 поминальных комплекса, 14 поселений, 14 случайных/внекомплексных находок, 10 «кладов».

Из этого количества 370 памятников (33,33% от общего числа известных) были сооружены/совершены, функционировали или депонированы в III–II вв. до н. э.: 332 погребения, 14 поминальных комплексов, 14 поселений, 10 «кладов». При этом в данную выборку не включались захоронения, которые могли быть совершены в равной степени и во второй половине IV в. до н. э., и в первой половине следующего столетия. Значительное количество известных в настоящее время скифских памятников III–II вв. до н. э. свидетельствует о непрерывном развитии скифской культуры в степном Поднестровье с конца VII в. до н. э. и вплоть до II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 14).

Ранее сам факт наличия памятников (в первую очередь, погребальных) III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье вызывал интерес и научные споры у специалистов. На протяжении последних 30 лет сложилась историография «проблемы III в. до н. э.» в Северном Причерноморье. Основное содержание этой историографии приводится ниже.

§ 2. Основные проблемы изучения скифской культуры III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья

на фоне соответствующего культурно–хронологического горизонта

и в контексте общей истории скифов

Интерпретация археологических памятников Северо–Западного Причерноморья, которые выше названы скифскими и оставленными скифами в III–II вв. до н. э., предполагает рассмотрение различных точек зрения, получивших отражение в специальной научной литературе, посвящённой «проблеме III в. до н. э.» или «лакуне III в. до н. э.» в степях Северного Причерноморья.

Сама пресловутая «проблема III в. до н. э.» в указанном регионе оформлялась на протяжении как минимум последних 30 лет в качестве совокупности научных дискуссий по разным вопросам в археологической литературе. Эта совокупность может быть разбита на пять блоков, которые посвящены:

- 1) поискам причин, обусловивших гибель «Великой Скифии» в конце IV – первой трети III в. до н. э.;
- 2) поискам погребальных памятников, надёжно датирующихся в пределах III–II вв. до н. э., в Северном Причерноморье;
- 3) культурной атрибуции этих памятников;
- 4) реконструкции исторических событий в указанное время;
- 5) культурной атрибуции, датировке и определению назначения так называемых «странных комплексов» или «кладов».

Относительно первого блока, касающегося причин скоротечной гибели Скифии в самом начале или первой трети III в. до н. э., следует констатировать наличие представительного числа публикаций, посвящённых исследованию этого вопроса. С середины 1980–х гг. и по настоящее время были озвучены и продолжают существовать четыре точки зрения на причины масштабных событий, приведших в результате к падению или уничтожению Скифии.

Первая из них связывает данный феномен с продвижением из восточных регионов на запад (из–за Дона в Причерноморье) новой волны кочевников – сарматов. Именно они уничтожили в процессе своей экспансии «Великую» Скифию и установили здесь своё политическое господство (Щеглов, 1985; Виноградов, Щеглов, 1990. С. 361–362; Марченко К. К., 1996. С. 72; Виноградов, Марченко, Рогов 1997а; 1997б; Виноградов, 1999; Виноградов, Марченко, 2014. С. 144). Как отмечают исследователи, эта точка зрения, «как кажется, находит своё подтверждение в независимых свидетельствах античной литературной традиции». С другой стороны, анализ археологических источников не позволяет решать категорично вопрос о проникновении сарматов в конце первой – начале второй трети III в. до н. э., поскольку достоверные сарматские памятники в районах к западу от Дона относятся ко времени не ранее второй четверти II в. до н. э. Окончательное закрепление этих кочевников в Нижнем Поднепровье и на границах Ольвийского полиса происходит только в конце II – начале I в. до н. э. Только к самому началу I в. до н. э. может быть отнесено проникновение сарматских племён в междуречье Южного Буга и Дуная. Значительный хронологический разрыв между первой крупномасштабной военной операцией пришлых номадов (первая треть III в. до н. э.) и их действительным перемещением на новые территории (I в. до н. э.) объясняется тем, что после сокрушительного удара, когда погибают большинство греческих и скифских поселений Дона, Северо–Западного Крыма, Нижнего Поднепровья, Побужья и Поднестровья, ослабленные

сарматы не смогли закрепиться на новой территории и «сразу же ушли восвояси», контролируя северопричерноморскую степь из Подонья и Прикубанья (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997а. С. 94; 1997б. С. 15). Именно указанный хронологический разрыв является наиболее уязвимым местом «сарматской» версии гибели «Великой» Скифии (Бруяко, 1999а. С. 328; 1999б. С. 84).

Вторая позиция заключается в том, что произошедшее в III в. до н. э. следует связывать с опустошительными рейдами из Карпато–Дунайского бассейна военных отрядов кельтов или германцев–галатов, упоминаемых в декрете в честь Протогена (Рубан, 1985. С. 43–44; Яйленко, 1990. С. 274–275; Brujako, 1997, P. 71–73, 77). Некоторые исследователи считают, что кельты Прикарпатья не могли нанести столь сокрушительный удар по Северному Причерноморью, в отличие, например, от сарматов (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997а).

Третья точка зрения в качестве причин кризиса III в. до н. э. предполагает аридизацию степной зоны и, как следствие, принципиальные изменения в хозяйственной деятельности скифов, а также в географии их расселения (Полін, 1984. С. 28–31; 1992. С. 101–107; Иевлев, 1989; Крыжицкий и др., 1989. С. 96; Алексеев, 1992. С. 141–142). Н. А. Гаврилюк считает, что причины гибели «Великой» Скифии имеют комплексный характер и включают в себя внутренние – социально–экономические изменения, и внешние – изменение природно–климатических условий и сокращение природных ресурсов (Гаврилюк, 1999. С. 306).

Оппоненты, отмечая, что какое–то изменение климата имело место, указывают и на слабую сторону аргументации данной точки зрения – иссушение степных, а тем более прибрежных районов Северного Причерноморья не могло быть столь серьёзным, чтобы одновременно погибли поселения греков и скифов от Днестра до Дона (Бруяко, 1997. С. 217; 1999б, 88; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997а. С. 94). Позже

указывалось, что аридизация степной зоны и полное запустение степей Северного Причерноморья, за исключением левобережья Нижнего Поднестровья, где известны сотни скифских курганных погребений III–II вв. до н. э., представляется невероятным, поскольку бассейны Дуная, Южного Буга, Днепра и Дона намного более полноводны и обладают значительно большими природными ресурсами, причём как в своей степной части, так и в лесостепной, в связи с чем они не могли быть менее привлекательными для скифов в III–II вв. до н. э., чем бассейн Днестра. При этом, не отрицая каких-то военно-политических событий, повлиявших на дальнейшую историю Северного Причерноморья, подчёркивалось, что они проходили в III–II вв. до н. э. при абсолютной доминанте скифской культуры от Дуная на западе до Дона на востоке. Были указаны скифские памятники на Нижнем Дунае, в Крыму, Поднепровье и Подонье, датирующиеся III–II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2012. С. 11–12; 2016. С. 15, 985–997).

Эти аргументы позволили Н. А. Гаврилюк скорректировать своё видение причин кризиса III в. до н. э. Теперь исследователь подчёркивает только ухудшение природных ресурсов или палеоэкологической обстановки (Гаврилюк, 2013б. С. 527–534). В то же время С. В. Полин, отрицая позицию относительно существования скифских памятников III–II вв. до н. э. на Нижнем Дунае, в Нижнем Поднепровье и на Нижнем Дону, хотя и полностью соглашаясь с наличием таковых на Нижнем Днестре (Полин, 2014. С. 645–647) и, по всей видимости, в Крыму (Полин, 2014. С. 647), подчёркивает, что «ещё рано сбрасывать со счетов роль “экологического фактора” ... в качестве основной причины дезинтеграции Скифии V–IV вв. до н. э.». Исследователь отмечает, что, помимо климатических, «происходили и другие катастрофические экологические изменения глобального характера, в том числе и такие, которые на сегодняшний день даже и представить трудно (пандемии, эпизоотии, возможно, что-то ещё)» (Полин, 2014. С. 650; 2018. С. 280).

Четвёртая концепция кризиса III в. до н. э. предполагает его экономическую обусловленность, а именно, связь ситуации на хлебных рынках Средиземноморья с негативными явлениями в экономике северопонтийских полисов, которые отразились, в первую очередь, на их аграрной базе в виде сельских поселений. В первой половине III в. до н. э. происходит общее падение цен на хлеб, производимый в греческих колониях Северного Причерноморья, причиной чему стала активная хлеботорговая политика Египта. В это время Египет имеет возможность продавать по более низким ценам (ввиду более простых условий транспортировки) хлеб не только в материковую Грецию, но и в города Южного Причерноморья. В результате хлеб, ввозимый из городов Северного Причерноморья, становится менее конкурентоспособным на рынках, что не могло не сказаться на экономике окружающих их сельских поселений, а также на характере контактов последних с окружающим варварским миром. Подобное объяснение кризиса III в. до н. э. ещё менее состоятельно, чем все предыдущие, поскольку «хлебная» ситуация в Северном Причерноморье напрямую не затрагивала варварскую (в нашем случае, скифскую) среду, хотя и сказывалась на ней опосредованно (Бруяко, 1999б. С. 88–91).

Завершая обзор точек зрения относительно причин, обусловивших гибель «Великой» Скифии, необходимо отметить, что ни одна из них не может считаться всеохватывающей. Нельзя согласиться с тем, что причиной глобального катаклизма III в. до н. э. явились сарматы, которые опустошили Причерноморье к западу от Дона в начале III в. до н. э., однако при этом до середины I в. до н. э. практически не прослеживаются археологически. В полной мере это относится и к кельтам, которые, хотя и участвовали в экспансии к юго-востоку от Карпат, но также не оставили там ощутимых следов своего пребывания. Ещё менее значительной представляется степень влияния природно-климатического и экономического факторов на ситуацию, сложившуюся в III–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 16).

Выход из создавшегося положения разным исследователям видится по-разному. Так, некоторые указывают, что речь следует вести о нескольких причинах, которые в совокупности и породили «кризис III в. до н. э.» – экспансии сарматов на восточных рубежах Скифии и кельтов – на западных (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997а. С. 102; 1997б. С. 19–20; Брюяко, 1999а, 329; Виноградов, 2000. С. 23; Виноградов, Марченко, 2014. С. 149). И. В. Брюяко отметил, что все варианты решения кризиса уже определены, и указал на возможность гибридного развития указанных концепций. При этом исследователь подчеркнул, что решение проблемы III в. до н. э. напрямую зависит от состояния хронологических индикаторов указанного времени (Брюяко, 1999а. С. 331). Эта позиция перекликается с мнением других исследователей. Например, Л. Г. Шепко, рассматривая памятники Северного Приазовья, считает, что проблема III в. до н. э. упирается главным образом в вопросы датировки источников (Шепко, 2005. С. 372), т. е. фактически указывает, что памятники этого времени существуют, но, как правило, трудно опознаваемы вследствие отсутствия надёжных хроноиндикаторов. Последнее предположение, высказанное в крайне осторожной форме, нашло своё подтверждение при анализе некоторых скифских погребальных комплексов от Дуная на западе до Дона на востоке (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 985–997).

Поиски погребальных памятников в Причерноморье, надёжно датирующихся III–II вв. до н. э., были начаты именно в Северо–Западном Причерноморье, где были исследованы как скифские захоронения V–IV вв. до н. э., так и III–II вв. до н. э. Однако если первые публиковались, первично интерпретировались и детально анализировались, то вторые, как правило, служили предметом ожесточённых дискуссий относительно их датировки и культурной атрибуции.

Опубликовав в 1962 г. Тираспольские курганы, раскопанные И. Я. Стемповским, А. И. Мелюкова высказала ряд положений, которые в

дальнейшем послужили краеугольным камнем различных научных построений, в том числе и критических. Отметим, что к моменту публикации «Скифских курганов Тираспольщины» ещё не был раскопан ни один из крупных скифских могильников. Тем не менее, А. И. Мелюкова делает вывод о том, что появление скифских курганов на Тираспольщине совпадает по времени с правлением царя Атея и его походами во Фракию. Время функционирования Тираспольского курганного поля она определяет IV–II вв. до н. э., при этом совершенно чётко разделяя его на два основных массива. Первый массив курганов датируется IV–III вв. до н. э. Это погребения в простых грунтовых ямах, ориентированных с запада на восток или несколько отклонённых от правильного широтного направления. Из катакомбных погребальных сооружений к IV–III вв. до н. э. А. И. Мелюкова относит только захоронение из кургана 345 у с. Чобручи. Основанием для датировки всех вышеназванных памятников IV–III вв. до н. э. стали находки только бронзовых трёхлопастных и трёхгранных наконечников стрел. Железные наконечники и фибулы в этих погребениях отсутствовали, равно как и лепная керамика (светильники, курильницы), которая, по мнению А. И. Мелюковой, появляется в степном Северном Причерноморье только на рубеже III–II вв. до н. э.

Большинство же катакомбных погребальных сооружений Тираспольщины А. И. Мелюкова отнесла ко II в. до н. э. В качестве их датирующих признаков названы преобладание железных наконечников стрел над бронзовыми или наличие только железных наконечников стрел, а также лепной керамики различных типов: миски, курильницы и подражания эллинистическим античным светильникам. Довольно обычной находкой в поздних

погребениях являются бронзовые и железные фибулы среднелатенской конструкции (Мелюкова, 1962б. С. 160)²⁵.

Резюмируя свою работу о скифских курганах Тираспольщины, А. И. Мелюкова, тем не менее, делает довольно неопределённый вывод: катакомбные погребальные сооружения стали известны только в конце IV или в начале III в. до н. э., но в это время, очевидно, преобладали захоронения в простых грунтовых ямах. Во II в. до н. э. погребения в катакомбах становятся господствующими, хотя наряду с ними продолжал существовать обычай погребения в простых грунтовых ямах с широтной или меридиональной ориентировкой. Погребальные сооружения с меридиональной ориентировкой катакомб, если и появились на Тираспольщине с III в. до н. э., то широко стали применяться лишь во II в. до н. э. (Мелюкова, 1962б. С. 161).

Необходимо отметить, что термины «скифские курганы Тираспольщины», «Тираспольская группа скифских памятников» и другие их варианты после монографического исследования А. И. Мелюковой закрепились за всеми скифскими памятниками региона. Отметим, что А. И. Мелюкова использовала эти названия для обозначения всех скифских памятников Поднепровья IV–II вв. до н. э., ибо на момент их публикации (1962 г.) никаких других погребальных памятников скифской культуры на Нижнем Днестре не было известно. Значительно позже термин «курганы Тираспольщины» стал обозначать скифские погребальные памятники III–II вв. до н. э., совершённые в катакомбах в основном III (Т-образных) и, реже, других типов. К этому времени, а именно к началу 1990-х гг., в Нижнем Поднепровье уже было исследовано значительное число скифских захоронений V–IV вв. до н. э. В результате появилась необходимость

²⁵ Позже А. И. Мелюкова простые могильные ямы и катакомбы датировала IV–III вв. до н. э., отмечая при этом, что большинство катакомб относится к III–II вв. до н. э. (Мелюкова, 1974а. С. 33).

отличать памятники III–II вв. до н. э. от памятников более раннего времени. В 2004 г. И. А. Четвериков предложил разделить скифские курганы Тираспольщины на две хронологические группы: более раннюю, верхняя дата которой ограничивается первой третью III в. до н. э., и более позднюю – датировка которой находится в пределах середины III – начала II в. до н. э., оставив только за второй название «Тираспольской группы» (Четвериков, 2004а. С. 282). С этим мнением согласился И. В. Бруяко, который, однако, оговорился, что, если могильник у с. Глиное III–II вв. до н. э. пересечётся с полями скифских погребений IV в. до н. э., появится необходимость различать эти два хронологических пласта одной культуры одного ареала и вводить понятия «ранних» и «поздних» памятников Тираспольской группы (Бруяко, 2009. С. 340, Прим. 12).

Интерес к скифским памятникам Тираспольщины III–II вв. до н. э. возродился спустя 30 лет после их публикации. В 1992 г. в полемику с А. И. Мелюковой вступил С. В. Полин. Исследователь разделил Тираспольские курганы на две хронологические группы: IV–III вв. и II–I вв. до н. э. Но при этом С. В. Полин указывал, что погребения с курильницами в катакомбах должны датироваться IV – самым началом III в. до н. э., а чернолаковая посуда, даже со следами длительного использования, может служить точным хронологическим ориентиром (Полин, 1992. С. 48). В то же время С. В. Полин негативно отнёсся к датирующим возможностям колчаных наборов с железными наконечниками стрел, не предприняв никакой попытки датировать бронзовые фибулы «неизвестных типов». Более того, находки этих фибул вместе с курильницами исследователь не считает «основанием для поздней датировки комплексов» (Полин, 1992. С. 47–48)²⁶. Попутно С. В.

²⁶ Это мнение перекликается с выводом Е. Ф. Рединой, сделанным ранее в ходе рассмотрения серии лепных курильниц из скифских погребений Нижнего Подунавья: «Нижнедунайская группа могильников с курильницами, на основании инвентаря, не выходит за пределы IV в. до н. э., либо может быть отнесена к рубежу IV–III вв. до н. э.» (Редина, 1989а. С. 133–134).

Полин уделил внимание кургану Николаевка/«На горбах». Несмотря на то, что в составе его тризны были обнаружены амфорные клейма Синопы, Фасоса, Херсонеса, исследователь исключил датировку этого кургана временем позднее рубежа IV–III вв. до н. э. (Полин, 1992. С. 49).

Точка зрения С. В. Полина в 1995 г. была подвергнута резкой критике в виде рецензии на монографию со стороны И. В. Бруяко. Рецензент убедительно обосновал принадлежность комплексов Тираспольщины, содержащих лепные курительницы, к III–II вв. до н. э. И. В. Бруяко обратил внимание, что фибула из кургана Парканы 109 наиболее соответствует именно III в. до н. э. Относительно бытования бронзовых и железных наконечников стрел И. В. Бруяко указал, что и первые, и вторые продолжают использоваться в III–II вв. до н. э. По вопросу датировки кургана Николаевка/«На горбах» И. В. Бруяко настоял на его хронологической принадлежности ко второй – третьей четвертям III в. до н. э. Подводя итоги, рецензент отметил, что «в стремлении очистить III в. от степных памятников С. В. Полин проявил излишнее усердие», но осуществить задуманное последнему полностью не удалось, поскольку памятники III в. до н. э. всё же известны в Крыму, Поднестровье и Подунавье. Также И. В. Бруяко критикует точку зрения С. В. Полина относительно полного отсутствия археологических материалов, которые уместно связывать с пребыванием скифов в Добрудже в III–II вв. до н. э., и упрекает С. В. Полина в избирательности составления библиографии, а также в вольном обращении с различными хроноиндикаторами и принципами датирования. Причиной этого, по мнению рецензента, является стремление С. В. Полина дополнительно обосновать природно-климатическую версию гибели «Великой» Скифии (Бруяко, 1995).

Столь жёсткая, однако аргументированная, критика работы С. В. Полина со стороны И. В. Бруяко заставила первого откликнуться на рецензию. В 1997 г., т. е. спустя два года, оппоненты (С. В. Полин и И. В. Бруяко)

продолжили отстаивать свои позиции. Отметим, что каждый из исследователей остался при своём мнении.

С. В. Полин, указывая на апломб, менторско–наставительский тон и пренебрежительный характер рецензии И. В. Бруяко, повторил все свои основные мысли, изложенные им ранее в монографии. В частности, исследователь продолжал настаивать на датировке кургильниц из курганов Тираспольщины не позднее начала III в. до н. э., а также на предложенной им ранее датировке кургана Николаевка/«На горбах». С. В. Полин продолжает отстаивать свою позицию относительно двух разновременных комплексов (второй половины IV в. до н. э. и рубежа III–II вв. до н. э.) из кургана 20 у с. Семёновка. Завершая свой ответ на рецензию, исследователь подчёркивает, что анализ письменных и археологических источников по сарматскому завоеванию Северного Причерноморья, пересмотр общей хронологии сарматских памятников прохоровской культуры, уточнение хронологии некрополей Аполлонии Понтийской вместе с анализом ситуации в Северном Причерноморье позволили ему ограничить время существования «Великой» Скифии началом III в. до н. э., зафиксировать запустение причерноморских степей в III–II вв. до н. э. и отнести появление сарматов в Северном Причерноморье ко второй половине II в. до н. э. (Полин, 1997).

Ответ И. В. Бруяко на контррецензию С. В. Полина был в большей своей части ориентирован на отрицание природно–климатического фактора в качестве причины кризиса III в. до н. э. в Северном Причерноморье. Также И. В. Бруяко особо подчёркивает важность двух аспектов, без которых практически невозможно решать «проблему III в. до н. э.». Это, во–первых, значительно худшая разработанность и согласование интервалов античных хроноиндикаторов эпохи эллинизма по сравнению с античными хроноиндикаторами IV в. до н. э. и, во–вторых, отсутствие системы скифских хроноиндикаторов. Исследователь указывает, что использование первых при создании второй неизбежно, а также на необходимость учёта

центральноевропейской хронологической системы. Наиболее актуальным здесь видится пассаж о фибулах латенской конструкции из скифских могильников Нижнего Подунавья, которые должны, по мнению И. В. Бруяко, приобрести «приличествующий им статус датирующих, а не датируемых (“бронзовыми наконечниками стрел”!) вещей» (Бруяко, 1997).

Возвращаясь к проблеме поисков скифских захоронений III в. до н. э., подчеркнём, что, благодаря А. И. Мелюковой, в публикациях скифологов СССР появилась формулировка «погребение датируется IV–III вв. до н. э.». Мнение о том, что среди захоронений IV в. до н. э. «не всегда возможно» выделить погребения III в. до н. э., поддерживалось многими скифологами (Черненко и др., 1986. С. 345). В результате, исследователи не решались расставить все точки над *i*, пожалуй, за исключением особо ярких случаев, когда материал выглядел настолько поздним, что его никак нельзя было датировать IV в. до н. э.

Ещё в 1990 г. С. И. Андрух и С. И. Чернов высказывают мысль о необходимости «конкретизировать традиционную датировку – IV–III вв. до н. э.». Тем не менее, хотя проведённый анализ погребений придунайских могильников Курчи, Измаил, Плавни, Градешка, а также отдельных погребений у ст. Фрикацей и у сс. Траповка и Белолесье позволил выделить скифские памятники начала IV в. до н. э., не только традиционной даты IV–III вв. до н. э., но и тем более даты III–II вв. до н. э. для памятников Дунай–Днестровского междуречья исследователям избежать не удалось (Андрух, Чернов, 1990, 162).

Таким образом, к середине 1990–х гг. поиски скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье практически зашли в тупик. Однозначно их наличие констатировали не все исследователи, поскольку: 1) комплексы Тираспольщины, исследованные в дореволюционное время, к сожалению, не дали амфорного материала (тары и клейм); 2) даты фибул, из которых полностью сохранилась только одна,

вызывали ожесточённые споры; 3) время сооружения кургана Николаевка/«На горбах» также продолжало оставаться дискуссионным; 4) упомянутые скифские комплексы из придунайских могильников Кугурлуй, Градешка и Дервент, не опубликованные до настоящего момента, на основании представительной коллекции фибул предварительно могут датироваться III в. до н. э., причём, скорее всего, его первой половиной (Редина, 1989а; Бруяко, 2009. С. 333).

Сложившаяся ситуация начинает меняться только в 1995 г., с началом исследования курганного могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Материалы раскопок достаточно оперативно получали отражение в научной литературе. В 1997 г. даётся первая характеристика могильника, изученных на нём погребальных конструкций и деталей обрядности, а также различных категорий сопровождающего инвентаря. Было отмечено сходство погребальных комплексов со скифскими курганами Тираспольщины, исследованными И. Я. и Л. С. Стемпковскими в конце XIX – начале XX в., и их синхронность, при этом могильник у с. Глиное был предварительно датирован второй половиной III – началом II в. до н. э. (Яровой, Четвериков, Субботин, 1997а; 1997б).

В 2000 г. погребальные комплексы могильника у с. Глиное получили более широкое освещение. Датировка могильника, опирающаяся на обнаруженные в закрытых комплексах амфорные клейма, а также на некоторые виды фибул и украшений, была определена в пределах последней трети III – первой четверти II в. до н. э., причём отмечалось, что верхняя дата достаточно стабильна, а нижняя может быть удревнена (Яровой, Четвериков, 2000. С. 6–7, 16–17). Это удревнение, но для всех скифских погребений Тираспольщины, вскоре было осуществлено – до середины III в. до н. э. (Четвериков, 2002. С. 234, 240; Четвериков, Синика, 2002. С. 299–301; Четвериков, 2004б. С. 281–282). В пользу необходимости расширения даты

могильника у с. Глиное в пределах середины III – середины II в. до н. э. высказывался и А. Н. Дзиговский (2003. С. 49, примечание).

Ко времени завершения исследования могильника у с. Глиное (в 2012 г.) стало очевидно, что в Нижнем Поднестровье существует целый ряд комплексов, которые датируются III–II вв. до н. э. (Гаврилюк, 2013а).

В это время вышла из печати статья Ю. П. Зайцева, в которой, среди прочего, было проведено специальное «расследование» относительно амфорного материала из «тризны» кургана 20 у с. Семёновка, ставшего, как отмечено выше, одним из «камней преткновения» в спорах между С. В. Полиным и И. В. Бруяко. Во–первых, в работе была убедительно обоснована синхронность данного комплекса, а во–вторых, на основании прочтения родосских клейм, указана датировка – начало последней четверти III в. до н. э. (Зайцев, 2012а. С. 58–63).

Кроме того, в 2012 г. С. В. Полин пересмотрел свои взгляды на датировку части курганов Тираспольщины. Исследователь признал, что раскопки могильника у с. Глиное «привели к удивительным открытиям в Тираспольской группе скифских курганов на Нижнем Днестре», и эти находки позволяют пересмотреть его взгляды на датировку скифских курганов Тираспольщины, проведённую 20 годами ранее (Полин, 1992. С. 45–50). Исследователь согласился, что основная их часть датируется III–II вв. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 585–587).

Материалы из могильника у с. Глиное, а также из поселений Чобручи и Красное на левобережье Нижнего Днестра, позволили в 2013 г. Н. А. Гаврилюк констатировать «существование группы памятников скифской культуры III в. до н. э. в бассейне Днестра», а также «говорить о локализации выживающего во время кризиса III в. до н. э. скифского населения по берегам двух великих рек Причерноморья – Днепра и Днестра» (Гаврилюк, 2013б. С. 539).

В 2014 г. вышла из печати монография С. В. Полина, в которой исследователь, во-первых, в очередной раз признал существование скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра (Полин, 2014. С. 632–633, 645–647), а во-вторых, согласился с аргументами Ю. П. Зайцева (2012а. С. 58–63) относительно синхронности комплекса из кургана 20 Семёновского могильника на правобережье Нижнего Днестра и его датировки концом третьей – началом последней четверти III в. до н. э. (Полин, 2014. С. 634). В то же время С. В. Полин возвращается к некоторым темам, имеющим самое прямое отношение к датировкам скифских памятников левобережья Нижнего Днестра. Одним из них стал курган Николаевка/«На горбах», относительно датировки которого шли ожесточённые дискуссии между И. В. Бруяко и С. В. Полиным. Используя данные полевой описи к отчёту Западно–скифской экспедиции за 1968 г. (Мелюкова, 1969. С. 91) и работу Ю. Г. Виноградова (1972. С. 55), где указаны только легенды амфорных клейм, С. В. Полин датировал курган второй половиной IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 613–614), т. е. точно так же, как 22 годами ранее (Полин, 1992. С. 49). Наряду с этим исследователь впервые датировал и другие скифские курганы Тираспольщины: Парканы 173 (второй четвертью – серединой IV в. до н. э.: Полин, 2014. С. 586–587) и 174 (второй – третьей четвертью IV в. до н. э.: Полин, 2014. С. 587); Чобручи 345 (второй четвертью IV в. до н. э.: Полин, 2014. С. 430). Все предложенные даты были аргументированно оспорены (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 22–23).

Наконец, в 2016 г. в монографической публикации могильника у с. Глиное были проанализированы все хроноиндикаторы (керамические импорты, фибулы и др.), обнаруженные в его погребальных комплексах. Результатом этой работы стало определение времени функционирования памятников в рамках рубежа IV–III – конца II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 945–966). Как представляется, после введения в научный оборот столь значительного материала, дополненного в 2018 г. публикацией ещё

одного кургана могильника у с. Глиное (Синика, Тельнов, 2018в), сомнений в существовании в Северо-Западном Причерноморье погребальных комплексов III–II вв. до н. э. у специалистов нет.

Несколько сложнее обстоит дело с культурной атрибуцией исследованных комплексов. А. И. Мелюкова, опубликовавшая в 1962 г. курганы Тираспольщины, называла их без всяких оговорок скифскими, хотя и отметила некоторую их специфику в погребальном обряде (широкое распространение T-образных катакомб) и в материальной культуре (гетское влияние на лепную посуду) (Мелюкова, 1962б. С. 164–165).

Через восемь лет после выхода из печати работы А. И. Мелюковой польский исследователь Т. Сулимирский, отмечая, что погребальные сооружения и обряд, а также инвентарь Тираспольских курганов соответствуют аналогичным древностям Нижнего Поднепровья, называет население, оставившее эти памятники, «сохранившейся ветвью среднесарматского периода» и даже отождествляет его с сарматским племенем языгов только на том основании, что большинство погребений датируется II в. до н. э. (Sulimirski, 1970, P. 140).

В. С. Ольховский. С. В. Полин и И. В. Бруяко не сомневаются в скифской принадлежности курганов Тираспольщины (Ольховский, 1991. С. 115; Полин, 1992. С. 45–50; Бруяко, 1995. С. 231–232). Называются они скифскими и в первых работах, посвящённых характеристике могильника у с. Глиное (Яровой, Четвериков, Субботин, 1997а; 1997б).

Однако затем, с накоплением разнообразного и многочисленного материала, при этом иногда мало заметного (детали обрядности, сопровождающий инвентарь) в классической скифской культуре Северного Причерноморья, исследователи могильника стали предпринимать попытки переосмысления скифской основы комплексов и высказывать мнения об их иной культурной атрибуции. Так, уже в 2000 г. анализ таких деталей

обрядности, как скрещенность ног и положение одной или обеих рук на тазе погребённого, меловые подсыпки на полах погребальных камер, подмазка зелёного цвета под костяками лошадей и собак во входных ямах и людей в погребальных камерах, широкое использование железных втульчатых наконечников стрел, боевых топоров, колчанных/поясных крючков, лепных каннелированных курильниц, налобников с крючком, крестовидных псалиев привёл исследователей могильника у с. Глиное к предположению, что памятники Тираспольщины «оставлены смешанным населением, с безусловным преобладанием савроматских (сарматских) черт» (Яровой, Четвериков, 2000. С. 10–20).

Спустя два года на основании уже перечисленных элементов погребального обряда и поисков «ближайших аналогий и параллелей» были сформулированы два вывода: 1) могильник у с. Глиное, как и остальные могильники такого рода на Нижнем Днестре, оставлен нескифским в своей основе населением; 2) в составе погребального инвентаря катакомб присутствуют черты, присущие в эллинистическое время населению Северного Кавказа. Было высказано предположение, что какая-то часть скифского нижнеднепровского населения принимала участие в формировании Тираспольской группы памятников, но в то же время указано на «существенные» различия в инвентаре и конструкции катакомб Нижнего Днестра и Никопольского курганного поля, которые не позволяют связывать их напрямую. Второй же вывод базировался на высокой концентрации указанных элементов обряда на территории от Дона до Терека. В итоге анализ письменных источников (декрета в честь Протогена и отрывка из Помпония Мелы) и ситуации, сложившейся в конце первой трети III в. до н. э. в Подонье–Прикубанье, позволили выдвинуть гипотезу о принадлежности Тираспольской группы катакомб асиакам (Четвериков, 2002. С. 235–236, 239). В 2004 г. И. А. Четвериков отметил, что материалы могильника у с. Глиное находят множество аналогий на Северном Кавказе и больше тяготеют к савромато–меотским древностям, чем к скифским

степным погребениям IV – начала III в. до н. э. (Четвериков, 2004б. С. 116–117).

Идея нескифской принадлежности захоронений могильника у с. Глиное и всех других аналогичных погребальных памятников Тираспольщины была воспринята и поддержана А. Н. Дзиговским, который считал возможным атрибутировать их как сиракские. Основаниями для подобного утверждения послужили находки предметов вооружения в подавляющем большинстве погребений могильника, в том числе и в некоторых женских, и лепных курильниц с гальками внутри, которые «конкретно связываются с сарматами (сираками) Кубани», а также синхронность гибели «Великой» Скифии и появления памятников Тираспольской группы, оставленной самими сираками (Дзиговский, 2003. С. 49–54).

В ряде других работ, связанных с могильником у с. Глиное, также постулировалась мысль о нескифской принадлежности памятника. Так, при анализе катакомб II типа, длинные оси погребальных камер которых являются продолжением длинных осей входных ям, не исключалась их принадлежность «одному из северокавказских племён, родственному носителям традиции Тираспольской группы», под которой подразумевались погребения, совершённые в T-образных катакомбах. Именно совмещение погребальных особенностей обеих групп могло породить такую интересную конструкцию, как катакомба II типа с северной ориентировкой погребённых и поперечно расположенной по отношению к входной яме осью камеры. При этом вновь подчёркивалось, что материалы Тираспольской группы и, в частности, комплекс лепной керамики свидетельствуют о нескифской принадлежности катакомб второй половины III – начала II в. до н. э. (Четвериков, Синика, 2002. С. 303–304). В статье, в которой рассматривались конские захоронения могильника у с. Глиное, на основании того, что в скифских степных погребениях V–IV вв. до н. э. захоронения коней совершались, как правило, в отдельных ямах, а на исследуемом памятнике

все они были помещены во входные ямы катакомб, что более характерно для населения Прикубанья, Поволжья и Приуралья в указанное время, был сделан вывод об иной, не скифской, принадлежности племён, оставивших могильник у с. Глиное (Синика, 2004. С. 238).

Подобная культурная атрибуция погребальных памятников Тираспольщины, значимой частью которых является могильник у с. Глиное, как нескифских (савромато–сарматских, асиакских, сиракских или просто нескифских), вызвала обоснованную критику. Различные исследователи практически одновременно «выступили единым фронтом» против сарматской атрибуции курганов Тираспольщины.

В. П. Глебов на основании высокой степени стандартизации погребального обряда Тираспольской группы поставил под сомнение вывод о наличии в составе коллектива номадов нескольких групп различного происхождения; указал на ошибочность представления о широком распространении катакомб в савромато–сарматском мире, а соответственно, и о возможности происхождения катакомб Тираспольщины от сарматских; отметил, что северная ориентировка, существующая в раннесарматской культуре, не может указывать на культурную принадлежность памятников. Такие детали обрядности, как проявления культа огня, меловые подсыпки, положение руки на таз и скрещенность ног в голених исследователь аргументированно не считает специфическими савроматскими или сарматскими чертами, т. к. все они известны, в том числе, и в скифской среде. Не согласился В. П. Глебов и с гипотезой о сарматском происхождении лепных курильниц с рельефными каннелюрами, на том основании, что все основные формы сарматских курильниц иные (круглодонные с прочерченным или пролощенным орнаментом); также он оспорил и параллели, проводимые между комплексом вооружения тираспольских кочевников и кубанских меотов, поскольку мечи, в отличие от Тираспольской группы, где они не известны, у меотов являются одним из наиболее распространённых видов наступательного оружия. В

итоге В. П. Глебов отметил дискуссионность многих заключений, а главное, поспешность гипотезы о прямой генетической связи номадов днестровского левобережья с савромато–сарматским миром, а также преувеличенное значение сарматских элементов в обряде и инвентаре кочевников Приднестровья. Он считает, что речь может идти только об общем культурном влиянии восточного мира, но не об идентификации днестровских кочевников как сарматов (Глебов, 2004).

А. В. Симоненко, поддерживая В. П. Глебова в принципиальном отрицании савромато–сарматской атрибуции погребений могильника у с. Глиное, указал, что общая идея глинянских катакомб, безусловно, восходит к скифской степной традиции, несмотря на фиксируемые микропризнаки (расположение ступеней во входной яме, обмазка стен камеры жидкой глиной или орнаментация их врезными линиями). Исследователь отметил, что в основе погребального обряда лежат классические скифские традиции, такие как захоронения лошадей во входных ямах катакомб, поза погребённого вытянуто на спине, положение копий вдоль тела. Обращается внимание и на ряд черт, характерных для сарматов (меридиональная ориентировка погребённых) и кубанских меотов: помещение жертвенной пищи с ножом в миску у головы, использование курильниц с гальками, скрещенность ног в голених. Анализ имеющихся сведений о погребальном инвентаре могильника у с. Глиное позволил А. В. Симоненко выделить в его составе шесть культурных пластов: 1) скифский – наконечники копий и дротиков, топоры, налобники с крючком, перстневидные бляхи узды, наконечники стрел; 2) латенский – фибулы, бляхи с личинами; 3) гетский – лепная керамика; 4) меото–сарматский – удила с крестовидными псалиями, курильницы с гальками; 5) савроматский (среднедонской) – колчаные крюки, в том числе зооморфные; 6) античный – амфоры, чернолаковая посуда, бронзовый светильник и другие импорты. Завершил свою работу А. В. Симоненко полным отрицанием сиракского влияния на архитектуру катакомб могильника у с. Глиное (Симоненко, 2005).

Кроме того, аргументы в пользу скифской принадлежности курганов Тираспольщины появлялись в результате анализа некоторых предметов материальной культуры, обнаруженных в том числе и в погребениях могильника у с. Глиное. В 2005 г. Ю. П. Зайцев, рассматривая совокупность данных о крестовидных псалях в Северном Причерноморье, отмечает, что они датируются III – первой половиной II в. до н. э., причём их прототипами являлись квадратные пластинчатые насадки – элементы скифских удил V–IV вв. до н. э. (Зайцев, 2005. С. 94). Это мнение, высказанное повторно в 2009 г. (Зайцев, 2009. С. 135), получило поддержку со стороны И. В. Бруяко (2009. С. 345).

Аналогичная ситуация отмечена применительно к позднескифским налобникам с крючком, скифские прототипы которых на настоящий момент очевидны (Зайцев, 2009. С. 135). В частности, А. Р. Канторович в специальных исследованиях, посвящённых их генезису и типологии, на основании анализа более 30 подобных изделий выделил два морфологических варианта – более ранний и более поздний. Им было аргументировано мнение о генетической преемственности более поздних налобников позднескифской эпохи по отношению к более ранним скифским налобникам, что чётко зафиксировано на могильнике у с. Глиное, поскольку в его комплексах были обнаружены налобники и первого, и второго вариантов (Канторович, 2007а. С. 74–77; 2007б. С. 257, 261, Рис. 2, 3).

Определённым итогом дискуссии относительно культурной атрибуции могильника у с. Глиное, а вместе с ним и других памятников Тираспольщины III–II вв. до н. э., стало замечание И. В. Бруяко 2009 г.: «При всех спорах относительно культурных слагаемых Тираспольской группы у исследователей, похоже, нет сомнения в том, что скифская составляющая здесь либо абсолютно преобладает, либо просто доминирует» (Бруяко, 2009. С. 362).

С 2009 г. начался новый этап в оценке культурной принадлежности памятников III–II вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра – они безоговорочно называются скифскими. Об этом свидетельствует, в частности, публикация материалов кургана конца III в. до н. э., исследованного в 2000 г. в курганной группе «Чобручи–источник» на левобережье Нижнего Днестра (Четвериков, Синика, 2009. С. 211). В 2011 г. вышла из печати статья, посвящённая анализу обряда погребения лошадей во входных ямах могильника у с. Глиное. В работе отмечалось, что подобный обряд был достаточно хорошо известен скифам северопричерноморских степей в V–IV вв. до н. э., а его семантика рассматривается на основе сравнения нартского эпоса, связь которого со скифским доказана в работах крупных исследователей (Дюмезиль, 1990; Раевский, 2006. С. 302), и археологических комплексов, исследованных на могильнике (Синика, 2011а).

В трёх последовавших работах были рассмотрены инокультурные влияния на материальную культуру и погребальный обряд могильника у с. Глиное – латенское (Синика, 2011б), греческое (Синика, 2012) и фракийское (Тельнов, Синика, 2012), причём ни в одной из них скифская принадлежность памятника не ставилась под сомнение.

Определённым итогом исследований стала статья, опубликованная после завершения раскопок могильника. В этой работе были охарактеризованы погребальные сооружения и обряд могильника, все категории инвентаря из погребений, надмогильные, подкурганные, внекурганные сооружения и следы ритуальных действий, указана хронология и периодизация могильника, а также отмечены инокультурные влияния. Особо подчёркнуто, что «скифские основы погребального обряда и материальной культуры скифского могильника у с. Глиное представляются очевидными и бесспорными» (Тельнов, Четвериков, Синика, 2012. С. 11). Особое внимание уделено значению материалов, полученных при исследовании могильника у с.

Глиное, для изучения истории Северного Причерноморья и юга Восточной Европы (Тельнов, Четвериков, Синика, 2012. С. 11–14).

Развёрнутое обоснование ряда тезисов, содержащихся в вышеуказанной работе, имеется в некоторых статьях, вышедших из печати позже. Одна из них, посвящённая анализу комплекса вооружения и предметов воинского снаряжения из могильника у с. Глиное, была завершена выводом о его преемственности комплексу вооружения и его отдельным видам из скифских погребальных памятников предшествующего времени в Поднестровье (Синика, Тельнов, 2015а. С. 189). Аналогичное заключение было сделано и в результате анализа предметов конского снаряжения: их большая часть идентична элементам упряжи V–IV вв. до н. э.; некоторые предметы фиксируют дальнейшее развитие скифской традиции в изготовлении конского снаряжения; только круглые бляхи с изображениями мужских лиц имеют латенское происхождение (Тельнов, Синика, 2016).

В другой работе были рассмотрены лепные курильницы (ритуальные сосуды с раздутым туловом с орнаментом и без) из памятников Северного Причерноморья, причём значительное место в выборке принадлежит курильницам из Северо–Западного Причерноморья. В итоге было указано, что подобные сосуды являются общим явлением в материальной культуре скифского населения Северного Причерноморья в IV–I вв. до н. э. (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 95).

Анализ зеркал из скифского могильника у с. Глиное привёл к заключениям о преемственности материальной культуры скифов Поднестровья III–II вв. до н. э. и скифской культуры более раннего, классического (V–IV вв. до н. э.) времени, о дальнейшем развитии традиций изготовления сложносоставных зеркал, а также о новациях в их изготовлении (Тельнов, Синика, 2014а).

Было уделено внимание и другим группам находок из могильника у с. Глиное, в том числе и тем, которые в меньшей степени демонстрируют

скифские основы материальной культуры. В частности, были рассмотрены миски как наиболее распространённый вид столовой посуды, испытавший, в первую очередь, влияние фракийской керамической традиции. При этом было указано, что столь широкое распространение мисок (деревянных, гончарных, лепных) связывается с оседлым образом жизни скифского населения Нижнего Поднестровья (Тельнов, Синика, 2014б). Последняя идея была подтверждена работой, в которой были проанализированы орнаментированные дромосы и камеры катакомб могильника у с. Глиное. Некоторые из них, с сечением свода в виде килевидной или круглой арки, имитировали кибитки – наиболее распространённый вид передвижного жилища (каркас которого мог быть снят и использован для сооружения наземного жилища), а другие, с сечением свода в виде треугольной арки, – наземные или заглублённые дома с двускатной крышей (Синика, Тельнов, 2014. С. 34). В качестве элемента интерьера «жилища» нередко использовались светильники. Анализ их морфологии и распространения на могильнике у с. Глиное свидетельствует о греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифов Поднестровья в конце IV – II в. до н. э. (Синика, Тельнов, 2015б).

Накопление данных о скифских погребальных комплексах Нижнего Поднестровья, сооружённых в III–II вв. до н. э., вызвало необходимость сравнения их количества с количеством скифских захоронений конца VII – рубежа IV–III вв. до н. э. из этого же региона. Подсчёты показали, что скифские погребения III–II вв. до н. э. составляют 47 % от общего числа исследованных погребений. Было указано, что столь значительное количество скифских памятников III–II вв. до н. э. свидетельствует не только о непрерывном развитии скифской культуры в Поднестровье с конца VII в. до н. э. и вплоть до II в. до н. э., но и о возрастании плотности населения в III–II вв. до н. э., по крайней мере, на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Синика, 2014в. С. 41).

Таким образом, необходимо констатировать, что существовавшие ранее сомнения относительно скифской принадлежности могильника у с. Глиное и других аналогичных погребальных памятников III–II вв. до н. э. в Северо–Западного Причерноморья в настоящее время отвергнуты практически всеми исследователями.

Одним из немногих исключений является позиция А. Н. Дзиговского относительно того, что интерпретация курганов Тираспольщины «как скифских ... выглядит далеко небезоговорочной», о чём свидетельствуют, по мнению автора, «несерийные» или «эксклюзивные» погребальные конструкции Тираспольской группы, известные в древностях Южного Приуралья, Заволжья и Нижнего Дона, «но никак не на памятниках Степной Скифии VII–III вв. до н. э.» (Дзиговский, 2013. С. 609–610). Ошибочность данного утверждения уже отмечалась (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 27). При этом в примечании исследователь указывает, что ставить окончательную точку в дискуссии относительно скифской либо сарматской принадлежности древностей Тираспольской группы «пока будет несколько преждевременным» (Дзиговский, 2013. С. 609–610, прим. 1). Это неверное мнение поразительным образом, хотя и в гораздо более осторожной форме, напоминает собственные заключения А. Н. Дзиговского десятилетней давности (Дзиговский, 2003. С. 49–54).

Сомнения в скифской принадлежности могильника у с. Глиное также остались у Ю. А. Виноградова и К. К. Марченко. Они базируются на том, что «представление о скифском доминировании на пространствах от Дуная до Дона в III в. до н. э. мало соответствует информации нашего важнейшего источника – декрета в честь Протогена» (Виноградов, Марченко, 2014. С. 153). Продолжая свои рассуждения, авторы указывают, что в декрете в честь Протогена упоминаются, помимо скифов, миксэллины, фисаматы, савдараты и скиры. При этом последние, кроме протогеновского декрета, «практически» нигде не упоминаются. Со ссылкой на единственную работу

М. Б. Щукина (1993. С. 97) авторы отмечают, что «обычно указывают, что они [скиры – В. С.] действовали в составе германских группировок» (Виноградов, Марченко. С. 153). Далее делается предположение, что эти группировки занимали территорию к северо–западу от Ольвии, и «Тираспольские памятники под это определение подходят в полной мере» (Виноградов, Марченко, 2014. С. 153). Так, выстраивая логическую цепь (упоминание скиров в декрете в честь Протогена – отождествление их с германскими группировками – отождествление этих группировок с памятниками Тираспольской группы), Ю. А. Виноградов и К. К. Марченко в очередной раз пытаются обосновать в качестве причины гибели Великой Скифии экспансию сарматов на её восточных рубежах и кельтов – на западных. Как уже отмечалось, такой подход не выдерживает критики, поскольку каждое из звеньев обозначенной логической «цепи» не подтверждается никакими археологическими материалами из памятников III–II вв. до н. э. из Северо–Западного Причерноморья (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 28).

Не меньшее удивление вызывает позиция А. В. Симоненко. В монографии 2009 г. налобники с крючком из могильника у с. Глиное, а также из сарматских (?) «странных» комплексов рассматриваются исследователем в составе снаряжения сарматских всадников (?!); при этом автор указывает, что подобные налобники появились во второй половине III в. до н. э. как результат эволюции скифских форм V–IV вв. до н. э. Только во II в. до н. э., по мнению А. В. Симоненко, налобники с крючком становятся деталью раннесарматской узды, после того, как с ними познакомились «соседи и сослуживцы скифов в войсках Митридата» – сарматы, меоты и синды (Симоненко, 2009. С. 187–188, 191–192, Рис. 159/1,9–11,17,27). Во втором издании монографии, текст которой «не претерпел существенных изменений, особенно в части датировок и заключений» (Симоненко, 2015. С. 9, 255, 270, Рис. 92/1,10–12,22), содержатся те же утверждения, что были изложены в 2009 г. Подобный подход к анализу снаряжения сарматских

всадников (при котором анализируются материалы и из скифских погребальных комплексов) тем более удивителен, поскольку сам А. В. Симоненко в своей статье 2005 г. отнёс налобники с крючком из могильника у с. Глиное к скифскому «культурному пласту» (Симоненко, 2005. С. 257).

Сомнения в скифской принадлежности могильника у с. Глиное озвучиваются и в настоящее время. Так, Е. В. Вдовченков в 2018 г. пишет о том, что «наличие тамг в инвентаре из могильника Глиное и монголоидность части умерших являются важным показателем присутствия в регионе восточных мигрантов», при этом понять содержание словосочетания «восточные мигранты» из дальнейших пояснений невозможно (Вдовченков, 2018. С. 73–74). Впрочем, такая позиция становится понятной, поскольку исследователь (в монографии 2018 г.!) сожалеет, что «его материалы [могильника у с. Глиное – В.С.] опубликованы не полностью» (Вдовченков, 2018. С. 68), хотя на самом деле монографическая публикация памятника вышла из печати в 2016 г.

Реконструкция исторических событий, имевших место в Северо–Западном Причерноморье в III–II вв. до н. э., так же, как и поиски памятников этого времени и их культурная атрибуция, неоднократно привлекали внимание исследователей.

Уже в публикации скифских курганов Тираспольщины А. И. Мелюкова на основании известных ей катакомб, исследованных к тому времени на Никопольском курганном поле, и в связи с рассказом Страбона о постепенных переходах скифов через р. Дунай и образовании там Малой Скифии предположила, что всё это «способствовало появлению на Днестре скифского населения с Нижнего Поднепровья, принесшего с собой обычай погребения в катакомбах», что было обусловлено переселением части скифских племён с Нижнего Днепра под давлением сарматов (Мелюкова, 1962б. С. 164).

Спустя продолжительное время после выхода из печати статьи А. И. Мелюковой и очень непродолжительное время после начала исследования могильника у с. Глиное были сделаны первые шаги в плане осмысления истоков курганных памятников Тираспольщины и, соответственно, реконструкции событий III–II вв. до н. э., которые, безусловно, нашли отражение в материалах исследованных комплексов.

Уже в 2000 г. формирование «Тираспольской группы» весьма неопределённо связывается со смешанным населением, т. е. с переселенцами с Северного Кавказа, с безусловным преобладанием савроматских (сарматских) черт, которые под давлением очередной волны кочевников с востока (сарматов?) мигрируют из низовий Дона в Поднепровье (Яровой, Четвериков, 2000. С. 20–21). Данная весьма неясная трактовка формирования памятников Тираспольской группы ставила больше вопросов и проблем, нежели проясняла картину событий III в. до н. э. в Северном Причерноморье в целом, и в Северо–Западном в частности. Более выражено данная гипотеза формирования Тираспольской группы была представлена несколько позже и сводилась к тому, что сармато–меотское (асиакское) нашествие, ставшее причиной гибели памятников оседлого населения Подонья, Поднепровья и Поднепровья, достигло Дуная и даже преодолело этот рубеж, в результате чего была подвергнута разорению Северная Добруджа. Затем началось откатное движение за Днестр, где в середине III в. до н. э. и формируется «Тираспольская группа». Следы этого вторжения являются лепные курильницы, известные в некоторых погребениях дунайских могильников Кугурлуй и Градешка, и получившие широчайшее распространение на могильнике у с. Глиное. Автор гипотезы отмечает, что поиск дальнейших следов Тираспольской группы (=асиаков) в восточном направлении результатов не дал, однако на западе они изредка фиксируются (опять же лепные курильницы, а также железные наконечники стрел), что свидетельствует об участии асиаков в формировании Малой Скифии в Добрудже во II в. до н. э. (Четвериков, 2002. С. 240–241).

Была сформулирована и другая концепция относительно формирования памятников Тираспольщины. Е. Ф. Редина считала, что миграционный процесс, имевший место в конце IV в. до н. э., привёл к тому, что население Подонья (поскольку в слое Елизаветовского городища известно «значительное количество ребристых курильниц») продвинулось до Дуная и даже на его правый берег. При этом отмечалось, «что возникновение более поздней по времени группы Тираспольских курганов могло быть отражением возвращения какой-то группы скифов с Дуная», которые и приняли участие в формировании могильников Тираспольщины (Редина, 2000а. С. 29–30). Существенным отличием этой концепции являлось то, что именно скифам (а не сарматам, асиакам или неопределённому смешанному населению), мигрировавшим из Подонья на запад, а затем вернувшимся на восток через Подунавье в Поднестровье, отводилась главная роль в формировании «Тираспольской группы», которая называется в работе скифской.

Заметим, именно Е. Ф. Редина впервые (в 2000 г.) озвучила идею о возвращении скифов с Дуная в Поднестровье и их участии в формировании памятников Тираспольщины. Эта идея оказалась живучей, получила признание у ряда исследователей и до недавнего времени рассматривалась ими как продуктивная (Островерхов, Редина, 2013. С. 417).

Так, И. А. Четвериков в 2002 г. со ссылкой на работу Е. Ф. Рединой также не исключает возврата части нового населения, пришедшего с востока на и за Дунай, в Поднестровье (Четвериков, 2002. С. 240).

В. П. Глебов, подвергнув резкой критике точку зрения И. А. Четверикова относительно связи кочевников Тирасполя с савромато-сарматским миром, считает более перспективной версию «о связи “тираспольцев” с дунайской группой катакомб», но с единственной важной поправкой – возникновение катакомбных могильников в Подунавье и Приднестровье не следует связывать с уходом населения с Елизаветовского городища на Дону, поскольку оно было, во-первых, оседлым, а во-вторых, имело свой

специфичный погребальный обряд, отличный от катакомбного обряда захоронения, прослеженного на придунайских могильниках и в поднестровских курганах Тираспольщины. При этом исследователь отмечает, что наличие каннелированных курильниц в курганах Тираспольщины и у обитателей Елизаветовского городища не позволяет делать далеко идущие выводы относительно миграции скифского населения из Подонья в Поднепровье (Глебов, 2004. С. 76).

А. В. Симоненко, в русле сложившегося мнения об откатном движении с Подунавья в Поднепровье носителей катакомбной традиции, реконструирует события III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье следующим образом. В 70-х гг. III в. до н. э. «орда каких-то восточных варваров», но не сарматов, уничтожает скифов в Поднепровье и античные поселения Нижнего Побужья. В Поднепровье эти пришельцы сталкиваются с потомками скифов, которые оставили позднейшие памятники типа Градешка-Дервент-Кугурлуй, а в образовавшемся военно-политическом объединении со смешанным населением основной массой, судя по погребальному обряду могильника у с. Глиное, «всё же были скифы» (Симоненко, 2005. С. 257-258).

Очередной попыткой анализа ситуации, сложившейся в степях Северного Причерноморья, стала статья В. И. Бруяко, в которой автором рассматриваются различные группы скифских археологических памятников (дунайская и тираспольская), культурные единицы (скифы, геты, галаты, бастарны, античные города и поселения), а также различные письменные и эпиграфические источники (Бруяко, 2009). Наиболее важными в русле настоящей работы видятся следующие выводы В. И. Бруяко. Верхняя дата нижнедунайской группы скифских памятников (могильники Градешка, Дервент, Кугурлуй) на основании анализа опубликованных фибул определена серединой III в. до н. э., причём нижняя дата для исследователя не так важна, поскольку начало функционирования этих могильников

связано ещё с IV в. до н. э., и они продлевают традицию классической скифской культуры (Бруяко, 2009. С. 333). Время существования Тираспольской группы памятников при помощи фибульного и амфорного материала определена серединой III – серединой II в. до н. э. Исследователь считает крайне важным выяснение степени хронологической преемственности между скифскими памятниками IV в. до н. э. и курганами Тираспольщины III–II вв. до н. э. Он указывает на то, что, если по мере исследования могильника у с. Глиное в его составе окажутся комплексы IV – первой половины III в. до н. э., тогда можно будет считать доказанным непрерывное существование скифской культуры на левобережье Нижнего Днестра с V в. до н. э. по II в. до н. э. включительно. В противном случае – при наличии временной лакуны между ранними и поздними памятниками Поднепровья, как раз в пределах первой половины III в. до н. э. – необходимо ставить вопрос о том, откуда появились носители традиций Тираспольской группы в середине III в. до н. э. Причём и первый, и особенно второй варианты развития ситуации позволяют И. В. Бруяко присоединиться к мнению Е. Ф. Рединой, В. П. Глебова и А. В. Симоненко, которые считают, что образование Тираспольской группы скифских памятников III–II вв. до н. э. стало результатом перехода на Нижний Днестр скифского населения с Нижнего Дуная. В первом случае скифы Нижнего Дуная возрождают угасающий очаг скифской культуры на Нижнем Днестре, а во втором – являются «самостоятельным творцом феномена Тираспольской группы» (Бруяко, 2009. С. 337, 340).

Кроме того, важным в работе И. В. Бруяко стало заключение, что перечень уже существующих «Малых Скифий» (в Добрудже, в Крыму и в Нижнем Поднепровье) должен быть расширен за счёт включения в него Нижнеднестровской Малой Скифии, «реликта Великой Скифии». Плавающая нижняя граница Тираспольской группы не позволила исследователю прямо вывести эти древности из классических скифских. Единственным бесспорным реликтом классических скифских древностей

И. В. Бруяко признал Нижнедунайскую группу, которая продержалась как региональный сегмент бывшего культурного континуума ещё полстолетия. Затем из региона Нижнего Дуная начинается исход населения в двух направлениях: северо–восточное привело к образованию Тираспольской группы, а южное – за Дунай, в Добруджу – к аккумуляции скифского элемента на этой территории. Причиной этого исхода называется миграция в регион бастарнов, которая приходится на середину III в. до н. э., что совпадает с верхней датой Нижнедунайской группы (Бруяко, 2009. С. 362–363).

С середины III в. до н. э. по первую четверть II в. до н. э. на Днестре отмечается стабилизация ситуации. Именно в это время функционирует Тираспольская группа, а также поселения Чобручи и Красное, что свидетельствует о возврате к прежним партнёрским отношениям между греками и скифами. Именно таким образом реконструирует И. В. Бруяко ход исторических событий в Северо–Западном Причерноморье. В заключение автор сетует на то, что нижняя граница памятников Нижнего Днепра, определяемая рубежом III–II вв. до н. э. или самым началом II в. до н. э., «мешает, во всяком случае, пока, выстроить очень красивую ... картину объединения памятников Днепровской и Днестровской Малых Скифий в одну территориальную группу, восточную и западную границу которой обозначали бы эти две реки» (Бруяко, 2009. С. 363–364).

Другой попыткой изложить своё видение исторического развития Северного Причерноморья в III–II вв. до н. э. стала работа А. В. Симоненко 2016 г. Во–первых, автор, как и ранее (Симоненко, 2005. С. 257–258), указывает, что «Тираспольская группа» сформировалась в первой половине III в. до н. э. как результат смешения «завоевателей с востока (савроматов? меотов? тех и других?)» с «уцелевшими приднепровскими и днестро–дунайскими скифами во главе со знатью пришельцев» (Симоненко, 2016. С. 479). Во–вторых, на основании сравнения керамических комплексов

могильника у с. Глиное в Поднестровье и скифских памятников II в. до н. э. Нижнего Поднепровья А. В. Симоненко «не исключил», «что тираспольские скифы во второй половине II в. до н. э. двинулись на восток и добрались до Днестра, где и осели на знакомых и обжитых предками местах» (Симоненко, 2016. С. 481, Рис. 1). В–третьих, сделано предположение, что «восточная тираспольская аристократия ушла в родные земли – на Дон и Северный Кавказ, и появление там характерных налобников с крючком и других западных вещей (все находки не старше II в. до н. э.) отражает эту перекочёвку» (Симоненко, 2016. С. 481)²⁷.

Анализ этих позиций вызвал аргументированную критику. Было указано, что подобная интерпретация А. В. Симоненко отражает его исключительно мозаичное представление о могильнике у с. Глиное (не опубликованном к тому времени), которое нельзя использовать для столь «глобальных» исторических реконструкций (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 31).

Наконец, в 2016 г. в монографической публикации могильника у с. Глиное было указано, что историческое развитие причерноморских степей в III–II вв. до н. э. продолжалось при абсолютной доминанте скифской культуры от Дуная на западе до Дона на востоке. Было отмечено, что могильник у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра не является «уникальным» в хронологическом отношении скифским могильником. Как на западе (Подунавье), так и на востоке (Побужье, Поднепровье, Крым, Подонье) он окружён скифскими памятниками (поселениями, курганными захоронениями и могилами), датировка которых либо полностью (III–II вв. до н. э.), либо частично (первая четверть III в. до н. э., первая половина III в. до н. э.) совпадает со временем его функционирования. Таким образом, могильник у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра является органической частью

²⁷ В поддержку этой версии в 2020 г. Б. А. Раевым была опубликована работа, где анализировались конские налобники из могильника у с. Глиное в Нижнем Поднестровье и аналогичные изделия из новолабинского могильника в Прикубанье (Раев, 2020.)

синхронных скифских древностей Северного Причерноморья (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 998).

Отдельным предметом дискуссий в историографии древностей Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. стала культурная атрибуция, датировка и определение назначения так называемых «странных комплексов» или «кладов». Они считаются своеобразным явлением в археологии Северного Причерноморья эллинистического времени. Эти комплексы включают «предметы конской упряжи, оружие, воинское снаряжение и металлические сосуды, обнаруженные в курганных насыпях, естественных возвышенностях и на склонах балок» (Зайцев, 2012в. С. 67).

География распространения подобных «кладов» довольно широка и охватывает в настоящее время территорию от Болгарии (Коиловци: Lazarova, Raunova, 2003) и Румынии (Гэвани: Sîrbu, Harțuche, 2000; Трушешть: Babeș, 1993, S. 115–120, 217, Taf. 42/1–17) на западе до левобережного Подонья на востоке (Зайцев, 2007, Рис. 1; Сергацков, 2009). Количество кладов постоянно увеличивается (Дедюлькин, 2012; Полин, Карнаух, 2012а), а их топография уточняется (Дзиговский, Островерхов, 2010, Рис. 1; Зайцев, 2012в, Рис. 1; Глебов, 2016, Рис. 1; Вдовченков, 2018, Рис. 1; Симоненко, 2018, Рис. 7/1).

Культурная принадлежность населения, оставившего «клады», оценивается по–разному. Некоторые исследователи связывали их с сарматами (Яценко, 1962; Гущина, 1969; Смирнов, 1984. С. 58–60), другие – с поздними скифами (Симоненко, 1982. С. 243–244; Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 160) или с кельтами (Трейстер, 1992. С. 44–45). Были замечены даже меотские черты в «странных комплексах» (Савельев, 2010. С. 177).

При этом наибольшую популярность получила «версия» о сарматской принадлежности «кладов». Эти комплексы рассматривались как археологическое отражение сарматского (сиракского) присутствия в

Северном Причерноморье в III – начале II в. до н. э. (Щукин, 1994. С. 97; Виноградов, 1999. С. 77; Яровой, Четвериков, 2000. С. 16–17; Дзиговский, 2003. С. 49–64; Лимберис, Марченко, 2005. С. 166–167; Limberis, Marcenko, 2011, S. 187; Дзиговский, Островерхов, 2010. С. 146), либо связывались с событиями Митридатовых войн и датировались концом II – первой третью I в. до н. э. (Полин, 1992. С. 64–65; Симоненко, 1993. С. 90; 2001. С. 96; Редина, Симоненко, 2002. С. 85–86; Симоненко, 2004. С. 135–136; 2009. С. 136, 146–147, 158, 183, 191, 236, 250; 2011. С. 33; 2012. С. 81; 2015. С. 265).

В последние десятилетия возродилась и стала доминировать версия о принадлежности кладов III–II вв. до н. э. скифскому населению Северного Причерноморья (Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 97–98; Зайцев, 2005. С. 94; 2007. С. 266–267; 2008. С. 148–150; 2012в. С. 68; Брюяко, 2009. С. 340; Полин, Карнаух, 2012а. С. 143; Карнаух, Сердюк, Синика, 2016. С. 232–234; Разумов, Синика, 2017. С. 15).

После завершения исследования могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра на основании анализа соотношения сходных вещевых материалов из этого памятника и из «кладов» были сделаны выводы, что последние принадлежат скифам, и большинство из них было депонировано в III–II вв. до н. э., хотя при этом для некоторых комплексов не исключалась дата I в. до н. э. Кроме того, было отмечено, что «в настоящее время любое другое решение проблемы представляется маловероятным» (Тельнов, Четвериков, Синика, 2012. С. 13). Этот вывод был сделан на том основании, что в погребальных комплексах могильника были обнаружены практически все составляющие кладов – вооружение, конское снаряжение, посуда и пряжки латенских типов. Не было обнаружено только шлемов и ситул, а также некоторых редких в составе «кладов» вещей – панцирей, металлических сосудов и стеклянных чаш. Была показана абсолютная идентичность или полная преемственность большинства предметов вооружения и конского снаряжения, обнаруженных на могильнике у с.

Глиное, образцам IV в. до н. э., которая свидетельствуют в пользу их скифской принадлежности (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 997–998).

После этого под давлением археологического материала А. В. Симоненко, наиболее настойчиво постулировавший (как следует из ссылок выше) сарматскую принадлежность кладов и их связь с Митридатовыми войнами конца II – первой трети I в. до н. э., признал, что «ошибался, считая все “странные комплексы” памятниками одного времени и единой культурной принадлежности – сарматской» (Симоненко, 2018). Исследователь, указав на «клад» из насыпи кургана 2 у станицы Пластуновской в Прикубанье и обратив внимание, что он считается самым ранним (последней четверти IV – начала III в. до н. э.) «странным комплексом» (Марченко, Лимберис, 2009. С. 73, Рис. 5), высказал новую «версию происхождения и этнокультурной атрибуции этих памятников – сирако–меотский мир Северо–Западного Кавказа» (Симоненко, 2018. С. 35).

При этом А. В. Симоненко вспомнил, казалось, уже давно забытые идеи о северокавказских элементах в культуре населения, оставившего могильник у с. Глиное (Четвериков, 2002. С. 235), а также указал на находки конских нагрудников (в кургане у пос. Острый, в кургане 1902 г. под Никополем), налобников с круглой верхней частью и топовидной нижней (курган 1902 г. под Никополем, погребение у с. Чистенькое), крупных полихромных бусин («клад» из Гэвани, курганы Глиное 17 и 57, погребение у с. Чистенькое). В совокупности эти «детали специфического конского убора» позволили исследователю очертить «строго ограниченный ареал их использования – меотские памятники Северо–Западного Кавказа», «точнее Закубанье» (Симоненко, 2018. С. 33–34). «Необходимым» следствием такого заключения стало признание А. В. Симоненко: «В моём споре с Ю. П. Зайцевым относительно датировки Чистенького и Гэвань прав оказался мой оппонент – я зависил дату этих памятников» (Симоненко, 2018. С. 35).

Кроме того, А. В. Симоненко в очень уважительной форме назвал авторов монографической публикации скифского могильника у с. Глиное «мэтрами», призвал их «объяснить, на основании каких материалов они так расширяют ареал позднескифской культуры» (включая и «клады» из Среднего Поднепровья, Подонья, Северного Кавказа и Поволжья), и потребовал объяснить скифскую принадлежность «кладов» «корнями этого обряда в скифской культуре Северного Причерноморья VII–IV вв. до н. э.». Наконец, в завершении своей статьи исследователь отказал всем «странным комплексам» в сарматском происхождении, а также объяснил читателю, что «картина гораздо сложнее и интереснее», и пообещал представить её в очередной работе (Симоненко, 2018. С. 35).

Также в 2016 г. Е. В. Вдовченков пришёл к выводу о поликультурном или надкультурном характере «кладов». Он опирался на мнение В. П. Глебова о надэтническом характере обряда депонирования «кладов» в различных областях, «в том числе и у ранних сарматов доно–волжских степей» (Глебов, 2009. С. 148), а также на работу специалистов, указывавших, что «ритуальные клады – это особое надкультурное явление» (Глебов, Дедюлькин, Гордин, 2014. С. 81). В итоге исследователь оценил «клады» как «феномен иранского кочевого мира, возникший на переломе двух больших эпох – скифской и сарматской и неизбежно несущий в себе в связи с этим ростки новых явлений» (Вдовченков, 2016. С. 204; 2018. С. 74–76).

Недавно точка зрения Е. В. Вдовченкова и его прешественников была повторно озвучена коллективом исследователей: «обычай захоронения “ритуальных кладов”, предметов конской упряжи и вооружения следует рассматривать как надкультурное явление, присущее как кочевникам западных областей Сарматии, так и части поздних скифов, с определённым региональным своеобразием» (Глебов, Гордин, Дедюлькин, 2020. С. 375).

Определение назначения комплексов (погребальные, поминальные, иные) также является самостоятельным сюжетом историографии. Ю. П. Зайцев

интерпретировал «вотивные клады» как «особую форму отчуждения и захоронения на стороне погребального инвентаря (всего или какой-то части) элитных воинских захоронений» (Зайцев, 2007. С. 266). А. В. Симоненко и Б. А. Раев считают «странные комплексы» погребально-поминальными / жертвенными памятниками, связанными с воинским культом (Раев, Симоненко, 2007. С. 269, 272). К этому же блоку мнений примыкает предположение В. И. Мордвинцевой, что, ввиду ничтожно малого числа погребений III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье, в данном регионе получил распространение «погребальный обряд, при котором археологически невозможно зафиксировать останки погребенного (водное, воздушное погребение и т.п.)» (Мордвинцева, 2013. С. 154).

Очень важной является также работа В. П. Глебова, посвящённая изучению «обрядов захоронения этих комплексов». Исследователь собрал информацию о 40 «кладах» и выделил три основных варианта обряда по месту и характеру их захоронения: 1) в насыпях высоких курганов; 2) в составе курганных могильников, на древней дневной поверхности с возведением над местом захоронения «клада» небольшой насыпи, или же в естественных возвышенностях; 3) на склонах балок (Глебов, 2016. С. 145–146, 158).

Вместе с тем появились и иные версии интерпретации «странных комплексов». В 2010 г. А. Н. Дзиговский и А. С. Островерхов предположили, что «клады» были символическими маркёрами территории (Северного Причерноморья), оставленными сарматами в ходе её освоения (Дзиговский, Островерхов, 2010. С. 168).

Через два года Ю. П. Зайцев предложил интерпретировать «клады» Северного Причерноморья как маркёры торговых путей сообщения на незаселённой территории и считать их результатом «обрядовых действий, совершённых во время следования караванов». При этом было указано, что такая постановка вопроса ставит под сомнение поминальный и заупокойный

характер кладов, а также их интерпретацию в качестве «отчуждённого» погребального инвентаря (Зайцев, 2012в. С. 71), которая исследователем была высказана пятью годами ранее (Зайцев, 2007. С. 266).

Позже к этому вопросу вернулся Е. В. Вдовченков, который выдвинул гипотезу о том, что «клады» являются жертвенно–поминальными комплексами молодёжных союзов языгов и ургов – сарматских племён, стоявших во главе «авангарда сарматского движения, находившегося на острие сарматской миграции на запад» (Вдовченков, 2016. С. 208; 2018. С. 80). Именно эти сарматские молодёжные союзы, по мнению исследователя, осваивали пустующие степные регионы Северного Причерноморья в III–I вв. до н. э. (Вдовченков, 2016. С. 210; 2018. С. 82). При этом гипотеза Е. В. Вдовченкова, с одной стороны, близка мнению Ю. П. Зайцева (констатация незаселённости Северного Причерноморья), а с другой – к позиции А. В. Симоненко о двух этапах завоевания Скифии сарматами, когда на первом было установлено политическое господство без переселения на бывшие скифские земли, а на втором – переселение сарматов в Северное Причерноморье (Максименко, 1997. С. 47–48; Скрипкин, 2016. С. 17–31; Симоненко, 2018. С. 32).

При этом без внимания Е. В. Вдовченкова (2018) и А. В. Симоненко (2018), остались две работы 2017 г., в которых с учётом всей совокупности архивных материалов был заново опубликован скифский курган 20 у с. Семёновка на правом берегу Днестровского лимана. Эта насыпь, как оказалось, была возведена в один приём над центральным комплексом – кенотафом и сопровождающим захоронением зависимого лица в подбое. С кенотафом связаны находки предметов конского снаряжения, вооружения, стеклянного кубка (считавшиеся ранее в совокупности «кладом» или «странным комплексом»), а также тризна из керамических сосудов (Разумов, Синика, 2017; Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 97–102, 155–158, Рис. 58–60).

Завершая общую характеристику работ, посвящённых скифским памятникам Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., отметим, что начало дискуссий об этих памятниках связано с публикацией 1962 г. А. И. Мелюковой скифских курганов IV–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра (Мелюкова, 1962б). Через 30 лет (в 1992 г.) они были возобновлены и не прекращаются до настоящего времени.

Новейший этап этих дискуссий, которые имели разную направленность, можно условно разделить на пять временных отрезков:

1) 1992–1997 гг. – полемика И. В. Бруяко с С. В. Полиным относительно причин кризиса III в. до н. э. и наличия в степях Северного Причерноморья памятников этого времени; появление первых работ о культурной принадлежности и датировке «странных комплексов»;

2) 1997–2005 гг. – дискуссии относительно хронологии и культурной атрибуции могильника у с. Глиное, а также реконструкции исторических событий в Северо–Западном Причерноморье в III–II вв. до н. э.; появление большего числа работ о «кладах»;

3) 2006–2011 гг. – практически полное прекращение научного обсуждения проблем хронологии и культурной атрибуции погребальных памятников Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. в связи с отсутствием новых данных археологического характера о предмете дискуссии (публикаций нового археологического материала), за исключением единственной работы И. В. Бруяко (2009); наибольшая полемика о культурной принадлежности и датировке «странных комплексах»;

4) 2012–2016 гг. – появление новых работ, касающихся скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Нижнего Поднестровья; продолжение дискуссий о «странных комплексах»; монографическая публикация могильника у с. Глиное;

5) 2017–2020 гг. – републикация скифского кургана 20 у с. Семёновка на правом берегу Днестровского лимана и развитие дискуссии о «странных комплексах».

Основными участниками научных споров были и продолжают оставаться И. В. Бруяко, С. В. Полин, исследователи могильника у с. Глиное (Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, В. С. Синика), а также некоторые другие специалисты – В. П. Глебов, Ю. П. Зайцев, Е. Ф. Редина, А. В. Симоненко, Е. В. Вдовченков. Несмотря на массу разногласий по различным вопросам, к настоящему времени исследователям удалось прийти к общему знаменателю по ряду позиций, а именно:

1) в Северо–Западном Причерноморье есть и погребальные, и поселенческие памятники III–II вв. до н. э.;

2) погребальные памятники этого времени оставлены скифами, хотя демонстрируют различные инокультурные влияния;

3) памятники Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. продолжают традиции скифской культуры региона предшествующего времени;

4) могильник у с. Глиное в настоящее время является ключевым памятником для решения различных проблем, касающихся истории Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.;

5) «клады» Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. не связаны с сарматской археологической культурой, и их большинство депонировано скифами. При этом только некоторые подобные комплексы, обнаруженные к западу (Коиловци) и к востоку (Рестумов II) от указанного ареала, могут датироваться более поздним временем и принадлежать носителям иных культурных традиций.

ГЛАВА II.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

II.1. Погребальные памятники

§1. Намогильные, подкурганные и внекурганные сооружения и следы ритуальных действий

Среди погребальных комплексов III–II вв. до н. э. абсолютно доминируют *курганные захоронения* (325 комплексов; 97,89 % погребений) (табл. 1). Данных о скифских насыпях, раскопанных в 1896–1911 гг. у с. Глиное, Коротное, Парканы, Плоское, Сербская Земля, Сукля, Терновка, Чобручи нет. К моменту исследования сохранилось всего 19 скифских насыпей высотой от 0,1 м до 1,5 м. Остальные скифские насыпи были полностью распаханы и выделялись на поле только благодаря пятнам перемешанного грунта различного диаметра. Вместе с тем, нет никаких оснований считать погребения, обнаруженные под этими пятнами, бескурганными. О курганном обряде захоронения, в первую очередь, свидетельствует характер заполнения входных ям впускных погребений, отличающийся от заполнения входных ям основных погребений. Если заполнение основных ям всегда состояло из чистой материковой глины ярко-жёлтого цвета, то заполнение впускных – из жёлтой материковой глины с большей или меньшей примесью чернозёма. Ещё одним свидетельством курганного обряда захоронения могут служить 33 исследованных рва и одна крепида, которые могли использоваться не только в ритуальных целях (ограничение курганного пространства), но и в

утилитарных (использование грунта из рвов для формирования насыпей курганов).

Среди курганных захоронений преобладают основные для насыпи (табл. 1). Таких выявлено 230 (69,28 % погребений): Владычень–I 13/2, 14/3, 14/4; Глиное 2/2, 3/1, 4/1, 5/1, 6/3, 7/1, 8/1, 9/1, 10/1, 11/1, 12/1, 13/1, 14/1, 15/2, 16/1, 17/1, 18/2, 19/3, 20/1, 21/1, 22/2, 23/1, 24/1, 25/1, 26/1, 27/1, 28/1, 29/1, 30/1, 31/1, 32/1, 33/1, 34/1, 35/1, 36/1, 37/1, 38/1, 39/1, 40/1, 41/1, 42/1, 43/2, 44/1, 45/1, 46/3, 47/1, 48/1, 49/1, 50/1, 51/1, 52/1, 53/1, 54/3, 55/1, 56/1, 57/1, 58/1, 59/1, 60/1, 61/1, 62/1, 63/1, 64/1, 65/1, 66/1, 67/3, 68/1, 69/1, 70/1, 71/1, 72/1, 73/1, 74/1, 75/1, 76/1, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 81/2, 82/1, 83/1, 84/1, 85/1, 86/1, 87/1, 88/1, 89/1, 90/1, 91/1, 92/1, 93/1, 94/1, 95/1, 96/1, 97/1, 98/1, 99/1, 100/1, 101/2, 102/4, 103/1, 104/1, 105/2, 106/1, 107/3, 108/1, 109/1, 111/3, 112/1, 113/1, 114/1, 115/1, 116/1; Глиное 275, 276, 277, 279, 378; Градешка 7а/1, 8/1, 10/1, 14/1, 15/1, 16/1, 17/1, 19/1, 20/1, 20/2, 24/1, 27/1; Дервент 1/2, 4/1, 5/1, 5/2, 6/1, 7/3, 8/1, 9/2, 10/1, 11/1, 13/1, 13/2, 15/1, 16/1, 17/1, 18/1; Каролино–Бугаз 2/5; Коротное 294; Котловина–I 6/1, 6/2; Кугурлуй 4/1, 4/2, 8/2, 10/1, 15/1, 15/2, 16/1, 18/1, 18/2, 19/1, 19/2, 20/2, 23/2, 24/1, 25/2, 26/1, 26/2, 29/1, 31/1, 32/1, 32/2, 32/3; Мреснота Могила 4/2, 14/3, 21/1, 21/2, 22/2; Николаевка/«На горбах» 1/1; Парканы 109, 114, 120, 121, 122, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 173, 174; Плоское 218, 221, 377; Семёновка, кенотаф, 20/1; Сербская Земля 260; Суклея; Табаки 3/1, 4/2; Терновка 185, 186, 188; Тирасполь 4/2; Фрикацей 5/3; Чобручи 281, 282, 283, 288, 289, 290, 345, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412; Чобручи 2/3. Под одной насыпью в большинстве случаев находился один основной погребальный комплекс. Однако зафиксировано 11 случаев, когда насыпь была возведена одновременно над двумя захоронениями (Владычень–I 14; Градешка 20; Дервент 5, 13; Котловина–I 6; Кугурлуй 4, 15, 18, 19, 26; Мреснота Могила 21/2; Семёновка 20). Под одной насыпью были совершены сразу три погребения (Кугурлуй 32).

Впускных погребений в скифских курганах исследовано значительно меньше – 78 комплексов (23,5 % захоронений): Владычень–I 13/1, 14/2; Глиное 2/3, 6/1, 6/2, 12/2, 13/3, 14/2, 15/1, 18/1, 19/1, 19/2, 19/4, 22/1, 22/3, 22/4, 33/2, 35/2, 36/2, 38/3, 39/2, 41/2, 43/1, 44/2, 46/1, 46/2, 46/4, 54/1, 54/2, 56/2, 56/3, 60/2, 66/2, 67/1, 67/2, 67/4, 67/5, 68/2, 69/2, 73/2, 74/2, 75/2, 75/3, 78/1, 78/2, 81/1, 81/3, 84/2, 85/2, 85/3, 87/2, 88/2, 89/2, 89/3, 91/2, 92/2, 93/2, 94/2, 94/3, 96/2, 101/1, 102/1, 102/2, 102/3, 103/2, 105/1, 107/1, 107/2, 111/1, 111/2, 116/2; Дервент 9/1, 15/2; Кугурлуй 8/1; Мреснота Могила 4/1, 14/1, 22/1; Табаки 4/1. В 41 скифском кургане III–II вв. до н. э. выявлено по одному впускному погребению, в 11 – по два (Глиное 6, 54, 56, 75, 78, 81, 85, 89, 94, 107, 111), в четырёх – по три (Глиное 19, 22, 46, 102) и только в одном – четыре (Глиное 67).

Кроме того, два скифских погребения (0,6 % захоронений) начала – первой половины III в. до н. э. были впущены в насыпи скифских курганов, сооружённых в самом конце IV в. до н. э. (Глиное/Водовод 7/5, 8/4).

Вместе с тем следует отметить, что о неоднократности совершения захоронений в курганах свидетельствуют не только впускные погребения, но и впускные входные ямы, а также практика подзахоронения через основную и единственную (для основных погребений) или основную (для впускных погребений) входную яму. Отмечены 42 подзахоронения при помощи впускных входных ям в основные погребения: Глиное 2/2, 7/1, 8/1, 9/1, 16/1, 17/1, 20/1, 27/1, 29/1, 33/1, 34/1, 36/1, 37/1, 38/1, 42/1, 43/2, 49/1, 50/1, 52/1, 53/1, 55/1, 59/1, 61/1, 62/1, 64/1, 71/1, 77/1, 79/1, 80/1, 85/1, 88/1, 93/1, 94/1 (в западную камеру), 96/1, 97/1, 99/1, 102/4, 105/2, 107/3, 114/1, 115/1; Парканы 159. Только в два впускных погребения были совершены подзахоронения при помощи впускных входных ям (Глиное 69/2, 81/1).

Другой вид подзахоронений, при котором впускную входную яму не сооружали, а вторично перекапывали уже существующую, после чего вносили умершего в камеру и, как правило, нарушали анатомический

порядок костяка первого погребённого, зафиксирован 17 раз. Так были совершены подзахоронения в камеры восьми основных погребений (Глиное 13/1, 48/1, 58/1, 66/1, 73/1, 94/1 – западная камера, 111/3 – восточная камера, 113/1; Глиное 276; Градешка 7а/1; Мреснота Могила 21/2) и пяти впускных (Глиное 13/3, 54/2, 67/4, 89/3, 93/2; Роксоланы (Никоний) 2/6).

Известны и девять скифских погребений, впущенных в насыпи нескифских курганов (2,72 % захоронений): Белгород–Днестровский 1/12; Беляевка 2/25, 2/26; Нечаянное 2/8, 2/11; Никольское 1/7; Попова Могила / кенотаф, сопровождающее захоронение; Роксоланы (Никоний) 2/6.

Данных о шести разрушенных во время строительных работ (Тирасполь, 1980 г., 2005 г.; Слободзея, 2013 г.) или раскопанных грабителями (Троицкое, 1881 г., 1895 г. – два погребения) катакомб нет. Очевидно лишь то, что все они были курганными (1,8 % захоронений).

Бескурганные захоронения (7 комплексов; 2,1 % захоронений) исследованы на могильнике у с. Николаевка (погребения 12, 24, 48, 54, 56, 59), а также на южной границе некрополя Ольвии (Широкая Балка–6 2/1995) (табл. 1).

Основным *намогильным сооружением* для скифских курганных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья является *насыпь*.

Абсолютное большинство курганных насыпей на момент исследования не прослеживалось в рельефе (табл. 2). Сооружённые изначально небольшими, насыпи 150 скифских курганов (88,75 % исследованных) были полностью сnivelированы распашкой: Владычень–I 14; Глиное 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 114, 115 116; Градешка 7а, 8, 10, 14, 15, 16, 17, 19, 20,

24, 27; Дервент 1, 4–7, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 18; Котловина–I 6; Кугурлуй 4, 8, 10, 15, 16, 18, 19, 20, 23–26, 29, 31, 32; Мреснота Могила 21, 22; Табаки 3, 4; Фрикацей 5/3.

Во всех этих случаях, когда сохранившиеся насыпи не прослеживались в рельефе, курганы фиксировались по серому или желтовато–серому пятну на пахоте, когда распахивался выкид из основного и впускных погребальных сооружений.

Из этого числа диаметр 117 курганных пятен не превышал 10 м (70,12 % курганов). Диаметр 33 курганных пятен (18,63 % курганов) был от 10,5 м до 26 м.

Крайне малочисленна группа насыпей, прослеженных в рельефе на момент исследования (19 курганов, т. е. 11,25 % от общего числа): Владычень–I 13; Глиное 2, 6, 14, 17, 31, 53, 61, 93, 97, 101; Дервент 8; Каролино–Бугаз 2; Мреснота Могила 4, 14; Николаевка/«На горбах» 1/1; Семёновка 20; Тирасполь 4; Чобручи 2. Диаметры этих насыпей колеблются от 8 м до 40 м (табл. 2).

В плане почти все насыпи представляли собой относительно правильную окружность. Исключения, по–видимому, составляли курганы Глиное 89 (размеры рва $11,8 \times 10,6$ м), Кугурлуй 20 (размеры рва $9,5 \times 8$ м), 24 (размеры рва 8×6 м), 32 (размеры рва $10,5 \times 9$ м).

Ни разу в сохранившихся насыпях не отмечено наличия каких–либо включений (камки, камышовых прослоек и т. д.). Насыпь всегда состояла из плотного чернозёма, взятого из рва, если он устраивался вокруг насыпи, или в непосредственной близости от погребальной площадки.

Единственная известная *крепид* была устроена вокруг насыпи кургана Николаевка/«На горбах» и состояла из некрупных известняковых камней.

Ни разу скифские насыпи III–II вв. до н. э. не укреплялись набросками или панцирями.

Подкурганые сооружения представлены выкидами из погребальных сооружений и ритуальными ямами.

Выкид из погребальных сооружений зафиксирован в 119 скифских курганах, сооружённых в III–II вв. до н. э. Он представлял собой излишки материковой глины вследствие неполного засыпания погребальной камеры катакомбы даже в том случае, если вход в дромос специально не перекрывался закладом. Выкид всегда связан с основным захоронением кургана.

Форма выкида не была установлена в 106 скифских курганах, т. е. в абсолютном большинстве случаев (87,6 % выкидов), поскольку были распаханы или сnivelированы большинство насыпей, и соответственно, уничтожена большая часть выкидов. О наличии выкида в этих случаях свидетельствуют комья жёлтой материковой глины, которые фиксировались на курганном пятне и в распахиваемом чернозёмном слое. В кургане Глиное 116 материковый выкид был отмечен в профилях бровки, однако в плане зафиксирован не был.

В семи курганах (Глиное 2, 14, 31, 93, 97, 101; Чобручи 2) под сохранившимися насыпями зафиксирован *сомкнутый кольцевой выкид*, уложенный вокруг входной ямы катакомбы на древнем горизонте.

Под насыпями Глиное 53, 61, 96 отмечен *кольцевой материковый выкид с двумя разрывами*, на западе и востоке.

Ещё в трёх курганах (Глиное 6, 17, 82) отмечен *выкид в виде дуги*. Во всех трёх случаях дуга выкида располагалась к западу от основных входных ям основных погребений.

Двусторонний выкид лежал возле входной ямы погребения Семёновка 20/1, сопровождавшего основной комплекс (кенотаф) в кургане и сооружённого с ним одновременно.

Только в одном случае выкидом из основного погребения была присыпана вся подкурганная поверхность. В кургане 4 у г. Тирасполь выкид имел овальную форму размерами 21,5 × 18,5 м и был обожжён. эта *материковая прослойка*, очевидно, служила для ограничения курганного пространства, поскольку ров не был устроен. Кроме того, на центральную часть выкида (толщиной до 0,5 м), окружавшую устье входной ямы катакомбы, было уложено перекрытие, которое во время сооружения кургана было сожжено.

Выкиды *не были зафиксированы* в 48 скифских насыпях III–II вв. до н. э. Градешка 7а, 8, 10, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 24, 27; Дервент 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 18; Каролино–Бугаз 2; Котловина–I 6; Кугурлуй 4, 8, 10, 15, 16, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 26, 29, 31, 32; Мреснота Могила 4, 14, 21, 22; Табаки 3, 4; Фрикацей 5/3.

Кроме того, дважды были отмечены выкиды из скифских захоронений III в. до н. э., которые были впущены в насыпи предшествующего времени.

Односторонний выкид в виде пятна неправильной овальной формы лежал к северу от входной ямы катакомбы Нечаянное 2/8, впущенной в курган эпохи бронзы. *Двусторонний материковый выкид* отмечен возле входной ямы катакомбы Глиное/Водовод 7/5, впущенной в скифскую насыпь, сооружённую в самом конце IV в. до н. э.

Ритуальные ямы обнаружены только в трёх курганах: Глиное 46, 70 и 94 – по одной яме в каждом кургане (табл. 2).

Ни одна из ям не была пустой. Во всех трёх случаях отмечены следы огня в виде кострищ. В качестве жертвенных даров оставляли сосуды (лепная

кружка в яме кургана Глиное 46; лепные горшок и поильник в яме кургана Глиное 94) и украшения (в яме кургана Глиное 46).

Единственным *внекурганым сооружением* является *ров*. Он был зафиксирован в 33 курганах (19,52 % скифских курганов III–II вв. до н. э.): Владычень–I 13; Глиное 2, 5, 8, 14, 34, 41, 51, 70, 89, 94, 100, 102, 105, 106, 107, 115, 116; Градешка 8, 10, 15; Дервент 1, 7, 8, 15, 16, 17; Кугурлуй 10, 20, 24, 31, 32; Мреснота Могила 21 (табл. 2).

Отмечены только *кольцевые рвы*. В курганах Глиное 5, 14, 51 зафиксировано только по одному разрыву в восточной части, при этом выяснить, были ли разрывы в западной части, не представлялось возможным, поскольку западные (Глиное 14, 51) и южная (Глиное 5) части рвов были уничтожены при строительстве грунтовой дороги и прокладке труб оросительной системы (Глиное 14), находились под асфальтированной (Глиное 51) или просёлочной (Глиное 5) дорогой. В кургане Градешка 15 разрывы не зафиксированы, отмечены только два участка кольцевого рва.

Сомкнутые (без разрывов) кольцевые рвы окружали насыпи четырёх курганов: Дервент 7, 16, 17; Кугурлуй 32.

Кольцевые рвы *с одним разрывом* изучены в трёх курганах: Градешка 8 (разрыв в западной части); Дервент 8 (разрыв в западной части), 15 (разрыв в восточной части).

Исследовано 19 рвов *с двумя разрывами* в западной и восточной части: Владычень–I 13; Глиное 2, 8, 34, 41, 89, 100, 102, 105, 106, 107, 115, 116; Градешка 10; Дервент 1; Кугурлуй 10, 20, 31; Мреснота Могила 21. Ещё один ров имел два разрыва в северной и южной части – Кугурлуй 24.

Наиболее интересными являются два рва *с восемью разрывами* или восьмисегментные, в курганах Глиное 70 и 94. Оба рва практически

идентичны друг другу: оба имеют по восемь разрывов, четыре в северной части и симметричные им четыре разрыва – в южной.

Следами ритуальных действий являются тризны в насыпях курганов, тризны на уровне древнего горизонта и тризны во рвах. Первые из них связываются с надмогильными, вторые – с подкурганскими, а третьи – с внекурганскими сооружениями (Ольховский, 1991. С. 183, Прил. 1). Вследствие степени сохранности насыпей III–II вв. до н. э., а точнее, полной их нивелировки распашкой, нет никакой возможности установить, проводилась ли тризна на уровне древнего горизонта, либо позже, во время возведения насыпи. Тризна во рвах, безусловно, относится к данным внекурганским сооружениям, однако и в этом случае ни разу не было установлено, когда именно (во время совершения погребения или спустя какое-то время) она проводилась. В этой связи все тризны рассматриваются единым блоком.

Тризны обнаружены в 63 курганах (37,27 % скифских курганов III–II вв. до н. э.). В 21 случае, когда курган был окружён рвом, тризна находилась именно в нём²⁸. В кургане Глиное 41 со рвом «тризна» в насыпи/на горизонте представлена лоцилом из ручки амфоры. В 42 курганах тризны были совершены либо на уровне древнего горизонта, либо в насыпи.

В большинстве случаев в составе тризны присутствует амфорный бой (54), значительно реже – кости животных (25), фрагменты лепных (18), гончарных (9) сосудов, камни (11), абразив (1), бронзовое изделие (1).

В кургане Глиное 2, в восточной части южной дуги рва, было зафиксировано *кострище*, состоящее из пепла и древесных углей.

²⁸ Во рвах десяти курганов (Градешка 8, 15; Дервент 1, 7, 15, 16, 17; Кугурлуй 24, 31, 32) тризны зафиксированы не были.

Возможно, в ров кургана Владычень–I 13 было положено *чучело лошади*. В отчёте о раскопках упоминаются «череп и кости ног» коня, обнаруженные у западного окончания северной дуги рва (Фокеев, 1990. С. 19).

В трёх случаях были отмечены тризны возле скифских захоронений, впущенных в насыпи курганов эпохи бронзы: Белгород–Днестровский 1/12 – амфорный бой (преимущественно, родосский); Нечаянное 2/8, 2/11 – амфорный бой и нижняя часть красноглиняного гончарного сосуда; Попова Могила – амфорный бой, фрагменты чернолаковых и лепных сосудов, фрагменты стеклянных сосудов, три наконечника стрел и монета.

Кроме того, тризны были отмечены и возле двух бескурганных захоронений: Николаевка 12 – фрагменты не менее чем двух амфор; Николаевка 56 – фрагменты амфоры и наконечник стрелы.

Анализ намогильных, подкурганных и внекурганных сооружений, а также связанных с ними следов ритуальных действий в скифских погребальных комплексах III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья свидетельствует о том, что все они продолжают традиции скифского погребального обряда предшествующего времени.

Обращает на себя внимание практика сооружения значительного числа невысоких и небольших курганных насыпей, компактно расположенных на крупных могильниках (Глиное, Кугурлуй, Дервент, Градешка). Нет сомнений, что подобное стало возможным при условии длительного проживания скифского населения в непосредственной близости от могильника, т. е. вследствие перехода от кочевого образа жизни к оседлому. Другим таким примером может являться скифский могильник Мамай–Гора в Нижнем Поднепровье (Андрух, Тощев, 1999; Андрух, 2001; Андрух, Тощев, 2004; 2009).

§2. Погребальные сооружения и их конструктивные элементы

На 332 изученных погребения III–II вв. до н. э. приходится восемь ям, 318 катакомб, два кенотафа, сооруженных на уровне древнего горизонта, и четыре захоронения, вид погребального сооружения которых не устанавливается (табл. 1).

В III–II вв. до н. э. **ямы** как вид погребального сооружения крайне редки. Известно всего восемь захоронений в ямах (2,4 % погребений). Ямы представлены двумя типами по В. С. Ольховскому (1991. С. 16–17, 20–23).

Семь ям принадлежат *I типу*, отношение длины которых к ширине колеблется от 1,4 : 1 до 3,4 : 1. Это прямоугольные (Глиное/Водовод 8/4; Дервент 8/1; Николаевка 56, 59) (рис. 3/1–3), овальные (Николаевка 12; Попова Могила, сопровождающее захоронение) (рис. 3/3) и трапециевидная (Николаевка 54) ямы. Шесть из них относятся к варианту 1, включающему обычные ямы без дополнительных элементов. Яма захоронения Николаевка 12, за счёт наличия облицовки стен камнем, относится к варианту 2 ям типа I. Строгую широтную ориентировку (по линии 3 – В) имели ямы погребений Дервент 8/1, Николаевка 12, 56, 59. Другие комплексы (Глиное/Водовод 8/4; Николаевка 54) были ориентированы по линии СЗ – ЮВ. Данных об ориентировке ямы в кургане Попова Могила нет.

К *III типу* ям относится только конструкция захоронения Николаевка 48. Эта узкая прямоугольная яма длиной 3,5 м и шириной 1 м (соотношение длины к ширине от 3,5 : 1) была ориентирована по линии ЗЮЗ – ВСВ. Погребение, за счёт облицовки стен камнем, можно отнести к варианту 2 ям III типа.

Основным в кургане был только комплекс Дервент 8/1. Впускным в скифскую насыпь являлось захоронение Глиное/Водовод 8/4, впускным в

насыпь эпохи бронзы – сопровождающее захоронение кургана Попова Могила, бескурганнами – погребения Николаевка 48, 54 и 59.

Среди *конструктивных элементов ям* отмечены только перекрытие и забутовка.

Перекрытие ям камнем отмечено в четырёх случаях (табл. 1). В погребениях Николаевка 56, 59 оно было поперечным (рис. 3/3). В захоронениях Николаевка 48 и 54 ввиду ограбления характер перекрытия не устанавливается.

В остальных пяти комплексах, если перекрытие и устраивалось, то оно не было зафиксировано.

Забутровка зафиксирована единожды (табл. 1). Погребение Дервент 8/1 при длине ямы 1,8 м, ширине 1 м и глубине 1,2 м с глубины 0,9 м и до дна было забутовано камнями и стенками амфор (Гудкова, Суничук, 1985. С. 11, Табл. 29/2). Очевидно, погребение не было ограблено, а представляло собой кенотаф.

Катакомбы (318 или 95,78 % захоронений) представлены семью основными типами по классификации В. С. Ольховского (1991. С. 26–28) и четырьмя типами комбинированных катакомб.

Исследованы 29 *катакомб I типа* (9,12 % катакомб), погребальные камеры которых ориентированы по длинной оси входного колодца и параллельны ему.

21 катакомба I типа является бездромосной однокамерной, т. е. включается в 1-й вариант катакомб I типа: Глиное 2/3, 6/2, 22/1, 22/4, 36/2, 39/2, 43/1, 46/1, 46/2, 54/1, 67/1, 67/2, 67/5, 73/2, 75/3, 90/1, 102/1, 102/2, 107/2, 111/1; Семёновка 20/1 (рис. 4/1–4).

В шести случаях встречен 2-й вариант (однодромосные однокамерные) катакомб I типа: Глиное 56/3, 60/2, 78/2, 85/2; Глиное 277 (раскопки 1896–1911 гг.); Кугурлуй 26/1. Конструкция трёх погребений (Глиное 56/3, 60/2, 85/2) стала результатом не заранее запланированных работ по сооружению катакомб, а определённых обстоятельств (рис. 5/1,3). Об этом свидетельствуют стратиграфические и планиграфические наблюдения. Так, все эти катакомбы были впущены в насыпи и, без сомнения, планировались строителями как T-образные (III типа). В двух случаях сооружению погребальной камеры в восточной стене мешало наличие входных ям (56/3, 85/2) других погребений, совершённых в предшествующее время. Ещё в одном комплексе (60/2) строители осознали опасность нарушения целостности камеры основного погребения (60/1). Эти соображения подтверждаются при ознакомлении с общими планами курганов (рис. 5/2,4), а также наличием угловых ступеней–выступов во входных ямах, которые не встречены ни в одной другой катакомбе I типа.

К 3-му варианту (бездромосные многокамерные) катакомб I типа относится только погребение 103/2 могильника у с. Глиное (рис. 6/1,2), представлявшее собой двухкамерную бездромосную конструкцию, в которой обе камеры устроены в длинных стенах входной ямы (подвариант А варианта 3 по В. С. Ольховскому).

Вариант 4 (однодромосные многокамерные) катакомб I типа представлен только захоронением в кургане 122 у с. Парканы (Мелюкова, 1962б. С. 138, Табл. 9/7). Данная катакомба отличается от исследованной в кургане 277 у с. Глиное только наличием второй камеры, в которую вёл короткий дромос из восточной стенки первой камеры (подвариант Б варианта 4 по В. С. Ольховскому) (рис. 6/3).

Основным для насыпи на могильнике у с. Глиное было только одно захоронение, совершённое в катакомбе I типа, – 90/1. Одним из основных погребений (вместе с катакомбой II типа) в кургане была катакомба

Кугурлуй 26/1. Погребение Семёновка 20/1 сопровождало основной погребальный комплекс – кенотаф, сооружённый на уровне древнего горизонта. Кроме того, с большой долей вероятности, основными были также катакомбы в курганах 277 у с. Глиное и 122 у с. Парканы.

Большинство погребений III–II вв. до н. э., совершённые в катакомбах I типа, были впущены в уже существующие насыпи. Как правило, погребения, совершённые в катакомбах I типа, впускались в насыпь к югу от основного комплекса: 11 случаев – Глиное 36/2, 39/2, 46/1, 46/2, 54/1, 56/3, 75/3, 78/2, 85/2, 103/2, 111/1. В семи насыпях они были впущены в юго–западный сектор (Глиное 2/3, 6/2, 60/2, 67/2, 67/5, 73/2, 102/1); в трёх насыпях – в северо–восточный (Глиное 43/1, 102/2, 107/2). Отмечено по одному случаю, когда катакомбы I типа были впущены в насыпи к северу (Глиное 22/4) и к западу (Глиное 67/1) от основного погребения. В кургане Глиное 22 катакомба I типа (22/1) была впущена в самый центр насыпи, перерезав при этом входную яму основной катакомбы.

В 11 курганах катакомбы I типа своей длинной осью были ориентированы по линии З – В: Глиное 6/2, 22/1, 43/1, 46/2, 54/1, 56/3, 73/2, 78/2, 90/1; Глиное 277; Парканы 122. В двух случаях были зафиксированы незначительные отклонения от широтной ориентировки: погребение 46/1 могильника у с. Глиное длинной осью было ориентировано по линии ЗСЗ – ВЮВ; захоронение Семёновка 20/1 – по линии ЗЮЗ – ВСВ. Для девяти комплексов отмечены промежуточные ориентировки: в пяти случаях это линия СВ – ЮЗ (Глиное 2/3, 22/4, 60/2, 103/2, 111/1), ещё в четырёх – СЗ – ЮВ (36/2, 39/2, 85/2, 107/2). Только четыре катакомбы своей длинной осью были ориентированы строго меридионально (Глиное 67/1, 67/2, 102/1; Кугурлуй 26/1). Дважды отмечены незначительные отклонения: ССЗ – ЮЮВ (Глиное 102/2) и ССВ – ЮЮЗ (Глиное 75/3).

Исследованы 36 *катакомб II типа* (11,33 % от общего числа). Их погребальная камера является продолжением длинной оси входного колодца.

14 захоронений (Владычень–I 13/1; Котловина–I 6/1, 6/2; Кугурлуй 8/2, 19/1, 20/2; Мрснота Могила 14/1, 21/1, 22/1, 22/2; Николаевка/«На горбах» 1/1; Табаки 4/1; Терновка 185; Чобручи 345) принадлежат 1–му варианту, подварианту А катакомб II типа (бездромосные однокамерные) (рис. 7).

22 погребения (Владычень–I 14/2, 14/3, 14/4; Глиное 2/2 и 6/1; Глиное/Водовод 7/5; Градешка 8/1; Дервент 13/2; Каролино–Бугаз 2/5; Кугурлуй 4/1, 15/2, 16/1, 18/1, 24/1, 25/2, 26/2, 31/1, 32/3; Мрснота Могила 14/3, 21/2; Табаки 3/1, 4/2) относятся ко 2–му варианту, подварианту А катакомб II типа. Длинные оси их погребальных камер являются продолжением длинных осей входных ям, с которыми они соединяются дромосами (рис. 8).

В большинстве случаев погребальные камеры располагались к востоку от входных ям, однако в четырёх комплексах их размещение обратное – погребальные камеры находились к западу от входных колодцев (Каролино–Бугаз 2/5; Кугурлуй 20/2; Мрснота Могила 22/2; Табаки 4/2).

29 захоронений были основными в насыпях: Владычень–I 14/3, 14/4; Глиное 2/2; Градешка 8/1; Дервент 13/2; Каролино–Бугаз 2/5; Котловина–I 6/1, 6/2; Кугурлуй 4/1, 8/2, 15/2, 16/1, 18/1, 19/1, 20/2, 24/1, 25/2, 26/2, 31/1, 32/3; Мрснота Могила 14/3, 21/1, 21/2, 22/2; Николаевка/«На горбах» 1/1; Табаки 3/1, 4/2; Терновка 185; Чобручи 345.

Погребения Глиное 6/1, Владычень–I 14/2, Мрснота Могила 14/1, Табаки 4/1 были впущены в насыпи к Ю от основных погребений, Владычень–I 13/1, Мрснота Могила 22/1 – к С от основного захоронения, Глиное/Водовод 7/5 – к СЗ. Комплекс Глиное 6/1 является на настоящий момент единственной катакомбой II типа в Северном Причерноморье, впущенной в насыпь кургана с основным погребением, совершённым в катакомбе III типа. Ещё В. С. Ольховский отмечал, что катакомбы II типа не впускали в курганы с основными катакомбами III типа (Ольховский, 1991. С. 37).

20 катакомб (Глиное 2/2, 6/1; Градешка 8/1; Каролино–Бугаз 2/5; Кугурлуй 8/2, 15/2, 16/1, 18/1, 19/1, 20/2, 24/1, 25/2, 26/2, 31/1; Мреснота Могила 14/1, 14/3, 22/2; Николаевка/«На горбах» 1/1; Табаки 4/2; Терновка 185) были ориентированы своей длинной осью по линии З – В, три (Котловина–I 6/2; Кугурлуй 32/3; Мреснота Могила 21/1) – по линии ЗСЗ – ВЮВ, пять (Владычень–I 14/3, 14/4; Котловина–I 6/1; Мреснота Могила 21/2, 22/1; Табаки 3/1) – по линии ЗЮЗ – ВСВ, три (Владычень–I 13/1, 14/2; Дервент 13/2) – по линии ЮЗ – СВ, три (Глиное/Водовод 7/5; Табаки 4/1; Чобручи 345) – по линии СЗ – ЮВ. При этом погребённый в захоронении Глиное 2/2 лежал головой на север, а в других комплексах отмечена широтная ориентировка.

Наибольшее распространение в III–II вв. до н. э. получили *катакомбы III типа*, длинные оси погребальных камер которых перпендикулярны длинным осям входных колодцев, причём вход в дромос или саму камеру находится в короткой стене входного колодца. Таких катакомб исследовано 184, т. е. 57,87 % от общего числа.

Катакомбы III типа представлены и бездромосными, и дромосными конструкциями.

Бездромосные однокамерные (1 вариант катакомб III типа) сооружения зафиксированы в девяти курганах. К подварианту А относятся три погребения (Дервент 7/3; Роксоланы (Никоний) 2/6; Тирасполь 4/2), где входной колодец примыкает к середине погребальной камеры (рис. 9). Остальные пять катакомб (Николаевка 24; Плоское 218, 221; Терновка 186, 188; Фрикацей 5/3) включаются в подвариант Б, для которого характерно примыкание входной ямы ближе к одной из торцевых стен камеры (рис. 10).

Абсолютно доминирует 2 вариант, т. е. однодромосные и однокамерные конструкции. Таких сооружений исследовано 168.

52 из них представляют подвариант А, в котором дромос примыкает к погребальной камере посередине: Глиное 11/1, 15/2, 31/1, 38/1, 46/3, 50/1, 66/1, 69/2, 82/1, 92/2, 94/3, 105/1; Градешка 7а/1, 14/1, 15/1, 20/1; Дервент 1/2, 5/1, 9/1, 10/1, 13/1, 17/1; Кугурлуй 4/2, 15/1, 18/2, 19/2, 29/1, 32/2; Парканы 109, 114, 121, 143, 154, 156, 159, 172, 174; Плоское 377; Сукляя; Чобручи 281, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412 (рис. 11).

Подвариант Б, для которого характерно примыкание дромоса ближе к одной из торцевых стен камеры, получил значительно большее распространение и представлен 116 катакомбами: Глиное 6/3, 7/1, 9/1, 10/1, 12/1, 12/2, 13/1, 13/3, 14/1, 14/2, 15/1, 16/1, 17/1, 18/1, 20/1, 21/1, 22/3, 23/1, 25/1, 26/1, 27/1, 30/1, 33/1, 33/2, 34/1, 35/1, 38/3, 39/1, 40/1, 41/1, 41/2, 42/1, 43/2, 45/1, 46/4, 48/1, 51/1, 52/1, 53/1, 54/2, 54/3, 56/1, 56/2, 58/1, 59/1, 60/1, 61/1, 62/1, 63/1, 66/2, 67/3, 67/4, 69/1, 70/1, 71/1, 72/1, 73/1, 74/1, 74/2, 75/2, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 81/1, 81/3, 84/1, 85/1, 86/1, 87/1, 87/2, 88/1, 88/2, 89/2, 91/1, 91/2, 92/1, 93/1, 95/1, 96/1, 96/2, 97/1, 98/1, 99/1, 100/1, 101/1, 102/3, 102/4, 104/1, 105/2, 107/1, 107/3, 108/1, 109/1, 111/2, 112/1, 113/1, 114/1, 115/1; Градешка 16/1, 17/1, 19/1, 20/2, 24/1, 27/1; Дервент 5/2, 6/1, 9/2, 11/1, 15/1, 15/2, 16/1, 18/1; Кугурлуй 23/2; Парканы 153; Чобручи 2/3 (рис. 12).

Вариант 4 (однодромосные многокамерные) катакомб III типа представлен только захоронением Парканы 173 (рис. 13). Данная катакомба отличается от указанных катакомб варианта 2А наличием второй камеры, в которую вёл дромос из южной стенки первой камеры (подвариант А варианта 4 по В. С. Ольховскому).

Ещё пять катакомб включаются в 5-й вариант катакомб III типа: Глиное 44/1, 57/1, 64/1, 76/1, 111/3. Это сооружения двухкамерные и двухдромосные (многокамерные многодромосные по В. С. Ольховскому). Во входных ямах указанных погребений было устроено по два дромоса – в западной и восточной стене, и, соответственно, сооружены по две параллельные между собой и перпендикулярные по отношению к входной яме погребальные

камеры. Во всех случаях дромосы примыкали ближе к одной из торцевых стен камеры, что соответствует подварианту Б 5–го варианта катакомб III типа.

Существуют некоторые различия в конструкциях катакомб 5–го варианта III типа. В погребениях Глиное 44/1, 57/1 и 76/1 западная камера была вытянута в северном направлении, а восточная – в южном (асимметричные катакомбы 5–го варианта III типа). При этом в западных камерах погребённые лежали головами на юг, а в восточных – головами на север. Симметричные катакомбы 5–го варианта III типа встречены в погребениях Глиное 64/1 и 111/3. В этих комплексах и западная, и восточная камеры были вытянуты в южном направлении, а все погребённые в камерах лежали головами на север.

Погребение в кургане 131 у с. Парканы также было совершено в катакомбе III типа, хотя и описывается как яма прямоугольной формы, ориентированная меридионально (Мелюкова, 1962б. С. 116, Табл. 4/1). Ни одной подобной ямы в Северо–Западном Причерноморье нет. В то же время инвентарь из данного комплекса (лепная миска, лепной кувшин, четыре железных и один бронзовый наконечники стрел, золотая серьга, железный нож, бусины) находит полное соответствие в материалах могильника у с. Глиное Слободзейского р–на, где подобный обряд (меридиональная ориентировка камер катакомб и погребённых (головой на север), набор инвентаря) зафиксирован многократно. Очевидно, в конце XIX – начале XX в. была раскопана только погребальная камера катакомбы, которую ввиду отсутствия информации о входной яме и дромосе нельзя отнести ни к одному из вариантов катакомб III типа.

Катакомбы III типа в зависимости от их конструктивной схемы могут быть условно поделены на четыре группы – с ориентировкой погребённых в северном, южном, восточном и западном направлении.

К первой, самой многочисленной, группе относится 147 катакомб с ориентировкой погребённых в северном полукруге. В 139 из них дромос и камера располагались к востоку от входной ямы. Это следующие комплексы: Глиное 6/3, 7/1, 9/1, 10/1, 11/1, 12/1, 12/2, 13/1, 13/3, 14/1, 14/2, 15/1, 15/2, 16/1, 17/1, 18/1, 20/1, 21/1, 22/3, 23/1, 25/1, 26/1, 27/1, 30/1, 31/1, 33/2, 34/1, 39/1, 41/2, 42/1, 43/2, 46/3, 46/4, 48/1, 50/1, 51/1, 52/1, 54/2, 56/1, 56/2, 59/1, 60/1, 61/1, 62/1, 63/1, 66/1, 66/2, 67/3, 67/4, 69/1, 69/2, 70/1, 71/1, 72/1, 73/1, 74/1, 74/2, 75/2, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 81/1, 81/3, 82/1, 84/1, 85/1, 86/1, 87/1, 87/2, 88/2, 89/2, 91/1, 91/2, 92/1, 92/2, 93/1, 96/1, 96/2, 97/1, 98/1, 99/1, 101/1, 102/4, 105/1, 105/2, 107/3, 109/1, 111/2, 112/1, 113/1, 114/1, 115/1; Градешка 7а/1, 14/1, 15/1, 16/1, 17/1, 19/1, 20/1, 20/2, 24/1; Дервент 1/2, 5/1, 5/2, 9/1, 9/2, 10/1, 11/1, 13/1, 15/1, 16/1, 17/1; Кугурлуй 18/2, 19/2, 29/1, 32/2; Парканы 154, 156, 172; Плоское 218, 221, 377; Терновка 186, 188; Фрикацей 5/3; Чобручи 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412 (раскопки 1896–1911 гг.); Чобручи 2/3 (рис. 15/1). К группе «северников», с учётом вытянутости южной части погребальной камеры, мы относим и единственный кенотаф (40/1) могильника у с. Глиное. Обращают на себя внимание катакомбы Дервент 5/2 и 11/1, камеры которых были вытянуты в северной части, в отличие от прочих катакомб «северников».

Также головой на север были положены погребённые в 12 катакомбах, дромос и камера которых были устроены к западу от входной ямы (Глиное 38/3, 94/3, 102/3, 107/1; Дервент 6/1, 7/3; Парканы 153, 159, 173, 174; Суклея; Тирасполь 4/2) (рис. 15/2). Обращает на себя внимание единственная в своём роде конструкция «северного» комплекса 107/1 могильника у с. Глиное, типичная для захоронений «южников», т. е. вытянутая в северной части (рис. 15/3).

Две двухдромосные и двухкамерные катакомбы также относятся к «северникам». Асинхронное погребение 64/1 содержало четыре костяка: первоначально в западной камере положили двух погребённых, а в восточной

– одного; спустя некоторое время в западную камеру подзахоронили ещё одного погребённого (рис. 14/2). Четыре костяка обнаружены также и в асинхронном захоронении 111/3: во время первичного захоронения в западную камеру были положены двое погребённых, а в восточную – один; спустя какое-то время в восточную камеру было произведено подзахоронение ещё одного погребённого.

К указанным захоронениям относится и катакомба из кургана 131 у с. Парканы, при этом установить, с какой стороны находилась входная яма, не представляется возможным.

Ко второй группе катакомб, с ориентировкой погребённых в южном полукруге, или к «южникам», относятся всего 19 захоронений. Их дромос и погребальная камера устраивались к западу от входной ямы: Глиное 33/1, 35/1, 38/1, 41/1, 45/1, 53/1, 54/3, 58/1, 88/1, 95/1, 100/1, 104/1, 108/1; Градешка 15/2, 27/1; Кугурлуй 23/2; Парканы 109, 114 и 153 (рис. 15/4).

Сочетание «северной» и «южной» схем демонстрируют три двухкамерные и двухдромосные катакомбы III типа, захоронения в которых были совершены одновременно. В погребениях Глиное 44/1 (рис. 15/5) и 57/1 (рис. 14/1) в западных камерах обнаружено по одному погребённому, лежащему головой на юг, и по два погребённых в восточных камерах, лежащих головой на север. В захоронении Глиное 76/1 в западной камере находилось два костяка головой на юго-восток. Восточная камера была полностью ограблена, однако, судя по её вытянутости в южном направлении, погребённый или погребённые в ней лежали головой на северо-запад (рис. 15/6).

В трёх комплексах была зафиксирована «восточная» схема. Входная яма и дромос катакомбы 18/1 могильника Градешка были ориентированы по линии С – Ю, а погребальная камера – по линии З – В. Входные ямы и дромосы катакомб в курганах Парканы 121 (рис. 16/1) и Чобручи 281 (рис. 16/2) были

ориентированы по линии ССЗ – ЮЮВ, а погребальные камеры – соответственно по линии ЗЮЗ – ВСВ. При этом погребённые во всех трёх катакомбах лежали головой в восточном полукруге, о чём свидетельствуют неограбленный комплекс кургана 281 у с. Чобручи, а также вытянутость западной части катакомбы Градешка 18/1.

«Западная» схема была использована при сооружении катакомб Кугурлуй 4/2 и Роксоланы (Никоний) 2/6. Входной колодец катакомбы Кугурлуй 4/2 был ориентирован по линии З – В, при этом камера, устроенная к востоку от него, имела квадратную форму размерами 2,1 × 2,1 м, а погребённый лежал головой на запад. Входная яма катакомбы Роксоланы (Никоний) 2/6 была ориентирована по линии ССВ – ЗЮЗ, а погребальная камера, устроенная к северу от неё, – перпендикулярно. При этом все четыре погребённых лежали головой на ЗСЗ (рис. 9/3). По всей видимости, головами в западном направлении лежали и погребённые в ограбленных катакомбах Кугурлуй 15/1 и Николаевка 24.

Из 184 катакомб III типа 152 являлись основными для насыпей (82,6 %): Глиное 6/3, 7/1, 9/1, 10/1, 11/1, 12/1, 13/1, 14/1, 15/2, 16/1, 17/1, 20/1, 21/1, 23/1, 25/1, 26/1, 27/1, 30/1, 31/1, 33/1, 33/2, 34/1, 35/1, 38/1, 39/1, 40/1, 41/1, 42/1, 43/2, 44/1, 45/1, 46/3, 48/1, 50/1, 51/1, 52/1, 53/1, 54/3, 56/1, 57/1, 58/1, 59/1, 60/1, 61/1, 62/1, 63/1, 64/1, 66/1, 67/3, 69/1, 70/1, 71/1, 72/1, 73/1, 74/1, 75/2, 76/1, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 82/1, 84/1, 85/1, 86/1, 87/1, 88/1, 89/2, 91/1, 92/1, 93/1, 95/1, 96/1, 97/1, 98/1, 99/1, 100/1, 102/4, 104/1, 105/2, 107/3, 108/1, 109/1, 111/3, 112/1, 113/1, 114/1, 115/1; Градешка 7а/1, 14/1, 15/1, 16/1, 17/1, 19/1, 20/1, 20/2, 24/1, 27/1; Дервент 1/2, 5/1, 5/2, 6/1, 7/3, 9/2, 10/1, 11/1, 13/1, 15/1, 16/1, 17/1, 18/1; Кугурлуй 4/2, 15/1, 18/2, 19/2, 23/2, 29/1, 32/2; Парканы 109, 114, 121, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 173, 174; Плоское 218, 221, 377; Суклея; Терновка 186 и 188; Тирасполь 4/2; Фрикацей 5/3; Чобручи 2/3; Чобручи 281, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412.

Только 30 катакомб III типа были впускными (16,3 %) в скифских курганах: Глиное 12/2, 13/3, 14/2, 15/1, 18/1, 22/3, 38/3, 41/2, 46/4, 54/2, 56/2, 66/2, 67/4, 69/2, 74/2, 81/1, 81/3, 87/2, 88/2, 91/2, 92/2, 94/3, 96/2, 101/1, 102/3, 105/1, 107/1, 111/2; Дервент 9/1, 15/2. Как правило, катакомбы III типа впускались в курганы с основным погребением, совершённым также в катакомбе III типа. В двух курганах три конструкции III типа были впущены в курган с основным погребением в катакомбе V типа (Глиное 81/1 и 81/3, 101/1), дважды (Глиное 22/3, 75/2) – в курганы с основным погребением в катакомбе комбинированного типа III + I, и по разу – в курганы с погребениями в катакомбах комбинированных типов III + V (Глиное 94/1) и V + I (Глиное 18/1). Чаще всего, в 19 курганах, впускные погребения располагались в южном секторе насыпей: к югу (Глиное 12/2, 13/3, 15/1, 41/2, 54/2, 66/2, 67/4, 69/2, 74/2, 81/1, 87/2, 91/2), к юго–востоку (Глиное 46/4, 56/2, 81/3, 92/2, 96/2) и к юго–западу (Глиное 18/1, 88/2, 105/1; Дервент 9/1) от основных захоронений. В четырёх случаях были обнаружены впускные комплексы к востоку от основных погребений (Глиное 38/3, 94/3, 102/3, 107/1), в трёх – в северо–западном секторе кургана (Глиное 14/2, 22/3, 101/1), в двух – к северу от основного захоронения (Глиное 111/2, Дервент 15/2).

Кроме того, одна из катакомб III типа была впущена в насыпь кургана на некрополе Никония (Роксоланы 2/6), а другая – была исследована на бескурганном некрополе у с. Николаевка.

Ориентированы катакомбы III типа, как правило, своей длинной осью широтно. Чаще всего отмечена ориентировка по линии З – В. Исследован 101 такой комплекс: Глиное 6/3, 7/1, 9/1, 10/1, 11/1, 12/1, 12/2, 13/1, 14/1, 15/1, 15/2, 16/1, 17/1, 20/1, 21/1, 23/1, 25/1, 26/1, 27/1, 30/1, 31/1, 33/1, 34/1, 35/1, 38/1, 38/3, 39/1, 40/1, 41/1, 42/1, 43/2, 44/1, 45/1, 46/3, 48/1, 50/1, 51/1, 52/1, 53/1, 56/1, 57/1, 60/1, 61/1, 62/1, 63/1, 64/1, 66/1, 66/2, 67/3, 69/1, 69/2, 70/1, 71/1, 72/1, 73/1, 74/1, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 82/1, 85/1, 87/2, 88/1, 92/1, 92/2, 94/3, 95/1, 97/1, 98/1, 102/4, 105/2, 112/1, 113/1, 115/1; Градешка 7а/1, 14/1,

15/1, 16/1, 17/1, 19/1, 20/1, 20/2, 24/1, 27/1; Дервент 5/1, 5/2, 10/1, 11/1, 16/1, 13/1, 15/1, 15/2; Кугурлуй 4/2, 15/1, 18/2, 19/2, 29/1, 23/2; Тирасполь 4/2; Чобручи 2/3. Нередки и различные отклонения длинной оси катакомб от строгой широтной ориентировки: ЗСЗ – ВЮВ (Глиное 13/3, 14/2, 22/3, 54/2, 75/2, 81/1, 88/2, 91/1, 91/2, 100/1, 102/3, 104/1, 107/3; Кугурлуй 32/2); ЗЮЗ – ВСВ (Глиное 33/2, 54/3, 58/1, 59/1, 67/4, 74/2, 84/1, 86/1, 89/2, 93/1, 107/1, 111/3, 114/1; Дервент 6/1, 9/1, 9/2, 17/1; Фрикацей 5/3); ЮЗ – СВ (Глиное 18/1, 41/2, 46/4, 56/2, 76/1, 81/3, 87/1, 96/1, 96/2, 99/1, 101/1, 105/1, 108/1; Дервент 1/2, 7/3); СЗ – ЮВ (Глиное 109/1, 111/2).

Только в пяти случаях (Дервент 18/1; Николаевка 24; Парканы 121; Роксоланы (Никоний) 2/6; Чобручи 281) входные ямы катакомб были ориентированы меридионально.

Катакомбы V типа занимают второе место по распространённости среди погребальных сооружений III–II в. до н. э. Длинные оси входных ям и погребальных камер этих катакомб находятся под углом друг к другу, входная яма короткой стеной или отходящим от этой стены дромосом примыкает к длинной стенке камеры. Таких погребальных сооружений исследовано 37 (11,64 % катакомб).

35 катакомб V типа принадлежат ко 2–му варианту, т. е. являются однодромосными однокамерными конструкциями. 33 из них принадлежит подварианту А – длинная ось дромоса которых является продолжением длинной оси входной ямы: Глиное 5/1 (рис. 17/1), 8/1, 19/1, 19/2, 19/3, 19/4, 24/1, 28/1, 32/1, 35/2, 36/1, 37/1, 44/2, 55/1, 81/2, 84/2, 85/3, 89/1, 93/2, 101/2, 103/1, 116/2; Глиное 275, 276, 279 (рис. 17/2), 378; Коротное 294; Нечаянное 2/11; Чобручи 282, 283, 288, 289, 290. Только две катакомбы относятся к подварианту Б катакомб 2–го варианта V типа: Глиное 4/1 (рис. 18/1), 29/1 (рис. 18/2). Длинные оси дромосов этих погребений находятся под углом к длинной оси входных ям.

Погребение Нечаянное 2/8 является катакомбой 4-го варианта. Сооружение однодромосное и двухкамерное: дромос находится на одной линии со входной ямой, длинные оси обеих камер располагаются под углом 45° к этой линии.

Захоронение Глиное 83/1 представляет собой катакомбу 5-го варианта. Сооружение двухдромосное и двухкамерное. Дромосы устроены в западной и восточной стенах входной ямы, а камеры располагаются соответственно к западу и востоку от последней. По типологии В. С. Ольховского катакомба 83/1 может относиться и к подварианту А, т. к. западный дромос является продолжением длинной оси входной ямы, и к подварианту Б, т. к. восточный дромос находится под углом к ней. Конструкция катакомбы 83/1 весьма близка устройству погребений Глиное 44/1, 57/1, 64/1 и 76/1, совершённых в катакомбах III типа, с той лишь только разницей, что в катакомбе 83/1 погребальные камеры не перпендикулярны своей длинной осью длинной оси входной ямы (рис. 19).

Катакомбы V типа, так же, как и катакомбы III типа, по своей конструктивной схеме делятся на три группы. К первой группе – «северникам» – относится подавляющее большинство сооружений. 33 из 37 катакомб V типа устроены именно по такой схеме: Глиное 4/1, 5/1, 8/1, 19/1, 19/2, 19/3, 19/4, 28/1, 29/1, 35/2, 36/1, 44/2, 55/1, 81/2, 83/1, 84/2, 85/3, 89/1, 93/2, 101/2, 103/1, 116/2; Глиное 275, 279, 378; Коротное 294; Нечаянное 2/8, 2/11; Чобручи 282, 283, 288, 289, 290 (рис. 20/1,3). За исключением погребения Глиное 83/1, во всех катакомбах камеры располагались к востоку от входной ямы и были вытянуты в южном направлении, а погребённые лежали головой в северном полуокружье. В катакомбе Глиное 83/1 оба погребённых (и в западной, и в восточной камере) также были ориентированы головой в северном направлении (рис. 19).

В группу «южников» входят всего три погребения – Глиное 24/1, 32/1, 37/1 (рис. 20/2). Камеры этих катакомб располагались к востоку от входной ямы и

были вытянуты в северном направлении. Погребённые в захоронениях Глиное 24/1 и 32/1 лежали головой в южном полукруге. В катакомбе Глиное 37/1 при подзахоронении и особенно при последующем ограблении костяк первого погребённого был нарушен (его череп оказался в северной части), однако нет сомнений, что изначально он также лежал головой в южном полукруге.

Единственная катакомба в кургане Глиное 276 принадлежала «восточнику». Длинная ось входной ямы и дромоса была ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ, а длинная ось камеры – по линии З – В. При этом один из погребённых (ребёнок) лежал головой на В, а второй (женщина) – головой на СВ (рис. 20/3).

В 25 случаях (67,56 %) катакомбы V типа были основными для насыпей (погребения 4/1, 5/1, 8/1, 19/3, 24/1, 28/1, 29/1, 32/1, 36/1, 37/1, 55/1, 81/2, 83/1, 101/2, 103/1 могильника у с. Глиное; курганы 275, 276, 279, 378 у с. Глиное; курган 294 у с. Коротное; курганы 282, 283, 288, 289, 290 у с. Чобручи), ещё в десяти (27,02 %) впускными – 19/1, 19/2, 19/4, 35/2, 44/2, 84/2, 85/3, 89/1, 93/2, 116/2 могильника у с. Глиное.

Примечательно, что в курган Глиное 19 с основным погребением в катакомбе V типа (№ 3) были впущены ещё три погребения в катакомбах аналогичной конструкции. В остальных семи случаях катакомбы V типа впускались в курганы с основными погребениями, совершёнными в катакомбах III типа (Глиное 35/2, 44/2, 84/2, 85/3, 89/1, 93/2), или в катакомбе комбинированого типа III+I (Глиное 116/1). Впускные захоронения в катакомбах V типа в пяти курганах выявлены к югу (Глиное 35/2, 44/2, 84/2, 85/3, 89/1), в двух насыпях – к северу (Глиное 19/1, 19/2), в одной – к востоку (Глиное 19/4), в одной – к западу (Глиное 116/2) и ещё в одной – к юго-западу (Глиное 93/2) от основного погребения.

Катакомбы Нечаянное 2/8 и 2/11 были впущены в курган эпохи бронзы.

Как и катакомбы III типа, катакомбы V типа ориентированы широтно, как правило, по линии З – В. Исследовано 18 подобных комплексов: Глиное 4/1, 5/1, 8/1, 19/3, 19/4, 28/1, 29/1, 32/1, 35/2, 36/1, 37/1, 81/2, 83/1, 84/2, 85/3, 93/2, 103/1; Нечаянное 2/8. Реже фиксируются отклонения от строгой широтной ориентировки: в четырёх случаях по линии ЗСЗ – ВЮВ (Глиное 19/1, 19/2, 55/1; Нечаянное 2/11), в 11 случаях – по линии ЮЗ – СВ (Глиное 89/1, 101/2; Глиное 275, 279, 378; Короткое 294; Чобручи 282, 283, 288, 289, 290) и ВСВ – ЗЮЗ (Глиное 24/1, 116/2), в одном случае по линии СЗ – ЮВ (Глиное 44/2). Ориентировку длинной оси катакомбы Глиное 276 (по линии ССЗ – ВЮВ) можно считать меридиональной.

Исследовано восемь *катакомб VI типа* (2,51 % катакомб). Длинные оси их входных ям и погребальных камер находятся под углом, камера или дромос отходит от одного из углов или от короткой стороны входной ямы.

Четыре погребения (Глиное 68/2; Градешка 10/1; Кугурлуй 8/1; Мрснота Могила 4/2) относятся к 1–му варианту катакомб VI типа, т. е. являются бездромосными однокамерными. Входная яма катакомбы Глиное 68/2 ориентирована по линии ЗСЗ – ВСВ, а погребальная камера – по линии СЗ – ЮВ; вход в камеру находился в восточном углу ямы (рис. 21/1). Входной колодец катакомбы Градешка 10/1 был ориентирован строго широтно, а погребальная камера – по линии ЗСЗ – ВСВ; вход в камеру был устроен в восточной стенке входной ямы. В захоронении Кугурлуй 8/1 длинные оси входной ямы и камеры ориентированы по линии ЗЮЗ – ВСВ; вход в камеру находился в восточной стенке входной ямы. В катакомбе Мрснота Могила 4/1 длинные оси входной ямы и камеры ориентированы по линии ЗСЗ – ВЮВ; вход в камеру находился в восточной стенке входной ямы.

Захоронения Глиное 89/3, Кугурлуй 10/1 и Мрснота Могила 4/1 принадлежат ко 2–му варианту катакомб VI типа. Их входные ямы и камеры соединены дромосом, идущим из угла (Глиное 89/3) или стенки (Кугурлуй 10/1; Мрснота Могила 4/1) входной ямы (рис. 21/2).

Курган 120 у с. Парканы содержал однодромосную двухкамерную катакомбу (Мелюкова, 1962б. С. 139, Табл. 10/4). Она относится к 4 варианту катакомб VI типа (Ольховский, 1991, Табл. XV/10). Погребение полностью ограблено, поза и ориентировка костяков не установлены (рис. 21/3), однако при любом положении погребённых в каждой из камер (головой или ногами ко входу в дромос) очевидно единовременное сочетание «северной» и «южной» схем в одном погребальном сооружении, что уже отмечалось нами ранее на примерах катакомб III типа в захоронениях 44/1, 57/1 и 76/1 могильника у с. Глиное.

Четыре захоронения (Градешка 10/1; Кугурлуй 10/1; Парканы 120; Мреснота Могила 4/2) были основными для насыпей. Два погребения (Глиное 68/2, 89/3) были впущены в юго–восточные сектора насыпей курганов с основными погребениями, совершёнными в катакомбах типа III + I (Глиное 68/1) и типа III (Глиное 89/1). Захоронение Кугурлуй 8/1 было впущено к югу от основной катакомбы II типа, а погребение Мреснота Могила 4/1 – к югу от основной катакомбы того же VI типа.

Катакомба VII типа исследована одна (0,31 % катакомб) – в кургане 260 у с. Сербская Земля (Мелюкова, 1962б. С. 135–136. Табл. 8/2). Дромос катакомбы отходит под углом от длинной стенки входной ямы (Ольховский, 1991. С. 28), погребальная камера расположена перпендикулярно дромосу, что позволяет отнести сооружение к подварианту Б варианта 2 (однодромосные однокамерные) катакомб VII типа (рис. 22/1).

Захоронение в кургане 260 у с. Сербская Земля было основным для насыпи. Данная катакомба выполнена по южной «схеме»: погребальная камера располагалась к западу от входной ямы и была вытянута в северном направлении; во входной яме и в погребальной камере находились двое погребённых, лежавших головой в южном полукруге.

Катакомб VIII типа исследовано три (0,94 % катакомб): Беляевка 2/25, 2/26; Кугурлуй 32/1. Круглая (Беляевка 2/25, 2/26) или квадратная (Кугурлуй 32/1) входная яма примыкает к длинной стенке погребальной камеры (Ольховский, 1991. С. 28). Погребение Беляевка 2/25 представлено бездромосной однокамерной конструкцией (вариант 1), а захоронения Беляевка 2/26 и Кугурлуй 32/1 – однодромосными однокамерными (вариант 2).

Катакомба Кугурлуй 32/1 была одним из основных погребальных сооружений (вместе с катакомбами II и III типов) под насыпью кургана, и устроена по «северной схеме». Погребённый в камере лежал головой на ССВ.

Захоронения Беляевка 2/25 и 2/26 были впущены в насыпь эпохи бронзы, к западу от центра кургана, и выполнены по южной «схеме»: погребальные камеры располагались к западу от входной ямы. Камера катакомбы 2/25 была вытянута в южном направлении, и в ней лежал погребённый головой на ЮЮЗ. Дромос катакомбы 2/26 примыкал к середине камеры, ориентировка погребённого – южная.

Помимо вышеперечисленных типов, исследованы 14 *комбинированных катакомб* (4,4 % катакомб), конструкция которых не находит соответствий в классификации В. С. Ольховского (1991). Все комбинированные катакомбы образованы сочетаниями различных типов – I, II, III и V. Особо отметим, что все эти комплексы сооружались единовременно, а не явились результатом повторного перекопа входной ямы с последующим устройством второй камеры.

Три погребения (Владычень–I 13/2; Глиное 49/1; Дервент 4/1) являются катакомбами комбинированного типа II+I²⁹. В их входных ямах в длинных

²⁹ Здесь и далее при обозначении типа комбинированных катакомб сначала указывается тип, который образуется при связи входной ямы с основной камерой, а затем тип, образующийся при связи входной ямы с дополнительной камерой. Исключение

стенах (северной – Глиное 49/1, южной – Владычень–I 13/2, Дервент 4/1) устроены бездромосные катакомбы I типа, а в восточной стене расположена либо камера (Владычень–I 13/2), либо дромос, ведущий в неё (Глиное 49/1; Дервент 4/1). Основными камерами во всех случаях были восточные. В катакомбе Глиное 49/1 в восточной камере находилось асинхронное погребение мужчины и женщины, а в дополнительную (северную) положили чучело лошади головой на восток, т. е. в сторону основной камеры (рис. 23/1). В восточной камере катакомбы Владычень–I 13/2 лежал костяк мужчины, головой на запад, а в дополнительной (южной) камере – также чучело лошади³⁰. Восточная камера захоронения Дервент 4/1 была полностью ограблена, а в дополнительной (южной) камере находились анатомически целый костяк лошади, чучело лошади и костяк собаки, головами на ВСВ, т. е. в сторону основной камеры (рис. 23/2). Все погребения были основными в курганах, их длинные оси ориентированы по линии запад – восток (Глиное 49/1; Владычень–I 13/2) или по линии ЗЮЗ – ВСВ (Дервент 4/1). В основной камере катакомбы Глиное 49/1 погребённые были положены головой на север, как и в случае с первичным захоронением в катакомбе II типа 2/2 могильника у с. Глиное. Это обстоятельство указывает, что обе эти конструкции значительно ближе стоят к катакомбам III типа, чем к «классической» катакомбе II типа – с широтной ориентировкой погребённых (Четвериков, Синика, 2002. С. 300), как это зафиксировано в катакомбах Владычень–I 13/2 и Дервент 4/1.

Исследовано девять погребений в комбинированных катакомбах типа III+I. Шесть из них, будучи основными в курганах, предназначались для

составляют катакомбы комбинированных типов III + I (Глиное 94/2) и III + V (Глиное 94/1), камеры которых являлись равнозначными.

³⁰ В. С. Ольховский считал камеры для погребения лошадей большими нишами (Ольховский, 1991. С. 29). Однако размеры этих сооружений, сопоставимые с размерами камер для погребения людей, а иногда и превосходящие их, позволяют считать их отдельными погребальными камерами.

захоронения людей и в основных, и в дополнительных камерах (Глиное 22/2, 47/1, 65/1, 68/1, 106/1, 116/1), или человека в основной, а лошади – в дополнительной (Глиное 3/1). Дополнительные камеры, образующие со входной ямой катакомбы I типа, располагались в её северной (Глиное 3/1, 22/2, 47/1, 65/1, 106/1, 116/1) или в южной (Глиное 68/1) стене, соединяясь с ямой при помощи дромоса (Глиное 3/1, 22/2, 65/1, 106/1, 116/1) – 2-й вариант катакомб I типа, или без такового (Глиное 47/1, 68/1) – 1-й вариант катакомб I типа. Основные камеры во всех этих комплексах находились к востоку от входной ямы, а погребённые в них лежали головой на север (Глиное 3/1, 22/2, 47/1, 68/1) или север–северо–запад (Глиное 65/1, 106/1). В дополнительных камерах, расположенных к северу от входной ямы, погребённые были положены головой на запад (Глиное 22/2, 47/1, 106/1, 116/1) или западо–юго–запад (Глиное 65/1). В дополнительной камере погребения Глиное 68/1, которая располагалась к югу от входной ямы, погребённый был положен головой на восток. Также головой на восток (т. е. в сторону основной камеры) была положена лошадь в дополнительной камере, расположенной к северу от входной ямы погребения Глиное 3/1.

В захоронении Глиное 75/1, основном в кургане, назначение дополнительной камеры, расположенной в северной стенке входной ямы, достоверно не устанавливается. В ней не было обнаружено ни костей погребённого, ни инвентаря, ни следов подстилки. Однако, судя по размерам (1,3 × 0,6 × 0,6 м), она, по всей видимости, не могла предназначаться для захоронения взрослого индивидуума или целой лошади. Более всего эта камера похожа на аналогичные сооружения, предназначенные для погребения детей/подростков (рис. 25/2).

Погребение Глиное 94/2, в отличие от восьми указанных выше катакомб, являлось впускным в кургане и было сооружено для одновременного захоронения двух детей. Один ребёнок лежал в камере, устроенной вдоль длинной стены входной ямы и соединявшейся с последней дромосом

(катакомба 2-го варианта I типа). Второй ребёнок находился в камере, длинная ось которой была перпендикулярна длинной оси входной ямы и дромоса (подвариант Б 2-го варианта катакомб III типа). Погребение было впущено в курган к югу от основного захоронения, его длинная ось была ориентирована по линии ССВ – ЮЮЗ. К востоку от входной ямы была устроена камера для старшего ребёнка, лежавшего головой на ССВ; в южной стене ямы находился дромос, ведущий в камеру для младшего ребёнка, лежавшего головой на ЗСЗ (рис. 25/1).

В дополнительной катакомбе Глиное 116/1 были погребены двое детей, высочайший социальный статус которых не подлежит сомнению (на основании сопровождающего инвентаря), при этом в основной камере находилось захоронение знатного воина в гробовище (рис. 25/3).

Катакомба комбинированного типа III+V исследована одна – Глиное 94/1. Катакомба двухдромосная и двухкамерная. По своей конструкции она весьма близка к асимметричным катакомбам 5-го варианта III типа (Глиное 44/1, 57/1, 76/1). Однако расположение западной камеры под углом ко входной яме (как у катакомб V типа, 2-го варианта подварианта А), а восточной – перпендикулярно её длинной оси (как у катакомб III типа, 2-го варианта подварианта Б), позволяет отличать это сооружение от асимметричных катакомб 5-го варианта III типа. В западной камере погребённый, который был захоронен первым, по-видимому, лежал головой на юго-восток, о чём свидетельствует вытянутость северной части камеры; ориентировка второго погребённого, внесённого через впускную входную яму, не может быть установлена ввиду полного ограбления камеры. В восточной камере оба погребённых лежали головой на северо-запад. Захоронение Глиное 94/1 было основным для насыпи, его длинная ось была ориентирована по линии ЗЮЗ – ВСВ (рис. 26/1).

Катакомба комбинированного типа V+I исследована в захоронении Глиное 18/2. Параллельно входной яме, в её северной стене, находилась

дополнительная камера (катакомба 1-го варианта I типа) с анатомически целым костяком лошади, положенным головой на восток, т. е. в сторону основной камеры. Последняя была устроена к востоку от входной ямы, соединяясь с ней при помощи дромоса, находящегося на одной оси с входной ямой (катакомба подварианта А 2-го варианта V типа). В основной камере обнаружен один погребённый, лежавший головой на север. Катакомба была основным погребением для насыпи, ориентирована своей длинной осью по линии ЗСЗ – ВЮВ (рис. 26/2).

Относительно шести погребальных сооружений, разрушенных во время строительных работ (Тирасполь, 1980 г., 2005 г.; Слободзея, 2013 г.) или во время ограбления (Троицкое, 1881 г., 1895 г. – два погребения), можно предполагать с большой долей уверенности, что они были совершены в катакомбах (1,88 % катакомб).

Среди *конструктивных элементов катакомб* отмечены: перекрытие устья входной ямы, забутовка ямы, побелка стен ямы, ступени в ямах, ниши в стенах ямы, выемки у входа в дромос и уступы вдоль стен входной ямы, заклад входа в дромос/погребальную камеру, ниши в стенках камер, деление камеры на две зоны, ямки в полу камеры. Отдельно будут рассмотрены орнаменты вокруг устья дромоса и над ним, орнаментация дромосов и погребальных камер.

Перекрытие устья входной ямы отмечено в одном случае (табл. 1). На центральной части выкида (толщиной до 0,5 м), окружавшего устье входной ямы катакомбы Тирасполь 4/2, было уложено перекрытие, которое во время сооружения насыпи было сожжено. Характер этого перекрытия не установлен, но в публикации указаны «остатки обгоревшего перекрытия» на сильно обожжённом материковом выбросе (Хахеу, 1990. С. 128, 130), а в отчёте о раскопках – «небольшое количество обгоревшего дерева» в заполнении входной ямы ограбленной катакомбы (Гросу, Савва, Агульников, 1984. С. 37).

Забутовка входной ямы материковой глиной достоверно зафиксирована в шести катакомбах: Беляевка 2/25; Глиное 14/1, 16/1, 31/1, 33/1, 52/1, 54/3, 60/1, 112/1 (табл. 1).

«Побелка» стен входной ямы мелом достоверно зафиксирована в трёх катакомбах – Глиное 69/2, 87/1, 96/1 (табл. 1).

Ступени во входной яме выявлены в 215 катакомбах (67,61 % катакомб), предназначаясь, в первую очередь, для спуска–подъёма и, значительно реже, для иных целей.

Среди катакомб I типа исследовано 23 комплекса со ступенями. 18 из них (Глиное 2/3, 22/1, 22/4, 36/2, 43/1, 46/1, 46/2, 67/1, 67/2, 67/5, 73/2, 75/3, 90/1, 102/1, 102/2, 107/2, 111/1; Семёновка 20/1) имели по одной сплошной ступени, служившей для отделения пространства входной ямы от пространства погребальной камеры. В двухкамерной катакомбе Глиное 103/2 было две ступени, каждая из которых отделяла входную яму от каждой камеры. Только в погребении Глиное 6/2 зафиксировано три сплошных ступени, причём первые две предназначались для спуска–подъёма, а третья также для отделения пространства входной ямы от пространства камеры. В катакомбах Глиное 56/3 и 85/3 отмечено по две ступени: первая в виде углового выступа, а вторая – сплошная. Сочетание угловых и сплошных ступеней не характерно для катакомб I типа, дополнительно указывая на тот факт, что данные сооружения изначально планировались как катакомбы III типа. В полной мере это относится и к катакомбе Глиное 60/2, где были обнаружены две угловые ступени, предназначенные только для спуска–подъёма. Только в пяти катакомбах I типа ступеней не было (Глиное 39/2, 78/2) или они не были зафиксированы (Глиное 277; Кугурлуй 26/1; Парканы 122), в ещё одной катакомбе (Глиное 54/1) ступень, вероятно, была уничтожена при строительстве впускного погребения 54/2.

17 катакомб II типа содержали ступени во входных ямах. Сплошные ступени зафиксированы в девяти катакомбах: Владычень–I 13/1, 14/2, Котловина–I 6/1, Мреснота Могила 14/3, 21/1 – по одной ступени у короткой стены входной ямы, противоположной входу в дромос/камеру; Котловина–I 6/2, Мреснота Могила 21/2 – две ступени у короткой стены входной ямы, противоположной входу в камеру; Терновка 185 – пять ступеней, ведущих от короткой стены входной ямы ко входу в камеру; Николаевка/«На горбах» 1/1 – шесть ступеней, ведущих от короткой стены входной ямы ко входу в камеру; Глиное 6/1, Каролино–Бугаз 2/5 – одна ступень на переходе из входной ямы в дромос. Угловые ступени в катакомбах II типа встречаются реже, чем сплошные. В погребении Глиное 2/2 в основной яме после ограбления сохранилась только одна ступень, а во впускной их было две. Кроме того, угловые ступени были зафиксированы в катакомбах Мреснота Могила 22/1 (одна ступень), Владычень–I 14/3 (две ступени), 14/4 (одна ступень). Подобная схема ступеней, как будет показано ниже, более характерна для катакомб III, V и иных связанных с ними типов. Сочетание угловой и сплошной ступеней отмечено в катакомбе Табаки 4/2, угловой и двух сплошных – в погребении Глиное/Водовод 7/5.

Из 184 катакомб III типа в 125 были обнаружены ступени, причём в 29 из них и в основных, и во впускных ямах (Глиное 7/1, 9/1, 16/1, 17/1, 20/1, 27/1, 33/1, 34/1, 38/1, 42/1, 43/2, 52/1, 53/1, 59/1, 61/1, 62/1, 71/1, 77/1, 79/1, 80/1, 81/1, 88/1, 93/1, 96/1, 97/1, 105/2, 107/3, 114/1, 115/1), в трёх – только в основной яме, при наличии впускной (Глиное 85/1, 99/1, 102/4), и в одном – только во впускной яме (Глиное 64/1).

По одной угловой ступени отмечено в 16 катакомбах III типа. В пяти случаях они устраивались во впускных входных ямах (Глиное 9/1, 17/1, 27/1, 38/1, 81/1), выполненных значительно более небрежно по сравнению с основными входными ямами. В семи случаях по одной ступени обнаружено в основных и единственных входных ямах, как правило, неглубоких (Глиное

15/1, 22/3, 40/1, 86/1, 88/2, 96/2, 98/1, 102/3). Также в погребениях Глиное 14/1 и 20/1, принадлежавших представителям «аристократии», в основных входных ямах было по одной ступени, однако в первом случае в юго-западном углу ямы было зафиксировано множество углублений, которые являлись внутренними ступенями, а во втором – наличие единственной ступени объясняется уничтожением других грабительской воронкой. Также и в погребении Глиное 82/1 после грабительского перекопа сохранилась единственная ступень в основной входной яме.

По одной сплошной ступени зафиксировано во входных ямах шести катакомб III типа: на переходе в дромос (Глиное 87/2; Николаевка 24; Роксоланы (Никоний) 2/6) и вдоль западной стенки, напротив входа в дромос (Глиное 105/1; Дервент 9/1, 9/2).

В 45 случаях во входных ямах катакомб III типа отмечено по две ступени. В основных входных ямах восьми катакомб (Градешка 19/1, 20/1; Дервент 5/2, 6/1, 7/3; Кугурлуй 19/2; Терновка 186, 188) и во впускной яме погребения Глиное 62/1 были устроены сплошные ступени. В остальных комплексах ступени были угловыми. Их устраивали чаще всего в основных и единственных входных ямах. Подобных случаев отмечено 23 (Глиное 10/1, 11/1, 12/1, 12/2, 13/1, 13/3, 15/2, 18/1, 21/1, 26/1, 30/1, 38/3, 39/1, 48/1, 56/1, 56/2, 67/3, 74/2, 81/3, 91/2, 95/1, 104/1, 108/1), причём в одном из этих комплексов одна ступень находилась в юго-западном углу, а другая – в северо-западном (Глиное 15/2). В шести случаях по паре ступеней находилось во впускной входной яме (Глиное 20/1, 59/1, 64/1, 77/1, 79/1, 96/1), и в пяти – в основной входной яме (Глиное 9/1, 16/1, 17/1, 61/1, 62/1). В захоронении Глиное 42/1 и в основной, и во впускной входных ямах обнаружено по паре угловых ступеней.

В 49 входных ямах было устроено по три ступени, причём в 37 из них только угловые. Отмечены следующие случаи: 21 раз в основных и единственных входных ямах – Глиное 6/3, 25/1, 41/2, 44/1, 45/1, 46/3 (две

ступени в юго–западном углу, а третья – в северо–западном), 51/1, 58/1, 60/1, 66/2, 72/1, 73/1, 74/1, 75/2, 78/1, 84/1, 91/1, 100/1, 111/3, 112/1, 113/1; восемь раз в основных ямах – Глиное 38/1, 52/1, 59/1, 79/1, 81/1, 88/1, 107/3, 114/1; четыре раза в основных и во впускных ямах – Глиное 7/1, 34/1, 71/1, 80/1. Три сплошных ступени зафиксированы только в катакомбах Дервент 11/1 и Тирасполь 4/2. Сочетание угловых и сплошных ступеней выявлено в семи сооружениях. В шести комплексах две верхние ступени были угловыми, а нижняя – сплошной (Глиное 27/1 – основная яма, 43/2 – основная яма, 53/1 – впускная яма, 54/2 и 93/1 – основная и единственная яма, 105/2 – основная яма, 114/1 – впускная яма). Трижды зафиксированы ситуации, когда верхняя ступень была угловой, а две нижние – сплошными (Глиное 50/1 – основная и единственная яма, 52/1 – впускная яма, 105/2 – впускная яма).

По четыре ступени во входной яме обнаружено в 12 случаях. В четырёх комплексах это были угловые ступени в основных и единственных ямах катакомб (Глиное 31/1, 35/1, 54/3, 57/1); в трёх – угловые ступени, но в основных ямах при наличии впускной (Глиное 33/1, 77/1, 102/4); в одном – угловые ступени во впускной яме (Глиное 107/3). Во впускной яме погребения Глиное 16/1 и в захоронении Дервент 5/1 все четыре ступени были сплошными. Во впускной яме захоронения Глиное 33/1 и в погребении Чобручи 2/3 отмечено сочетание трёх угловых (верхние) и одной сплошной ступени (нижняя).

В четырёх катакомбах отмечено по пять ступеней. Это основные входные ямы погребений Глиное 96/1 и 99/1, где все ступени были угловыми. В двух комплексах отмечены сочетания угловых и сплошных ступеней: четыре угловых и одна сплошная (Глиное 69/2), а также три угловых и две сплошных (Глиное 85/1).

Шесть ступеней выявлено только в двух впускных входных ямах. В погребении Глиное 97/1 верхняя ступень была угловой, за нею следовала внутренняя ступень в виде выемки, ниже располагались ещё три угловых, а у

самого дна – одна сплошная. Во впускной яме захоронения Глиное 115/1 были устроены три угловых ступени и три сплошные.

Также в единственном случае, во впускной яме погребения Глиное 61/1, было сооружено семь ступеней, из которых пять верхних были угловыми, а две нижних сплошными.

Отдельно следует остановиться на катакомбах III типа, ступени которых располагались серпантинном, т. е. последовательно вдоль одной из стен входной ямы, в отличие от вышеуказанных комплексов, где угловые ступени опускались вниз, чередуясь, справа и слева от линии стыка двух стен входной ямы (угла), в некоторых случаях сменяясь у дна сплошными.

В 12 катакомбах серпантинны ступеней располагались вдоль западной (короткой) стены: из двух угловых ступеней (Глиное 67/4), из трёх угловых ступеней (Глиное 33/2, 69/1, 89/2, 93/1 – впускная входная яма, 109/12, 115/1 – основная входная яма), из четырёх угловых ступеней (Глиное 23/1, 88/1 – впускная входная яма), из пяти угловых ступеней (Глиное 63/1), из семи угловых ступеней (Дервент 1/2), из четырёх угловых (верхних) и четырёх сплошных (нижних) ступеней (Глиное 70/1). Трижды серпантинны ступеней зафиксированы вдоль восточных (коротких) стен входных ям: из двух угловых и одной сплошной во впускной входной яме комплекса Глиное 43/2, из трёх угловых ступеней во входной яме погребения Глиное 41/1, из четырёх угловых ступеней в основной входной яме захоронения Глиное 53/1. В четырёх катакомбах серпантинны из угловых ступеней были устроены вдоль южных (длинных) стен ям: из трёх ступеней (Глиное 87/1, 92/1, 111/2) и из четырёх ступеней (основная входная яма погребения Глиное 97/1).

В шести катакомбах III типа ступеней не было (Глиное 14/2, 46/4, 92/2, 94/3, 101/1, 107/1). В ещё двух катакомбах ступени, вероятно, были уничтожены при вторичном перекопе входной ямы при подзахоронении (Глиное 66/1) и во время ограбления (Глиное 76/1). В 51 катакомбе ступени

не были зафиксированы: Градешка 7а/1, 14/1, 15/1, 16/1, 17/1, 20/2, 24/1, 27/1; Дервент 10/1, 13/1, 15/1, 15/2, 16/1, 17/1, 18/1; Кугурлуй 4/2, 15/1, 18/2, 23/2, 29/1, 32/2; Парканы 109, 114, 121, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 173, 174; Плоское 218, 221, 377; Суклея; Фрикацей 5/3; Чобручи 281, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412.

В 29 из 37 катакомб V типа были выявлены ступени. В большинстве случаев, как и во входных ямах катакомб III типа, это также угловые ступени. По одной ступени обнаружено во входных ямах семи погребений (Глиное 35/2, 93/2; Глиное 279, 378; Чобручи 282, 288, 289), а также в основной входной яме захоронения Глиное 37/1. По одной сплошной ступени зафиксировано в погребениях Глиное 44/2 (в выемке перед входом в дромос), 55/1 (впускная входная яма), Нечаянное 2/11. В семи случаях отмечено по паре угловых ступеней: Глиное 8/1 (основная и впускная ямы), 19/1, 24/1, 29/1 (впускная яма), 81/2, 83/1, 101/2. В шести ямах было устроено по три ступени: Глиное 19/2, 28/1 (две угловых и одна сплошная), 29/1 (основная яма – две угловых и одна сплошная), 55/1 (основная яма – две угловых и одна сплошная), 84/2 (основная яма – две угловых и одна сплошная), 89/1, 103/1; Нечаянное 2/8 (три сплошных). Во входной яме катакомбы Глиное 116/2 было четыре ступени – три угловых и одна сплошная. Во входной яме катакомбы Глиное 32/1 было обнаружено пять угловых ступеней. Среди катакомб V типа исследовано четыре, чьи входные ямы содержали серпантины ступеней: две у западной стены (Глиное 5/1), три у западной стены в основной яме и две у восточной во впускной яме (Глиное 36/1), четыре у западной стены во впускной яме (Глиное 37/1) и пять у западной стены ямы (Глиное 4/1).

В одной неглубокой детской катакомбе V типа ступеней не было (Глиное 85/3). Ещё в двух катакомбах ступени, вероятно, были уничтожены во время ограбления (Глиное 19/3) и при рытье траншеи в XX в. (Глиное 19/4). В пяти

комплексах ступени зафиксированы не были (Глиное 275, 276; Коротное 294; Чобручи 283, 290).

Входные ямы пяти катакомб VI типа (из восьми известных) содержали ступени. В погребениях Глиное 68/2 и Мреснота Могила 4/1 было по одной угловой ступени. В двух захоронениях было по две ступени: Градешка 10/1 – две сплошных; Мреснота Могила 4/2 – одна сплошная, а вторая – в виде выступа (как угловая, но посередине у стены, противоположной входу в камеру). В катакомбе Глиное 89/3 три ступени располагались серпантинном вдоль западной стены. В погребениях Кугурлуй 8/1 и Парканы 120 ступени зафиксированы не были.

В единственной катакомбе VII типа (Сербская Земля 260) ступеней не было отмечено.

Во всех трёх катакомб VIII типа были выявлены ступени. В погребении Кугурлуй 32/1 сплошная ступень была устроена посередине входной ямы. В захоронениях Беляевка 2/25, 2/26 отмечены по одной сплошной на переходе из входной ямы в погребальную камеру.

Во всех 14 катакомбах комбинированных типов были обнаружены ступени. В погребениях типа II+I были отмечены различные схемы: Дервент 4/1 – две сплошные ступени в выемке перед входом в дромос; Владычень–I 13/2 – сплошная ступень сверху и угловая снизу; Глиное 49/1 – в основной яме было четыре угловых ступени, а во впускной – одна угловая. Для комбинированных катакомб типа III+I зафиксированы следующие случаи: одна угловая ступень (Глиное 94/2), две угловых ступени (Глиное 3/1, 65/1, 116/1), три угловых ступени (Глиное 75/1, 106/1), две угловых и одна сплошная ступени (Глиное 47/1), две угловых и одна сплошная на переходе в дополнительную погребальную камеру (Глиное 22/2). В катакомбе типа III+V (Глиное 94/1) в основной входной яме был устроен серпантин из трёх

ступеней вдоль южной стены, а во впускной яме находились две угловые ступени. В катакомбе типа V+I была одна сплошная ступень (Глиное 18/2).

Ниши в стенах входных ям устраивались редко (табл. 3). Всего отмечено 12 ниш в 11 катакомбах (3,45 % катакомб). В погребении Глиное 9/1 в нишу, устроенную в северной стене входной ямы, была положена собака. В небольшой нише, выдолбленной в северо-западном углу впускной входной ямы захоронения Глиное 88/1, был положен гончарный светильник. В детской катакомбе Глиное 46/4 ниша предназначалась для фрагмента лепной миски, обозначающей, вероятно, напутственную пищу погребённого, поскольку миска с костями жертвенной пищи была обнаружена и в погребальной камере. Устройство ниши в северной стене впускной входной ямы погребения Глиное 93/1 было обусловлено просчётом строителей катакомбы: первоначально они выбрали неправильное направление для сооружения дромоса. Таким же образом можно объяснить сооружение ниши во впускной входной яме захоронения Глиное 102/4.

Назначение ниш во входных ямах комплексов Глиное 10/1, 17/1, 52/1 и 59/1 (две ниши), 108/1, а также Беляевка 2/25 достоверно не устанавливается. Возможно, они использовались для определённых целей во время сооружения погребальных конструкций, например, для хранения сосудов с питьём, о чём может свидетельствовать расположение всех этих ниш у dna входных ям. Нельзя исключать, что ниши в погребениях Глиное 10/1, 17/1 и 52/1, высота которых колеблется в пределах 1,1–1,2 м, а ширина – от 0,25 м до 0,35 м, могли служить местом установки мешка, в который набирался грунт из камеры, а затем поднимался при помощи верёвки наверх.

Ниша № 2 во впускной входной яме захоронения Глиное 59/1 глубиной 0,65 м очень напоминает формой узкую и глубокую нишу, выявленную в погребении 4/1 курганной группы I у с. Марьянское в Нижнем Поднепровье, в которую был положен наконечник копья (Волкобой и др., 1980. С. 20–21, Рис. 5/3). На основании железного меча с антенным навершием и бронзовых

наконечников стрел дата комплекса определяется рубежом V–IV вв. до н. э. – первой половиной IV в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 700).

Выемки перед входом в дромос и уступы по дну зафиксированы в 198 катакомбах (62,26 % катакомб): Владычень–I 13/1, 14/2, 14/3, 14/4; Глиное 3/1, 4/1, 5/1, 6/3, 7/1, 8/1, 9/1, 10/1, 11/1, 12/1, 12/2, 13/1, 13/3, 14/1, 14/2, 15/1, 15/2, 16/1, 17/1, 18/1, 18/2, 19/1, 19/2, 19/3, 20/1, 21/1, 22/2, 22/3, 23/1, 24/1, 25/1, 26/1, 27/1, 28/1, 29/1, 30/1, 32/1, 33/1, 33/2, 34/1, 35/1, 35/2, 37/1, 38/3, 39/1, 40/1, 41/1, 41/2, 42/1, 43/2, 44/1, 44/2, 46/3, 48/1, 49/1, 51/1, 52/1, 53/1, 54/2, 54/3, 55/1, 56/1, 56/2, 57/1, 58/1, 59/1, 60/1, 61/1, 62/1, 63/1, 64/1, 65/1, 66/1, 66/2, 67/3, 67/4, 68/1, 68/2, 69/1, 69/2, 70/1, 71/1, 72/1, 73/1, 74/1, 74/2, 75/1, 75/2, 76/1, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 81/1, 81/2, 81/3, 82/1, 83/1, 84/2, 85/1, 85/3, 86/1, 87/1, 87/2, 88/1, 88/2, 89/1, 89/3, 91/1, 91/2, 92/1, 92/2, 93/2, 94/1, 94/2, 95/1, 96/1, 96/2, 97/1, 98/1, 99/1, 100/1, 101/2, 102/3, 102/4, 103/1, 104/1, 105/1, 105/2, 106/1, 107/3, 108/1, 109/1, 111/2, 111/3, 112/1, 113/1, 114/1, 115/1, 116/1, 116/2; Глиное 275, 276, 279, 378; Градешка 7а/1, 14/1, 15/1, 16/1, 17/1, 20/1, 20/2, 27/1; Дервент 1/2, 4/1, 5/2, 10/1, 13/1, 15/1, 16/1; Котловина–I 6/1, 6/2; Кугурлуй 8/1, 8/2, 10/1, 15/2, 18/1, 18/2, 19/1, 19/2, 23/2, 24/1, 25/2, 26/1, 26/2, 29/1, 31/1; Мреснота Могила 4/1, 4/2, 14/1, 14/3, 21/2, 21/2, 22/1, 22/2; Нечаянное 2/8, 2/11; Табаки 3/1, 4/2; Терновка 186; Чобручи 281, 282, 288, 290. Выемки в дне входной ямы всегда устраивались перед входом в дромос, что позволяло значительно сократить трудозатраты на сооружение катакомбы в целом, поскольку не было необходимости увеличивать глубину входной ямы по всему её периметру. В плане выемки были различных форм, но преобладает подпрямоугольная (со скруглёнными углами в противоположной дромосу стороне). Участки материка, оставшиеся вдоль длинных стен или, реже, вдоль одной длинной стены выемки, имели вид уступов по дну различной высоты и ширины.

Уступы по дну без выемок встречаются гораздо реже. При этом дно входной ямы либо ровное, либо плавно понижается ко входу в дромос.

Уступы по дну располагаются, как правило, вдоль длинных стен или одной длинной стены входной ямы; значительно более редки П–образные уступы и уступы иных форм.

Заклад входа в дромос/погребальную камеру отмечен в 28 катакомбах (8,8 % катакомб) (табл. 3).

Деревянный заклад зафиксирован в 12 сооружениях: Глиное 38/1, 45/1, 53/1, 69/2, 78/2, 85/2, 97/1, 99/1, 102/2, 102/4; Глиное/Водовод 7/5; Градешка 24/1.

Вход в погребальную камеру катакомбы Глиное 38/1 был закрыт закладом из семи вертикальных плах, вкопанных на глубину 10–12 см. Это единственный случай, когда в дромосной катакомбе заклад был установлен не перед входом в дромос, а на переходе из дромоса в погребальную камеру. У входа в дромос катакомбы Градешка 24/1 были установлены вертикально в столбовые ямки четыре бревна диаметром 15 см. Поперечный заклад из трёх плах шириной до 20 см исследован в основной входной яме погребения Глиное 97/1. В этом комплексе крепление плах заклада осуществлялось при помощи своеобразных пазов в углах входной ямы, прилегающих к её восточной стене. На дно входной ямы захоронения Глиное 45/1 были уложены горизонтально, одно на другое, пять брёвен, поперечно перекрывавших вход в дромос. Заклад из тонких плашек или жердей, характер которого достоверно не установлен, выявлен в восьми катакомбах: на переходе из впускных входных ям в камеры погребений Глиное 53/1, 69/2, 99/1, 102/4, а также из входной ямы в камеру (Глиное 78/2, 102/2) и из входной ямы в дромос (Глиное 85/2; Глиное/Водовод 7/5).

Каменные заклады известны в восьми катакомбах: Мреснота Могила 14/1; Николаевка/«На горбах» 1/1; Парканы 109, 121; Плоское 218, 377; Роксоланы (Никоний) 2/6; Суклея. В четырёх случаях вход в катакомбу был закрыт каменными плитами: в трёх курганах – вход в дромос (Парканы 121; Плоское

377; Роксоланы (Никоний) 2/6) и в одном случае – вход в камеру бездромосной катакомбы (Плоское 218). В кургане Парканы 109 и в кургане у с. Суклея перед входом в дромос была устроена кладка из небольших необработанных камней. Такая же кладка, но перед входом в камеру, отмечена в захоронении Мреснота Могила 14/1. Также каменный заклад из трёх крупных камней был зафиксирован, но в перемещённом состоянии, в заполнении входной ямы катакомбы Николаевка/«На горбах» 1/1.

Сырцовый заклад достоверно зафиксирован в семи катакомбах: Глиное 3/1, 14/1, 59/1, 71/1, 76/1, 105/2; Чобручи 2/3. В погребениях Глиное 3/1 и 76/1 установлено, что сырцовые заклады обмазывались слоем жидкой глины со стороны входной ямы. В погребении Глиное 71/1 сырцовый заклад находился не на одной линии с устьем дромоса, а выступал во входную яму. Для установки закладов использовались сырцовые кирпичи, в большинстве случаев сохранившиеся в виде бесформенных кусков. Только в захоронении Глиное 59/1 полностью сохранился нижний ряд кирпичей, что позволяет выяснить их изначальную форму (кирпичи длиной 30 см, шириной и высотой 15 см).

«Заклад» из сосудов исследован только в одном погребении Глиное 7/1. Вход в дромос перегораживали с севера на юг светильник, чашка, курильница и миска. В отличие от закладов из дерева и сырца, «заклад» из сосудов был сделан не с утилитарной целью (он не мог являться преградой для попадания грунта из входной ямы), а с ритуально–символической, указывая на границу двух зон погребального сооружения: входной ямы с одной стороны, и дромоса и камеры – с другой.

Ниши в стенках погребальных камер встречены в 28 катакомбах (8,8 % катакомб): Глиное 9/1, 11/1, 12/1, 13/1, 24/1, 33/1, 33/2, 37/1 (две ниши), 49/1, 52/1 (две ниши), 54/2, 56/1, 67/4, 68/1, 76/1, 77/1, 84/1 (две ниши), 92/1, 96/1, 101/2, 115/1, 116/2; Дервент 6/1; Каролино–Бугаз 2/5 (две ниши); Мреснота Могила 4/2, 22/1; Чобручи 345, 412 (табл. 3).

По две ниши в камерах исследовано в четырёх катакомбах (Глиное 37/1, 52/1, 84/1; Каролино–Бугаз 2/5); в остальных 24 комплексах – по одной. В большинстве случаев установить изначальное назначение ниш возможно.

Чаще всего, 11 раз, они использовались для размещения в них светильников. При этом светильники обнаружены либо в самих нишах (Глиное 52/1 – ниша № 1, 56/1, 84/1 – ниша № 1), либо в непосредственной близости от них (выпали из ниш при отслоении свода камеры и т. д.): Глиное 33/1, 37/1 – ниша № 1, 52/1 – ниша № 2, 54/2, 76/1, 84/1 – ниша № 2, 92/1, 96/1. Ещё в пяти катакомбах (Глиное 11/1, 12/1, 67/4, 77/1, 101/2) ни в нишах, ни рядом с ними светильников обнаружено не было, но следы копоты на стенках и сводах ниш свидетельствуют о том, что они использовались в качестве полок для светильников, которые были вынесены из камеры после завершения обряда погребения или при совершении подзахоронения. Скорее всего, судя по размерам, ниши из погребений Глиное 68/1, 115/1, 116/2 также предназначались для установки светильников, однако никаких следов копоты на них не отмечено.

В нише катакомбы Мрснота Могила 22/1 лежала амфора. Из ниши в захоронении Глиное 33/2 выпали амфора и кувшинчик. По–видимому, для амфор также предназначались ниши в погребениях Глиное 9/1, 49/1, о чём свидетельствуют их размеры, сопоставимые с аналогичными для ниши в погребения Глиное 33/2 и Мрснота Могила 22/1. Отсутствие амфор в погребениях Глиное 9/1, 49/1 может быть связано с подзахоронениями, при которых практиковалось частичное изъятие инвентаря первых погребённых.

Ниша № 2 катакомбы Глиное 37/1 могильника у с. Глиное предназначалась для курильницы, которая позже, при подзахоронении или во время обвала свода, выпала из неё.

В нишу погребения Глиное 24/1 была положена жертвенная пища и железный нож. Ниша ограбленной катакомбы Мрснота Могила 4/2

предназначалась для жертвенной пищи, в ней была обнаружена кость крупного животного. Аналогичная ситуация отмечена в кургане 412 у с. Чобручи (Мелюкова, 1962б. С. 126, Табл. 5/12; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 703–704).

Все отмеченные выше ниши были использованы для размещения погребального инвентаря и жертвенной пищи.

С иными целями были устроены ниши в катакомбах Глиное 13/1 и Чобручи 345. В нише захоронения Глиное 13/1 был найден целый костяк зайца. В катакомбе кургана 345 у с. Чобручи в нишу, углублённую под пол входной ямы, был головой задвинут погребённый.

Назначение обеих ниш в катакомбе Каролино–Бугаз 2/5 и ниши в захоронении Дервент 6/1 не устанавливается ввиду ограбления комплексов.

Деление погребальной камеры на две зоны зафиксировано в шести комплексах (1,88 % катакомб): Владычень–I 14/2; Глиное 18/2, 35/2, 54/3, 83/1; Глиное 276 (табл. 3).

В захоронении Глиное 54/3 для деления камеры на две зоны была использована деревянная плаха длиной 1,7 м. Она делила камеру на две части – западную и восточную. В западной части лежал погребённый и значительная часть инвентаря, в меньшей части находились только светильник, жертвенная пища с ножом, а также каменная плита, на которой обнаружены детали уздечного ремня и курильница.

В кургане Глиное 276 было исследовано асинхронное захоронение, совершённое в катакомбе V типа. Первая погребённая (девочка) лежала вдоль длинной стены камеры, головой на восток. К её инвентарю относились пара бронзовых серёг, оселок и камень у кисти левой руки, бронзовое зеркало – у правой. При подзахоронении в камеру была внесена взрослая женщина с неординарным инвентарём (парой бронзовых серёг, железной

фибулой, бусинным браслетом на правом запястье, лепным кувшином у правого колена, а также железным ножом среди костей жертвенной пищи и берестяным колчаном с 14 железными и одним бронзовым наконечниками стрел справа) и положена по диагонали камеры, головой на северо–восток. А. И. Мелюкова предположила, что это погребение было совершено одновременно (Мелюкова, 1962б. С. 137–138, Табл. 10/2). При этом исследователь не упоминает о деревянной плахе, отмеченной на рисунке и располагавшейся между двумя погребёнными, которую, очевидно, при подзахоронении передвинули и положили параллельно телу женщины (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 704).

Катакомба Владычень–I 14/2 также предназначалась для двух людей (ребёнка и взрослого человека), однако они, в отличие от комплекса Глиное 276, были погребены одновременно. При этом деление камеры на две зоны было достигнуто за счёт конструкции погребального сооружения. Восточная стенка погребальной камеры (противоположная входу в камеру) была выполнена уступом. В той части, где лежал ребёнок, эта стенка была расположена ближе ко входу в камеру, т.е. её длина была меньше. Там, куда был положен взрослый человек (к югу от ребёнка), восточная стенка камеры располагалась дальше от входа в неё.

В трёх погребениях деление камеры на две зоны было достигнуто за счёт небольших материковых возвышений на дне камеры. В катакомбе Глиное 18/2 возвышение длиной 35 см, шириной 25 см и высотой 5 см, находившееся справа в ногах погребённого в восточной камере, предназначалось для укладки седла. От него сохранились несколько слоёв плотной кожи, под которыми обнаружена подпружная пряжка. В двух других случаях материковые возвышения предназначались для установки деревянных мисок с жертвенной пищей и железными ножами внутри. В погребении Глиное 35/2 возвышение длиной 30 см, шириной 25 см и высотой 8 см было оставлено в северо–западном углу камеры, справа в изголовье

погребённого. В захоронении Глиное 83/1 возвышение длиной и шириной 0,4 м и высотой 8 см находилось в северо–восточном углу западной погребальной камеры, слева в изголовье погребённого, при этом на него сначала был постелен войлок.

Ямки в полу погребальной камеры выявлены в четырёх погребениях: Глиное 25/1; Нечаянное 2/8, 2/11; Чобручи 2/3 (табл. 3).

Округлая в плане и полуовальная в сечении ямка в полу катакомбы Глиное 25/1 диаметром 0,15 м и глубиной 0,2 м была обнаружена у западной стены камеры, справа от погребённого. В ямке находился набор предметов узды: удила, псалии, трензельные кольца и налобник. Ямка, зафиксированная в дне погребальной камеры катакомбы Чобручи 2/3, очевидно, имела такое же назначение, но практически полное ограбление комплекса не позволяет говорить об этом уверенно.

Коническое углубление в южной камере катакомбы Нечаянное 2/8 предназначалось, по всей видимости, для установки амфоры, а овальная ямка размерами 0,4 × 0,15 м и глубиной 0,15 м, зафиксированная в погребении Нечаянное 2/11 – для установки какого–то сосуда.

Среди конструктивных элементов катакомб особое место занимают орнаменты вокруг устьев дромосов и над ними, собственно дромосов и погребальных камер. Особое положение этих элементов обусловлено тем, что они предназначались либо для дополнительного выделения части катакомбы (орнаменты вокруг устьев дромосов и над ними), либо для имитации определённой конструкции (орнаментация дромосов и погребальных камер).

Орнаменты вокруг устья дромоса и над ним зафиксированы в 35 комплексах (11 % катакомб): Глиное 6/3, 16/1, 26/1, 28/1, 31/1, 33/1, 33/2, 35/1, 46/3, 49/1, 54/3, 55/1, 56/1, 57/1 (восточная камера), 60/1, 65/1, 69/2, 75/2, 78/3, 79/1, 80/1, 84/1, 85/1, 86/1, 91/2, 96/1, 99/1, 102/3, 104/1, 107/3, 112/1,

113/1, 115/1, 116/1; Глиное/Водовод 7/5 (табл. 3). Они представляют собой прочерченные линии, реже полные фигуры или их части, а также различные их сочетания, наносившиеся острым инструментом на стену входной ямы, в которой устраивался вход в дромос, непосредственно вокруг устья и над ним. 29 этих орнаментов обнаружены в основных для курганных насыпей погребениях, и только шесть – во впускных захоронениях, но во всех случаях вокруг и над устьем дромоса, ведущего из основной входной ямы в погребальную камеру.

Такие орнаменты встречены в большинстве случаев (31) в катакомбах III типа, дважды – в катакомбах V типа (Глиное 28/1, 55/1) и комбинированного типа III+I (Глиное 65/1, 116/1), и по разу – в катакомбах II типа (Глиное/Водовод 7/5) и комбинированного типа II+I (Глиное 49/1). В комбинированных катакомбах орнаменты украшали входы в дромос основных камер, где были погребены «хозяева». Следует подчеркнуть, что данные орнаменты встречены не только в катакомбах с захоронениями взрослых индивидуумов, хотя их большинство (32), но и в трёх детских захоронениях (Глиное 33/2, 75/2; Глиное/Водовод 7/5).

Чаще всего, в 18 случаях, орнамент состоял из одной линии, обрамляющей устье дромоса. Эта линия в плане полуовальная (Глиное 6/3 (рис. 27/1), 16/1 (рис. 27/2), 46/3 (рис. 28/2), 49/1 (рис. 28/3), 55/1 (рис. 28/5), 56/1 (рис. 28/6), 65/1 (рис. 28/9), 113/1 (рис. 30/2)), в виде круглой арки (Глиное 31/1 (рис. 27/5), 54/3 (рис. 28/4), 60/1 (рис. 28/8), 85/1 (рис. 29/6)), полукруглая (Глиное 79/1 (рис. 29/3), 104/1 (рис. 29/12)), в виде прямоугольника со скруглёнными верхними углами (Глиное 28/1 (рис. 27/4), 78/3 (рис. 29/2)), в виде треугольной арки (Глиное 99/1 (рис. 29/10)) и в виде сегмента над верхним краем устья дромоса (Глиное 35/1 (рис. 28/1)). В пяти катакомбах орнамент был усложнён за счёт дополнительных элементов: прочерченных треугольника (над линией – Глиное 54/3, 60/1), круга (под линией и над верхним краем устья – Глиное 49/1) и фигуры в виде круглой арки с

вертикальной линией посередине, выступающей над аркой (над линией – Глиное 79/1), а также за счёт сегментовидной ниши (под линией – Глиное 65/1).

В шести катакомбах устье входа в дромос было орнаментировано двумя линиями. В погребениях Глиное 86/1 (рис. 29/7) и 102/3 (рис. 29/11) зафиксированы линии в виде круглой арки. В катакомбе Глиное 33/1 нижняя линия, в виде круглой арки, обрамляла всё устье дромоса, а вторая – в виде сегмента – только его верхнюю часть, примыкая к нижней; между двумя линиями был прочерчен треугольник (рис. 27/6). Две линии, нижняя в виде сегмента, а верхняя в виде неправильной трапеции, зафиксированы в захоронении Глиное 80/1 (рис. 29/4). Две линии, пересекающиеся в виде косоугольного креста, были прочерчены над верхней точкой устья входа в дромос погребения Глиное 112/1 (рис. 30/1). Составленное из двух линий изображение над входом в восточный дромос катакомбы Глиное 116/1 является репликой знака из захоронения Глиное 112/1: от косоугольного креста остались только верхние перекладины, образующие букву «V»; роль нижних перекладин играет треугольный контур свода дромоса (рис. 30/4).

В пяти катакомбах отмечены орнаменты, состоящие из трёх линий. Самым простым из них является тот, что был зафиксирован в захоронении Глиное 91/2: все три линии в виде круглых арок (рис. 29/8). В погребении Глиное 26/1 две нижние линии изображали трапеции со скруглёнными верхними углами, а верхняя – круглую арку (рис. 27/3). Другую схему представляет собой орнамент из катакомбы Глиное 115/1: нижняя линия в виде круглой арки, две верхних – в виде треугольных арок (рис. 30/3). Более сложными являются два орнамента. Один из них происходит из захоронения Глиное 96/1, где отмечена одна линия в виде треугольной арки, и ещё две дополнительных, отходящие вверх от вершины арки под углом 45° (рис. 29/9). В погребении Глиное 107/3 основная линия изображала трапецию, а

две дополнительные отходили под острым углом кверху от верхних углов трапеции (рис. 29/13).

Четыре линии зафиксированы вокруг устья дромоса и над ним только в погребении Глиное 75/2. Они были прочерчены в виде круглых арок, сгруппированных по две таким образом, что они кажутся двумя широкими полосами. Над устьем дромоса, перекрывая нижнюю пару линий, находится пятиугольная (?) фигура, стороны которой образованы спаренными линиями, а внутреннее пространство заполнено взаимно перпендикулярными линиями (рис. 29/1).

Также в одной катакомбе (Глиное 84/1) отмечен орнамент из семи линий: шесть нижних – полукруглые, а верхняя – полуовальная (рис. 29/5).

В трёх случаях зафиксирован орнамент только над устьем дромоса. В захоронении Глиное 33/2 он представлял собой два сегмента, основания которых лежали на одной условной линии; каждый сегмент разделён вертикальной линией посередине (рис. 27/7). К этой группе мы относим также два комплекса (Глиное 57/1, 69/2; Глиное/Водовод 7/5), несмотря на то, что никаких прочерченных изображений над входом в дромос в них зафиксировано не было, при этом их роль играли ниши различных размеров и глубины, визуальное создававшие изображения, которые не отличаются от других фигур и линий, перечисленных выше³¹. В подтрапециевидную, со скруглёнными верхними углами, нишу над устьем дромоса восточной камеры погребения Глиное 57/1 был положен камень, вероятно, дополнительно подчёркивая особую сакральность ниши (рис. 28/7). Треугольная ниша находилась над входом в дромос катакомбы Глиное/Водовод 7/5 (рис. 30/5). При этом в заполнении входной ямы, перед входом в дромос был найден кресальный камень, возможно, выпавший из

³¹ Именно по этой причине данные ниши не были рассмотрены выше, среди других ниш, зафиксированных в стенках входных ям катакомб.

ниши. Над устьем основного дромоса захоронения Глиное 69/2 была устроена полуовальная ниша (рис. 28/10).

Анализ показал, что орнаменты вокруг устья дромоса и над ним могли выполнять две функции. Одна из них, сакральная, несомненно, заключалась в дополнительном обозначении перехода из мира живых (входной ямы) в мир мёртвых (дромос и далее погребальную камеру). Также возможно, что дополнительные элементы орнамента (треугольники – Глиное 33/1, 54/3, 60/1; круг – Глиное 49/1; сегментовидная ниша – Глиное 65/1; пятиугольная фигура – Глиное 75/2; изображение круглой арки с вертикальной линией посередине, выступающей над аркой, – Глиное 79/1) и, реже, отдельные элементы (два сегмента, разделённые вертикальной линией посередине, – Глиное 33/2; трапециевидная ниша – Глиное 57/1; полуовальная ниша – Глиное 69/2; треугольная ниша – Глиное/Водовод 7/5) могли являться магическими символами, запечатывавшими вход в царство мёртвых. Данные фигуры/символы/изображения могли играть роль охранных знаков, призванных обеспечить покой умерших в царстве мёртвых. Поэтому они наносились на стенку входной ямы, а не на стенки дромоса или погребальной камеры.

Вторая, орнаментальная, функция предполагает, что линиями имитировался декор полого, закрывающего вход в жилище. Индивидуальность этого декора, по всей видимости, отражена в разнообразии форм, количества и сочетания различных линий (полуовальных, в виде круглых или треугольных арок, полукруглых, прямоугольных, трапециевидных, в виде сегментов). Очень похоже, что орнамент вокруг устья дромоса погребения Глиное 107/3 изображает скатанный кверху полог входа в жилище.

Также немаловажно, что большинство подобных орнаментов напоминает форму двух основных видов жилища.

Так, полуовальные (Глиное 6/3, 16/1, 46/3, 49/1, 55/1, 56/1, 65/1, 69/2 (ниша), 84/1, 113/1), полукруглые (Глиное 79/1, 104/1), подпрямоугольные (Глиное 28/1, 78/3), подтрапециевидные (Глиное 26/1, 57/1 (ниша), 80/1, 107/3), сегментовидные (Глиное 33/1, 33/2 (два сегмента), 35/1, 65/1 (ниша под линией), 80/1) линии, и особенно линии в виде круглых арок (Глиное 26/1, 31/1, 33/1, 54/3, 60/1, 75/2, 79/1 (знак над линией), 84/1, 85/1, 86/1, 91/2, 102/3, 115/1) указывают на сечение кибитки – одного из наиболее распространённых видов передвижного жилища у скифов.

Линии в виде треугольных арок зафиксированы всего в пяти погребениях. Несмотря на особенности каждого изображения, все они указывают на сечение наземного жилища с двускатной кровлей. Наиболее это выражено в изображении из катакомбы Глиное 96/1, которое представляет собой вид с торца на жилище с выступающими жердями кровли. Изображение из погребения Глиное 99/1 более простое, в нём не так чётко выражен переход от стен к кровле изображаемого жилища и нет выпирающих жердей кровли. Две линии в виде косоугольного креста с центром над верхней точкой устья дромоса в захоронении Глиное 112/1 являются репликой, безусловно, аналогичного изображения из погребения Глиное 96/1, отличаясь отсутствием линий, обозначающих стенки жилища. Треугольная «арка» в погребении 116/1 отсутствует как таковая: её роль играл треугольный контур свода дромоса, а изображение над ним, в свою очередь, является репликой знака из захоронения Глиное 112/1. Орнамент из комплекса Глиное 115/1 примечателен тем, что его две линии в виде треугольных арок расположены выше одной линии в виде круглой арки. По всей видимости, это изображение указывает на переход от кочевого образа жизни (кибитки) к оседлому (наземное жилище с двускатной кровлей), который был осуществлён в течение жизни индивидуума из данного захоронения. Возможно, об этом же переходе свидетельствуют и дополнительные элементы в виде треугольников из орнаментов погребений Глиное 33/1 (между двумя линиями – круглой аркой и сегментом), 54/3 (над одной линией в виде круглой арки) и 60/1 (над

одной линией в виде круглой арки), а также треугольная ниша над входом в дромос катакомбы Глиное/Водовод 7/5. Впрочем, данное соображение не отменяет изложенного выше предположения о возможности использования треугольников в качестве охранных знаков.

Орнаментация дромосов и погребальных камер встречается в 32 комплексах (12,26 % катакомб): Глиное 3/1, 4/1, 16/1, 23/1, 24/1, 26/1, 27/1, 31/1, 33/1, 38/3, 54/3, 57/1 (западная и восточная камеры), 60/2, 71/1, 76/1 (западная камера), 78/3, 79/1, 83/1 (восточная камера), 84/1, 86/1, 88/1, 91/2, 92/1, 93/1, 95/1, 96/1, 100/1, 102/3, 102/4, 115/1, 116/1 (северная камера), 116/2; Глиное 279, 378; Парканы 121, 159, 172, 173; Сукляя. В двухкамерной катакомбе Глиное 57/1 были орнаментированы обе камеры, а в катакомбе Глиное 33/1 – дромос и камера. Таким образом, известны 34 случая орнаментации дромосов и камер (табл. 3).

Орнаменты дромосов и погребальных камер выполнялись острым инструментом и представляли собой различные сочетания горизонтальных и вертикальных линий на сводах и торцевых стенах сооружений, в совокупности имитирующие каркас жилища. Как правило, такая орнаментация встречается в основных погребениях (34 катакомбы, 36 случаев): Глиное 3/1 (камера), 4/1 (камера), 16/1 (камера), 23/1 (камера), 24/1 (камера), 26/1 (камера), 27/1 (камера), 31/1 (камера), 33/1 (камера и дромос), 54/3 (дромос), 57/1 (западная и восточная камеры), 71/1 (камера), 76/1 (западная камера), 78/3 (камера), 79/1 (камера), 83/1 (восточная камера), 84/1 (камера), 86/1 (камера), 88/1 (камера), 92/1 (камера), 93/1 (камера), 95/1 (камера), 96/1 (камера), 100/1 (камера), 102/4 (камера), 115/1 (камера), 116/1 (северная камера); Глиное 279, 378; Парканы 121, 159, 172, 173; Сукляя. Отмечено всего пять впускных захоронений (Глиное 38/3, 60/2, 91/2, 102/3, 116/2), камеры которых были орнаментированы. Прочерченные линии в дромосах и камерах, как и орнаменты вокруг устья дромоса и над ним, чаще всего (25 случаев) встречаются в катакомбах III типа (Глиное 16/1, 23/1, 26/1,

27/1, 31/1, 33/1, 38/3, 54/3, 57/1, 71/1, 76/1, 78/3, 79/1, 84/1, 86/1, 88/1, 91/2, 92/1, 93/1, 95/1, 96/1, 100/1, 102/3, 102/4, 115/1), изредка в катакомбах V (Глиное 4/1, 24/1, 84/1, 116/2) и I типов (Глиное 60/2)³², а также в катакомбах комбинированного типа III+I (Глиное 3/1, 116/1).

Данные орнаменты встречены преимущественно в катакомбах с захоронениями взрослых индивидуумов. Единственным исключением в настоящее время является северная камера катакомбы Глиное 116/1, где были обнаружены костяки двух детей.

Большинство орнаментированных сооружений имело свод в виде круглой арки. Это 21 погребальная камера: Глиное 3/1 (рис. 32/1), 4/1 (рис. 32/2), 23/1 (рис. 32/4), 27/1 (рис. 32/7), 57/1 – западная камера (рис. 33/4), 57/1 – восточная камера (рис. 33/5), 60/2 (рис. 34/1), 71/1 (рис. 34/2), 76/1 – западная камера, 78/3, 79/1 (рис. 34/3), 86/1 (рис. 34/6), 91/2 (рис. 34/7), 92/1 (рис. 34/8), 95/1 (рис. 35/2), 96/1 (рис. 35/3), 102/4, 115/1 (рис. 35/5), 116/1 – северная камера (рис. 35/6), 116/2 (рис. 35/7); Суклея. В трёх захоронениях орнаментация камер зафиксирована только частично. В западной камере катакомбы Глиное 76/1 было зафиксировано только несколько параллельных линий, спускающихся от верхней точки свода к его пяте. На своде камеры катакомбы Глиное 78/3 сохранилось несколько параллельных линий, спускающихся от верхней точки свода к его пяте, и фрагмент одной горизонтальной линии, прочерченной по длине свода. На своде камеры катакомбы Глиное 102/4 отмечены фрагменты двух линий, спускающихся от верхней точки свода к его пяте, и одной продольной, подчёркивающей пята свода. О катакомбе из с. Суклея известно, что её «полуцилиндровый» свод был

³² Орнаментация погребальной камеры катакомбы Глиное 60/2 является, наряду с другими, рассмотренными выше деталями конструкции, ещё одним свидетельством в пользу того факта, что изначально строители пытались соорудить катакомбу именно III типа.

отделён от стен резко прочерченными горизонтальными линиями (Шкадышек, 1910. С. 92; Мелюкова, 1962б. С. 132, Табл. 7/7).

Были орнаментированы и два дромоса. В погребении Глиное 33/1 орнамент дромоса со сводом в виде круглой арки отличался от орнамента погребальной камеры со сводом в виде треугольной арки (рис. 33/1). К сожалению, ввиду отслоения стен и свода камеры в погребении Глиное 54/3, не были установлены ни сечение её свода, ни факт отсутствия/наличия орнамента, однако её дромос имел сечение в виде круглой арки и был орнаментирован на своде и стенах (рис. 33/3).

Орнаментированные камеры со сводом в виде треугольной арки встречаются реже. Это 15 погребальных камер: Глиное 16/1 (рис. 32/2), 24/1 (рис. 32/5), 26/1 (рис. 32/6), 31/1 (рис. 32/8), 33/1, 83/1 – восточная камера (рис. 34/4), 84/1 (рис. 34/5), 93/1 (рис. 35/1), 100/1; Глиное 279 (рис. 31/1), 378 (рис. 31/2); Парканы 121 (рис. 31/3), 159 (рис. 31/4), 172 (рис. 31/5), 173 (рис. 31/6). Только в захоронении Глиное 100/1 орнамент камеры был зафиксирован частично: в северной части свода, на восточном скате, сохранилось несколько прочерченных линий, опускающихся от верхней части свода к его пяте.

Только один раз была исследована катакомба (Глиное 102/3), камера которой имела сечение свода в виде килевидной арки, т. е. с выступающим «коньком» в верхней точке (рис. 35/4).

Однако в большинстве случаев, ввиду полного или частичного обрушения сводов камер катакомб III и V типов, их сечение установлено не было. Среди них есть две орнаментированные погребальные камеры: на длинной стенке катакомбы захоронения Глиное 38/3 сохранился орнамент в виде зигзага (рис. 38/2), а в погребении Глиное 88/1 посередине короткой стенки сохранился фрагмент глубокой сплошной вертикальной канавки шириной до 7 см.

Таким образом, среди скифских катакомб III–II вв. до н. э. достоверно зафиксированы погребальные сооружения, форма которых, а в некоторых случаях и орнаментация, не оставляют сомнений в том, что они имитировали жилые сооружения.

Единственная камера с сечением свода в виде килевидной арки (Глиное 102/3), многие другие камеры со сводом в виде круглой арки, а также два орнаментированных дромоса с круглым сечением свода, имитировали кибитки.

По–видимому, в некоторых случаях ширина основания верхней части кибитки превосходила ширину повозки, что нашло отражение в конструкциях погребальных камер катакомб Глиное 71/1, 79/1, 116/1 (северная камера), 116/2.

Несмотря на то, что сечение свода погребальной камеры захоронения Глиное 38/3 установлено не было, можно предполагать, что орнамент на длинной стенке камеры имитировал шнуровку тента кибитки, крепившегося, вероятно, к бортам повозки.

Погребальные камеры катакомб со сводом в виде треугольной арки имитировали наземные или заглублённые дома с двускатной крышей, ориентированные, как и погребальные камеры катакомб, длинной осью по линии север – юг, при этом вход в дом располагался, как правило, с западной стороны и, значительно реже, – с восточной. Двускатный свод погребальной камеры катакомбы Глиное 16/1 был устроен таким образом, что на нём был обозначен козырёк крыши дома.

Конструктивное различие между погребальными камерами со сводами в виде круглой арки (кибиток) и со сводами в виде треугольной арки (домов с двускатной крышей) наглядно подчёркнуто в конструкции катакомбы погребения Глиное 33/1, орнаментированный дромос которой имитировал кибитку, а погребальная камера – дом с двускатной крышей. Вероятно,

подобное сочетание конструкций изначально было и в погребении Глиное 54/3.

Вне зависимости от формы свода, а следовательно, и вида жилища, имитируемого погребальной камерой катакомбы, орнаменты сооружений отличаются: 1) количеством линий, прочерченных по длине свода; 2) отсутствием или наличием линий, опускающихся с верхней точки свода к пяте свода, а также их количеством (в случае наличия). Только в одном случае – при орнаментации дромоса катакомбы Глиное 33/1 – первая из линий, спускающихся с верхней точки свода, опущена на уровень дна дромоса, а остальные – только до пяты свода; 3) отсутствием или наличием вертикальных линий на коротких стенках камеры, а также их количеством (в случае наличия).

Только в кургане Парканы 172 зафиксирована горизонтальная линия на короткой стенке, отделяющая «фронтон» дома с двускатной крышей от верхней части его стен.

Единообразная орнаментация взаимно–перпендикулярными линиями отмечена в шести погребальных камерах катакомб: Глиное 93/1, 116/1 (северная камера), 116/2; Глиное 279, 378; Парканы 121. Половина из указанных комплексов имели своды катакомб с сечением в виде круглой арки (Глиное 93/1, 116/1 (северная камера), 116/2), вторая половина – в виде треугольной арки (Глиное 279, 378; Парканы 121).

Во всех указанных случаях, вне зависимости от вида жилища, имитируемого погребальными камерами, прочерченные линии обозначали или деревянный каркас кибитки, покрытой тентом, или деревянный каркас наземного дома с двускатной крышей.

К элементам погребальной обрядности, фиксируемым в катакомбах, относятся погребения «зависимых» лиц, лошадей и собак во входных ямах, погребение зайца в камере, подмазка зелёной глиной, подмазка илом,

меловая подсыпка на дне дромосов и камер, угли и кострища во входных ямах, дромосах и погребальных камерах, канавки в дне погребальных камер.

Погребения «зависимых» лиц во входных ямах катакомб отмечены в трёх комплексах (табл. 3).

В катакомбе Глиное 41/1 в погребальной камере находилась женщина–«хозяйка», лежавшая головой на юг, а в верхней части входной ямы (на глубине 0,1 м) женщина (служанка?) – головой на восток. Инвентаря у «зависимого» лица не было, но обращает на себя внимание находка на тазе черепа взрослой особи крупного рогатого скота (рис. 36/1,2). На основании данных этнографии (Дюмезиль, 1990. С. 211), есть основания констатировать низкий социальный статус погребённой во входной яме захоронения Глиное 41/1.

В кургане Сербская Земля 260 на дне входной ямы обнаружено погребение «зависимого» лица в позе ничком, головой на ЮВ. Его левая рука была вытянута вдоль тела, а правая – согнута в локте и кистью касалась правого плеча, ноги прямые. В ногах погребённого находился грубый лепной сосуд (рис. 22/1). В погребальной камере находился «хозяин», лежавший на спине, головой на юг, справа у таза находилась лепная миска (Фабрициус, 1951. С. 34; Мелюкова, 1962б. С. 136, Табл. 8/2).

В захоронении Глиное 50/1 отмечена иная ситуация: в заполнении впускной входной ямы, на глубине 0,75 м, находился ребёнок в возрасте от одного года до трёх. Погребённый лежал на спине, головой на ССВ; руки были вытянуты вдоль тела, кости ног практически не сохранились (рис. 36/3,4). Интерпретация данного комплекса представляется возможной только на основании этнографических параллелей (Миллер, 1881. С. 115). По-видимому, погребение ребёнка в заполнении входной ямы катакомбы Глиное 50/1 является археологической иллюстрацией представления скифов о том,

что дети могут выходить из страны мёртвых (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 726).

Погребения лошадей во входных ямах зафиксированы в 23 комплексах (7,23 % катакомб): Владычень–I 13/2; Глиное 2/2, 3/1, 5/1, 16/1, 17/1, 18/1, 18/2, 20/1, 34/1, 39/1, 48/1, 49/1, 51/1, 53/1, 64/1, 68/1, 73/2, 101/2, 105/2; Дервент 4/1; Кугурлуй 25/2; Чобручи 345 (табл. 3).

Конские захоронения могут быть разделены на три группы: анатомически целые; захоронения черепа и конечностей; захоронения отдельных черепов.

Анатомически целые костяки лошадей были обнаружены в восьми погребениях: Владычень–I 13/2; Глиное 3/1, 17/1 (рис. 37/1,2), 18/2, 51/1 (один из костяков) (рис. 37/3,4), 68/1; Дервент 4/1 (один из костяков) (рис. 23/2); Куруглуй 25/2. Некоторые из них расположены на боку (Глиное 3/1, 18/2, 68/1; Дервент 4/1), другие – с подогнутыми под себя ногами (Глиное 17/1, 51/1; Кугурлуй 25/2), но в любом случае черепом по направлению к дромосу и основной погребальной камере. Лошадь из захоронения Глиное 3/1 лежала на подсыпке из материковой глины толщиной до 30 см. находка подпружной пряжки в погребении Владычень–I 13/2 позволяет считать, что в данном комплексе был обнаружен именно анатомически целый костяк лошади, однако установить, в какой позе лежало животное, не представляется возможным.

Чучела лошадей (захоронения черепа и конечностей с имитацией анатомического порядка) составляют наиболее многочисленную группу. Они обнаружены в 14 захоронениях: Глиное 2/2 (основная входная яма), 5/1, 16/1, 18/1 (рис. 38/1,2), 20/1, 39/1 (рис. 38/3,4), 48/1, 49/1, 51/1, 64/1, 101/2, 105/2; Дервент 4/1; Чобручи 345. В большинстве случаев чучела коней черепами направлены также в сторону дромоса и погребальной камеры.

Третья группа наименее репрезентативна. В неё входят четыре погребения: Глиное 2/2 (впускная входная яма) (зис. 39/1,2), 34/1, 53/1 (рис. 39/3,4) и 73/2, – с отдельными конскими черепами.

В 11 комплексах конские погребения находились в основных входных ямах (Глиное 2/2, 5/1, 17/1, 39/1, 48/1, 51/1, 64/1, 68/1, 73/2, 101/2; Кугурлуй 25/2), в семи – во впускных входных ямах (Глиное 2/2, 16/1, 18/1, 20/1, 34/1, 53/1, 105/2), в пяти – в отдельных погребальных камерах, расположенных к северу (Глиное 3/1, 18/2, 49/1) или к югу (Владычень–I 13/2; Дервент 4/1) от основной входной ямы. Только в кургане Чобручи 345 чучело лошади было уложено в погребальную камеру³³. Обращает на себя внимание тот факт, что захоронения лошадей сопровождали значительно чаще мужские погребения (21 случай). Только в двух катакомбах во впускных входных ямах, связанных с подзахоронениями женщин, были обнаружены «лошади»: в погребении Глиное 16/1 – чучело, а в захоронении Глиное 53/1 – отдельный череп. Пол погребённых в захоронениях Дервент 4/1 и Кугурлуй 25/2 не устанавливается.

В четырёх случаях лошади были взнузданы (Глиное 3/1, 5/1, 18/2, 49/1; Дервент 4/1), в пяти – взнузданы и осёдланы (Владычень–I 13/2; Глиное 17/1, 51/1 – анатомически целый костяк, 68/1; Кугурлуй 25/2), однако чаще костяки лошадей не сопровождалась предметами узды и седловки (Глиное 2/2, 16/1, 18/1, 20/1, 34/1, 39/1, 48/1, 51/1 – чучело, 53/1, 64/1; Чобручи 345).

Погребения собак во входной яме встречены в 68 комплексах (21,38 % катакомб): Глиное 5/1, 7/1, 8/1, 9/1, 11/1, 13/1³⁴, 14/2, 15/1, 15/2, 17/1, 19/1, 19/2, 20/1, 22/2, 23/1, 27/1, 28/1, 29/1, 30/1, 32/1, 33/1, 34/1, 37/1, 41/2, 42/1, 48/1, 49/1, 51/1, 54/2, 56/2, 57/1, 58/1, 62/1, 67/4, 68/1, 69/2, 71/1, 74/2, 76/1,

³³ Несмотря на это, данный случай рассматривается вместе с другими захоронениями лошадей, которые обнаружены во входных ямах катакомб.

³⁴ В погребении Глиное 13/1 захоронение собаки находилось в погребальной камере, но оно рассматривается вместе с остальными комплексами, где собаки обнаружены во входных ямах.

77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 83/1, 86/1, 88/1, 89/3, 91/1, 91/2, 92/1, 93/1, 94/1, 96/2, 97/1, 99/1, 102/4, 105/2, 106/1, 107/3, 109/1, 111/2, 111/3; Градешка 16/1; Дервент 4/1, 5/1; Кугурлуй 23/2, 25/2, 26/2 (табл. 3).

В 66 катакомбах костяки собак находились во входных ямах. Отмечено 52 случая помещения собак только в основную входную яму (Глиное 5/1, 11/1, 14/2 (рис. 40/1), 15/1, 15/2, 17/1 (рис. 17/1), 19/1, 19/2, 20/1, 22/2, 23/1, 28/1, 29/1, 30/1, 32/1, 34/1, 41/2, 42/1, 48/1, 49/1, 51/1, 54/2, 56/2, 57/1, 58/1, 67/4, 68/1, 74/2, 76/1, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 83/1, 86/1, 89/3, 91/1, 91/2, 92/1, 94/1, 96/2, 97/1, 105/2, 106/1, 107/3, 109/1, 111/3; Градешка 16/1; Дервент 5/1³⁵; Кугурлуй 23/2, 25/2, 26/2) и семь случаев – только во впускную (Глиное 8/1 (рис. 40/2), 37/1, 71/1, 88/1, 93/1, 99/1, 111/2). В семи комплексах костяки собак находились и в основных, и во впускных входных ямах (Глиное 7/1, 9/1, 27/1, 33/1 (рис. 41), 62/1, 69/2, 102/4). В катакомбе Дервент 4/1 собаку вместе с анатомически целой лошады и чучелом лошади положили в дополнительную камеру (рис. 23/2). Только в катакомбе Глиное 13/1 собака была изначально положена в погребальную камеру, рядом с погребённой. Таким образом, в 68 катакомбах были захоронены 75 собак.

В 32 случаях собаки находились во входных ямах одиночных женских погребений или входных ямах, сооружение которых было связано с женским погребением в асинхронном комплексе: Глиное 7/1 (впускная входная яма), 8/1, 9/1 (впускная входная яма), 11/1, 13/1, 14/2, 15/2, 19/1, 22/2, 23/1, 27/1 (впускная входная яма), 32/1, 33/1 (впускная входная яма), 34/1, 56/2, 62/1 (основная входная яма), 74/2, 78/3, 79/1, 80/1, 86/1, 88/1, 89/3, 91/1, 91/2, 93/1, 94/1, 96/2, 106/1, 107/3 (основная входная яма), 109/1, 111/2.

Несколько реже, в 28 случаях, собаки во входных ямах были связаны с костяками мужчин в погребальных камерах: Глиное 5/1, 7/1 (основная

³⁵ В отчёте о раскопках захоронение собаки описывается, как «кости животного», лежавшие на ступенях во входной яме (Гудкова, Суничук, 1985. С. 7).

входная яма), 9/1 (основная входная яма), 15/1, 17/1, 27/1 (основная входная яма), 28/1, 29/1, 30/1, 33/1 (основная входная яма), 37/1, 41/2, 42/1, 48/1, 49/1, 51/1, 58/1, 62/1 (впускная входная яма), 67/4, 68/1, 71/1, 83/1, 92/1, 97/1, 99/1, 105/2 (впускная входная яма), 111/3; Кугурлуй 26/2. В шести комплексах собаки сопровождали парные погребения мужчин и женщин: Глиное 19/2, 54/2 (первичное парное погребение), 57/1 (в восточной камере), 69/2 (первичное парное погребение), 76/1 (в западной камере) и 77/1.

В пяти захоронениях (Глиное 20/1, 102/4; Градешка 16/1; Дервент 4/1; Кугурлуй 23/2, 25/2) связь захоронения собаки с полом погребённых не устанавливается, поскольку погребальные камеры были ограблены практически полностью.

Известно только одно детское погребение, совершённое в катакомбе III типа и сопровождавшееся захоронением собаки во входной яме (Дервент 5/1).

Важно отметить, что ни одно погребение, совершённое в катакомбе I типа, не содержало захоронения собаки во входной яме.

В 23 комплексах во входных ямах с захоронениями собак были обнаружены различные сосуды (24 экз.), использовавшиеся в качестве посуды. В 11 случаях найдены нижние части лепных сосудов, далее условно именуемые поддонами: Глиное 9/1 – по одному поддону в основной и во впускной входных ямах, 15/2, 19/1, 30/1, 48/1 (в виде чашки), 91/1 (нижняя часть кувшина), 91/2, 93/1 – впускная входная яма, 102/4 – впускная входная яма, 111/2. Лепные чашки обнаружены в четырёх погребениях (Глиное 7/1 – основная входная яма, 37/1 – впускная входная яма, 69/2 – основная входная яма, 99/1 – впускная входная яма), а в захоронении Глиное 34/1 в основную входную яму была положена гончарная чашка. Лепная кружка зафиксирована только в комплексе Глиное 19/2. Изредка роль целой «чашки» играли фрагменты гончарных и лепных сосудов: придонная часть амфоры

(Глиное 17/1 – основная входная яма), ножка амфоры (Глиное 107/3 – основная входная яма), фрагмент стенки амфоры (Глиное 62/1 – основная входная яма), фрагмент верхней части корчаги (Глиное 111/3), фрагмент лепного горшка (Глиное 94/1 – основная входная яма) или его нижняя часть (Глиное 105/2 – впускная входная яма), фрагмент стенки лепного сосуда (Глиное 54/2). Во всех этих случаях как целые сосуды, так и их части могли использоваться для помещения в них бескостной пищи в виде отреза мяса для собаки. Только в катакомбе Кугурлуй 23/2 возле костей собаки были найдены птичьи кости, т.е. остатки пищи, положенной для собаки. находка ножа во входной яме погребения Глиное 111/3 вблизи от верхней части корчаги прямо указывает на использование чашек, а также иных сосудов или их частей для помещения в неё пищи. Нельзя исключать также, что целые чашки, кружка, придонная часть амфоры, поддоны могли обозначать в погребальном обряде сосуд для питья собаки.

Во входной яме катакомбы Глиное 19/2, среди рёбер собаки был обнаружен железный наконечник стрелы. Являлась ли эта находка каким-то элементом ритуала, или же она стала причиной смерти животного, установить достоверно невозможно, хотя более вероятным представляется последнее.

*Погребение зайца*³⁶ в камере зафиксировано один раз – в погребении Глиное 13/1. Заяц был положен в нишу, расположенную в северо-восточном углу камеры, у дна. Животное лежало в сильно скорченном положении, черепом на юго-запад. Погребение зайца в камере катакомбы не имеет аналогов в скифских комплексах Северного Причерноморья.

³⁶ Определение канд. ист. наук. Е. П. Секерской (Одесса, Украина). Ранее публиковалось ошибочное определение канд. биол. наук Г. Д. Чемыртына о том, что костяк животного принадлежал кошке (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 122).

Подмазка зелёной глиной достоверно отмечена в 53 комплексах (16,66 % катакомб).

Чаще всего подмазка зелёной глиной встречается под костяками собак, погребённых во входных ямах катакомб. Подобная ситуация прослежена в 47 случаях в 43 погребениях, так как в четырёх из них подмазка фиксировалась дважды – под собаками в основной и впускной входных ямах. Таким образом, следует констатировать, что, как минимум, две трети или 64,38 % всех погребений собак (47 из 73) во входных ямах катакомб совершалось после предварительного подмазывания места захоронения животного зелёной глиной. Нарушенность 17 костяков собак вследствие ограбления, подзахоронения через основную/впускную входную яму, проседания грунта в основной/впускной входной яме (Глиное 20/1, 48/1, 54/2, 58/1, 67/4, 69/2 – основная и впускная входные ямы, 77/1, 89/3, 94/1, 99/1, 102/4 – впускная входная яма, 105/2, 107/3, 111/3; Градешка 16/1; Кугурлуй 23/2), позволяет допускать, что этот обряд практиковался ещё чаще. Вместе с тем достоверно установлено, что в восьми комплексах (Глиное 13/1, 22/2, 57/1, 62/1 – впускная входная яма, 88/1, 106/1; Дервент 5/1; Кугурлуй 26/2) подмазывание места захоронения животного не осуществлялось.

Значительно реже подмазка зелёной глиной встречается под костяками лошадей. Она зафиксирована в десяти комплексах, причём только в одном погребении дважды (Глиное 51/1). Зелёная глина использовалась для выделения мест погребений пяти анатомически целых лошадей (Глиное 3/1, 17/1, 18/2, 51/1, 68/1), пяти чучел (Глиное 18/1, 20/1, 39/1, 49/1, 51/1) и одного конского черепа (Глиное 34/1). Т. е. около половины конских захоронений (11 из 24 отмеченных) совершалось на предварительно подготовленной площадке, обмазанной зелёной глиной. Эта картина, как и в случае с захоронениями собак, может существенно отличаться от действительной, поскольку в восьми погребальных комплексах кости лошадей были нарушены (Владычень–I 13/2; Глиное 2/2, 5/1, 16/1, 20/1, 48/1, 64/1;

Каролино–Бугаз 2/5), а для одного случая (Чобручи 345) у нас нет данных о наличии/отсутствии подмазки. Вместе с тем находки отчленённых конских черепов во входных ямах погребений Глиное 2/2, 53/1 и 73/2 свидетельствуют, что подмазка зелёной глиной не всегда была обязательным элементом ритуала при захоронении лошади.

В десяти случаях зелёная подмазка была отмечена в камерах катакомб, под костяками погребённых. В отличие от сопровождающих захоронений собак и лошадей, когда зелёной глиной подмазывалась вся или бóльшая часть площадки, необходимой для размещения животного, при погребении «хозяев» подмазывалась только небольшая часть дна камеры. Как правило, в погребальных камерах под костяками погребённых фиксировались небольшие округлые, подовальные или бесформенные пятна подмазки зелёной глиной. В пяти погребениях подмазка связана с мужчинами (Глиное 17/1, 30/1, 41/2, 59/1, 78/3), в трёх – с женщинами (Глиное 22/3, 47/1, 93/1). В захоронениях Глиное 75/3 и 77/1 данный элемент обряда не удалось соотнести с половой принадлежностью погребённых, поскольку первое из них было безынвентарным, а второе – ограблено. Обращает на себя внимание расположение пятен зелёной подмазки. В восьми случаях из десяти они достоверно зафиксированы под тазом: Глиное 17/1, 22/3, 30/1, 41/2, 47/1, 59/1, 75/3, 78/3. Ещё в одном комплексе (Глиное 77/1) пятно зелёной подмазки было отмечено на дне, в центральной части камеры, и, вероятно, также располагалось под тазом погребённого³⁷. Только в одном погребении (Глиное 93/1) пятно зелёной подмазки было зафиксировано у правого плеча погребённого, причём на нём находилась лепная миска.

Подмазка илом дна погребальной камеры зафиксирована в двух захоронениях. Оба они были исследованы в кургане Глиное 66. В основном захоронении Глиное 66/1 дно камеры покрывал слой ила, перекрытый

³⁷ Предположительный характер данного утверждения обусловлен полным ограблением комплекса.

подстилкой, на которой находился костяк мужчины, связанный с первичным погребением в данной катакомбе. Во впускном одиночном погребении Глиное 66/2 поверх ила была положена шкура животного и тело погребённого. В обоих случаях «случайность» попадания ила на дно погребальной камеры исключена. Во–первых, оба случая подмазки дна погребальной камеры зафиксированы в одном кургане, а во–вторых, они отмечены в основном и впускном погребениях, между совершением которых прошло определённое время.

Подобный элемент обрядности в скифских погребальных памятниках Северного Причерноморья ранее не отмечался. Остаётся предполагать, что данный обычай имеет какое–то отношение к упомянутым выше подмазкам зелёной глиной, которые отмечались на могильнике у с. Глиное в погребальных камерах.

Меловая подсыпка отмечена в 22 погребениях (6,91 % всех катакомб).

Отмечены следующие варианты меловой подсыпки:

- 1) Размеры подсыпки в целом соответствуют размерам тела погребённого – восемь случаев: Глиное 6/3, 48/1, 86/1, 91/1, 91/2, 92/1, 93/1, 96/1;
- 2) Всё (или почти всё) дно камеры посыпано мелом – восемь случаев: Глиное 32/1, 34/1, 53/1, 69/2, 81/1, 99/1, 104/1; Мреснота Могила 14/3;
- 3) Центральная часть камеры посыпана мелом – один случай: Глиное 33/1;
- 4) Локальное пятно мела – два случая: Глиное 47/1 (овальное пятно размерами 0,3 × 0,15 м под левым предплечьем погребённой в дополнительной камере), Глиное 54/3 (пятно неправильной формы размерами 0,85 × 0,4 м на переходе из дромоса в погребальную камеру);

5) Полоса мела – два случая: Глиное 63/1 (шириной 0,3 м, на переходе из входной ямы в дромос), Глиное 84/2 (шириной до 0,3 м, вдоль северной стены камеры, под черепом погребённой);

6) Две полосы мела, одна в дромосе, у его устья, шириной 0,35 м, вторая – вдоль восточной стенки камеры, шириной до 1 м, на этой полосе положили деревянный настил с погребённой (один комплекс – Глиное 31/1).

Угли и кострища во входных ямах, дромосах и погребальных камерах обнаружены в 13 комплексах (4,08 % катакомб).

Скопления древесных углей были обнаружены во входных ямах погребений Глиное 22/4, 54/2, 64/1 (впускная входная яма), 67/1, 82/1 (в грабительском ходе), 88/1 (впускная входная яма), 116/1. Практически всегда угли отмечаются в заполнении придонной части ям. Угли были найдены в дромосах погребений Глиное 41/2 и 88/1. В катакомбе Глиное 33/2 угли были обнаружены в погребальной камере, вокруг черепа погребённого, а в захоронении 89/3 угли зафиксированы у устья входа в камеру.

Кострища выявлены в трёх катакомбах. На дне впускной входной ямы погребения Глиное 34/1 зафиксировано овальное кострище длиной 0,45 м и шириной 0,4 м, состоявшее из древесных углей, ошлакованной глины и остатков прогоревшей органики растительного происхождения. В основной входной яме погребения Глиное 102/4 кострище зафиксировано на утрамбованной площадке, под костяком собаки. В дромосе дополнительной погребальной камеры захоронения Глиное 22/2 отмечено полукруглое в плане кострище размерами 0,55 × 0,3 м; материковый грунт в центре кострища был слабо прокалён.

Канавки в дне погребальной камеры отмечены в трёх катакомбах.

Вдоль западной стены погребения Глиное 35/1, слева от парного захоронения, была зафиксирована канавка длиной 1,2 м, шириной и глубиной

до 0,1 м. В захоронении Глиное 71/1, слева от погребённых, была зафиксирована канавка длиной 1,75 м, шириной 0,15 см и глубиной до 0,1 м. Справа от погребённых в дне камеры катакомбы Глиное 96/1 была прорезана канавка длиной 2,1 м, шириной 0,1 см и глубиной 0,15 м. Размещение в непосредственной близости от длинных стен камер, а также отсутствие в заполнении каких-либо органических материалов ни в одном случае не позволяют установить достоверно назначение данных канавок.

Погребения на уровне древнего горизонта исследованы дважды.

В кургане 20 у с. Семёновка насыпь была возведена после устройства кенотафа, который сопровождался захоронением зависимого лица в катакомбе I типа (подбое) и депонированием предметов конского снаряжения и вооружения, а также стеклянного кубка и керамических сосудов (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 97–102, 155–158).

Очевидно, такая же ситуация (центральный кенотаф, сопровождающее захоронение зависимого лица в яме, депонирование керамических и стеклянных сосудов) была зафиксирована в кургане Попова Могила (Рябова, Супрунов 1998). В отличие от кургана 20 у с. Семёновка, в данном случае скифский кенотаф был устроен в насыпи кургана эпохи бронзы. В этом смысле уровнем древнего горизонта для кенотафа в кургане Попова Могила являлся уровень, на котором была устроена специальная площадка.

Вид погребального сооружения не был установлен в четырёх случаях. Захоронение Глиное 78/1 было впущено в скифскую насыпь, а погребения Белгород–Днестровский 1/12 и Никольское 1/7 – в насыпи курганов эпохи бронзы. Захоронение Широкая Балка–6 2/1995 являлось бескурганым.

§3. Останки погребённых

Все погребения III–II вв. до н. э. были совершены по обряду *ингумации*.

Характер захоронений различается (рис. 42).

Кенотафы исследованы в пяти комплексах (1,5 % погребений): Глиное 40/1; Глиное/Водовод 8/4; Дервент 8/1; Семёновка, курган 20; в кургане Попова Могила.

Захоронения Глиное/Водовод 8/4 и Дервент 8/1 совершены в прямоугольных ямах. В яме Глиное/Водовод 8/4 размерами 1,25 × 0,65 м был найден только фрагмент железного наконечника стрелы, очевидно, упавшего с перекрытия. Яма захоронения Дервент 8/1 размерами 1,8 × 1 м была забутована камнями и амфорным боем.

Погребение Глиное 40/1 совершено в катакомбе III типа. На дне её входной ямы обнаружены фрагменты курильницы, а в погребальной камере – лепной светильник. Отсутствие следов подстилки и человеческих костей в камере, наряду с отсутствием следов ограбления, не оставляют сомнений в том, что комплекс являлся кенотафом.

В курганах 20 у с. Семёновка и Попова Могила кенотафы были устроены на уровне древнего горизонта и сопровождались тризнами, депонированием различных вещей и сопровождающими захоронениями зависимых лиц

В 278 комплексах, совершённых по обряду ингумации, был установлен характер захоронения.

186 погребений (56,03 % захоронений) были *одиночными*: Белгород–Днестровский 1/12; Беляевка 2/15, 2/26; Владычень–I 13/1, 13/2; Глиное 2/3, 3/1, 4/1, 5/1, 6/1, 6/2, 10/1, 11/1, 12/1, 12/2, 14/1, 14/2, 15/1, 15/2, 18/2, 19/1, 19/3, 19/4, 21/1, 22/1, 22/3, 22/4, 23/1, 24/1, 25/1, 26/1, 28/1, 30/1, 31/1, 32/1,

33/2, 35/2, 36/2, 38/3, 39/1, 39/2, 41/2, 43/1, 44/1, 45/1, 46/1, 46/2, 46/3, 46/4, 51/1, 54/1, 54/3, 56/1, 56/2, 63/1, 66/2, 67/1, 67/2, 67/3, 67/5, 68/2, 69/1, 70/1, 72/1, 73/2, 74/1, 74/2, 75/2, 75/3, 78/1, 78/2, 81/2, 81/3, 82/1, 84/1, 84/2, 85/3, 86/1, 87/1, 87/2, 88/2, 89/1, 89/2, 90/1, 91/1, 91/2, 92/1, 92/2, 94/3, 95/1, 96/2, 98/1, 100/1, 101/1, 101/2, 102/1, 102/2, 102/3, 103/1, 103/2, 104/1, 105/1, 107/1, 107/2, 108/1, 109/1, 111/1, 111/2, 112/1, 116/2; Глиное 275, 279, 378; Глиное/Водовод 7/5; Градешка 8/1, 10/1, 15/1, 19/1, 20/1, 20/2, 27/1; Дервент 5/1, 5/2, 9/1, 9/2, 13/2, 16/1, 18/1; Котловина–I 6/2; Кугурлуй 4/1, 4/2, 8/2, 10/1, 15/1, 18/2, 19/1, 19/2, 23/2, 24/1, 26/2, 31/1, 32/1, 32/2, 32/3; Мреснота Могила 4/1, 14/1, 21/1; Нечаянное 2/8, 2/11; Николаевка 48, 54, 59; Никольское 1/7; Парканы 109, 114, 173, 174; Плоское 377; Попова Могила, сопровождающее захоронение; Семёновка 20/1; Суклея; Табаки 3/1, 4/1, 4/2; Терновка 186, 188; Фрикацей 5/3; Чобручи 2/3; Чобручи 281, 282, 288, 289, 290, 309, 345, 400, 401, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411; Широкая Балка–6 2/1995

Парные захоронения встречаются значительно реже. Их отмечено всего 25 (7,53 % погребений): Владычень–I 14/2; Глиное 6/3, 18/1, 19/2, 22/2, 35/1, 41/1, 47/1, 56/3, 60/1, 60/2, 65/1, 68/1, 75/1, 83/1, 85/2, 94/2, 106/1; Дервент 13/1; Котловина–I 6/1; Кугурлуй 8/1; Парканы 131; Сербская Земля 260; Чобручи 402, 412.

Коллективными погребениями могут считаться только четыре комплекса (1,2 % захоронений): Глиное 44/2, 57/1, 76/1, 116/1. В каждом из них одновременно были погребены по три человека.

Все коллективные захоронения были совершены в двухкамерных катакомбах. В западной камере погребения 44/2 находился ребёнок, а в восточной – мужчина и женщина. В захоронении 57/1 западная камера была сооружена для женщины, восточная – для мужчины и женщины. Западная камера погребения 76/1 предназначалась для мужчины и женщины, восточная же была полностью ограблена, однако находки стеклянной подвески и бисера, встречающегося только в женских погребениях,

свидетельствуют в пользу того, что она содержала погребение женщины. В западных камерах погребённые лежали головой на юг, а в восточных – на север. Иная ситуация зафиксирована в погребении 116/1: в северную камеру положили двух детей головой на запад, а в восточную – мужчину, головой на север.

Асинхронные погребения занимают второе место по распространённости после одиночных. Таких комплексов выявлено 63 (18,98 % захоронений): Глиное 2/2, 7/1, 8/1, 9/1, 13/1, 13/3, 16/1, 17/1, 20/1, 27/1, 29/1, 33/1, 34/1, 36/1, 37/1, 38/1, 42/1, 43/2, 48/1, 49/1, 50/1, 52/1, 53/1, 54/2, 55/1, 58/1, 59/1, 61/1, 62/1, 64/1, 66/1, 67/4, 69/2, 71/1, 73/1, 77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 81/1, 85/1, 88/1, 89/3, 93/1, 93/2, 94/1, 96/1, 97/1, 99/1, 102/4, 105/2, 107/3, 111/3, 113/1, 114/1, 115/1; Глиное 276; Градешка 7а/1; Мрснота Могила 21/2; Николаевка 12, 56; Парканы 159; Роксоланы (Никоний) 2/6.

Характер 49 захоронений остался невыясненным (14,76 % погребений): Владычень–I 14/3, 14/4; Глиное 277; Градешка 14/1, 16/1, 17/1, 24/1; Дервент 1/2, 6/1, 7/3, 10/1, 11/1, 15/1, 15/2, 17/1; Каролино–Бугаз 2/5; Коротное 294; Кугурлуй 15/2, 16/1, 18/1, 20/2, 25/2, 26/1, 29/1; Мрснота Могила 4/2, 14/3, 22/1, 22/2; Николаевка 24; Николаевка/«На горбах» 1/1; Парканы 120, 121, 122, 143, 153, 154, 156, 172; Плоское 218, 221; Слободзея 2013 г.; Терновка 185; Тирасполь 1980 г., 2005 г., 4/2; Троицкое 1881 г., 1895 г. – 2 погребения; Чобручи 283. Были ли они одиночными, парными, коллективными или асинхронными, установить нельзя ввиду полного ограбления комплексов. Очевидно лишь то, что они не являлись кенотафами.

Поза погребённых установлена в 319 случаях (70,41 % погребённых) (рис. 43).

Вытянутое положение на спине абсолютно преобладает. Оно зафиксировано в 308 случаях (68 % погребённых). С учётом различных вариаций такая поза зафиксирована в следующих погребениях: Белгород–

Днестровский 1/12; Беляевка 2/25, 2/26; Владычень–I 13/1, 13/2, 14/2 (2 случая); Глиное 2/3, 3/1, 4/1, 5/1, 6/2, 6/3 (2 случая), 7/1, 8/1 (2 случая), 9/1 (2 случая), 10/1, 11/1, 12/1, 12/2, 13/1 (2 случая), 13/3 (2 случая), 14/2, 15/1, 15/2, 16/1 (2 случая), 17/1 (2 случая), 18/1 (2 случая), 18/2, 19/1, 19/2 (2 случая), 19/4, 21/1, 22/1, 22/2 (2 случая), 22/3, 22/4, 23/1, 24/1, 25/1, 26/1, 27/1 (2 случая), 28/1, 29/1, 30/1, 31/1, 32/1, 33/1, 33/2, 34/1, 35/1 (2 случая), 35/2, 36/1, 36/2, 37/1, 38/1, 38/3, 39/1, 39/2, 41/1 (2 случая), 41/2, 42/1 (2 случая), 43/1, 43/2 (2 случая), 44/1 (3 случая), 44/2, 45/1, 46/1, 46/2, 46/3, 46/4, 47/1 (2 случая), 48/1, 49/1 (2 случая), 50/1, 51/1, 52/1 (2 случая), 53/1, 54/1, 54/2, 54/3, 55/1, 56/1, 56/2, 56/3 (2 случая), 57/1 (3 случая), 58/1 (2 случая), 59/1, 60/1 (2 случая), 60/2 (2 случая), 62/1 (2 случая), 63/1, 64/1 (4 случая), 65/1 (2 случая), 66/1 (2 случая), 66/2, 67/1, 67/2, 67/3, 67/4, 68/1 (2 случая), 68/2, 69/1, 69/2 (3 случая), 71/1, 72/1, 73/1 (2 случая), 73/2, 74/2, 75/1 (2 случая), 75/2, 75/3, 76/1 (2 случая), 78/1 (2 случая), 78/2, 79/1 (2 случая), 80/1 (2 случая), 81/1 (2 случая), 81/2, 81/3, 83/1 (2 случая), 84/1, 84/2, 85/1 (2 случая), 85/2 (2 случая), 86/1, 87/1, 87/2, 88/1, 88/2, 89/1, 89/2, 89/3, 90/1, 91/1, 91/2, 92/1, 92/2, 93/1 (2 случая), 93/2 (3 случая), 94/1, 94/2 (2 случая), 94/3, 95/1, 96/1 (2 случая), 96/2, 97/1 (2 случая), 98/1, 99/1, 100/1, 101/1, 102/1, 102/2, 102/3, 103/1, 103/2, 104/1, 105/1, 105/2 (2 случая), 106/1 (2 случая), 107/1, 107/2, 107/3, 108/1, 109/1, 111/1, 111/2, 111/3 (3 случая), 112/1, 113/1 (2 случая), 114/1 (2 случая), 115/1, 116/1 (3 случая), 116/2; Глиное 275, 276 (2 случая), 279, 378; Глиное/Водовод 7/5; Градешка 7а/1 (2 случая), 10/1, 15/1; Дервент 5/1, 5/2, 9/1, 13/1 (2 случая), 13/2; Котловина–I 6/1 (2 случая), 6/2; Кугурлуй 4/2, 8/1 (2 случая), 8/2, 18/2, 19/1, 23/2, 24/1, 26/2, 31/1, 32/1, 32/2; Мреснота Могила 4/1, 14/1, 21/2 (2 случая); Николаевка 12 (3 случая), 54, 56, 59; Никольское 1/7; Парканы 109, 114, 131 (2 случая), 173, 174; Плоское 377; Роксоланы (Никоний) 2/6 (2 случая); Сербская Земля 260; Суклея; Терновка 186, 188; Чобручи 281, 282, 288, 289, 290, 345, 399, 400, 401, 402 (2 случая), 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412 (2 случая).

Ещё в трёх случаях зафиксировано *вытянутое положение на боку* (0,66 % погребённых). В асинхронном захоронении Роксоланы (Никоний) 2/6 в вытянутом положении на правом боку лежал один из взрослых погребённых, а в вытянутом положении на левом боку – ребёнок. Очевидно, они связаны с первичным захоронением: при подзахоронении были сдвинуты таким образом, чтобы в небольшой погребальной камере освободилось место для размещения вносимых тел. В вытянутом положении на левом боку лежал один из погребённых (связанный с подзахоронением) в асинхронном захоронении Николаевка 56. Таким образом, можно констатировать, что данная поза (вытянуто на правом/левом боку) являлась не следствием заранее запланированных обрядовых действий, а результатом необходимости.

В шести случаях зафиксировано *скорченное положение* (1,32 % погребённых).

Скорченно на левом боку лежали погребённые в катакомбе Семёновка 20/1 и захоронении Широкая Балка–6 2/1995; только в этих двух комплексах данная поза стала следствием обрядовых действий. В других четырёх погребениях (Глиное 52/1, 67/5, 70/1, 107/3) тела погребённых были уложены в скорченном положении в результате определённых обстоятельств (невозможности разместить тело в погребальной камере, где всё место уже было занято; просчётов при строительстве погребальной камеры, длина которой была меньше чем рост погребённого; небрежности соблюдения обрядовых норм).

Только в двух случаях зафиксирована *поза ничком* (0,44 % погребённых). В захоронении Глиное 2/2 погребённый, внесённый в катакомбу при подзахоронении, был уложен на живот таким образом, что его голова лежала на правом виске, правая рука была резко согнута и касалась кистью верхней части плечевой кости, левая рука лежала вдоль тела, ноги были прямыми. На дне входной ямы катакомбы Сербская Земля 260 лежал ничком погребённый,

головой на ЮВ. Его левая рука была вытянута вдоль тела, а правая – согнута в локте и кистью касалась правого плеча.

В 134 случаях *поза* погребённых не установлена (29,58 % погребённых) вследствие разрушения костяков при ограблениях или во время подзахоронений: Владычень–I 14/3, 14/4; Глиное 2/2, 6/1, 7/1, 13/3 (2 случая), 14/1, 19/3, 20/1 (2 случая), 29/1, 33/1, 34/1, 36/1, 37/1, 38/1, 50/1 (4 случая), 51/1, 53/1 (2 случая), 54/2 (2 случая), 55/1, 59/1, 61/1 (2 случая), 67/4, 71/1, 74/1, 76/1, 77/1 (2 случая), 78/1, 82/1, 85/3, 88/1, 89/3, 93/2, 94/1 (3 случая), 99/1, 101/2, 102/4 (2 случая), 105/2, 111/3, 115/1; Глиное 277; Градешка 8/1, 14/1 (2 случая), 16/1, 17/1, 19/1, 20/1, 20/2, 24/1 (2 случая), 27/1; Дервент 1/2, 4/1, 6/1, 7/3, 9/2, 10/1, 11/1 (2 случая), 15/1 (2 случая), 15/2, 16/1, 17/1, 18/1; Каролино–Бугаз 2/5; Коротное 294; Кугурлуй 4/1, 10/1, 15/1, 15/2, 16/1, 18/1, 19/2, 20/2 (2 случая), Кугурлуй 25/2, 26/1, 29/1, 32/3; Мреснота Могила 4/2, 14/3, 21/1, 22/1, 22/2 (2 случая); Нечаянное 2/8, 2/11; Николаевка 12 (2 случая), 24, 48; Николаевка/«На горбах» 1/1; Парканы 120 (2 случая), 121, 122, 143, 153, 154, 156, 159 (2 случая), 172; Плоское 218, 221; Попова Могила, сопровождающее захоронение; Слободзея, 2013 г.; Табаки 3/1, 4/1, 4/2; Терновка 185; Тирасполь, 1980 г., 2005 г.; Тирасполь 4/2; Троицкое, 1881 г., 1895 г. (2 случая); Фрикацей 5/3; Чобручи 2/3; Чобручи 283.

Ориентировка устанавливается для 446 погребённых (98,45%) из 453 (рис. 44).

Меридиональная ориентировка характерна для большинства погребённых (352 случая, или 77,71 %).

Абсолютно доминирует *северная* ориентировка. Она отмечена для 170 погребённых (37,53 %): Глиное 2/2, 9/1 (2 случая), 11/1, 12/1, 12/2, 13/1 (2 случая), 14/1, 15/1, 15/2, 16/1 (2 случая), 17/1 (2 случая), 18/2, 19/1, 21/1, 22/2, 23/1, 25/1, 27/1 (2 случая), 30/1, 34/1 (2 случая), 38/1, 38/3, 39/1, 42/1 (2 случая), 43/2 (2 случая), 44/1 (2 случая), 44/2, 47/1, 48/1 (2 случая), 49/1 (2

случая), 50/1 (4 случая), 51/1, 52/1 (2 случая), 56/1, 57/1 (2 случая), 60/1 (2 случая), 61/1 (2 случая), 62/1 (2 случая), 63/1, 66/1 (2 случая), 66/2, 67/2, 67/3, 68/1, 69/1, 69/2 (3 случая), 71/1 (2 случая), 72/1, 73/1 (2 случая), 74/1, 75/1 (2 случая), 75/3, 77/1 (2 случая), 78/3 (2 случая), 79/1 (2 случая), 80/1 (2 случая), 82/1, 85/1 (2 случая), 87/2, 92/1, 92/2, 94/3, 97/1, 102/1, 102/4 (2 случая), 105/2 (2 случая), 112/1, 113/1 (2 случая), 115/1 (2 случая), 116/1; Глиное 275, 279, 378; Градешка 7а/1 (2 случая), 14/1 (2 случая), 15/1, 16/1, 17/1, 19/1, 20/1, 20/2, 24/1 (2 случая); Дервент 5/1, 5/2, 10/1, 11/1 (2 случая), 15/1 (2 случая), 16/1; Коротное 294; Кугурлуй 18/2, 19/2, 26/1, 29/1; Парканы 131 (2 случая), 153, 154, 156, 159 (2 случая), 172, 173, 174; Плоское 218, 221, 377; Сукляя; Терновка 186, 188; Тирасполь 4/2; Фрикацей 5/3; Чобручи 2/3; Чобручи 282, 283, 288, 289, 290, 399, 400, 401, 402 (2 случая), 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412 (2 случая).

Ориентировка головой на ССЗ отмечена в 70 случаях (15,46 %): Глиное 3/1, 4/1, 5/1, 6/3 (2 случая), 7/1 (2 случая), 8/1 (2 случая), 19/3, 19/4, 26/1, 28/1, 29/1 (2 случая), 33/2, 36/1 (2 случая), 37/1, 41/2, 46/3, 55/1 (2 случая), 56/2, 59/1 (2 случая), 65/1, 67/1, 67/4 (2 случая), 68/2, 70/1, 74/2, 76/1, 81/2, 84/1, 84/2, 86/1, 89/2, 89/3 (2 случая), 93/1 (2 случая), 94/1 (2 случая), 96/1 (2 случая), 96/2, 97/1, 98/1, 102/2, 102/3, 103/1, 106/1, 107/3 (2 случая), 111/3 (4 случая), 114/1 (2 случая); Дервент 1/2, 6/1, 7/3, 9/1, 9/2, 13/1 (2 случая), 17/1. Для 32 погребённых (7,07 %) отмечена ориентировка на ССВ: Глиное 10/1, 13/3 (4 случая), 14/2, 20/1 (2 случая), 22/3, 31/1, 50/1, 54/2 (3 случая), 60/2 (2 случая), 64/1 (4 случая), 75/2, 81/1 (2 случая), 83/1 (2 случая), 85/3, 88/2, 91/1, 91/2, 107/1; Кугурлуй 32/1, 32/2. Реже встречается СЗ ориентировка (25 случаев; 5,51 %): Глиное 18/1 (2 случая), 19/2 (2 случая), 35/2, 36/2, 39/2, 46/4, 81/3, 87/1, 89/1, 93/2 (4 случая), 99/1 (2 случая), 101/1, 101/2, 105/1, 116/2; Глиное/Водовод 7/5; Нечаянное 2/8, 2/11; Чобручи 345. Северо-восточная ориентировка зафиксирована для пяти погребённых (1,1 %): Глиное 2/3, 94/2, 109/1, 111/2; Глиное 276.

С учётом различных отклонений, группа ориентировок в северном секторе отмечена в 302 случаях (66,67 % погребённых).

Значительно менее распространена южная ориентировка (22 случая, 4,86 %): Беляевка 2/26; Глиное 33/1 (2 случая), 35/1 (2 случая), 38/1, 41/1, 44/1, 45/1, 53/1 (3 случая), 57/1, 95/1, 105/2; Градешка 27/1; Дервент 15/2; Кугурлуй 23/2; Никольское 1/7; Парканы 109, 114, 143. С учётом ЮЗ (Белгород–Днестровский 1/12; Глиное 22/4, 103/2; Кугурлуй 8/1 (2 случая), Табаки 4/1 – 6 случаев, 1,32 %), ЮЮЗ (Беляевка 2/25; Глиное 88/1 (2 случая), 100/1 – 4 случая, 0,88 %), ЮЮВ (Глиное 24/1, 32/1, 37/1, 54/3, 58/1 (2 случая), 76/1 (2 случая), 94/1 (2 случая), 104/1, Сербская Земля 260 – 12 случаев, 2,64 %) и ЮВ (Глиное 107/2, 108/1, Николаевка 54, Сербская Земля 260 – 4 случая, 0,88 %) отклонений группа ориентировок в южном секторе выявлена в 48 случаях (10,60 % погребённых).

Ориентировка погребённых в катакомбе Парканы 120 достоверно не устанавливается, однако очевидно, что она была меридиональной (2 случая; 0,44 %). Длинные оси камер были ориентированы по линии СЗ–ЮВ и ЮЗ–СВ, при этом, если погребённых положили головами ко входу в дромос, как это обычно практиковались, один из них (в северной камере) лежал головой на ЮВ, а второй (в южной камере) – на СВ.

Широтная ориентировка отмечена в 94 случаях (20,75 %).

Западная ориентировка отмечена для 40 погребённых (8,84 %): Владычень–I 13/2; Глиное 2/2, 6/1, 6/2, 22/1, 22/2, 43/1, 46/2, 47/1, 56/3 (2 случая), 65/1, 73/2, 78/1, 78/2, 90/1, 106/1, 116/1 (2 случая); Глиное 277; Градешка 8/1; Кугурлуй 4/1, 4/2, 16/1, 18/1, 19/1, 24/1, 25/2, 26/2, 31/1; Мрснота Могила 14/1, 14/3, 22/2 (2 случая); Николаевка/«На горбах» 1/1; Роксоланы (Никоний) 2/6 (4 случая); Терновка 185. Ориентировка в направлении ЗЮЗ отмечена в 14 случаях (3,09 %) – Владычень–I 13/1, 14/2 (2 случая), 14/3, 14/4, Глиное 67/5, 111/1, Дервент 4/1, Котловина–I 6/2,

Кугурлуй 15/1, Мреснота Могила 4/1, 21/2 (2 случая), Табаки 3/1; ЗСЗ – в 15 (3,31 %) – Глиное 46/1, 54/1, 85/2 (2 случая), 94/2, Градешка 10/1, Дервент 13/2, Котловина–I 6/1 (2 случая), Кугурлуй 8/2, 10/1, 15/2, 32/3, Мреснота Могила 4/2, 21/1. Таким образом, группа западных ориентировок отмечена в 69 случаях (15,24 % погребённых).

19 погребённых лежали головой на восток (4,19 %): Глиное 41/1, 52/1, 68/1; Глиное 276; Дервент 18/1; Каролино–Бугаз 2/5; Кугурлуй 20/2 (2 случая); Николаевка 12 (5 случаев), 56 (2 случая), 59; Семёновка 20/1; Табаки 4/2; Широкая Балка–6 2/1995. В направлении ВСВ лежали погребённые в трёх катакомбах (0,66 %): Парканы 121; Мреснота Могила 22/1; Чобручи 281. Таким образом, группа восточных ориентировок отмечена в 22 случаях (4,85 % погребённых).

Ориентировки в трёх случаях достоверно не устанавливаются, однако очевидно, что они были широтными (0,66 %). На это указывают ориентировки сооружений: Николаевка 24 (ЗВ – ориентировка ямы), 48 (ЗЮЗ–ВСВ – ориентировка ямы); Парканы 122 (ЗВ – ориентировка длинной оси погребальной камеры).

Данные об ориентировках отсутствуют для семи погребённых (1,54 %): Попова Могила, сопровождающее захоронение; Слободзея 2013 г.; Тирасполь 1980 г., 2005 г; Троицкое 1881 г., 1895 г. (2 случая).

Тело погребённого помещали, как правило, на *подстилку*. Она была зафиксирована в 180 захоронениях (54,21 % погребений).

Погребённых чаще всего укладывали на *растительную подстилку* в виде светло–серого тлена. Такая подстилка отмечена в 120 случаях в 113 погребениях (62,77 % захоронений с подстилками): Владычень–I 14/3; Глиное 2/3, 6/1, 6/2, 6/3, 9/1, 11/1, 12/1, 14/2, 16/1, 18/2 (восточная камера), 19/3, 19/4, 21/1, 23/1, 25/1, 26/1, 27/1, 28/1, 32/1, 33/1, 33/2, 34/1, 35/1, 35/2, 36/1, 37/1, 38/1, 39/1, 39/2, 42/1, 43/2, 44/1 (2 случая), 44/2, 46/3, 47/1

(восточная камера), 48/1, 49/1, 50/1, 51/1, 52/1, 53/1, 54/1, 54/2, 56/1, 57/1 (2 случая), 59/1, 60/1, 60/2, 61/1, 62/1 (2 случая), 63/1, 64/1, 65/1 (восточная камера), 66/1, 67/1, 67/2, 67/3, 67/4, 67/5, 68/1 (2 случая), 68/2, 69/1, 69/2, 70/1, 71/1, 74/2, 75/1, 75/2, 76/1, 78/3, 79/1, 80/1 (2 случая), 81/1, 81/2, 81/3, 83/1, 84/2, 85/1, 87/1, 87/2, 88/1, 89/1, 89/2, 89/3, 90/1, 91/1, 91/2, 93/1, 93/2, 94/1 (2 случая), 95/1, 96/1, 96/2, 100/1, 102/1, 103/2, 104/1, 105/2, 106/1 (северная камера), 107/1, 107/3, 108/1, 111/1, 111/2, 111/3 (2 случая), 112/1, 113/1, 114/1, 115/1, 116/1 (северная камера), 116/2; Мреснота Могила 14/3. В двухкамерных катакомбах Глиное 44/1, 68/1, 94/1 и 111/3 было положено по две растительные подстилки – по одной в каждой камере. В большинстве случаев характер подстилки установлен не был, и здесь мы её рассматриваем как растительную (104 случая в 100 погребениях), и только в 16 комплексах была зафиксирована камышовая подстилка как частный случай растительной. Только в трёх комплексах отмечены растительные подстилки неопределённого характера и камышовые: в западной и восточной камерах коллективного погребения Глиное 57/1, а также в асинхронных захоронениях Глиное 62/1 и 80/1.

Камышовые подстилки в виде тлена серебристого цвета были зафиксированы в 16 погребениях (8,88 % захоронений с подстилками): Глиное 6/1, 18/2 (восточная камера), 19/3, 37/1, 44/2, 49/1 (восточная камера), 57/1 (западная камера), 62/1, 69/2, 75/2, 80/1, 95/1, 100/1, 108/1, 113/1, 115/1.

Значительно реже по сравнению с растительными встречаются подстилки из других органических материалов. В 68 погребениях (37,77 % захоронений с подстилками) зафиксированы *70 подстилок из шкур животных* в виде тлена чёрного или тёмно-коричневого цвета: Беляевка 2/26; Глиное 2/2, 3/1 (восточная камера), 5/1, 8/1, 9/1, 12/2, 15/1, 16/1, 18/2 (восточная камера), 19/1, 19/2, 19/3, 19/4, 22/2 (2 случая), 22/3, 24/1, 25/1, 26/1, 27/1, 28/1, 30/1, 33/2, 38/1, 38/3, 41/1, 41/2, 46/4, 47/1 (восточная камера), 52/1, 54/3, 56/2, 56/3, 64/1, 66/1, 66/2, 67/4, 73/1, 76/1, 83/1, 85/2, 86/1, 88/2, 92/1, 94/1, 94/2, 94/3,

97/1, 98/1, 101/1, 102/3, 103/1, 104/1, 105/1, 105/2, 106/1 (2 случая), 107/2, 107/3, 108/1, 111/2, 111/3, 113/1, 114/1, 115/1; Мреснота Могила 21/2; Никольское 1/7; Табаки 4/1; Чобручи 2/3. В двухкамерных катакомбах Глиное 22/2 и 106/1 шкурами было устлано дно обеих камер.

Подстилка из войлока в виде ворсистого тлена тёмно-серого цвета обнаружена в 45 погребениях (25 % захоронений с подстилками): Глиное 4/1, 6/3, 7/1, 10/1, 11/1, 13/1, 13/3, 14/1, 15/2, 17/1, 18/1, 20/1, 31/1, 33/1, 34/1, 35/2, 45/1, 47/1 (северная камера), 48/1, 53/1, 55/1, 58/1, 69/2, 72/1, 74/1, 77/1, 79/1, 82/1, 83/1, 84/1, 87/1, 88/1, 89/1, 92/2, 97/1, 99/1, 102/1, 102/2, 109/1, 116/2; Градешка 10/1, 15/1, Дервент 6/1; Кугурлуй 8/1, 23/2.

В 23 погребениях отмечены шесть сочетаний различных подстилок, расстеленных под одним или двумя умершими, погребёнными одновременно.

1) Шкура поверх растительной подстилки: сочетание отмечено в десяти комплексах: Глиное 19/4, 25/1, 26/1, 33/2, 38/1, 47/1 (восточная камера), 66/1, 106/1 (северная камера), 111/2, 111/3 (восточная камера);

2) Растительная подстилка поверх войлочной: сочетание отмечено в пяти комплексах: Глиное 6/3, 11/1, 35/2, 102/1, 116/2;

3) Шкура поверх камышовой подстилки: сочетание отмечено в трёх комплексах: Глиное 19/3, 108/1, 113/1;

4) Камышовая подстилка поверх шкуры: сочетание отмечено в двух комплексах: Глиное 18/2 (восточная камера), 115/1;

5) Войлочная подстилка поверх растительной: сочетание отмечено в двух комплексах: Глиное 87/1, 89/1;

6) Растительная подстилка поверх шкуры: сочетание отмечено в одном комплексе: Глиное 104/1;

7) Войлочная подстилка поверх камышовой: сочетание отмечено в одном комплексе: Глиное 69/2.

По две отдельные подстилки были зафиксированы в двух комплексах. В погребении Глиное 28/1 на двухслойную подстилку положили тело погребённого, а на подстилку из шкуры животного – деревянную миску с жертвенной пищей и железным ножом. В западной камере захоронения Глиное 83/1 на одной из подстилок, растительной, лежала погребённая, а на другой, войлочной, – жертвенная пища и железный нож.

В асинхронных погребениях фиксируются различные сочетания подстилок, но они не образовывали изначально единого целого, так как одна подстилка предназначалась для первых погребённых, а вторая – для очередных. В захоронениях Глиное 34/1 и 88/1 сначала была положена войлочная подстилка, а затем растительная; Глиное 9/1, 16/1, 27/1, 107/3 – сначала шкура, а потом растительная подстилка; Глиное 33/1, 53/1 и 79/1 – сначала растительная подстилка, а затем войлок; Глиное 67/4, 94/1 (восточная камера), 105/2, 114/1 – сначала растительная подстилка, а затем шкура; Глиное 97/1 – сначала шкура, а потом войлок.

В восточной камере катакомбы Глиное 116/1 погребённый лежал на постеленной на дно деревянного гробовища *ткани*. Её растительный или иной органический характер не установлен.

Крайне редко тело погребённого укладывали на *настил*. Отмечено всего девять подобных случаев (2,71 % погребений).

Настилы из деревянных плах выявлены в четырёх захоронениях. В комплексе Глиное 31/1 длина настила, состоявшего из пяти плах шириной 18–23 см и толщиной до 4 см, уложенных продольно, достигала 1,75 м, ширина – 0,95 м (площадь 1,66 м²). На настил была положена подстилка из войлока. Настил из погребения Глиное 32/1 длиной 2,1 м и шириной 0,9 м (площадь 1,89 м²) состоял из четырёх плах шириной 20–25 см и толщиной до

4 см, уложенных продольно. Поверх настила находилась растительная подстилка. В погребении Глиное 45/1 находился настил размерами $2,3 \times 1$ м (площадь $2,3 \text{ м}^2$), состоявший из четырёх продольных плах шириной 20–27 см и толщиной до 4 см; на настил положили войлочную подстилку. В захоронении Глиное 96/1 под костяками отмечен тлен от растительной подстилки, уложенной поверх решётчатого деревянного настила из плах шириной 6,5–8 см и толщиной до 2,5 см. В плане настил был прямоугольным, размерами $2 \times 1,2$ м, его площадь составила $2,4 \text{ м}^2$.

Два настила из захоронений были сооружены для мужских захоронений (Глиное 45/1, 96/1), а два других – для погребения женщин (Глиное 31/1, 32/1).

В пяти других комплексах использовались *настилы из коры*. Настилы из коры в погребениях Белгород–Днестровский 1/12 и Владычень–I 13/2 только упоминаются. В катакомбе Глиное 29/1 первичное мужское захоронение было совершено на прямоугольном настиле из коры с закруглёнными углами размерами $2,05 \times 1$ м (площадь $2,05 \text{ м}^2$). Аналогичная ситуация отмечена в захоронении Глиное 49/1, где находился настил из коры длиной 2,3 м и шириной 1,4 м (площадь $3,22 \text{ м}^2$). В другом асинхронном комплексе установлено, что настил из коры размерами $2,15 \times 0,65$ м (площадь $1,39 \text{ м}^2$) был сооружён в погребальной камере во время совершения вторичного женского захоронения в катакомбе Глиное 66/1.

В четырёх случаях в камерах катакомб было сооружено *деревянное гробовище*.

О гробовище в катакомбе у с. Суклея известно, что в камере отмечены «следы досок или гроба, которыми был обложен покойник» (Мелюкова, 1962б. С. 132).

Гробовище из погребения Глиное 88/1 представляло собой прямоугольный ящик длиной 1,75 м, шириной 0,85 м (площадь $1,49 \text{ м}^2$) и высотой до 0,4 м.

Сначала в дно камеры вкопали четыре угловых столба, от которых сохранились округлые в плане ямки, диаметром 10–15 см и глубиной 20–30 см. Угловые столбы затем соединили досками толщиной не менее 4 см, поставленными на ребро и заглублёнными в пол камеры на 3–5 см для устойчивости. Способ стыковки столбов и досок неясен. Возможно, стыковка производилась при помощи деревянных шипов и пазов. Поверх торцевых досок, стоящих на ребре, были положены продольно четыре доски шириной 15–25 см и толщиной до 3 см, составлявшие крышку гробовища. Изначально гробовище предназначалось для погребения мужчины, и в него постелили войлочную подстилку; при подзахоронении женщины часть крышки гробовища была вскрыта, мужской костяк разрушен и отодвинут к восточной стенке, а поверх войлока была уложена растительная подстилка (рис. 45/1,2).

В катакомбе Глиное 112/1 зафиксировано гробовище в виде прямоугольного ящика размерами 2,15 × 0,95 м (площадь 2,04 м²), собранного из деревянных планок шириной до 7 см. Планки зафиксированы не только по периметру ящика, но и сверху, что предполагает наличие крышки у гробовища. Количество планок и конструкцию гробовища в целом установить не удалось, однако зафиксировано использование глины для соединения его элементов – планок. Внутри гробовища на растительной подстилке находился костяк мужчины (рис. 45/3).

Зафиксированное в восточной камере погребения Глиное 116/1 гробовище представляло собой деревянный ящик длиной 2 м, шириной 0,85 м (площадь 1,7 м²) и высотой 0,25 м. Дно гробовища составляли пять параллельных друг другу досок, лежавших на полу погребальной камеры. Бортами гробовища являлись установленные на ребро четыре доски (две длинных и две коротких), соединённые при помощи шипов и пазов и образующие вертикально стоящую раму. Она была окрашена красной краской. Дно гробовища было застелено тканью, фиксировавшейся, предположительно,

четырьмя деревянными колышками. Крышки у гробовища не было (рис. 25/3).

Материковое ложе было устроено в пяти катакомбах. В катакомбе III типа Глиное 10/1 в центре камеры был оставлен в материковой глине прямоугольный останец размерами $1,45 \times 0,95$ м (площадь $1,38 \text{ м}^2$) и высотой 0,3 м. Ложе было разделено на две части. Меньшая часть (шириной 0,35 м) имела ровную поверхность и предназначалась для керамики: на ней обнаружен лепной светильник, ниже которого в специально выкопанном углублении размещалась лепная миска с костями от жертвенной пищи и железным ножом. Большая часть ложа имела корытообразную форму глубиной до 8 см и имитировала «кроватьку», поскольку на ложе, покрытом войлочной подстилкой, находился ребёнок (рис. 46/1,2).

В ограбленной катакомбе III типа Дервент 5/2 в центре камеры зафиксировано материковое ложе размерами $2 \times 0,9$ м (площадь $1,8 \text{ м}^2$) и высотой 0,1 м, на котором лежал взрослый человек (рис. 46/3,4).

Была ограблена и катакомба III типа Кугурлуй 15/1, где у южной стенки камеры было вырезано ложе размерами $1,85 \text{ м} \times 1 \text{ м}$ (площадь $1,85 \text{ м}^2$) и высотой 0,2 м. На ложе найдена только каменная плита, по всей видимости, в перемещённом состоянии.

Не избежала разграбления и катакомба II типа Кугурлуй 18/1. В её погребальной камере, как и в предыдущем комплексе, было устроено материковое ложе размерами $2 \times 0,8$ м (площадь $1,6 \text{ м}^2$) и высотой 0,3 м. На нём также находилась каменная плита.

Катакомба III типа Кугурлуй 23/2 также была ограблена. Возле западной стенки погребальной камеры зафиксировано ложе размерами $1,9 \times 1$ м (площадь $1,9 \text{ м}^2$) и высотой 0,3 м. Ложе было покрыто подстилкой из войлока, и на нём лежал ребёнок.

В погребениях Глиное 95/1 и 100/1 отмечена *подсыпка материковой глиной дна камеры*. В захоронении Глиное 95/1 подсыпка толщиной 8 см образовывала пространство размерами 2,1 × 0,9 м (площадь 1,89 м²), покрытое растительной подстилкой, при этом площадь камеры составляла 3,04 м² (размеры 2,1 × 1,45 м). Не исключено, что в этом случае имитировалось материковое ложе. В катакомбе Глиное 100/1 подсыпка глиной покрывала всё дно камеры, причём у южной стены она достигала толщины 15 см, а у северной – 2–3 см. В обоих случаях зафиксирована преднамеренная подсыпка, а не обвал стен и свода камер.

Изредка под голову погребённому укладывали *подушку*. Они отмечены в 23 комплексах (6,92 % захоронений).

Всего обнаружено 25 «подушек»: 24 из них были положены под головы погребённых, и одна – под ступни. Только в погребениях Глиное 30/1 (под головой и ступнями одного погребённого) и Глиное 93/2 (под головой женщины и ребёнка) было по две подушки; в 21 комплексе – по одной.

Материал, использовавшийся для изготовления «подушек», различается. Абсолютное их большинство имело растительное происхождение. Такие подушки зафиксированы в 18 комплексах: Глиное 4/1, 8/1, 12/2, 15/2, 18/1, 22/2, 22/3, 58/1, 73/1, 77/1, 80/1, 85/1, 86/1, 91/1, 93/1, 93/2 (2 случая), 97/1, 105/2. В трёх случаях на подушках находилась часть погребального инвентаря. В мужском захоронении 4/1 это были предметы узды: налобник, удила, псалии и трензельные кольца.

Только в погребении Глиное 30/1 зафиксированы две *подушки из войлока* – под головой и ступнями погребённого.

«Подушка» из *рыхлой материковой глины* также отмечена в одном случае – в захоронении Глиное 18/2.

Роль подушек играли *материковые возвышения*, зафиксированные под головами погребённых в двух детских захоронениях Глиное 67/1 и 67/2.

Под головой погребённой в комплексе Глиное 81/1 лежала *каменная плитка* длиной 21 см, шириной 13,5 см и толщиной до 2,5 см, которая играла роль подушки.

II. 2. Поминальные памятники

Помимо значительного количества скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. для этого времени известны и исследованы поминальные комплексы на левобережье Нижнего Дуная (10), в Нижнем Поднестровье (3) и на правобережье Южного Буга (1). Они представлены курганами, а также поминальными местами, обнаруженными как в виде отдельных площадок, расположенных возле скифских курганов или между ними, так и на насыпях, возведённых в раннем бронзовом веке.

На левобережье Нижнего Дуная были исследованы курганы 1 и 2 группы Воловарската Могила (рис. 118, 119), расположенные в непосредственной близости друг от друга. Они представляли собой площадки, ограниченные кольцевыми рвами диаметром 15 м и 16 м соответственно, в пределах которых не было ни одного захоронения. В заполнении рвов были обнаружены 18 амфор (по девять в каждом рву) и бронзовый наконечник стрелы (во рву кургана 2). Солидный набор амфорной тары из обоих курганов, общий объём которой составляет ок. 100 л, позволяет считать эти курганы поминальными комплексами – площадками для возлияний. Очевидно, они обустроивались во время сооружения господствовавшей в могильнике насыпи диаметром 85 м и высотой (в настоящее время) 2 м – кургана Воловарската Могила (Фокеев, Синика, Руссев, 2018. С. 91).

Иная ситуация была зафиксирована на могильнике Курчи. Комплекс получивший название «тризна III» представлял собой на пахоте светлое пятно диаметром 15 м. При его исследовании были обнаружены фрагменты двух родосских амфор с клеймами на ручках (Гудкова и др., 1985. С. 31, Рис. 17/8; Самойлова, Редина, 1997. С. 60, табл. I/11,12; Mateevici, 2007, P. 101, Cat. 301; Полин, 2014. С. 633; Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 988) (рис. 120/1,2). При этом важно отметить, что на могильнике Курчи, помимо этой площадки, были изучены 15 скифских захоронений и три других поминальных комплекса (Гудкова и др., 1984. С. 10–12, 16, 18; Гудкова и др., 1985. С. 4–6, 18–24, 26–31; Андрух, Чернов, 1990. С. 151–157; Тощев, 1992. С. 25). Однако указанные погребения были совершены не позднее IV в. до н. э., а оснований для точной датировки других трёх тризн нет. Впрочем, нельзя исключать, что на этом могильнике остались неисследованными захоронения III–II вв. до н. э. В то же время «тризна III» могла быть проведена и безо всякой связи с конкретным погребальным комплексом.

Аналогично могут быть интерпретированы две тризны, отмеченные на кургане 3 могильника Цыганка. Тризны эти разновременные. Одна из них включает два гераклейских клейма (Самойлова, Редина, 1997. С. 60, Табл. I/19,20; Mateevici, 2007, P. 73, Cat. 148, 178) (рис. 120/3,4), и была совершена в конце IV – начале III в. до н. э. Вторая тризна, включающая два родосских клейма (Самойлова, Редина, 1997. С. 60, Табл. I/21,22; Полин, 2014. С. 633) (рис. 120/5,6), была совершена значительно позже – в начале третьей четверти II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 988). Нет сомнений, что совершение этих тризн напрямую не связано с погребением второй четверти IV в. до н. э., которое было исследовано в кургане Цыганка (Ольховский, Шилов, 1995).

Объекты 1 и 2, исследованные на курганном могильнике у с. Чауш в 1981 г., представляли собой скопления обломков амфор на пахоте диаметром 6–8 м (Гудкова и др., 1982. С. 81). На основании родосского клейма (Mateevici,

2007, Cat. № 300)³⁸ (рис. 120/7), которое, очевидно, происходит из одного из этих скоплений, обе тризны могут быть датированы первой четвертью II в. до н. э. Курганы 2 и 3 могильника Чауш, раскопанные в 1986 г., являлись возвышениями диаметром до 20 м и высотой до 0,3 м от современной дневной поверхности. При раскопках кургана 2 были обнаружены фрагменты стенок красноглиняной амфоры и верхняя часть «узкогорлого кувшиновидного сосуда» с орнаментом на поверхности венчика, под ним, а также на плече сосуда. Судя по имеющемуся описанию и рисунку в тексте отчёта (Шилов, Островерхов, Кожокару, 1987. С. 36–37, Рис. 28), речь идёт о курильнице, множество которых было найдено при исследовании могильника у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра. Из кургана 3 происходит кость ноги жеребёнка и скопление фрагментов красноглиной амфоры (Шилов, Островерхов, Кожокару, 1987. С. 37), аналогичной сосуду из кургана 2. Таким образом, есть основания датировать обе насыпи III–II вв. до н. э. При этом отметим отсутствие прямой связи между скифскими погребальными комплексами V–IV вв. до н. э. могильника Чауш и поминальными комплексами/тризнами III–II вв. до н. э., изученными на данном памятнике.

Поминальный комплекс из кургана 1 у с. Холмское, в отличие от семи указанных выше (Курчи, Цыганка, Чауш), был зафиксирован в насыпи кургана эпохи бронзы и представлял собой родосскую амфору с клеймами на обеих ручках (Гудкова, Черняков, 1978. С. 28, Табл. XLVIII; Черняков, Станко, Гудкова, 1986. С. 61, Рис. 2а; Самойлова, Редина, 1997. С. 62, Табл. II/38; Mateevici, 2007, Cat. 298, 299; Полин, 2014. С. 634; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 988–989) (рис. 120/8,9). При этом в могильнике, в состав которого входил этот курган, скифских погребений выявлено не было.

³⁸ Н. Матеевич не сумела восстановить легенду клейма и датировала его рубежом III–II вв. до н. э. (Mateevici, 2007, P. 101–102).

В Нижнем Поднестровье известно всего три поминальных комплекса. Два из них (пункты II и III) выявлены на правом берегу Днестровского лимана, у с. Семёновка. В каждом комплексе были найдены фрагменты стенок и ручек родосских амфор (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 108, Рис. 66/2). Тара этого центра начинает поступать в Северное Причерноморье не ранее III в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 113–114), соответственно, и две указанные тризны не могли быть совершены ранее. И хотя ближайšie к пунктам II и III скифские захоронения (из курганов 16 и 8) датируются в пределах второй половины V – первой четверти IV в. до н. э. (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 153–154), здесь же, среди курганов у с. Семёновка был выявлен курган (№ 20), сооруженный в последней трети III в. до н. э. Его датировка основана, в первую очередь, на клеймёной родосской амфоре (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 156).

Ещё один поминальный комплекс на левобережье Нижнего Днестра был выявлен у с. Глиное Слободзейского р-на. Фрагменты красноглиняной греческой амфоры, а также фрагмент статуэтки Кибелы или Деметры (Разумов и др., 2013. С. 317, Рис. 3/2) (рис. 120/11) были обнаружены в восточной поле кургана эпохи бронзы (рис. 120/10). Поскольку к востоку от данной насыпи и в непосредственной близости от неё располагался скифский могильник III–II вв. до н. э., связь этой «тризны» с погребальными комплексами является очевидной.

Тризна, обнаруженная возле кургана у с. Кривая Балка на правом берегу Южного Буга, представляет собой совокупность фрагментов синопских и косских амфор, а также гончарных сосудов. В настоящее время (до раскопок насыпи) решить, связана ли эта тризна с синхронными погребальными комплексами в этом кургане, либо это отдельная тризна, не представляется возможным. При этом находка клейма синопского астинома *Πρταγόρης τοῦ Κυνίσκου* (рис. 120/12) в составе тризны указывает достаточно точно на время

совершения тризны – последнюю четверть III в. до н. э. (Бондаренко, Иващенко, Синика, 2019, Кат. № 4).

II. 3. Датировка комплексов

С учётом невозможности в пределах настоящей работы детального обоснования даты каждого скифского погребального/поминального комплекса Северо–Западного Причерноморья, существует необходимость пояснить характер хроноиндикаторов и принципы, применявшиеся автором для определения датировки.

Наиболее точными/надёжными хроноиндикаторами, позволяющими получить абсолютные даты, являются, амфорная тара, в том числе клеймёная, а также гончарные керамические импорты (посуда, светильники, туалетные сосуды) и монеты. Эти хроноиндикаторы позволяют применить прямой метод датирования комплексов.

Корреляционный метод датирования используется применительно ко всем остальным захоронениям, в которых обнаружены предметы, встречающиеся в погребениях с керамическими хроноиндикаторами и являющиеся своего рода хронологическими маркёрами второго порядка – фибулы, серьги, поясные крючки. Особое место в ряду последних занимают фибулы. Некоторые из них уверенно датируются на основании различных керамических хроноиндикаторов; другие – на основании иных идентичных предметов, встречающихся как в погребениях с амфорным материалом, так и собственно с тем или иным типом фибулы. Для датирования определённых типов фибул, когда нет возможности применить ни прямой, ни корреляционный способ, их хронологическая позиция определяется при помощи типологического метода датирования. Данный метод предполагает

использование схемы развития различных типов фибул от простых вариантов к более сложным или наоборот.

В некоторых случаях основанием для датировки являлись аналогичные элементы декора, встречающиеся на различных предметах, например, т. н. «восьмёрки» на фибулах и серьгах³⁹.

Кроме того в отдельных случаях для датирования были использованы данные о погребальном сооружении (например, установлено, что катакомбы III типа ни разу не содержали хроноиндикаторов IV в. до н. э.) или специфичном инвентаре (например, лепных курильницах, которые ни разу встречены в комплексах IV в. до н. э.).

При этом в тех случаях, когда датировка конкретных комплексов ранее подробно анализировалась, приводятся соответствующие ссылки на опубликованные работы. В примечаниях указаны существующие альтернативные датировки, принадлежащие другим исследователям.

Чауш/Цыганка, тризна I у кургана 3. На основании двух гераклейских энглифических клейм с оттисками в виде сокращённого имени эргастериарха *Нра(-)* и анэпиграфного, в виде креста (Монахов, 1999. С. 445–446, 457–459; Кац, 2007. С. 244, Прил. V/7), комплекс датируется концом IV – началом III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 988)⁴⁰.

Градешка 16/1. На основании лепной курильницы захоронение датируется концом IV – первой половиной III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 733–734, 902).

³⁹ Более подробно см.: Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 935–936.

⁴⁰ Ранее такую же датировку указала Н. Матеевич, но только для клейма *Нра(-)* (Mateevici, 2007, Cat. 178).

Кугурлуй 15/1, 15/2, 20/2. На основании лепных курильниц из погребений Кугурлуй 15/1 и 20/2 (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 902), а также с учётом широтной ориентировки погребённого, лежавшего на материковом ложе в катакомбе III типа (Кугурлуй 15/1), захоронения датируются концом IV – первой половиной III в. до н. э.

Табаки 3/1. На основании херсонесской амфоры (нижняя часть тулова коническая, ножка биконическая с конической выемкой в подошве), которая принадлежит сосуду типа II–А (Монахов, 1989. С. 60–61), комплекс датируется концом IV – первой половиной III в. до н. э.⁴¹

Глиное 70/1, 71/1, 97/1 (первичное захоронение в асинхронном комплексе). Погребения датируются на различных основаниях концом IV – первой четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 965).

Дервент 8/1. Захоронение на основании клеймёной херсонесской амфоры изо рва датируется концом IV – первым десятилетием III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 987)⁴².

Глиное 4/1, 28/1, 38/1, 51/1, 55/1, 57/1, 63/1, 87/1, 87/2, 69/1, 91/1, 91/2, 94/1, 94/2, 94/3, 116/1, 116/2. Погребения датируются на различных основаниях первой половиной III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 965; Сеника, Тельнов, 2018в. С. 260; Сеника, Поспешны, Лукасик, 2020. С. 11, Рис. 1/6).

Градешка 7a/1. На основании канфара, унгентария и фибул захоронение датируется первой половиной III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 889, 987)⁴³.

⁴¹ Авторы публикации датировали ножку амфоры IV–III вв. до н. э. (Субботин, Островерхов, Охотников, Редина, 1992. С. 8, Рис. 6/5).

⁴² С. В. Полин датировал данный комплекс третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 583–584).

Градешка 8/1. На основании бронзовой фибулы погребение датируется первой половиной III в. до н. э. (Бруяко, 2009. С. 333, 336; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 811).

Градешка 10/1. Захоронение совершено в первой половине III в. до н. э. Из катакомбы происходит фибула раннелатенской конструкции с одной четырёхвитковой пружинной и округлой в сечении спинкой. Ближайшая аналогия изделию известна в погребении Глиное 116/1, где была найдена фибула с одной шестивитковой пружинной и спинкой, раскованной в овальную пластинку (Синика, Тельнов, 2018в. С. 240, 259, Рис. 12/2), а также из катакомб Глиное 38/1, 51/1, 63/1, 69/2, откуда происходят фибулы, отличающиеся от находки из комплекса Градешка 10/1 только наличием фальшивой пружины на окончании ножки (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 954–955).

Дервент 13/1, 13/2. На основании поясного крючка из погребения 13/1 и фибулы из катакомбы 13/2 комплексы датируются первой половиной III в. до н. э. (Бруяко, 2009. С. 333, Рис. 1/15; Синика, Тельнов, 2016а. С. 309).

Котловина–I 6/1, 6/2. Погребения датируются на основании фибул первой половиной III в. до н. э. Из погребения Котловина–I 6/2 происходит фибула с округлой в сечении спинкой и фальшивой пружинной, аналогичная найденным на могильнике у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 954–955).

Кугурлуй 4/1, 4/2. Комплексы датируются первой половиной III в. до н. э. Захоронение Кугурлуй 4/2 совершено в T-образной катакомбе (III типа), при этом погребённый лежал головой в западном направлении. Катакомбы III типа для IV в. до н. э. достоверно не известны в Северо-Западном Причерноморье. При этом в катакомбе Кугурлуй 4/2 обнаружена фибула

⁴³ С. В. Полин датировал данное захоронение третьей – началом последней четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 628, Рис. 554).

фракийского типа, позднейший достоверно датированный экземпляр которых найден в погребении второй четверти III в. до н. э. Кугурлуй 8/1.

Кугурлуй 10/1. Захоронение совершено в первой половине III в. до н. э. Из катакомбы происходит фибула раннелатенской конструкции с одной четырёхвитковой пружиной и округлой в сечении спинкой. Прямая аналогия изделию известна в погребении Градешка 10/1.

Кугурлуй 16/1, 18/1, 18/2, 24/1. Погребения датируются на основании гончарных светильников и поясного крючка первой половиной III в. до н. э. (Синика, Тельнов 2015. С. 186; 2016а. С. 309; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 986)⁴⁴.

Кугурлуй 31/1. Захоронение датируется первой половиной III в. до н. э. на основании двух фибул с округлой в сечении спинкой и фальшивой пружиной, аналогичные найденным на могильнике у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 954–955).

Мреснота Могила 14/1, 14/3. Погребения на основании фибулы с округлой в сечении спинкой и фальшивой пружиной, аналогичной найденным на могильнике у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 954–955) датируются первой половиной III в. до н. э.

Мреснота Могила 21/1, 21/2. Погребения датируются на основании красноглиняной чашки (Rotroff, 1997, Pl. 76, Cat. 997) херсонесского или синопского производства (Синика, Тельнов, 2017в. С. 149), а также монеты (Синика, Чореф, 2018. С. 343) первой половиной III в. до н. э.

Николаевка 24. Захоронение датируется первой половиной III в. до н. э., поскольку совершено в Т-образной катакомбе (III типа), при этом

⁴⁴ С. В. Полин датировал захоронения Кугурлуй 16/1 и 24/1 серединой – второй половиной IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 585–586, Рис. 533, 535), а погребение Кугурлуй 18/1 – серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 585, Рис. 534).

погребальная камера была ориентирована широтно. Катакомбы III типа для IV в. до н. э. достоверно не известны в Северо–Западном Причерноморье.

Попова Могила: кенотаф и сопровождающее захоронение. Комплексы датируются с учётом находок монеты Филиппа II Македонского и родосских клеймённых амфор первой половиной III в. до н. э.

Роксоланы (Никоний) 2/6. Захоронение датируется первой половиной III в. до н. э., поскольку совершено в T–образной катакомбе (III типа), при этом погребённые лежали головой в западном направлении. Катакомбы III типа для IV в. до н. э. достоверно не известны в Северо–Западном Причерноморье⁴⁵.

Табаки 4/1, 4/2. Захоронения совершены в первой половине III в. до н. э. Из основного погребения 4/2 происходят две фибулы раннелатенской конструкции, одна из которых сохранилась полностью. У неё одна четырёхвитковая пружина и округлая в сечении спинка. Прямые аналогии изделию известны в погребениях Градешка 10/1 и Кугурлуй 10/1.

Глиное/Водовод 8/4. Погребение, впускное в скифском кургане, совершено не ранее начала III в. до н. э. Датируется на основании железного наконечника стрелы из ямы (Синика, Тельнов, Лысенко, 2018в. С. 241).

Николаевка/«На горбах» 1/1. На основании синопских, херсонесских и фасосских клейм погребение датируется первым десятилетием III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 22)⁴⁶.

Мреснота Могила 4/1, 4/2. Захоронения датируются на основании чернолаковой чашки и чернолакового лекифа из комплекса 4/1 первым

⁴⁵ Комплекс датирован И. В. Бруяко второй половиной IV в. до н. э. (Бруяко, Загинайло, Колесниченко, 2016. С. 287).

⁴⁶ С. В. Полин датировал данное захоронение второй половиной IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 613–614).

десятилетием III в. до н. э. (Rotroff, 1997, Fig. 64, 69, Pl. 77, 81, Cat. 1027, 1110).

Мреснота Могила 22/1, 22/2. На основании гераклейской клеймёной амфоры из захоронения 22/1 (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 987) оба комплекса датируются первой четвертью III в. до н. э.⁴⁷

Николаевка 48, 54, 59. На основании гераклейских амфор с именами фабрикантов *Σώνικος* (погребение 48), *Ἡρακλείδας* (погребение 54), *Ἐτυμος* (погребение 59) (Мелюкова, 1975, Рис. 40/1,6,11) захоронения датируются первой четвертью III в. до н. э. (Кац, 2007. С. 430, Прил. V)⁴⁸.

Парканы 173. Захоронение датируется на основании чернолакового килика первой четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 22)⁴⁹.

Градешка 20/1, 20/2. На основании чернолакового канфара погребения датируются первой четвертью III в. до н. э.⁵⁰

Чобручи 345. Погребение датируется на основании чернолакового канфара первой четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 23)⁵¹.

Воловарската Могила, курган 1. На основании гераклейских амфор с коническим туловом изо рва (Монахов, 2016. С. 312–313, 330) комплекс

⁴⁷ С. В. Полин датировал курган 22 могильника Мреснота Могила третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 525, Рис. 450).

⁴⁸ С. В. Полин датировал захоронение Николаевка 48 началом третьей четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 615), а погребения Николаевка 54 и 59 – третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 554–555).

⁴⁹ Курган датирован С. В. Полиным второй четвертью – серединой IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 586–587).

⁵⁰ С. В. Полин датировал захоронение Градешка 20/2 третьей четвертью – второй половиной IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 628, Рис. 555).

⁵¹ Курган датирован С. В. Полиным второй четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 430).

датируется первой третью III в. до н. э., или точнее – 270–ми гг. до н. э. (Фокеев, Синика, Руссев, 2018. С. 98).

Воловарската Могила, курган 2. На основании гераклейских амфор с коническим туловом изо рва (Монахов, 2016. С. 312–313, 330) и гераклейской амфоры с энглифическим клеймом фабриканта *Αἰυεύς* комплекс датируется первой третью III в. до н. э., или точнее – 270–ми гг. до н. э. (Фокеев, Синика, Руссев, 2018. С. 98).

Владычень–I 13/1, 13/2. Погребения датируются на основании гераклейских амфор с коническим туловом изо рва, аналогичных найденным в курганах 1 и 2 группы Воловарската Могила, первой третью III в. до н. э.

Владычень–I 14/2, 14/3, 14/4. Погребения датируются первой третью III в. до н. э. на основании гераклейской амфоры с коническим туловом, аналогичной найденным в курганах 1 и 2 группы Воловарската Могила. На ручке амфоры оттиснуто энглифическое клеймо фабриканта *Μήνης*, который относится к поздней фабрикантской хронологической группе (Кац, 2007. С. 430, Прил. V/7).

Глиное/Водовод 7/5. Погребение совершено в первой трети III в. до н. э. Датируется с учётом сходства микродеталей обряда (угловая ступень во входной яме, треугольная ниша над входом в дромос) с теми, что были отмечены на могильнике у с. Глиное, а также на основании железных предметов узды из погребальной камеры катакомбы (Синика и др. 2019г. С. 387).

Глиное 23/1, 33/1, 69/2, 82/1, 97/1 (вторичное захоронение в асинхронном комплексе). Погребения датируются на различных основаниях второй четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 965).

Кугурлуй 8/1, 8/2. Захоронения датируются на основании фасосского клейма второй четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 987)⁵².

Николаевка 12. Комплекс датируется на основании чернолакового канфара северо–эгейского (македонского) производства с формованным венчиком и с гладким сужающимся туловом не ранее второй четверти III в. до н. э. (260 г. до н. э.)⁵³.

Николаевка 56. Комплекс датируется на основании сероглиняного канфара с прямым венчиком северо–эгейского (македонского) производства не ранее второй четверти III в. до н. э.⁵⁴

Дервент 18/1. Погребение датируется на основании фибулы серединой III в. до н. э. (Бруяко, 2009. С. 333, Рис. 1/13).

Глиное 6/1, 6/2, 6/3, 33/2. Погребения датируются на различных основаниях второй – третьей четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 965).

Глиное 16/1, 20/1, 38/3, 75/1, 75/2, 75/3, 85/1, 85/2, 85/3, 107/1, 107/2, 107/3, 115/1. Погребения датируются на различных основаниях третьей четвертью

⁵² С. В. Полин датировал захоронение Кугурлуй 8/1 началом второй четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 297–298, Рис. 225).

⁵³ Благодарю канд. ист. наук. Т. В. Егорову (г. Москва, РФ) за консультации относительно происхождения и датировки канфара из данного комплекса. Захоронение Николаевка 12 датировано С. В. Полиным «не позднее второй четверти IV в. до н. э.» (Полин, 2014. С. 365).

⁵⁴ Благодарю канд. ист. наук. Т. В. Егорову (г. Москва, РФ) за консультации относительно происхождения и датировки канфара из данного комплекса. Захоронение Николаевка 56 датировано С. В. Полиным второй четвертью – серединой IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 368).

III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Саника, 2016. С. 965; Саника, Поспешны, Лукасик, 2020. С. 10–11. Рис. 1/3).

Кугурлуй 26/1, 26/2. Захоронения датируются на основании фибул третьей четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Саника, 2016. С. 961)

Никольское 1/7. Захоронение датируется на основании фибулы третьей четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Саника, 2016. С. 961)⁵⁵.

Дервент 10/1. Погребение датируется на основании истрийской монеты третьей четвертью III в. до н. э. (Топал, Чорев, Саника, 2017. С. 135)⁵⁶.

Тирасполь 1980 г. На основании синопской клеймёной амфоры захоронение датируется началом последней трети III в. до н. э. (Саника, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 210–211).

Семёновка 20: кенотаф и погребение 1. Комплексы датируются на основании родосской клеймёной амфоры последней третью III в. до н. э. (Зайцев, 2012а. С. 63; Полин, 2014. С. 634; Разумов, Саника, 2017. С. 9; Субботин, Разумов, Саника, 2017. С. 156).

Глиное 7/1, 14/1, 14/2, 19/1, 19/2, 19/3, 19/4, 21/1, 24/1, 32/1, 34/1, 35/1, 35/2, 45/1, 52/1, 60/1, 66/1, 66/2, 68/1, 68/2, 86/1, 89/1, 106/1. Погребения датируются на различных основаниях последней четвертью III в. до н. э.

⁵⁵ Второй половиной (последней четвертью) III – первой половиной (серединой) II в. до н. э. фибулу из погребения Никольское 1/7 датировали М. Б. Щукин (1994. С. 98) и И. В. Бруяко (2009. С. 334, Рис. 2/14). В. В. Кропотов датировал данное изделие II в. до н. э. (Кропотов, 2020а. С. 142, Рис. 1/3).

⁵⁶ С. В. Полин датировал данное захоронение «не позднее второй – третьей четверти IV в. до н. э.» (Полин, 2014. С. 584).

(Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 965; Синика, Поспешны, Лукасик, 2020. С. 11. Рис. 1/5,7)⁵⁷.

Кривая Балка / τριζνα. Оттиск на ручке синопской амфоры из насыпи кургана у с. Кривая Балка принадлежит астиному *Πρταγύορης τοῦ Κυνίσκου*. Хронология этого синопского чиновника носит противоречивый характер. С одной стороны, Н. Ф. Федосеев и И. Гарлан относят его к третьей четверти III в. до н. э. (Fedoseev, 1999, P. 34, Tabl. I; Garlan, 2004, P. 97, Tabl. VI; Федосеев, 2014. С. 91). Совсем иначе трактуют время деятельности *Πρταγύορης τοῦ Κυνίσκου* Н. Коновичи и В. И. Кац. Они датируют его серединой 10–х гг. III в. до н. э. (Conovici, 1998, P. 49; Кац, 2007. С. 436, Прил. VII). Последняя датировка выглядит предпочтительней (Бондаренко, Иващенко, Синика, 2019).

Чобручи 2/3. Захоронение датируется на основании родосской клеймёной амфоры концом III в. до н. э. (Четвериков, Синика, 2009. С. 207, 211).

Глиное 48/1, 61/1, 72/1, 95/1, 105/1, 105/2. Погребения датируются на различных основаниях второй половиной III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 965).

Нечаянное 2/8, 2/11. На основании чернолакового канфара северо–эгейского (македонского) производства с прямым венчиком, покрытым росписью в стиле Западного Склона, канеллированным туловом и ручками, украшенными штампованными лицами сатиров, из погребения Нечаянное 2/8 оба комплекса, впущенные в насыпь кургана эпохи бронзы одновременно, датируются второй половиной III в. до н. э. (Bozkova, 2005, P. 48–50, Fig. 5–9)⁵⁸.

⁵⁷ Б. А. Раев датировал погребение Глиное 21/1 второй четвертью II в. до н. э. (Раев, 2020. С. 517).

⁵⁸ Благодарю канд. ист. наук. Т. В. Егорову (Москва, РФ) за консультации относительно происхождения и датировки канфара.

Парканы 109. Захоронение на основании фибулы с плоской спинкой и четырёхвитковой фальшивой пружиной на ножке (функциональная пружина не сохранилась) (Фабрициус, 1951. С. 28, Табл. XXII/3) датируется второй половиной III в. до н. э. Аналогичные фибулы найдены в захоронениях Глиное 19/2, 48/1, 52/1, 60/1, 61/1, 72/1, 105/2, 106/1 (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 955).

Дервент 15/1, 15/2. На основании херсонесской амфоры захоронения датируются III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 986–987)⁵⁹.

Каролино–Бугаз 2/5. На основании железных наконечников стрел и элементов обряда комплекс датируется III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 727).

Кугурлуй 25/2. На основании круглых блях конской узды с петлями, аналогичных найденным в кургане 20 у с. Семёновка, погребение датируется III в. до н. э.

Глиное 100/1. Погребение датируется на основании фибулы второй четвертью III – первой четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 957, 965).

Глиное 9/1, 13/1, 18/1, 18/2, 26/1, 27/1, 29/1, 31/1, 41/1, 41/2, 43/1, 43/2, 49/1, 53/1, 62/1, 67/1, 67/2, 67/3, 67/4, 67/5, 74/1, 74/2, 76/1, 79/1, 81/1, 81/2, 81/3, 83/1, 92/1, 92/2, 93/1, 96/1, 96/2, 98/1, 104/1, 114/1. Погребения датируются на различных основаниях последней четвертью III – первой четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 965–966; Сеника, Поспешны, Лукасик, 2020. С. 10–11. Рис. 1/2,4)⁶⁰.

⁵⁹ С. В. Полин датировал захоронение Дервент 15/1 третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 584–585, Рис. 532).

⁶⁰ Б. А. Раев датировал погребение Глиное 18/2 серединой первой половины II в. до н. э. (Раев, 2020. С. 514).

Глиное 378. Захоронение датируется на основании фибулы последней четвертью III – первой четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 957, 961).

Глиное 25/1, 36/1, 64/1 (первичное захоронение в асинхронном комплексе). Погребения датируются на различных основаниях последней четвертью III – первой половиной II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 966)⁶¹.

Глиное 103/1, 103/2. Погребения датируются на основании серёг последней четвертью III – третьей четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 962, 966).

Курчи, тризна III. На основании двух клейм родосских эпонимов *Παυσανίας 2* (Ἐπί Παυσανία | [– – –]) и *Θέστωρ* (Ἐπί Θέστωρος | Θεσμοφορί[ου]) (Кац, 2007. С. 420, Прил. III/I) комплекс датируется первым десятилетием II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 988).

Глиное 2/2, 2/3, 3/1, 13/3, 17/1 (первичное захоронение в асинхронном комплексе), 36/2, 37/1, 50/1, 64/1 (вторичное захоронение в асинхронном комплексе), 84/1, 84/2, 88/1, 88/2, 89/2, 93/2, 111/3 (первичное захоронение в асинхронном комплексе), 112/1. Погребения датируются на различных основаниях первой четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 966; Синика, Поспешны, Лукасик, 2020. С. 10. Рис. 1/1).

Чауш, объекты 1 и 2. На основании родосского клейма с именем эпонима *Ἀγέμαχος* и названием месяца родосского календаря *Ἄρταμίτιος* (Ἐπί Ἀγέμ | [ἄχου] | Ἄρτα[μίτιου])⁶² поминальные комплексы датируются первой четвертью II в. до н. э. (Кац, 2007. С. 420, Прил. III).

⁶¹ Б. А. Раев датировал погребение Глиное 25/1 второй четвертью II в. до н. э. (Раев, 2020. С. 517).

⁶² Глубоко признателен М. В. Иващенко (Саратов, РФ) за восстановление легенды клейма.

Глиное 17/1 (вторичное захоронение в асинхронном комплексе), 89/3, 111/1, 111/3 (вторичное захоронение в асинхронном комплексе). Погребения датируются на различных основаниях второй четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 966).

Глиное 54/1, 54/2, 54/3, 60/2, 111/2, 113/1. Погребения датируются на различных основаниях первой половиной II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 966).

Холмское, тризна на кургане 1. На основании клейм эпонима *Γόρυων* (*Ἐπί ἱερέως*] *Γόρυνο[ς]* *Ἀγρία[ίου]*) и фабриканта *Ἰέρων* (*Ἰέρωνο[ς]*) комплекс датируется началом третьей четверти II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 988–989).

Чауш/Цыганка, тризна II у кургана 3. На основании двух родосских клейм эпонима *Γόρυων* (*Ἐπί Γόρυ | ωνος*) и нечитаемого *[– – –]άπων* (Кац, 2007. С. 420, Прил. III/1) комплекс датируется началом третьей четверти II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 988).

Глиное 44/1, 102/1, 102/2, 102/3, 102/4. Погребения датируются на различных основаниях третьей четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 966).

Глиное 44/2. Погребение датируется на основании амфориска последней четвертью II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 953, 966).

Глиное 99/1. Погребение датируется на основании фибулы второй половиной II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 959, 966).

Слободзея 2013 г. На основании синопской амфоры погребение датируется второй половиной II в. до н. э. (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 215–216).

Семёновка, пункт II. С учётом находок фрагментов родосских амфор очевидно, что тризна была совершена не ранее III в. до н. э.

Семёновка, пункт III. С учётом находок фрагментов родосских амфор очевидно, что тризна была совершена не ранее III в. до н. э.

Белгород–Днестровский 1/12. С учётом находок фрагментов родосских амфор очевидно, что оно было совершено не ранее III в. до н. э.

Беляевка 2/25, 2/26. С учётом того, что погребальные сооружения представляли собой катакомбы VIII типа, типологически близкие катакомбам III типа, а также ввиду южной ориентировки погребённых, захоронения датируются III–II вв. до н. э.

Глиное 5/1, 8/1, 10/1, 11/1, 12/1, 12/2, 15/1, 15/2, 22/1, 22/2, 22/3, 22/4, 30/1, 39/1, 39/2, 40/1, 42/1, 46/1, 46/2, 46/3, 46/4, 47/1, 56/1, 56/2, 56/3, 58/1, 59/1, 65/1, 73/1, 73/2, 77/1, 78/1, 78/2, 78/3, 80/1, 90/1, 101/1, 101/2, 108/1, 109/1. На различных основаниях очевидно, что захоронения были совершены в III–II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 966).

Глиное, тризна на кургане I. Узкая дата комплекса не устанавливается. Очевидно, что тризна была совершена в III–II вв. до н. э.

Глиное 275, 276, 277, 279. С учётом сходства погребального обряда и инвентаря с теми, что были зафиксированы на могильнике у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (раскопки 1995–2012, 2017 гг.), погребения датируются III–II вв. до н. э.

Градешка 14/1. Захоронение, совершённое в катакомбе III типа, датируется на основании находки железной латенской фибулы III–II вв. до н. э. Железные фибулы известны только на могильнике у с. Глиное (1995–2012, 2017 гг.).

Граदेशка 17/1, 19/1, 24/1, 27/1. Захоронения датируются III–II вв. до н. э. Погребальные сооружения представляли собой катакомбы III типа, в настоящее время достоверно не известные в IV в. до н. э.

Дервент 1/2, 5/1, 5/2, 6/1, 7/3, 9/1, 9/2, 11/1, 16/1, 17/1. Захоронения датируются III–II вв. до н. э. Погребальные сооружения представляли собой катакомбы III типа, в настоящее время достоверно не известные в IV в. до н. э.

Коротное 294. С учётом сходства погребального обряда с тем, что был зафиксирован на могильнике у с. Глиное (1995–2012, 2017 гг.), погребение датируется III–II вв. до н. э.

Кугурлуй 19/1, 19/2, 29/1, 23/2, 32/1, 32/2, 32/3. Захоронения датируются III–II вв. до н. э. Погребальные сооружения 19/2, 29/1, 23/2, 32/2 представляли собой катакомбы III типа, в настоящее время достоверно не известные в IV в. до н. э. Другие катакомбы (19/1, 32/1, 32/3) были сооружены одновременно с указанными катакомбами III типа.

Парканы 114, 120, 121, 122, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 174. Узкая дата захоронений не устанавливается. С учётом сходства погребального обряда и инвентаря с теми, что были зафиксированы на могильнике у с. Глиное Слободзейского р–на на левобережье Нижнего Днестра (раскопки 1995–2012, 2017 гг.), погребения датируются III–II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 23)⁶³.

Плоское 218, 221, 377. С учётом сходства погребального обряда и инвентаря с теми, что были зафиксированы на могильнике у с. Глиное Слободзейского р–на на левобережье Нижнего Днестра (раскопки 1995–2012, 2017 гг.), погребения датируются III–II вв. до н. э.

⁶³ Курган Парканы 174 датирован С. В. Полиным второй – третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 587).

Сербская Земля 260. С учётом сходства погребального обряда и инвентаря с теми, что были зафиксированы на могильнике у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (раскопки 1995–2012, 2017 гг.), погребение датируется III–II вв. до н. э.

Сукляя. С учётом сходства погребального обряда и инвентаря с теми, что были зафиксированы на могильнике у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (раскопки 1995–2012, 2017 гг.), погребение датируется III–II вв. до н. э.

Терновка 185, 186, 188. С учётом сходства погребального обряда и инвентаря с теми, что были зафиксированы на могильнике у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (раскопки 1995–2012, 2017 гг.), погребения датируются III–II вв. до н. э.

Тирасполь 2005 г. Комплекс датируется на основании лепной курильницы в пределах III–II вв. до н. э. (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 214–215).

Тирасполь 4/2. Захоронение датируется III–II вв. до н. э. Погребальное сооружение представляло собой катакомбу III типа. Такие катакомбы в настоящее время достоверно не известны в IV в. до н. э.

Троицкое 1881 г., 1895 г. (две катакомбы). Комплексы на основании данных о находках инвентаря (амфор и лепного светильника) датируются в широких пределах III–II вв. до н. э.

Фрикацей 5/3. Захоронение датируется III–II вв. до н. э. Погребальное сооружение представляло собой катакомбу III типа. Такие катакомбы в настоящее время достоверно не известны в IV в. до н. э.

Чауш, курганы 2 и 3. На основании лепной курильницы и фрагментов красноглиняных амфор поминальные комплексы датируются III–II вв. до н. э.

Чобручи 281, 282, 283, 288, 289, 290, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412. С учётом сходства погребального обряда и инвентаря с теми, что были зафиксированы на могильнике у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (раскопки 1995–2012, 2017 гг.), погребения датируются III–II вв. до н. э.

Глава III.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ И ЖЕРТВЕННАЯ ПИЩА

Погребальный инвентарь захоронений III–II вв. до н. э. представлен всеми категориями – оружием, конским снаряжением, орудиями труда, предметами быта, посудой, украшениями, деталями и аксессуарами костюма, предметами туалета и культа. Среди исследованных погребений (332) выявлено только десять безынвентарных (Белгород–Днестровский 1/12; Глиное 43/1, 73/2, 75/3, 78/1, 88/2, 90/1, 92/2; Кугурлуй 32/2; Чобручи 401), что составляет 3,01 % погребальных комплексов. Кроме того, 11 захоронений (3,31 %) были ограблены полностью (Беляевка 2/26; Градешка 19/1, 24/1; Коротное 294; Кугурлуй 32/3; Парканы 120, 121, 172; Плоское 218, 221; Чобручи 283).

§1. Оружие и предметы воинского снаряжения

Находились в 195 захоронениях (58,73 % погребений). Они представлены кинжалом, стрелами, колчанами, застёжкой колчана, крючками–застёжками, колчанными шильями, портупейными пряжками, топорами, копьями, дротиками и щитами (табл. 4).

Единственный *кинжал* происходит из катакомбы Чобручи 288. Он обнаружен у правого бедра погребённого (табл. 13).

Самым распространённым видом вооружения являются *стрелы с железными* (116 комплексов – 1168 шт.⁶⁴), *бронзовыми* (113 комплексов –

⁶⁴ В тех случаях, когда количество наконечников стрел неизвестно (Чобручи 281, 288, 345, 404, 412), их число определено по минимуму – две штуки в каждом комплексе.

564 шт.) и *костяным* (1 комплекс – 1 шт.) *наконечниками* (181 погребение – 54,51 % комплексов). Они были обнаружены в 92,82 % погребений с оружием. Количество стрел в захоронении варьирует от одной до восьмидесяти одной. Только бронзовые наконечники стрел происходят из 55 погребений, только железные – из 67. В 59 комплексах находились и железные, и бронзовые (в одном из этих случаев ещё и один костяной).

Практически все железные наконечники стрел однотипны. Они трёхлопастные, с вытянутой треугольной головкой и длинной выступающей втулкой. Лопасты срезаны под острым или под тупым углом ко втулке (рис. 47/1–11). Исключением из общей массы является пулевидный наконечник стрелы со слегка утолщённой головкой и длинной втулкой из погребения Глиное 19/3. Бронзовые наконечники значительно более разнообразны (рис. 47/12–19). Они представлены различными отделами, типами и вариантами по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1964. С. 14–32). Единственный костяной наконечник происходит из погребения Глиное 87/1. Он пулевидный, с внутренней втулкой.

В нескольких комплексах сохранились древки стрел, что позволило установить их длину. Так, в захоронении Глиное 30/1 она достигала 40 см, в погребении Глиное 96/1 – 50 см, и в погребении Глиное 18/1 – 65 см, что соответствует стандартам скифских стрел, ранее известных в литературе (Черненко, 1981. С. 22–23; Гребенников, 2008. С. 83–84). В четырёх захоронениях отмечено окрашивание древков стрел: красным цветом – в погребениях Глиное 18/1, 96/1, 112/1; чёрным – в захоронении Глиное 80/1.

В 168 случаях в 128 погребениях было зафиксировано *in situ* расположение наконечников стрел (табл. 13, рис. 48)⁶⁵.

⁶⁵ Учёт размещения наконечников стрел в погребальных комплексах предполагает, что в одном и том же комплексе наконечники могут располагаться сразу в нескольких позициях.

Как правило, они располагались у левого бедра погребённого: 76 случаев в 75 комплексах: Владычень–I 13/2, Глиное 3/1, 4/1, 5/1, 8/1, 9/1, 10/1, 16/1, 17/1, 18/1, 18/2, 19/1, 19/2, 21/1, 23/1, 24/1, 25/1, 26/1, 28/1, 30/1, 31/1, 33/2, 34/1, 41/2, 43/2, 45/1, 48/1, 49/1, 51/1, 52/1, 54/3, 56/1, 57/1, 60/1, 60/2, 62/1, 63/1, 64/1, 65/1, 66/1, 68/1, 69/2, 71/1, 72/1, 73/1, 80/1, 81/1, 83/1, 85/1, 87/1, 88/1, 89/1, 89/2, 91/1, 94/1, 95/1, 96/1, 97/1 (2 набора), 98/1, 100/1, 104/1, 106/1, 112/1, 113/1, 116/1; Глиное 279; Градешка 10/1; Кугурлуй 4/2, 8/1, 8/2, 26/2; Сукля; Чобручи 288, 345, 412. Значительно реже наконечники стрел фиксируются у правого бедра – семь случаев (Глиное 4/1, 12/1, 16/1, 53/1, 57/1, 76/1; Чобручи 281). Также в колчанах, но в других позициях, лежали наконечники стрел в погребениях Глиное 6/3, 35/1 (за головой погребённого), 38/1 (слева в ногах).

Наконечники, лежавшие справа от погребённого (Глиное 276), слева у таза (Глиное 96/1; Дервент 5/1; Мреснота Могила 21/2; Николаевка 56; Парканы 174; Терновка 188), у правого локтя (Глиное 103/1), у левого плеча (Терновка 186) также находились в колчанах, но в этих комплексах, в отличие от трёх указанных выше захоронений, тлен от колчана зафиксирован не был.

Находки наконечников стрел у костяков лошадей в двух погребениях уместно интерпретировать как притороченные к седлу колчаны, причём в одном случае (Глиное 20/1) колчан был обнаружен у чучела лошади, а в другом (Глиное 51/1) – у анатомически целого костяка лошади.

В захоронении Глиное 53/1 наконечник стрелы выявлен в черепе лошади, который находился у входа в дромос колодца подзахоронения, имитируя, по-видимому, способ умерщвления животного.

Вероятно, наконечник стрелы, обнаруженный среди костей собаки во входной яме катакомбы Глиное 19/2, послужил причиной смерти животного.

В пяти комплексах (Глиное 3/1 – 1 экз., 33/1 – 15 экз., 89/3 – 1 экз., 115/1 – 1 экз.; Кугурлуй 25/2 – 1 экз.) наконечники стрел были обнаружены на переходе из входной ямы в дромос.

Очевидно, роль серёг играли пары железных наконечников стрел, расположенные остриями вниз у висков женщин в захоронениях Глиное 46/3 и 97/1.

В 36 комплексах в 41 случае размещение наконечников стрел может отражать определённые элементы погребальной обрядности, неясные нам до настоящего времени: за головой (Глиное 96/1 – 1 экз.; Широкая Балка–6 2/1995 – 4 экз.); у правого (Глиное 35/2 – 1 экз., 91/1 – 1 экз., 91/2 – 1 экз.; Градешка 15/1 – 1 экз.; Чобручи 404 – 2 экз.) или у левого (Глиное 12/2 – 1 экз.) плеча; у правого (Глиное 6/3 – 1 экз., 13/1 – 3 экз., 109/1 – 1 экз., 116/2 – 1 экз.) или у левого (Глиное 41/1 – 1 экз., 103/1 – 1 экз., 107/3 – 1 экз.) локтя; справа (Глиное 6/2 – 1 экз., 8/1 – 1 экз., 12/2 – 1 экз., 57/1 – 1 экз., 65/1 – 1 экз., 67/4 – 2 экз., 81/1 – 2 экз., 96/2 – 1 экз., 98/1 – 1 экз., 103/1 – 1 экз., 107/3 – 2 экз., 116/1 – 1 экз.; Глиное/Водовод 7/5 – 1 экз.) или слева (Глиное 52/1 – 4 экз., 66/1 – 1 экз., 78/3 – 1 экз.) у таза; на тазе (Глиное 55/1 – 1 экз.); под тазом (Глиное 41/2 – 1 экз.); у правого (Глиное/Водовод 7/5 – 1 экз.) и левого (Роксоланы (Никоний) 2/6 – 2 экз.) колена; между коленей (Глиное 68/2 – 1 экз.); между ступней (Глиное 94/1 – 1 экз.); в ногах (Глиное 27/1 – 2 экз., 96/1 – 2 экз., 113/1 – 2 экз.; Кугурлуй 31/1 – 1 экз.).

В 20 случаях зафиксировано такое расположение наконечников, которое с определённой долей вероятности может свидетельствовать о причине смерти: в области шеи (Глиное 81/2 – 1 экз.); в области грудной клетки и живота – Глиное 6/3 (1 экз.), 18/2 (1 экз.), 19/2 (1 экз.), 32/1 (1 экз.), 35/1 (1 экз.), 37/1 (1 экз.), 38/3 (1 экз.), 42/1 (1 экз.), 56/1 (1 экз.), 60/2 (1 экз.), 66/2 (1 экз.), 69/1 (1 экз.), 69/2 (1 экз.), 70/1 (1 экз.), 73/1 (1 экз.), 87/1 (1 экз.), 93/1 (1 экз.), 97/1 (1 экз.); Дервент 5/2 (3 экз.). Однако и здесь не может быть окончательной уверенности в том, что погребённые действительно погибли в

результате ранения стрелой. Материалы только двух захоронений предоставляют такую возможность. В захоронении Глиное 97/1, помимо наконечника, найденного в области грудной клетки мужчины, был зафиксирован наконечник стрелы, застрявший в правой большеберцовой кости. Ещё один наконечник стрелы был найден в череп погребённого в катакомбе Чобручи 2/3.

В 29 захоронениях (8,73 % погребений; 14,87 % погребений с оружием) зафиксированы *колчаны – кожаные* (Глиное 3/1, 6/3, 18/1, 18/2, 21/1, 28/1, 30/1, 33/2, 34/1, 35/1, 38/1, 45/1, 49/1, 60/1, 60/2, 66/1, 68/1, 83/1, 87/1, 89/1, 112/1, 113/1, 116/1) и *берестяные* (Глиное 4/1, 56/1, 94/1, 97/1, 104/1). В ещё одном комплексе материал, из которого изготовили колчан, не зафиксирован (Кугурлуй 4/2).

Благодаря хорошей сохранности, в 23 погребениях удалось установить длину колчанов, которая вполне соответствует приведённым выше длинам стрел: 35 см (Глиное 33/2); 40 см (Глиное 94/1); 45 см (Глиное 3/1, 56/1, 60/1, 68/1, 83/1, 87/1, 89/1, 113/1); 50 см (Глиное 18/1, 18/2, 21/1, 28/1, 30/1, 34/1, 49/1, 60/2, 66/1, 97/1, 112/1); 55 см (Глиное 104/1); 60 см (Глиное 45/1). В двух погребениях установлена ширина колчанов: Глиное 56/1 – 25 см, Глиное 116/1 – 20 см.

Единственная *колчанная застёжка* (костяная/роговая) в виде ребристого цилиндра найдена среди наконечников стрел, лежавших в колчане у левого бедра погребённого в катакомбе Кугурлуй 4/2. Изделие овальное в сечении, длиной 3,3 см.

Из погребения Глиное 4/1 происходит *деталь колчана*, которая служила для его жёсткого крепления на поясе. Это короткая прямоугольная железная пластина, одно из окончаний которой охвачено плоской железной обоймой. Пластина соединялась с обоймой при помощи железной заклёпки (рис. 49/1,2).

В некоторых случаях верхние края колчанов упрочнялись различными способами. В погребении Глиное 49/1 на верхний край колчана были посажены 48 *бронзовых скобок* (рис. 49/3), а в погребении Глиное 56/1 – шесть *бронзовых кольцевых пронизей* (рис. 49/4). В погребении Глиное 6/3 на колчане обнаружена ребристая бусина из прозрачного синего стекла, которая, возможно, украшала его верхний край.

26 колчанов обнаружены у левого бедра погребённых, что объясняется способом их ношения. В двух захоронениях колчаны находились за головой погребённого (Глиное 6/3, 35/1), ещё в одном комплексе – слева в ногах (Глиное 38/1) (табл. 13, рис. 51).

Можно только предполагать, что количество колчанов было значительно больше, но они из-за плохой сохранности органики в погребальных комплексах Северо-Западного Причерноморья, как правило, не фиксируются.

На это, в частности, могут указывать *железные* (40 шт.) и *бронзовые* (7 шт.) *крючки-застёжки*, известные в 48 комплексах (14,45 % захоронений; 24,61 % захоронений с оружием) (рис. 50/1–5).

Вопрос о назначении этих крючков по-прежнему остаётся открытым. Достаточно широко распространено мнение, что эти крючки являлись колчанными: при их помощи колчаны прикреплялись к поясу воинов (Мошкова, 1963. С. 35; Березин, 1983. С. 98; Максименко, 1983. С. 101). Размещение крючков и наконечников стрел в некоторых погребениях подтверждает это мнение (табл. 13, рис. 51). В 19 захоронениях из 38, где было установлено изначальное размещение крючков, они сопровождалась наконечниками стрел. В 13 комплексах они были зафиксированы слева на тазе (Глиное 3/1 (рис. 50/1), 18/1 (рис. 50/4), 18/2, 21/1, 24/1, 28/1, 34/1, 45/1,

48/1, 93/1, 94/1, 95/1 (рис. 50/5); Сукля⁶⁶), в одном – справа на тазе (Глиное 87/1), соответствуя размещению колчаных наборов – у левого или у правого бедра. Справа у таза был обнаружен крючок из захоронения Глиное 106/1, а единственный наконечник стрелы из этого комплекса находился у левого бедра погребённого. В погребениях Глиное 35/1 и Широкая Балка–6 2/1995 колчаные крючки находились за головой погребённых.

Только в одном погребальном комплексе (Глиное 59/1) крючок не сопровождался колчанным набором, находясь при этом справа на тазе погребённого. Причиной подобной ситуации стало ограбление первичного захоронения (мужского) во время совершения последующего (женского).

В 19 погребениях крючки были обнаружены по центру тазовых костей погребённых. И хотя в 15 погребениях (Глиное 25/1, 30/1 (рис. 50/3), 38/1, 43/2, 51/1, 52/1, 66/1, 67/4, 71/1, 73/1, 81, 96/1, 100/1, 112/1, 116/1) были обнаружены наборы наконечников стрел, считать крючки в этих комплексах колчанными нет никаких оснований. В этих комплексах они, бесспорно, служили застёжками поясного ремня. Остатки одного такого ремня (кожаного, украшенного золотыми нашивными бляшками) были зафиксированы в захоронении Глиное 112/1. О том, что крючки использовались в качестве застёжек поясного ремня, также свидетельствуют четыре погребения (Глиное 79/1, 84/1 (рис. 50/2), 116/2; Дервент 13/1), где крючки лежали по центру тазовых костей и при этом не сопровождалась колчанными наборами.

Также не сопровождался колчанным набором крючок из захоронения Глиное 111/3, обнаруженный за головой погребённого.

⁶⁶ Описан исследователем кургана как «кольцо железное треугольной формы» (Шкадышек, 1910. С. 93). Позже А. И. Мелюкова назвала предмет «железной бляхой от колчана» (Мелюкова, 1962б, Табл. 7/7).

Анализ размещения крючков–застёжек в погребальных комплексах скифского могильника у с. Глиное показал, что они, будучи идентичными по исполнению, служили как для крепления колчана к поясу (колчанные крючки), так и для соединения поясного ремня (поясные застёжки). Эти данные подтверждают высказанное ранее предположение о полифункциональности подобных крючков (Гуляев, 1969. С. 127; Савченко, 2004. С. 229).

К предметам снаряжения воина–лучника относятся и *железные колчанные шилья*. 18 шильев обнаружены в 17 захоронениях (5,12 % погребений; 8,71 % погребений с оружием). Ни в одном случае ручки шильев не сохранились, но, судя по тлену на черенках, они были во всех случаях деревянными. Для полностью сохранившихся шильев отмечена длина от 5,9 см до 10,7 см (рис. 50/9,10).

Только в погребении Глиное 53/1 находилось два колчанных шила, во всех остальных комплексах выявлено по одному. В 14 погребениях колчанные шилья обнаружены *in situ* (табл. 13, рис. 51). Во всех этих случаях шилья находились в составе колчанных наборов. В 12 комплексах они обнаружены у левого бедра (Глиное 4/1, 18/2, 54/3, 57/1, 63/1, 66/1, 69/2, 71/1, 83/1, 87/1, 89/1; Сукля⁶⁷), в одном захоронении – у правого бедра (Глиное 53/1), ещё в одном – слева в ногах (Глиное 38/1) погребённого.

Один из предметов, чья связь со снаряжением лучника далеко не очевидна, был обнаружен в погребении 16/1 могильника у с. Глиное. Это *бронзовый крючок* длиной 3 см из проволочного стержня диаметром 0,25 см, одно из окончаний которого загнуто, а второе – охвачено прикипевшими остатками деревянной ручки (рис. 50/11). Крючок был обнаружен слева у таза погребённого (табл. 13, рис. 51), у левого бедра которого (т. е. ниже) лежали

⁶⁷ Описан исследователем кургана как «гвоздь железный длиной 3 вершка, толщиной ¼ вершка» (Шкадышек, 1910. С. 93).

наконечники стрел из колчанного набора. Ввиду подобного размещения указанных предметов, связь крючка со снаряжением лучника представляется весьма вероятной.

В двух комплексах (Глиное 28/1, 94/1) найдены *железные пряжки*, которые являются ещё одним атрибутом снаряжения лучника (рис. 50/12,13). Пряжки изготовлены из округлого в сечении стержня. Овальная (Глиное 28/1) или округлая (Глиное 94/1) рамка сомкнута и имела подвижный язычок.

Е. И. Савченко высказал предположение (поскольку ни в одном погребении в Подонье местоположение пряжек прослежено не было), что они, вероятно, использовались для застёгивания портупейного ремня (Савченко, 2004. С. 241–242, Рис. 29/1,2).

Наши материалы подтверждают данное мнение. Пряжки из погребений Глиное 28/1 и 94/1 были зафиксированы *in situ*: первая – на левом плече, а вторая – справа на груди погребённого (табл. 13, рис. 51). Наличие в указанных захоронениях, принадлежавших мужчинам, колчанов с наборами наконечников стрел, крепившихся при помощи крючков–застёжек к поясу, а в погребении 28/1 ещё и копья, указывает на то, что подобные пряжки являлись предметом снаряжения воинов–лучников, а именно застёжкой портупейного ремня.

Железные топоры происходят из 18 погребений (5,42 % захоронений; 9,23 % захоронений с оружием). В каждом из комплексов было по одному топору (рис. 52/11–13).

В четырёх погребениях удалось достоверно и полностью зафиксировать *рукояти боевых топоров*. В погребении Глиное 19/2 длина рукояти достигала 30 см, в захоронениях Глиное 26/1, 112/1 – 45 см, а в погребениях Глиное 63/1, 52/1 – соответственно 60 см и 65 см.

В 15 погребениях из 17 было установлено изначальное размещение топоров (табл. 13, рис. 54). Чаще всего топоры лежали у (на/под) правой голени (Глиное 31/1, 34/1, 52/1, 54/3, 63/1, 91/1, 112/1, 116/1), реже – у (под) левой (Глиное 37/1, 54/2). Следы древесного тлена от рукоятей топоров свидетельствуют о том, что в этих комплексах топоры привешивались рукоятью к поясу.

В погребении Глиное 19/2 топор лежал у левого плеча, рукоятью вниз. По–видимому, размещение топора слева в изголовье в захоронении Глиное 26/1 имитировало ношение топоров за левым плечом так же, как и в погребении Глиное 19/2. У правого плеча был найден топор в катакомбе Чобручи 289.

В погребении Глиное 38/1 топор обнаружен слева на тазе. Нельзя исключать, что в этом комплексе рукоять топора продевалась сквозь петлю, подвешенную к поясу, либо топор был «заткнут» за пояс.

В погребении Глиное 14/2 топор был положен рукоятью вниз у левого бедра, что символизировало ношение топора у бедра (в данном случае левого) так же, как и в погребении Глиное 38/1.

Копья являются более распространённым, по сравнению с топорами, видом вооружения (рис. 52/1–3,6–10). 33 наконечника копий происходят из 27 комплексов (8,13 % погребений; 13,84 % погребений с оружием).

В 21 погребении отмечено по одному копьё, в пяти захоронениях находилось по два копьё (Владычень–I 13/2; Глиное 76/2, 116/1; Градешка 10/1; Чобручи 2/3), в одном – три (Семёновка 20 /кенотаф).

Железные наконечники копий представлены различными вариантами разных типов и отделов по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1964. С. 35–45).

Втоки использовались для оформлений копий не всегда. Они происходят из 12 погребений (Глиное 25/1, 52/1, 63/1, 71/1, 76/1 – 2 экз., 116/1 – 2 экз.;

Градешка 10/1 – 2 экз.; Дервент 15/2; Семёновка 20 / кенотаф – 2 экз.; Кугурлуй 25/2, 26/1; Чобручи 2/3 – 2 экз.), где были обнаружены наконечники копий (рис. 52/4,5).

В семи погребениях для девяти копий удалось достоверно установить их длину, которая слагалась из длины наконечника, древка и втока в тех комплексах, где они присутствовали. Самое короткое копьё, длиной 1,2 м, происходит из одиночного женского (!) погребения Глиное 86/1 (рис. 53/1). В других комплексах находились более длинные копья: Глиное 116/1 – 1,35 м (одно копьё) (рис. 53/2); Глиное 71/1 – 1,6 м (рис. 53/3); Глиное 76/1 – 1,68 м (одно копьё) (рис. 53/4) и 1,8 м (второе копьё) (рис. 53/5); Глиное 116/1 – 2,1 м (второе копьё); Глиное 52/1 – 2,15 м (рис. 53/6); Глиное 25/1 – 2,3 м; Глиное 63/1 – 2,35 м (рис. 53/7).

Установлено расположение копий в 17 погребениях (табл. 13, рис. 54). Наконечник копья в катакомбе Чобручи 411 находился в дромосе. В семи комплексах копья размещались справа (Владычень–I 13/2 – 2 шт.; Глиное 52/1, 71/1, 76/1 – 2 шт., 86/1, 97/1, 116/1 – 2 шт.), в других семи – слева (Глиное 25/1, 28/1, 63/1; Градешка 8/1, 10/1 – 2 экз.; Кугурлуй 4/2, 20/2) от погребённого. В захоронении Глиное 81/1 наконечник копья был вбит в стенку камеры, справа в ногах погребённого. Ещё в одной катакомбе (Глиное 84/1) наконечник копья без древка находился слева в изголовье погребённого и, судя по расположению, был изначально поставлен остриём вниз или вверх.

Дротики обнаружены в четырёх погребениях, т. е. встречаются они гораздо реже, чем копья. Только в одном погребении (Глиное 2/2) обнаружено два дротика, в остальных трёх (Глиное 63/1, 71/1, 77/1) – по одному. Все наконечники дротиков были изготовлены из железа, имели вытянутую втулку и жаловидное перо (рис. 52/14,15).

Из погребений Глиное 63/1 и 71/1 происходят *втоки дротиков*. Оба они изготовлены из железа, конические (рис. 52/16,17).

В двух комплексах была установлена длина дротиков, слагаемая из длин наконечников, древков и втоков. Полученные данные свидетельствуют о том, что длина дротиков не только не уступала длине копий (в погребении Глиное 71/1 длина дротика равнялась 1,6 м (рис. 53/8)), но и могла превосходить их (в погребении Глиное 63/1 длина дротика составила 2,4 м (рис. 53/9)).

В двух комплексах установлено изначальное размещение дротиков: справа (Глиное 71/1) или слева (Глиное 63/1) от погребённого (табл. 13, рис. 54).

Щиты, единственный вид защитного вооружения, известны в четырёх погребениях – Глиное 14/1, 31/1, 63/1, 76/1.

В трёх комплексах удалось соотнести расположение щита с положением погребённого (табл. 13, рис. 54): в одном случае он находился справа от погребённого, на уровне плеча (Глиное 31/1), в другом – у правого плеча (Глиное 76/1), в третьем – у левого плеча (Глиное 63/1).

Завершая анализ комплекса вооружения и предметов воинского снаряжения из погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., обратим внимание на следующие моменты.

Большой процент погребений с оружием не отражает существование значительной прослойки профессиональных воинов в среде скифского населения Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. Об этом свидетельствует факт, что в 143 погребениях (73,33 % погребений с оружием, или 79 % погребений с наконечниками стрел!) либо не было наконечников стрел (14 захоронений), либо их число не превышало десяти (129 погребений). Из этих 143 погребений в 119 не было никаких других предметов вооружения, за исключением наконечников стрел и предметов снаряжения лучника. По всей видимости, небольшие колчаные наборы в погребениях, в первую очередь, свидетельствуют об одном из наиболее распространённых занятий населения – охоте. В захоронениях с одним–тремя наконечниками стрел эти находки либо указывают на причину смерти

(находки наконечников в области грудной клетки), либо свидетельствуют об их вотивном характере.

Из 52 захоронений, в которых было обнаружено более десяти наконечников стрел, в 26 погребениях их число не превышало 20; в 12 случаях – составляло от 21 до 30; в восьми – от 31 до 40; ещё в четырёх – было более 41, но не достигало 50; в одном погребении обнаружено 74 наконечника; ещё в одном – 81.

Заметим, что количество наконечников стрел в любом из непо потревоженных скифских погребений V–IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье в разы превосходит не только среднее количество наконечников стрел из погребений III–II вв. до н. э. (менее десяти!), но и, за редким исключением, количество наконечников в любом из захоронений этого времени.

Отсутствие остатков или следов луков в погребениях могильника у с. Глиное является столь же характерным, как и для абсолютного большинства скифских погребений V–IV вв. до н. э. Северного Причерноморья. Как правило, отсутствие луков в погребениях объясняется неудовлетворительной степенью сохранности дерева, из которого было изготовлено их большинство (Черненко, 1981. С. 8–9).

Практически все железные наконечники стрел, которые преобладают в погребальных комплексах, трёхлопастные, с вытянутой треугольной головкой и длинной выступающей втулкой, аналогичны бронзовым наконечникам, получившим широчайшее распространение в скифских погребениях Северного Причерноморья во второй половине IV в. до н. э. Этот факт однозначно свидетельствует о преемственности этого вида вооружения в позднескифской культуре Северо–Западного Причерноморья по сравнению с культурой скифов классической эпохи. На это же указывает единственная колчанная застёжка из катакомбы Кугурлуй 4/2,

напоминающая колчаные застёжки архаического и классического скифского времени.

Наличие шильев в колчаных наборах из погребений «выглядит» новшеством в снаряжении лучников только на первый взгляд, поскольку аналогичные находки происходят из скифских захоронений Северного Причерноморья. На левобережье Нижнего Днестра находка колчанного шила известна в захоронении 4/1 могильника Буторы I (Синика, Разумов, Тельнов, 2013. С. 45, 109, Рис. 21/5) последнего десятилетия IV в. до н. э. В Побужье колчанное шило с полностью сохранившейся костяной ручкой обнаружено в Центральной Могиле Большого Рыжановского кургана, сооружённого в интервале 280–260 гг. до н. э. (Скорый, Хохоровски, 2018. С. 57–58, 143, Рис. 119/2). В Поднепровье это следующие комплексы: Головковка 27/1 (Полин, Тупчиенко, Николова, 1994. С. 16–17, Рис. 24/11; Синика, Тельнов, 2015а. С. 183, прим. 1) середины V в. до н. э.; погребение слуги (№ 2) в кургане Двугорбая Могила (Привалова, Зарайская, Привалов, 1982. С. 156–157, Рис. 7/II, 8/1–19,21,22) рубежа V–IV вв. до н. э. (Полин, 2014. С. 246, Рис. 177); погребение 20/2 группы Солохи (Мелюкова, 1999. С. 71) IV в. до н. э.; Каиры–I 2/2 (Кубышев, Куприй, Ковалёв, 1999. С. 143) третьей четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 551, Рис. 488); Новорайск 13/1 (Шахров, 1990. С. 82, Рис. 4/12) второй половины IV в. до н. э.; Мамай–Гора 8/6, 67/6 и 112/2 (Андрух, Тошев, 1999. С. 62–63, Рис. 15/30,31; Андрух, 2001. С. 78, 179, Рис. 33/2,10, 74/4,5,7) второй половины IV в. до н. э.⁶⁸. С учётом нарушенности множества скифских погребений V–IV вв. до н. э. и наличия в них массы «неопределимых» железных изделий, вероятно, что подобные колчаные шилья имели значительно большее распространение в это время.

⁶⁸ С. А. Скорый вслед за А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1999. С. 76) среди скифских погребений, в которых были найдены колчаные шилья, указывает и захоронение 13/2 группы Богдановской обогатительной фабрики в Нижнем Поднепровье (Скорый, Хохоровски, 2018. С. 58). Однако в этом комплексе шило вместе с пряслицем лежало отдельно от колчана (Тереножкин и др., 1973. С. 162).

Самая представительная коллекция крючков–застёжек (48 находок) из скифских памятников Северного Причерноморья в настоящее время происходит из 48 погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э.⁶⁹ За исключением 30 крючков из скифских захоронений Среднего Подонья (Савченко, 2004, Табл. 12; Шевченко, 2009. С. 35, 45, 82, 101, Рис. 21/1, 40/3), подобные находки известны в кургане 9 могильника Кут (Березовец, 1960. С. 59, Рис. 17/4), на Капуловском поселении и у г. Черкассы (Синика, Тельнов, 2016а. С. 309–312, Рис. 1/8, 2/1–4) в Поднепровье, в склепе № 853 Усть–Альминского некрополя в Крыму (Пуздровский, 2007. С. 164–165, вклейка 16/7; Синика, Тельнов, 2016а. С. 312, Рис. 2/5) и в погребении 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье (Ключнева, 2003. С. 297, Рис. 5/18).

В комплексе вооружения из погребений III–II вв. до н. э. обращают на себя внимание находки 18 топоров. По подсчётам автора данной работы, в настоящее время известно около 50 находок топоров в скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма V–IV вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 781–782). В этой связи можно предполагать, что в III–II вв. до н. э. топоры получают большее распространение.

Примечательный факт, что в 332 погребениях был обнаружен всего один (!) кинжал⁷⁰, с одной стороны, может объяснять большее распространение топоров, а с другой – отражает тенденцию неуклонного сокращения количества мечей и кинжалов в скифских погребениях Северного

⁶⁹ В это число не включены два крючка–застёжки из раскопок И. Я. Стемпковского у г. Тирасполь (Pósta, 1905, P. 474, 476–477, Rajs. 263/24; Синика, Тельнов, 2016а. С. 308, Рис. 1/6) и находка на поселении Парканы–II (Синика, Тельнов, 2016а. С. 307–308, Рис. 1/5; Синика, 2017в. С. 124, Рис. 1/2). Обе находки происходят с левобережья Нижнего Днестра.

⁷⁰ Данный кинжал (из кургана Чобручи 288) упоминается, но не описывается и не иллюстрируется (Мелюкова, 1926. С. 149), что ставит под сомнение достоверность сведений И. Я. Стемпковского об этой находке.

Причерноморья и Крыма с рубежа V–IV вв. до н. э. и до конца IV в. до н. э. Эта тенденция уже отмечалась: «скифский акинак представляет собой единую традицию, непрерывно существовавшую с VII по IV в. до н. э., т. е. акинак появляется после возвращения из ближневосточных походов и растворяется как вид вооружения вместе с гибелью “Великой Скифии”» (Топал, 2018. С. 153–154). Данный вывод, сделанный на основании весьма обширной источниковой базы, подтверждается, в частности, на материалах могильника Мамай–Гора в Нижнем Поднепровье. Этот памятник является наиболее полно исследованным скифским могильником Северного Причерноморья, и мечей в его захоронениях крайне мало даже среди захоронений, которые можно уверенно датировать второй половиной IV в. до н. э.

Количество копий в погребениях III–II вв. до н. э. (8,13 % захоронений) сокращается более чем вдвое по сравнению с предшествующим временем (18,97 % погребений – Синика, 2007а. С. 18). Очевидно, это ещё одно (наряду со стрелами) прямое свидетельство существования только небольшого количества профессиональных воинов среди скифов III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье.

Коллекция дротиков из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. (1,2 % захоронений) столь же малочисленна, как и их находки в скифских погребальных памятниках в предшествующее время (1,13 % погребений). Сейчас можно только констатировать, что этот вид вооружения не получил широкого распространения в комплексе вооружения на протяжении всего времени существования скифской культуры в Северо–Западном Причерноморье. Единственное, что отличает некоторые наконечники дротиков из погребений III–II вв. до н. э., – это наличие уплотнительного кольца по центру втулок двух наконечников (Глиное 2/2, 71/1). Ни на одном из наконечников дротиков из более ранних скифских захоронений подобный элемент конструкции не отмечен.

Небольшое количество находок защитного вооружения (только четыре деревянных щита), с одной стороны, так же, как и в случае со стрелами и копьями, в очередной раз свидетельствует о небольшом количестве профессиональных воинов в скифском обществе III–II вв. до н. э. в Поднестровье, а с другой – соответствует аналогичной картине в предшествующее время в регионе (Синика, 2007а. С. 19).

В заключение необходимо подчеркнуть, что есть все основания констатировать преимущество комплекса вооружения III–II вв. до н. э. по сравнению с комплексом вооружения и его отдельными видами из скифских погребальных памятников Северо–Западного Причерноморья предшествующего времени.

Этот комплекс вооружения отражает существование небольшой группы профессиональных воинов в скифском обществе в III–II вв. до н. э., что, очевидно, стало следствием седентаризации населения.

§2. Конское снаряжение

Представляет собой довольно распространённую категорию погребального инвентаря. Оно выявлено в 52 погребальных комплексах (15,66 % захоронений) и представлено всеми основными видами: удилами, псалиями, трензельными кольцами, уздечными пряжками и уздечными обоймами, утяжелителем повода, сёдлами и подпружными пряжками, а также налобниками, пронизьями, перстневидными и круглыми бляхами, бусинами (табл. 5).

Функциональные предметы конской упряжи представлены удилами, трензельными кольцами, псалиями, уздечными пряжками, уздечными обоймами, утяжелителем повода, сёдлами и подпружными пряжками.

Железные удила обнаружены в 38 захоронениях (11,44 % погребений; 73,07 % погребений с конским снаряжением). Погребение Глиное 14/1 содержало три пары удил. В захоронениях Глиное 31/1, 93/1 и 112/1 обнаружено по две пары удил, в остальных 34 комплексах отмечено по одной паре. Все удила двухчастные, грызла в сечении округлые (рис. 55/1). Стержни удил из катакомбы Кугурлуй 25/2 снабжены зубчатыми элементами (по три элемента на каждом грызле).

В 37 случаях в 36 захоронениях было зафиксировано изначальное размещение удил (табл. 14, рис. 56).

Только в 11 случаях (Владычень–I 13/2; Глиное 3/1, 5/1, 17/1, 18/2, 48/1, 49/1, 51/1, 68/1; Дервент 4/1; Кугурлуй 25/2) удила найдены среди костей черепа лошади. В погребении Владычень–I 13/2 пара удил вместе с псалием и трензельным кольцом была найдена в заполнении ограбленной камеры, куда положили лошадь.

Ещё в пяти случаях (Глиное 40/1, 66/1, 80/1, 88/1, 112/1 – одна пара) удила находились на дне входных ям катакомб перед входом в погребальную камеру либо в заполнении входных ям. В катакомбе Чобручи 399 удила были положены в дромос.

В 20 комплексах удила отмечены в погребальных камерах катакомб. В этих случаях их размещение неустойчивое. В двух погребениях они находились за головой погребённых (Глиное 4/1, 74/1); в четырёх – справа в изголовье (Глиное 26/1, 31/1, 93/1, 112/1 – одна пара); в трёх – слева в изголовье (Глиное 19/2, 96/1; Глиное/Водовод 7/5). Удила также отмечены у правого (Глиное 25/1) и у левого (Глиное 43/2; Чобручи 412) бедра погребённых, причём в погребении Глиное 25/1 в дне камеры выкопали небольшое углубление, куда и положили удила с другими предметами конского снаряжения. В двух комплексах удила отмечены в ногах

погребённого (Глиное 18/1, 97/1), в четырёх – слева в ногах (Глиное 34/1, 64/1, 100/1, 116/2) и в двух – справа в ногах (Глиное 21/1, 63/1).

Трензельные кольца известны в 23 комплексах (6,92 % погребений; 44,23 % погребений с конским снаряжением). Все кольца округлые или овальные в плане и округлые в сечении (рис. 55/2). Только одно из колец было бронзовым (Кугурлуй 29/1), все остальные – железные.

Три пары трензельных колец происходит только из погребения Глиное 14/1. По одному кольцу обнаружено в четырёх погребениях: Владычень–I 13/2 (ограблено); Глиное 69/2, 112/1; Семёновка 20 /кенотаф. Во всех остальных погребальных комплексах выявлено по паре трензельных колец.

В 20 захоронениях было зафиксировано изначальное размещение трензельных колец (табл. 14, рис. 56). В пяти погребениях (Владычень–I 13/2; Глиное 17/1, 18/2, 49/1, 51/1) кольца находились на окончаниях удил среди костей черепа лошади. Только в одном комплексе (Глиное 69/2) кольцо находилось на дне входной ямы катакомбы перед входом в погребальную камеру.

Большинство трензельных колец найдено в погребальных камерах катакомб (15 комплексов). В захоронении Глиное 4/1 они находились за головой погребённого. В трёх случаях кольца лежали справа в изголовье погребённого (Глиное 31/1, 93/1, 112/1), в двух – слева в изголовье (Глиное 19/2, 96/1). В одном комплексе кольца были обнаружены у правого бедра (Глиное 25/1). В двух погребениях трензельные кольца отмечены в ногах погребённого (Глиное 18/1, 97/1), в трёх комплексах справа (Глиное 21/1, 63/1, 71/1) и в двух комплексах слева в ногах (Глиное 34/1, 116/2).

Псалии встречены в 36 захоронениях (10,84 % погребений; 69,23 % погребений с конским снаряжением) (рис. 55/3–7). Три пары псалиев обнаружены только в погребении Глиное 14/1. Из трёх погребений происходит по две пары псалиев (Глиное 6/3, 31/1, 93/1). В 26 захоронениях

обнаружено по паре псалиев. В комплексе Глиное 112/1 пара псалиев обнаружена во входной яме, а в погребальной камере – ещё один псалий. В четырёх погребениях (Владычень 13/2 (ограблено); Глиное 9/1, 53/1, 103/1; Глиное/Водовод 7/5) отмечено по одному псалию.

В трёх погребениях (Глиное 3/1, 25/1, 74/1) псалии сохранились настолько плохо, что при расчистке полностью рассыпались, установить их тип не представляется возможным.

Большинство псалиев (26 пар из 23 погребений) С-видные, с восьмёрковидной центральной частью. Стержни псалиев изготовлены из округлого в сечении прута, в некоторых случаях раскованы таким образом, что имеют подпрямоугольное сечение. Псалии из погребений Глиное 4/1, 5/1, 9/1, 18/2, 93/1, 96/1 имеют шаровидные утолщения на окончаниях.

Псалии из катакомб Владычень–I 13/2, Глиное/Водовод 7/5 и Кугурлуй 25/2 представляют собой прямой стержень с восьмёрковидной центральной частью. Изделие из комплекса Глиное/Водовод 7/5 имеет шаровидные утолщения на окончаниях. Псалии из катакомбы Кугурлуй 25/2 снабжены округлой шляпкой на окончаниях.

Из шести погребений происходят семь пар крестовидных псалиев (рис. 55/4–7). Ещё два крестовидных псалия обнаружены в захоронениях Глиное 103/1 и 112/1 (по одному в каждом комплексе). В погребениях Глиное 14/1 (две пары), 63/1, 64/1, 112/1 (псалий из камеры) были найдены крестовидные псалии с Х-видным перекрестием и с двумя шипами на каждом окончании. Из погребения Глиное 103/1 происходит один псалий с Х-видным перекрестием и с одним шипом на каждом из окончаний. В комплексе Глиное 97/1 обнаружена пара крестовидных псалиев, окончания которых конически расширяются и снабжены одним шипом. Из захоронения Глиное 17/1 происходит пара крестовидных псалиев с кольцевым перекрестием, также с двумя шипами на каждом окончании. В ограбленном комплексе

Глиное 77/1 обнаружен фрагмент крестовидного псалия с шипом на окончании, но установить характер перекрестия вследствие сохранности не представляется возможным.

В 35 погребальных комплексах в 37 случаях было зафиксировано размещение псалиев *in situ* (табл. 14, рис. 56). Только в восьми комплексах (Владычень–I 13/2; Глиное 3/1, 5/1, 17/1, 18/2, 49/1, 68/1; Кугурлуй 25/2) псалии найдены среди костей черепа лошади. Ещё в пяти погребениях (Глиное 16/1, 53/1, 77/1, 88/1, 112/1 – пара псалиев) псалии находились на дне либо в заполнении входных ям катакомб перед входом в погребальную камеру, а в погребении Глиное 6/3 три псалия были положены в дромос.

Псалии даже чаще, чем удила, фиксируются в погребальных камерах катакомб (23 случая). Их размещение также неустойчивое. В двух захоронениях они находились за головой погребённых (Глиное 4/1, 74/1), в четырёх – справа в изголовье (Глиное 31/1, 51/1, 93/1, 112/1), в трёх – слева в изголовье (Глиное 19/2, 96/1; Глиное/Водовод 7/5). В погребении Глиное 9/1 псалий лежал у левого плеча, а в захоронении Глиное 103/1 – у левого локтя. Отмечены и иные позиции псалиев: у правого (Глиное 25/1) и у левого (Глиное 43/2) бедра; в ногах (Глиное 18/1, 97/1); справа в ногах (Глиное 6/3, 21/1, 63/1, 71/1) и слева в ногах (Глиное 34/1, 64/1, 100/1, 116/2).

В трёх катакомбах были обнаружены *бронзовые уздечные пряжки*. Из погребения Глиное 18/2 происходит трапециевидная в плане пряжка (рис. 55/8). В погребении Глиное 51/1 обнаружена прямоугольная пряжка с двумя скруглёнными углами (рис. 55/9). Обе пряжки были найдены у затылочной части черепа лошадей (табл. 14, рис. 56).

Уздечная пряжка из погребения Глиное 31/1 имеет S-видную форму. Одно из её окончаний оформлено в виде кнопки, а другое – заострено, на изгибе у кнопки сделан паз (рис. 55/10). Эта пряжка была положена справа в изголовье погребённой (рис. 56), среди прочих предметов конского

снаряжения. Данное обстоятельство не позволяет выяснить место пряжки среди ремней оголовья лошади.

Уздечные обоймы из бронзы (5 шт.) и железа (2 шт.) были обнаружены только в погребении Глиное 54/3 (рис. 55/12,13).

Поскольку обоймы были обнаружены справа в ногах погребённого (табл. 14, рис. 56), на каменной плите, выяснить их размещение на ремнях узды не представляется возможным. Можно предполагать, что они служили для жёсткой фиксации ремней оголовья.

Свинцовый утяжелитель повода найден в погребении Глиное/Водовод 7/5. Асимметричное изделие (размерами 22 × 13,5 мм и толщиной до 9 мм) с желобком по периметру лежало у окончания псаля слева в изголовье погребённого (табл. 14, рис. 56).

В семи комплексах (2,1 % погребений; 13,46 % погребений с конским снаряжением) зафиксированы *кожаные* (Глиное 18/1, 18/2, 68/1, 97/1) и *войлочные* (Глиное 17/1, 19/2, 51/1) *сёдла*. Возможно, что войлочные сёдла на самом деле являлись потниками, т. е. нижними частями сёдел (Степанова, 2003. С. 152).

Наличие во всех комплексах только органического тлена свидетельствует об использовании сёдел мягкого типа без каких-либо дополнительных элементов, например, роговых и костяных накладок на упоры (Степанова, 2004. С. 231–232).

Размещение сёдел в погребениях различается (табл. 14, рис. 56). В захоронении Глиное 17/1 анатомически целый костяк лошади с подогнутыми под себя ногами был уложен на дно входной ямы. Позвоночник и рёбра животного покрывал ворсистый тёмно-коричневый тлен войлочного седла, наличие которого подтверждается находкой под костяком лошади, под рёбрами, костяной подпружной (седельной) пряжки.

Практически идентичная картина отмечена в захоронении Глиное 68/1. Различия наблюдаются только в позе животного (на левом боку). На рёбрах зафиксирован коричневый тлен от кожаного седла, под рёбрами обнаружена железная подпружная пряжка.

В погребении Глиное 51/1 одна из лошадей во входной яме (анатомически целый костяк) лежала с подогнутыми под себя ногами. От войлочного седла сохранился ворсистый тёмно–коричневый тлен. При этом седельной пряжки под костяком лошади обнаружено не было.

В комбинированной катакомбе Глиное 18/2 взнузданная лошадь находилась в северной погребальной камере, а кожаное седло и железная подпружная пряжка лежали на небольшом материковом возвышении в восточной камере, вместе с хозяином.

В погребении Глиное 18/1 отмечена несколько иная ситуация. Во входной яме находилось чучело лошади без каких–либо предметов узды, а в камере катакомбы, в ногах погребённых, зафиксирован тлен от кожаного седла, под которым лежали удила, трензельные кольца, псалии; на некотором удалении от них найдена подпружная пряжка.

Ещё в двух захоронениях сёдла находились в камерах катакомб, где не было погребения лошади во входной яме. Так, в захоронении Глиное 19/2, в северо–восточном углу камеры, слева в изголовье погребённых, в слое ворсистого тёмно–коричневого тлена от войлочного седла обнаружены удила, псалии и трензельные кольца.

В погребении Глиное 97/1 предметы узды (удила, псалии, трензельные кольца, налобник, перстневидные бляхи, кольцевидные пронизи) находились на расстеленном седле, от которого сохранился тлен жёлто–коричневого цвета.

Подпругные (седельные) пряжки встречены в 11 погребениях (3,31 % захоронений; 21,15 % захоронений с конским снаряжением). Девять пряжек железные (Владычень–I 13/2; Глиное 18/1, 18/2, 56/1, 68/1, 91/2, 93/1, 96/1; Чобручи 412), две – роговые (Глиное 17/1, 71/1). Все пряжки имеют небольшой выступ для фиксации в прорези ремня подпруги (рис. 55/14–19).

Пряжки различаются по форме. Четыре из них округлые в плане: Глиное 56/1, 68/1, 71/1, 91/2. Ещё четыре пряжки подпрямоугольные: Владычень–I 13/2; Глиное 18/1, 18/2, 93/1, 96/1. Трапециевидная пряжка обнаружена в погребении Глиное 17/1. Форма пряжки из катакомбы Чобручи 412 не описана.

Во всех комплексах подпругные пряжки были обнаружены *in situ* (табл. 14, рис. 56). Три из них были найдены под костяками лошадей в отдельной погребальной камере (Владычень–I 13/2) и во входных ямах катакомб (Глиное 17/1, 68/1). В остальных восьми случаях они находились в погребальных камерах: справа (Глиное 93/1) и слева (Глиное 96/1) в изголовье, слева у таза (Глиное 56/1, 71/1, 91/2), у левой голени (Чобручи 412), в ногах (Глиное 18/1) и слева в ногах (Глиное 18/2) погребённого.

Защитно–декоративные предметы конского снаряжения представлены налобниками, пронизьями, бляхами, а также бусинами.

Налобники (наносники) представлены десятью находками в девяти комплексах (2,71 % погребений; 17,3 % погребений с конским снаряжением). *Бронзовые* налобники обнаружены в семи захоронениях (Глиное 14/1, 18/2, 21/1, 31/1 – 2 экз., 97/1; Градешка 17/1; Семёновка 20 / кенотаф), *железные* – в двух (Глиное 4/1, 25/1).

Налобник в виде головы птицы с загнутым клювом происходит из катакомбы Градешка 17/1. Остальные девять налобников пластинчатые, с петлёй для крепления на наносном ремне и с крючком (рис. 57).

В шести комплексах налобники были обнаружены *in situ* (табл. 14, рис. 59). В погребении Глиное 18/2 налобник был обнаружен на черепе лошади во входной яме катакомбы. В остальных случаях налобники помещались в погребальные камеры: за головой (Глиное 4/1), справа в изголовье (Глиное 31/1), у правого бедра (Глиное 25/1), в ногах (Глиное 97/1) и справа в ногах (Глиное 21/1).

Бронзовые пронизи обнаружены в пяти комплексах (1,5 % погребений; 9,61 % погребений с конским снаряжением).

Из погребения Глиное 18/2 происходят литые крестовидные пронизи, снабжённые ушками для надевания на ремень (6 шт.). Центры крестовин и их окончания оформлены в виде округлых расширений (рис. 58/1). Пронизи располагались в линию, по три экземпляра – справа и слева на черепе лошади (табл. 14), украшая нащёчный ремень оголовья (рис. 59).

Подпрямоугольные бронзовые пронизи с поперечной петлёй на обороте (6 шт.) обнаружены в катакомбе Дервент 4/1 (рис. 58/2). Они лежали у черепа лошади (анатомически целого костяка) и украшали, как и в захоронении Глиное 18/2 (табл. 14), нащёчный ремень оголовья (рис. 59).

В трёх захоронениях (Глиное 31/1, 97/1; Семёновка 20 / кенотаф) найдены кольцевидные пронизи (табл. 14, рис. 58/3). Пронизи свёрнуты из узких пластинок, с сомкнутыми и несомкнутыми краями. В совокупности бронзовые пронизи образовывали шумящую подвеску на груди лошади. Сохранившиеся тонкие нити с нанизанными на них кольцевидными пронизями в погребении Глиное 31/1 свидетельствуют об этом однозначно.

Бронзовые перстневидные бляхи с зажимами происходят из двух комплексов. Пластинчатые зажимы являются продолжением корпуса. Такие бляхи могли продеваться сквозь нащёчный ремень оголовья и крепить к нему наносный и налобно–подбородный (рис. 58/4).

В захоронении Глиное 97/1 бляхи зафиксированы *in situ* – в ногах погребённой (рис. 59). В катакомбе Глиное 14/1 они были найдены в заполнении ограбленной погребальной камеры (табл. 14).

Бронзовые круглые бляхи с изображением человеческого лица (5 экз.) происходят из женского погребения Глиное 31/1. По сторонам каждого из изображений расположены заклёпки не сохранившихся на оборотной стороне железных петель (рис. 58/5). Бляхи обнаружены в камере катакомбы, справа в изголовье погребённой (табл. 14, рис. 59).

Круглые железные и бронзовые бляхи (39 экз.) с петлёй на обороте (37 экз.) и со стержневидными выступами (2 экз.) обнаружены в двух погребениях.

В кургане 20 у с. Семёновка были найдены 28 железных блях, 26 из которых (диаметром 2,5–5 см) имели петлю на обороте (рис. 58/8), а ещё две (диаметром 3–4 см) – стержневые выступы. При этом назначение этих блях ранее определялось весьма предположительно (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 147), поскольку они были частью инвентаря, депонированного при совершении кенотафа.

В погребении Кугурлуй 25/2 были найдены 11 бронзовых блях с петлёй на обороте (рис. 58/9,10). Четыре из них (диаметром 4,3 см) лежали слева и справа от позвоночного столба лошади, у холки, вероятно, украшая переднюю луку седла. Семь блях меньшего диаметра (1,3 см) лежали слева (4 бляхи) и справа (3 бляхи) в нижней части рёбер животного (табл. 14). По всей видимости, они надевались на ремень/ремни поводаев.

Бронзовая розетковидная бляха для крепления на ремне конского оголовья найдена в разрушенном погребении Тирасполь–1980 (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 211, Рис. 1/3).

В двух захоронениях были обнаружены *стеклянные бусины*, украшавшие налобно–подбородный ремень уздечки (рис. 58/6,7). В обоих погребальных комплексах (Глиное 17/1, 51/1) они зафиксированы за черепами лошадей, лежавших во входных ямах катакомб (табл. 14, рис. 59).

Завершая анализ конского снаряжения из погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., обратим внимание на следующие моменты.

Предметы узды и седловки лошади представляют собой довольно распространённую категорию погребального инвентаря в III–II вв. до н. э. Это заключение базируется на том, что в V–IV вв. до н. э. в регионе известно всего 15 скифских погребений с конским снаряжением (Синика, 2007а. С. 19). В этой связи необходимо заметить, что количество скифских погребений с конским снаряжением конца III–II в. до н. э. (52) указывает на то, что данные комплексы были в значительно меньшей степени потревожены грабителями. Однако это обстоятельство не отменяет объективно большего распространения предметов конского снаряжения в материальной культуре скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. по сравнению с предшествующим временем.

Столь широкое использование в погребальном обряде предметов конского снаряжения не является свидетельством существования в скифском обществе в III–II вв. до н. э. обособленной или просто сколь–нибудь значительной группы «всадников». Предметы узды и седловки встречены и в мужских, и в женских погребениях, социальный статус которых различался. Они найдены как в аристократических захоронениях, так и в погребениях рядовых общинников и представителей беднейшего социального слоя. По всей видимости, наличие предметов конского снаряжения в погребальных сооружениях скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. было обусловлено необходимостью соблюдать определённые каноны погребального обряда, отражающие религиозные представления скифов,

которые были рассмотрены при анализе захоронений лошадей во входных ямах катакомб (Синика, 2004; 2011а; Тельнов, Синика, 2016. С. 302; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 730–732). В то же время необходимо подчеркнуть, что предметы конского снаряжения получили широкое распространение в погребальном обряде скифов III–II вв. до н. э. только по сравнению с аналогичными предметами, обнаруженными в погребениях предшествующего времени. В то же время конское снаряжение в количественном отношении является одной из наиболее малочисленных категорий погребального инвентаря. Реже конского снаряжения в погребальных комплексах III–II вв. до н. э. встречаются только предметы туалета.

Большая часть предметов конского снаряжения имеет многочисленные аналогии в скифских погребальных памятниках Северного Причерноморья V–IV вв. до н. э. Это, в частности, удила, трензельные кольца, S-видные псалии, уздечные пряжки подтрапецевидной и подпрямоугольной форм, подпружные пряжки, налобники с асимметрично-ромбической формой лопасти, крестовидные, подпрямоугольные и кольцевидные пронизи, перстневидные бляхи и стеклянные бусины.

Некоторые другие предметы, несомненно, фиксируют дальнейшее развитие скифской традиции в изготовлении конского снаряжения. Так, прототипами крестовидных псалиев являются квадратные пластинчатые насадки скифских удил V–IV в. до н. э. (Зайцев, 2005. С. 94; 2009. С. 135; Бруяко, 2009. С. 345). Генетическая преемственность налобников с крючком и с секировидной лопастью по отношению к налобникам с асимметрично-ромбической лопастью очевидна (Канторович, 2007а; 2007б; Зайцев, 2009. С. 135; Бруяко, 2009. С. 345).

Единичные находки S-видной уздечной пряжки в погребении Глиное 31/1 и нескольких уздечных обойм в захоронении Глиное 54/3 не позволяют

делать далеко идущих выводов о происхождении и распространении этих видов конского снаряжения у скифов Северного Причерноморья.

Только несколько предметов конского снаряжения имеют нескифское происхождение. В частности, о фракийском влиянии на материальную культуру скифов свидетельствует находка в погребении Кугурлуй 25/2 удила, на каждом из грызель которых находятся по три зубчатых колёсика (Венедиков, 1957. С. 163, 165, Обр. 14, 24; Редина, 2000б. С. 248, Рис. 3/2).

Кроме того, с латенским влиянием на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. связано появление круглых блях с изображениями мужских лиц из погребения Глиное 31/1 (Синика, 2011б; Тельнов и др., 2012, 13).

Наборы конского снаряжения из погребений Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. свидетельствуют о скифской принадлежности т. н. «странных комплексов», т. е. «кладов», где были обнаружены аналогичные предметы – налобники, псалии, перстневидные и круглые бляхи, кольцевидные пронизи. В настоящее время есть все основания считать эти «клады» скифскими (Тельнов, Четвериков, Синика, 2012. С. 13; 2016. С. 799, 996–998), даже несмотря на то, что некоторые предметы из них имеют латенское (круглые бляхи, шлемы), греческое (амфоры и гончарная столовая посуда) или иное нескифское происхождение.

§3. Орудия труда

Известны в 207 погребениях (62,34 % захоронений) и представлены ножами, футлярами ножей, грузилами, пряслицами, веретёнами, шильями, иглами, абразивными инструментами, «растиральником» и «затиральниками» (табл. 6).

В 195 погребениях (58,73 % захоронений; 94,2 % захоронений с орудиями труда) найдены 258 *ножей* (рис. 60/1–5). В большинстве случаев, в 143 погребениях, найдено по одному ножу. Только в одном комплексе (Глиное 88/1) обнаружено четыре ножа, в девяти комплексах – по три (Глиное 17/1, 64/1, 71/1, 83/1, 96/1, 100/1, 105/2, 116/1, 116/2). В 42 захоронениях находилось по два ножа (Владычень–I 13/2; Глиное 6/3, 9/1, 11/1, 22/2, 24/1, 27/1, 28/1, 29/1, 38/1, 49/1, 51/1, 54/3, 56/1, 57/1, 59/1, 62/1, 65/1, 69/2, 76/1, 77/1, 79/1, 80/1, 84/1, 85/1, 89/1, 94/1, 95/1, 98/1, 104/1, 106/1, 111/3, 112/1, 113/1, 114/1; Глиное 277; Котловина–I 6/1; Нечаянное 2/8; Сукляя; Табаки 4/2; Чобручи 288, 412).

Наиболее распространены железные ножи с деревянными рукоятями (175 экз.). Костяные/роговые рукояти встречаются значительно реже (31 экз.)⁷¹. Рукояти 52 ножей не сохранились либо не описываются.

Из 215 ножей, зафиксированных в комплексах *in situ* (табл. 15, рис. 61), 154 находились вместе с костями от жертвенной пищи, независимо от расположения последней. Только в двух из этих случаев костей жертвенной пищи не было (Глиное 114/1) или они не были зафиксированы (Чобручи 402), однако ножи лежали в мисках.

В девяти комплексах ножи были вбиты в дно погребальных камер: за головой (Глиное 13/3, 27/1, 28/1, 81/1, 104/1), справа в изголовье (Глиное 100/1), у левого локтя (Глиное 96/1), слева у таза (Глиное 16/1) и в ногах (Глиное 77/1) погребённого. В двух захоронениях (Глиное 98/1, 113/1) по одному ножу было вбито в северную стенку погребальной камеры, справа в изголовье погребённых.

⁷¹ Как показали траснологические исследования находок из могильника у с. Глиное, весьма распространённой ошибкой исследователей является автоматическое причисление всех рукоятей ножей к костяным. В действительности они нередко являются роговыми (Панковский, 2016. С. 1009, 1011–1012, 1014).

В одном случае нож находился под головой (Глиное 112/1), в восьми комплексах ножи лежали за головой (Глиное 47/1, 51/1, 58/1, 108/1, 111/3; Чобручи 407, 412; Широкая Балка–6 2/1995), в трёх – справа в изголовье (Глиное 6/3, 9/1, 38/1) и ещё в трёх – слева в изголовье (Глиное 24/1, 29/1, 62/1) погребённого. В одном случае нож лежал между ног, в области бедренных костей (Глиное 64/1).

В шести погребениях ножи находились у правого (Глиное 19/4, 49/1, 69/2, 85/1, 116/1, 116/2 – 2 экз.) плеча, в четырёх – у левого (Глиное 54/3, 56/1, 89/1, 95/1). В одном захоронении нож положили у правого локтя (Глиное 116/1), в другом – у левого (Глиное 17/1). Ножи найдены справа (Глиное 5/1, 84/1) или слева (Владычень–I 13/2; Глиное 26/1; Парканы 174; Суклея; Чобручи 408) у таза, причём в одном случае вместе с наконечниками стрел (Владычень–I 13/2). В погребении Глиное 107/2 нож был найден в центре тазовых костей погребённого. В семи захоронениях ножи лежали у левого бедра (Глиное 17/1, 71/1, 79/1, 83/1; Кугурлуй 8/2; Терновка 188; Чобручи 345), вместе с наконечниками стрел, причём в одном случае (Глиное 83/1) возле колчана. В одном комплексе нож зафиксирован у правого бедра (Чобручи 404). В трёх случаях отмечено положение ножей у правого (Глиное 11/1, 100/1) и левого (Глиное 48/1) колена.

Один нож был обнаружен во входной яме (Глиное 111/3), а другой – в дромосе (Чобручи 411).

В двух комплексах были зафиксированы *футляры ножей* (Глиное 63/1, 116/1). От футляра ножа в катакомбе Глиное 63/1 сохранилась бронзовая оковка усечённо–конической формы, свёрнутая из широкой пластины, между краями которой оставлен зазор (рис. 60/6). Футляр ножа из погребения Глиное 63/1 находился возле наконечника копья, слева в изголовье и у левого плеча погребённого (табл. 15); при этом футляр лежал узкой стороной вниз. Сам нож был обнаружен у правого плеча, среди костей жертвенной пищи, лежавшей в деревянной миске (рис. 61).

Кожаный футляр из катакомбы Глиное 116/1 (форма и размеры не установлены) находился на самом ноже, лежавшем у правого локтя погребённого (табл. 15, рис. 61).

Лепные глиняные грузила (3 экз.) пирамидальной формы с круглым отверстием происходят из трёх захоронений. В одном из них грузило лежало справа в изголовье (Чобручи 404), в другом – за головой, на каменной плите (Чобручи 405), в третьем – слева в изголовье (Чобручи 400) (табл. 15).

Лепные глиняные пряслица (169 экз.) обнаружены в 89 захоронениях (26,8 % погребений; 42,99 % погребений с орудиями труда) (рис. 60/7–15).

Во всех случаях, без исключения, пряслица находились в женских погребениях либо соотносились с костяком женщины в парном или асинхронном комплексе. В одном захоронении (Глиное 57/1) в западной камере при одной погребённой находились два пряслица, а в восточной камере – одно пряслице при другой. Как правило, в погребениях находится по два пряслица (53 комплексов), значительно реже – по одному (24 комплексов) и ещё реже – по три (13 комплексов).

Достоверно зафиксировано расположение пряслиц в 68 погребальных комплексах (табл. 15, рис. 62). Чаще всего пряслица находились за головой (16 случаев: Глиное 6/3, 8/1, 15/2, 19/1, 31/1, 35/2, 47/1, 49/1, 52/1, 55/1, 57/1 – восточная камера, 69/2, 88/1, 96/1; Дервент 13/2; Кугурлуй 8/1), справа (15 случаев: Глиное 7/1, 23/1, 53/1, 57/1 – западная камера, 65/1, 69/1, 69/2, 74/2, 86/1, 103/1, 107/3, 108/1; Градешка 15/1; Кугурлуй 18/2; Мреснота Могила 21/2) и слева (10 случаев: Глиное 12/1, 13/3, 29/1, 38/3, 42/1, 60/1, 76/1, 83/1, 115/1; Кугурлуй 19/1) в изголовье; реже – у правого (8 случаев: Глиное 9/1, 16/1, 36/1, 46/3, 60/2, 62/1, 89/3, 111/2) или левого (7 случаев: Глиное 13/1, 22/2, 27/1, 91/1, 114/1; Дервент 13/1; Роксоланы (Никоний) 2/6) плеча погребённой. В одном комплексе отмечено положение пряслиц на груди (Глиное 69/2), ещё в одном – у левого локтя (Глиное 91/2). В двух

захоронениях они найдены справа у таза (Глиное 14/2, 22/3), в пяти – слева у таза (Беляевка 2/25; Глиное 11/1, 75/1, 81/1; Кугурлуй 31/1). В одном случае пряслица находились между ног погребённой, у тазовых костей (Глиное 41/1). В одном погребении пряслице лежало у правого бедра (Глиное 81/2), в другом – у левого колена (Глиное 97/1). В двух захоронениях пряслица обнаружены у правой голени (Глиное 32/1, 33/1), ещё в одном – справа в ногах (Глиное 109/1).

В двух погребениях зафиксированы *следы и фрагменты деревянных веретён*. В одном комплексе веретено находилось за головой (Глиное 35/1), в другом (Глиное 13/1) – у левого плеча погребённой (табл. 15, рис. 62).

Железные шилья (23 экз.) (рис. 60/16–18) происходят из 21 захоронения (6,32 % погребений; 10,14 % погребений с орудиями труда). В погребениях Глиное 88/1 и 91/1 обнаружено по два шила, остальные захоронения содержали по одному.

В 17 погребениях шилья зафиксированы *in situ* (табл. 15, рис. 63). Одно шило было найдено у черепа лошади, во входной яме захоронения Глиное 18/1. В трёх погребениях шилья лежали за головой (Глиное 19/1, 69/2, 106/1), в восьми комплексах – справа в изголовье (Глиное 19/4, 23/1, 47/1, 65/1, 85/1, 88/1, 107/3; Мреснота Могила 21/2), в одном – слева в изголовье (Глиное 83/1). В двух комплексах шилья находились у правого плеча (Глиное 22/3, 46/3), в одном – у левого (Глиное 91/1). В катакомбе Глиное 41/1 шило зафиксировано у левого локтя погребённой. В восьми из указанных 16 погребений шилья находились рядом с пряслицами, маркирующими женские погребения. Вместе с тем нет оснований считать шило атрибутом исключительно женских захоронений, в отличие от пряслица.

Железные иглы (19 экз.) встречены в 18 захоронениях (5,42 % погребений; 8,69 % погребений с орудиями труда). Только в погребении Глиное 57/1 находилось две иглы.

В 17 погребениях с иглами было установлено их изначальное размещение (табл. 15, рис. 63). В четырёх комплексах иглы лежали за головой (Глиное 52/1, 57/1, 69/2, 106/1), в семи – справа в изголовье (Глиное 6/3, 65/1, 74/2, 75/2, 85/1, 88/1, 108/1), в одном – слева в изголовье (Глиное 83/1). Зафиксированы также находки игл у правого плеча (Глиное 46/3, 66/2), на левом плече (Глиное 30/1), у левого локтя (Глиное 89/3) и у правой голени (Глиное 32/1). В погребении Глиное 99/1 игла вместе с пряслицами и чашкой была перемещена при подзахоронении.

Все погребения с иглами являлись женскими, за исключением двух комплексов. В погребении Глиное 30/1, принадлежавшем мужчине, игла, обнаруженная на левом плече, могла играть роль фибулы. Погребение Глиное 75/2 принадлежало ребёнку мужского пола. Таким образом, иглы, хотя и встречаются гораздо чаще в женских погребениях, присутствуют и в мужских.

Среди прочих орудий труда отметим *абразивные инструменты* (рис. 60/19–25). Они известны в девяти захоронениях (2,71 % погребений; 4,34 % погребений с орудиями труда), по одному в каждом. Кроме того, абразивный инструмент был найден во рву кургана Глиное 116. В девяти комплексах (Глиное 6/3, 20/1, 28/1, 59/1, 60/1, 116/ров; Глиное 276; Чобручи 412) они каменные, в одном – из ручки родосской амфоры (Глиное 86/1).

Из шести комплексов (Глиное 6/3, 28/1, 59/1, 86/1, 98/1, 116/ров) происходят *универсальные точильные камни* (Шрамко 1973). *Бруски для правки лезвий* выявлены в четырёх погребениях (Глиное 20/1, 60/1; Глиное 276; Чобручи 412).

В шести комплексах оселки зафиксированы *in situ* (табл. 15, рис. 63). Дважды они были найдены у левого плеча погребённых (Глиное 28/1, 60/1). В катакомбах Глиное 6/3 и Глиное 276 оселки лежали слева у таза, в

захоронении Глиное 86/1 – между ног у таза. Отмечены и иные позиции оселков: слева в изголовье (Чобручи 412); у левого бедра (Глиное 98/1).

В погребении Глиное 104/1 был обнаружен уникальный *деревянный «растиральник»* – орудие неправильной треугольной формы (рис. 60/26). Орудие было найдено слева в ногах погребённого (табл. 15, рис. 63), у каменной плиты. Однако изначально он лежал именно на плите, поскольку на ней сохранился отпечаток нижней части «растиральника».

Особым видом орудий труда являются «затиральники» (23 экз.) (рис. 60/27–30), которые происходят из 15 захоронений (4,51 % погребений; 7,24 % погребений с орудиями труда). По три орудия происходят из погребений Глиное 88/1 и 92/1, по два – из захоронений Глиное 6/3, 33/2, 79/1. В остальных десяти катакомбах найдено по одному «затиральнику» (Глиное 19/1, 23/1, 33/1, 49/1, 54/2, 59/1, 80/1, 93/2, 103/1, 116/1). Кроме того, одно орудие было обнаружено в насыпи кургана Глиное 108. К «затиральникам» относятся орудия из кости и камня, которые использовались и для орнаментации погребальных камер короткой стороной, и для заглаживания и затирки стен сооружения – длинной.

Костяные «затиральники» (7 экз.) изготавливались из рёбер (6/3 – 2 экз., 33/2, 79/1, 92/1 – 3 экз.) лошади. Длительное их использование в процессе сооружения единственной катакомбы приводило к значительной стёртости поверхностей костей, при которой они теряли свою естественную форму.

Каменные «затиральники» представлены изделиями из различных горных пород: известняк (1 экз. – Глиное 23/1), галька (2 экз. – Глиное 88/1, 108/насыпь), кремень (3 экз. – Глиное 49/1, 103/1, 116/1), но чаще всего песчаник (10 экз. – Глиное 19/1, 33/1, 33/2, 54/2, 59/1, 79/1, 80/1, 88/1 – 2 экз., 93/2). Только в погребении Глиное 88/1 найдено три каменных «затиральника», в остальных комплексах отмечено по одному. Из двух захоронений (Глиное 23/1, 59/1) происходят массивные орудия. Эти

затиральники, по-видимому, использовались только для затирки стен погребальных сооружений. Все остальные орудия – из погребений Глиное 19/1, 33/1, 33/1, 49/1, 54/2, 79/1, 80/1, 88/1, 93/2, 116/1 и насыпи кургана Глиное 108 – меньших размеров, и применялись они как для затирки стен, так и для орнаментации погребальных камер.

В 11 захоронениях затиральники были обнаружены в заполнении входных ям (Глиное 6/3, 19/1, 23/1, 33/1, 54/2, 79/1, 80/1, 88/1 (в основной и впускной входной яме), 92/1, 93/2, 103/1), в одном – в заполнении дромоса (116/1). В катакомбе Глиное 59/1 орудие прислонили к стене дромоса. В двух случаях затиральники обнаружены в погребальных камерах. В погребении Глиное 49/1 затиральник был вбит в южную стену сооружения, в ногах погребённого. В комплексе Глиное 33/2 одно орудие находилось слева в изголовье, а другое – справа в ногах погребённого (табл. 15, рис. 63).

Приведённые данные свидетельствуют о том, что «затиральники», в отличие от других видов орудий труда, являлись, по всей видимости, строительными «инструментами», использовавшимися при сооружении и орнаментации катакомбы.

Подытоживая данные об орудиях труда из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо-Западного Причерноморья, обратим внимание на следующие моменты.

Наиболее распространённым орудием труда в погребениях является нож. В III–II вв. до н. э. основным материалом для изготовления его рукояти становится дерево, в отличие от более раннего времени – V–IV вв. до н. э. В большинстве случаев в захоронениях нож клали в миску вместе с жертвенной пищей, таким образом обозначая назначение ножа в посмертном путешествии. Впрочем, отмечено и другое размещение ножей, что позволяет констатировать их различное использование в погребальном обряде.

Лепные пряслица и деревянные веретёна свидетельствуют о достаточно широком распространении прядения как одного из домашних производств. Кроме того, в трёх погребениях были найдены лепные керамические грузила, указывающие на занятие ткачеством. Все эти находки происходят только из женских захоронений.

Железные иглы и шилья, в отличие от пряслиц, веретён и грузил, не являются атрибутом исключительно женских захоронений, хотя и встречаются чаще у женщин. Очевидно, что иглы использовались предпочтительно для шитья изделий из ткани (одежда), а шилья – для шитья кожаных изделий (головные уборы, обувь, колчаны, ремни конского оголовья, сёдла и др.).

Абразивные инструменты различаются. Оселки являются брусками для правки лезвий. Остальные изделия (универсальные точильные камни) использовались для обработки не только железных, но и костяных и деревянных изделий.

Деревянный «растиральник» из погребения Глиное 104/1 не имеет аналогий в синхронных скифских памятниках Северного Причерноморья. Единственный подобный предмет был найден при раскопках скифской катакомбы (Глиное/Водовод 9/2) второй половины V в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра (Синика и др., 2019в. С. 10, Рис. 3/9). Указанная аналогия является ещё одним свидетельством преемственности материальной культуры скифов III–II вв. до н. э. культуре более раннего времени.

Особое место среди орудий труда занимают костяные и каменные «затиральники», которые использовались при сооружении и орнаментации катакомб, не являясь при этом погребальным инвентарём.

Материалы поселений, функционировавших в III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье, демонстрируют значительно большее

разнообразие орудий труда. Так, на поселении Красное, помимо пряслиц и оселков, обнаружены одно грузило и десятки лоцил. Первое могло использоваться как утяжелитель для вертикального ткацкого станка. Лоцила, по всей видимости, применялись при керамическом производстве. Необходимо подчеркнуть, что данный памятник не раскапывался. Все материалы из него представляют собой подъёмный материал (Синика и др., 2012. С. 188, 190). Значительно большее разнообразие орудий труда зафиксировано на поселении Чобручи. Помимо значительного числа пряслиц, грузил и лоцил, это костяные проколки, иглы, шпатели, гребень, рашпиль, коньки–гладилки (Fidelschi, 2006; Фидельский, 2012. С. 17).

Очевидно, что небольшое разнообразие орудий труда из скифских погребений III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья объясняется спецификой погребального обряда: сопровождающий инвентарь, как правило, не представляет собой всей совокупности предметов, окружавших человека при жизни.

§4. Предметы быта

Известны в 67 погребениях (20,18 % захоронений) и представлены светильниками и канделябром, а также кресальными кремнями (табл. 7).

Светильники найдены в 59 захоронениях (17,77 % погребений; 89,39 % погребений с предметами быта).

В 13 захоронениях было обнаружено по два сосуда: в 12 каждый из двух светильников являлся частью инвентаря каждого из двух погребённых, вне зависимости от того, были ли они внесены в погребальную камеру единовременно (синхронные парные погребения: Глиное 52/1, 57/1, 60/1, 76/1, 116/1) или последовательно (асинхронные погребения: Глиное 2/2, 17/1,

33/1, 61/1, 69/2, 88/1; Парканы 159); и только одно одиночное погребение (Глиное 84/1) содержало два светильника.

Всего найдено 72 светильника: один бронзовый (вместе с железным канделябром), десять гончарных и 51 лепной, а также десять сосудов или их частей, которые использовались в качестве светильников (из них два гончарных и восемь лепных).

Бронзовый светильник (рис. 64/1) обнаружен в погребении 31/1 могильника у с. Глиное (1,63 % светильников).

Гончарные светильники (12 экз.) (рис. 65) обнаружены в десяти погребениях. Гончарные светильники из погребений Глиное 41/2 и 116/1 изготовлены из ножек амфор. В коллекции собственно гончарных светильников десять экземпляров (16,12 % светильников).

Лепные светильники наиболее многочисленны (рис. 66–69). Они представлены 59 находками. В коллекции собственно лепных светильников насчитывается 51 экземпляр (82,25 % от общего числа). Восемь светильников представляли собой четыре поддона, три лепные чашки и один фрагмент тулова лепного горшка.

Достоверно установлено изначальное расположение 59 светильников в погребальных комплексах (табл. 16, рис. 71).

Один из светильников из погребения Глиное 88/1 (гончарный) находился в нише длинной стенки входной ямы, у входа в дромос.

В двух погребениях (Глиное 7/1, 116/1 – 2 экз.) светильники были обнаружены во входных ямах, в трёх (Глиное 69/2; Градешка 8/1; Кугурлуй 18/2) – в дромосах.

В погребальных камерах катакомб отмечены следующие позиции размещения светильников: пять случаев – за головой погребённых (Глиное

2/2, 13/1, 54/2, 55/1, 60/1; Чобручи 402); 23 случая – справа в изголовье (Глиное 3/1, 4/1, 10/1, 11/1, 14/2, 17/1, 18/2, 33/1, 33/2, 49/1, 52/1, 54/3, 57/1, 63/1, 66/1, 78/3, 84/1, 86/1, 91/2, 92/1, 112/1; Парканы 174; Терновка 186); четыре случая – слева в изголовье (Глиное 37/1, 51/1, 52/1, 84/1); два случая – у правого плеча (Глиное 31/1, 57/1); два случая – у левого плеча (Глиное 60/2, 79/1); два случая – у правого локтя (Глиное 23/1, 60/1); один случай – справа у таза (Глиное 80/1); один случай – слева у таза (Глиное 41/2); один случай – у правого бедра (Глиное 76/1); три случая – справа в ногах (Глиное 56/1, 69/2, 76/1); шесть случаев – слева в ногах (Глиное 17/1, 33/1, 38/1, 74/1, 96/1; Чобручи 405), один случай – ниже ног погребённого (Глиное 18/1). В погребении Глиное 40/1, представлявшем собой кенотаф, светильник был обнаружен на дне погребальной камеры.

Железный канделябр был обнаружен в погребении Глиное 31/1 (рис. 64/2), справа от погребённой (табл. 16, рис. 71). Этот канделябр является единственным подобным предметом, известным в скифских погребениях Северо–Западного Причерноморья.

Кресальные кремни (11 экз.) происходят из девяти захоронений (2,71 % погребений; 13,43 % погребений с предметами быта). Главным критерием при их выделении послужило наличие интенсивной забитости на выступающих участках данных изделий (рис. 70), свидетельствующей об их использовании для высекания огня (Разумов, Тельнов, Синика, 2016; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 819–824).

Анализ размещения кресальных кремней (табл. 16, рис. 71) демонстрирует, что их, по всей видимости, при жизни носили в специальном мешочке на поясе. Об этом свидетельствуют находки кремней на тазе (Глиное 21/1, 54/3), слева у таза (Глиное 81/1) и ниже тазовых костей (Глиное 112/1). Однако отмечены и иные позиции кресальных кремней: в погребальной камере – в изголовье (Глиное 94/1), у левого виска (Глиное 94/2) и у левого плеча (Чобручи 412 – 2 экз.) погребённого; во входной яме – возле черепа собаки

(Глиное 19/2); в нише над входом в дромос (Глиное/Водовод 7/5), найден на дне входной яме у входа в дромос.

Завершая анализ предметов быта из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, обратим внимание на следующие моменты.

Хронологически скифские погребальные комплексы Северного Причерноморья и Крыма, где были обнаружены светильники, распределяются неравномерно. Только две находки происходят из захоронений V в. до н. э. – в курганах Бабы (ОАК за 1897 г., 1900. С. 135, Рис. 258)⁷² и № 9 у с. Нововасильевка (Гребенников, Ребедаило, 1991. С. 119–120, Рис. 14; Островерхов, Андреева, 2009. С. 113, Рис. 1/14).

В IV в. до н. э. количество светильников в скифских погребениях существенно увеличивается. Это 18 изделий из курганов Огуз (3 экз.) (ОАК за 1894 г., 1896. С. 79; Спицын, 1906. С. 166, Рис. 1, 3), Толстая Могила (2 экз.) (Мозолевський, 1979. С. 53, 66, 112, 144, 193, Рис. 50, 130/1), № 6 у с. Башмачка (Спицын, 1901. С. 76, Рис. 19), 8–го Пятибратнего (3 экз.) (Шилов, 1961. С. 163), Кара–Тюбе (Болтрик, 1993. С. 190–191, Рис. 9/4), а также погребений 49 и 67 грунтового могильника у с. Николаевка (Мелюкова, 1975. С. 94, 102, 165, 167, Рис. 46/6, 48/3), 1/1 и 6/1 у с. Водославка (Кубышев и др., 1984. С. 44–45, 67, 69, Табл. 23, 34/5), 4/2 группы Страшной Могилы (Тереножкин и др., 1973. С. 144, 149, Рис. 24, 30/2), 13/4 у с. Львово (Евдокимов, 1992. С. 147, Рис. 8/2), 1/1 у с. Первомаевка (Евдокимов, Фридман, 1987. С. 88, Рис. 3/1), 1/2 у хут. Ленино (Яковенко, 1970. С. 127, Рис. 18/5; Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970. С. 151, 154; Яковенко, 1974.

⁷² Аналогией находке из кургана Бабы является светильник из Олонештского клада, обнаруженного на правом берегу Нижнего Днестра в 1958 г. (Сергеев, 1966. С. 133–135, Рис. 1), что было отмечено исследователями (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 126).

С. 117, Рис. 54/10) и 60/2 могильника Акташ (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988. С. 44, Рис. 41/1, Фото 1/6).

Однако только в III–I вв. до н. э. светильники стали массово (73 экз.) использоваться в погребальном обряде скифами, о чём свидетельствуют находки из Северо–Западного Причерноморья (72 экз.) и Поднепровья (1 экз.) (погребение на земляном валу Знаменского городища: Погребова, 1956. С. 96–97; 1958. С. 134, Рис. 12/5).

Несмотря на то, что в настоящее время большинство светильников известно в погребениях могильника у с. Глиное Слободзейского р–на на левобережье Нижнего Днестра (57 экз.), и шире, в курганах III–II вв. на территории Северо–Западного Причерноморья (72 экз.), у нас есть все основания связывать их широкое распространение в погребальном обряде с процессом непрерывной седентаризации скифского населения в указанное время. Только в условиях оседлости стало возможным такое широкое использование светильников.

Бронзовые и гончарные светильники из скифских курганов степного Причерноморья и Крыма являлись греческими импортами, вне зависимости от времени (V–I вв. до н. э.) или места (метрополия или города–колонии Северного Причерноморья) их производства. Железные светильники из погребений 4/2 группы Страшной Могилы и 6/1 у с. Водославка можно относить к продукции местных кузнецов. С учётом того, что данные погребальные комплексы располагались в Нижнем Поднепровье, т. е. в непосредственной близости к Каменскому городищу, где зафиксированы следы металлургического производства (Граков, 1954. С. 115–127), данное предположение представляется обоснованным.

Все лепные светильники являются продукцией скифских ремесленников. При этом все они, без исключения, более или менее искусно подражали гончарным и бронзовым (?) светильникам с рожками греческого

производства. В полной мере вывод о подражании греческим образцам относится к железным канделябрам из погребения 31/1 в Нижнем Поднестровье (конец III в. до н. э.) и Усть–Альминского некрополя (I–II вв. н. э.) в Крыму (Loboda Puzdrovskij, Zajcev, 2002, S. 335, Abb. 22/4; Puzdrovskij, Zajcev, 2004, S. 243, Abb. 9/4; Зайцев, Мордвинцева, 2004, Рис. 12/22; Пуздровский, 2007. С. 157, Рис. 139/1,5,6).

Можно констатировать, что форма лепных светильников, их широкое распространение в скифских захоронениях конца III–II в. до н. э. и устройство специальных ниш в погребальных камерах катакомб, а также конструкция железных канделябров являются свидетельством греческого влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифского населения Причерноморья и Крыма. Это влияние, как уже указывалось, могло оказаться столь ощутимым только при условии оседлости скифов, а значит, и наличия постоянных контактов с греческим населением (Синика, 2012. С. 272; Синика, Тельнов, 2014. С. 34).

Наличие специальных ниш, неоднократно зафиксированных в катакомбах III–II вв. до н. э., свидетельствует о том, что светильники, будучи частью материальной культуры скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э., в то же время стали неотъемлемой частью интерьера и жилища. Вне зависимости от типа жилища (кибитки или наземного дома), которое имитировалось погребальной камерой катакомбы, во многих из них, вероятно, предусматривались специальные места для установки предметов, предназначенных для освещения помещения (Синика, Тельнов, 2014. С. 34). В других случаях светильники могли располагаться на полу жилища (или на дне ямы или камеры катакомбы применительно к погребальному сооружению), либо подвешиваться на крюки или гвозди в тех случаях, когда конструкция светильника предполагала такую возможность (Синика, Тельнов, 2015б).

Кресальные кремни впервые выделены из массива находок в скифских погребальных комплексах. К этой группе находок отнесены кремни со следами забитости на выступающих гранях, которые образуются в результате ударов кресалом о кремень. Хотя специальных кресал в скифских погребальных комплексах III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья не обнаружено, в их качестве могли использоваться любые железные предметы соответствующих размеров – колчаные шилья, ножи и др. (Тельнов, Разумов, Сеника, 2016; Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 819–820).

§5. Посуда

Находилась в 199 захоронениях (59,93 % погребений). Помимо этого, археологически определимые формы и их фрагменты были обнаружены ещё в 15 комплексах: в заполнении ритуальных ям (Глиное 46, 94) и рвов (Владычень–I 13; Глиное 70, 89, 102, 106, 115; Дервент 8), а также в тризнах на уровне древнего горизонта (Глиное 19, 31, 52, 93; Семёновка 20; Попова Могила) (табл. 8).

Тара представлена только амфорами.

Амфоры (более 40 экз.⁷³) известны в 25 захоронениях (7,53 % погребений; 12,56 % погребений с посудой), во рвах двух курганов (Владычень–I 13 – четыре амфоры; Дервент 8 – две амфоры) и в тризне трёх курганов (Глиное 52 – одна амфора; Попова Могила – более трёх амфор; Семёновка 20 – четыре амфоры).

⁷³ Здесь рассмотрены только археологически целые формы. Количество амфор из кургана Попова Могила по тезисной публикации установить невозможно.

В захоронении Глиное 14/1 обнаружены две родосские амфоры, в двух погребениях (Глиное 112/1; Чобручи 2/3) – по одной родосской (рис. 72/5–14); в семи комплексах (Глиное 31/1, 35/1, 45/1, 66/1, 115/1; Слободзея 2013 г.; Тирасполь 1980 г.) – по одной синопской (рис. 73/1–10); в восьми катакомбах (Владычень–I 14/2; Глиное 6/3, 33/2, 71/1, 97/1; Кугурлуй 10/1; Мреснота Могила 22/1; Николаевка 12, 48, 54) – по одной гераклейской (рис. 72/1–4); в двух захоронениях – по одной херсонесской (Дервент 15/1⁷⁴; Табаки 3/1); в одном комплексе – амфора «типа Муригиоль»⁷⁵. Одна синопская амфора происходит из тризны кургана Глиное 52, две херсонесских – из рва кургана Дервент 8, четыре гераклейских – из рва кургана Владычень–I 13. В тризне кургана 20 у с. Семёновка найдено по одной синопской, косской (рис. 73/11), кидской (рис. 73/12,13) и родосской амфоре. Среди находок в тризне кургана Попова Могила упоминаются фасосские, гераклейские и родосские амфоры. В погребениях Троицкое 1881 г. и 1895 г. было найдено минимум по одной амфоре.

В 14 погребениях амфоры были зафиксированы *in situ* (табл. 17, рис. 75). Амфора из погребения Глиное 115/1 найдена во входной яме, куда она была либо положена, либо сброшена. В пяти катакомбах амфоры располагались справа в изголовье (Глиное 35/1, 45/1; Мреснота Могила 22/1 – в нише; Николаевка 54, 56), в одной – слева в изголовье (Владычень–I 14/2), в одной – у левого бедра (Глиное 71/1), в шести – справа в ногах (Глиное 6/3, 14/1 – обе амфоры, 31/1, 33/2, 66/1, 112/1).

Кухонная посуда достаточно редка. Она зафиксирована в 24 захоронениях (7,22 % погребений; 12,06 % погребений с посудой) и представлена лепными

⁷⁴ Названа С. В. Полиным «продукцией неустановленного средиземноморского центра» (Полин, 2014. С. 584–585).

⁷⁵ Такое определение содержится в публикации (Мелюкова, 1975. С. 156), однако ни рисунка, ни фотографии сосуда не приводится.

горшками и бронзовым черпаком. В одном из этих захоронений был обнаружен отпечаток ножки бронзового котла.

Лепные горшки (23 экз.) (рис. 74) обнаружены в 22 захоронениях (6,62 % погребений; 11,05 % погребений с посудой): Глиное 6/1, 18/2, 37/1, 44/1, 50/1, 54/3, 84/1, 94/1, 96/1, 102/3, 104/1, 105/2 (2 экз.), 106/1, 107/3, 111/3, 114/1, 116/1; Дервент 4/1; Мрснота Могила 4/1; Парканы 153; Семёновка 20/1; Табаки 4/1. Ещё шесть горшков или их фрагментов были найдены в тризнах курганов Глиное 19 и 31, в ритуальной яме кургана Глиное 94 и во рвах курганов Глиное 89, 102 и 106.

В 16 погребальных комплексах установлено изначальное размещение горшков в 19 случаях (табл. 17, рис. 75). В погребениях Глиное 6/1, 18/2, 44/1, 96/1, 102/3, 105/2 (два случая), 107/3, 111/3, 116/1 горшки или их части были положены во входные ямы катакомб. Возле тела погребённых *in situ* обнаружено только семь горшков: в изголовье (Табаки 4/1), справа в изголовье (Глиное 106/1), слева в изголовье (Глиное 54/3, 84/1), у левого плеча (Семёновка 20/1), у левого локтя (Глиное 104/1), напротив правого колена (Глиное 114/1).

В погребениях Глиное 105/2 (впускная входная яма) и Глиное 111/3 были обнаружены части горшков, положенные во входные ямы в качестве чашек для собак. Часть стенки сосуда из входной ямы катакомбы Глиное 116/1 использовалась в качестве светильника. Во входной яме захоронения Глиное 111/3 вблизи части корчаги был обнаружен нож, свидетельствующий об использовании сосуда в качестве чашки, в которую была положена пища для собаки. Часть корчаги, обнаруженная вместе с костями жертвенной пищи и ножом справа в изголовье погребённого в восточной камере катакомбы Глиное 106/1, играла роль миски. Возле горшка из погребения Глиное 114/1 был обнаружен нож; хотя кости в горшке зафиксированы не были, связь ножа и горшка с жертвенной пищей представляется весьма вероятной.

Бронзовый черпак найден в погребении Николаевка 48. Установить его размещение относительно тела погребённого не удалось, вследствие ограбления комплекса (табл. 17). Однако отмечено, что в данном захоронении черпак был приставлен к амфоре.

В погребении Глиное 14/1 на дне камеры сохранился слегка углублённый в грунт и покрытый окисью круглый отпечаток ножки унесённого грабителями *бронзового котла*. По всей камере было разбросано множество костей животных от жертвенной пищи, выброшенной грабителями из котла, который, по всей видимости, находился в изголовье погребённого (табл. 17, рис. 75).

Столовая посуда получила наибольшее распространение. Она представлена находками мисок, чашек, канфаров, кувшинов, кружек, чаш и поильников из 188 комплексов: 181 захоронения (54,51 % погребений; 90,95 % погребений с посудой) и семи иных комплексов.

Широчайшее распространение получают *миски*. Они обнаружены в 144 комплексах: в 141 захоронении (42,46 % погребений; 70,85 % погребений с посудой) и во рвах курганов Глиное 102, 106, 115.

В 130 захоронениях отмечено по одной миске, и только в 11 – по две (Глиное 8/1, 22/2, 38/1, 52/1, 57/1, 65/1, 85/1, 94/1, 105/2; Дервент 13/1; Сербская Земля 260)⁷⁶.

129 мисок зафиксировано *in situ* в погребальных сооружениях (табл. 17, рис. 91). Дважды (Глиное 7/1, 64/1) миски были положены у входа в дромос. В катакомбе Кугурлуй 32/1 сосуд находился в дромосе. Как правило, миску с жертвенной пищей ставили справа в изголовье – 60 случаев (Глиное 3/1, 4/1, 6/3, 15/2, 17/1, 18/2, 19/1, 21/1, 22/3, 25/1, 30/1, 34/1, 35/2, 42/1, 47/1, 48/1,

⁷⁶ Фрагменты венчиков трёх мисок (Глиное 46/4, 56/2, 64/1), которые не помещались в катакомбы в качестве посуды, будут рассмотрены среди находок культового характера.

49/1, 52/1, 56/1, 56/2, 57/1 (две миски), 59/1, 65/1, 67/4, 68/1, 69/1, 74/2, 78/3, 81/3, 83/1, 85/1 (две миски), 87/1, 88/1, 89/1, 89/2, 89/3, 91/1, 92/1, 95/1, 96/2, 98/1, 100/1, 102/3, 103/1, 104/1, 105/2, 106/1, 109/1, 111/2, 113/1, 115/1, 116/1, 116/2; Глиное 279; Парканы 174; Терновка 188⁷⁷; Чобручи 288, 290). Намного реже миски фиксируются у правого плеча погребённых: 24 случая (Глиное 8/1, 11/1, 13/1, 15/1, 18/1, 22/2, 27/1, 36/1, 43/2, 45/1, 63/1, 65/1, 75/2, 76/1, 79/1, 80/1, 86/1, 93/1, 94/1, 105/2, 112/1, 114/1; Кугурлуй 26/2, 31/1). Иногда миски находились за головой: десять случаев (Глиное 2/3, 13/3, 52/1, 60/1, 91/2, 93/2, 107/3; Дервент 13/1; Чобручи 282, 405); слева в изголовье – восемь случаев (Владычень–I 14/2; Глиное 28/1, 38/3, 41/2; Дервент 13/1; Мреснота Могила 21/2; Суклея; Чобручи 402); справа у таза – шесть случаев (Глиное 10/1, 22/2, 46/3, 46/4, 81/1; Сербская Земля 260); в ногах – семь случаев (Глиное 8/1, 38/1, 69/2, 73/1, 96/1; Николаевка 12; Сербская Земля 260⁷⁸); справа на груди погребённых – два случая (Глиное 66/2, 84/2); у правого локтя – два случая (Глиное 62/1; Глиное 275); у левого бедра – два случая (Глиное 14/2; Чобручи 408). По одному разу отмечено размещение миски у левого локтя (Глиное 60/2), у правого (Глиное 39/1) или у левого (Глиное 19/2) колена, у правой голени (Глиное 23/1) и справа в ногах (Глиное 33/2).

Всего в 144 комплексах были обнаружены и зафиксированы 155 мисок.

По материалу изготовления миски делятся на деревянные и керамические, а последние – по технологии производства – на гончарные и лепные.

Деревянные миски (43 экз. – 27,74 % мисок) зафиксированы в 43 погребениях: Владычень–I 13/1, 14/2; Глиное 4/1, 6/3, 18/1, 18/2, 19/2, 25/1, 28/1, 34/1, 35/2, 46/3, 59/1, 63/1, 65/1, 66/2, 69/1, 69/2, 73/1, 79/1, 80/1, 83/1, 84/2, 85/1, 89/2, 89/3, 91/1, 92/1, 94/1, 98/1, 100/1, 111/2, 112/1; Градешка 8/1; Дервент 6/1, 13/1; Кугурлуй 18/1, 20/2, 26/2, 31/1; Мреснота Могила 21/2;

⁷⁷ Сосуд из чёрной глины в виде «вазона» (Мелюкова, 1962б. С. 158).

⁷⁸ «Раздавленный сосуд из чёрной глины без орнамента» (Мелюкова, 1962б. С. 158).

Николаевка 48. Находки деревянных мисок, как правило, маркировались древесным тленом круглой формы, внутри которого находились кости от жертвенной пищи и нож. В 11 комплексах среди древесного тлена мисок были найдены железные заклёпки (Глиное 69/2; Николаевка 48), железные скрепы различных форм (Глиное 18/1, 46/3, 59/1, 80/1, 83/1; Дервент 13/1; Кугурлуй 31/1; Мреснота Могила 21/2; Чобручи 2/3) (рис. 76/1–6), а также железные (Кугурлуй 18/1) и бронзовые (Кугурлуй 20/2) соединительные пластины. Кроме того, от деревянных мисок сохранились серебряные (Дервент 6/1), бронзовые (Владычень–I 13/1, 14/2; Кугурлуй 26/2) или железные (Чобручи 2/3) обивки.

Гончарные миски (4 экз. – 2,29 % мисок) встречены только в четырёх погребениях (Глиное 21/1 (рис. 76/7), 85/1 (рис. 76/8); Кугурлуй 15/2; Николаевка 12).

Наиболее многочисленны лепные миски (108 экз. – 69,67 % мисок) (рис. 77–86).

Чашки происходят из 95 захоронений (28,61 % погребений; 47,73 % погребений с посудой) и из рвов курганов Глиное 89, 102 и 106.

По три чашки обнаружено в семи погребениях: Глиное 9/1, 19/1, 52/1, 53/1, 64/1, 97/1, 107/3. Из 24 захоронений происходят по две чашки: Глиное 3/1, 7/1, 13/1, 16/1, 18/1, 19/2, 20/1, 27/1, 36/1, 37/1, 38/1, 47/1, 60/1, 61/1 (лепные), 69/2, 76/1, 77/1, 84/1, 88/1, 96/1, 99/1, 100/1, 105/2, 109/1.

В остальных 64 погребениях найдено по одной чашке: гончарной (Глиное 17/1, 23/1, 24/1, 34/1, 45/1, 75/1, 82/1, 89/2; Кугурлуй 15/1; Мреснота Могила 4/1, 21/2; Парканы 174; Николаевка 54), лепной (Владычень–I 14/2; Глиное 2/2, 4/1, 12/1, 13/3, 14/1, 15/2, 22/4, 26/1, 30/1, 43/2, 44/1, 46/3, 48/1, 55/1, 56/1, 57/1, 59/1, 62/1, 66/2, 67/4, 75/2, 78/3, 86/1, 87/1, 89/1, 91/1, 91/2, 93/1, 102/1, 103/1, 104/1, 111/2, 114/1, 115/1; Глиное 275; Градешка 8/1, 15/1; Дервент 6/1, 13/2; Парканы 154; Плоское 377; Роксоланы (Никоний) 2/6; Терновка 186;

Чобручи 289, 399, 400, 405, 408, 409) и деревянной (Глиное 22/2). Изю рвов курганов Глиное 89, 102 и 106 происходит по одной лепной чашке.

Из 136 перечисленных сосудов собственно чашки представлены 104 находками. Остальные 32 «сосуда», не являясь чашками морфологически, играли их роль в погребальных комплексах. Чаще всего в качестве чашек использовались нижние части лепных сосудов: 29 сосудов из 27 комплексов – Глиное 3/1, 9/1 (2 экз. – основная и впускная входные ямы), 13/1 (2 экз.), 15/2, 16/1 (справа в изголовье), 18/1 (в ногах), 19/1 (входная яма), 26/1, 30/1, 37/1 (впускная входная яма), 38/1 (дромос подзахоронения), 48/1, 52/1 (на ступнях), 53/1 (основная входная яма), 55/1, 59/1, 67/4, 76/1, 77/1 (один из сосудов из впускной входной ямы), 91/1, 91/2, 93/1, 100/1 (входная яма), 111/2, 114/1, 115/1 и изю рва кургана Глиное 102. В трёх случаях роль чашек играли части гончарных сосудов: Глиное 45/1 (нижняя часть) и 60/1 (поддон), 17/1 (придонная часть родосской амфоры). Все эти части сосудов учитываются при анализе их размещения в погребальных комплексах.

Из 104 сосудов, морфологически являющихся чашками, большинство (100) керамические, и только четыре – деревянные. Деревянные чашки (4 экз. – 3,84 % чашек) зафиксированы в четырёх погребениях – Глиное 19/1, 22/2, 88/1, 96/1). Гончарные чашки представлены 17 сосудами (16,34 % чашек) из 15 захоронений (рис. 87): Глиное 7/1, 23/1, 24/1, 34/1, 52/1, 75/1, 82/1, 84/1, 88/1, 89/2, 97/1 – 2 экз.; Кугурлуй 15/1; Мреснота Могила 4/1, 21/2; Николаевка 54; Парканы 174). Лепные чашки наиболее распространены. Они представлены 83 сосудами (79,82 % чашек).

Зафиксировано изначальное размещение 120 чашек (или сосудов, использовавшихся в их качестве) из 86 погребений (табл. 17, рис. 91).

В 16 случаях в 14 захоронениях чашки сопровождали погребения собак во входных ямах и находились, как правило, у черепа животного: Глиное 7/1 (лепная), 9/1 (2 случая – в основной и впускной входных ямах), 15/2, 17/1,

19/1, 30/1, 34/1, 37/1 (2 случая – в основной и впускной входных ямах), 48/1, 69/2, 91/1, 91/2, 93/1, 99/1. Чашка из погребения Глиное 111/2 зафиксирована в дромосе, но, безусловно, данный сосуд изначально находился во входной яме, как и костяк собаки. Чашка была поставлена и собаке из погребения Глиное 13/1, единственного комплекса, где захоронение собаки было совершено в камере катакомбы. По всей видимости, чашки, найденные на дне входных ям девяти погребений в десяти случаях, где не было обнаружено захоронений собак, использовались аналогично в контексте погребального обряда: Глиное 2/2, 26/1, 38/1, 53/1 (2 случая – в основной и входной яме), 55/1, 59/1, 96/1 (деревянная чашка из дромоса), 100/1, 114/1 (из дромоса).

Гончарная чашка из погребения Глиное 7/1 находилась в начале дромоса катакомбы, образуя вместе с миской, курительницей и светильником «заклад» входа в дромос. Лепные чашки в катакомбах Градешка 8/1, Плоское 377, Чобручи 409 лежали в дромосах.

В погребальной камере захоронения Глиное 88/1 гончарная чашка была положена вверх дном на гробовище.

Остальные чашки (87 экз.) были найдены в камерах катакомб и являлись составной частью инвентаря, сопровождающего погребённых. Девять чашек находились за головой (Глиное 13/1, 27/1, 52/1 – 2 экз., 60/1 – 2 экз., 76/1; Дервент 13/2; Чобручи 405) погребённых; 32 чашки – справа в изголовье (Глиное 3/1 – 2 экз., 16/1, 23/1, 24/1, 44/1, 47/1, 57/1, 75/2, 78/3, 84/1, 86/1, 88/1, 89/1, 89/2, 100/1, 103/1, 104/1, 105/2 – 2 экз., 107/3 – 3 экз., 115/1; Глиное 275; Градешка 15/1; Николаевка 54; Парканы 174; Терновка 186; Чобручи 289⁷⁹, 399, 400) и семь – слева в изголовье (Владычень-I 14/2; Глиное 12/1, 19/1, 69/2, 96/1, 97/1 – 2 экз.); девять – у правого плеча (Глиное 13/3, 16/1, 18/1, 46/3, 62/1, 64/1, 84/1, 99/1; Мреснота Могила 21/2) и восемь – у левого

⁷⁹ Данный сосуд никак не описывается (Мелюкова, 1962б, Табл. 8/4). Преположительно отнесён к чашкам.

плеча (Глиное 4/1, 22/2, 27/1, 43/2, 47/1, 56/1, 87/1; Роксоланы (Никоний) 2/6); две – между правым плечом и рёбрами (Глиное 9/1, 64/1); одна – справа на груди (Глиное 66/2); две – у правого локтя (Глиное 19/1, 45/1); одна – справа у таза (Глиное 36/1) и четыре – слева у таза (Глиное 19/2 – 2 экз., 75/1, 102/1); одна – у правого бедра (Глиное 36/1); одна – у левого бедра (Чобручи 408); две – между ног, у коленей (Глиное 22/4, 64/1); одна – у левого колена (Глиное 97/1); три – справа в ногах (Глиное 38/1, 76/1, 109/1) и две – слева в ногах (Глиное 67/4, 109/1); по одной чашке найдено на ступнях (Глиное 52/1) и в ногах (Глиное 18/1) погребённого.

Анализ размещения чашек в погребальных камерах и состава инвентаря показывает, что в 26 случаях в 25 погребениях они использовались не как сосуды для питья, а для хранения орудий труда, связанных с прядением, шитьём и ткачеством. В 24 случаях внутри чашек или в непосредственной близости от них находились лепные пряслица (Глиное 12/1, 16/1, 19/1, 22/2, 23/1, 27/1, 46/3, 47/1, 52/1, 57/1, 62/1, 69/2, 75/1, 86/1, 88/1, 97/1, 99/1, 103/1, 107/3, 109/1, 115/1; Градешка 15/1; Дервент 13/2; Мреснота Могила 21/2), в одном – лепное грузило (Чобручи 405), в восьми – шилья (Глиное 19/1, 23/1, 46/3, 47/1, 52/1, 69/2, 88/1, 107/3), в четырёх – иглы (Глиное 46/3, 69/2, 88/1, 99/1).

В трёх захоронениях (Глиное 3/1, 76/1; Градешка 8/1) чашки использовались в качестве светильников.

Гончарные канфары (не менее 13 экз.⁸⁰) (рис. 88) обнаружены в 12 погребениях (3,61 % захоронений; 6,03 % захоронений с посудой) и в тризне кургана Попова Могила.

Семь канфаров найдены *in situ* (табл. 17, рис. 91): на дне входной ямы, перед входом в дромос (Глиное 85/1); в дромосе (Градешка 7a/1); за головой

⁸⁰ Количество канфаров в тризне кургана Попова Могила по тезисной публикации установить невозможно.

(Кугурлуй 8/1; Чобручи 345); справа в изголовье (Николаевка 54); у правого колена (Николаевка 12); справа в ногах (Николаевка 56).

Кувшины (13 экз.) получили в погребальных комплексах то же распространение, что и канфары. Они известны в 12 погребениях (3,61 % захоронений; 6,03 % захоронений с посудой), а также происходят из рва кургана Глиное 70 и из тризн курганов Глиное 93⁸¹ и Семёновка 20.

Гончарные кувшины (рис. 89/1–3) происходят из четырёх погребений (Глиное 31/1, 33/2; Градешка 7а/1; Котловина–I 6/2) и из тризны кургана 20 у с. Семёновка (2 экз.), лепные (рис. 89/4–7) – из восьми захоронений (Глиное 33/1, 46/4, 53/1, 67/5; Глиное 276; Парканы 131; Табаки 4/1, Чобручи 404), из рва кургана Глиное 70 и из тризны в насыпи Глиное 93.

В 11 захоронениях было установлено размещение кувшинов (табл. 17, рис. 91). В погребении Глиное 53/1 кувшин был найден на дне впускной входной ямы, перед входом в погребальную камеру. В камерах катакомб отмечено следующее размещение кувшинов: справа в изголовье (Глиное 33/1, 67/5; Градешка 7а/1; Табаки 4/1); у правого плеча (Глиное 31/1; Котловина–I 6/2), у правого бедра (Глиное 46/4), у правого колена (Глиное 276), справа (Глиное 33/2) и слева (Чобручи 404) в ногах.

Лепные кружки известны в четырёх погребениях (Глиное 19/2, 45/1, 64/1, 66/1) и в ритуальной яме кургана Глиное 46 (рис. 90/1–4).

Во всех комплексах кружки были обнаружены *in situ* (табл. 17, рис. 91). Кружка из погребения Глиное 19/2 находилась во входной яме катакомбы возле костяка собаки и использовалась в качестве чашки для собаки, о чём упоминалось выше. В захоронении Глиное 64/1 кружка была положена слева

⁸¹ Две нижних части кувшинов были вторично использованы как светильник (Глиное 80/1) и чашка для собаки (Глиное 91/1), поэтому здесь они не рассматриваются.

в изголовье погребённого, а в катакомбах Глиное 45/1 и 66/1 – справа в ногах. Кружка из погребения Глиное 66/1 лежала возле амфоры.

Чаши найдены в трёх погребениях. Тулово лепных сосудов из погребений Глиное 63/1 и 96/1 полусферическое. Чаша из погребения Глиное 63/1 снабжена полукруглой в плане, плоской горизонтальной ручкой со сквозным отверстием в центре для подвешивания, примыкающей к венчику (рис. 90/5). Принципиальным отличием этих сосудов от чашек является отсутствие выделенного дна: плоскость дна едва заметна только на чаше из погребения Глиное 96/1 (рис. 90/6).

В одном случае (Глиное 63/1) чаша была подвешена к поясу (найдена справа на груди, т. к. была перемещена при обвале свода камеры); в другом (Глиное 96/1) – обнаружена справа у таза (табл. 17, рис. 91).

Стеклянная орнаментированная чаша с полусферическим дном, заполненная железными наконечниками стрел, найдена в кургане 20 у с. Семёновка (рис. 90/7).

Лепные поильники представлены находками из катакомбы Табаки 4/1 и из ритуальной ямы кургана Глиное 94. Яма находилась в непосредственной близости от катакомбы, где были погребены два ребёнка. В погребальном комплексе Табаки 4/1 поильник лежал справа в ногах ребёнка (табл. 17, рис. 91), очевидно прикрытый фрагментом лепной крышки, найденным в заполнении сосуда.

Завершая анализ посуды из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, необходимо обратить внимание на следующие ключевые моменты.

Амфоры, как единственный вид тары, встречаются в скифских погребениях Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. в полтора раза реже (7,53 % погребений), чем в V–IV вв. до н. э. (10,81 % погребений:

Синика, 2007а. С. 19). Тем не менее, оснований связывать это явление с сокращением поступления амфор различных центров–производителей вина в регион нет. Об этом свидетельствует тот факт, что наибольшее количество фрагментов гончарной керамики на поселениях Чобручи (Фидельский, 2012. С. 17–18; Иващенко, 2012; Фидельский, Иващенко, Синика, 2017; 2018), Красное (Синика и др., 2012. С. 194–208; Четвериков, Иващенко, Синика, 2018), Николаевка (Мелюкова, 1975. С. 23–35), а также из Надлиманского городища (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 65–69; Иващенко, Синика, 2017) принадлежит именно амфорам. Стоит также принять во внимание, что в погребениях Глиное 9/1 и 49/1 в нишах, по всей видимости, находились амфоры, вынесенные из камер при подзахоронениях. Ещё какое–то, пусть и незначительное, количество амфорной тары зафиксировано в виде тризны во рвах и в насыпях на уровне древнего горизонта. Однако, даже если учитывать эти данные, очевидно, что использование амфор в погребальном обряде (как для помещения в камеры катакомб, так и во время тризн) в любом случае уменьшается по сравнению с предшествующим временем, особенно с IV в. до н. э.

Кухонная посуда в захоронениях III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья встречается реже (7,22 % погребений), чем в скифских погребальных комплексах региона в предшествующее время (9,1 % погребений: Синика, 2007а. С. 19). Лепные горшки/корчаги демонстрируют сочетание различных керамических традиций. Первая (скифская) представлена целыми сосудами и фрагментами с орнаментом в виде одной полосы пальцевых вдавлений. Вторая (фракийская) фиксируется на фрагментах корчаг, украшенных «гирляндами» из валиков с пальцевыми вдавлениями и снабжённых декоративными упорами.

Погребение Глиное 14/1 является единственным скифским погребальным комплексом могильника у с. Глиное, где находился бронзовый котёл.

Бронзовый черпак найден также только в одном захоронении (Николаевка 48).

Столовая посуда получила наибольшее распространение. По сравнению с предшествующим периодом (20,87 % погребений) количество столовой посуды в III–II вв. до н. э. резко возрастает (54,51 % захоронений), а ассортимент значительно сокращается.

В позднескифское время миски получают значительно большее распространение в скифских погребениях, нежели в комплексах предшествующего времени. Нормой погребального обряда у скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. являлось помещение в захоронение одной миски с жертвенной пищей и ножом для одного погребённого. Анализ размещения мисок в погребальном сооружении показал, что, как правило, миску с жертвенной пищей и ножом ставили справа в изголовье или у правого плеча погребённых. Тем не менее, известен и ряд других вариантов размещения сосудов в захоронениях.

Деревянные миски со значительной долей вероятности имели ту же форму, что и керамические, о чём свидетельствует зафиксированный в погребениях древесный тлен. В некоторых случаях для их изготовления или ремонта применялись железные заклёпки и скрепы различных форм, а также серебряные, бронзовые или железные обивки. Очевидно, что деревянные миски круглой формы к концу IV в. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье практически полностью вытесняют деревянные блюда–подносы овальной или подпрямоугольной формы, которые до этого времени имели самое широкое распространение среди столовой посуды у скифов Северного Причерноморья (Ольховский, 1991. С. 112–113). Так, деревянные миски изредка встречаются в скифских погребениях IV в. до н. э. региона: 2/3 могильника Буторы I (Синика, Разумов, Тельнов, 2013. С. 35–36, Рис. 15/1); 3 грунтового могильника Николаевка I (Дзис–Райко, 1965. С. 66, Рис. 3); 7 и 51 грунтового могильника у с. Николаевка (Мелюкова, 1975. С. 72, 95)

середины – второй половины IV в. до н. э. Вместе с тем заметим, что традиция изготовления и использования в погребальном обряде деревянных мисок получает своё дальнейшее развитие в III–II вв. до н. э. у скифов Северо–Западного Причерноморья.

Все четыре гончарные сероглиняные миски из погребений представляют собой продукцию греческого производства.

Широчайшее распространение лепных мисок в погребальных комплексах Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. не имеет аналогов ни на одном другом скифском памятнике Северного Причерноморья. Лепные миски, как и в целом комплекс посуды могильника, испытали наибольшее влияние со стороны позднефракийской (гетской) керамической традиции. В то же время некоторые элементы мисок свидетельствуют о греческом влиянии на керамическое производство, а также о собственно скифской традиции.

Нет сомнений в скифской принадлежности тамги, нанесённой на дно лепной миски из погребения Глиное 81/3. В настоящее время это изображение является вторым по старшинству родовым знаком (тамгой) на территории Северного Причерноморья, поскольку погребение Глиное 81/3 датируется на основании фибулы в пределах последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. (Тельнов, Сеника, 2014б. С. 305–306, 308, 310, Рис. 14; Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 958, 965–966, Рис. 273/9,10). Самая ранняя тамга, процарапанная на дне гончарной чашки греческого производства, происходит из погребения Глиное/Водовод 3/2, которое было совершено не ранее конца IV в. до н. э. (Сеника, Тельнов, 2016б. С. 261, 265–269, Рис. 2/1–3). В связи с двумя указанными находками очевидно, что подобные знаки в степях Восточной Европы впервые появляются именно у скифов (Сеника, Тельнов, 2016. С. 269; Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016б.

С. 838, 848, Рис. 431)⁸², а не у сарматов, как считалось ранее (Яценко, 2001. С. 28–30)⁸³.

Широчайшее распространение мисок в погребальном обряде заставляет проанализировать известные данные об использовании этого вида столовой посуды у скифов Северного Причерноморья. В лесостепной зоне лепные миски достаточно хорошо представлены как на скифских городищах и поселениях, так и в материалах погребальных памятников. В Побужье как минимум четыре миски обнаружены в скифских курганах IV в. до н. э. у с. Новосёлки; для двух сосудов отмечено влияние фракийской керамической традиции, которая проявилась в виде вертикальных ручек–упоров со сквозными отверстиями (Бессонова, 1994. С. 21, 30, Рис. 4/1–3,7). Широкое распространение лепные миски получили в керамических комплексах поселений и погребений Днепровского лесостепного Правобережья VII–IV в. до н. э. (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 52, Рис. 24/3,4, 25/3,4; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 50, 52, 56, 77, 81, 103, 107, Рис. 9/17–21, 10/10, 18/1–14, 22/8,9,11–14, 34/1–6), в том числе среди посуды из раннескифских (VII–VI вв. до н. э.) курганов в бассейне р. Тясмин (Ильинская, 1975. С. 138–143, Рис. 19) и в Поросье (Ковпаненко, 1981. С. 90–92, Рис. 54). Однако известны лепные миски и в более позднее время (V–IV вв. до н. э.): в частности, они обнаружены в курганах 6 (Левченко, 2012. С.

⁸² В одной из новейших работ Е. В. Вдовченков признал изображение на дне лепной миски из погребения Глиное 81/3 тамгой (Вдовченков, 2018. С. 73, 93, Рис. 2). Относительно знака, процарапанного на дне гончарной чашки из комплекса Глиное/Водовод 3/2, исследователь заметил, «что полной уверенности в интерпретации этого знака как тамги нет» (Вдовченков, 2018. С. 94, Рис. 3/1–3), при этом установить, на чём базируются сомнения Е.В. Вдовченкова, невозможно.

⁸³ Кроме того, на самое раннее «тамгообразное изображение» (пока самое раннее для Северного Причерноморья) претендует композиция центральной части золотой диадемы из кургана 2 некрополя II Тенгинского (меотского) городища на Кубани, датированного второй половиной IV в. до н. э. (Эрлих, 2006. С. 44, Рис. 4/12).

141, Рис. 70/2, 71/17) V в. до н. э. и 13 (Левченко, 2012. С. 156, Рис. 13) IV в. до н. э. у с. Медвин, причём в первом из этих комплексов внутри миски были найдены кости от жертвенной пищи и нож. В Днепровском лесостепном Левобережье лепные миски получили распространение на Бельском городище, общая дата которого определена в пределах VIII–III вв. до н. э. (Шрамко, 1987. С. 107, Рис. 48/1–6). Известны лепные миски на скифских поселениях и в скифских курганах второй половины VII–IV в. до н. э. бассейна р. Ворскла (Ковпаненко, 1967. С. 116–118, 124–125, Рис. 52) и р. Псёл (Гавриш, 2000. С. 78–84, 99–101, Рис. XX/3), а также в скифских курганах VI–V вв. до н. э. Посулья (Ильинская, 1968. С. 168, Табл. XI/15, LIX/4–12) и в кургане IV в. до н. э. у с. Олефирщина в бассейне р. Ворскла (Кулатова, 1990. С. 72, 75, Рис. 3/6). На поселениях и в погребальных памятниках бассейна Северского Донца миски являются второй по распространённости группой керамики (Гречко, 2010. С. 60–61, Рис. 46).

Значительно меньше лепных мисок можно обнаружить на скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья. На левобережье Нижнего Днестра они представлены многочисленными находками, например, на Надлиманском городище (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 104–109, Рис. 57–59), на поселениях Чобручи (Никулицэ, Фидельский, 2004а. С. 53, Рис. 4), Красное (Синика и др., 2012. С. 192, Рис. 3/6–10) и у с. Николаевка (Мелюкова, 1975. С. 53–56, Рис. 22). В Нижнем Поднепровье лепные миски в небольшом количестве известны среди материалов Каменского (Граков, 1954. С. 98–99, Табл. IX/6–9), Знаменского (Погребова, 1958. С. 139, Рис. 15/12–16) и Гавриловского (Погребова, 1958. С. 207, 211, Рис. 32/6,7, 34/8,9) городищ. Верхней их датой, судя по опубликованным материалам, можно считать конец IV – первую треть III в. до н. э. На Елизаветовском городище на Нижнем Дону лепные миски также представлены слабо (Марченко, Житников, Копылов, 2000, 146, Рис. 57/9–12, Табл. 31, Рис. 60). Прекращение функционирования этого городища

относится к концу первой трети III в. до н. э. (Копылов, Коваленко, 2002. С. 298; 2012. С. 96, 100).

Весьма важно, что лепные миски представляют собой крайне редкую находку в скифских степных погребениях Северного Причерноморья (Гаврилюк, 1980. С. 27, Рис. 2; 1983. С. 58, Рис. 17). При этом в настоящее время единственным исключением является коллекция лепных мисок из скифских погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. Таким образом, можно констатировать, что лепные миски получают большее или меньшее распространение у оседлого скифского населения в лесостепной зоне Северного Причерноморья (как на городищах и поселениях, так и в погребальных сооружениях) в VII–IV вв. до н. э. В степной зоне лепные миски известны только на памятниках оседлого населения, верхняя дата которых определяется не позднее первой трети III в. до н. э.

Кочевое скифское население северопричерноморских степей, как показывают материалы из немногих захоронений VII–VI вв. до н. э., и особенно из весьма многочисленных погребений V–IV вв. до н. э., практически не использовало лепные миски в быту. Впрочем, это утверждение в полной мере относится и к другим видам лепной столовой и кухонной посуды, которая (в первую очередь, горшки) встречается достаточно редко. Очевидно, что для степных скифов были более привычными различные деревянные сосуды (чаши, чашки, блюда), куда более практичные по сравнению с лепной керамической посудой и лепными сосудами вообще в условиях кочевого образа жизни.

Чашки в погребальных комплексах Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. уступают по распространённости только мискам. Как и в случае с мисками, нормой погребального обряда было помещение одной чашки для одного погребённого. Анализ размещения сосудов в погребальных комплексах показал, что чашки использовались и как сосуды для собак во

входных ямах, и как сосуды для питья погребённого в камере, и как сосуды для помещения пряслиц, игл и шильев, а также в качестве светильников. Гончарные чашки являются греческими импортами, все деревянные и лепные чашки – продукцией местного производства. Последние демонстрируют, так же, как и миски, различные влияния на местную керамическую традицию – в частности, фракийское и греческое.

Все гончарные канфары являются греческими импортами. Гончарные и лепные кувшины встречаются крайне редко. Первые являются греческими импортами, вторые демонстрируют сочетание скифской и фракийской керамических традиций. Лепные кружки встречаются ещё реже, чем кувшины, и также свидетельствуют о фракийском влиянии на этот вид столовой посуды. Две лепных «чаши» фиксируют пережиток скифского обычая использовать круглодонные сосуды в погребальном обряде. Оба лепных поильника являются подражаниями местных мастеров греческим образцам.

В целом, анализ посуды из скифских погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. показывает несколько ключевых моментов.

Во–первых, обращает на себя внимание редкость гончарных импортов в погребениях. Помимо 26 амфор, это четыре миски, 17 чашек, 13 канфаров и четыре кувшина. Даже если принять во внимание, что, кроме этой гончарной посуды, импорты представлены одним бронзовым и десятью гончарными светильниками (предметы быта), а также тремя лекифами, двумя унгентариями и одним амфориском (туалетными сосудами), общая картина, очевидно, свидетельствует о значительном сокращении практики помещения в погребальные комплексы импортных, а значит, и представляющих большую ценность сосудов различного назначения.

О том, что импортные сосуды являлись достаточно ценными, свидетельствуют многократно зафиксированные следы длительного использования и ремонта. Сильно потёртые поверхности и царапины отмечены на чашках из катакомб Глиное 34/1, 84/1, 88/1, 89/2. На чашке из погребения Глиное 89/2 венчик был отбит на половине его окружности. У канфара из комплекса Глиное 85/1 были отбиты верхняя часть, ручки и ножка. Миска из захоронения Глиное 85/1 и чашка из погребения Глиное 34/1 ремонтировались. Такие же следы ремонта зафиксированы на амфоре из разрушенного погребения, обнаруженного в 2013 г. в г. Слободзея на левобережье Нижнего Днестра (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 215–216, Рис. 1/5, Прим. 6). Фрагменты гончарных импортов, использовавшихся вторично в различном качестве, только на первый взгляд могут выглядеть какой-то попыткой «восполнить нехватку» специальной гончарной посуды. Так, в качестве чашки для собаки в катакомбу Глиное 17/1 была положена придонная часть родосской амфоры, в погребения Глиное 45/1 и 60/1 – придонные части гончарных сосудов. В качестве светильников в погребения Глиное 41/2 и 116/1 были положены ножки амфор. Всё это, на самом деле, никак не свидетельствует о нехватке или тем более о полном отсутствии гончарных керамических импортов. Значительное число фрагментов гончарных сосудов, обнаруженных при раскопках поселений, свидетельствует о том, что эта продукция если и не производилась на месте, то регулярно и в достаточных количествах поступала к скифам Северо-Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. Эти престижные предметы имели большую ценность по сравнению с менее качественной местной лепной керамической продукцией. В результате в погребения, как правило, попадали малоценные в повседневной жизни сосуды – лепные и деревянные, фрагменты гончарных и гончарные со следами длительного использования или ремонта. Исключением является только очень небольшое количество погребений, где были обнаружены амфоры и другие гончарные сосуды без следов длительного использования.

Во–вторых, заметна взаимозамещаемость различных видов посуды и иных сосудов в скифских погребениях III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья. Выше упоминалось, что в захоронениях Глиное 41/2 и 116/1 в качестве светильников были использованы ножки амфор; в захоронениях Глиное 3/1, 76/1, Градешка 8/1 – лепные чашки; Глиное 2/2, 13/1, 17/1, 80/1 – нижние части лепных сосудов. В восточную камеру погребения Глиное 106/1 в качестве миски был положен фрагмент горшка/корчаги. В погребениях Глиное 30/1, 64/1 (впускная входная яма) и 106/1 (северная камера) в качестве мисок были положены только нижние части сосудов. В качестве чашек чаще всего использовались нижние части лепных сосудов (29 случаев) либо части гончарных сосудов (3 случая). Из семи лепных кувшинов у двух были отбиты ручки в древности (Глиное 46/4, 53/1), и они уже представляли собой «горшки». Из четырёх лепных кружек две были найдены без ручек (Глиное 45/1, 64/1), и сосуды уже практически ничем не отличались от чашек.

Оба этих явления – редкость гончарных керамических импортов и взаимозамещаемость сосудов – свидетельствуют о том, что в скифском погребальном обряде III–II вв. до н. э. значительно более важным было обозначение каких–то его канонов, но не их буквальное соблюдение. Очевидно, что подобный подход к совершению захоронений подразумевал минимальные издержки, поскольку не предполагал сколь–нибудь существенных расходов на приобретение каких–либо импортных изделий, в том числе и керамических сосудов, или, тем более, на специальное изготовление погребального инвентаря.

В–третьих, комплекс лепной посуды намного больше, чем иные категории и виды погребального инвентаря, отражает фракийское и греческое влияния на местные традиции.

§6. Украшения

Обнаружены в 218 комплексах: в 217 захоронениях (65,36 % погребений) и в ритуальной яме кургана Глиное 46.

Украшения представлены гривнами, ожерельями, браслетами, «локтевыми браслетами», бусинами от «налобных повязок», бусинами от «шнурков», бусинами в скоплениях, бляшками, серьгами, височными кольцами, лировидными подвесками, кольцами, перстнями, конусовидными подвесками, поясными украшениями (табл. 9).

Гривны обнаружены в двух захоронениях. Серебряная гривна происходит из погребения Дервент 13/1 (рис. 92/1). В катакомбе Глиное 116/1 найдена трёхъярусная гривна: каждое из звеньев изделия имело бронзовую основу, обёрнутую золотой фольгой (рис. 92/2–5). Оба изделия зафиксированы на шее погребённых (табл. 18, рис. 94).

Ожерелья (117 экз.) из бусин, пронизей и подвесок, изготовленных из различных материалов, обнаружены в 106 захоронениях (31,92 % погребений; 48,84 % погребений с украшениями).

Все 117 ожерелий были зафиксированы в области шеи и верхней части грудной клетки погребённых (табл. 18, рис. 94).

Наибольшее распространение получили *браслеты*, составленные из бусин (145 экз. из 90 комплексов). Металлические браслеты встречаются реже (рис. 93): серебряные (5 экз. из четырёх комплексов), бронзовые (45 экз. из 35 комплексов) и железные (17 экз. из 15 комплексов). 212 браслетов обнаружены в 120 захоронениях (36,25 % погребений; 55,55 % погребений с украшениями).

В комплексах находилось различное количество браслетов. Семь браслетов известно в погребении Градешка 7а/1 (два браслета на запястьях и два браслета справа в ногах одного погребённого; возле левого плеча, на правом запястье и в ногах второго).

По пять экземпляров происходит из захоронений Глиное 52/1 (два браслета на запястьях одного погребённого; два – на запястьях второго; один – на запястье третьего), 57/1 (три браслета у погребённого в западной камере; два браслета – на запястьях одного из погребённых в восточной камере), 116/1 (один браслет – справа в изголовье одного из погребённых в северной камере; два браслета – справа и слева в изголовье второго погребённого, один браслет – на правом запястье второго погребённого в северной камере; один браслет – справа у таза (лежал отдельно) – в восточной камере).

По четыре браслета происходят из погребений Глиное 75/1 (по два браслета на обоих запястьях одного из погребённых) и 76/1 (по паре браслетов на запястьях двух погребённых).

По три изделия известно в 15 комплексах: на запястьях одного погребённого – Глиное 10/1, 19/2, 67/3, 103/1, 107/3; на запястьях одного погребённого и на втором костяке – Мреснота Могила 21/2; на запястьях одного погребённого и слева у таза отдельно (Дервент 13/2); на плече и запястьях одного погребённого – Глиное 93/1; на плече, на запястье и справа в изголовье – Глиное 95/1; на запястьях двух погребённых – Глиное 42/1, 67/4, 71/1, 85/2, 93/2; Дервент 13/1.

Значительно чаще (36 случаев) в погребениях фиксируются по два браслета: браслеты на обоих запястьях единственного или одного из погребённых – Глиное 3/1, 5/1, 11/1, 12/1, 13/1, 14/2, 18/1, 23/1, 29/1, 31/1, 33/1, 35/2, 37/1 (?), 38/1, 43/2, 44/1, 56/2, 60/1, 62/1, 66/1, 68/1, 81/1, 81/3, 94/2, 107/1, 107/2, 111/3; Градешка 15/1; Чобручи 405; два браслета на одном запястье – Глиное 12/2, 55/1, 74/2, 96/1, Чобручи 399; два браслета на правых запястьях погребённых

в северной и восточной камерах – Глиное 106/1; два браслета на плечах одного погребённого – Глиное 64/1.

Ещё в 60 захоронениях найдено по одному браслету: на запястье – Глиное 7/1, 8/1, 13/3, 16/1, 18/2, 24/1, 27/1, 28/1, 33/2, 36/2, 38/3, 39/1, 41/1, 41/2, 46/1, 46/4, 47/1, 49/1, 54/3, 59/1 (?), 63/1, 65/1, 68/2, 75/2, 78/2, 79/1, 85/1, 88/1 (?), 89/2, 91/2, 94/1, 96/2, 102/2, 102/3, 105/2 (?), 109/1, 113/1, 114/1; Глиное 275, 276; Градешка 8/1, 10/1; Дервент 5/1; Кугурлуй 4/2, 8/1, 26/2, 31/1; Мреснота Могила 4/1; Николаевка 24⁸⁴; Плоское 377; Роксоланы (Никоний) 2/6; Терновка 186; Чобручи 282, 404, 408; на плече – Глиное 69/2; не установлено – Дервент 11/1; Кугурлуй 16/1; Николаевка 48⁸⁵; Парканы 153.

В погребении Глиное 86/1 справа в изголовье погребённого лежали 12 бусин, составлявшие браслет из бусин. этот случай, как и ситуации в захоронениях Глиное 95/1 (две бусины справа в изголовье), Глиное 116/1 (браслет из бусин справа у таза в восточной камере катакомбы; браслет из бусин на зеркале в северной камере) и Дервент 13/2 (браслет из бусин слева у таза), фиксирует размещение браслетов не на теле погребённого (на плече или запястье), а за его пределами.

В погребении Глиное 53/1 на правом запястье одного из погребённых находился бронзовый браслет, а на скрещённых запястьях другого погребённого были найдены шесть бусин, что не позволяет установить общее количество браслетов (два или три) в данном комплексе.

Установлено изначальное размещение 201 браслета (табл. 18). В 115 случаях они зафиксированы на правом запястье: Глиное 3/1, 5/1, 10/1 – 2 экз., 11/1, 12/1, 12/2 – 2 экз., 13/1, 14/2, 18/1, 18/2, 19/2, 23/1, 24/1, 27/1, 28/1, 29/1,

⁸⁴ Браслет не сохранился. Зафиксирован по отпечаткам зелёной окиси на локтевой и лучевой костях правой руки погребённого (Мелюкова, 1975. С. 83).

⁸⁵ Браслет не сохранился. Зафиксирован по отпечаткам зелёной окиси на локтевой и лучевой костях погребённого (Мелюкова, 1975. С. 93).

31/1, 33/1, 35/2, 36/2, 38/1, 38/3, 39/1, 41/1, 42/1 – 2 экз., 43/2, 44/1, 46/1, 46/4, 52/1 – 2 экз., 53/1, 54/3, 55/1 – 2 экз., 56/2, 57/1 – 3 экз., 60/1, 62/1, 63/1, 65/1, 66/1, 67/3 – 2 экз., 67/4, 68/1, 68/2, 71/1 – 2 экз., 74/2 – 2 экз., 75/1 – 2 экз., 75/2, 76/1 – 2 экз., 78/2, 79/1, 81/1, 81/3, 85/1, 85/2, 89/2, 93/1, 93/2, 94/1, 94/2, 95/1, 96/1 – 2 экз., 96/2, 102/2, 102/3, 103/1 – 2 экз., 106/1 – 2 экз., 107/1, 107/2, 107/3 – 2 экз., 111/3, 113/1, 114/1, 116/1; Глиное 275, 276; Градешка 7а/1 – 2 экз., 8/1, 10/1, 15/1; Дервент 13/1 – 2 экз., 13/2; Кугурлуй 8/1, 26/2, 31/1; Мрснота Могила 4/1, 21/2; Николаевка 24; Плоское 377; Роксоланы (Никоний) 2/6; Сукля; Терновка 186; Чобручи 282, 399 – 2 экз., 404, 405. На левом запястье браслеты обнаружены в 70 случаях: Глиное 3/1, 5/1, 7/1, 8/1, 10/1, 11/1, 12/1, 13/1, 13/3, 14/2, 16/1, 18/1, 19/2 – 2 экз., 23/1, 29/1, 31/1, 33/1, 33/2, 35/2, 38/1, 41/2, 42/1, 43/2, 44/1, 47/1, 49/1, 52/1 – 3 экз., 56/2, 57/1 – 2 экз., 60/1, 62/1, 66/1, 67/3, 67/4 – 2 экз., 68/1, 71/1, 75/1 – 2 экз., 76/1 – 2 экз., 81/1, 81/3, 85/2 – 2 экз., 91/2, 93/1, 93/2 – 2 экз., 94/2, 103/1, 107/1, 107/3 – 2 экз., 109/1, 111/3; Градешка 7а/1, 15/1; Дервент 5/1, 13/1, 13/2; Кугурлуй 4/2; Мрснота Могила 21/2; Сукля; Чобручи 405, 408.

В 52 случаях зафиксированы пары браслетов, вне зависимости от материала, из которого они были изготовлены, на левом и правом запястьях одного погребённого: Глиное 3/1, 5/1, 10/1, 11/1, 12/1, 13/1, 14/2, 18/1, 19/2, 23/1, 29/1, 31/1, 33/1, 35/2, 38/1, 42/1, 43/2, 44/1, 52/1 – две пары браслетов на двух погребённых, 56/2, 57/1 – две пары браслетов на двух погребённых, 60/1, 62/1, 66/1, 67/3, 67/4, 68/1, 71/1, 75/1 – две пары браслетов на одном погребённом, 76/1 – две пары браслетов на двух погребённых, 81/1, 81/3, 85/2, 93/1, 93/2, 94/2, 103/1, 107/1, 107/2, 107/3, 111/3; Градешка 7а/1, 15/1; Дервент 13/1, 13/2; Мрснота Могила 21/2; Сукля; Чобручи 405.

В четырёх комплексах обнаружено пять металлических плечевых браслетов: на правом (Глиное 64/1, 69/2, 95/1) и на левом (Глиное 64/1, 93/1) плече. В пару плечевых браслетов из погребения Глиное 64/1 входили одно

бронзовое и одно железное украшение. Три остальные находки (Глиное 69/2, 93/1, 95/1) были железными.

Четыре браслета были положены справа в изголовье погребённых (Глиное 86/1, 95/1, 116/1 – 2 экз.), один – слева в изголовье (Глиное 116/1), один – у левого плеча (Градешка 7а/1), два – слева у таза (Глиное 116/1; Дервент 13/2), два – справа в ногах (Градешка 7а/1 – 2 экз.), один – в ногах (Градешка 7а/1).

В девяти комплексах размещение десяти браслетов не устанавливается (Глиное 37/1 – 2 экз., 59/1, 88/1, 105/2; Дервент 11/1; Кугурлуй 16/1; Мреснота Могила 21/2; Николаевка 48; Парканы 153). Также не принималось во внимание размещение бусин (составлявших один или два браслета), обнаруженных на скрещённых запястьях одного из погребённых в катакомбе Глиное 53/1.

Отдельной категорией украшений являются «локтевые браслеты» (22 экз.) из стеклянных бусин и иных украшений, обнаруженные в 17 захоронениях (5,12 % погребений; 7,83 % погребений с украшениями).

Три «локтевых браслета» зафиксированы в погребении Глиное 69/2 (два – на локте и предплечье одного погребённого, один – на правом локте другого). По два «браслета» происходит из погребений Глиное 33/1 и 35/1, где они были обнаружены на обоих локтях одного погребённого.

Одна бусина зафиксирована у локтя в захоронении Глиное 99/1, две бусины – в погребении Глиное 33/2. По три бусины в составе «локтевых браслетов» найдено в четырёх катакомбах (Глиное 9/1, 60/1, 94/1; Дервент 13/1). По четыре бусины обнаружено в составе пяти «браслетов» в четырёх захоронениях: Глитное 6/3, 33/1 (левый локоть), 36/1 (два «браслета»), 63/1. По пять бусин найдено в четырёх «браслетах» из погребений Глиное 13/1, 33/1 (правый локоть), 45/1, 65/1 (правый локоть одного из погребённых). Шесть бусин составляли «браслет» из катакомбы Кугурлуй 18/2. «Браслеты» из семи бусин обнаружены в комплексах Глиное 35/1 (два «браслета») и 74/2.

Значительно больше различных изделий было обнаружено в составе трёх «браслетов» из погребения Глиное 68/2 (43 изделия) и 69/2 (182 изделия и 628 изделий).

Решить, нашивались ли перечисленные изделия на рукава одежд в области локтя и предплечья (три упомянутых «браслета» из погребений Глиное 68/2, 69/2), или же на эти рукава нашивались нити с надетыми на них украшениями, сложно. Очевидно лишь то, что они не использовались в качестве браслетов, подобных тем, что носились на запястьях.

Из 22 «браслетов» десять было обнаружено на правом локте, и 12 – на левом, причём восемь из них составляли четыре пары (табл. 18, рис. 95).

Самостоятельную группу украшений составляют *бусины от «налобных повязок»*. Зафиксирован 21 случай обнаружения стеклянных бусин и иных украшений справа и/или слева у черепа (в области висков), а также на черепе погребённого (табл. 18, рис. 95).

По всей видимости, эти бусины украшали несохранившиеся налобные повязки или шнурки, которые фиксировали волосы погребённых, либо края несохранившихся головных уборов. Такие бусины найдены в 21 захоронении (6,32 % погребений; 9,67 % погребений с украшениями).

По одной бусине обнаружено в 13 погребениях: Глиное 13/1 (слева у черепа), 13/3 (слева у черепа), 55/1 (слева у черепа), 60/1 (справа у черепа), 66/1 (справа у черепа), 85/2 (на черепе), 88/1 (на черепе), 99/1 (справа у черепа), 103/1 (на черепе), 104/1 (слева у черепа), 105/1 (за черепом); Чобручи 289 (справа у черепа), 408 (слева у черепа). По две бусины найдено в пяти захоронениях: Глиное 42/1 (обе справа у черепа), 60/2 (обе справа у черепа), 107/1 (по одной справа и слева у черепа), 115/1 (обе справа у черепа); Табаки 4/1 (обе слева у черепа). Три бусины лежали справа у черепа погребённых в катакомбах Глиное 64/1, 76/1 (западная камера); четыре

бусины – в захоронении Глиное 106/1 (по два изделия справа и слева у черепа).

Также особую группу украшений составляют *бусины от «шнурков»*. Зафиксировано девять случаев обнаружения стеклянных бусин (24 экз.) на теле погребённого, а в двух случаях и за его пределами. Совершенно очевидно, что эти находки из 11 погребений (3,31 % захоронений; 5,06 % захоронений с украшениями) не имеют отношения ни к ожерельям, ни к браслетам на запястьях, ни к «локтевым браслетам», ни к «налобным повязкам».

Судя по размещению данных бусин (табл. 18, рис. 95), они могли украшать какие-то шнурки, использовавшиеся для фиксации различных элементов костюма (деталей одежды) на теле погребённого.

Показательной является находка трёх бусин (справа на тазе, слева на тазе, посередине таза) в детском погребении Глиное 101/1. Не исключено, что данные бусины украшали шнурок, игравший роль пояса. Такая же ситуация отмечена в захоронениях Глиное 3/1 и 109/1, где посередине таза было найдено по одной бусине. Аналогично использовались две бусины, лежавшие вместе с бронзовой поясной бляхой справа в области живота (ближе к тазу), из катакомбы Дервент 13/2.

Очевидно, что три бусины у правого плеча в погребении Глиное 91/1 и три бусины у левой ключицы в захоронении Глиное 26/1 использовались иначе. В первом случае (Глиное 91/1) все три бусины, будучи весьма крупными, с отверстиями диаметром от 1 см до 1,3 см, могли использоваться в качестве ворворок (наконечников) шнурков для затягивания либо расслабления верхней части плечевой одежды (вороты). В пользу такого использования этих бусин свидетельствуют две деревянные ворворки и одна железная пластина (фиксатор ворворок), обнаруженные возле трёх указанных бусин, также у правого плеча погребённой. По всей видимости, три бусины,

найденные у левой ключицы в захоронении Глиное 26/1, использовались аналогично.

Две бусины из катакомбы Глиное 28/1, одна из которых лежала в области грудины, а вторая – на позвоночном столбе, на уровне нижних рёбер (причём каждая вместе с фрагментом лепной керамики), могли находиться на окончаниях шнура, с помощью которого фиксировались какие-то элементы костюма. Вероятно, так же использовались две бусины, обнаруженные справа и слева в верхней части грудной клетки ребёнка из погребения Глиное 101/1. Две бусины, найденные рядом в захоронении Глиное 102/3, подтверждают данное предположение. В катакомбе Кугурлуй 8/1 бусина зафиксирована слева на груди погребённой, рядом с фибулой.

Исключение составляют находки двух пар бусин, обнаруженных за пределами тела погребённых в захоронениях Глиное 6/2 и 102/1. В каждом из этих комплексов по одной бусине было найдено слева от левого бедра, и по одной – справа от правого бедра, за пределами тела погребённого. В обоих случаях можно предполагать, что бусины каким-то образом фиксировали края погребального савана. Они могли быть надеты на концы шнура, позволявшего этот саван сузить или расширить. Размещение этих бусин полностью совпадает с размещением пары застёжек в катакомбе Глиное 81/3, частью которых являлись бусины.

Шесть *скоплений бусин* и других изделий из различных материалов зафиксированы в четырёх захоронениях. В погребениях Глиное 103/1 и 116/1 обнаружено по два скопления, в катакомбах Глиное 107/3 и Мреснота Могила 21/2 – по одному (табл. 18, рис. 95).

В захоронении Глиное 103/1 одно скопление находилось между левым локтем и грудной клеткой (браслет из бусин и другие изделия), а второе – слева у таза (ожерелье из бусин). Также слева у таза было найдено скопление в погребении Глиное 107/3 (пара серёг, ворворка, один или два браслета).

В катакомбе Глиное 116/1 скопления были зафиксированы у правого плеча и локтя (два браслета из бусин), а также у левого плеча и локтя (два браслета из бусин) одного из погребённых в северной камере двухкамерной катакомбы.

В состав скопления в захоронении Мреснота Могила 21/2 входили монета с отверстием для подвешивания, три кабаньих клыка, крупная глазчатая бусина, обжатая двумя кольцами (железным и бронзовым), две глазчатые бусины и подвеска. В совокупности это могло быть ожерельем.

Ещё в 51 комплексе (50 погребениях и в ритуальной яме кургана Глиное 46) были обнаружены *различные бусины*. Эти изделия, безусловно, входили в состав всех перечисленных выше групп находок (ожерелья, браслеты и др.), однако в какие именно, установить невозможно. Они происходят с разрушенных при подзахоронениях костяков, из ограбленных погребальных камер или входных ям катакомб (табл. 18). Поэтому они не рассматривались в составе ожерелий, браслетов из бусин, «локтевых браслетов» и т. д.

Бляшки (148 экз.) из золота (147 экз.) и бронзы (1 экз.) обнаружены в десяти захоронениях (3,01 % погребений; 4,6 % погребений с украшениями).

Выпуклые штампованные бляшки без орнамента и изображений с отверстиями для пришивания (66 экз.) найдены в шести захоронениях: Глиное 13/1 (8 экз.), 31/1 (10 экз.), 35/2 (21 экз.), 44/1 (5 экз.), 91/2 (9 экз.), 112/1 (13 экз.) (рис. 96/1–6). Из погребения Глиное 31/1 происходят три аналогичные бляшки, но с петелькой для пришивания (рис. 96/7). Бронзовая бляшка из погребения Градешка 8/1 описана как округлая, слегка выпуклая в середине, при этом её размеры не приводятся (Гудкова, Суничук, 1985. С. 77). В погребении Дервент 6/1 найдена одна бляшка с выпуклой центральной частью и рифлёным краем, на котором есть отверстия для пришивания (рис. 96/8). Двойной кант опоясывает 63 овальных бляшки (с отверстиями для пришивания) с изображением человеческого лица из двух катакомб

(Кугурлуй 18/1 – 55 экз., 18/2 – 8 экз.) (рис. 96/9). Кроме того, в захоронении Кугурлуй 18/1 были обнаружены 12 бляшек в виде бантика (с отверстиями для пришивания) (рис. 96/10) и две четырёхлепестковые бляшки (с отверстиями для пришивания) (рис. 96/11).

В захоронении Кугурлуй 18/2 восемь бляшек с изображением человеческого лица лежали на черепе погребённой, украшая её головной убор (рис. 95). Очевидно, аналогичные 55 бляшек, найденные в перемещённом состоянии в погребении Кугурлуй 18/1, использовались так же. В пяти комплексах (Глиное 13/1, 31/1, 35/2, 44/1, 91/2) выпуклые округлые бляшки были зафиксированы под нижней челюстью погребённых, по всей видимости, являясь украшением ворота плечевой одежды (рис. 95). Только в захоронении Глиное 112/1 бляшки были обнаружены на кожаном поясе погребённого (табл. 18, рис. 95).

Серьги (128 экз.) (рис. 96/12–24) обнаружены в 71 захоронении (21,38 % погребений; 32,71 % погребений с украшениями).

В 39 захоронениях обнаружены бронзовые серьги: Глиное 276, Градешка 7а/1 – по две пары серёг; Глиное 75/1 – пара у черепа одного погребённого и одна серьга – у черепа второго; Мреснота Могила 22/1 – три серьги, из которых две составляли пару; Глиное 9/1, 12/1, 12/2, 29/1, 49/1, 57/1, 79/1, 86/1, 96/2, 106/1, 107/3, Глиное 277, 378, Кугурлуй 18/2, Парканы 153, 173, Роксоланы (Никоний) 2/6 – по паре серёг; Глиное 13/3, 43/2, 62/1, 64/1, 67/3, 77/1, 80/1, 98/1, 111/1, 111/3, 115/1, Парканы 174, Кугурлуй 4/1, 15/2, 26/1, Чобручи 289, 290, 408 – по одной серьге.

Серебряные серьги происходят из 25 погребений: Дервент 13/1, Роксоланы (Никоний 2/6) – по две пары серёг; Глиное 6/2, 14/2, 19/2, 23/1, 35/2, 41/1, 43/2, 53/1, 65/1, 89/3, 93/2, 102/3, 103/1, 109/1, Дервент 13/2 – по паре серёг; Глиное 13/1, 45/1, 57/1, 60/1, 60/2, Мреснота Могила 4/1, 14/1, 21/2 – по одной серьге. Золотые серьги обнаружены в девяти комплексах: Парканы 159 –

пара серёг и отдельная серьга при двух погребённых; Глиное 31/1, 33/1, 116/1 – по паре серёг; Глиное 11/1, 59/1 (погребение ограблено), Парканы 131, Чобручи 345 – по одной серьге. В захоронении Глиное 38/3 в паре находились золотая и серебряная серьги.

На серьги из трёх катакомб (Градешка 7а/1 (пара); Мрснота Могила 22/1 (одна серьга); Чобручи 408 (одна серьга)) были надеты стеклянные бусины (рис. 96/12,13,16,17).

В 64 случаях установлено изначальное размещение серёг в погребальных комплексах (табл. 18, рис. 97). 41 пара серёг обнаружена у обоих висков погребённых (Глиное 6/2, 9/1, 12/1, 12/2, 14/2, 19/2, 23/1, 29/1, 31/1, 33/1, 35/2, 38/3, 41/1, 43/2, 49/1, 53/1, 57/1, 65/1, 75/1, 79/1, 86/1, 89/3, 93/2, 96/2, 102/3, 103/1, 106/1, 109/1, 116/1; Глиное 276 – две пары, 378; Градешка 7а/1 – две пары; Дервент 13/1 – две пары, 13/2; Кугурлуй 18/2; Роксоланы (Никоний) 2/6 – три пары). По одной серьге найдено у правого (13 комплексов: Глиное 11/1, 13/1, 13/3, 59/1, 60/2, 62/1, 64/1, 67/3, 80/1, 98/1; Чобручи 289, 290, 345) или левого (9 комплексов: Глиное 43/2, 45/1, 60/1, 57/1, 75/1, 99/1, 111/1, 115/1; Чобручи 408) виска. Только одна пара серёг обнаружена слева у таза погребённой, в захоронении Глиное 107/3: в этом случае у висков погребённой были обнаружены височные кольца.

Височные кольца (39 экз.) (рис. 96/25–27) встречаются значительно реже, чем серьги. Они известны в 22 захоронениях (6,62 % погребений; 10,13 % погребений с украшениями).

В 11 захоронениях обнаружены серебряные височные кольца (Глиное 13/1, 35/1, 54/1, 69/2, 71/1, 74/2, 81/1, 81/3, 83/1, 94/1, 107/3), в семи – бронзовые (Глиное 8/1, 36/1, 55/1, 67/4, 69/1, 116/1; Чобручи 281), в трёх – золотые (Глиное 91/1; Дервент 15/1; Парканы 159), в одном – электровое (Глиное 66/1). В 17 погребениях обнаружено по два височных кольца, и только в пяти

захоронениях (Глиное 8/1, 66/1, 71/1, 116/1; Дервент 15/1) найдено по одному кольцу.

Различаются височные кольца количеством оборотов проволоки. Чаще всего встречаются кольца в полтора оборота (23 экз.): Глиное 8/1 (одно кольцо), 13/1 (пара), 35/1 (пара), 36/1 (одно кольцо), 54/1 (одно кольцо), 66/1 (одно кольцо), 69/1 (пара), 69/2 (пара), 71/1 (одно кольцо), 74/2 (пара), 83/1 (пара), 91/1 (пара), 107/3 (пара), 116/1 (одно кольцо); Дервент 15/1 (одно кольцо). Из погребения Глиное 55/1 происходит пара височных колец в два оборота. Известно девять височных колец в два с половиной оборота: Глиное 36/1 (одно кольцо), 67/4 (пара), 81/1 (пара), 81/3 (пара), 94/1 (пара). Одно кольцо из погребения Глиное 54/1 было изготовлено из проволоки в три оборота. Количество оборотов в височных кольцах из катакомб Парканы 159 и Чобручи 281 не указано.

Изначальное размещение височных колец установлено в 19 захоронениях (табл. 18, рис. 97). В 14 погребениях парные кольца находились у обоих висков погребённых (Глиное 13/1, 35/1, 36/1, 54/1, 55/1, 67/4, 69/1, 69/2, 74/2, 81/1, 81/3, 83/1, 91/1, 94/1, 107/3), в двух – по одному кольцу найдено у левого виска (Глиное 66/1, 71/1), ещё в одном – у правого виска (Глиное 8/1). В катакомбе Чобручи 281 одно из колец зафиксировано у левого виска, а второе – у левого плеча.

Лировидные подвески (11 экз.) из серебра (рис. 98/1–7) известны в семи захоронениях (2,1 % погребений; 3,22 % погребений с украшениями).

В катакомбе Котловина–I 6/2 одно изделие было найдено на дне входной ямы, перед входом в дромос. В четырёх захоронениях (Градешка 15/1; Кугурлуй 8/1, 31/1; Мреснота Могила 21/2) подвески найдены у висков погребённых, в одном – изделие лежало справа у таза (Градешка 10/1) (рис. 99). В катакомбе Табаки 3/1 подвеска найдена в перемещённом состоянии (табл. 18).

Кольца (38 экз.) (рис. 96/31–34) обнаружены в 23 захоронениях (6,92 % погребений; 10,59 % погребений с украшениями).

Бронзовые кольца происходят из 15 комплексов (Глиное 19/2, 36/2, 52/1, 56/2, 85/2, 91/2, 92/2, 94/2, 107/3; Глиное 277; Градешка 7а/1, 15/1; Мрснота Могила 4/1, 22/1; Тирасполь 1980 г.), серебряные – из семи (Глиное 59/1, 69/2, 116/1; Глиное/Водовод 7/5; Мрснота Могила 4/1; Парканы 153, 159), золотые – из трёх (Глиное 38/3, 93/1; Мрснота Могила 21/2).

Шесть колец найдены в погребении Мрснота Могила 22/1, четыре – в катакомбе Мрснота Могила 21/2, по три – в двух захоронениях (Градешка 7а/1; Мрснота Могила 4/1), по два – в трёх катакомбах (Глиное 69/2, 85/2; Парканы 153). Остальные 15 захоронений содержали по одному.

24 кольца были зафиксированы *in situ* (табл. 18, рис. 97). Три кольца найдены на пальцах правой руки (Глиное 19/2, 85/2, 92/2), семь колец – на пальцах левой (Глиное 36/2, 69/2 – 2 экз., 85/2, 91/2, 93/1, 94/2). Ещё одно кольцо было обнаружено в захоронении Глиное 107/3, однако установить, на пальце какой руки (правой или левой) оно находилось, не удалось. В двух случаях кольца находились на шее погребённых (Глиное 38/3, 56/2), в составе ожерелий, вместе с бусинами и другими украшениями. Ещё в одном захоронении (Глиное 52/1) кольцо лежало у правого виска погребённой: его использование в качестве серьги исключено, поскольку данное кольцо литое. В катакомбе Глиное/Водовод 7/5 кольцо было положено под спину ребёнка. Три спаренных кольца⁸⁶ лежали справа в изголовье погребённого (Мрснота Могила 21/2), одно – слева в изголовье, у северо-восточного угла гробовища (Глиное 116/1). Одно из колец в катакомбе Градешка 7а/1 находилось на груди погребённого, строенные кольца – на тазе, ещё одно кольцо – в ногах другого погребённого. Одно из спаренных колец лежало у правого локтя

⁸⁶ Каждое из спаренных и строенных колец здесь и далее учитывается как одно изделие.

(Мреснота Могила 21/2). В захоронении Градешка 15/1 строенные кольца находились справа на тазе.

Перстни (35 экз.) (рис. 96/28–30) обнаружены в 20 захоронениях (6,02 % погребений; 9,21 % погребений с украшениями).

В 17 захоронениях обнаружено 27 бронзовых перстней (Глиное 6/2, 22/2, 34/1, 36/1 – 2 экз., 38/3, 50/1, 57/1, 59/1 – 2 экз., 68/1, 69/2 – 6 экз., 94/3, 96/2, 107/3 – 4 экз.; Градешка 15/1; Мреснота Могила 21/2; Плоское 377; Чобручи 405), в трёх – четыре железных (Глиное 13/1, 91/2 – 2 экз., 103/1), в двух – четыре серебряных (Глиное 107/3 – 3 экз.; Мреснота Могила 21/2). В комплексе Глиное 107/3 пальцы рук погребённой украшали семь перстней, в захоронении Глиное 69/2 – шесть перстней; по паре перстней происходит из четырёх погребений (Глиное 36/1, 59/1, 91/2; Мреснота Могила 21/2), в остальных захоронениях обнаружено по одному перстню.

Зафиксировано изначальное размещение 31 перстня (табл. 18): 14 из них были надеты на пальцы правой (Глиное 13/1, 22/2, 68/1, 69/2 – 5 экз., 94/3, 96/2, 103/1; Градешка 15/1; Мреснота Могила 21/2; Плоское 377), ещё десять – на пальцы левой (Глиное 6/2, 36/1 – 2 экз., 38/3, 57/1, 69/2, 91/2 – 2 экз.; Мреснота Могила 21/2; Чобручи 405) руки. Семь перстней из погребения Глиное 107/3 были обнаружены также на пальцах, но установить, сколько из них было надето на пальцы правой, а сколько – на пальцы левой руки, не удалось, поскольку кисти были скрещены на тазе.

Конусовидные подвески (30 экз.) (рис. 98/8–11) обнаружены в девяти захоронениях (2,71 % погребений; 4,14 % погребений с украшениями): Глиное 69/2⁸⁷, 116/1 – 2 экз.; Градешка 7а/1 – 5 экз., 10/1 – 2 экз.; Дервент 6/1 – 1 экз., 13/1 – 4 экз., 13/2 – 13 экз.; Кугурлуй 15/1 – 1 экз.; Мреснота Могила 4/1 – 1 экз.

⁸⁷ В публикации комплекса предмет ошибочно интерпретирован как ворворка (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 422–433, 891, Рис. 238/6, 444/6).

Изделия изготавливались из серебра (Глиное 116/1 – 1 экз.), бронзы (Глиное 69/2; Градешка 7а/1 – 5 экз., 10/1 – 2 экз.; Дервент 6/1 – 1 экз., 13/1 – 4 экз., 13/2 – 13 экз.; Кугурлуй 15/1 – 1 экз.; Мреснота Могила – 1 экз.) и железа (Глиное 116/1 – 1 экз.). На две подвески из погребения Дервент 13/2 были надеты сверху глазчатые бусины. Такая же глазчатая бусина находилась внутри подвески из катакомбы Мреснота Могила 4/1, более всего, в отличие от всех прочих подвесок, похожей на колокольчик.

Установлено изначальное размещение 26 подвесок (табл. 18, рис. 99): у левого плеча (Градешка 7а/1), на груди (Градешка 7а/1), у правого локтя (Дервент 13/2 – 6 экз.), справа (Глиное 116/1; Градешка 10/1 – 2 экз.; Дервент 13/1 – 4 экз.) и слева (Глиное 69/2, 116/1; Дервент 13/2 – 7 экз.) у таза, на тазе (Градешка 7а/1), между коленей (Градешка 7а/1) погребённого.

Поясные украшения (16 экз.) найдены в пяти захоронениях (1,5 % погребений; 2,3 % погребений с украшениями). Они представлены бронзовыми подтреугольными плоскими накладками (Глиное 116/1 – 2 экз.; Градешка 7а/1 – 1 экз.), круглыми бляхами с петлёй (Градешка 15/1 – 8 экз.; Дервент 13/2 – 1 экз.) (рис. 98/15), подквадратными накладками с изображениями мужских лиц (Глиное 116/1 – 2 экз.) (рис. 98/14), а также железными сердцевидными накладками (Широкая Балка–6 2/1995 – 2 экз.) (рис. 98/13).

В области пояса погребённых найдено 15 поясных украшений (Глиное 116/1 – 4 экз.; Градешка 7а/1 – 1 экз., 15/1 – 8 экз.; Широкая Балка 6 2/1995 – 2 экз.). Только одно изделие было найдено в нижней части грудной клетки, справа, в области живота (Дервент 13/2) (табл. 18, рис. 99), при этом нет сомнений, что круглая бляха с петлёй на обороте была поясной.

Завершая анализ украшений из скифских погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., обратим внимание на следующие ключевые моменты.

Одна из гривен выполнена во фракийской манере (Дервент 13/1) и имеет аналогии на скифских и гетских памятниках Северного Причерноморья, другая – уникальное изделие (Глиное 116/1) – является свидетельством контактов скифов Северо–Западного Причерноморья с носителями центральноевропейских культур (Синика, Тельнов, 2018в. С. 229–231, 253–254, Рис. 6/1–4).

Ожерелья, составленные из бусин и иных украшений, чаще всего являлись женским украшением. Значительно реже они встречаются на детских костяках. Однако в четырёх комплексах зафиксированы бусины на шее мужчин. В составе ожерелий количественно абсолютно преобладают одноцветные стеклянные изделия, поскольку среди них присутствует одноцветный бисер. При этом бисер ни разу не был обнаружен на мужских костяках.

Браслеты из бусин встречаются в два раза чаще, чем металлические. Вне зависимости от материала браслетов (из бусин или металлические), они встречаются как в женских, так и в мужских и детских захоронениях. Металлические плечевые браслеты зафиксированы только на мужских костяках.

Т. н. «локтевые браслеты» встречены в женских, мужских и детских захоронениях. В настоящее время решить, нашивались ли перечисленные изделия на рукава одежд в области локтя и предплечья или же на эти рукава нашивались нити с надетыми на них украшениями, сложно.

Бусины от «налобных повязок» зафиксированы на мужских, женских и детских костяках. По всей видимости, эти бусины украшали несохранившиеся налобные повязки или шнурки, которые фиксировали волосы погребённых либо края несохранившихся головных уборов.

Бусины от «шнурков» найдены в женских, мужских и детских захоронениях. Судя по размещению, эти бусины могли украшать какие–то

шнурки, использовавшиеся для фиксации различных деталей одежды на теле погребённого.

Скопления бусин и некоторых других украшений найдены в четырёх захоронениях, причём в двух из них было обнаружено по два скопления. Анализ находок в указанных скоплениях позволяет предполагать, что во всех шести случаях возле тела погребённых были положены небольшие мешочки из несохранившегося органического материала, в которых находились различные украшения (браслеты из бусин, ожерелья из бусин, бронзовые серьги) и некоторые другие предметы. Вероятно, скопления представляли собой «запасные» украшения, положенные в захоронения, но не надетые на тела погребённых.

Золотые нашивные бляшки с большой долей вероятности в двух случаях использовались для украшения женских головных уборов, и ещё в пяти комплексах – для украшения верхнего края ворота плечевой одежды женщин и ребёнка. Только в одном случае – в мужском погребении – бляшки были нашиты на пояс погребённого.

Серьги происходят в основном из женских захоронений. Однако известны четыре случая, когда у висков мужчины были обнаружены серьги, причём в каждом случае по одной серьге – у правого либо левого виска. Лировидные подвески и височные кольца происходят только из женских захоронений. Большинство перстней найдено в женских захоронениях, но известно по одному случаю, когда перстни украшали палец мужчины и ребёнка. Кольца происходят только из женских и детских захоронений.

Конусовидные подвески, судя по их различному размещению, могли нашиваться на одежду в области плеча, на груди, на локтях и крепиться к поясу.

Поясные украшения представлены подтреугольными плоскими накладками, круглыми бляхами с петлёй, подквадратными накладками с

изображениями мужских лиц, сердцевидными пластинами. Накладки с изображениями мужских лиц являются первыми подобными находками и свидетельствуют о латенском влиянии на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. (Синика, Тельнов, 2018в. С. 258, Рис. 6/7,9).

§7. Детали и аксессуары костюма

Обнаружены в 118 захоронениях (35,54 % погребений) и в тризне кургана Глиное 113. Они представлены головными уборами и фрагментами обуви, а также ремнями, фибулами, ворворками и застёжками (табл. 10).

Головные уборы зафиксированы в шести захоронениях (1,8 % погребений; 5,08 % погребений с деталями и аксессуарами костюма) и представлены простейшими начальными украшениями – налобными повязками и цилиндрическими шапками (Глиное 60/2, 68/1, 91/1).

Повязки достоверно зафиксированы в трёх комплексах (Глиное 13/1, 84/2). В захоронениях Глиное 84/2 и 109/1 на черепах женских костяков сохранились отпечатки налобных повязок шириной 3–3,5 см, окрашенных в ярко–красный цвет. Аналогичная повязка красного цвета с использованием золотого шитья была зафиксирована в погребении Глиное 13/1, также на черепе женщины. Шитьё изготовлено из тончайшей проволоки диаметром менее 0,5 мм. Нити как дуговидные, так и завитые в виде спиралей. Длина «спиралей» не превышала 1,3 см. В совокупности нити образовывали некий орнамент, реконструкция которого не представляется возможной. Таким образом, в указанных погребениях присутствовали начальные украшения простейшего типа – налобные повязки, одна из которых была украшена золотным шитьём.

Шапки отмечены в трёх захоронениях. В захоронении Глиное 68/1 на черепе погребённой хорошо сохранился кожаный головной убор в виде шапочки, нижний край которой находился на уровне висков.

В двух комплексах обнаружены головные уборы, которые крепились на голове при помощи деревянных обручей. В погребении Глиное 60/2 поверх войлочной шапки была накинута тонкая материя (покрывало?), которая прижималась плоским деревянным обручем шириной 3 см и толщиной до 0,7 см. Головной убор аналогичной конструкции был отмечен и в захоронении Глиное 91/1. Благодаря отличной сохранности в последнем комплексе удалось зафиксировать размеры овального в плане и округлого в сечении обруча: размеры в плане достигали 16 × 12,5 см, диаметр сечения – до 0,8 см. Обруч был сплетён из лозы винограда.

Фрагменты кожаной обуви найдены в четырёх захоронениях – Глиное 26/1, 30/1, 35/1, 53/1. Степень сохранности органического материала не позволяет ни в одном из указанных случаев составить представление о крае обуви. В погребении Глиное 53/1 фрагменты обуви зафиксированы на ногах женщины, в остальных комплексах (Глиное 26/1, 35/1 и 56/1) – на ногах мужчин.

*Аксессуары костюма*⁸⁸ в погребальных комплексах представлены ремнём, фибулами, ворворками и застёжками. Эти предметы известны в 111 захоронениях (33,43 % погребений).

Поясной кожаный ремень достоверно зафиксирован только в погребении Глиное 112/1. Этот ремень был украшен 13 золотыми нашивными бляшками.

⁸⁸ Под этим термином мы понимаем элементы костюма, не являющиеся собственно одеждой, т. е. не укрывающие тело человека от атмосферных и иных воздействий (Яценко, 2006. С. 370).

Фибулы (129 экз.) встречены в 102 захоронениях (30,72 % погребений; 86,44 % погребений с деталями и аксессуарами костюма) (рис. 100, 101).

Серебряные фибулы (2 экз.) обнаружены в двух погребениях (Глиное 3/1, 115/1), бронзовые (67 экз.) – в 54 захоронениях (Владычень–I 13/2; Глиное 14/1, 16/1 – 2 экз., 19/2, 25/1, 31/1, 33/2, 34/1, 35/1, 38/1, 38/3, 48/1, 52/1, 54/3, 60/1, 61/1, 63/1, 68/1, 69/2, 72/1, 82/1, 95/1, 99/1, 100/1, 105/2, 106/1, 113/1, 116/1; Парканы 109, 153; Глиное 378; Градешка 7а/1 – 2 экз., 10/1 – 3 экз., 8/1, 15/1 – 3 экз.; Дервент 4/1, 5/1, 13/2, 18/1; Котловина–I 6/1, 6/2; Кугурлуй 4/2, 8/1, 10/1, 19/1, 19/2, 26/1, 26/2 – 3 экз., 31/1 – 3 экз.; Мреснота Могила 4/1, 14/3, 21/2 – 3 экз.; Табаки 4/2 – 2 экз.), железные (60 экз.) – в 56 комплексах (Глиное 9/1, 10/1, 13/1, 17/1 – 2 экз., 18/1, 18/2, 19/2, 24/1, 26/1, 27/1, 34/1, 36/1, 41/2, 43/2, 45/1, 48/1, 49/1, 51/1, 52/1, 53/1, 54/2, 58/1, 60/1, 60/2, 62/1, 63/1, 64/1, 66/1, 67/4, 69/2, 72/1, 74/1, 75/2, 76/1, 79/1, 81/1, 83/1, 84/1, 88/1, 92/1, 93/1 – 2 экз., 96/1, 97/1, 98/1, 104/1, 106/1, 111/3 – 2 экз., 116/1 – 2 экз.; Глиное 275, 276, 279; Градешка 14/1; Сукля; Чобручи 281, 282, 288).

По три фибулы обнаружены в шести катакомбах (Глиное 116/1; Градешка 10/1, 15/1; Кугурлуй 26/2, 31/1; Мреснота Могила 21/2), причём в четырёх случаях (Глиное 116/1; Градешка 10/1, 15/1; Кугурлуй 26/2, 31/1) – на одном костяке, и только в одном (Мреснота Могила 21/2) – очевидно, на другом⁸⁹. По две фибулы происходят из 15 захоронений. В восьми погребениях фибулы обнаружены на различных костяках (Глиное 17/1, 19/2, 34/1, 48/1, 52/1, 60/1, 93/1, 111/3; Градешка 7а/1), в пяти – на одном костяке (Глиное 16/1, 63/1, 69/2, 72/1, 106/1); в одной из катакомб, практически полностью ограбленной, количество костяков достоверно не устанавливается (Табаки 4/2). В 81 комплексе найдено по одной фибуле.

⁸⁹ В данном комплексе две фибулы найдены на одном из костяков, а третья – происходит из засыпи погребальной камеры. Последняя, очевидно, принадлежала второму костяку, который был разрушен при подзахоронении.

В своей изначальной позиции были зафиксированы 97 фибул из 79 погребений (табл. 19, рис. 103).

В 43 случаях они находились на левом плече погребённых (Глиное 3/1, 10/1, 13/1, 16/1, 17/1 – 2 экз., 19/2, 25/1, 31/1, 34/1, 36/1, 48/1, 51/1, 52/1, 54/3, 58/1, 60/1, 60/2, 63/1, 66/1, 67/4, 68/1, 79/1, 83/1, 92/1, 93/1, 95/1, 97/1, 100/1, 116/1 – 2 экз.; Глиное 275, 276; Градешка 7а/1, 15/1 – 2 экз.; Котловина–I 6/1; Кугурлуй 4/2, 26/2, 31/1; Мреснота Могила 21/2; Суклея; Чобручи 288). Отмечены и иные позиции фибул: в области шейных позвонков – 1 экз. (Никольское 1/7); на правом плече – 15 экз. (Глиное 35/1, 41/2, 43/2, 45/1, 49/1, 60/1, 69/2, 75/2, 76/1, 84/1, 106/1; Глиное 378; Градешка 15/1; Кугурлуй 26/2, 31/1); справа на груди – 12 экз. (Глиное 9/1, 18/2, 63/1, 64/1, 81/1, 93/1, 116/1; Дервент 5/1; Котловина–I 6/2; Кугурлуй 19/1; Мреснота Могила 21/2; Чобручи 282); на груди, над позвоночным столбом – 1 экз. (Глиное 26/1); слева на груди – 15 экз. (Глиное 16/1, 24/1, 33/2, 54/2, 62/1, 72/1 – 2 экз., 98/1, 104/1, 111/3; Градешка 10/1; Дервент 13/2; Кугурлуй 8/1, 26/2, 31/1); справа на тазе – 3 экз. (Глиное 18/1, 19/2, 38/3); на тазе – 2 экз. (Глиное 52/1, 96/1); слева на тазе – 3 экз. (Глиное 69/2; Глиное 279; Чобручи 281); на левом бедре – 1 экз. (Градешка 7а/1); у правого локтя – 1 экз. (Глиное 106/1).

32 фибулы были обнаружены в потревоженных погребениях, что не позволило установить их первоначальное размещение (Владычень–I 13/2; Глиное 14/1, 27/1, 34/1, 38/1, 48/1, 53/1, 61/1, 74/1, 82/1, 88/1, 99/1, 105/2, 111/3, 113/1, 115/1; Градешка 8/1, 10/1 – 2 экз., 14/1; Дервент 4/1, 18/1; Кугурлуй 10/1, 19/2, 26/1; Мреснота Могила 4/1, 14/3, 21/2; Парканы 109, 153; Табаки 4/2 – 2 экз.).

Наряду с фибулами, и *ворворки* (рис. 102/1–11) могли фиксировать одежды на погребённом. 23 ворворки известны в 18 захоронениях (5,42 % погребений; 15,25 % погребений с деталями и аксессуарами костюма) и в тризне кургана Глиное 113. В четырёх захоронениях найдены по две

ворворки (Глиное 91/1, 91/2; Кугурлуй 24/1; Мрснота Могила 21/2), в остальных 16 комплексах – по одной.

В 15 захоронениях было зафиксировано изначальное размещение 18 ворворок (табл. 19, рис. 103).

В захоронении Глиное 39/1 ворворка находилась слева в изголовье погребённого. Возможно, ворворка использовалась для оформления окончания шнура или ленты, фиксировавших головной убор или стягивавших волосы.

В трёх погребениях (Глиное 33/2, Градешка 7а/1⁹⁰; Мрснота Могила 21/2 – 2 экз.) ворворки обнаружены на шее погребённого, ещё в одном – на груди (Дервент 5/2). В этих случаях, скорее всего, они служили для затягивания ворота верхней одежды.

Иное размещение ворворок: у правого плеча (Глиное 91/1 – 2 экз.); у левого плеча (Глиное 36/2), справа на груди (Глиное 2/2, 81/1); слева на груди (Глиное 49/1; Дервент 13/2); слева у таза (Глиное 42/1, 91/2 – 2 экз., 107/3) – может свидетельствовать об использовании ворворок так же, как и фибул, для фиксации одежд на погребённых.

Зафиксирован единственный случай размещения железной ворворки у наконечников копий – в катакомбе Владычень–I 13/2. В данном комплексе ворворка, очевидно, стягивала чехол, в котором находились наконечники.

Размещение ворворок из погребений Терновка 185⁹¹, Кугурлуй 24/1, Мрснота Могила 14/3 не устанавливается.

⁹⁰ В отчёте о раскопках описана в составе ожерелья как «костяная бусина усечённо-конической формы» (Гудкова, Суничук, 1985. С. 73).

⁹¹ Описана как «костяная бусина в форме усечённого конуса» (Мелюкова, 1962б. С. 150).

Застёжки происходят из трёх погребений – Глиное 81/3, Дервент 13/2 и Роксоланы (Никоний) 2/6 .

В катакомбе Глиное 81/3 найдены две уникальные *серебряные застёжки*. Застёжки идентичны, состоят из трёх элементов: 1) диска с вдавлением по центру и полосой пуансонного орнамента по окружности; 2) округлой стеклянной бусины, накрытой колпачком; 3) двойной петли с частой обмоткой. От диска через канал бусины проходит проволока, которая и образует двойную петлю; таким образом соединяются все элементы застёжки (рис. 102/12,13). Застёжки, вероятно, соединяли края погребального покрывала (савана), поскольку были обнаружены справа и слева от погребённой, на уровне таза (табл. 19, рис. 103). По-видимому, аналогично, для соединения краёв савана, служили две пары бусин, обнаруженные в погребениях Глиное 6/2 и 102/1, напротив правой и левой бедренных костей. Своими петлями застёжки из захоронения Глиное 81/3, по-видимому пришивались к одному из краёв савана, второй край зажимался бусиной и покрывающим её колпачком при сдавливании петли и диска по принципу современной прищепки.

Бронзовая застёжка в виде модели лука (рис. 102/14) обнаружена слева на груди погребённого в катакомбе Дервент 13/2 (табл. 19, рис. 103). Необходимо отметить, что данное изделие в виде вотивной модели лука является второй подобной находкой в Северном Причерноморье (Оанча, 1989. С. 100–102). Аналогия ей известна только в погребении № 49 Ольвийского некрополя, раскопанном в 1913 г. (Козуб, 1973. С. 270–274).

Бронзовая антропоморфная застёжка из захоронения Роксоланы (Никоний) 2/6 (рис. 102/15) является уникальной. Она найдена у левого плеча погребённого (табл. 19, рис. 103).

Завершая анализ деталей и аксессуаров из скифских погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., обратим внимание на следующие моменты.

Детали костюма, хотя они и были зафиксированы в небольшом количестве погребений, в целом сохраняются крайне плохо. Нам ничего не известно о верхней и нижней одежде, равно как и о крое обуви. Некоторое представление можно составить только о головных уборах, которые сохранились относительно хорошо в некоторых катакомбах. Эти головные уборы, судя по имеющимся аналогиям, не отличаются от тех, что известны в скифских захоронениях V–IV вв. до н. э. Северного Причерноморья.

К аксессуарам костюма относится ремень, достоверно зафиксированный единожды. Нет сомнений, что подобные изделия использовались гораздо чаще (как и одежда), однако в большинстве случаев просто не сохранились, поскольку изготавливались из органических материалов.

Наибольшее распространение среди аксессуаров костюма получили фибулы ранне– и среднелатенской конструкции. Они обнаружены почти в каждом третьем захоронении и представлены 129 находками, которые демонстрируют, в основном, латенское влияние на материальную культуру скифского населения Нижнего Поднестровья в III–II вв. до н. э. Столь широкое распространение фибул, практически не характерных для скифского костюма в V–IV вв. до н. э., может объясняться только длительными и постоянными контактами скифского населения с носителями латенских культурных традиций. Фибул фракийского типа (однопружинных, с коническим утолщением на окончании ножки) обнаружено всего 19 экземпляров: Владычень–I 13/2; Градешка 7a/1 – 2 экз., 10/1 – 2 экз., 15/1 – 3 экз.; Дервент 5/1; Котловина–I 6/1; Кугурлуй 4/2, 8/1, 19/1, 26/2 – 2 экз., 31/1; Мреснота Могила 21/2 – 3 экз. Подобное заимствование костюмной традиции/моды могло происходить только при переходе от кочевого образа жизни к полuosедлому, а затем и оседлому. Аналогичным образом, в

частности, происходило инкорпорирование в материальную культуру и погребальный обряд посуды, изготовленной во фракийской керамической традиции, и светильников, сделанных по греческим образцам.

Относительно немногочисленные ворворки ничем не отличаются от тех, что известны в скифских погребениях предшествующего времени. Исключение составляет только одна ворворка из захоронения Глиное 33/2, свидетельствующая о латенском влиянии.

Ворворки являлись аксессуарами и мужского, и женского костюма. В одном случае ворворка, очевидно, использовалась для стягивания чехла наконечников копий.

Пара серебряных застёжек из погребения Глиное 81/3 и бронзовая застёжка из захоронения Роксоланы (Никоний) 2/6 не имеют аналогов в скифских памятниках Северного Причерноморья.

§8. Предметы туалета

Известны только в 29 захоронениях (8,73 % погребений) и в тризне кургана Попова Могила. Они представлены зеркалами и туалетными сосудами (табл. 11).

Бронзовые зеркала (26 экз.) обнаружены в 26 катакомбах (7,83 % погребений; 89,65 % погребений с предметами туалета). В каждом из погребений было обнаружено только по одному зеркалу (рис. 104, 105/1–3).

22 зеркала зафиксированы *in situ* (табл. 20, рис. 106): справа (Глиное 23/1 – ручкой вниз, 53/1, 55/1, 91/1, 116/1 – ручкой вниз; Градешка 7а/1; Кугурлуй 8/1) и слева (Глиное 14/2 – ручкой вниз, 88/1 – ручкой вниз, 103/1 – ручкой вниз, 107/3; Котловина–I 6/1) в изголовье; у левого плеча (Глиное 69/2, 74/2 –

ручка сломана и лежала поверх диска; Мрснота Могила 21/2 – ручкой вниз); у правого (Глиное 31/1 – ручкой вверх; Чобручи 399) и левого (Глиное 44/1 – ручкой вниз; Чобручи 408) бедра; справа у таза (Глиное 57/1; Глиное 276). В захоронении Глиное 61/1 зеркало было также обнаружено в неперемещённом состоянии, на дне погребальной камеры, однако соотнести его положение с погребённым не удалось вследствие полного ограбления камеры и отсутствия в ней костяков. Скорее всего, судя по вытянутости камеры в южном направлении, зеркало в этой катакомбе лежало справа в изголовье погребённой.

Зеркало из катакомбы Глиное 116/1 было положено в погребение в кожаном футляре, обшитом бисером. Отпечатки матерчатого футляра зафиксированы на бронзовом диске и железной ручке зеркала из катакомбы Мрснота Могила 21/2. Футляр из ткани отмечен на диске зеркала из захоронения Градешка 7а/1.

Туалетные сосуды представлены минимум восемью находками⁹² из шести погребений (1,8 % захоронений; 20,68 % захоронений с предметами туалета) и тризны кургана Попова Могила: гончарными сосудами – тремя лекифами, двумя унгентариями, амфориском и лагиносом, а также деревянной шкатулкой.

Гончарные лекифы происходят из двух катакомб: Кугурлуй 19/1 (миниатюрный лекифообразный сосуд без ручки); Мрснота Могила 4/1 (миниатюрный лекифообразный красноглиняный сосуд без ручки и лекиф с ручкой с чернолаковым покрытием в верхней части сосуда).

Оба сосуда из катакомбы Мрснота Могила 4/1 лежали справа в изголовье, лекиф из захоронения Кугурлуй 19/1 – у левого плеча (левого виска) погребённого (табл. 20, рис. 106).

⁹² Из тезисной публикации неясно, сколько лагиносов происходит из тризны в кургане Попова Могила.

Гончарные унзвентарии найдены в погребениях Глиное 32/1 (рис. 105/4) (у левой голени) и Градешка 7а/1 (рис. 105/6) (в ногах) (табл. 20, рис. 106).

Единственный *гончарный амфориск* обнаружен в погребении Глиное 44/2 (рис. 105/5). Сосуд лежал у правого плеча ребёнка (табл. 20, рис. 106).

Фрагменты гончарных *лагиносов* упоминаются при описании тризны, совершённой в кургане Попова Могила.

В северной камере катакомбы Глиное 116/1 у правого плеча ребёнка был зафиксирован плоский деревянный предмет подпрямоугольной формы размерами 10 × 6 см, поверхность которого была покрыта толстым слоем минеральной красной краски (табл. 20, рис. 106). Вероятно, это был миниатюрный *деревянный сосуд типа шкатулки* с охрой.

Завершая анализ предметов туалета из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, необходимо обратить внимание на следующие ключевые моменты.

Зеркала являются наиболее распространёнными предметами туалета, которые связаны исключительно с женскими погребениями. Необходимо констатировать отсутствие строгой регламентации размещения зеркал в скифских погребальных сооружениях Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э.

Преднамеренная поломка или порча зеркал, зафиксированная для десяти из 26 изделий, обнаруженных в погребальных комплексах региона, свидетельствует о существовании этого обряда у скифов Северного Причерноморья в III–II вв. до н. э. При этом для скифских памятников Северо–Западного Причерноморья сарматское происхождение этого обряда не выдерживает никакой критики на том основании, что в указанном регионе просто нет сарматских комплексов, достоверно датирующихся этим временем.

Типологическое разнообразие зеркал, во-первых, свидетельствует о преемственности материальной культуры скифов Северо-Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. и скифской культуры более раннего, классического (V–IV вв. до н. э.) времени (зеркала из погребений Глиное 14/2, 23/1); во-вторых – о дальнейшем развитии традиций изготовления сложносоставных зеркал (Глиное 31/1, 44/1 – железные ручки веретенообразной формы; Глиное 74/2 – костяная ручка с циркульным орнаментом в виде пластины, т.е. с прямоугольным сечением); в третьих – о новациях в их изготовлении (Тельнов, Синика, 2014а. С. 246).

Новации наиболее ярко прослеживаются в появлении литых дисков небольших размеров (Глиное 55/1 – диаметр диска 11,7 см; Глиное 69/2 – диаметр диска 11,6 см; Градешка 7а/1 – диаметр диска 9 см; Чобручи 399 – диаметр диска 8,5 см; Кугурлуй 8/1 – диаметр диска 8,5 см; Глиное 91/1 – диаметр диска 7,5 см; Глиное 276 – диаметр диска не известен), край которых с тыльной стороны оформлен в виде округлого в сечении валика. Этот декоративный элемент не является ни бортиком (пусть даже и невысоким), ни утолщением от проковки.

Относительно туалетных сосудов можно заметить, что, как и в случае с посудой, в погребения нередко попадали предметы со следами длительного использования в быту. Как в женские погребения Глиное 32/1 (унгвентарий), Кугурлуй 19/1 (лекиф), Мреснота Могила 4/1 (лекиф), так и в детское погребение Глиное 44/2 (амфориск), были положены сосуды, которые в момент совершения захоронений представляли значительно меньшую ценность, чем в момент их изготовления.

§9. Предметы культа и следы культовых действий

Обнаружены в 147 захоронениях (44,27 % погребений), во рвах курганов Глиное 106 и Кугурлуй 20, а также в тризнах курганов Глиное 47 и 113. Они представлены курильницами и гальками, каменными плитами, камнями и фрагментами сосудов, амулетами и раковинами, монетами, оленьим рогом, панцирями черепах, а также свинцовым слитком, охрой, реальгаром и серой (табл. 12).

Лепные курильницы (рис. 107–114) известны в 90 захоронениях (27,1 % погребений; 61,22 % погребений с предметами культа), а также в тризне кургана Глиное 47 и во рвах курганов Глиное 106 и Кугурлуй 20.

В пяти асинхронных захоронениях (Глиное 9/1, 19/2, 33/1, 49/1, 88/1) находилось по две курильницы, в остальных 84 комплексах – по одной. В погребениях Глиное 97/1 (на дне впускной входной ямы) и Мрснота Могила 22/1 (в заполнении погребальной камеры) было обнаружено по одной гальке из заполнения несохранившихся курильниц. В катакомбе Мрснота Могила 21/2 были найдены три обожжённые гальки: в данном асинхронном комплексе курильница либо была вынесена из камеры при подзахоронении, либо её не было изначально. В последнем случае надо полагать, что содержимое лепного сосуда было высыпано на дно погребальной камеры, либо в качестве курильницы использовался деревянный сосуд, тлен от которого не сохранился или не был зафиксирован.

Большинство курильниц, обнаруженных в погребениях, содержало гальки⁹³. В результате изучения каменного материала из их заполнения

⁹³ Различные геологические породы, определение которых содержится в опубликованных работах (Романов, Кравченко, Кишлярук 2002; Петрунь, 2008; Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 113).

исследователи пришли к заключению: «Применялся каменный материал, очевидно, для сожжения органического содержимого курильниц, для чего образцы горных пород, вероятно, разогревались на огне, затем помещались в сосуд, уже содержащий органические составляющие. Об этом свидетельствуют многочисленные следы копоти и сажи в виде точек, пятен и плёнок на поверхности образцов, а также трещиноватость, не свойственная окатанным речным галькам» (Романов и др., 2002. С. 307).

В некоторых случаях, наряду с каменным материалом, в заполнении курильниц были обнаружены и иные материалы: комки обожжённой глины – Глиное 2/1, 9/1, 13/1 (вместе с одной галькой), 20/1, 33/1 (в обеих курильницах), 61/1 (вместе с одной галькой), 95/1, 104/1, 108/1, 109/1); фрагменты лепной керамики – Глиное 9/1 (вместе с кремнём и комком обожжённой глины), 65/1 (вместе с одной галькой), 75/1 (вместе с двумя гальками), 94/1 (вместе с одной галькой).

Было установлено, что органическими компонентами заполнения сосудов являются остатки семян конопли, пшеницы–двухзернянки и 17 видов сорных растений. Исследователи пришли к выводам, что наиболее широкое использование в погребальном обряде получила конопля, по–видимому, дикорастущая, при этом не исключается её культивирование, но при низком уровне агротехнических мероприятий (Кишлярук, Кузьминова, 2000).

Из 95 курильниц, обнаруженных в погребениях, 80 сосудов зафиксировано *in situ* (табл. 21, рис. 115). В захоронениях Глиное 40/1 и 77/1 курильницы обнаружены на дне входных ям. Во впускной входной яме катакомбы Глиное 88/1 курильница найдена на небольшой глубине от устья ямы вместе с костями жертвенной пищи и железным ножом. В погребении Глиное 7/1 сосуд лежал у входа в дромос, а в захоронении Глиное 8/1 – в дромосе. По–видимому, эти находки свидетельствуют о ритуальном воскуривании после совершения захоронения в погребальной камере.

В остальных катакомбах курильницы обнаружены в камерах, где они, по всей видимости, предназначались как для ритуального «очищения» погребального сооружения, так и для посмертного воскуривания погребённым.

Отмечены различные позиции курильниц: справа в изголовье (Глиное 4/1, 9/1, 12/1, 18/2, 23/1, 24/1, 32/1, 47/1, 63/1, 66/1, 81/3, 86/1, 92/1, 96/1, 99/1, 108/1, 112/1; Глиное 275; Парканы 174; Чобручи 399, 400); за головой (Глиное 2/2, 6/3, 13/1, 26/1, 49/1, 52/1, 53/1, 55/1, 60/1, 74/1, 84/1, 94/1, 95/1; Чобручи 288, 403); слева в изголовье (Глиное 28/1, 41/1, 104/1, 107/3); у правого плеча (Глиное 9/1, 36/1, 51/1, 65/1, 79/1, 99/1; Никольское 1/7⁹⁴); у левого плеча (Глиное 42/1); слева на груди (Глиное 80/1); у правого локтя (Глиное 46/3, 66/2); у левого локтя (Глиное 38/3, 62/1, 89/3); справа у таза (Глиное 45/1, 106/1; Мрснота Могила 21/2); слева у таза (Глиное 11/1, 14/2, 19/2 – 2 экз., 69/2; Сукля⁹⁵); у правого бедра (Глиное 35/1); у левого бедра (Глиное 100/1); у левого колена (Глиное 38/1, 75/1); у правой голени (Глиное 33/1 – 2 экз.); справа в ногах (Глиное 37/1, 49/1, 54/3, 109/1); слева в ногах (Чобручи 407); в ногах (Глиное 31/1).

Курильница из захоронения Глиное 81/3 была накрыта каменной плитой. Сосуд из погребения Глиное 37/1 выпал из ниши, устроенной в южной стенке камеры.

В 15 случаях выяснить изначальное размещение курильниц не удалось вследствие ограбления (Глиное 14/1, 20/1, 61/1, 101/2; Градешка 16/1; Кугурлуй 15/1, 18/1; Мрснота Могила 22/1; Чобручи 2/3), перемещения

⁹⁴ Курильница описана как «глиняный лепной сосуд с шаровидным туловом, плоским дном, коротким цилиндрическим горлом с воронковидным венчиком» (Агульников, Сава, 2004. С. 12, Рис. 4/6).

⁹⁵ Курильница описана следующим образом: «Сосуд ... в виде урны на ножке. ... В урне сохранился пепел и следы древесного угля» (Шкадышек, 1910. С. 93).

сосудов при подзахоронении (Глиное 78/3, 88/1, 97/1, 113/1) либо ввиду отсутствия информации (Парканы 173; Тирасполь, 2005 г.).

Каменные плиты (48 экз.) обнаружены в 45 захоронениях (13,55 % погребений; 30,61 % погребений с предметами культа).

По две плиты происходят из трёх погребений (Глиное 69/2 – асинхронное; Кугурлуй 15/1 – парное; Мреснота Могила 21/2 – асинхронное), в остальных 42 комплексах обнаружено по одной.

В погребениях зафиксировано изначальное положение 40 каменных плит (табл. 21, рис. 115): в заполнении входной ямы – Глиное 74/2 (сброшена); за головой – Глиное 13/1, 60/1, Котловина–I 6/1; Кугурлуй 8/1; Мреснота Могила 21/2 – две плиты; Чобручи 405; под головой – Глиное 81/1; справа в изголовье – Глиное 32/1 (прислонена к стене камеры), 55/1, 79/1, 81/3 (накрывала курильницу), 86/1, 88/1, 89/3, 95/1, 100/1, Терновка 186; слева в изголовье – Глиное 51/1, Дервент 13/1, Мреснота Могила 22/1⁹⁶; у правого плеча – Глиное 11/1, 78/3; у левого плеча – Глиное 38/3; у правого локтя – Глиное 19/1, 23/1, 99/1; на левом локте – Глиное 69/2; справа у таза – Глиное 106/1; у правого колена – Глиное 31/1; у левого колена – Глиное 19/2; справа в ногах – Глиное 35/1 (прислонена к стенке камеры), 54/3, Чобручи 409; в ногах (Глиное 38/1, 107/3; Парканы 114); слева в ногах (Глиное 104/1; Чобручи 407).

В трёх погребениях каменные плиты были выброшены грабителями во входные ямы (Глиное 61/1, 82/1; Градешка 20/1). В захоронении Глиное 69/2 одна из плит была перемещена в дромос при подзахоронении. Установить размещение плиты в трёх катакомбах (Дервент 15/1; Кугурлуй 15/1, 18/1)

⁹⁶ Катакомба II типа ограблена практически полностью. С учётом ориентировки погребённого головой в восточном направлении, в сторону входной ямы, можно предполагать, что каменная плита находилась именно слева в изголовье погребённого.

достоверно не представляется возможным, поскольку костяки были разрушены и перемещены при ограблении.

На плитах или возле них, как правило, находились различные предметы:

1) миска + кости от жертвенной пищи + нож (Глиное 11/1, 38/3, 79/1, 86/1, 88/1, 95/1, 100/1; Дервент 13/1);

2) кости от жертвенной пищи + нож (Глиное 23/1, 55/1, 106/1; Котловина–I 6/1; Мреснота Могила 21/2);

3) миска + кости от жертвенной пищи (Мреснота Могила 21/2);

4) миска (Глиное 38/1, 78/3; Чобручи 405);

5) чашка (Глиное 13/1, 19/1, 38/1, 60/1 (2 экз.), 78/3, 86/1, 99/1, 100/1; Терновка 186; Чобручи 405);

6) грузило (Чобручи 405), пряслица (Кугурлуй 8/1);

7) курильница (Глиное 13/1, 38/3, 54/3, 81/3, 95/1, 99/1, 106/1; Чобручи 407);

8) светильник (Глиное 11/1, 23/1, 51/1, 60/1; Терновка 186);

9) канфар (Кугурлуй 8/1);

10) нож (Глиное 51/1);

11) топор (Глиное 31/1);

12) уздечные обоймы (Глиное 54/3);

13) зеркало (Глиное 31/1; Кугурлуй 8/1);

14) деревянный «растиральник» (Глиное 104/1);

15) камни (Котловина–I 6/1);

16) фрагменты керамики (Кугурлуй 8/1).

Все эти находки позволяют интерпретировать каменные плиты в качестве ритуальных столов (столиков, подставок), на которые или у которых ставили различные предметы для использования в посмертном путешествии.

В погребении Глиное 81/1 небольшая каменная плита была положена под голову погребённой и играла роль своеобразной «подушки».

На трёх плитах из захоронений Глиное 13/1, 31/1, 69/2 достоверно зафиксированы следы красной охры.

Амулеты (23 экз.) обнаружены в 13 захоронениях (3,91 % погребений; 8,84 % погребений с предметами культа) и в тризне кургана Глиное 113 (табл. 21).

Пять амулетов обнаружены в асинхронном погребении Градешка 7а/1, по три – в асинхронных погребениях Глиное 69/2 и Мрснота Могила 21/2, по два – в одиночных захоронениях Глиное 31/1 и 91/2, в остальных восьми комплексах – по одному (Глиное 36/1, 75/1, 81/3, 95/1, 116/1; Кугурлуй 31/1; Мрснота Могила 22/1; Роксоланы (Никоний) 2/6).

Бронзовые амулеты–подвески известны в четырёх погребениях. *Амулет в виде короба или колыбельки с ручкой* происходит из ожерелья ребёнка в погребении Глиное 75/1. *Амулет в форме стилизованной конской головы* размерами 3,9 × 3,7 см обнаружен в составе ожерелья погребённой в захоронении Глиное 81/3. *Амулет в виде подвески–ведёрка* найден справа в ногах одного из погребённых в катакомбе Градешка 7а/1, в составе отдельно лежавшего браслета. *Амулет в виде подвески–сосудика* найден на груди одного из погребённых в катакомбе Роксоланы (Никоний) 2/6.

Из комплекса Градешка 7а/1 происходит *амулет из мела* усечённо–пирамидальной формы с отверстием для подвешивания, лежавший у левого плеча погребённого.

Амулеты из когтей орла (4 экз.) с отверстиями для подвешивания обнаружены в захоронениях Глиное 31/1 (2 экз.), 69/2 и 91/2. В первых двух комплексах они находились на шее погребённых, в составе ожерелий, в третьем – слева у таза.

Кабаньи клыки (10 экз.) найдены в пяти катакомбах: Глиное 36/1 (на шее, в составе ожерелья, 69/2 (три клыка слева у таза), 91/2 (слева у таза), 116/1 (в составе скопления из бусин, у левого плеча); Мреснота Могила 21/2 (три клыка у правого плеча, в составе скопления изделий, которое представляло собой ожерелье), 22/1 (клык найден в перемещённом состоянии). Кроме того, ещё один кабаньих клык найден в тризне кургана 113 могильника у с. Глиное.

Амулеты из клыков собаки обнаружены в двух захоронениях. Три таких амулета с отверстиями для подвешивания обнаружены в катакомбе Градешка 7а/1. Амулеты лежали справа в ногах погребённого и, очевидно, входили в состав браслета. Один амулет из клыка собаки найден на груди погребённого в катакомбе Кугурлуй 31/1.

Амулет из семи костей (шести метаподий и одной фаланги) *лапы волка или собаки* найден в захоронении Глиное 69/2, справа у таза погребённого.

Так же, справа у таза, был расположен *коготь волка* в комплексе Глиное 95/1.

Роль амулетов могли играть и *раковины моллюсков* (12 экз.), которые обнаружены в семи захоронениях (2,1 % погребений; 4,82 % погребений с предметами культа) (табл. 21, рис. 115).

Только в одном комплексе (Глиное 41/2) найдена створка речного моллюска – перловицы (*Unio pictorum*). Она имела отверстие для подвешивания и, по-видимому, выполняла роль серьги, т. к. была обнаружена у левого виска погребённого.

В катакомбе Градешка 7a/1 были обнаружены три раковины морских моллюсков рода *Cypraea* с продольными спилами: две лежали справа у таза, ещё одна – в ногах, в составе браслета. Ещё две раковины рода *Cypraea* с продольными спилами происходят из ограбленного захоронения Нечаянное 2/8, где они были найдены в перемещённом состоянии.

В четырёх катакомбах встречены раковины морских моллюсков рода *Murex* (Глиное 69/2, 81/3, 91/2; Нечаянное 2/8 – 2 экз.). Две раковины (Глиное 69/2, 81/3) имеют просверленные отверстия для подвешивания, от раковины из погребения Глиное 91/2 сохранился только фрагмент сифонального канала. В захоронениях Глиное 69/2 и 91/2 раковины найдены слева у таза, а в погребении Глиное 81/3 – на шее, в составе ожерелья. Две раковины в катакомбе Нечаянное 2/8 найдены в перемещённом состоянии, однако обе имеют отверстия для подвешивания.

В катакомбе Мреснота Могила 21/2 найдено *серебряное изделие в виде раковины* (Островерхов, Редина, 2013, Рис. 102/2)⁹⁷, лежавшее возле нижней челюсти погребённого. Эта находка условно отнесена к раковинам.

Монеты обнаружены в пяти комплексах (1,5 % погребений; 3,4 % погребений с предметами культа) (табл. 21).

Бронзовая, возможно, истрийская монета с отверстием для подвешивания найдена в перемещённом состоянии в погребении Глиное 33/1 (Топал, Чореф, Синика, 2017. С. 135; Синика, Чореф, 2018. С. 343).

Серебряная истрийская драхма из катакомбы Дервент 10/1 также обнаружена в перемещённом состоянии. На аверсе находится изображение Диоскуров (Кабиров), при этом лик правого из них отражён вертикально. На реверсе – орёл, терзающий дельфина, влево. Над орлом – надпись ІСТРІН,

⁹⁷ В данной работе, в подписи к рисунку № 102, ошибочно указано происхождение предмета.

под дельфином – монограмма «А» (Островерхов, Редина, 2013, Рис. 102/4; Топал, Чореф, Синика, 2017. С. 135).

Какая-то «медная» монета Филиппа II Македонского обнаружена при исследовании кургана Попова Могила (Рябова, Супрунов, 1998. С. 69).

Серебряная монета из погребения Глиное 102/3 лежала на лицевой части черепа. Монета скифатная, является варварским подражанием македонской монете Филиппа II. На аверсе помещено изображение головы Зевса в лавровом венке вправо, на реверсе – изображение всадника на коне с ветвью под крупом коня и знаком в виде косоугольного креста позади всадника (Кривенко, Синика, Тельнов, 2011. С. 44, Рис. 1/2; Синика, 2012. С. 267–268).

Бронзовая монета–подвеска, обнаруженная в составе ожерелья, лежавшего у правого плеча погребённого (отдельно, не надетого на шею), из катакомбы Мреснота Могила 21/2, судя по имеющимся сведениям (Редина, 1989б. С. 62), была так же, как и находка из захоронения Глиное 102/3, подражанием македонской монете Филиппа II (Синика, Чореф, 2018. С. 343).

Панцири черепах (Emys orbicularis) обнаружены в камерах ограбленных погребений Глиное 61/1 и 101/2. Условия обнаружения находки в погребении Глиное 61/1 (на дне, у западной стенки камеры, в не потревоженном грабителями заполнении) исключают случайное попадание животного в погребальный комплекс (табл. 21).

Олений рог обнаружен в заполнении камеры ограбленного погребения Глиное 14/1. Рог включает в себя центральный ствол и две изогнутые ветви с обломанными окончаниями.

Камни различных форм и размеров найдены в 42 захоронениях (12,65 % погребений; 28,57 % погребений с предметами культа).

Всего обнаружен 61 камень: по пять в двух комплексах (Глиное 85/1, 88/1), по три – в четырёх захоронениях (Глиное 6/3, 13/3, 33/2, 72/1), по два – в

четырёх погребениях (Глиное 58/1, 89/1, 89/2; Котловина–I 6/1), в остальных 32 комплексах найдено по одному камню.

Чаще всего встречается кремь (48 находок): Беляевка 2/26; Глиное 6/3, 13/3, 15/2, 33/2 (2 экз.), 47/1, 57/1, 58/1 – 2 экз., 62/1, 64/1, 66/1, 67/3, 72/1 – 2 экз., 77/1, 79/1, 83/1, 85/1 – 4 экз., 85/2, 87/1, 88/1 – 5 экз., 89/1, 89/2 – 2 экз., 92/1, 96/1, 97/1, 98/1, 99/1, 100/1, 103/1, 103/2, 105/2, 107/3, 108/1, 111/2, 112/1, 113/1, 115/1. Значительно реже (8 находок) в погребениях фиксируются иные горные породы: песчаник – Глиное 6/3 (2 экз.), 13/3 (2 экз.), 36/2, 67/2, 72/1, 89/1; камень карбонатной породы – Глиное 81/1, каменный уголь – Глиное 33/2. Находки из кургана Глиное 276 и катакомбы Котловина–I 6/1 описываются без уточнений. Условно в число «камней» включён комок обожжённой глины из погребения Глиное 85/1 (слева у таза).

Установлено изначальное размещение всех камней в комплексах (табл. 21, рис. 116). Чаще всего (31 камень) они находились во входных ямах: Беляевка 2/26; Глиное 6/3, 13/3, 62/1, 64/1, 77/1, 85/1 – 4 экз., 88/1 – 4 экз., 89/1, 89/2, 96/1, 97/1, 98/1, 99/1, 100/1, 105/2, 107/3, 112/1, 113/1, 115/1, иногда возле костяка собаки (Глиное 79/1, 83/1, 92/1), в одном случае на ступени (Глиное 33/2), ещё в одном – в нише, над входом в дромос (Глиное 57/1).

В погребальных камерах зафиксированы следующие позиции камней относительно погребённых: справа в изголовье (Глиное 15/2); за головой (Глиное 6/3 – 2 экз.; Котловина–I 6/1 – 2 экз.); слева в изголовье (Глиное 87/1, 103/1, 108/1); под головой (Глиное 13/3); у правого виска (Глиное 36/2, 47/1, 85/2, 88/1, 89/2); у левого виска (Глиное 89/1); у правого плеча, в чашке (Глиное 13/3); на левом плече (Глиное 67/3); на груди (Глиное 111/2); у левого локтя (Глиное 72/1 – 2 экз.); у правого запястья (Глиное 67/2, 72/1, 103/2); у левого запястья (Глиное 66/1, 81/1; Глиное 276); на тазе (Глиное 85/1); у правого колена (Глиное 33/2 – 2 экз.); у левой ступни (Глиное 58/1); в ногах (Глиное 58/1).

Фрагменты сосудов обнаружены в 26 захоронениях (7,83 % погребений; 17,68 % погребений с предметами культа).

В погребениях обнаружено 39 небольших фрагментов сосудов. В одном комплексе найдено четыре фрагмента (Глиное 65/1), в двух – по три (Глиное 99/1; Кугурлуй 8/1), в шести погребениях – по два (Глиное 19/1, 28/1, 60/2, 64/1, 97/1, 108/1), в остальных 17 захоронениях – по одному. Фрагменты сосудов имеют подпрямоугольную, трапециевидную, подквадратную и другие (неправильные) формы. Абсолютное их большинство принадлежит лепным сосудам, только в пяти комплексах найдены фрагменты амфорных стенок (Глиное 62/1, 65/1, 97/1; Дервент 5/1; Кугурлуй 8/1 – 3 экз.).

38 фрагментов сосудов зафиксированы *in situ* (табл. 21, рис. 116). В трёх катакомбах они находились во входной яме (Глиное 62/1 – возле костяка собаки, 97/1, 99/1). В захоронении Глиное 99/1 фрагмент лепной керамики обнаружен в дромосе.

В погребальных камерах размещение фрагментов сосудов достаточно разнообразно: справа в изголовье (Глиное 39/2, 91/2); за головой (Кугурлуй 8/1 – 3 экз.); под головой (Глиное 64/1, 65/1); слева в изголовье (Глиное 65/1, 84/1); у левого плеча (Глиное 56/2, 58/1); слева на груди (Глиное 19/1 – 2 экз., 28/1, 64/1, 65/1); справа, ниже рёбер (Глиное 28/1, 98/1); под позвоночным столбом (Глиное 86/1); у правого локтя (Глиное 71/1); справа у таза (Глиное 15/1 – под кистью, 107/3); на левой кисти (Глиное 13/3); слева у таза (Глиное 60/2, 95/1); на тазе (Глиное 28/1, 97/1, 108/1 – 2 экз.); между ног, у таза (Глиное 60/2, 65/1, 81/1); у левой ступни (Глиное 69/2); в ногах (Дервент 5/1).

Свинцовый слиток найден только в одном захоронении. Он лежал справа у таза погребённого в катакомбе Градешка 10/1 (табл. 21).

Охра обнаружена в 13 захоронениях (3,91 % погребений) (табл. 21).

В одном случае пятна охры были зафиксированы в основной входной яме катакомбы Глиное 53/1, на уступах перед входом в погребальную камеру. В трёх захоронениях следы охры зафиксированы на каменных плитах (Глиное 13/1, 31/1, 69/2), в одном – на лепной курильнице (Кугурлуй 18/1). В катакомбе Глиное 32/1 пятно охры было отмечено у кисти левой руки, в погребении Глиное 71/1 – под тазом погребённого. Также охра лежала в деревянном сосуде типа шкатулки, найденном у левого плеча погребённого в северной камере катакомбы Глиное 116/1.

В пяти случаях зафиксированы следы красной охры на лицевых костях черепа (Белгород–Днестровский 1/12; Глиное 89/3, 111/2; Градешка 15/1; Котловина–I 6/1), что свидетельствует об окраске лиц погребённых. В катакомбе Котловина–I 6/1 на лбу погребённого отмечено пятно диаметром 2,5 см, а на переносице – вертикальная полоска длиной 0,9 см и шириной 0,3–0,4 см.

Реальгар обнаружен в восьми захоронениях (2,4 % погребений). Кусочки этого вещества найдены в различных позициях (табл. 21): справа в изголовье (Глиное 55/1 – возле зеркала; Глиное 86/1 – в чашке); у правого плеча (Глиное 46/3 – в чашке; 78/3 – на каменной плите); справа у таза, под зеркалом (Глиное 57/1); у левого локтя, на зеркале (Глиное 74/2); у левого виска (Глиное 79/1); слева на груди и в области левой стопы (Глиное 31/1).

Сера обнаружена в двух погребениях: справа в изголовье (Глиное 32/1) и за головой (Глиное 66/1) погребённых (табл. 21).

Завершая анализ предметов культа и следов культовых действий из скифских погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., необходимо обратить внимание на следующие ключевые моменты.

Курильницы, ритуальные сосуды с раздутым туловом, с различным орнаментом и без него, в IV–I вв. до н. э. получили повсеместное

распространение во всех регионах Причерноморья – в Добрудже, Подунавье, Поднестровье, Побужье, Крыму, Поднепровье, Приазовье, Подонцовье, Среднем и Нижнем Подонье, на Азиатском Боспоре. Таким образом, курильницы представляют собой общее явление для Северного Причерноморья, а не локальную особенность материальной культуры скифов Поднестровья, Крыма или любого другого региона.

Прототипами лепных каннелированных курильниц из памятников Северного Причерноморья явились, вероятно, меотские сосуды – курильницы, орнаментированные рельефными каннелюрами по тулову, с ручками–упорами и гальками внутри. Курильницы с орнаментом, включающим солярные символы, по всей видимости, представляют крымскую традицию в изготовлении подобных сосудов. Вероятно, орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда, а также «ёлочный» орнамент, имеют скифское происхождение.

Более сложен вопрос о происхождении курильниц без орнамента: часть из них – с выделенной ножкой – может свидетельствовать о греческом влиянии на изготовление сосудов; другая часть – с плоским дном – об использовании формы скифского лепного горшка.

Исходным регионом проникновения в Северное Причерноморье орнамента в виде каннелюр является Прикубанье, где он встречается в комплексах начиная со второй четверти IV в. до н. э.

Проникновение идеи курильниц с каннелюрами из Прикубанья на запад происходило через Подонье в Поднепровье, Крым и Побужье, а далее в Поднестровье, Подунавье и Добруджу. Во всех этих регионах курильницы, хотя и появляются раньше, получают широкое распространение в III–II вв. до н. э., а в Крыму доживают до I в. до н. э. Восточное направление в распространении курильниц маркируется находками на Кавказе и в более

восточных регионах. Дата их сосудов также определяется не ранее III в. до н. э.

Очевидно, что в случае с распространением курильниц в Северном Причерноморье речь идёт о фактах взаимопроникновения культур и межэтнических контактов. Яркой иллюстрацией последних выступает курильница с поселения Козырка 2 в Побужье (Доманский, Марченко, 1980. С. 31, Рис. 10/2), которая является эталонной формой подобных культовых сосудов у меотов Прикубанья. Единственный подобный сосуд, безусловно, являющийся подражанием меотским образцам, обнаружен в скифском погребении Градешка 16/1 на левобережье Нижнего Дуная (Островерхов, Редина, 2013. С. 404, Рис. 103/7).

Другие виды орнамента или его отсутствие в настоящее время можно считать местной традицией.

Находки курильниц на поселениях могут свидетельствовать об использовании этих сосудов во время определённых культовых действий. Только в Поднестровье наибольшее количество курильниц обнаружено в погребениях (могильник Глиное и другие скифские погребальные памятники), поскольку большая их часть осталась непо потревоженной до момента исследования. Вероятно, они предназначались и для окуривания погребального сооружения во время захоронения, и для посмертного воскуривания погребённым.

Судя по материалам, полученным при исследовании погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, помещение курильницы в погребение не связано с социальным статусом умершего, равно как и с его полом. Курильницы практически не встречаются в

захоронениях детей (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 902–918)⁹⁸.

Каменные плиты встречаются и в женских (чаще), и в мужских (реже) погребениях. Находки различных предметов (посуды, светильников и др.) и костей жертвенной пищи на плитах или возле них указывают, что плиты играли роль своеобразных столов или подставок. Однако другие варианты размещения плит в погребальных комплексах свидетельствуют, что они могли использоваться и в ином качестве в некоторых захоронениях.

Различные амулеты и монеты встречаются в погребениях достаточно редко. Известны две находки панцирей черепах, и одна – оленьего рога.

Камни и фрагменты керамики получили достаточно широкое распространение в погребальных комплексах III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья. По всей видимости, эти находки каким–то образом маркировали границу между мирами живых и мёртвых (Разумов, 2002; 2005; Razumov, 2011, P. 119–140) и, возможно, предназначались для возвращения из мира мёртвых (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 925).

Находки кусочков минералов и их следов (охры, реальгара, серы), безусловно, связаны с определённой культовой практикой.

§10. Жертвенная пища

Жертвенная пища достаточно часто фиксируется в захоронениях. Она обнаружена в 173 захоронениях (52,1 % погребений).

⁹⁸ Детскими погребениями с курильницами являются только два захоронения – Глиное 81/3 и Никольское 1/7.

Ввиду отсутствия археозоологических определений, в настоящее время невозможно судить о том, мясу каких животных отдавалось предпочтение при помещении жертвенной пищи в захоронения.

Три порции пищи отмечены только в погребении Глиное 64/1: две из них были положены сразу в западную и восточную камеры двухкамерной катакомбы, а третья – при подзахоронении в западную камеру. В 17 погребениях выявлено по две порции жертвенной пищи, причём только в одном случае они предназначались для одного погребённого (Глиное 31/1). В остальных 16 захоронениях присутствие двух порций жертвенной пищи связано с различными индивидуумами либо в двухкамерных катакомбах, сооружённых одновременно (Глиное 22/2, 57/1, 65/1, 83/1, 106/1), либо в асинхронных комплексах (Глиное 52/1, 69/2, 71/1, 88/1, 93/2, 94/1, 96/1, 105/2; Мреснота Могила 21/2; Николаевка 12), либо в парном захоронении (Котловина–I 6/1). В 155 захоронениях зафиксировано по одной порции жертвенной пищи.

В 173 случаях зафиксировано изначальное размещение жертвенной пищи (табл. 22, рис. 117). В четырёх случаях она была оставлена во входной яме (Глиное 64/1, 73/2, 88/1, 93/2), в трёх – находилась в дромосе (Глиное 7/1, 8/1; Чобручи 412).

Во всех остальных случаях пища обнаружена в погребальной камере: справа в изголовье (Глиное 3/1, 4/1, 6/3, 12/1, 13/1, 15/2, 17/1, 18/2, 19/1, 21/1, 22/3, 24/1 (в нише), 25/1, 26/1, 30/1, 31/1, 33/1, 34/1, 35/1, 35/2, 42/1, 48/1, 49/1, 51/1, 52/1, 54/2, 54/3, 56/1, 56/2, 57/1 (две порции в разных камерах), 65/1, 66/1, 68/1, 69/1, 69/2, 70/1, 72/1, 73/1, 74/2, 75/1, 78/3, 81/3, 83/1, 85/1, 87/1, 88/1, 89/1, 89/2, 89/3, 91/1, 91/2, 94/2, 95/1, 96/1, 96/2, 98/1, 100/1, 101/1, 102/3, 103/1, 104/1, 105/2, 106/1, 109/1, 111/2, 113/1, 115/1, 116/1, 116/2; Глиное 279;

Дервент 13/2; Мрснота Могила 4/2⁹⁹, 21/2; Чобручи 288, 290); за головой (Глиное 2/2, 13/3, 52/1, 55/1, 60/1, 85/2, 93/2; Котловина–I 6/1 – две порции; Чобручи 282); слева в изголовье (Владычень–I 14/2; Глиное 28/1, 32/1, 37/1, 38/3, 41/2, 71/1, 83/1, 94/3, 107/3; Дервент 13/1; Мрснота Могила 21/2; Сукля; Чобручи 402); у правого плеча (Владычень–I 13/2; Глиное 11/1, 15/1, 18/1, 22/2, 27/1, 31/1, 41/1, 43/2, 45/1, 63/1, 64/1, 65/1, 71/1, 75/2, 76/1, 79/1, 80/1, 84/1, 84/2, 86/1, 92/1, 93/1, 94/1, 97/1, 105/2, 112/1, 114/1; Градешка 10/1; Кугурлуй 26/2, 31/1); у левого плеча (Глиное/Водовод 7/5; Кугурлуй 8/1); у правого локтя (Глиное 23/1, 62/1, 106/1; Глиное 275); у левого локтя (Глиное 60/2); справа у / от таза (Владычень–I 13/1; Глиное 10/1, 22/2, 46/3, 46/4, 81/1, 105/1, 107/2, 111/3; Глиное 276; Градешка 10/1, 15/1; Котловина–I 6/2; Кугурлуй 19/1); слева у таза (Глиное 12/2); у левого бедра (Глиное 14/2, 92/2); у левого колена (Глиное 19/2, 39/1); у левой голени (Николаевка 12); справа в ногах (Глиное 33/2, 64/1); в ногах (Глиное 38/1, 69/2, 96/1; Николаевка 12, 56; Чобручи 345).

В 19 случаях соотнести размещение костей животных с позицией погребённых не удалось по причине потревоженности в результате ограбления или подзахоронения (Владычень–I 14/3, 14/4; Глиное 14/1, 59/1, 94/1, 99/1; Градешка 27/1; Дервент 9/2, 15/1, 17/1; Каролино–Бугаз 2/5; Кугурлуй 20/2, 25/2; Мрснота Могила 21/1; Нечаянное 2/8; Николаевка 24, 48, 59; Плоское 221)¹⁰⁰.

Как правило, жертвенную пищу клали в миску (лепную или деревянную) с ножом. Отмечено 36 случаев, когда миски в комплексе не находилось, при

⁹⁹ Катакомба II типа полностью ограблена. Кость животного найдена в нише, устроенной в южной стенке погребальной камеры. С учётом ориентировки погребённого головой в западном направлении, в сторону входной ямы, можно предполагать, что жертвенная пища находилась в нише именно справа в изголовье погребённого.

¹⁰⁰ В захоронениях Дервент 17/1 и Каролино–Бугаз 2/5 кости лошади, отмеченные во входных ямах, могли быть не только жертвенной пищей, выброшенной грабителями из погребальных камер катакомб, но и остатками захоронений лошадей во входных ямах.

этом в захоронении фиксируются кости жертвенной пищи и нож (Владычень–I 13/2; Глиное 12/1, 14/1, 24/1, 32/1, 33/1, 35/1, 37/1, 41/1, 51/1, 54/2, 54/3, 55/1, 64/1, 66/1, 70/1, 71/1 – две порции, 72/1, 73/1, 75/1, 83/1, 84/1, 88/1, 96/1; Глиное 276; Градешка 10/1, 15/1; Дервент 13/2; Котловина–I 6/1, 6/2; Кугурлуй 19/1; Мреснота Могила 21/2; Николаевка 12, 48; Чобручи 412). Всего в шести погребениях обнаружены кости жертвенной пищи в миске, но без ножа: Владычень–I 14/2; Глиное 2/3, 13/3, 52/1; Мреснота Могила 21/2; Николаевка 12. Отсутствие миски и ножа при наличии костей жертвенной пищи отмечено 22 раза (Глиное 12/2, 26/1, 64/1, 69/2, 73/2, 85/2, 91/2, 92/2, 93/2, 94/2, 94/3, 97/1, 101/1, 105/1, 107/2, 111/2; Глиное/Водовод 7/5; Котловина–I 6/1; Кугурлуй 4/2, 8/1; Николаевка 56; Чобручи 345). В единственном погребении с двумя порциями жертвенной пищи, предназначенной для одного погребённого (Глиное 31/1), первая не сопровождалась ни миской, ни ножом, а со второй был положен только нож.

ГЛАВА IV.

Памятники скифской оседлости и «клады»

IV. 1. Поселения

В III–II вв. до н. э. памятниками скифской оседлости, как и в предшествующее время, являлись десятки различных поселений, известные, в основном, по разведкам, на левобережье Нижнего Дуная, в низовьях Днестра (в том числе и в округе греческих городов Тиры и Никония), а также в Днестро–Бугском междуречье и на правобережье Южного Буга (в округе Ольвии).

Население этих памятников было настолько смешанным в этническом плане (греки, скифы, фракийцы), что, по справедливому замечанию исследователей, выявление чисто греческих или чисто варварских (скифских, фракийских) поселений кажется бессмысленным, как и попытки определить степень варваризации или эллинизации каждого конкретного памятника (Бруяко, Секерская, 2016. С. 26).

В настоящей работе будут рассмотрены 14 поселенческих памятников (Затока–I, Индия, Красное, Надлиманское городище, Незавертайловка–VII, Николаевка, Паланка, Парканы–II, Пивденное, Сария, Слободзея–VI, Терновка «Кривое Озеро», Токмазея–II, Чобручи) Северо–Западного Причерноморья.

Эти поселения функционировали на протяжении III–II вв. до н. э., либо финальный этап их существования охватывает какую–то часть (первую четверть или половину) III в. до н. э. При их исследовании были выявлены элементы собственно скифской археологической культуры, а также вещевой

материал инокультурного происхождения, который хорошо известен по находкам в синхронных скифских погребальных комплексах.

§1. Топография и остатки сооружений

На правобережье Днестра и Днестровского лимана выявлены и исследованы четыре поселения: с севера на юг – это Паланка, Пивденное, Сария, Затока–I.

Поселение Паланка находится в северо–восточной части села, на высокой террасе, которая удалена на 4,7 км к северо–западу от северной оконечности Днестровского лимана. Площадь и размеры памятника в настоящее время не установлены, поскольку он практически полностью находится под современной застройкой (Ткачук, Топал, Зверев, 2016. С. 370, Рис. 1).

Поселение Пивденное площадью около 3 га расположено на мысу третьей террасы Днестровского лимана, между сс. Пивденное и Садовое (Сальников, 1966. С. 177, Рис. 1).

Поселение Сария размерами 300 х 100 м находится в 1 км к северо–западу от с. Пивденное, также на мысу третьей террасы Днестровского лимана (Фокеев, 2001. С. 1, Рис. 1).

Поселение Затока–I шириной 200 м вытянуто на 650 м вдоль плавней Будаковского лимана в месте его слияния в древности с Днестровским лиманом (Малюкевич, 1991. С. 117).

На левобережье Нижнего Днестра и Днестровского лимана разведаны и исследованы десять памятников. С севера на юг это поселения Индия, Токмазея–II, Парканы–II, Терновка «Кривое Озеро», Слободзея–VI, Чобручи,

Красное, Незавертайловка–VII (левобережье Нижнего Днестра), Надлиманское городище и поселение Николаевка.

Поселение Индия расположено у одноимённого села Григориопольского р–на в Приднестровье. Находится в пойме р. Днестр, в 200 м к востоку от берега реки, т.е. на затапливаемой в древности площади. Памятник стационарно не исследовался. Возможно, представляло собой стойбище, которое большей частью в настоящее время находится под жилыми домами (Синика, Тельнов, 2018б. С. 32).

Многослойное (ранний бронзовый век – позднее средневековье) поселение Токмазея–II расположено в 12,5 км к югу от предыдущего, у одноимённого села Григориопольского р–на Приднестровья. Находится в пойме р. Днестр, примыкая к берегу, т.е. на затапливаемой в древности площади. Возможно, в скифское время представляло собой стойбище. Памятник стационарно не исследовался (Синика, 2017а. С. 111; Синика, 2017б. С. 146).

Многослойное (ранний бронзовый век – позднее средневековье) поселение Парканы–II расположено в 11,5 км к юго–востоку от предыдущего, между сс. Парканы Слободзейского и Бычок Григориопольского р–на Приднестровья. Оно расположено на второй надпойменной террасе р. Днестр и пересекается Комаровской балкой. Памятник стационарно не исследовался (Синика, 2017в. С. 123).

Многослойное (поздний бронзовый век – древнерусское время) поселение Терновка «Кривое Озеро» расположено в 8,75 км к юго–юго–востоку от предыдущего, в 2 км к юго–западу от с. Терновка Слободзейского р–на Приднестровья, на останце низкой надпойменной террасы р. Днестр, к юго–западу от старицы Кривое Озеро. Памятник исследовался в 1989 г. как поселение позднего бронзового века (Сава, Клочко, 2002: С. 170–178; Лысенко и др., 2016. С. 322).

Многослойное (скифское время – раннее средневековье) поселение Слободзея–VI находится в 17,5 км к юго–востоку от предыдущего, также на второй надпойменной террасе Днестра. Оно расположено в 1,1 км к юго–западу от юго–западной оконечности г. Слободзея в Приднестровье. Памятник стационарно не исследовался (Синика, Иващенко, 2017. С. 223).

В 0,5 км к юго–востоку от поселения Слободзея–VI на протяжении 13 полевых сезонов исследовалось многослойное (поздний бронзовый век – римское время) поселение Чобручи. Памятник расположен между г. Слободзея и одноимённым селом Слободзейского р–на Приднестровья на первой надпойменной террасе Днестра, в 400 м от береговой линии (Фидельский, 2012. С. 19).

Поселение Красное находится на правом берегу р. Красная, впадающей в одноимённое озеро на левом берегу р. Турунчук, являющейся рукавом Днестра. Памятник расположен у с. Глиное Слободзейского р–на Приднестровья. Поселение вытянуто с северо–запада на юго–восток более чем на 3,2 км. Ширина зоны жизнедеятельности составляет не менее 150 м от покатого обрыва береговой линии (Синика и др., 2012. С. 188). Поселение стационарно не исследовалось, находится в 9 км к востоку–юго–востоку от поселения Чобручи.

Поселение Незавертайловка–VII расположено у западной оконечности одноимённого села Слободзейского р–на Приднестровья (Четвериков, Иващенко, Синика, 2018. С. 200), на первой надпойменной террасе р. Турунчук, рукава р. Днестр. Памятник удалён от р. Турунчук на 1 км, и на 6,5 км (к юго–востоку) – от поселения Красное. Стационарно не исследовался.

Надлиманское городище исследовалось на протяжении восьми полевых сезонов на мысу высокого восточного берега Карагольского залива Днестровского лимана, у одноимённого села Овидиопольского р–на Одесской области УССР. Площадь памятника (размерами 125 х 75 м)

составляет более 0,9 га (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 21–22, Рис. 9).

В 6 км к югу от Надлиманского городища в течении трёх полевых сезонов проводились раскопки поселения Николаевка, расположенного в 1 км к северу от одноимённого села Овидиопольского р-на Одесской области на берегу Карагольского залива Днестровского лимана. Площадь памятника составляет 0,4 га. Оно вытянуто по линии север – юг на 400 м, а по линии запад – восток – на 100 м (Мелюкова, 1975. С. 8, Рис. 1).

Анализ топографического размещения указанных поселений показывает, что все они расположены в непосредственной близости от воды – р. Днестр и её рукава р. Турунчук, а также на побережьях Днестровского лимана. Необходимо заметить, что подобное расположение характерно для подавляющего большинства поселенческих памятников всех исторических эпох.

Из 14 памятников только четыре (Индия, Терновка «Кривое Озеро», Токмазея–II, Чобручи) расположены в пойме Днестра, на первой террасе, т.е. на затапливаемой территории, что может указывать на сезонный характер их функционирования (стойбища?).

Поселение Красное, которое находится на берегу небольшой речки, могло функционировать постоянно, о чём свидетельствует его площадь (минимум 45 га) – наибольшая из всех известных.

Все прочие памятники (Затока–I, Надлиманское городище, Незавертайловка–VII, Николаевка, Паланка, Парканы–II, Пивденное, Сария, Слободзея–VI), вне зависимости от того, когда они впервые стали функционировать (в раннем бронзовом или в раннем железном веке), в скифское время функционировали постоянно.

Строительные остатки представлены оборонительными, жилыми и хозяйственными сооружениями, а также зольником. Все они открыты на семи поселениях, которые исследовались стационарно или шурфовались.

Оборонительные сооружения зафиксированы на городище Надлиманское. Они представлены двумя рвами глубиной 2,8 м и 5,7 м (от современной дневной поверхности) и глинобитными стенами (толщиной 2,5 м) на каменном цоколе. Эта оборонительная система длиной около 60 м отделяла поселение от остальной части мыса, на котором оно располагалось. Время строительства оборонительных сооружений достоверно не установлено, однако высказано предположение, что это было во второй половине IV в. до н. э. Кроме того, авторы публикации не исключили, что работы по возведению сооружений были проведены под руководством греческих мастеров из Никония (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 25–33, Рис. 9–13).

Поселение Сария, судя по наличию рва (Фокеев, 2002. С. 6, 7, Рис. 6; 2003. С. 1–4, Рис. 3, 4/1), также являлось городищем.

Жилые и хозяйственные сооружения раскопаны на всех семи поселениях, которые исследовались стационарно.

На городище Надлиманское выделены следующие виды хозяйственных и жилых строений: 1) жилища с сырцовыми или каркасно–глиняными стенами на каменных основаниях; 2) жилища с глинобитными стенами без фундаментов; 3) лёгкие каркасные строения; 4) землянки; 5) сооружения в виде шалашей. Кроме того, на памятнике исследованы более 100 хозяйственных ям (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 33–65, Рис. 9–13). Из описания строительных остатков невозможно понять, сколько именно сооружений каждого вида было возведено в V–III вв. до н. э. Наиболее важно в связи с темой данной работы, что на памятнике были зафиксированы семь

«юрт» – сооружений в виде конических шалашей (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 49–53).

На исследованной площади городища Сария были зафиксированы две полуземлянки и десять хозяйственных ям (Фокеев, 2001. С. 1–7, Рис. 1–6; 2002. С. 6–8, Рис. 6–8; 2003. С. 1–5, Рис. 2–12).

На поселении Николаевка исследованы одна землянка, три наземных жилища на каменных основаниях, одна «юрта», 25 ям, а также зольник. При этом было акцентировано особое внимание, что зольник не является культовым объектом, а «представлял собой место выброса золы из очагов и всякого бытового мусора, т. е. был мусорной свалкой» (Мелюкова, 1975. С. 8–22, Рис. 1–6). Кроме того, возле одного из наземных жилищ был найден греческий гончарный кувшин, содержащий остатки детского трупосожжения (Мелюкова, 1975. С. 22, 36–37, Рис. 13/2).

На поселении Пивденное при раскопках изучены остатки 13 (или 15) построек, сгруппированных в пять комплексов (А, Б, В, Г, Д). Из них 11 (или 13) достоверно являлись глинобитными жилищами на каменных основаниях. Одним из жилищ была «юрта», исследованная в комплексе Б и получившая название «помещение 5» (Сальников, 1966. С. 179–192, Рис. 2, 3).

Из 174 объектов на поселении Чобручи 12 оказались постройками (причём только три из них по наличию очагов можно считать жилищами) с глинобитными стенками на плетнёвом каркасе, 160 – хозяйственными ямами, и два – захоронениями.

На поселении Затока–I в ходе раскопок были зафиксированы остатки фундаментов каменной башни и каменный фундамент жилого дома (Брюяко, Малюкевич, 2009. С. 180).

При шурфовке поселения Паланка были зафиксированы контуры двух сооружений и одной хозяйственной ямы, а также собран археологический материал (Ткачук, Топал, Зверев, 2016. С. 376).

На других шести поселениях (Индия, Парканы–II, Токмазея–II, Слободзея–VI, Красное, Незавертайловка–VII) археологические раскопки не проводились. Поселение Терновка «Кривое Озеро» исследовалось как поселение позднего бронзового века, и сооружений, связанных со скифским присутствием на нём, не было выявлено. Присутствие на них скифов фиксируется только на основании подъёмного материала, собранного в ходе археологических разведок.

§2. Элементы скифской культуры на памятниках

Из построек к элементам скифской культуры на указанных памятниках относятся сооружения в виде юрт. Семь таких жилищ исследованы на городище Надлиманское, одна юрта на поселении Пивденное, и еще одна – на Николаевском поселении.

Подобные жилища реконструируются исследователями как конические шалаши с укрепленной, углубленной в землю основой (Гаврилюк, 1999. С. 237; Синика, Тельнов, 2014. С. 19, Рис. 1). Диаметры нижней части шалашей на городище Надлиманское варьируются в пределах 2,5–4,3 м. Во всех семи случаях в центре сооружений были зафиксированы ямы от центрального опорного столба. В одном из комплексов центральная столбовая яма была заполнена мелкими камнями, в другом – золой. В одной из юрт, помимо центральной столбовой ямы, были зафиксированы ещё две, назначение которых не выяснено. В трёх конических шалашах отмечена обкладка нижней части сооружений каменными плитками, в двух – очаги,

огороженные камнями, в одном – остатки глинобитных стен, и ещё в одном – вход в «юрту», в виде тамбура с западной стороны (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 35, 49–53, Рис. 12, 16, 19) (рис. 121–123). Немаловажно, что совокупность различных материалов (из заполнения как «юрт», так и расположенных рядом ям) позволила датировать конические шалаши Надлиманского городища концом IV – первой половиной III в. до н. э. (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 53).

От юртообразного сооружения на городище Пивденное сохранилось только круглое основание диаметром 3,5–5 м, выложенное из двух–трёх рядов камней (Сальников, 1966. С. 186). Оснований для датировки сооружения нет.

На Николаевском поселении от конического шалаша, предположительно, сохранилась только кольцевая канава диаметром 4,8 м и шириной 0,3 м (Мелюкова, 1975. С. 18, Рис. 5). Оснований для датировки сооружения нет.

Все перечисленные сооружения различными исследователями уверенно связываются со скифами Северо–Западного Причерноморья, а также с процессом их оседания на землю (Охотников, 1990. С. 57–58; Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 52–53; Синика, Тельнов, 2014. С. 19). Аналогичные конструкции исследованы в Нижнем Поднепровье (Гаврилюк, 1989. С. 27, Рис. 2/3; 2013б. С. 403), а также в Западном Крыму (Уженцев, 2006. С. 95; Внуков, 2018).

Все прочие элементы скифской культуры, задокументированные на поселенческих памятниках Северо–Западного Причерноморья, функционировавших в III–II вв. до н. э., связаны с вещевыми находками. Это посуда скифского облика, светильники, курильницы, предметы вооружения и воинского снаряжения, аксессуары костюма и др.

Наиболее многочисленна посуда скифского облика. На городище Надлиманское лепные горшки с пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, а

также с насечками по венчику составляют 80% от общего количества лепной посуды, обнаруженной на памятнике (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 92–98, Рис. 45–50) (рис. 124). Аналогичная картина (преобладание «горшков скифского типа»: 80% от общего числа лепной посуды) наблюдается и на поселении Николаевка (Мелюкова, 1978. С. 45–50, Рис. 18, 19) (рис. 125, 126). Оба памятника расположены на левобережье Днестровского лимана.

На поселении Пивденное на правобережье Днестровского лимана лепной посуды скифского облика значительно меньше, чем на левобережье. Отмечено, что её основные формы (горшки) близки «типам керамики из Роксолановского городища»¹⁰¹ (Сальников, 1966. С. 202, Рис. 19) (рис. 127).

Присутствует лепная посуда скифского облика (горшки, чашки) и на поселениях Чобручи (Фидельский, 2012. С. 17, Рис. 1/2–6,8) (рис. 128/1–6), Слободзея–VI и Незавертайловка–VII на левобережье Нижнего Днестра, однако её доля в керамическом комплексе до настоящего времени не установлена.

Скифские формы лепной посуды известны на поселении Паланка (Ткачук, Топал, Зверев, 2016. Рис. 6/2) (рис. 128/7) на правобережье Нижнего Днестра. «Формы лепных горшков и их орнаментация ... указывают на принадлежность поселения [*Сария – В. С.*] скифам, не избежавшим некоторого влияния со стороны фракийского населения» (Фокеев, 2001. С. 6, Рис. 3). Найдена скифская лепная посуда и на поселении Затока–I (Брюяко, Малюкевич, 2009. С. 196), расположенном, как и Сария, на правом берегу Днестровского лимана.

Из прочих предметов, изготовленных из глины, обращают на себя внимание лепные светильники. Такие предметы быта найдены на поселениях

¹⁰¹ Так в 1960–е гг. называли греческий город Никоний, когда его местонахождение ещё не было достоверно локализовано.

Надлиманское (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 115–117, Рис. 65, 66) (рис. 129), Пивденное (Сальников, 1966. С. 202, Рис. 25/7) (рис. 128/8) и Николаевка (Мелюкова, 1975. С. 56, Рис. 21/5,7) (рис. 128/9,10). Однако самое большое число подобных изделий происходит из скифских погребений Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. (Синика, Тельнов, 2015б. С. 194–202, Рис. 5–9; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 815–818, Рис. 424).

Очень выразительным элементом скифской материальной культуры на поселенческих памятниках Северо–Западного Причерноморья являются курильницы – культовые сосуды с раздутым толстостенным туловом.

Пять подобных сосудов найдены при исследовании Надлиманского городища: три из них имеют вертикальные рельефные каннелюры; одна с редкими вертикальными каннелюрами, соединёнными косыми каннелюрами; ещё одна – не орнаментирована и имеет ушки со сквозными отверстиями. (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 112–115, Рис. 64, 67/4, Табл. 41/1–4; Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 74, Рис. 2/10–13) (рис. 130/3–6).

На поселении Чобручи обнаружены три курильницы: целый сосуд с орнаментом в виде наколов на поверхности венчика и волнистых прочерченных каннелюров на тулове, с двумя ушками для подвешивания (Фидельский, 2012. С. 19, Рис. 1/7; Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 74, Рис. 2/8) (рис. 130/1); фрагмент тулова курильницы с прочерченным орнаментом; фрагмент придонной части курильницы, с прочерченными каннелюрами по тулову, образующими V–образный орнамент (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 74, Рис. 2/9) (рис. 130/2).

Фрагмент стенки курильницы с рельефными каннелюрами был обнаружен на поселении Красное на левобережье Днестра (Синика и др., 2012. С. 191, 198; Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 74).

При том, что курительницы известны во всём Северном Причерноморье, их абсолютное большинство происходит из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э., исследованных между рр. Прут и Южный Буг (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 66–75, Рис. 1–10; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 902–903).

Кроме того, на поселениях левобережья Нижнего Днестра, которые стационарно не исследовались, были собраны различные находки, которые имеют либо скифское происхождение, либо ранее встречались в регионе только в скифских погребальных комплексах III–II вв. до н. э.

Так, на поселении Индия был найден литой бронзовый крючок, очевидно, деталь конской упряжи, крепившаяся кольцевым основанием к окончанию псаля (Schlott, 1999, Abb. 13/b,c). «Навершие» крючка представляет собой голову копытного животного. По стилю изображения головы копытного находке из Индии близок поясной крючок, найденный в 2009 г. в Слободзейском р-не (Кривенко, Синика, Тельнов, 2011. С. 42, 44, Рис. 1/6; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 978, Рис. 456/1).

На памятнике Токмазея–II были обнаружены фибула латенской конструкции (Синика, 2017а), монеты (Синика, Чореф, 2018. С. 337–339, Рис. 1/3,4,6) и плоские подвески подтрапециевидной формы, аналогии которым в Северо–Западном Причерноморье известны на скифском могильнике у с. Глиное Слободзейского р-на в Приднестровье (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 84–85, 603, 920, Рис. 28/5, 341/11; Синика, Тельнов, 2018в. С. 258), а также на других синхронных скифских памятниках региона.

Из поселения Парканы–II происходят бронзовый крестовидный крючок (Синика, Тельнов, 2016а. С. 307–308. Рис. 1/5) и монета (Синика, Чореф, 2018. С. 338, Рис. 1/5), аналогичные найденным на поселении Токмазея–II, в захоронениях могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 777, Рис. 408/4,5) и в других погребальных памятниках (Мелюкова, 1962б, С.

127, 148, Рис. 1/1, Табл. 5/15; Папанова, Ляшко, 2015. С. 207–216, 218, Рис. 5/7).

Кроме того, представляется крайне важным, что возле большинства перечисленных выше поселений, на которых археологически фиксируется скифское присутствие, известны скифские курганы и захоронения III–II вв. до н. э.

Возле поселения Парканы–II на левобережье Нижнего Днестра более 100 лет назад были раскопаны 17 скифских курганов (Парканы 109, 114, 120, 121, 122, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 173, 174; Плоское 218, 221, 377) III–II вв. до н. э. (Синика, 2017. С. 125). При этом на самом памятнике были выявлены четыре синопских клейма с именами астиномов *Ἰφίς τοῦ Ἐστιαίου* (Синика, 2017. С. 123, Рис. 1/1), *Ἡρακλείδης τοῦ Μικρίου* и *Μικρίας ὁ Πυθοκρίτου*, время деятельности которых относится к последней трети III в. до н. э. (Кац, 2007. С. 436. Прил. VII)¹⁰².

В окрестностях с. Чобручи, возле которого расположены поселения Чобручи и Слободзея–VI, в разное время были исследованы 20 скифских курганов (Чобручи 281, 282, 283, 288, 289, 290, 345, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412; Чобручи 2/3), сооруженных в III–II вв. до н. э. При этом амфорные клейма различных центров с поселения Чобручи покрывают интервал конца IV – начала I в. до н. э. (Фидельский, Иващенко, Синика, 2017; 2018), а единственное клеймо из поселения Слободзея–VI датируется первой четвертью III в. до н. э. (Синика, Иващенко, 2017. С. 225, Рис. 1/1).

На поселении Красное были собраны 151 амфорное клеймо III – начала II в. до н. э. (Синика и др., 2012. С. 197–208; Четвериков, Иващенко, Синика,

¹⁰² От одного из клейм сохранилась только рамка (Синика, 2017. С. 123).

2018)¹⁰³ и прочий керамический материал, которые в совокупности позволяют констатировать функционирование памятника на протяжении V–II вв. до н. э. В непосредственной близости от него был исследован скифский могильник у с. Глиное, содержащий в 114 курганах 183 погребения III–II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Саника, 2016; Саника, Тельнов, 2018в), и два погребения в группе Глиное/«Водовод» (Саника, Тельнов, Лысенко, 2018в. С. 238).

Памятник Незавертайловка–VII, на котором было найдено синопское клеймо с именем астинома *Πόσις ὁ Ἀστίου* (Четвериков, Иващенко, Саника, 2018. С. 200), исполнявшего свои обязанности в первом десятилетии II в. до н. э. (Кац, 2007. С. 436, Прил. VII), расположен у западной оконечности одноимённого села, не более чем в 1,5 км к юго–востоку от с. Коротное. У последнего более 100 лет назад был исследован скифский курган Коротное 294, возведённый в III–II вв. до н. э.

На поселении Николаевка обнаружены клеймённые греческие амфоры, время производства которых относится только к III в. до н. э.: гераклейские – с именами фабрикантов *Φίλσκος* (Мелюкова, 1975. Рис. 10/10) и *Πυ(-)* (Мелюкова, 1975. Рис. 10/11); синопское – с именем астинома *Φόρβας 2* (Мелюкова, 1975. Рис. 11/2). В настоящее время такие сосуды датируются первой четвертью III в. до н. э. (Кац, 2007. С. 430. 435, прил. V, VII). При этом очевидно, что поселение функционировало и в более позднее время. Об этом свидетельствует погребение, совершённое на поселении возле одного из наземных жилищ по обряду кремации. Её остатки были собраны в греческий расписной кувшин, время изготовления которого относится к III в. до н. э. (Мелюкова, 1975. С. 36–37, Рис. 13/2). В это же время были совершены шесть захоронений (12, 24, 48, 54, 56, 59) грунтового могильника у с. Николаевка, а

¹⁰³ Одно из клейм – синопское с именем астинома *Ἰκέσιος ὁ Ἐτεονίκου* – не опубликовано в настоящее время, поскольку было найдено в 2019 г.

также курганное погребение Николаевка/«На горбах» 1/1, даты каждого из которых были рассмотрены выше.

Расположенное на правом берегу Нижнего Днестра поселение Паланка как будто не связано ни с одним известным в настоящее время скифским погребальным комплексом. Однако в 16–20 км к северо–западу от памятника (в районе с. Оланешты или с. Пуркары) находится скифский могильник III–II вв. до н. э., точное расположение которого специалистами–археологами до настоящего времени не установлено (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 983).

Скифский курган 20 у с. Семёновка (последняя треть/четверть III в. до н. э.) удалён на 3,5 км к северо–западу от поселения Сария и на 5 км – от поселения Пивденное. Среди материалов из поселения Сария есть два гераклеийских двухстрочных амфорных клейма: одно – с именем фабриканта *Ἐττιμος* (Фокеев, 2003. Рис. 7/6), второе – с именем фабриканта *Φίλοκος* (Фокеев, 2002. Рис. 7/7). Как отмечалось выше, подобные сосуды изготавливались в первой четверти III в. до н. э. (Кац, 2007. С. 430, 435, прил. V, VII).

Скифское захоронение в кургане Попова Могила на основании находок родосских амфор не могло быть совершено ранее III в. до н. э. Эта насыпь была расположена ближе всего к современному с. Прибрежное, возле которого находится памятник Затока–I. Среди обнаруженных на поселении материалов известны амфорные клейма (синопские, фасосские, родосские, группы Пармениска) III – первой четверти II в. до н. э. (Бруяко, Малюкевич, 2009. С. 184, 186–187, 189, 191, 193, Рис. 2/3,5,9,11,17–22 3/6,8,10,15).

Приведённые данные убедительно свидетельствуют, что в III–II вв. до н. э. памятниками скифской оседлости являлись различные варварские или греко–варварские поселения, функционировавшие в это время. На этих памятниках скифы могли находиться более (сооружения в виде конических шалашей,

большое количество лепной скифской посуды) или менее (небольшое количество лепной посуды скифского облика) длительное время, или же просто посещать их (отдельные находки предметов вооружения и воинского снаряжения). И хотя продолжительность пребывания скифов (сезонное, кратковременное) на поселениях археологически зафиксировать практически невозможно, необходимо констатировать, по меньшей мере, периодические контакты подвижных скотоводов с оседлыми обитателями посёлков. С другой стороны, скифские погребальные комплексы, расположенные в непосредственной близости от поселений, указывают, что в III–II вв. до н. э. какая-то часть скифского населения постоянно проживала на этих памятниках.

Относительно греческих городов Тира и Никоний, расположенных соответственно на правом и левом берегу Днестровского лимана следует заметить, что скифское присутствие (хотя бы кратковременное) на них в III–II вв. до н. э. археологически зафиксировано.

Тира не прекращала своего существования на протяжении всей эпохи эллинизма, о чем свидетельствуют многочисленные клеймёные амфоры различных причерноморских и средиземноморских центров (Матеевич, Самойлова, 2017). В комплексе лепной керамики этого города выделена скифская составляющая (16,25 %) – в основном, горшки, и единственная миска. С учётом однообразия этого набора, Н. А. Гаврилюк считает безосновательным констатировать «постоянное присутствие скифов–кочевников в городе», указывая, что в горшках в город «доставлялись какие-то скотоводческие продукты – сыр, масло, творог» (Гаврилюк, 2010. С. 41). Присутствие скифов в непосредственной близости от Тиры в III–II вв. до н. э. подтверждается, в частности, скифским погребальным комплексом, исследованным у г. Белгород–Днестровский в 1974 г. (Субботин, 1975а. С. 3; 1975б. С. 356).

Относительно времени прекращения функционирования Нико́ния существуют различные точки зрения. Ряд исследователей считает, что верхней датой его существования является середина III в. до н. э. (Секерская, 1989. С. 7, 115; Бруяко, 2009. С. 336; Бруяко, Загинайло, Колесниченко, 2016. С. 277). Недавно были приведены аргументы в пользу повышения указанной даты до третьей четверти III в. до н. э. (Топал, Чорев, Синика, 2017. С. 133). Помимо скифской лепной посуды (Секерская, 1989. С. 68, 70) и скифской гривны с окончанием в виде львиноголового грифона (Кокоржицкая, 1985. С. 50, Рис. на стр. 50) из слоёв Нико́ния, на некрополе этого города исследовано скифское погребение III в. до н. э. в T-образной катакомбе (Бруяко, Загинайло, Колесниченко, 2016. С. 282–287, 305).

Греческий посёлок Кошары, расположенный на западном берегу Тилигульского лимана в Днестро–Бугском междуречье, функционировал, как минимум, до середины III в. до н. э. (Редина, 2013. С. 584), хотя есть данные о находке бронзового налобника конской узды с секировидной лопастью «в контексте второй половины III в. до н. э.» (Симоненко, 2009. С. 188). Налобник аналогичен найденным в захоронениях III–II вв. до н. э. могильника у с. Глиное и в кургане 20 у с. Семёновка в Нижнем Поднестровье. Среди лепной посуды на поселении отмечено преобладание скифской. На некрополе отмечен скифский элемент обряда в виде помещения жертвенной пищи с ножом в изголовье погребённых (Редина, 2013. С. 589, 591). Здесь же исследован скифский курган (объект 55В), окружённый рвом (Хохоровски, 2018. С. 195, Рис. 3), время сооружения которого относится к последней четверти IV – первой половине III в. до н. э.

Наконец, город Ольвия на правобережье Южного Буга также функционировал в III–II вв. до н. э., как и другие греческие памятники Северо–Западного Причерноморья. В самом городе и в некрополе эллинистического времени были найдены скифские курильницы (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 74, Рис. 10/1–3,6,8). Из гробницы № 23

Ольвийского некрополя происходит бронзовый налобник с секировидной лопастью (Императорская Археологическая..., 2009. С 496, рис. на стр. 497). Скифское погребение, изученное в 1995 г. на южной границе некрополя Ольвии (Папанова, Ляшко, 2015. С. 216, 218, Рис. 5/1–8), и тризна последней четверти III в. до н. э., обнаруженная в 2015 г. в поле кургана у с. Кривая Балка (Бондаренко, Иващенко, Синика, 2019, Кат. № 4), также свидетельствуют о скифском присутствии в Ольвии и её округе.

IV.2. «Клады»

Среди прочих археологических памятников особое место занимают скифские «клады». Важно отметить, что в предшествующее время, во второй половине VII – IV в. до н. э. практика депонирования вещей в подобных комплексах в Северо–Западном Причерноморье достоверно ни разу не зафиксирована. На данный момент известно всего десять скифских комплексов, которые можно рассматривать как клады – находки у с. Трушешть на правом берегу Прута, у с. Старые Бедражы на левобережье Прута, у с. Гэвани на правом берегу Нижнего Дуная, у сс. Твардица и Весёлая Долина, возле пгт. Тараклия в Дунай–Днестровском междуречье, у сс. Броаска/Бубуечь, Беленькое, Бравичены и Великопловское в Нижнем Поднестровье.

Кроме того, в Северо–Западном Причерноморье были обнаружены ещё четыре археологических комплекса, которые действительно являются кладами в традиционном значении. Они найдены на территории, где широко известны скифские погребальные памятники III–II вв. до н. э. Именно поэтому клады кратко охарактеризованы и датированы ниже.

В 1956 г. у с. Ларгуца Леовского р-на¹⁰⁴ МССР на левобережье Нижнего Прута были обнаружены две золотые гривны, височные кольца, браслеты и медальон, «залегавшие на возвышенности у края обрыва» (Нудельман, Рикман, 1957. С. 252; Нудельман, 1969а. С. 129–130, Рис. 1), а в 1963 г. на том же месте был найден золотой кубок, внутри которого находилась 21 золотая монета: 16 статеров Филиппа II Аминты (359–336 гг. до н. э.), четыре – Александра III Македонского (336–323 гг. до н. э.), и один – Филиппа III Арридея (323–317 гг. до н. э.) (Нудельман, 1969а. С. 130–134, Рис. 2–4). На основании монет время депонирования клада не может определяться ранее последнего десятилетия IV в. до н. э.

Второй клад, вещевой, был обнаружен местным жителем в небольшой возвышенности на правобережье Днестра у с. Олонешты МССР в 1958 г. при проведении сельскохозяйственных работ. В составе клада находились шесть бронзовых шлемов (из которых один не сохранился), шесть пар бронзовых поножей, бронзовый светильник, ажурная пластинка и подвеска в виде головы Афины (Сергеев, 1966). Светильник, аналогичный находке из Олонештского клада, был обнаружен в Нижнем Поднепровье в скифском кургане Бабы (ОАК за 1897 г., 1900. С. 135, Рис. 258) середины V в. до н. э. (Алексеев, 1987. С. 30; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 126). Очевидно, что изделие из Олонештского клада (Сергеев, 1966, Рис. 1–3) на момент его депонирования было антикварным. Поножи (Сергеев, 1966, Рис. 4–7) принадлежат к сложившейся на рубеже VI–V вв. до н. э. (Галанина, 1965. С. 6) разновидности с идеализированной, но вполне достоверной проработкой колена и мускулатуры голени. Кнemiды подобной формы существовали на протяжении V–IV вв. до н. э. (Галанина 1965). Три шлема относятся к так называемому фригийскому (по Г. Ваурику, Waurick 1988: 163) или тиаровидному типу (по П. Динцису: Dintsis 1986, S. 23). Одно из наиболее

¹⁰⁴ В настоящее время с. Ларгуца входит в состав Кантемирского р-на Республики Молдова.

ранних изображений шлема данного типа представлено на мозаике из Олинфа, которая датируется последней четвертью V в. до н. э. (Алексинский, 2005. С. 24). Шлем, украшенный маской Пана и пантерами, и уникальный шлем с беотийскими полями (Сергеев, 1966. Рис. 10, 11) были изготовлены в IV в. до н. э. (Алексинский, 2005. С. 33–34). Третий тиаровидный шлем, с козырьком (Сергеев, 1966. Рис. 13), относится к наиболее распространённой разновидности. Однотипный ему шлем из Вицы был найден в комплексе конца IV в. до н. э. (Vokotopoulou, 1982, S. 503). Халкидский шлем с подвижными нащечниками (Сергеев, 1966, Рис. 9) относится к типу V по классификации Г. Пфлюга (Pflug, 1988, S. 145, Abb. 2, Typ V). Появившись в V в. до н. э., эти шлемы широко использовались вплоть до конца IV в. до н. э., что подтверждается археологическими находками и изображениями на монетах Кассандра (Dintsis, 1986, S. 140–141). Эти шлемы широко представлены в Западном и Северном Причерноморье в комплексах IV в. до н. э. В кургане Курджипс найдено три таких шлема (Галанина, 1980. С. 97–98). Шлем с неподвижными нащечниками (Сергеев, 1966, Рис. 8) относится к поздней разновидности халкидского типа II классификации Г. Пфлюга (Pflug, 1988, S. 141, Abb. 7, 8) и датируется второй половиной IV в. до н. э.

С учётом указанных аналогий датировать Олонештский клад следует второй половиной IV в. до н. э., при этом необходимо подчеркнуть, что в равной степени он мог быть депонирован и в середине IV в. до н. э., и на рубеже IV–III вв. до н. э.¹⁰⁵ При этом версия, что он «был закопан греками» во время отступления полководца Зопириона из Северо–Западного Причерноморья после неудачной осады Ольвии (Сергеев, 1966. С. 134), не является единственным возможным объяснением. Это предметы могли быть, например, трофеями скифов, которые нанесли поражение македонскому войску. Кроме того, этот клад мог быть таким же «странным комплексом»,

¹⁰⁵ Благодарю за консультацию относительно предметов вооружения из Олонештского клада А. В. Дедюлькина (г. Новочеркасск, РФ).

как и те, что позже (в III–II вв. до н. э.) станут достаточно хорошо известными в Северном Причерноморье.

Третий клад был найден в 1965 г. на левобережье Нижнего Днестра в 3,5 км к северо–востоку от с. Дороцкое Дубоссарского р–на МССР. В состав клада входили 290 монет – 162 истрийских и 128 тирасских драхм. Монеты лежали в лепном кувшине, установленном на каменной плитке. Устье кувшина с монетами было закрыто крышкой, в качестве которой было использовано дно другого лепного сосуда. Сверху оба лепных сосуда были накрыты нижней частью греческой амфоры, перевёрнутой ножкой вверх (Нудельман, 1969б). Дата сокрытия Дороцкого клада авторами публикации была определена как конец 330–х гг. до н. э. (Загинайло, Нудельман, 1971. С. 122–123, 133, Рис. 1). В настоящее время, с учётом того, что в составе клада позднейшими являются истрийские драхмы первых трёх подгрупп (I, II и III) группы IV, время его депонирования следует относить к 340/330–313 гг. до н. э. (Dima, 2013. С. 13, 26, 33, Tab. I).

Четвёртый клад также монетный. Он был найден в 1895 г. на левобережье Нижнего Дуная – у с. Анадол Измаильского уезда Бессарабской губернии Российской империи¹⁰⁶. В составе клада, закопанного в несохранившемся бронзовом сосуде (ситуле? / гидрии?), было не менее 1000 золотых статеров македонских правителей, из которых «в Императорскую Археологическую комиссию доставлено было 979» (Придик, 1902. С. 58). Из них 11 статеров Филиппа III Македонского (359–336 гг. до н. э.), 694 – Александра Македонского (336–323 гг. до н. э.), 21 – Филиппа III Арридея (323–317 гг. до н. э.), 2 – Деметрия I Полиоркета (294–288 гг. до н. э.), 250 – Лисимаха (285–281 гг. до н. э.), 1 – Селевка I Никатора (до 281 г. до н. э.) (Придик, 1902, 58–92).

¹⁰⁶ В настоящее время с. Долинское Ренийского р–на Одесской обл. Украины.

Очевидно, что клад не мог быть депонирован ранее конца первой четверти III в. до н. э. Предполагается, что этот клад (имевший огромную рыночную стоимость), был платой жителей Истрии галатскому царю Ремаксу за защиту от фракийцев (Бруяко, 2009. С. 359–360, 364). Об этом повествует декрет в честь Агафокла (Карышковский, 1971. С. 36–37). Считается, что упоминаемые в нём события происходили в интервале начала последней трети III – конца первой трети II в. до н. э. (Бруяко, 2009. С. 360). В связи с изложенным нельзя исключать, что Анадольский клад был депонирован именно в это время. Это важно, поскольку и на левобережье Нижнего Днестра, и, шире, в Северо–Западном Причерноморье, широко известны скифские погребальные памятники и «клады» III–II вв. до н. э.

При этом необходимо специально подчеркнуть, что четыре указанных клада (из Ларгуцы, Олонештский, Дороцкий, Анадольский) нельзя называть скифскими, и сведения о них приводятся только для того, чтобы подчеркнуть их отличие от «странных комплексов».

§1. Состав комплексов и их датировка

«Клад» из Беленького. В 1936 г. в Белгород–Днестровский музей УССР был передан на хранение бронзовый шлем типа Монтефортино, обнаруженный на правом берегу Днестровского лимана в ходе производства частных раскопок (Бруяко, Росохацкий, 1993, Рис. 2). Шлем хранится в Белгород–Днестровском краеведческом музее (рис. 131/1).

Связь данной находки с археологическим памятником не устанавливается. Очевидно, что она являлась составной частью такого же скифского «клада», как и комплекс из с. Весёлая Долина (Редина, Симоненко, 2002. С. 78, 80–82, Рис. 1/1; Симоненко, 2009. С. 141, Рис. 115, 116/1).

Шлем из Беленького, с учётом отсутствия данных о контексте находке, можно датировать только в широких пределах конца III – первой половины I в. до н. э. (Зайцев, 2005. С. 93; Симоненко, 2009. С. 47–48).

«Клад» из Бравичен. Найден в 1956 г. в ходе работ Прутско–Днестровской археологической экспедицией под руководством Г. Б. Фёдорова у с. Бравичены Оргеевского р–на МССР на правом берегу Среднего Днестра. Хранится в Национальном музее истории Молдовы.

Состав «клада» (рис. 131/2–11): бронзовый налобник конской узды (Фёдоров, 1960. С. 9, Рис. 1/16; Симоненко, 2009, Рис. 142/16); четыре серебряные бусины и четыре серебряных кольца (Фёдоров, 1960. С. 9, Рис. 1/2–7,13,14; Симоненко, 2009, Рис. 142/2–7,13,14); не менее двух пар железных удил и псалиев (Фёдоров, 1960. С. 9, Рис. 1/8–10,15; Симоненко, 2009, Рис. 142/8–10,15); бронзовая поясная пряжка (Фёдоров, 1960. С. 9, Рис. 1/1; Симоненко, 2009, Рис. 142/1); две серебряные бляшки (Фёдоров, 1960. С. 9, Рис. 1/11,12; Симоненко, 2009, Рис. 142/11,12).

Фрагменты железных удил и центральная часть псалия с восьмёрковидным расширением маловыразительны в хронологическом отношении. Две серебряные выпуклые бляшки диаметром 3 см более всего похожи на изделие диаметром 3,8–4 см из разрушенного на левобережье Днестра погребения Тирасполь–1980, датирующегося на основании синопской клеймёной амфоры началом последней трети III в. до н. э. (Синика, Четвериков, Тельнов, 2014. С. 211, Рис. 1/1–3). У находки из Тирасполя края волнистые, а бляшки из Бравичен имеют ровные края, и на них присутствует волнообразный орнамент. Четыре бронзовые бусины из Бравичен идентичны двум бронзовым бусинам из «клада» у Весёлой Долины (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 2/5). Серебряные кольца из Бравичен диаметром 1–1,4 см, судя по имеющимся изображениям, очень близки кольцевидным пронизям из «клада» у Броаски/Бубуечь (Нефедова, 1993. С. 15–16), из захоронений Глиное 31/1 (последняя четверть III в. до н. э.) и 97/1 (вторая четверть III в.

до н. э.) на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 797, Рис. 416/2), а также из кургана 20 у с. Семёновка (последняя треть III в. до н. э.) на правобережье Днестровского лимана (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 102, 147, Рис. 60/12).

Аналогии стержневидному налобнику с крючком из Бравичен найдены в «кладах» из с. Весёлая Долина в Дунай–Днестровском междуречье (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 2/4) и из с. Марьевка Баштанского р-на Николаевской обл. Украины на левобережье Южного Буга (Симоненко, 2009, С. 187, Рис. 131/1, 131b/2). В обоих указанных комплексах (Весёлая Долина, Марьевка) были обнаружены ситулы типа Баргфельд, самые ранние находки которых происходят из некрополя Монтефортино (Северная Италия) и датируются концом III – началом II в. до н. э., а наиболее поздние, из колодцев в Тулузе, – первой половиной I в. до н. э. (Зайцев, 2005. С. 93; Симоненко, 2009. С. 47–48). Кроме того, в комплексе из Бравичен была найдена поясная пряжка латенского типа, едва ли не идентичная обнаруженной в «кладе» из Марьевки (Iakounina–Ivanova, 1927, P. 100, Fig. 2).

В связи с изложенным датировка клада из Бравичен в пределах конца III – первой половины II в. до н. э. представляется наиболее оптимальной¹⁰⁷.

«Клад» из Броаски/Бубуечь. Найден в 1908 г. на правобережье Нижнего Днестра в кургане (Шуманский, 1910. С. 8). Сопровождался тризной (фрагменты керамики). Передан на хранение в Императорский Российский исторический музей¹⁰⁸.

Состав «клада» (рис. 132): бронзовый котёл (Нефедова, 1993. С. 16–18, 170, Рис. 1; Карнаух, Синика, Сердюк, 2016. С. 226–227, Рис. 3/2); бронзовый

¹⁰⁷ Совсем недавно комплекс из Бравичен был датирован II–I вв. до н. э. (Симоненко, 2020. С. 117).

¹⁰⁸ В настоящее время Государственный Исторический Музей (ГИМ), г. Москва.

псевдоаттический шлем (Нефедова, 1993. С. 16; Черненко, 1968. С. 88–89, Рис. 48, 49; Полин, 1992. С. 51, Рис. 9/6; Симоненко, 2009. С. 134, Рис. 105, 106); четыре круглые бляхи конского снаряжения с рельефными изображениями человеческих лиц (Полин, 1992. С. 51, Рис. 9/3,4; Мордвинцева, 2001а. С. 109, Рис. 2/2; Симоненко, 2009. С. 1702, Рис. 143/1,2); две бронзовые конские нащёчные пластины (Полин, 1992. С. 51, Рис. 9/1,2; Мордвинцева, 2001а. С. 108–109, Рис. 1; Симоненко, 2009. С. 184, Рис. 155); два бронзовых конских налобника с секировидной лопастью (Полин, 1992, Рис. 12/12,13; Симоненко, 2009, Рис. 157, 159/5); два бронзовых фалара с рельефным геометрическим орнаментом (Полин, 1992. С. 52, Рис. 9/5; Мордвинцева, 2001а. С. 109, Рис. 2/1; Симоненко 2009. С. 205–206, Рис. 170/1,2); бронзовые кольцевидные пронизи конского снаряжения, железный нож – утрачены (Нефедова, 1993. С. 15–16).

Тризна была представлена фрагментами керамики, которые были утрачены (Нефедова, 1993. С. 16).

Для определения времени депонирования «клада» из Броаски/Бубуечь есть множество различных оснований. В частности, псевдоаттический шлем из этого комплекса датирован С. А. Симоненко III – первой половиной II в. до н. э. (Симоненко, 2009. С. 136). Котёл из Броаски имеет прямую аналогию в составе Дебальцевского «клада», найденного в 1905 г. в бассейне р. Северский Донец, который датируется серединой III в. до н. э. (Карнаух, Синика, Сердюк, 2016. С. 226, 232, Рис. 2, 3/1,2).

Четыре круглые бляхи с рельефными изображениями человеческих лиц идентичны тем, что были найдены в захоронении 31/1 могильника у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 216, 798, Рис. 107/6,7, 416/4). Это погребение на основании синопской амфоры с клеймом магистрата *Διονύσιος τοῦ Διονυσίου τοῦ Κλεισταγόρου* датируется серединой 10–х гг. III – 90–ми гг. II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 948). Аналогичные

изображения человеческих лиц нанесены и на бронзовые конские нащёчные пластины из «клада» у с. Броаска. Подобные изделия были найдены в скифском погребении у с. Чистенькое в Предгорном Крыму. Данный комплекс на основании трёхцветной родосской чашки и унгентария веретенообразной формы (Зайцев, Колтухов, 2004. С. 244–245, Рис. 6/3, 7/7,11) датируется в пределах последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 992–993).

Два бронзовых конских налобника из «клада» у с. Броаска аналогичны шести находкам из пяти погребений могильника у с. Глиное Слободзейского р-на – 14/1, 21/1, 25/1, 31/1 (2 экз.) и 97/1. При этом четыре захоронения, содержавшие пять налобников (14/1, 21/1, 25/1, 31/1 – 2 экз.), датируются последней четвертью III – первой четвертью II в. до н. э., и только одно (Глиное 97/1) – второй четвертью III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 795, 964, Рис. 415/2–8; Синика Тельнов, 2018в. С. 259). Также налобники из Броаски аналогичны находке из кургана 20 у с. Семёновка на правом берегу Днестра (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 102, 147, Рис. 60/11, 73/1–7), который на основании родосской амфоры с клеймами эпонима *Αυσιππος* и фабриканта *Ἐπίουος Ι* датируется началом последней четверти III в. до н. э. (Зайцев, 2012а. С. 61, 63).

Кольцевидные пронизи из «клада» у с. Броаска, очевидно, аналогичны находкам из захоронений Глиное 31/1 (486 экз.) и 97/1 (351 экз.) на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 797, Рис. 416/2), а также в кургане 20 у с. Семёновка (111 экз.) на правом берегу Днестровского лимана (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 102, 147, Рис. 60/12).

Таким образом, есть все основания датировать «клад» из Броаски/Бубучь второй половиной III – первой четвертью II в. до н. э.

«Клад» из Великоплоского. Найден в 1964 г. на левобережье Нижнего Днестра в разрушенном кургане, хранится в Одесском археологическом музее НАН Украины.

Состав «клада» (рис. 133): бронзовый котёл (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 157–158, Рис. 2/13), в котором находились остальные вещи; серебряная чаша (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 153–154, Рис. 2/1,2; Симоненко, 2011. С. 31, 33, Рис. 15/1–3); латенский бронзовый сосуд (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 148–149, Рис. 1/16, 2/5; Симоненко, 2009. С. 147, 150, Рис. 121, 123/5; Зайцев, 2012б. С. 148–150, Рис. 6); железные удила, псалии и трензельные кольца (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 148–149, Рис. 1/1–4; Симоненко, 2009. С. 165, Рис. 123/1–4); три конских налобника с секировидной лопастью – два бронзовых и один серебряный (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 151–152, Рис. 1/6,7; Симоненко, 2009. С. 187, Рис. 158, 159/12,13); перстневидные бляхи – три серебряные и три бронзовые (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 152, Рис. 1/8,9; Симоненко, 2009, Рис. 123/6,7); 130 бронзовых кольцевидных пронизей (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 153, Рис. 1/15; Симоненко, 2009, Рис. 123/9); круглая бронзовая бляха конской узды с рельефным изображением человеческого лица (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 152, Рис. 1/11; Симоненко, 2009. С. 172, Рис. 144/2); три круглые плоские бронзовые бляхи со следами железных петель (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 152, Рис. 1/10; Симоненко, 2009, Рис. 123/8); два железных наконечника копий (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 153–154, Рис. 2/1,2; Симоненко, 2009. С. 70, Рис. 45/2, 47/2); железный наконечник дротика (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 154, Рис. 2/3; Симоненко, 2009, Рис. 50/1); девять железных наконечников стрел (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 154, Рис. 2/4); две серебряные ворворки (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 153, Рис. 1/12; Симоненко, 2009, Рис. 123/11); пять бронзовых пронизей – одна в виде трубочки, другие четыре – бочонковидные (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 153, Рис. 1/13,14; Симоненко, 2009, Рис. 123/10); три фрагмента золотой фольги с отверстиями

для крепления на основу (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 157, Рис. 2/10–12) и два железных гвоздя (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 157).

Датировка «клада» из Великопоского основана на целом ряде аналогий. Так, котёл из данного комплекса аналогичен указанным находкам из Броаски/Бубуечь и Дебальцево середины III в. до н.э. Железные крестовидные псалии с Х-видным перекрестием и С-видные псалии с восьмёрковидным расширением в центральной части, а также железные трензельные кольца широко известны на скифском могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра, а железные удила с этого памятника отличаются от находок из Великопоского только круглым сечением удил. Конские налобники с секировидной лопастью и кольцевидные пронизи аналогичны находкам из Броаски/Бубуечь, могильника у с. Глиное и кургана 20 у с. Семёновка. Бляха с рельефным изображением человеческого лица подобна находкам из Броаски/Бубуечь и захоронения 31/1 у с. Глиное. Перстневидные бляхи из Великопоского имеют прямые аналогии в захоронениях Глиное 14/1 (4 экз.) и 97/1 (4 экз.). И если погребение Глиное 97/1, как уже отмечено, датируется второй четвертью III в. до н.э., то катакомба 14/1 – последним десятилетием указанного столетия (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 797, 948–949, Рис. 416/3).

Также на могильнике у с. Глиное найдены такие же железные наконечники копий и дротиков, как и в «кладе» у с. Великопоское (Тельнов Четвериков, Синика, 2016. С. 784–786, 789–791, Рис. 410/1–3,6–15, 413/1–6). Железные втульчатые трёхлопастные наконечники стрел из «клада» имеют прямые аналогии на могильнике у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 772–773, Рис. 404/1) и в кургане 20 у с. Семёновка (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 102, Рис. 60/13).

Уточнить датировку «клада» из Великопоского позволяют латенский бронзовый сосуд и серебряная чаша. Бронзовый сосуд «типа неглубокого

котла или таза», ближайшие аналогии которому известны в памятниках Центральной Европы (в Манхинге и в Латене) датируются последней четвертью III в. до н. э. (Зайцев, 2012б. С. 148, Рис. 6/1). Прямая аналогия серебряной чаше из Великопоского, хранящаяся в Метрополитен-Музее (Нью-Йорк, США), происходит из комплекса в Италии, датируемого ок. 200 г. до н. э. (Симоненко, 2009. С. 31, рис. 15/4). Таким образом, «клад» из Великопоского был депонирован в конце III в. до н. э. (Дзис-Райко, Суничук, 1984. С. 158; Зайцев, 2012б. С. 150).

«Клад» из Весёлой Долины. Найден в 1993 г. в Буджакской степи (Дунай-Днестровском междуречье) в поле кургана, хранится в Одесском археологическом музее НАН Украины.

Состав «клада» (рис. 134–136): бронзовая ситула (Редина, Симоненко, 2002. С. 78, Рис. 1/2,2а; Симоненко, 2011. С. 46, Рис. 23/1, 24/1); бронзовый шлем типа Монтефортино (Редина, Симоненко, 2002. С. 78, 80–82, Рис. 1/1; Симоненко, 2009. С. 141, Рис. 115, 116/1); железные наконечник копья и вток (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, 82, Рис. 1/4,5; Симоненко, 2009. С. 74, Рис. 50/3); серебряный и бронзовый фалары с рельефным геометрическим орнаментом (Редина, Симоненко, 2002. С. 78, 82, Рис. 2/1,2; Симоненко, 2009. С. 205–206, Рис. 169/2,3); пять бронзовых круглых блях (плоских и слабовыпуклых) с поперечной петлёй на обороте (Редина, Симоненко, 2002. С. 78, Рис. 2/3; Симоненко, 2009. С. 173–174, Рис. 146); железные удила (не менее шести пар) с железными трензельными кольцами, железные и один бронзовый псалии (Редина, Симоненко, 2002. С. 78–79, Рис. 3; Симоненко, 2009. С. 151, 164–165, Рис. 124); фрагмент железного стержневидного налобника (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 2/4; Симоненко, 2009. С. 187); две бронзовые бусины (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 2/5); бронзовая ворворка (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 2/6); железная пластина, плакированная золотой фольгой (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 1/3; Симоненко, 2009. С. 213–214); бронзовая обивка деревянной чаши

(Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 2/8); железный нож (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, рис. 1/6); железное кольцо (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 2/7).

Несмотря на мнение, что датировка шлемов типа Монефортино «пока находится за гранью возможного» (Бруяко, 2009. С. 341 и сл.), время изготовления таких изделий в настоящее время ограничивается, судя по подобным находкам на Иберийском полуострове, III–I вв. до н. э. (Симоненко, 2009. С. 145–146; 2015. С. 182). Самые ранние ситулы (типа Баргфельд), аналогичные находке из Весёлой Долины, происходят из некрополя Монтефортино (Северная Италия) и датируются концом III – началом II в. до н. э., а наиболее поздние, из колодцев в Тулузе, – первой половиной I в. до н. э. (Зайцев, 2005. С. 93; Симоненко, 2009. С. 47–48). Серебряный фалар с рельефным геометрическим орнаментом из Весёлой Долины более всего схож с двумя аналогичными бронзовыми изделиями из «клада» у Броаски/Бубуечь (Редина, Симоненко, 2002. С. 82, Рис. 5/4, Симоненко, 2009. С. 206), который, как отмечено выше, был депонирован во второй половине III – первой четверти II в. до н. э. Пять бронзовых круглых блях (плоских и слабовыпуклых) диаметром 2,8–3 см из Весёлой Долины наиболее близки трём круглым плоским бронзовым бляхам диаметром 2,8–3,1 см со следами железных петель из Великоплатского (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 152, Рис. 1/10), 26 слабовыпуклым железным бляхам (диаметром 2,5–5 см) с петлями на обороте из кургана 20 у с. Семёновка начала последней трети III в. до н. э. (Субботин, Разумов, Саника, 2017. С. 99, 158, Рис. 60/4,5), а также четырём бронзовым слабовыпуклым бляхам (диаметром 4,3 см) из катакомбы Кугурлуй 25/2 (Гудкова, Суничук, 1985. С. 57, Табл. 112/3; Островерхов, Редина, 2013, Рис. 97/14), дата которой определена в широких рамках III в. до н. э. Бронзовая ворворка из Весёлой Долины идентична двум серебряным ворворкам из «клада» у с. Великоплатское (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 153, Рис. 1/12),

депонированного в конце III в. до н. э. Две бронзовые бусины из Весёлой Долины идентичны четырём находкам из Бравиченского «клада».

Железная пластина из Весёлой Долины размерами 16 × 7,5 см, плакированная золотой фольгой, которая предположительно интерпретируется А. В. Симоненко как конский нагрудник (Редина, Симоненко, 2002. С. 84; Симоненко, 2009. С. 213–214), без сомнения, является такой же поясной бляхой, как и в погребении у с. Чистенькое в предгорном Крыму. Обе находки отличает степень сохранности. Основа изделия из Весёлой Долины, на которой был крюк, практически не сохранилась: «от железной основы сохранился один край» (Редина, Симоненко, 2002. С. 79). Бляха из Чистенького сохранилась практически целой. На ней есть крюк для крепления к ремню, а её размеры 13 × 9 см (Зайцев, Колтухов, 2004. С. 246–247) сопоставимы с габаритами находки из Весёлой Долины. Оба изделия ораментированы. На золотой фольге из Весёлой Долины в центре выдавлен полусферический ораментированный выступ, над которым изображён орёл головой влево, а под ним – волк или собака, также головой влево. Справа и слева от выступа помещены противоположащие фигуры орлов, держащих в когтях рыб (Редина, Симоненко. С. 79, Рис. 1/3). На бляхе из Чистенького в центральной части находится изображение человека с поднятыми вверх руками, а справа и слева – противоположащие фигуры крылатых коней, обращённые к человеку (Зайцев, Колтухов, 2004. С. 246, Рис. 7/23). Обращает на себя внимание композиционное сходство изображений на обоих изделиях – персонаж/персонажи в центре, обрамлённые с обеих сторон противоположащими изображениями.

С учётом времени бытования ситул типа Баргфельд (не ранее конца III в. до н. э.), а также датировки захоронения у с. Чистенькое в пределах последней четверти III – первой четверти II в. до н. э., время депонирования

«клада» у с. Весёлая Долина относится к концу III – первой четверти II в. до н. э.

«Клад» из Гэвани. Найден в 1971 г. в разрушенной при строительстве ирригационного канала курганной насыпи у одноимённого села жудеца Брэила (Румыния, Восточная Мунтения, у западной границы Добруджи) на правом берегу Нижнего Дуная, хранится в Музее Брэилы.

Состав «клада» (рис. 137, 138): псевдоаттический бронзовый шлем (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 139–140, Fig. 2, 8/4; Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/1; Симоненко, 2009. С. 137, Рис. 109/4); железный вток копья (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 6/7; Зайцев, 2007. С. 261, Рис. 2/17), бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 6/5; Зайцев, 2007. С. 261, Рис. 2/4); четыре серебряные ажурные бляхи округлой формы в виде трёхчастной розетки с сильно стилизованными зооморфными изображениями (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 3/1,2,4,5, 8/1,2,4,5; Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/12–15); серебряный нащёчник конской узды в виде сдвоенных конечностей хищника (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 3/3, 9/3; Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/16; Канторович, 2012. С. 28, Рис. 6/9); шесть пар железных удил и 14 псалиев (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 4, 5, 6/3a,3b,4,6,8; Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/16); бронзовое кольцо, состоящее из двух перевитых стержней и украшенное тремя выступами, каждый из которых состоит из четырёх шариков (Sîrbu, Harţuche, 2000, Fig. 7/7; Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/2); три крупные стеклянные полихромные бусины (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 7/1–3, 8/1–3; Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/9–11); вторично использованная подвеска (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 6/2), возможно, изначально представляла собой деталь составного навершия кельтского шлема (Зайцев, 2007. С. 261, Рис. 2/3); три кабаньих клыка (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 7/4–6; Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/6–8); бронзовая ворворка усечённо–конической формы (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 140, Fig. 6/1;

Зайцев, 2007. С. 258, Рис. 2/5); три серебряные обивки деревянной чаши (Sîrbu, Harțuche, 2000, P. 140, Fig. 7/8; Зайцев, 2007. С. 261, Рис. 2/18–20).

При определении времени депонирования «клада» из Гэвани одной из важнейших задач является вычленение тех его составляющих, которые бытовали позднее других. Бронзовые литые ворворки, по форме аналогичные найденной в Гэвани, известны в Северо–Западном Причерноморье только в захоронениях второй половины V – IV в. до н. э.: Градешка 5/16 (Субботин и др., 1992. С. 4, Рис. 3/2); Мреснота Могила 3/1 (Гудкова и др., 1985. С. 74, Рис. 44/2–4); Семёновка 23/3 (Субботин, Разумов, Сеника, 2017. С. 108, Рис. 65/2,3) и др. Трёхлопастные бронзовые наконечники стрел с короткой выделенной втулкой, аналогичные найденному в комплексе из Гэвани и широко распространённые в скифских погребальных комплексах Северного Причерноморья второй половины IV в. до н. э., встречаются и в скифских захоронениях III–II вв. до н. э. Нащёчники конской узды в виде сдвоенных конечностей хищника известны в скифских захоронениях конца V–IV вв. до н. э. (Арциз, Солоха, Чмырёва Могила, группа Гаймановой Могила, Толстая Могила), при этом специально оговорено, что «бляха из Гэвани ... не может быть датирована позднее IV в. до н. э., несмотря на наличие в гэваньском кладе более поздних предметов, датируемых III – первой половиной II в. до н. э.» (Канторович, 2012. С. 28–31, Рис. 6). Бронзовое кольцо, украшенное тремя выступами, каждый из которых состоит из четырёх шариков, не имеет прямых аналогий в скифских памятниках Северного Причерноморья, поскольку его «стержень» состоит из двух перевитых проволочек. Однако подобное оформление стержня (группами выступов, состоящих из шариков) известно на украшениях из скифских захоронений Северо–Западного Причерноморья и IV в. до н. э. (Глиное/Водовод 14/3¹⁰⁹; Глиное/Сад 8/2¹¹⁰), и

¹⁰⁹ Раскопки автора 2018 г. Материал не опубликован. На основании чернолакового канфара, чернолаковой солонки и чернолакового лекифа, захоронение датируется второй четвертью IV в. до н. э.

III в. до н. э. (Градешка 7а/1; Тирасполь–1980). Кабаньи клыки встречаются не только в комплексах IV в. до н. э., но и в более поздних III–II вв. до н. э.: Глиное 36/1, 69/2, 91/2, 116/1; Мреснота Могила 21/2, 22/1. Обивки деревянных сосудов, выполненные в скифском зверином стиле, известны в Северо–Западном Причерноморье в погребениях второй половины V в. до н. э. (Арциз: Алексеева, Охотников, Редина, 1997. С. 50, Рис. 4/23,24; Мреснота Могила 3/1: Гудкова и др., 1985. С. 75, Рис. 44/7; Чобручи (Штефан–Водэ) 1/1: Агульников, Субботин, 1997. С. 184, Рис. 2/2). В конце V в. до н. э. появляются обивки сосудов в виде пластин без изображений (Уютное 17/6: Агульников, Сава, 2004. С. 155, Рис. 77/1–9), которые продолжают встречаться и в катакомбах III в. до н. э.: Владычень–I 13/1, 14/2; Дервент 6/1; Кугурлуй 26/2; Чобручи 2/3.

Основное время бытования псевдоаттических шлемов без гребня в Северном Причерноморье определено концом IV – началом II в. до н. э. (Зайцев, 2007. С. 262, 264). Шлем, аналогичный найденному в Гэвани, обнаружен в кургане 18 Грушевского могильника, и «клад», из которого он происходит, датирован серединой – второй половиной III в. до н. э. (Дедюлькин, 2012. С. 40, 44, Рис. 4/1). Вток копья из Гэвани (с расширением в нижней части), если не идентичен, то весьма схож с находкой из «клада» из Весёлой Долины (Редина, Симоненко, 2002. С. 79, Рис. 1/5) конца III – первой четверти II в. до н. э. Крупные полихромные бусины из Гэвани, аналогии которым неизвестны в комплексах из Северо–Западного Причерноморья IV в. до н. э., как справедливо отметил Ю. П. Зайцев (2007. С. 265), получили широкое распространение на скифском могильнике III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (Глиное 3/1, 33/1, 35/2, 38/3, 47/1, 55/1 и др.). Крестовидные псалии, зафиксированные на паре удила из Гэвани, также имеют аналогии на

¹¹⁰ Погребение совершено в последней четверти IV в. до н. э. (Синика, Тельнов, Лысенко, 2018г. С. 83, 88, 90, Рис. 4/8).

могильнике у с. Глиное, причём комплексы, где они были обнаружены (14/1, 17/1, 63/1, 64/1, 97/1, 103/1, 112/1), суммарно датируются от второй четверти III в. до н. э. до третьей четверти следующего столетия (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 965–966). Асимметричные псалии с лопастью из Гэвани аналогичны находкам из «клада» у с. Нововасильевка на левобережье Нижнего Буга (Симоненко, 2009. С. 164, Рис. 135/2) и у с. Снигирёвка на правобережье Нижнего Днестра (Зайцев, 2007. С. 264). Из обоих комплексов происходят также три бронзовых налобника (Нововасильевка – 1 экз., Снигирёвка – 2 экз.) с крючком с секировидной лопастью (Симоненко, 2009. С. 187, Рис. 135/1, 138/1,2, 159/3), которые известны в «кладе» из Бубуечь/Броаски второй половины III – первой четверти II в. до н. э., в погребениях Глиное 14/1, 21/1, 25/1, 31/1, 97/1 второй четверти III – первой четверти II в. до н. э., а также в кургане 20 у с. Семёновка начала последней четверти III в. до н. э. Кроме того, в «кладе» из Снигирёвки были найдены пять бронзовых перстневидных блях (Симоненко, 2009. С. 169, Рис. 138/3/4), аналогии которым, как отмечено выше, обнаружены в погребениях Глиное 97/1 второй четверти III в. до н. э. и Глиное 14/1 последнего десятилетия указанного столетия, и в «кладе» из Великоплатского конца III в. до н. э.

С учётом приведённых аналогий время депонирования «клада» из Гэвани следует определять интервалом от второй четверти III в. до н. э. до первой четверти II в. до н. э.

«Клад» из Старых Бедражей. Найден в 1988 г. у одноимённого села Единецкого р-на МССР на левобережье Прута в кургане 16, представлявшем собой естественное всхолмление и содержавшем два захоронения средневековых кочевников. Сопровождался трезной в виде разбитой амфоры со следами ремонта. Хранится в Национальном музее истории Молдовы (г. Кишинёв).

Состав «клада» (рис. 139): бронзовая ситула с железной ручкой, крепившейся к железному обручу, охватывавшему тулово сосуда (Яровой,

Чирков, 1989. С. 20–21, Рис. 14/1; Симоненко, 2011. С. 46, Рис. 24/3); серебряный конский налобник (Яровой, Чирков, 1989. С. 21–22, Рис. 14/2; Симоненко, 2009. С. 187, Рис. 147/3,3а, 159/18); серебряный фалар с рельефным геометрическим орнаментом (Яровой, Чирков, 1989. С. 21, Рис. 14/2; Симоненко, 2009. С. 205–206, Рис. 147/1, 169/1); шесть круглых серебряных блях с петлями на обороте (Яровой, Чирков, 1989. С. 21, Рис. 14/2; Симоненко, 2009. С. 173, Рис. 147/2,2а); бронзовая подтреугольная бляха с трапециевидным выступом и с петлями¹¹¹; три пары железных удил и С-видных псалиев с восьмёрковидным расширением в центральной части и со сферическими утолщениями на окончаниях (Яровой, Чирков, 1989. С. 22).

Тризна представлена амфорой со следами ремонта (Яровой, Чирков, 1989. С. 18; Зайцев, 2012а, 56–57, Рис. 2).

Ситула из Старых Бедражей типа Баргфельд аналогична находке из «клада» из Весёлой Долины. Последний комплекс датирован концом III – первой четвертью II в. до н. э., хотя было отмечено, что наиболее ранние такие изделия датируются концом III – началом II в. до н. э., а наиболее поздние – первой половиной I в. до н. э. (Зайцев, 2005. С. 93; Симоненко, 2009. С. 47–48). Конский налобник отличается от налобников с секировидной лопастью из «клада» из Бубечь/Броаски, из погребений Глиное 14/1, 21/1, 25/1, 31/1, 97/1, а также из кургана 20 у с. Семёновка формой (вытянутая подтреугольная) и сечением (треугольное) лопасти, однако схож с указанными изделиями наличием крючка, упирающегося своим биконическим окончанием в центр петли для крепления на ремне оголовья. Серебряный фалар с геометрическим орнаментом из Старых Бедражей аналогичен серебряному и бронзовому изделиям из «клада» из Весёлой

¹¹¹ Изображение данного предмета, как и всех прочих из «клада», удалено из отчёта о раскопках вместе с иллюстративной таблицей (Яровой, Чирков, 1989, Рис. 14). В статье Е. Ф. Рединой и А. В. Симоненко рисунок вещи крайне схематичный и не даёт реального представления о находке (Редина, Симоненко, 2002, Рис. 7/3).

Долины (Редина, Симоненко, 2002. С. 78, 82, Рис. 2/1,2; Симоненко, 2009. С. 205–206, Рис. 169/2,3) конца III – первой четверти II в. до н. э. и близок двум изделиям из «клада» из Броаски/Бубуечь (Редина, Симоненко, 2002. С. 82, Рис. 5/4, Симоненко, 2009. С. 206) второй половины III – первой четверти II в. до н. э. Шесть круглых серебряных блях (диаметром 3,4 см) с петлями на обороте из Старых Бедражей аналогичны трём круглым плоским бронзовым бляхам (диаметром 2,8–3,1 см) со следами железных петель на обороте из Великоплатского (конец III в. до н. э.), пяти бронзовым плоским и слабовыпуклым бляхам (диаметром 2,8–3 см) с петлями на обороте из Весёлой Долины (конец III – первая четверть II в. до н. э.), а также пяти бронзовым круглым плоским бляхам (диаметром 3,7–4,1 см) с петлями на обороте из «клада» из Трушешть (Vabeş, 1993, S. 120, Taf. 42/13–17). Аналогии железным удилам и С-видным псалям с восьмёрковидными расширениями в центральной части и со сферическими утолщениями на окончаниях (26 пар) известны в 23 захоронениях могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского р-на на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 971; Синика, Тельнов, 2018в. С. 246). Бронзовая подтреугольная бляха с трапециевидным выступом и с петлями не имеет прямых аналогий среди материалов Северного Причерноморья¹¹². Наконец, амфора из насыпи кургана 16 у с. Старые Бедражи сначала была датирована (предположительно как самосская) в пределах III – первой половины II в. до н. э. (Зайцев, 2012а. С. 56–57), а затем (как сосуд «т. н. группы Никандра») II – началом I в. до н. э. (Дедюлькин, 2016. С. 184).

Таким образом с учётом ситулы типа Баргфельд (не ранее конца III в. до н. э.) и амфоры (первая половина II в. до н. э.) «клад» из Старых Бедражей следует датировать в пределах конца III – начала I в. до н. э.

¹¹² Отдалённым подобием этой находке можно считать только бронзовый наконечник ремня из погребения 9/11 Шумаевского II могильника в Южном Приуралье. Комплекс датирован III–II вв. до н. э. (Моргунова и др., 2003. С. 152–153, 256, Рис. 93/7).

«Клад» из Тараклии. В 1983 г. в насыпи кургана 12 у пгт. Тараклия в Буджакской степи в отвале бульдозерной траншеи был обнаружен бронзовый конский налобник с секировидной лопастью (Симоненко, 2009. С. 187, Рис. 159/2) (рис. 140/1). С учётом масштабов новостроечных работ в 1980–х гг. и отсутствия металлодетекторов, можно только догадываться, какие ещё вещи могли находиться в составе клада. Место хранения налобника неизвестно.

Принимая во внимание аналогии изделию, которые известны в скифских «кладах» (Великоплатовское, Бубуечь) и в скифских курганах III–II вв. до н. э. (могильник у с. Глиное, курган 20 у с. Семёновка) находку из Тараклии можно датировать в пределах второй четверти III – первой четверти II в. до н. э.

«Клад» из Твардицы. Найден в 1965 г. в Буджакской степи (Дунай–Днестровском междуречье) в 30 м от кургана. Сопровождался тризной (амфора, чашка, лепные сосуды, каменная плита, кости животных), обнаруженной в 1990 г. при исследовании археологами места находки «клада». Хранится в Народном музее Твардицы Республики Молдова.

Состав «клада» (рис. 140/2–9): три серебряных позолоченных фалара (Бейлекчи, 1998. С. 7–9, Рис. 2, Фото 1–6; Симоненко, 2009. С. 199, Рис. 166/1) – один не сохранился; «ложка» с изображениями животных – утрачена; «булавка» – утрачена (Бейлекчи, 1998. С. 7–9).

Тризна представлена следующими находками: косской амфорой (Бейлекчи, 1998. С. 10, Рис. 3/3, Фото 7/4; Зайцев, 2012а. С. 57, Рис. 3/4, 4/5); синопской амфорой (Бейлекчи, 1998. С. 10, Рис. 3/4, Фото 7/3; Зайцев, 2012а. С. 57, Рис. 3/3, 4/7); красноглиняной чашкой (Бейлекчи, 1998. С. 9–10, Рис. 3/2, Фото 7/2; Зайцев, 2012а. С. 57, Рис. 3/2, 4/6); фрагментами двух лепных горшков (Бейлекчи, 1998. С. 10, Рис. 3/5, Фото 7/5; Зайцев, 2012а. С. 57, Рис. 3/5), каменной плитой (Бейлекчи, 1998. С. 9, Рис. 3/1, Фото 7/1; Зайцев,

2012а, Рис. 3/1, 4/1); костями лошади и крупного рогатого скота (Бейлекчи, 1998. С. 6, 10).

Оставляя за пределами нашего внимания малоинформативные фрагменты лепных горшков и каменную плиту, а также сохранившиеся фалары (один с изображением двух пар зверей – крылатого льва и лани¹¹³, льва и пантеры, второй – покрытый растительным орнаментом), чья датировка и происхождение весьма дискуссионны (Симоненко, 2009. С. 199, 203), отметим, что двух греческих амфор и чашки вполне достаточно для определения времени депонирования «клада» из Твардицы. Как указал Ю. П. Зайцев, косская амфора относится к продукции второй половины III – первой половины II в. до н. э. (Монахов, 1999. С. 566), а синопская – ко второй четверти III – первой половине II в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 152–154). Дата красноглиняной чашки была определена исследователем на основании аналогий с Афинской Агоры в широких пределах 275–175 гг. до н. э. (Зайцев, 2012а. С. 57–58). Необходимо отметить, что на указанном памятнике прямых аналогий чашке из Твардицы, которая не является аттической продукцией, обнаружить не удалось. Типологически ближайший сосуд из Афинской Агоры, но отличный по форме поддона, датируется последней четвертью III – первой четвертью II в. до н. э. (Rotroff, 1997, P. 332, № 897). При этом поддоны, как у чашки из Твардицы, известны на других сосудах, изготовленных в Аттике в то же время, что указанная аналогия (Rotroff, 1997, P. 325, 341–343, № 826, 1008, 1032)¹¹⁴.

«Клад» из Трушесть. Найден в 1958 г. в холме, в культурном слое трипольского поселения, исследовавшегося у одноимённого села жудеца

¹¹³ Автор публикации называет данное животное лосем (Бейлекчи, 1997. С. 7–8 и сл.), однако морда него точно не лосиная, а рога более короткие, чем у благородного оленя (*Cervus elaphus*). Поэтому, скорее всего, на фаларе из Твардицы изображена лань (*Cervus dama*). Благодарю за консультацию докт. ист. наук. А. Р. Канторовича (г. Москва, РФ).

¹¹⁴ Благодарю канд. ист. наук Т. В. Егорову (г. Москва, РФ) за консультацию.

Ботошань (Румыния, Молдова) на правобережье Среднего Прута, хранится в Музее истории Молдовы (г. Яссы).

Состав «клада» (рис. 141): железный наконечник копья с ромбовидным в плане и в сечении пером, длина которого превышает длину втулки (Babeş, 1993, S. 115, Taf. 42/1); не менее пяти пар железных удил, в том числе две пары с трензельными кольцами – на внешние окончания одной пары удил надеты крупные кольца диаметром 6,8 см, на другой паре – диаметром 2,5 см (Babeş, 1993, S. 119, Taf. 42/2–7); пять железных С-видных псалиев с центральной восьмёрковидной частью и со сферическими и биконическими утолщениями на окончаниях (Babeş, 1993, S. 119, Taf. 42/8–12); пять бронзовых круглых плоских блях конской узды (диаметром 3,7–4,1 см) с закраинами и с петлями на обороте (Babeş, 1993, S. 120, Taf. 42/13–17).

Наконечник копья из комплекса маловыразителен в хронологическом плане, поскольку подобные предметы вооружения (остролистный наконечник копья, у которых длина пера превышает длину втулок) известны во многих скифских погребальных памятниках V–II вв. до н. э. В то же время С-видные псалии с центральной восьмёрковидной частью и со сферическими / биконическими утолщениями на окончаниях не известны в скифских захоронениях IV в. до н. э. Северо-Западного Причерноморья, хотя обнаружены в погребениях этого времени к востоку от Южного Буга, например, во Втором Мордвиновском кургане (Ильинская, 1973. С. 55, Рис. 8/12). Также в IV в. в Северо-Западном Причерноморье в достоверно датированных комплексах трензельные кольца появляются не ранее III в. до н. э. (Владычень-I 13/2; Глиное 4/1, 14/1, 17/1, 18/1, 18/2, 19/2, 21/1, 25/1, 31/1, 34/1, 49/1, 51/1, 63/1, 69/2, 71/1, 93/1, 96/1, 97/1, 112/1, 116/2; Кугурлуй 29/1; Семёновка 20 / кенотаф)¹¹⁵.

¹¹⁵ В скифских комплексах IV в. до н. э. трензельные кольца известны, в частности, в конском захоронении кургана 6 у Старинской птицефабрики в Нижнем Поднепровье

Пять бронзовых круглых плоских блях с петлями на обороте из Трушешть (диаметром 3,7–4,1 см) едва ли не идентичны трём круглым плоским бронзовым бляхам (диаметром 2,8–3,1 см) со следами железных петель из Великоплатского (конец III в. до н. э.), а также пяти плоским и слабовыпуклым бляхам (диаметром 2,8–3 см) с поперечной петлёй на обороте из Весёлой Долины (конец III – первая четверть II в. до н. э.) и шести серебряным бляхам (диаметром 3,4 см) с петлями на обороте из Старых Бедражей (конец III – первая половина II в. до н. э.). Кроме того, одно из грызель удил из Трушешть имеет псевдовитой стержень (Vabeş, 1993, S. 119, Taf. 42/8–12). Аналогично изготовленные стержни удил происходят, в частности, из скифского «клада», обнаруженного у с. Гордашовка Тальяновского р-на Черкасской обл. Украины на правом берегу Среднего Побужья. Комплекс депонирован в конце III – начале II в. до н. э., «с акцентом на начало II в. до н. э.» (Полин, Карнаух, 2012а. С. 139, 143, Рис. 5/1).

Таким образом, с учётом имеющихся аналогий круглым плоским бляхам с петлёй на обороте и псевдовитому грызлу псалия, «клад» из Трушешть датируется концом III – первой четвертью II в. до н. э.

Суммарно же даты всех «кладов» укладываются в интервал от второй четверти III в. до н. э. до начала I в. до н. э.

(Ильинская, 1966. С. 164, Рис. 6; Ильинская, 1973. С. 45, Рис. 1/2), а также в скифских курганах Среднего Подонья: № 11 могильника «Частые курганы» (Пузикова, 2001. С. 14, Рис. 8/1 на С. 31); №№ 7 (Пузикова, 2001. С. 130, Рис. 10/6 на С. 151), 13 (Пузикова, 2001. С. 134, Рис. 18/12 на С. 159), 14 (Пузикова, 2001. С. 135, Рис. 22/12 на С. 163), 17 (Пузикова, 2001. С. 137, Рис. 27/4 на С. 168) могильника у с. Русская Тростянка; №№ 1 (Пузикова, 2001. С. 183, Рис. 11/1 на С. 213), 9 (Пузикова, 2001. С. 190, Рис. 29/1 на С. 231), 14 (Пузикова, 2001. С. 195, Рис. 42/8 на С. 244) могильника у с. Дуровка.

§2. Категории вещей и культурная принадлежность

В составе «кладов» были обнаружены предметы вооружения, конского снаряжения, украшения и аксессуары костюма, предметы культа, орудия труда и посуда. Кроме того, в трёх сопровождающих тризнах были найдены сосуды, каменная плита и кости животных.

Предметы вооружения представлены псевдоаттическими бронзовыми шлемами (Броаска/Бубуечь; Гэвани), бронзовыми шлемами типа Монтефортино (Беленькое; Весёлая Долина), железными наконечниками копий (Великоплатное – 2 экз.; Весёлая Долина, Гэвани; Трушешть), железным наконечником дротика (Великоплатное); бронзовым (Гэвани) и железными (Великоплатное – 9 экз.) наконечниками стрел.

Предметы конского снаряжения многочисленны и представлены как функциональными, так и защитно–декоративными элементами.

К функциональным предметам конской упряжи относятся железные удила (Бравичены; Великоплатное; Весёлая Долина; Гэвани; Старые Бедражи; Трушешть), железные трензельные кольца (Великоплатное; Весёлая Долина; Трушешть), железные и бронзовый псалий (Бравичены; Великоплатное; Весёлая Долина; Гэвани; Старые Бедражи; Трушешть).

Защитно–декоративные элементы конского снаряжения представлены следующими изделиями: налобниками с секировидной лопастью (Броаска/Бубуечь – 2 экз.; Великоплатное – 3 экз.; Тараклия); налобником с подтреугольной лопастью (Старые Бедражи); стержневидными налобниками (Бравичены; Весёлая Долина); нащёчником (Гэвани); парой нащёчных пластин (Броаска/Бубуечь); фаларами с геометрическим орнаментом (Броаска/Бубуечь – 2 экз.; Весёлая Долина – 2 экз.; Старые Бедражи; Твардица) и с изображением «шестивия зверей» (Твардица); ажурными

бляхами округлой формы в виде трёхчастной розетки с сильно стилизованными зооморфными изображениями (Гэвани – 4 экз.); перстневидными бляхами (Великоплоское – 6 экз.); круглыми плоскими/слабовыпуклыми бляхами с петлями на обороте (Великоплоское – 3 экз.; Весёлая Долина – 5 экз.; Старые Бедражи – 6 экз.; Трушешть – 5 экз.); круглыми бляхами с изображениями человеческого лица (Броаска/Бубуечь – 4 Великоплоское); кольцевидными пронизиями (Бравичены – 4 экз.; Броаска/Бубуечь – количество не известно; Великоплоское – 130 экз.).

Украшениями (конской узды? костюма?) являются бронзовое кольцо (Гэвани), стеклянные и бронзовые бусины (Бравичены – 4 экз.; Весёлая Долина – 2 экз.; Гэвани – 3 экз.), бронзовые пронизи (Великоплоское – 5 экз.), бронзовая подвеска (Гэвани).

Аксессуары костюма представлены ворворками (Бравичены – 2 экз.; Великоплоское – 2 экз.; Гэвани), железной поясной бляхой, плакированной золотой фольгой (Весёлая Долина), а также бронзовой поясной пряжкой (Бравичены).

К *предметам культа* можно отнести кабаньи клыки (Гэвани – 3 экз.). *Орудиями труда* являются ножи (Броаска/Бубуечь; Весёлая Долина).

Посуда из «кладов» представлена бронзовыми котлами (Броаска/Бубуечь; Великоплоское), бронзовым котлом/тазом (Великоплоское), бронзовыми ситулами (Весёлая Долина; Старые Бедражи), серебряной (Великоплоское) и деревянными чашами (Великоплоское – золотые обивки и железные гвозди; Весёлая Долина – бронзовая обивка; Гэвани – серебряные обивки).

В тризнах были найдены амфоры (Старые Бедражи – самосская/группы Никандра?; Твардица – косская и синопская), красноглиняная гончарная чашка (Твардица), фрагменты двух лепных горшков (Твардица), «фрагменты керамики» (Броаска/Бубуечь), а также каменная плита (Твардица) и кости животных (Твардица).

Данные, полученные при анализе составляющих «кладов», показывают, что их культурную основу составляют скифские по происхождению вещи. Это, в первую очередь, предметы вооружения и конского снаряжения, а также некоторые сосуды – деревянные чаши с обивками и бронзовые котлы.

Железные наконечники копий (Великоплоское; Весёлая Долина; Гэвани; Трушешть), железный наконечник дротика (Великоплоское), бронзовый (Гэвани) и железные (Великоплоское) наконечники стрел широко представлены в скифских погребальных комплексах Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. и практически ничем не отличаются от аналогичных изделий более раннего времени. Импортами в комплексе вооружения, при этом исключительно защитного, представлены четыре бронзовых шлема: два псевдоаттических эллинистического производства (Броаска/Бубуечь; Гэвани), и два шлема типа Монтефортино италийского происхождения (Беленькое; Весёлая Долина).

Все без исключения функциональные предметы конской упряжи: железные удила, в том числе и с псевдовитыми грызлами (Бравичены; Великоплоское; Весёлая Долина; Гэвани; Старые Бедражи; Трушешть); железные трензельные кольца (Великоплоское; Весёлая Долина; Трушешть); железные и бронзовый псалии, С–видные и крестовидные (Бравичены; Великоплоское; Весёлая Долина; Гэвани; Старые Бедражи; Трушешть), – находят множество аналогий в синхронных скифских захоронениях Северо–Западного Причерноморья и более восточных регионов.

Несомненно, скифскими по происхождению являются такие защитно–декоративные предметы конского снаряжения, как налобники с секировидной лопастью (Броаска/Бубуечь, Великоплоское, Тараклия) и налобник с подтреугольной (асимметрично–ромбической) лопастью (Старые Бедражи) (Канторович, 2007а. С. 74–77; 2007б. С. 257, 261, Рис. 2, 3), нащёчник в виде сдвоенных конечностей хищника (Гэвани) (Канторович, 2012. С. 28–31, Рис. 6/9), перстневидные бляхи (Великоплоское) (Тельнов,

Четвериков, Синика, 2016. С. 798–799), круглые плоские/слабовыпуклые бляхи с петлями на обороте (Великоплатское, Весёлая Долина, Старые Бедражи, Трушешть), известные в скифском погребении Кугурлуй 25/2 и скифском кургане Семёновка 20 на правом берегу Нижнего Днестра (Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 99, 158, Рис. 60/4,5); кольцевидные пронизи (Бравичены, Броаска/Бубуечь, Великоплатское) (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 797).

Только шесть фаларов с геометрическим орнаментом (Броаска/Бубуечь – 2 экз.; Весёлая Долина – 2 экз.; Старые Бедражи; Твардица) и один фалар с изображением «шестивия зверей» (Твардица) являются продукцией эллинистических мастерских (Смирнов, 1984. С. 113; Мордвинцева, 2001б. С. 164; Щукин, 2001. С. 153–154; Симоненко, 2009. С. 203). Кроме того, четыре бляхи округлой формы в виде трёхчастной розетки с сильно стилизованными зооморфными изображениями (Гэвани) (Jacobsthal, 1944, Pl. 279), пара нащёчных пластин (Броаска/Бубуечь) (Мордвинцева, 2001а. С. 112–113) и пять круглых блях (Броаска/Бубуечь – 4 экз.; Великоплатское) с изображениями человеческого лица являются латенскими по происхождению (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 979). По всей видимости, также латенскими являются стержневидные налобники из Бравичен и Весёлой Долины, которые нехарактерны для скифских древностей, но известны на памятниках Центральной Германии (Schlott, 1999, S. 40, 57, Taf. 16/1).

Бронзовые литые котлы (Броаска/Бубуечь; Великоплатское) считаются одним из наиболее характерных элементов скифской археологической культуры уже с архаического времени (Алексеев, 2003. С. 45–46). В полной мере это относится и к деревянным чашам, находки обивок которых в «кладах» III–II вв. до н. э. (Великоплатское, Весёлая Долина, Гэвани) и синхронных погребениях Северо-Западного Причерноморья (Владычень–I 13/1, 14/2; Дервент 6/1; Кугурлуй 26/2; Чобручи 2/3), очевидно,

демонстрируют существование традиции изготовления и использования таких сосудов, отмеченной ещё в V–IV вв. до н. э. (Фиалко, 2004).

Только один сосуд – бронзовый котёл/таз (Великоплатное) – является латенским импортом.

Из всех прочих предметов только бронзовое кольцо с выступами и подвеска (деталь шлема) из Гэвани, а также бронзовая поясная пряжка из Бравичен имеют латенское происхождение. Все остальные вещи (бусины, пронизи, ворворки, кабаньи клыки и ножи) имеют многочисленные аналогии в скифских комплексах Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э.

Таким образом, скифская принадлежность большинства «культурообразующих» предметов (оружие, конское снаряжение, посуда) из перечисленных «кладов» позволяет констатировать и скифскую принадлежность самих этих комплексов. Недавно, при публикации материалов могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра было отмечено, что в его «погребальных комплексах были обнаружены практически все составляющие кладов – вооружение, конское снаряжение, посуда и пряжки латенских типов. Исключение составляют только шлемы и ситуты, а также некоторые редкие в составе кладов вещи» (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 997). Необходимо добавить, что не только находки из «кладов», но и аналогичные артефакты из скифских погребений Северо–Западного Причерноморья, в том числе и нескифского происхождения, указывают на скифскую принадлежность пресловутых «странных комплексов». В настоящее время эта позиция аргументирована анализом погребального инвентаря из всех скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э., приведённым в настоящей работе.

В свою очередь, находки фрагментов гончарной (греческого производства) и лепной (местной) посуды, а также каменной плиты и костей животных, сопровождавших в виде отдельных тризн «клады» из Броаски/Бубуечь,

Старых Бедражей и Твардицы, весьма характерны для вещевого комплекса тех тризн, которые устраивались скифами во время захоронений и фиксируются археологически.

§3. «Клады» как особый вид скифских памятников региона

Депонирование «кладов», как показано выше, получило распространение в Северо–Западном Причерноморье не ранее второй четверти III в. до н. э. и практиковалось вплоть до начала I в. до н. э. Этот интервал практически полностью совпадает с суммарной датировкой (III–II вв. до н. э.) позднескифских захоронений региона. Содержимое «кладов» если не идентично, то во многом совпадает с находками, обнаруженными в синхронных скифских погребениях. Несмотря на то, что скифская принадлежность и захоронений (Бруяко, 2009. С. 362; Полин, 2014. С. 632–633, 645–647), и «кладов» (Зайцев, 2005. С. 94; 2007. С. 266–267; 2008. С. 148–150; 2012в. С. 68; Бруяко, 2009. С. 340; Полин, Карнаух, 2012а. С. 143; Карнаух, Сердюк, Синика, 2016. С. 232–234; Разумов, Синика, 2017. С. 15), не вызывает сомнений у большинства исследователей, функциональное назначение последних («странных комплексов») до настоящего времени не установлено.

В историографической части данной работы уже отмечалось, что «клады» интерпретировались по–разному: 1) как «особая форма ... захоронения на стороне погребального инвентаря ... элитных воинских захоронений» (Зайцев, 2007. С. 266); 2) как погребально–поминальные / жертвенные памятники, связанные с воинским культом (Раев, Симоненко, 2007. С. 269, 272); 3) как «погребальный обряд, при котором археологически невозможно зафиксировать останки погребенного (водное, воздушное погребение и т.п.)» (Мордвинцева, 2013. С. 154); как символические маркёры, оставленные

сарматами в ходе освоения Северного Причерноморья (Дзиговский, Островерхов, 2010. С. 168; Вдовченков, 2016. С. 208; 2018. С. 80); маркёры торговых путей сообщения на незаселённой территории (Зайцев, 2012в. С. 71). Фактически, все перечисленные версии сводятся к тому, что «клады» являются:

1) захоронениями исключительно инвентаря вооружённых всадников. В таком случае их можно рассматривать как обычные клады¹¹⁶;

2) погребальными комплексами вооружённых всадников, от которых сохранился только сопровождающий инвентарь, а не останки погребённого. В этом варианте подобные комплексы можно считать обычными захоронениями, а именно кенотафами.

Анализ обстоятельств находок «кладов», проведённый недавно В. П. Глебовым, показал, что их большинство обнаружено в насыпях высоких курганов (30), а меньшая часть – в небольших насыпях или в естественных возвышенностях (6). Кроме того, три «клада» найдены на склонах балок, и один – на территории городища (Глебов, 2016. С. 158). Как следует из этих данных, подавляющее большинство «кладов» (36 из 40 рассмотренных, или 90% от общего числа) связано с курганами или с естественными возвышенностями, которые, несомненно, воспринимались как рукотворные насыпи.

¹¹⁶ Недавно появилась информация о том, что в составе клада из кургана 18 могильника Царский (Мясниковский р-н Ростовской обл.) на правом берегу Нижнего Дона, помимо шлема, предметов узды и поясной гарнитуры, были обнаружены «вещи, ранее не известные в подобных комплексах (ритуальный жезл, фрагменты костяного веретена, железная игла, обточенный фрагмент стенки стеклянного сосуда) или встреченные в них единично (фибулы)» (Глебов, Гордин, Дедюлькин, 2020. С. 365). В составе другого клада, из хутора Недвиговка (Мясниковского р-на Ростовской обл.) находились «железные шипцы (?)» (Глебов, Гордин, Дедюлькин, 2020. С. 365, 369).

В данной ситуации важно, что депонирование «кладов» именно в курганах получило столь же широкое распространение, как и курганный обряд захоронения у скифов Северного Причерноморья на всём протяжении существования их культуры в регионе (Ольховский, 1991. С. 61–62, 74, 120, 145; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 926–929).

В этой связи версия о том, что скифские «клады» (происходящие, как правило, из курганов) являются археологическим выражением захоронений (совершавшихся скифами, как правило, под курганными насыпями) представляется не только предпочтительной, но и весьма продуктивной.

Анализ данных о «странных комплексах» из Северо–Западного Причерноморья также свидетельствует, что их размещение связано именно с курганами и естественными возвышенностями.

Информации о обстоятельствах находки шлема из Беленького и «клада» из Бравичен в нашем распоряжении нет. Шлем из Беленького (правобережье Днестровского лимана) является случайной находкой, которая предположительно происходит из «странного комплекса» (Бруяко, Росохацкий, 1993). В публикации «клада» из Бравичен (правобережье Среднего Днестра) не содержится никаких сведений о конкретном месте находки этого комплекса вещей (Фёдоров, 1960. С. 9).

Во всех остальных восьми случаях совершенно точно установлена связь «кладов» с курганными насыпями.

«Клад» из Броаски/Бубуечь найден на правобережье Нижнего Днестра в кургане (Шуманский, 1910. С. 8).

«Клад» из Великоплого обнаружен на левобережье Нижнего Днестра в разрушенном кургане (Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 148).

В Дунай–Днестровском междуречье в поле кургана находился «клад» из Весёлой Долины (Редина, Симоненко, 2001. С. 78), в насыпи кургана у пгт.

Тараклия – бронзовый конский налобник с секировидной лопастью, в 30 м от кургана у с. Твардица – «клад», состоявший из различных предметов (Бейлекчи, 1998. С. 5).

«Клад» из Старых Бедражей найден на левобережье Прута в кургане, представлявшем собой естественное всхолмление и содержавшем два захоронения средневековых кочевников (Яровой, Чирков, 1989. С. 18–20). На правобережье Среднего Прута в холме на трипольском поселении обнаружен «клад» из Трушешть (Babeş, 1993, S. 217).

На правобережье Нижнего Дуная в разрушенной курганной насыпи зафиксирован «клад» из Гэвани (Sîrbu, Harţuche, 2000, P. 139).

Суммируя изложенное, необходимо констатировать, что из восьми случаев в Северо–Западном Причерноморье, в которых задокументирована связь «странных комплексов» с рукотворной или природной возвышенностью, в шести случаях эти комплексы вещей находились в курганах (Броаска/Бубуечь, Великоплатное, Весёлая Долина, Тараклия, Гэвани) или возле кургана (Твардица), в двух случаях – в естественных всхолмлениях (Старые Бедражи, Трушешть).

Представляется также весьма важным, что три клада сопровождалась тризнами: Броаска/Бубуечь – фрагменты посуды (Нефедова, 1993. С. 16); Старые Бедражи – самосская/группы Никандра (?) амфора (Яровой, Чирков, 1989. С. 18; Зайцев, 2012а, 56–57, Рис. 2); Твардица – косская и синопская амфоры, красноглиняная чашка, два лепных горшка, каменная плита, кости лошади и крупного рогатого скота (Бейлекчи, 1998. С. 6, 9–10, Рис. 3/1–5, Фото 7/1–5; Зайцев, 2012а. С. 57, Рис. 3/1–5, 4/1,5–7).

Если рассматривать «клады» как захоронения, от которых сохранился только погребальный инвентарь, то следы погребальной трапезы в виде фрагментов различной посуды, костей животных и даже каменной плиты (могла предназначаться для разделки пищи), как нельзя более наглядно

демонстрируют скифский обычай поминать усопших во время тризн. Их следы фиксируются с VII в. до н. э. и вплоть до конца II в. до н. э. на уровне древнего горизонта (либо возле грунтовых погребений), в насыпях и во рвах курганов (Ольховский, 1991. С. 62, 75–77, 85, 91–92, 122, 124, 130, 145–148; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 933). Недавно был опубликован «странный комплекс» из хутора Недвиговка (Мясниковского р-на Ростовской обл.). В его составе находились фрагменты «железных щипцов (?)» (Глебов, Гордин, Делюлькин, 2020. С. 365, 369, Рис. 11/9).

Таким образом, находки большей части «кладов» в курганах или естественных возвышенностях, а также сопровождение тризнами этих комплексов могут служить свидетельствами в пользу интерпретации последних в качестве погребальных, от которых сохранился только инвентарь. Подобные аргументы, хотя и весьма обоснованные, нельзя было бы считать достаточными и тем более исчерпывающими, если бы их сочетание не было задокументировано в кургане 20 у с. Семёновка, исследованном более 40 лет назад (в 1975 г.) на правом берегу Днестровского лимана.

До недавнего времени считалось, что в кургане было исследовано одно погребение (в катакомбе), рассматривавшееся исследователями как принадлежащее культуре многоваликовой керамики конца среднего – начала позднего бронзового века (Субботин, 1985. С. 91, Рис. 15/1,2; 2000. С. 378; 2013. С. 280; Черняков, 1985. С. 130; Дергачёв, 1986. С. 21; Савва, 1992. С. 187, Рис. 32, 38/6,7).

Совершенно отдельно от этого захоронения различными исследователями рассматривался и анализировался комплекс скифских вещей из кургана 20 у с. Семёновка (Субботин, Охотников, 1981. С. 108, 111; Симоненко, 1982. С. 240, 242–244, Рис. 1/1; Дзис–Райко, Суничук, 1984. С. 158, Рис. 3; Редина, 1989в. С. 29; Ольховский, 1991. С. 100; Зайцев, 2012а. С. 58–63, Рис. 5–9; Полин, 2014. С. 634). И комплекс этих вещей считался таким же «странным

комплексом», как и «клады» из Великопоского, Весёлой Долины, Старых Бедражей и прочие, которые анализируются автором настоящей работы как особый вид скифских памятников Северо–Западного Причерноморья.

В итоге сложилась целая «историографическая традиция». Её главными направлениями стали оценка погребения из кургана 20 у с. Семёновка как бабинского (культуры многоваликовой керамики) первой четверти II тыс. до н. э., а также отдельных находок под насыпью – как скифского комплекса последней трети III в. до н. э.

Как показало тщательное изучение всех данных, и погребение, совершённое в катакомбе, и комплекс предметов вооружения и конского снаряжения вместе с фрагментами керамических сосудов являются синхронными. Курган был сооружён в последней трети или последней четверти III в. до н. э. (Зайцев, 2012. С. 61, 63, Рис. 7/1,2). Скифское погребение в катакомбе, расположенное к юго–востоку от центра насыпи, сопровождало основной и центральный скифский погребальный комплекс–кенотаф. С последним связаны находки предметов конского снаряжения (налобник, кольцевидные пронизи, круглые бляхи, фрагменты удила и др.), вооружения (наконечники стрел, фрагменты наконечников и втоков копий), стеклянного кубка, а также тризны в виде керамического боя.

Таким образом, выяснилось, что комплекс вещей, который рассматривался всеми исследователями как «клад», в действительности являлся погребальным инвентарём скифского захоронения – кенотафа. Это символическое захоронение сопровождалось погребением зависимого лица в катакомбе и тризной на уровне древнего горизонта, после чего было перекрыто насыпью (Разумов, Синика, 2017; Субботин, Разумов, Синика, 2017. С. 97–102, 155–158). Именно поэтому данные захоронения были рассмотрены в соответствующем разделе настоящей работы среди прочих погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья.

Очевидно, такая же ситуация (центральный кенотаф, сопровождающее захоронение зависимого лица в яме, депонирование керамических и стеклянных сосудов) была зафиксирована в кургане Попова Могила, исследованном в 1997 г. у с. Прибрежное Белгород–Днестровского р–на Одесской обл. Украины на правом берегу Днестровского лимана (Рябова, Супрунов 1998), т. е. в 35 км к юго–востоку от кургана 20 у с. Семёновка. В отличие от последнего, в Поповой Могиле скифский кенотаф был устроен в насыпи, сооружённой в эпоху бронзы. По всей видимости, ещё один подобный кенотаф находился в кургане 12 у пгт. Тараклия в Буджакской степи, откуда происходит находка бронзового конского налобника с секировидной лопастью (Симоненко, 2009. С. 187, Рис. 159/2). Эта насыпь, как и курган Попова Могила, была возведена в раннем бронзовом веке.

Сооружение скифами символических захоронений (кенотафов) зафиксировано во всех регионах Северного Причерноморья в V–II вв. до н. э. (Ольховский, 1991. С. 67, 100, 138; Синика, Тельнов, 2018а. С. 141). Однако везде они столь же малочисленны в общей массе погребальных памятников, как и «странные комплексы» (10 в Северо–Западном Причерноморье) по сравнению с количеством захоронений III–II вв. до н. э. (332 в Северо–Западном Причерноморье, или 327 без учёта кенотафов).

При этом насыпи, сооружённые над скифскими кенотафами без следов основного погребального сооружения, известны: в Побужье – курган 2 группы VIII у с. Ковалёвка с кромлехом (IV в. до н. э.), находки представлены фрагментами железной узды, лепным сосудом гетского облика, и тризной в виде амфорного боя (Ковпаненко и др., 1975. С. 115–116, Рис. 135); в Северном Приазовье – курган 2 у с. Дмитровка (IV в. до н. э.), окружённый рвом (Папанова, Тощев, Голик, 2014. С. 187–189, 219, Рис. 6, 8); в Поднепровье – курган 2 группы V у с. Первомаевка (IV в. до н. э.), с вкопанным в центре кургана антропоморфным изваянием и тризной в виде боя керамических сосудов и костей животных (Евдокимов, Фридман, 1991.

С. 90–92, Рис. 14)¹¹⁷; в Северо–Восточном Приазовье – единый комплекс (третья четверть IV в. до н. э.) курганов 5 (каменная платформа над символическим погребением и фрагменты амфоры) и 7 (находки бронзовых зеркала, котелка и конского налобника, железной подпружной пряжки, каменного оселка, а также тризны в виде амфорного боя и чернолаковой чашки) у с. Кременёвка (Полин, Карнаух, 2012б; Полин, 2014. С. 590–593, Рис. 537); в Подонье – курган 31 (1911 г.) Елизаветовского могильника, на уровне древнего горизонта найдены пять бронзовых наконечников стрел (Миллер, 1914. С. 242; Ольховский, 1991. С. 100)¹¹⁸.

Перечисленные курганы–кенотафы IV в. до н. э., равно как и скифские кенотафы с инвентарём того же времени, в которых устраивалось погребальное сооружение (Синика, Тельнов, 2018а. С. 141), и являются истоками появления практики депонирования «кладов» / «странных комплексов» у скифов III–II вв. до н. э. Северного Причерноморья. Если эти комплексы вещей (большинство которых извлечено из археологического контекста без должной фиксации или вообще без неё) воспринимать как инвентарь скифских кенотафов, о чём однозначно свидетельствует курган 20 у с. Семёновка, тогда «корни этого обряда» (Симоненко, 2018) становятся очевидными.

¹¹⁷ С. В. Полин считает этот комплекс скифским святилищем или «объектом долговременного функционирования» (Полин, 2014. С. 595), с чем нельзя согласиться по двум причинам. Во–первых, тризна (сколь бы мощной она ни была) могла быть проведена одновременно, во–вторых, подкурганная поверхность была перекрыта насыпью, достигавшей 1 м высоты ко времени исследования (Евдокимов, Фридман, 1991. С. 90, Рис. 14/1,2).

¹¹⁸ В литературе можно найти упоминание и о других «кенотафах». Таковыми В. С. Ольховский (1991. С. 100) считает курган 3 у с. Башмачка в Поднепровье (Волкобой, 1981. С. 46, Рис. 1/5,6), а Ю. В. Болтрик (2007. С. 48) – курганы 7 и 8 группы VIII у с. Ковалёвка в Побужье (Ковпаненко и др., 1975. С. 121), однако, поскольку при их исследовании были обнаружены только фрагменты лепных сосудов и амфорный бой, эти комплексы следует рассматривать как поминальные.

В завершение необходимо подчеркнуть, что интерпретации «кладов» в качестве погребального инвентаря скифских погребений–кенотафов как будто противоречит ряд обстоятельств.

Это, во–первых, находки подобных комплексов вещей в балках и на территории поселенческих памятников, синхронных «кладам». Впрочем, такие «клады», весьма немногочисленные (Глебов, 2016. С. 158), можно рассматривать как погребения, совершенные с отклонением от базовой обрядовой нормы. В это связи уместно констатировать, что скифские курганы Северо–Западного Причерноморья, как правило, расположены на вершинах плато и водоразделов, однако изредка насыпи сооружались на склонах балок и в поймах рек.

Во–вторых, наборы предметов вооружения и, особенно, конского снаряжения, а также престижные импортные вещи из «кладов» являются, как правило, более представительными в количественном и качественном отношении, нежели аналогичные находки из синхронных скифских захоронений. Это обстоятельство позволяет предполагать существование специального обряда захоронения для элитных представителей воинской дружины в позднескифском обществе.

Наконец, едва ли не половина «кладов» в лесостепной (Бравичены, Старые Бедражи, Трушешть) и степной (Гэвани) зонах находятся на достаточном (Бравичены, Гэвани) или значительном (Старые Бедражи, Трушешть) удалении от основного ареала позднескифской культуры Северо–Западного Причерноморья, который включает степное пространство между реками Прут и Южный Буг. В то же время отдельные скифские захоронения, расположенные на достаточном удалении от указанного ареала, известны и в раннескифское время (Старые Куконешты: Дергачёв, 1979), и в IV в. до н. э. (Косоуцы: Манзура, 1982).

Все перечисленные обстоятельства в совокупности с недостаточной информацией об археологических контекстах находок «кладов» в настоящее время не позволяют безоговорочно и безапелляционно считать все эти комплексы погребальным инвентарём скифских захоронений–кенотафов. Именно поэтому в настоящей работе они рассматриваются как особый вид скифских археологических памятников региона в III–II вв. до н. э.

ГЛАВА V.

Инокультурные влияния на скифское население Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.

§1. Основные характеристики скифского погребального обряда и материальной культуры

Анализ обряда, зафиксированного при исследовании захоронений III–II вв. до н. э., показал его преемственность погребальным обычаям скифов более раннего времени. Об этом свидетельствуют сооружения в виде катакомб различных типов, их конструктивные детали и целый ряд элементов обрядности, имеющие множество аналогий среди скифских памятников VII–IV вв. до н. э. Северного Причерноморья и Крыма, а в некоторых случаях и Кавказа (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 669–926).

Все погребения III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья были совершены по обряду ингумации, что характерно для подавляющего большинства скифских захоронений Северного Причерноморья и Крыма.

Характер захоронений различается. Большинство погребений одиночные, но, по сравнению с предшествующим периодом, в III–II вв. до н. э. увеличивается количество асинхронных захоронений (19,04 % от общего числа), что, по нашему мнению, свидетельствует о переходе скифов Нижнего Поднепровья к оседлому образу жизни. Для конца VII – начала III в. до н. э. ранее отмечалось ок. 5 % асинхронных захоронений (Синика, 2007а. С. 18;

2007б. С. 90)¹¹⁹, при этом последние датируются не ранее середины IV в. до н. э.

В позднескифское время абсолютно преобладает вытянутое на спине положение погребённых, хотя и с различными вариациями (96,86 % погребённых с установленной позой). Едва ли не идентичная ситуация (96,28 %) была отмечена для захоронений VI–IV вв. до н. э. (Синика, 2007а. С. 18; 2007б. С. 90).

В то же время именно с первой половины III в. до н. э. наблюдаются заметные изменения в погребальном обряде и материальной культуре скифов Северо–Западного Причерноморья.

По сравнению с доминированием в предшествующее время ям и редкостью катакомб, большинство из которых представлены I типом (ямы с подбоями) (Синика, 2007а. С. 12–13; 2007б. С. 55–56, 64), в III–II вв. абсолютно преобладают катакомбы (96,07 % погребальных сооружений), особенно T–образные (III типа). Важно заметить, что катакомбы III типа (184 или 57,87 % от общего числа катакомб) не являются инородными для скифской степной культуры. Они характерны для Днепро–Бугского локального варианта, а также для Приазовской и Присивашской локальных групп (Ольховский, 1991. С. 167–171). Катакомбы III типа встречаются уже с середины V в. до н. э., как, например, погребения 1/2 и 2/2 у с. Корнеевка Запорожской обл. (Ковалёв, Полин, 1991. С. 35, 37, 40, Рис. 1/12, 5/1), а в IV в. до н. э. получают повсеместное распространение в Северном Причерноморье (Ольховский, 1991. С. 35). К рубежу IV–III вв. до н. э. обычай сооружать катакомбы III типа распространяется на западную периферию скифского степного мира – Поднестровье (захоронения

¹¹⁹ В своё время мною были указаны 15 асинхронных захоронений конца V–IV вв. до н. э. (5,05 % от общего числа). При этом среди них были ошибочно учтены три захоронения (Градешка 7а/1; Николаевка 12, 56), которые в настоящее время, без сомнения, следует датировать III в. до н. э.

могильника у с. Глиное Слободзейского р-на и другие памятники Тираспольской группы III–II вв. до н. э.) и Подунавье (погребения могильников Градешка, Дервент и Кугурлуй) (Редина, 1989в. С. 31–33).

В отличие от предшествующего времени (V–IV вв. до н. э.), когда доминировала широтная ориентировка (Синика, 2007а. С. 18; 2007б. С. 90–91), в позднескифское время господствует меридиональная ориентировка. Этот факт свидетельствует о трансформации скифского погребального обряда в III–II вв. до н. э., но не о смене этнической принадлежности населения Поднестровья в это время. Распространение меридиональной ориентировки погребённых, очевидно, напрямую связано с видом погребального сооружения. Если в V–IV вв. до н. э. в Поднестровье основным видом погребального сооружения являлась яма с широтной ориентировкой длинной оси, то и ориентировка погребённых была широтной. На рубеже IV–III вв. до н. э. на смену ямам приходят катакомбы III и производных от него типов. В подавляющем большинстве этих катакомб входная яма имеет широтную ориентировку, а камера – меридиональную, что обусловило и выбор ориентировки погребённых. Конечно, не следует понимать упрощённо механизм изменения обрядности. Очевидно, что смена ориентировки умерших была не только следствием появления нового типа катакомбного сооружения, но и означала трансформацию определённых ритуальных воззрений, которая происходила отнюдь не всегда. Примером тому является сооружение на могильнике у с. Глиное катакомб I типа, в которых сохраняется широтная ориентировка как катакомбы, так и погребённого в ней индивидуума, весьма обычная в V–IV вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 983).

Появление прочих элементов, а точнее, микродеталей обрядности, которые не встречаются или встречаются крайне редко в предшествующее время у скифов нижнеднестровских степей, стало следствием более тесных контактов

в III–II вв. до н. э. с греческим населением Нижнего Поднестровья (сырцовые заклады входов в дромос, ниши в стенах входных ям/камер и др.).

Материальная культура скифского населения Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. имеет прямое генетическое родство с классической степной скифской культурой Северного Причерноморья предшествующего времени (Тельнов, Четвериков, Синика, 2012. С. 11; 2016. С. 985).

Основным видом наступательного вооружения по–прежнему остаются лук и стрелы, причём стрелы снабжены в большинстве случаев более прочными и дешёвыми железными наконечниками, которые по своей форме ничем не отличаются от бронзовых наконечников IV в. до н. э. В составе колчанных наборов нередко шилья, которые в III в. до н. э. стали обычным элементом в снаряжении скифских лучников. Вдвое реже по сравнению с предшествующим временем стали встречаться копья (V–IV вв. до н. э. – 18,97 %; III–II вв. до н. э. – 8,15 %); дротики используются столь же редко. Мечи и кинжалы, изредка встречавшиеся в V–IV вв. до н. э. (30 погребений, 5,69 % от общего числа), практически неизвестны в скифских погребениях III–II н. э. Северо–Западного Причерноморья. Вероятно, на смену мечам в качестве оружия ближнего боя пришли боевые топоры. В V–IV вв. до н. э. известно менее 1 % скифских погребений с топорами; в III–II вв. до н. э. топоры встречены в 18 погребениях, что составляет 5,43 % от общего числа. Один из обнаруженных топоров двулезвийный. В III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье практически неизвестно защитное вооружение, оно представлено только остатками четырёх деревянных щитов (1,2 %). Впрочем, и в предшествующее время защитное вооружение встречается крайне редко: известны панцири (3,6 %), боевые пояса (1,13 %), щиты (0,75 %), поножи (0,37 %) и шлем (0,18 %) (Синика, 2007а. С. 19).

Конское снаряжение в III–II вв. до н. э. практически ничем не отличается от более раннего. Оно представлено удилами, псалиями, подпружными

пряжками, налобниками и различными украшениями. Из новшеств следует отметить широчайшее распространение трензельных колец, а также крайне редкое использование перстневидных блях, кольцевидных пронизей и круглых блях. Последние включаются в серию изделий, производство которых связано с центральноевропейскими традициями.

Орудия труда также практически идентичны орудиям предшествующего времени. Это, в первую очередь, ножи, а также пряслица, шилья, иглы, оселки, которые представляют собой материал, повсеместно встречающийся в скифских погребениях Северного Причерноморья.

Тарная посуда представлена исключительно амфорами, но их количество в погребениях III–II вв. до н. э. значительно сокращается по сравнению с V–IV вв. до н. э. Кухонная посуда представлена лепными горшками и бронзовым черпаком. Количество горшков примерно соответствует (6,64 %) имеющимся данным относительно V–IV вв. до н. э. (более 6,07 %). Единственный котёл был унесён из камеры катакомбы при ограблении. Количество столовой посуды по сравнению с предшествующим периодом (20,87 %), в III–II вв. до н. э. значительно возрастает (54,68 %), а ассортимент сокращается. В погребениях III–II вв. до н. э. не были обнаружены килики, скифосы, солонки, пелики, ойнохои, кубки, леканы. При этом широчайшее распространение получают лепные миски и чашки, многие из которых своей профилировкой и различными элементами декора свидетельствуют о непосредственном фрако–гетском влиянии.

Украшения (серьги, височные кольца, браслеты, перстни, кольца и т. д.) также типичны для скифской степной культуры Северного Причерноморья, но именно на них отразилось в большей степени фракийское, и в меньшей степени – латенское влияние.

Среди аксессуаров костюма значительное место занимают фибулы различных латенских типов и вариантов. Кроме того, известны фибулы

фракийского типа. Они получили широчайшее распространение на памятниках III–II вв. до н. э., которое не имеет аналогов на скифских памятниках других регионов Северного Причерноморья.

Предметы туалета, представленные зеркалами и сосудами для благовоний, имеют массу аналогий в скифских комплексах предшествующего времени не только Северо–Западного, но и всего Причерноморья

Также на протяжении всей скифской истории использовались культовые принадлежности, встречаемые при исследовании погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья. Определённую оригинальность набору культовых предметов придаёт наличие лепных курильниц с обожжёнными гальками внутри, однако, как было показано, эти сосуды являются общескифским явлением, встречающимся от Лесостепи на севере до Крыма на юге, от Подунавья на западе до Подонья на востоке.

В III–II вв. до н. э., как и в предшествующее время, скифы Северо–Западного Причерноморья продолжают развивать контакты с греческим населением и с носителями других культур региона.

Данные, полученные при исследовании всех памятников этого времени (погребений, поминальных комплексов, «кладов», поселений), позволяют составить довольно точное представление об этих контактах, поскольку их влияние отразилось на погребальном обряде и материальной культуре скифов Северо–Западного Причерноморья.

Одними из основных соседей скифов в III–II вв. до н. э. являлись греки, проживавшие не только в городах Тира (Самойлова, 1988) и Никоний (Секерская, 1989; Бруяко, 2009. С. 336) на берегах Днестровского лимана и в Ольвии на правом берегу Южного Буга (Парович–Пешикан, 1974), но и на расположенных в непосредственной близости от этих центров поселениях (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. С. 44–76; Бруяко, Малюкевич, 2009; Редина, 2013).

Отметим, что если в V–IV вв. до н. э. влияние греческого населения на скифов проявлялось исключительно в виде различных импортов (вино, столовая посуда, металлические, в том числе ювелирные, изделия и др.), то в III–II вв. до н. э. ситуация в корне изменяется. Торгово–экономические связи сохраняются: керамические импорты продолжают поступать в Северо–Западное Причерноморье, хотя в погребальные комплексы они стали попадать реже.

Некоторые металлические и стеклянные изделия впервые встречены в «кладах» региона. Это, в частности, псевдоаттические шлемы из Броаски/Бубуечь и Гэвани, местом производства которых считаются Северная Греция или Македония (Симоненко, 2009. С. 134). Относительно фаларов с рельефным геометрическим орнаментом (Броаска/Бубуечь, Весёлая Долина, Старые Бедражи, Твардица) существует точка зрения, что они изготавливались в ремесленных мастерских Северного Причерноморья – в Ольвии или на Боспоре (Смирнов, 1984. С. 113; Мордвинцева, 2001б. С. 164). Высказано также предположение, что это изделия «малоазийского или парфянского происхождения» (Симоненко, 2009. С. 203). При этом их греческая (эллинистическая) основа не ставится под сомнение (Щукин, 2001. С. 153–154). Сосуды, подобные серебряной чаше из Великопоского, считаются либо продукцией селевкидских мастерских (Мордвинцева, Трейстер, 2007а. С. 28), либо центр их производства обозначен как балкано–малоазийский регион (Симоненко, 2011. С. 33). Анализ материала стеклянной чаши из кургана 20 у с. Семёновка, сваренной на натуральной соде, и с сурьмой в составе стекла (Островерхов, Охотников, 1985. С. 32), позволил исследователям считать источником её происхождения «восточно–греческую» школу стеклоделия (Дзиговский, Островерхов, 2000. С. 57, 60, 65–76, Рис. 14/3, 16).

Кроме того, в составе некоторых «кладов» есть импорты античного, но при этом не греческого, а римского происхождения. Это бронзовые ситулы и шлемы типа Монтефортино.

Бронзовые ситулы типа Баргфельд из «кладов» у Весёлой Долины и Старых Бедражей большинством исследователей считаются предметами римского воинского снаряжения (Шилов, 1974. С. 75; Марченко, 1996. С. 38; Шевченко, 2013. С. 68). Помимо указанных комплексов, аналогичные сосуды обнаружены в погребениях поенешть–лукашэвской культуры у с. Сипотены (две ситулы) Каларашского р–на (Сергеев, 1956. С. 135, 137, Рис. 1–3) и у с. Мана Оргеевского р–на (Tentiuc, Vubulici, Simalesik, 2015, P. 223, Fig. 3) Молдавии, в лесостепной зоне Прутско–Днестровского междуречья. За пределами Северо–Западного Причерноморья такая же ситула найдена только в скифском «кладе» у с. Марьевка (Симоненко, 2011. С. 46, Рис. 23/2, 24/2) на левобережье Южного Буга, однако этот памятник непосредственно примыкает к восточной границе указанного ареала.

Очевидно, что римские ситулы были для скифов таким же импортом, как и греческие амфоры, с той только разницей, что последние были значительно более доступными ввиду их массового производства. В IV – первой трети III в. до н. э. ситулы других типов известны в царских и аристократических курганах Нижнего Поднепровья и Среднего Побужья, например, в Чертомлыке (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 127, 219, Кат. 157), Гаймановой Могиле (Бидзиля, Полин, 2012. С. 356, 442, Рис. 478, 479, 641, Кат. 142, 243), в Большом Рыжановском кургане (Скорый, Хохоровски, 2018. С. 72–73, 101–102, Рис. 150, 151, 194/1, 195/1). Однако сколь–нибудь значительного распространения эти ритуальные сосуды не получили (Бидзиля, Полин, 2012. С. 361–362), очевидно, ввиду их высокой стоимости.

Бронзовые шлемы типа Монтефортино из «кладов» у Беленького и Весёлой Долины представляют собой продукцию италийских мастерских. В подобной атрибуции сходятся все исследователи, несмотря на значительные

разногласия относительно времени бытования подобных находок на юге Восточной Европы, датировок тех комплексов, откуда происходят такие шлемы, а также региона, откуда данный вид защитного доспеха попадал в Северное Причерноморье (Бруяко, Росохацкий, 1993; Зайцев, 2008; Бруяко, 2009. С. 341–345; Симоненко, 2009. С. 137–147, Рис. 110–120; 2015. С. 166–193, Рис. 53–62). Здесь подобные шлемы, помимо «кладов» у с. Беленькое и с. Весёлая Долина, известны в «кладе» из Марьевки на левобережье Южного Буга (Iakounina–Ivanova, 1927, P. 100, 102–103, Fig. 8; Симоненко, 2009. С. 137, 139, Рис. 110, 111, 112/1), у с. Приморское Васильевского р-на Запорожской обл. на левобережье Нижнего Днестра (Попандопуло, 2009. С. 52–54, Рис. 2–4), а также в курганах Токмак Могила у с. Новополтавка Черниговского р-на (Попандопуло, 2009. С. 51) Запорожской обл. Украины в Северном Приазовье (Симоненко, 2009. С. 141, 144, Рис. 116/2, 117, 118), № 1 у с. Приволье в бассейне р. Северский Донец (Симоненко, 2009. С. 144, Рис. 119)

Вместе с тем в этот период, впервые за всё время существования скифской культуры в регионе, греческое влияние на неё фиксируется довольно отчётливо не только в материальной культуре, но и, что весьма важно, в погребальном обряде.

§2. Греческое влияние на погребальный обряд и материальную культуру

Греческое влияние на погребальный обряд скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. проявляется в виде устройства сырцовых закладов, а также единственного заклада из сосудов, ниш для светильников в стенах погребальных камер, материковых лож и подсыпок под погребёнными, канавок в дне погребальных камер.

Сырцовые заклады достоверно зафиксированы в семи погребениях: Глиное 3/1, 14/1, 59/1, 71/1 (рис. 142/1), 76/1, 105/2 (рис. 142/2); Чобручи 2/3. Отметим, что число катакомб с сырцовыми закладами, наверняка, было значительно бóльшим, поскольку часть погребений была нарушена при подзахоронениях и ограблениях, в некоторых случаях свод дромоса и камеры проседал из-за позднейших нарушений почвы, исключая, таким образом, возможность установить наличие заклада.

Необходимо отметить, что, с одной стороны, сырцовые заклады крайне редки в скифских катакомбах Северо-Западного Причерноморья. В предшествующее время сырцовый заклад известен в единственном скифском погребении Днестро-Бугского междуречья. Он был зафиксирован в захоронении 3/2 у с. Вапнярка, совершённом, судя по бронзовым наконечникам стрел, во второй половине IV в. до н. э. При этом авторы публикации не исключают возможности существования в данной катакомбе комбинированного заклада с использованием каменных плит и сырца (Савельев, Остапенко, 2009. С. 169, Рис. 2/5). Крайне редки сырцовые заклады и в остальных регионах Северного Причерноморья. Единственный сырцовый заклад известен в Поингулье (правобережье Южного Буга): вход в дромос погребения 3/2 могильника у с. Отрадное был закрыт «глиной или сырцовым кирпичом» (Гребенников, 1980. С. 152, Рис. 4/1; 2008. С. 72). Погребение 3/2 у с. Отрадное датировано не позднее третьей четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 575).

С другой стороны, сырцовые заклады получили широчайшее распространение на античных некрополях Северного Причерноморья. Для сравнения приведём данные о некрополе Ольвии, наиболее хорошо изученном и наиболее полно опубликованном. Сырцовые заклады на некрополе Ольвии устраивались как в катакомбах I типа («подбойных могилах»), так и в земляных склепах. В катакомбах I типа в V–IV вв. до н. э. сырцовые кирпичи являлись самым распространённым строительным

материалом, который использовался для закладов. Из всех раскопанных сооружений этого типа как минимум 44, т. е. 24 %, имели именно такие заклады. Помимо этого сырец использовался в комбинированных закладах погребений 1902/82 (сырец + камень), 1995/6 (сырец + амфоры), 1995/9 (сырец + амфоры). Ещё чаще сырцовые заклады использовались в грунтовых склепах: 55 % склепов V–IV вв. до н. э. и 60 % склепов IV–III вв. до н. э. (Козуб, 1974. С. 13; Папанова, 2006. С. 93, 95, 106). Ещё 30 закладов из сырца известны в катакомбах Петуховского (Марицынского) могильника в Нижнем Побужье (Ольховский, 1991. С. 30), расположенного поблизости от Ольвии¹²⁰.

Заклад из сосудов исследован в единственном погребении – Глиное 7/1 (рис.143/1). Условность применения термина «заклад» к данному комплексу уже оговорена, поскольку в основном дромосе этой катакомбы сосуды, входившие в состав заклада (светильник, чашка, курильница и миска), не могли являться преградой для попадания грунта в камеру при засыпке входной ямы. Вместе с тем не вызывает сомнения, что данный заклад являлся имитацией амфорных закладов, получивших незначительное распространение в скифском погребальном обряде и широчайшее – в греческом.

В предшествующее время в Дунай–Днестровских степях заклады из сосудов, а именно из амфор, зафиксированы всего в трёх скифских захоронениях: дважды в разрушенных погребениях у с. Камышовка¹²¹ Измаильского р-на Одесской обл. на левобережье Нижнего Дуная

¹²⁰ Отметим, что и В. С. Ольховский, и многие другие исследователи рассматривали и рассматривают (Полин, 1992. С. 35–39; Полин, 2014. С. 239 и сл.) данный памятник среди прочих скифских могильников Северного Причерноморья, не приводя в пользу такой атрибуции весомых аргументов. В настоящее время более обоснованной представляется греческая принадлежность данного памятника (Снитко, 2015. С. 80–82, 135–139).

¹²¹ Захоронения были совершены в начале 360–х гг. и в 330–х гг. до н. э. (Паламарчук, Синика, 2014. С. 298).

(Паламарчук, Синика, 2014. С. 296–298), и у с. Надлиманское¹²² в левобережном Поднестровье (Субботин, Охотников, 1981. С. 106, Рис. 1/8,9), причём последний комплекс был обнаружен неподалёку от греческого города Никоний.

На некрополе Ольвии греческого времени амфоры являлись наиболее распространённым материалом для устройства закладов. Амфорные заклады были изучены в 33 катакомбах I типа V–IV вв. до н. э., что составляет 30,7 % от общего числа подобных сооружений этого времени. Амфоры использовались и в комбинированных закладах в погребениях 1901/66 (амфоры + камень), 1902/82 (амфоры + сырец), 1912/55а (амфоры + известняк + мрамор), 1912/57 (амфоры + камень), 1920/54 (амфоры + камень), 1992/3 (амфорные стенки + полуобработанные камни), 1995/6 (амфоры + сырец), 1995/9 (амфоры + сырец). В III–II вв. до н. э. на некрополе Ольвии значительно сокращается количество катакомб с амфорными закладами. Таких комплексов исследовано всего три – 1902/129, 1906/53, 1906/97 (Козуб, 1974. С. 13; Папанова, 2006. С. 93, 95–96, Рис. 37).

Таким образом, есть все основания связывать появление сырцовых закладов и заклада из сосудов в катакомбах III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья с влиянием греческой погребальной обрядности. Ещё В. С. Ольховский указывал на то, что сырцовые и амфорные заклады, получившие широкое распространение в некрополях Ольвии, Никония и других городов, были заимствованы скифами из греческого погребального обряда (Ольховский, 1991. С. 30–31).

Ниши в стенах входной ямы/погребальных камер для светильников были достоверно зафиксированы в восьми захоронениях. Благодаря уникальной степени сохранности погребальных сооружений, удалось зафиксировать 11

¹²² Погребение датировано С. В. Полиным первой половиной IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 299).

специальных ниш, устроенных для светильников. Только одна из них была устроена во впускной входной яме погребения Глиное 88/1. Остальные десять ниш были устроены в стенках погребальных камер. В четырёх нишах (Глиное 52/1 – обе ниши (рис. 143/2), 56/1, 84/1 – одна из двух ниш) светильники находились вплоть до момента расчистки погребальных камер, в шести других случаях – выпали из ниш и находились в непосредственной близости (Глиное 33/1, 37/1, 54/2, 76/1, 84/1 – одна из двух ниш, 92/1).

Ещё в пяти катакомбах (Глиное 11/1, 12/1, 67/4, 77/1, 101/2) ни в нишах, ни рядом с ними светильников обнаружено не было, но следы копоты на стенках и сводах ниш свидетельствуют о том, что они использовались в качестве полок для светильников, которые были вынесены из камеры после завершения обряда погребения или при совершении подзахоронения.

Скорее всего, судя по размерам, ниши из погребений Глиное 68/1, 115/1, 116/2 также предназначались для установки светильников, однако никаких следов копоты на них не отмечено.

Сравнение данных о размещении ниш со светильниками и размещении светильников вне ниш может свидетельствовать о том, что при сооружении катакомб значительное количество светильников находилось в специальных нишах, устроенных в камерах. Очевидно, что из-за отслоения стен множества погребальных камер эти ниши не были зафиксированы в ходе исследования. Безусловно, устройство ниш для светильников в погребальных камерах было заимствовано нижнеднепровскими скифами у греков (Синика, Тельнов, 2015б. С. 203). Об этом свидетельствует как широкое распространение самих светильников, подражающих, как правило, греческим образцам, так и имеющиеся аналогии на некрополе Ольвии, где «в ряде склепов в стенках камер вырезали по одной или по две прямоугольные ниши для светильников» (Папанова, 2006. С. 104, Рис. 42).

Материковые ложа (рис. 46) зафиксированы в пяти погребениях: Глиное 10/1 (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 111, Рис. 43/2,4); Дервент 5/2 (Гудкова, Суничук, 1985. С. 8, Табл. 23/1–3; Островерхов, Редина, 2013, Рис. 90/7); Кугурлуй 15/1, 18/1, 23/2 (Гудкова, Суничук, 1985. С. 42–43, 47, 54, Табл. 89/2, 90/1,3, 91/1,2, 101/1–4, 110/1–3).

Своеобразное материковое ложе было исследовано и в погребении 4/1 у с. Мирное под Борисполем (Среднее Поднепровье) – в камере катакомбы II типа было оставлено материковое возвышение шириной 1,15 м и высотой 0,18 м, которое примыкало тремя сторонами к стенкам камеры. Захоронение датировано IV в. до н. э. (Погорелый, 1981. С. 43, Рис. 2), однако есть основания сузить эту дату до второй половины указанного столетия (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 767).

Как и в случае с предыдущими деталями обряда, этот элемент представляет собой довольно частое явление на некрополе Ольвии. Материковые «лежанки» зафиксированы в целом ряде земляных склепов (1896/25, 1896/35, 1901/49, 1901/56, 1902/9, 1903/27, 1907/2), которые суммарно датируются III–II вв. до н. э. (Парович–Пешикан, 1974. С. 34–35; Папанова, 2006. С. 103–104).

Подсыпка материковой глиной дна камеры была зафиксирована в двух погребениях – Глиное 95/1 (рис. 144/1) и 100/1 (рис. 144/2). Хотя данный элемент обрядности известен, например, в погребениях 48/2 у с. Кочковатое в Подунавье (Ванчугов, Субботин, Дзиговский. С. 50)¹²³, 186/2 могильника

¹²³ В недавних работах погребение Кочковатое 48/2 (основное в кургане) безосновательно было датировано V в. до н. э. (Teleagă, 2008, P. 425, № 813; Полин, 2014. С. 237). На основании железных наконечников стрел из погребения Кочковатое 48/3, совершённого одновременно с погребением Кочковатое 48/2, последний комплекс датируется не ранее последней четверти IV в. до н. э. (Синика, Тельнов, 2018а. С. 141).

Мамай–Гора (Андрух, Тощев, 2009. С. 111, Рис. 53)¹²⁴ и 13/2 группы Богдановской обогатительной фабрики в Поднепровье (Тереножкин и др., 1973. С. 163)¹²⁵, его появление также связано с греческим влиянием, поскольку подсыпка дна камеры, безусловно, имитировала материковое ложе, вырезанное в дне погребальной камеры (Синика, 2012. С. 266–267). В Ольвии подобный способ захоронения – на насыпанной материковой лежанке – зафиксирован, в частности, в земляном склепе 1902/35 (Папанова, 2006. С. 103–104).

Канавки в дне погребальной камеры были выявлены в захоронениях Глиное 35/1 (рис. 145/1,2), 71/1 (рис. 142/1,2) и 96/1 (рис. 145/3,4). Отметим, что прямоугольные канавки, обнаруженные в указанных комплексах, имели длину от 1,2 м до 2,1 м, ширину от 8 см до 14 см и глубину от 7 см до 15 см, не содержали следов каких–либо строительных материалов и располагались вдоль длинных стен погребальных камер. Таким образом, очевидно, что эти канавки являлись не конструктивным элементом погребальной камеры, а элементом обрядности¹²⁶.

Скифские катакомбы в Северном Причерноморье, где были бы выявлены аналогичные канавки, неизвестны. В то же время они изучены, например, на некрополе Ольвии. Прямоугольные канавки шириной 0,3–0,5 м и глубиной 0,2–0,3 м, зафиксированные в четырёх погребениях (1909/32, 1909/33, 1910/21, 1910/26), проходили вдоль длинных или коротких стен могилы. В. А. Папанова отрицает возможность их использования для установки и крепления каких–либо конструкций, поскольку в погребении 1909/32 костяк

¹²⁴ Курган 186 могильника Мамай–Гора датирован С. В. Полиным рубежом V–IV вв. до н. э. (Полин, 2014. С. 212).

¹²⁵ Погребение 13/2 группы Богдановской обогатительной фабрики было совершено во второй половине IV в. до н. э.

¹²⁶ В отличие, например, от канавок, предназначенных для установки гробовища в камере катакомбы Глиное 88/1.

лежал поверх канавки. Исследователь отмечает, что они предназначались, вероятно, для возлияний, совершённых «до помещения тела в могилу с целью умиловить подземных богов». Широкое использование различных жертвенных канавок и канав, устроенных как в погребениях, так и в непосредственной близости от них, на греческих некрополях Северного Причерноморья во все периоды их существования, а также в Греции с конца VIII в. до н. э. (Папанова, 2006. С. 199–200) не оставляет сомнений в греческом происхождении данного элемента обрядности в указанных скифских катакомбах Северо–Западного Причерноморья.

Греческое влияние на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. фиксируется на различных памятниках так же отчётливо, как и влияние на погребальную обрядность. Оно нашло своё отражение в широчайшем распространении светильников, в единичных находках канделябра и черпака, в серии лепных чашек на высокой ножке, в находках мисок с петлевидными боковыми ручками, мисок с дном, представляющим собой имитацию кольцевого поддона, в находках лепных поильников, а также в изготовлении лепных курильниц на ножках.

Светильники (рис. 64/1, 65–69) наиболее наглядно демонстрируют греческое влияние на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. Они были обнаружены в 59 погребениях региона, т. е. каждое пятое захоронение содержало светильник. Всего же светильников было найдено 72, из которых 62 являлись собственно светильниками, а ещё десять – различными иными сосудами и их фрагментами, которые использовались в качестве светильников (четыре поддона, три лепные чашки, две амфорные ножки и один фрагмент тулова лепного горшка). Из 62 светильников один был бронзовым, десять – гончарными, однако наибольшее распространение получили лепные светильники – 51 экземпляр.

При анализе предметов быта из скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья уже было отмечено, что светильники крайне редко встречаются в скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма V–II вв. до н. э. Нам известна всего 21 находка светильников: бронзовые (7 экз.) – курганы Бабы, Чертомлык, Толстая Могила (2 экз.), Огуз, № 6 у с. Башмачка, погребение 1/1 у с. Водославка; железные (2 экз.) – захоронения 4/2 группы Страшной Могилы и 6/1 у с. Водославка; гранитный – погребение 13/4 у с. Львово; гончарные (5 экз.) – погребение № 67 грунтового могильника у с. Николаевка, захоронение 1/1 у с. Первомаевка, курган Кара–Тюбе, погребения 60/2 Ак–Ташского могильника и 1/2 у хут. Ленино; лепные (3 экз.) – погребение 49 грунтового могильника у с. Николаевка, курган 9 у с. Нововасильевка, погребение на земляном валу Знаменского городища. В 8–м Пятибратнем кургане обнаружены три керамических светильника (гончарные? лепные?).

Простое сравнение количества находок светильников из погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья (72 экз.) и из всех других скифских погребальных памятников (21 экз.) убедительно свидетельствует о широчайшем распространении обряда помещения светильников в захоронения скифов в указанное время.

Обращаясь к материалам, полученным при исследовании некрополя Ольвии, мы видим, что помещение светильника в погребальный комплекс является обычной практикой. Для второй половины VI – начала V в. до н. э. светильники известны в двух погребениях (1902/98, 1903/36). В классический период светильников становится больше, они обнаружены в восьми могилах: 1901/74 (V в. до н. э.), 1902/92 (вторая половина V в. до н. э.), 1904/11 (IV в. до н. э.), 1906/6 (V–IV вв. до н. э.), 1906/23 (первая половина V в. до н. э.), 1913/35 (первая половина V в. до н. э.), 1920/43 (IV в. до н. э.), 1992/8 (IV–III вв. до н. э.). В 21 ольвийской могиле эллинистического времени было обнаружено 27 светильников. В Греции обряд помещения светильников в

погребения известен с протогеометрического периода, и со временем получает всё большее распространение (Папанова, 2006. С. 214).

Таким образом, можно констатировать, что помещение светильников в погребения Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. явилось результатом греческого влияния на материальную и духовную культуру скифов региона. Об этом также свидетельствуют формы всех лепных светильников, которые копировали формы гончарных греческих светильников или подражали им более или менее тщательно (Гаврилюк, 1984. С. 9, Рис. 2/9,10). Результатом широкого использования в быту, а следовательно, и в погребальном обряде, светильников стало устройство ниш в погребальной камере, предназначенных для них и имитировавших реальный интерьер скифского жилища (кибитки на повозке или наземного жилища), равно как и вся камера катакомбы в целом (Синика, Тельнов, 2014; 2015б).

Канделябр, который служил в качестве подставки для бронзового светильника из погребения Глиное 31/1 (рис. 64/2), является на настоящий момент первой находкой подобного рода в скифском степном комплексе.

Несколько аналогий этому канделябру известно в Северном Причерноморье и Крыму, однако они происходят из разновременных скифских комплексов. Наиболее ранним из них является курган 24 (1876 г.) на некрополе Нимфея, датированный второй четвертью V в. до н. э. (Силантьева, 1959. С. 56–57, 62–64, 104, Рис. 30–33).

В 280–260–х гг. до н. э. был сооружён Большой Рыжановский курган на левобережье Южного Буга, в Центральной могиле которого был найден предмет, интерпретированный авторами публикации как «курильница», хотя при этом было отмечено, что изделие «напоминает так называемые канделябры, известные в античных памятниках Греции, Кипра, а также фракийских древностях Болгарии, Македонии» (Скорый, Хохоровски, 2018).

С. 84–85, 143, Рис. 168). «Курильница» биметаллическая, состоит из бронзовой чашки, к которой снизу крепится железный стержень с заострённой нижней частью. Следы закопчённости на внутренней части чашки не оставляют сомнений в том, что данный предмет являлся канделябром, даже несмотря на отсутствие в его нижней части треножника. Рыжановский канделябр, в отличие от находки из катакомбы Глиное 31/1, просто втыкался в грунт, а на его чашке мог находиться светильник, вынесенный из камеры катакомбы после размещения в ней тела погребённого и сопровождающего инвентаря.

Спустя значительное время железные канделябры появляются в скифских погребениях I–II вв. н. э. в Западном Крыму, в частности, в склепах 612 и 620, а также в могилах 700 и 730 Усть–Альминского некрополя (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, S. 335, Abb. 22/4; Puzdrovskij, Zajcev, 2004, S. 243, Abb. 9/4; Зайцев, Мордвинцева, 2004, Рис. 12/22; Пуздровский, 2007. С. 157, Рис. 139/1,5,6). Эти крымские находки по морфологии значительно ближе изделию из захоронения Глиное 31/1, чем к бронзовым канделябрам из синхронных боспорских склепов, обнаруженным в 1895 г. (Ростовцев, 1913, Табл. LX) и 1912 г. (Ростовцев, 1914. С. 207–208, Рис. 38).

Бронзовый *черпак* из погребения Николаевка 48 также является свидетельством греческого влияния на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.

В V–IV вв. до н. э. в регионе известны 11 подобных находок – восемь бронзовых и две железные. Только две из них (обе из бронзы) были обнаружены в скифских погребениях на левобережье Нижнего Дуная: Мреснота Могила 3/1 (Гудкова и др., 1985. С. 75, рис. 44/5) третьей четверти V в. до н. э. (Монахов, 1999. С. 139–140, Табл. 47; 2003: С. 79, Табл. 54/6, 55/3; Полин, 2014. С. 203, Рис. 122); Нагорное 11/3 (Андрух, Суничук, 1987. С. 43, рис. 4/10) конца первой – начала второй четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 298). Остальные девять черпаков происходят из погребальных

комплексов IV в. до н. э. того же грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Нижнего Днестра, где было совершено захоронение № 48 с бронзовым черпаком, а также в кургане, исследованном в непосредственной близости: Николаевка 2 (железный), 7 (бронзовый), 15 (железный), 21 (бронзовый), 23 (железный), 33 (железный), 43 (бронзовый), 49 (бронзовый); Николаевка 1/1 (бронзовый) (Мелюкова, 1975. С. 168–169, Рис. 43/11,12, 50/1–4). Окончания ручек всех перечисленных изделий оформлены в виде головки лебедя, отогнутой в сторону, которая противоположна чаше черпака. Подобная конструкция позволяла фиксировать ручку черпака на горловине амфоры. При этом окончание ручки черпака из погребения Николаевка 48 деформировано, оно согнуто в другую сторону таким образом, что нависает над чашей, что указывает на длительность использования данного предмета, который попал в захоронение вместе с амфорой уже в первой четверти III в. до н. э.

Ранее указывалось, что черпаки и ситечки, ручки которых оформлены в виде головок лебедя, имеют средиземноморское происхождение (Онайко, 1970. С. 101, № 411; Мелюкова, 1975. С. 168). Однако в настоящее время можно констатировать, что подобные предметы вполне могли изготавливать (отливать) в любой из греческих мастерских Северного Причерноморья.

Лепные чашки на ножке или с выделенным кольцевым поддоном (25 экз.) также можно с большой долей уверенности связывать с влиянием греческого керамического комплекса. Подобные сосуды (рис. 146/2–25) происходят из 24 погребальных комплексов: Владычень–I 14/2; Глиное 12/1, 14/1, 19/1, 19/2, 20/1, 27/1 – 2 экз., 38/1, 47/1, 57/1, 60/1, 61/1, 62/1, 69/2, 76/1, 84/1, 105/2, 107/3; Глиное 275; Градешка 8/1, 15/1; Плоское 377; Чобручи 408, 409.

Первоначально М. И. Вязьмитина такие чашки связала с влиянием гето–дакийской культуры, но отметила их присутствие в Тире и в Ольвии (Вязьмитина, 1969. С. 128, Рис. 5/3,4). Позже это мнение было аргументированно оспорено Н. А. Гаврилюк, которая высказалась в пользу

греческих истоков появления таких чашек в скифском керамическом наборе, причём исследовательница сначала отмечала, что они также использовались в качестве светильников, в пользу чего свидетельствуют находки чашек с перегородками (Гаврилюк, 1984. С. 9, Рис. 2/13–15), а спустя значительное время констатировала греческое происхождение всех чашек на высокой ножке (Гаврилюк, 2009. С. 129, Рис. 12). Аналогичной точки зрения придерживается К. И. Зайцева, которая проанализировала 39 чашек из Ольвии и её окружи, а также из Мирмекия, Тиритаки, Нимфея, Херсонеса, Танаиса и Горгии (Зайцева, 2000. С. 150, Рис. 1, 2).

Миски с боковыми петлевидными ручками (рис. 146/26,27) происходят из трёх скифских захоронений Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. Лепная миска с одной боковой ручкой найдена в скифском погребении Кугурлуй 32/1 на левобережье Нижнего Дуная (Редина, 2000б. С. 248, Рис. 2/6; Redina, 2005, P. 236, Fig. 3/6). Такие же миски были найдены в курганах Парканы 131 у с. Парканы (Фабрициус, 1951, Табл. XVI/6; Мелюкова, 1962б. С. 154, Рис. 3/5, Табл. 4/1) и 260 у с. Сербская Земля (Мелюкова, 1962б. С. 154, 156) на левобережье Нижнего Днестра.

Миски с такими ручками известны на памятниках скифской оседлости на левобережье Днестра – на Надлиманском городище (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 106, Рис. 59/1–3, Табл. 34/2,3,3а, 36/3,3а) и на поселении у с. Николаевка (Мелюкова, 1975. С. 53–55, Рис. 22/1,10). Миска с двумя боковыми ручками происходит с гетского поселения Пояна IV в. до н. э. на территории Румынии (Moscalu, 1983, Pl. XLIX/2). Однако наиболее значимым представляется тот факт, что гончарные миски/чаши с боковыми петлевидными ручками (чернолаковые и без лакового покрытия) получили широчайшее распространение в греческих городах–колониях Западного и Северного Причерноморья. В связи с этим, есть все основания считать источником появления боковых петлевидных ручек греческую гончарную традицию, причём как для лепных, так и для сероглиняных гончарных мисок

из скифских захоронений Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. В частности, об этом свидетельствуют гончарные миски греческого производства с боковой петлевидной ручкой, обнаруженные в погребениях Николаевка 12, 54, которые анализируются в настоящей работе среди прочих скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья.

Лепные миски с дном, представляющим собой имитацию кольцевого поддона, из погребений Глиное 22/3, 75/2, 81/1, 109/1 так же, как лепные чашки на ножке или с выделенным кольцевым поддоном, свидетельствуют, по нашему мнению, о греческом влиянии на керамический комплекс скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. Такие кольцевые поддоны, как и боковые петлевидные ручки, являются одним из характерных признаков греческой чернолаковой и красноглиняной гончарной посуды различных видов (килики, канфары, кувшины, миски, чашки и т. д.). В частности, они известны на поселениях Чобручи и Красное (Синика и др., 2012. С. 194), а также на городище Надлиманское (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 70–80) на левобережье Днестра. Ещё большее распространение они получили на греческих памятниках Западного и Северного Причерноморья.

Ещё одной керамической формой, подражающей греческим образцам, являются *лепные пошльники*, обнаруженные в ритуальной яме кургана Глиное 94 (рис. 90/8) и в захоронении Табаки 4/1 (рис. 90/9). Подобные сосуды крайне редки в скифских погребальных комплексах Северного Причерноморья предшествующего времени. Нам известны всего пять подобных находок – в кургане 38 у с. Отрадное в Побужье (Гаврилук, 1989. С. 57, Рис. 3/10)¹²⁷, в захоронениях 1/3¹²⁸ группы Лисьей Могилы

¹²⁷ Ю. С. Гребенников указывает, что данный сосуд происходит из кургана 24 у с. Отрадное (Гребенников, 2008. С. 98).

(Мозолевский, 1980. С. 121, 123, Рис. 55/6) и 13/1 могильника у с. Кут (Березовец, 1960. С. 61, Рис. 19; Колекції ..., 2007. С. 231, Рис. 177/3)¹²⁹, из рва кургана 13 могильника Мамай–Гора (Андрух, Тощев, 1999. С. 94, Рис. 24/18)¹³⁰ в Нижнем Поднепровье, а также в погребении 10/1 у с. Водопойное (Колтухов, 2010. С. 206, Рис. 5/2)¹³¹ в Крыму.

Не характерные для скифского керамического набора, лепные поильники копировали греческие гуттусы, получившие распространение, в частности, на некрополе Ольвии (Козуб, 1974. С. 57–58, рис. 18; Парович–Пешикан. С. 85–86, Рис. 81/4–6). Как отмечила Н. А. Гаврилюк, в отличие от гончарных греческих образцов, лепные скифские изготавливались без поддона и ручки (Гаврилюк, 1984. С. 10, Рис. 1/3).

Лепные курильницы на ножке из погребений Глиное 41/1 (рис. 110/8) и 112/1 (рис. 114/2), а также из Надлиманского городища (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 114–115, Рис. 67/7, Табл. 41/3,4) можно связывать с греческим влиянием на традицию их изготовления.

Как уже отмечалось, наличие высокой или просто достаточно выделенной ножки характерно, в основном, для курильниц из Крыма (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 916). Из этого региона происходит 23 сосуда: Одесский археологический музей (2 экз.) (Дашевская, 1980. С. 21, 23, Рис. 4/1,3), курган у с. Вишенное (Кропотов, Лесков, 2006. С. 29–30, Рис. 4/2; Зайцев, Мордвинцева, 2010. С. 171, Рис. 1/2), городища Неаполь (1 экз.)

¹²⁸ Оснований для узкой датировки данного комплекса, как и всего кургана нет. По всей видимости, захоронение было совершено во второй половине IV в. до н. э.

¹²⁹ С. В. Полин датировал погребение 1/3 группы Лисьей Могилой серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 540–542, Рис. 466).

¹³⁰ Тризна кургана 13 могильника Мамай–Гора датирована второй – третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 575–576).

¹³¹ Время использования кургана было определено автором публикации в широких рамках V–III в. до н. э. (Колтухов, 2010. С. 207).

(Дашевская, 1980, Рис. 5/2) и Чайка (1 экз.) (Гаврилюк, 2014. С. 44, Рис. 13/14), захоронение 6/1 у с. Ильичёво (Яковенко, 1970. С. 129–130, рис. 15/11; Яковенко, Черненко, Копусова, 1970. С. 144, рис. 4/13; Яковенко, 1971. С. 91, Рис. 4/2), могила 1 Беляусского могильника (Дашевская, 1991. С. 29, Рис. 47/1), курган на землях Черкеса (2 экз.) (Колтухов, 2001. С. 62; 2004. С. 110), курган 10 группы Сары–Кая (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 77, Рис. 11/4), погребение 18 могильника Левадки (Храпунов, 2004. С. 192, Рис. 9/2), склеп 12/1 у с. Ленино (Яковенко, 1970. С. 129–130, Рис. 15/14; Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970. С. 160, Рис. 15/2; Яковенко, 1971. С. 91, Рис. 4/3), некрополь Керкинитиды (1 экз.) (Дашевская, 1980. С. 18, Рис. 1/1; 1991. С. 28, Табл. 46/5;), склепы 31 Беляусского могильника (Яковенко, 1971. С. 90, рис. 4/1,1а; Дашевская, 1980. С. 18–20, рис. 2, 3) и 1926 г. Неапольского могильника (Яковенко, 1971. С. 90, рис. 1/5; Дашевская 1980. С. 21–22, Рис. 4/2; Сымонович, 1983. С. 80–81, Рис. 6/6; Дашевская, 1991. С. 30, Рис. 46/12), мавзолея Неаполя (2 экз.) (Шульц, 1953. С. 34, Рис. 16, 80, Табл. XXI), склепы № 9 могильника Кара–Тобе (Внуков, Лагутин, 2001. С. 105, 115, Рис. 4/183; Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 187, Рис. 12/14) и № 105 Битакского могильника (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 187, Рис. 12/1; Пуздровский, 2007, 65, Рис. 36/1/1), курган 12 у с. Кринички (Яковенко, 1971, Рис. 4/1,1а), склеп 1979 г. Битакского могильника (Пуздровский, 2007. С. 65, Рис. 32/3). Две подобные находки происходят из Нижнего Побужья (могила 110/1902 некрополя Ольвии: Парович–Пешикан, 1974: С. 121–123, Рис. 99/4) и Нижнего Поднепровья (городище Золотая Балка: Яковенко, 1971. С. 89, Рис. 2/1; Гаврилюк, 2009. С. 130, Рис. 11/4). Намного более удалены от указанного ареала курительницы на ножках из памятников Поднепровья (3 экз.): две курительницы из катакомб Глиное 41/1 и 112/1, и одна – с Надлиманского городища.

Поиски прототипов для подобных курительниц из Северного Причерноморья указывают на гончарные образцы подобных культовых сосудов, которые известны в погребениях некрополя Ольвии греческого

времени (Парович–Пешикан, 1974. С. 119–120, Рис. 98/1,7). С достаточной долей уверенности подражанием греческим образцам, судя по профилю тулова, является только курильница из городища Надлиманское в Поднестровье (Синика и др., 2014а, рис. 2/12). Для остальных лепных сосудов без орнамента и на высокой ножке предположение о греческом влиянии на традицию их изготовления может быть высказано только в очень осторожной форме (Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014. С. 94; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 916).

§3. Фракийское влияние на материальную культуру

Наряду с греками, одними из наиболее важных соседей скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э., равно как и в предшествующее время, являлись фракийские племена.

На левобережье Нижнего Дуная хорошо известны два поселения, на которых проживали геты. Одно из них, городище Картал, расположенное у с. Орловка Ренийского р–на Одесской обл. Украины, представляло собой «весьма крупный центр гетов», существовавший на протяжении IV в. до н. э. и первой трети III в. до н. э. (Бруяко, Ванчугов, Савельев 2012. С. 333). Другим городищем является Новосельское–II, присутствие гетов на котором фиксируется и для более позднего времени, по крайней мере, до середины II в. до н. э. (Бруяко, Ярошевич 2001. С. 62–68; Бруяко, Ванчугов, Савельев, 2012).

Большинство гетских поселений в степном Поднестровье сосредоточено на правобережье – у сс. Калфа, Гура–Быкулуй, Олонешты, Тудорова, Паланка. Гетскими считаются и некоторые поселения на левобережье

Нижнего Поднестровья, в районе с. Граденицы на Кучурганском лимане (Мелюкова, 1979. С. 143).

Значительно хуже поселений в Северо–Западном Причерноморье представлены гетские погребальные памятники. В степном Подунавье в настоящее время известно семь гетских захоронений: шесть – у с. Джурджулешты Кагульского р–на на левобережье Нижнего Прута (Arnăut, 1999; 2003, Cat. 201b), и одно – в скифском кургане 7 могильника Дервент на левобережье Нижнего Дуная (Редина, 2000б. С. 250). На правобережье Нижнего Днестра гетские захоронения (всего 68) исследовались целенаправленно только на двух могильниках – Ханска I и Ханска–Лутэрия (Никулицэ, 1969; 1972; 1977; 1987), при этом оба памятника расположены на границе лесостепи и степи. Кроме того, два гетских погребения были открыты случайно при земляных работах на правобережье Нижнего Днестра – между сёлами Тудорово и Паланка (Сергеев, 1960; Левинский, 2009. С. 173–174; 2010. С. 85–86). На левобережье Нижнего Днестра в настоящее время известно три гетских захоронения – два у с. Спея Григорипольского р–на (Хахеу, 1992. С. 124–125; Левинский, 2009. С. 173–174; Тельнов, Синика, 2013. С. 300–301), и одно – у с. Ташлык (Тельнов, Синика, 2013. С. 297–299).

Несмотря на наличие отдельных гетских поселенческих структур и погребальных комплексов в Северо–Западном Причерноморье (собственно говоря, в степной зоне между рр. Прут и Южный Буг), на настоящий момент границей между ареалами фракийской и скифской культур является граница лесостепной и степной зон в регионе. Вместе с тем, фракийское влияние на материальную культуру соседних скифских племён зафиксировано гораздо восточнее, вплоть до Поднепровья (Гаврилюк, 2009) и Подонья (Гуляев, 2001).

Фракийское влияние на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. нашло своё отражение в единственном предмете вооружения (двулезвийном топоре), некоторых предметах конского

снаряжения (удила с зубчатыми элементами, налобник, бляхи конской узды), украшениях (гривна, браслеты и лировидная подвеска со змеиными головками на окончаниях; браслеты и серьги с лопаточковидными окончаниями; браслеты, серьги и лировидные подвески с окончаниями в виде конических шишечек; конусовидные подвески), но наиболее выражено в керамическом комплексе.

Единственный *двулезвийный топор* обнаружен в погребении Глиное 14/2 (рис. 52/13, 147/1). Подобные находки крайне редки в скифских погребальных комплексах Северного Причерноморья. Первая из них происходит из кургана Малая Офирня VI в. до н.э. на Киевщине (Петровська, 1968. С. 167, Рис. 4/10), вторая – из погребения 43 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Нижнего Днестра (Мелюкова, 1975. С. 91, Рис. 56/1) последней четверти – конца IV в. до н.э.¹³². Ещё один двулезвийный топор найден в погребении Кугурлуй 11/1 на левобережье Нижнего Дуная (Островерхов, Редина, 2013, Рис. 93/11). Захоронение было совершено в катакомбе IV типа (длинные оси входной ямы и погребальной камеры перпендикулярны, дромос и камера отходят от длинной стенки входной ямы), и его датировка, несмотря на ограбление, может определяться, как и в случае с погребением Николаевка 43, в пределах последней четверти IV в. до н.э.

Двулезвийные топоры считаются типичным фракийским оружием, которое связано по происхождению с местными бронзовыми прототипами. В частности, бронзовые двулезвийные топоры известны в двух фракийских погребениях у с. Фериджиле и у с. Бырсешть (Мелюкова, 1965. С. 36; 1979.

¹³² Комплекс датирован С. В. Полиным на основании амфоры типа Муригиоль, чернолакового лекифа, чернолакового канфара и двух гончарных чашек «серединой – не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.» (Полин, 2014. С. 553–554), при этом исследователь ошибочно указал, что обе чашки из комплекса чернолаковые (Полин, 2014. С. 553); на самом деле они сероглиняные (Мелюкова, 1975. С. 164–165, рис. 46/3,4).

С. 202–203, Рис. 31/19,20). Относительно топора из упомянутого погребения 43 грунтового могильника у с. Николаевка А. И. Мелюкова справедливо отмечает, что скифами от фракийцев была воспринята только сама идея двулезвийного топора, «тогда как местное исполнение придало ему свои особенности» – различная длина лезвий, расположение проуха ближе к одному из концов лезвия, где он обычно расположен у однолезвийного топора (Мелюкова, 1979. С. 203).

Удила с зубчатыми колёсиками (по три элемента на каждом грызле) обнаружены в катакомбе Кугурлуй 25/2 (Редина, 2000б. С. 248, Рис. 3/2; Островерхов, Редина, 2013, Рис. 97/13¹³³) (рис. 147/2). Это одно из немногих изделий, свидетельствующих о фракийском влиянии на конское снаряжении скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. Подобные предметы относятся к редкому типу фракийских удил, аналогии которым известны во Фракии с конца V в. до н. э. (Венедиков, 1957. С. 163, 165, Обр. 14, 24). Аналогии удилам из захоронения Кугурлуй 25/2 в Северном Причерноморье уже указывались исследователями (Редина, 2000б. С. 248; Полин, 2014. С. 648, Прим. 18)¹³⁴: Покровка (Спицын, 1906. С. 174, Кат. 13, Рис. 46), Краснокутский курган (Мелюкова, 1981. С. 54, Рис. 16/4, 17/8), курган 2 у с. Великая Знаменка (Полин, 2014. С. 648, Прим. 1).

Другим предметом конского снаряжения фракийского происхождения является литой *бронзовый налобник* в виде плоской фигурной пластины, найденный на поселении Слободзея–VI (рис. 147/3). Передняя часть пластины, оформленная конической бусиной на окончании, за счёт боковых

¹³³ В подписи к рисунку в работе 2013 г. ошибочно указано происхождение удил.

¹³⁴ Кроме того, Е. Ф. Редина (2000б. С. 248) и С. В. Полин (2014. С. 648, Прим. 1) указали на подобную находку в кургане у с. Ладыжичи. Однако подобные удила в публикации не описаны (Антонович, 1893. С. 22), хотя ссылка на такую находку в этом кургане содержится в работе А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1981. С. 54, Прим. 77), т. е. в данном случае речь идёт о тиражировании ошибки.

отростков выглядит в плане треугольной. Задняя часть пластины, в той части, где расположена полукруглая петля для крепления на ремне оголовья, подпрямоугольная, и завершается треугольным выступом. На оборотной стороне, противоположной той, где находится петля, вырезаны две слабо расходящиеся к задней части линии, расстояние между которыми примерно соответствует толщине петли на лицевой стороне. Складывается впечатление, что перед нами крайне схематичное геометризированное изображение птицы, голова которой обозначена биконической бусиной, расставленные крылья оформлены в виде отходящих от тела отростков, хвост – в виде треугольного окончания прямоугольной задней части, а оперение – расходящимися линиями (Синика, Иващенко, 2017. С. 225–226, Рис. 1/3). До настоящего времени подобных находок среди материалов греческих и варварских (скифских, гетских) памятников Северного Причерноморья обнаружено не было.

Близкими аналогиями находке из поселения Слободзея–VI являются четыре изделия из Западного Причерноморья, хранящиеся в Варненском археологическом музее. Только об одном из них известно, что он был найден на территории Варны (в квартале Виница), в 5 км к северу от античного города Одессос. Относительно трёх остальных место обнаружения указывается как Северо–Восточная Болгария или Добруджа. На одном изделии отсутствует петля. Однако главным отличием является зооморфное оформление одного из окончаний: на трёх предметах – в виде головы птицы, на четвёртом – в виде головы льва (?) (Синика, Иващенко, 2017. С. 226, Рис. 1/4–7). При этом находки из Болгарии конструктивно и размерами схожи с налобником из Слободзеи–VI. Автором публикации они названы налобниками (Минчев, 2008. С. 97–100, Обр. 1–4.). С большей вероятностью, в отличие от налобника из Слободзеи, эти изделия можно считать нахрапниками / наносниками (Синика, Иващенко, 2017. С. 226). Предметы из Варненского музея датированы IV–III вв. до н. э. (Минчев, 2008. С. 101, Обр. 5). С учётом того, что находка из левобережья Днестра является упрощённой

репликой болгарских аналогий, она датирована в пределах первой половины III в. до н. э. (Синика, Иващенко, 2017. С. 226).

Ещё пять предметов конского снаряжения, которые несут на себе следы фракийского влияния, обнаружены в «кладе» из Гэвани. Одним из них является серебряный *нащёчник конской узды в виде сдвоенных конечностей хищника*. Это изделие представляет собой изображение геометризованных уплощенных сдвоенных задних/передних конечностей в профиль с сегментовидным бедром/плечом (рис. 147/4). Такие изображения отнесены А. Р. Канторовичем к типу «Арциз–Солоха», для большинства из которых «помимо традиционно–скифских, присущи также фракийские стилистические элементы, наиболее характерный из которых – ребристый кант (полоса поперечной штриховки) по контуру бедра/лопатки и ног» (Канторович, 2012. С. 28–29). Нашёчник из Гэвани, как и аналогичное изделие из кургана 5 у г. Дубоссары (Кетрару и др., 2014. С. 60, 197, Рис. 48/1), являются упрощёнными репликами изделий типа фракийских блях из Брезово и из Крайовы (Венедиков, Герасимов, 1973. С. 380, 384–385, Кат. 263, 298–301; Мелюкова, 1976, Рис. 8/1,2,9–11). «Рубчатая разделка поверхности» позволила А. И. Мелюковой относить находку из Дубоссар «к кругу фракийских украшений» (Мелюкова, 1995. С. 32). В полной мере это относится и к нашёчнику из Гэвани (Канторович, 2012. С. 29; 2015. С. 269–270).

Из «клада» у Гэвани происходят также *четыре серебряные ажурные бляхи округлой формы в виде трёхчастной розетки* (рис. 147/5). Использование ребристого канта (как на нашёчнике из этого «клада» и на других предметах конского снаряжения из скифских комплексов Северного Причерноморья) по периферии сильно стилизованных зооморфных изображений указывает на сочетание фракийской и латенской традиций в изготовлении ажурных блях из Гэвани.

Из украшений фракийского облика в скифских погребальных памятниках III–II вв. до н. э. обнаружены гривна, браслеты и лировидная подвеска со змеиными головками на окончаниях, браслеты и серьги с лопаточковидными окончаниями, браслеты, серьги и лировидные подвески с окончаниями в виде конических шишечек, конусовидные подвески.

Гривна с плоскими окончаниями, оформленными в виде змеиных головок, обнаружена в погребении Дервент 13/1 (рис. 92/1, 147/6). Прилегающие к окончаниям участки стержня орнаментированы параллельными насечками (Редина, 2000б. С. 250, Рис. 1/6; Островерхов, Редина, 2013, Рис. 100/22).

Подобные гривны известны в двух более ранних скифских комплексах Северо–Западного Причерноморья. Оба они были исследованы на левобережье Нижнего Днестра. Окончания серебряной гривны из погребения 4/2 могильника Буторы I представляют собой рельефные головки змей; комплекс датируется концом 20–х – началом 10–х гг. IV в. до н. э. (Синика, Разумов, Тельнов, 2013. С. 46, 117, Рис. 22/8). В захоронении Глиное / Сад 7/5 найдена бронзовая гривна с уплощёнными лопаточковидными окончаниями, снаружи украшенными чеканным орнаментом в виде параллельных и пересекающихся под углом отрезков. На участки гривны, примыкающие к окончаниям, чеканкой нанесено по 21 насечке. Погребение было совершено в последней четверти IV в. до н. э. (Синика, Тельнов, Лысенко, 2018б. С. 131, 136, Рис. 6/9). Поскольку окончания гривен из Глиного и Дервента уплощены, эти находки типологически близки, хотя анализируемое нами изделие всё же выполнено в более реалистичной манере.

Прямой аналогией серебряной гривне из катакомбы Дервент 13/1 является серебряная гривна, обнаруженная в 1954 г. в составе клада в лесостепной зоне – у с. Матеуцы Резинского р–на Молдавии на правом берегу Среднего Днестра. Изделие имеет округлое сечение окончаний, и на них, как и на гривне из могильника Дервент, нанесён орнамент в виде точек и косых линий (Нудельман, Рикман, 1956. С. 131, Рис. 1/4).

Браслеты со змеиными головками на окончаниях (8 экз.) обнаружены в шести комплексах (Глиное 33/1; Градешка 7а/1 – 2 экз.; Дервент 11/1, 13/2 – 2 экз.; Кугурлуй 8/1, 31/1) (рис. 147/7,8).

Аналогичные украшения известны в некоторых памятниках Северо–Западного Причерноморья более раннего времени. В частности, браслет из бронзы с рельефными (?) головками змей на обоих окончаниях происходит из погребения Нагорное 11/3 (Андрух, Суничук, 1987. С. 43, Рис. 4/3)¹³⁵, совершённого не позднее начала второй четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 298). Бронзовый браслет, одно из окончаний которого представляет собой трапециевидный контур змеиной головки, обнаружен в захоронении Глиное/Водовод 14/3 второй четверти IV в. до н. э. Ещё один бронзовый браслет, одно из окончаний которого расковано в виде овала, имитирующего контур головки змеи, найден в захоронении Котловина–I 5/3 (одном из основных погребений в кургане), которое на основании фассосского клейма на амфоре (*[Θάσιον]* | *Заяц*↑→. | *[Πει(-) / Πυλ]ἀδ[ης]*) изо рва (Фокеев, 1991. С. 17, Рис. 25/5,13) датируется концом 40–х гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007. С. 416, Прил. II)¹³⁶.

Кроме того, по одному бронзовому браслету с окончаниями в виде головок змей найдено в катакомбе II типа Кугурлуй 17/2 (с орнаментом на окончаниях в виде косых линий и точек, а также с насечками на участках, прилегающих к окончаниям) и в совершённом в яме захоронении Кугурлуй 30/1 (один конец обрублен, второй выполнен в виде контура головки змеи) на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова, Суничук, 1985. С. 46, 64, Табл. 97/7, 122/2,3). В Днестро–Бугском междуречье бронзовый браслет «с концами в виде змеиных голов» обнаружен в детском захоронении (объект 55В)

¹³⁵ В данной публикации браслет изображён таким образом, что о «рельефности» головок змей на окончаниях приходится догадываться.

¹³⁶ Благодарю М. В. Иващенко (г. Саратов, РФ) за полное восстановление легенды клейма, сделанное по фотографии.

скифского кургана, окружённого рвом, на греческом некрополе у с. Кошары (Хохоровски, 2018. С. 195, Рис. 3). Дата этих комплексов не выходит за пределы последней четверти IV – первой половины III в. до н. э., но отнести их с уверенностью к IV в. до н. э. или же к последующему столетию не представляется возможным. В полной мере это относится и к одному из погребений, разрушенных в урочище Кавказ в окрестностях г. Измаил. В нём был найден бронзовый трёхвитковый браслет, на окончаниях которого, имитирующих форму змеиной головки, находится по одному косому кресту (Чигирин, 1965. С. 25, Табл. 7/1; Андрух, Чернов, 1990. С. 157, Рис. 2/12)¹³⁷.

Подобные браслеты, но изготовленные из серебра, известны в двух гетскихкладах. Один из них, пятивитковый, был найден у упомянутого выше с. Матеуцы на правом берегу Среднего Днестра в 1954 г. Окончания изделий, ромбической в плане формы, орнаментированы косыми линиями и кружочками, а прилегающие к ним участки стержня параллельными насечками (Нудельман, Рикман, 1956. С. 131, Рис. 1/2; Мелюкова, 1979. С. 231, Рис. 34/23). Спустя 64 года, в 2018 г., три подобных браслета были найдены грабителями в составе клада на гетском городище у с. Строенцы Рыбницкого р-на на левобережье Среднего Днестра. Окончания одного из них, в два с половиной оборота, выполнены так, что глаза змеи выделены рельефно, в боковой плоскости стержня; на изделие гравировкой нанесены косые кресты на головке змеи, на прилегающих участках стержня – параллельные насечки. Два других браслета либо не имели окончаний в виде выделенных головок змей, либо эти окончания (в настоящее время имеют сечение в виде полуовала) были обрублены. Однако на обоих изделиях на участках стержня, прилегающих к окончаниям, сохранился орнамент,

¹³⁷ Четыре клейма из могильника в урочище Кавказ в г. Измаил были опубликованы (Mateevici, 2007, Cat. № 1, 28, 46, 47). Наиболее раннее из них относится к первому десятилетию IV в. до н. э., а наиболее позднее – к последнему десятилетию указанного столетия. При этом установить, была ли найдена какая-то из клейменных амфор в захоронении с браслетом, невозможно.

представленный группами параллельных насечек и косыми крестами¹³⁸. С учётом изложенного есть основания относить оба эти украшения к браслетам с окончаниями в виде змеиных головок.

Предельно «редуцированными» в орнаментальном плане браслетами, окончания которых, очевидно, только по замыслу ремесленников и в понимании потребителей имитировали головки змей, являются три находки из катакомб Градешка 15/1 (два бронзовых браслета, окончания которых орнаментированы двумя рядами точечных вдавлений; при этом пространство между рядами заполнено линиями, образующими зигзаг) (рис. 147/9) и Мреснота Могила 4/1 (браслет, окончания которого орнаментированы двумя рядами точечных вдавлений).

Кроме того, в группу украшений *с головками змей на окончаниях* входит и *серебряная лировидная подвеска* из погребения Градешка 10/1 (рис. 98/6). В своём роде это единственное изделие. Все прочие находки подобного рода украшены коническими утолщениями на окончаниях (см. ниже).

Необходимо отметить, что подобные украшения, с окончаниями в виде змеиных головок, являются редкими находками в скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма. В частности, браслеты с такими окончаниями известны в погребении 2 кургана 19/21 на Никопольском курганном поле в Поднепровье (Граков, 1962. С. 66, 93, Рис. 8/7), в захоронениях 15/3 Красноперекоевского могильника в Крыму и 27/1 Елизаветовского курганного могильника в Подонье. В. Г. Петренко отмечает, что широкое использование образа змеи во фракийском искусстве и частое применение этого мотива в орнаментации различных украшений и предметов туалета (браслетов, височных колец и фибул) свидетельствует о фракийском влиянии в сложении данного типа браслетов, которые изготавливались

¹³⁸ Материалы не опубликованы. Благодарю канд. ист. наук С. А. Фидельского (г. Тирасполь, Приднестровье) за предоставленную информацию.

местными мастерами¹³⁹ (Петренко, 1978. С. 52–53, Табл. 39/14,15,21). С ней соглашается А. И. Мелюкова, которая указывает на находку серебряного браслета с окончаниями в виде змеиных головок в составе клада у с. Матеуцы (Мелюкова, 1979. С. 231, Рис. 34/23).

Кроме того, немало подобных браслетов известно на гетских поселениях. В частности, на поселении Пояна у одноимённого села уезда Галац в Запрутской Молдове были обнаружены шесть браслетов с окончаниями в виде реалистичных или стилизованных головок змей (Teodor, Nicu, Țau, 1997, P. 27, Fig. 8/6–11). Известны подобные браслеты на поселении Брад (Ursachi, 1995, p. 234–235, Pl. 206/3) в Запрутской Молдове, в материалах гетских могильников Енисала (Simion, 2003b, Fig. 14/5) и Телица (Simion, 2003a, P. 330–331, Fig. 5/5,16,17) в Добрудже, на правом берегу Нижнего Дуная.

На поселении Пояна найдены три браслета с точечной орнаментацией окончаний (Teodor, Nicu, Țau, 1997, P. 27, Fig. 1/1, 2/4, 3/3), аналогичные найденному в катакомбе Мреснота Могила 4/1. А из гетского городища Бутучены (у одноимённого села Оргеевского р-на Республики Молдова) на правом берегу Среднего Днестра происходит браслет, окончания которого орнаментированы так же (Niculiță, Teodor, Zanoci, 2002, 47, Fig 69/4), как и окончания обоих браслетов из катакомбы Градешка 15/1 на левом берегу Нижнего Дуная.

Наибольшее распространение в скифских погребальных комплексах Северо-Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. получили *браслеты с лопаточковидными окончаниями*. В отличие от браслетов и лировидной подвески, окончания которых передают более или менее реалистичный контур змеиных головок, концы этих изделий раскованы таким образом, что

¹³⁹ Недавно это мнение получило весомое подтверждение в виде находки в Тире литейной формы, предназначенной для отливки браслетов, орнамент на которых соответствует тому, что нередко встречается на браслетах со змеиными головками на окончаниях и с лопаточковидными окончаниями (Смолянинова, 2010. С. 100–101, Рис. 2).

приобрели подпрямоугольную или подтрапециевидную форму. 17 таких браслетов происходят из 16 погребений (рис. 92/1,2,4,6–10,14–20): Глиное 12/2, 18/1, 19/2, 33/2, 53/1, 56/2 (2 экз.), 69/2, 74/2, 76/1, 88/1, 96/1, 102/2, 103/1, 107/3, 116/1; Мрснота Могила 21/2.

В своё время В. Г. Петренко отметила всего 15 аналогичных украшений из погребальных комплексов Северного Причерноморья, причём только два из них происходят из степных скифских погребений – 19/1 у с. Астанино и 3/2 у с. Ильичёво в Крыму, а остальные – из лесостепных регионов (Петренко, 1978. С. 53).

На данный момент список скифских погребений IV в. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, где были выявлены браслеты с лопаточковидными окончаниями, может быть пополнен тремя позициями. В Дунай–Днестровском междуречье бронзовый браслет с насечками на окончаниях обнаружен в захоронении 20/2 могильника Дивизия (Субботин и др., 1992. С. 18, Рис. 15/13), совершённом, судя по двум клеймам гераклейского эпонима *Satyros* (Mateevici, 2007, Cat. 122, 126), в конце второй четверти IV в. до н. э. (Кац, 2007. С. 429, Прил. V/4; Кетрару и др., 2014. С. 171)¹⁴⁰. На левобережье Нижнего Днестра сделаны две подобные находки. В захоронении 9 грунтового могильника у с. Николаевка найден бронзовый браслет с косыми насечками на окончаниях (Мелюкова, 1975. С. 186); погребение совершено в третьей четверти IV в. до н. э. (Синика, Тельнов, 2018в. С. 254)¹⁴¹. В другом грунтовом могильнике, Николаевка–I, браслет с одним орнаментированным лопаточковидным окончанием обнаружен в погребении 5 (Дзис–Райко, 1965. С. 66, Рис. 4/10; Петренко,

¹⁴⁰ С. В. Полин датировал тризну из рва кургана 20 могильника Дивизия началом второй четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 341).

¹⁴¹ С. В. Полин датировал комплекс второй четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 365).

1978. С. 35, Табл. 22/6)¹⁴²; комплекс датируется в пределах второй половины IV в. до н. э.

Аналогичные браслеты широко распространены на гетских памятниках. В кладе у с. Матеуцы, помимо браслета с окончаниями в виде змеиных головок (Нудельман, Рикман, 1956. С. 131, Рис. 1/2), находился ещё один – с лопаточковидными окончаниями (Нудельман, Рикман, 1956. С. 131, Рис. 1/3), причём оба браслета были орнаментированы в единой стилистической манере. Аналогичный браслет с лопаточковидными окончаниями был обнаружен на гетском городище Сахарна Маре, расположенном между г. Резина и с. Бучушка на правом берегу Среднего Днестра (Niculiță et al., 2011, P. 194, Fig. 2/2; Заноч, 2012. С. 79, Рис. 4/2). Например, в Запрутской Молдове подобные браслеты найдены на гетских поселениях Брад (Ursachi, 1995, p. 234, PL. 206/6) и Пояна (Teodor, Nicu, Țau, 1997, P. 27, Fig. 1/1,3,5, 2/1,3,5,6), а на правом берегу Нижнего Дуная, в Добрудже – в захоронении гетского могильника Енисала (Simion, 2003b, Fig. 14/5).

Серьги с лопаточковидными окончаниями (7 экз.) происходят из пяти погребений (рис. 147/10): Глиное 6/2 (пара), 62/1 (одна серьга), 65/1 (одна серьга), 75/1 (одна серьга) и 111/1 (одна серьга).

О том, что подобные изделия (браслеты и серьги) с лопаточковидными окончаниями являются свидетельством фракийского влияния на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э., указывает их орнаментация (в виде кружочков, линий и крестов), имитирующая глаза, раскраску и чешую змеи (Петренко, 1978. С. 53;

¹⁴² Погребение разрушено при строительных работах. Из инвентаря сохранились серьга, лепное пряслице, гончарный сероглиняный кувшин и фрагменты какого-то украшения. Автор публикации предмета называет его височным кольцом (Дзис-Райко, 1965. С. 66–67), В. Г. Петренко – серьгой (Петренко, 1978. С. 35), что в обоих случаях ошибочно. Судя по рисунку украшения и масштабной планке под ним, это именно браслет (диаметром не менее 7 см) с заходящими друг за друга окончаниями.

Тельнов, Синика, 2012. С. 72, Рис. 1/9; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 974–975). Так же украшены, как правило, браслеты и серьги с окончаниями в виде змеиных головок. Подобный орнамент зафиксирован на 14 браслетах с лопаточковидными окончаниями из 13 погребений (Глиное 12/2, 18/1, 19/2, 33/2, 56/2 (2 экз.), 74/2, 76/1, 88/1, 96/1, 103/1, 107/3, 116/1; Мреснота Могила 21/2), а также на трёх серьгах из двух захоронений (Глиное 6/2 – 2 экз., 65/1).

Кроме того, на гетских поселениях Запрутской Молдовы подобные серьги (с лопаточковидными окончаниями), в более или менее реалистичной манере изображающие змеиные головки, хорошо известны (Ursachi, 1999. P. 241–242. Pl. 208/25, 31, 36–38; Teodor, Nicu, Ţau, 1997, P. 28, Fig. 8/1–5, 9)

Браслеты с коническими шишечками на окончаниях (3 экз.) известны в двух анализируемых захоронениях (Мреснота Могила 20/1, 21/2 – 2 экз.) (рис. 147/11). Ранее В. Г. Петренко учла 26 подобных украшений в скифских памятниках Северного Причерноморья VI–IV вв. до н. э. (Петренко, 1978. С. 49, 52, Табл. 38).

В скифских захоронениях более раннего времени на территории Северо–Западного Причерноморья известно пять подобных браслетов: Котловина–I 5/3 (2 экз.)¹⁴³ на Нижнем Дунае (Фокеев, 1991. С. 17, Рис. 25/2,3); Николаевка 1¹⁴⁴ и 42¹⁴⁵ (Мелюкова, 1975. С. 186–187, Рис. 57/8, 58/12), погребение 5 грунтового могильника Николаевка I (Дзис–Райко, 1965. С. 66, Рис. 4/10; Петренко, 1978. С. 35, Табл. 22/6) на левобережье Нижнего Днестра. Примечательно, что одно из окончаний браслета из погребения 5 могильника Николаевка–I, как уже отмечалось выше, лопаточковидное, а второе – с конической шишечкой. Это изделие демонстрирует сочетание двух

¹⁴³ Погребение датируется концом 40–х гг. IV в. до н. э.

¹⁴⁴ Захоронение датировано С. В. Полиным второй четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 363–364).

¹⁴⁵ В погребении, совершённом в яме, не было надёжных хроноиндикаторов. Наиболее вероятная датировка – вторая половина IV в. до н. э.

различных способов оформления окончаний браслетов, причём оба фракийские по происхождению. Также на левобережье Нижнего Днестра браслет с коническими шишечками на окончаниях известен на поселении Парканы–II¹⁴⁶.

Подобные браслеты распространены на гетских памятниках. Например, они найдены в составе клада у с. Пояна жудеца Горж (Олтения, Румыния) в Среднем Подунавье (Arnăut, 2014. P. 139. Fig. 67/4), а также на поселении у с. Сэрата–Монтеору уезда Бузэу в Запрутской Молдове (Măndescu, 2010. Pl. 252/A/1).

Серьги с коническими шишечками на окончаниях (6 экз.) обнаружены в четырёх погребениях: Глиное 19/2 (пара), 57/1 (одна серьга из западной камеры), 109/1 (пара); Чобручи 345 (одна серьга) (рис. 147/12).

В скифских погребальных комплексах Северо–Западного Причерноморья IV в. до н. э. серьги с шишечками на окончаниях (6 экз.) известны в четырёх захоронениях, и все они изучены на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 16/4 – пара серёг (Синика и др. 2021. С. 257, Рис. 11/11,12)¹⁴⁷; Глиное/Сад 5/1 – одна серьга (Sinika, Lysenko, Telnov, 2017, P. 159, Fig/ 2/4; Синика, Тельнов, 2018г. С. 164–165, Рис. 1/8)¹⁴⁸, 11/3 – пара серёг (Синика и др. 2020а. С. 68, Рис. 3/11,12)¹⁴⁹; курган 1 у с. Суклея – одна серьга (Мелюкова, 1962б. С. 151, Табл. 2/6)¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Находка 2018 г. В настоящее время не опубликована. Хранится в Музее археологии Поднестровья ПГУ им. Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь).

¹⁴⁷ Дата комплекса – третья четверть IV в. до н. э.

¹⁴⁸ Погребение датируется второй половиной IV в. до н. э. (Sinika, Lysenko, Telnov, 2017, P. 163; Синика, Тельнов, 2018г. С. 165).

¹⁴⁹ Дата комплекса – вторая половина (третья четверть) IV в. до н. э.

¹⁵⁰ Захоронение совершено в яме и практически полностью ограблено. Из инвентаря обнаружена только серьга. По всей видимости, дата комплекса ограничивается второй половиной IV в. до н. э.

Относительно браслетов с коническими шишечками на окончаниях В. Г. Петренко отметила, что их появление у скифов Северного Причерноморья можно связывать с фракийским влиянием, «идушим из южных областей Фракии» (Петренко, 1978. С. 52). На основании известных ей материалов из памятников VI и VI–V вв. до н. э. Румынии, Болгарии, Венгрии и Боснии о серьгах и височных кольцах с аналогичными окончаниями исследователь высказалась более уверенно: «Серьги рассматриваемого типа на нашей территории появляются не раньше IV в. до н. э., при этом только в Поднепровских памятниках. ... Появление незначительного количества серёг в форме кольца с коническими завершениями в области, где осуществлялись постоянные контакты с фракийским миром, не может рассматриваться иначе, как результат фракийского влияния» (Петренко, 1978. С. 35). В качестве аргумента в пользу данного мнения были указаны находки трёх аналогичных серёг в составе гетского клада из с. Матеуцы (Нудельман, Рикман, 1956. С. 130–131, Рис. 1/1).

В настоящее время подобные серьги известны на гетском городище Сахарна Маре (3 экз.) на правом берегу Среднего Днестра (Niculiță et al., 2011, P. 195–196, Fig. 3; Заноч, 2012. С. 79, Рис. 4/3–5). Известны они широко и на гетских поселениях Запрутской Молдовы (Ursachi, 1999, Pl. 208/39–44).

Лировидные подвески с коническими шишечками на окончаниях (10 экз.) найдены в шести скифских захоронениях III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, и все они выявлены на левобережье Нижнего Дуная: Градешка 15/1 – 2 экз.; Котловина–I 6/2; Кугурлуй 8/1 – 2 экз., 31/1 – 2 экз.; Мреснота Могила 21/2 – 2 экз.; Табаки 3/1 (рис. 98/1–7).

Наиболее ранним скифским погребальным комплексом Северо–Западного Причерноморья, где была обнаружена лировидная подвеска, является уже упомянутый комплекс Дивизия 20/2 конца второй четверти IV в. до н. э. В засыпи этой могилы было обнаружено изделие, названное «фрагментом бронзовой иглы» (Субботин и др., 1992. С. 18, Рис. 15/21). Как

представляется, на самом деле это часть бронзовой лировидной подвески – одно из её окончаний. Пара бронзовых лировидных подвесок была найдена в 2018 г. на левобережье Нижнего Днестра в скифском погребении Глиное/Водовод 10/3. На основании кубковидного канфара со следами длительного использования комплекс датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (Синика и др., 2019а. С. 827, 836, Рис. 4/12, 5/2,3; Синика, Тельнов, 2020. С. 15–16, Рис. 2/3). В Дунай–Днестровском междуречье пара бронзовых лировидных подвесок была найдена в захоронении Хаджидер I 3/1 (Субботин и др., 1992. С. 23, Рис. 20/2,3), впущенном в насыпь кургана во второй половине IV в. до н. э.¹⁵¹. На левобережье Нижнего Дуная пара бронзовых лировидных подвесок найдена в погребении Мреснота Могила 9/1 (Редина, 2000б. С. 246–247, Рис. 2/1), ограбленном практически полностью. Это захоронение было совершено в прямоугольной яме, как и перечисленные выше комплексы (Дивизия 20/2; Глиное/Водовод 10/3; Хаджидер I 3/1), что позволяет относить время его сооружения ко второй половине IV в. до н. э.

Ещё пара лировидных подвесок обнаружена в катакомбе Кугурлуй 17/2. Подвески отлиты из серебра, как и анализируемые находки из катакомб III в. до н. э. (Градешка 10/1, 15/1; Котловина–I 6/2; Кугурлуй 8/1, 31/1; Мреснота Могила 21/2; Табаки 3/1). Однако датировать комплекс Кугурлуй 17/2 в пределах только IV в. до н. э. или в рамках только III в. до н. э., как уже отмечено выше, оснований нет.

За пределами Северо–Западного Причерноморья, пара аналогичных серебряных лировидных подвесок известна только в кургане 28 у с. Холодный Яр в лесостепи Правобережного Поднепровья (Покровська, 1957. С. 75, Табл. II/4; Петренко, 1978. С. 35, Табл. 22/19). Комплекс датирован IV в. до н. э. (Покровська, 1957. С. 78), однако, с учётом наличия в нём фибулы фракийского типа (Покровська, 1957. С. 75, Табл. II/3), браслета,

¹⁵¹ С. В. Полин датировал погребение Хаджидер I 3/2 (основное в кургане) второй – третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 582).

сочетающего в себе фракийскую (лопаточковидные окончания с орнаментом в виде косых крестов) и латенскую (группы рубчиков на стержне) традиции (Покровська, 1957. С. 75, Табл. II/2), его датировка может быть ограничена второй половиной IV в. до н. э.

Исследователи указывали на греческое происхождение данных украшений (Петренко, 1978. С. 35; Редина, 1998. С. 124; 2000б. С. 248), что вполне обоснованно, особенно с учётом находок литейных форм в Западном Причерноморье, а именно, в Истрии (у одноимённого села жудеца Констанца, Румыния) (Соја, 1962, Р. 132, Fig 12/2; Агре, 2001, Обр. 2/3), в Северо–Западном Причерноморье – в Никонии (с. Роксоланы, Овидиопольского р–на Одесской обл. Украины, на левобережье Днестровского лимана) (Секерская, 1989. С. 67, Рис. 55/6). Ещё одна литейная форма была обнаружена в Крыму, а именно в Нимфее (Трейстер, 1988. С. 57, Рис. 3/4). Кроме того, недавно была опубликована находка бронзовой лировидной подвески из некрополя Никония на левобережье Днестровского лимана (Бруяко, Загинайло, Колесниченко, 2016, С. 292–294, Рис. 10/4). Однако подобные украшения, изготовленные в греческой традиции, оформлены специфичным образом.

Одно или оба окончания таких подвесок снабжены пирамидальными навершиями, как это отмечено для украшений из основного погребения кургана 20 у с. Холодный Яр (Покровська, 1957. С. 67, Табл. 1/12), из погребения 4/5 некрополя Никония (Бруяко, Загинайло, Колесниченко, 2016, С. 292–294, Рис. 10/4), из Нимфейского кургана 1886 г. в Крыму (Петренко, 1978. С. 35, Табл. 22/18), а также из кургана 3 у г. Ябланица Ловечской обл. (Божкова, Агре, 1995. С. 31, Обр. 3/14, 6; Агре 2001. С. 50, Обр. 2/2) и из захоронения 1 в местности Рендашкото в окрестностях г. Етрополе Софийской обл. Болгарии (Агре, 2001. С. 48, Обр. 1/1), и в целом ряде других погребальных комплексов исторической области Фракия (Тонкова, 1997). Для изготовления таких подвесок могли использоваться литейные формы,

подобные обнаруженным в Никонии (Секерская, 1989. С. 67, Рис. 55/6) и в Нимфее (Трейстер, 1988. С. 57, Рис. 3/4).

Другие подвески, окончания которых оформлены в виде кегли с кольцевыми валиками под ней, известны в скифских погребениях Астанино 17/2 и Фронтовое 41 в Крыму, а также среди материалов Елизаветовского городища на Нижнем Дону (Петренко, 1978. С. 35, Табл. 22/13–17). Очень близкая аналогия этим находкам происходит из кургана Чиковото в окрестностях г. Етрополе в Болгарии (Агре, 2001. С. 50, Обр. 2/1). Перечисленные украшения могли отливаться по формам, схожим с той, что была найдена в Истрии (Соја, 1962, Р. 132, Fig 12/2; Агре, 2001, Обр. 2/3).

Однако лировидные подвески с коническими шишечками на окончаниях представляют собой другой тип украшений данного вида. Изделия из комплексов второй половины IV в. до н. э. (Глиное/Водовод 10/3; Дивизия 20/2; Мреснота Могила 9/1; Хаджидер I 3/1), второй половины IV – первой половины III в. до н. э. (Кугурлуй 17/2), а также III в. до н. э. (Градешка 15/1; Котловина–I 6/2; Кугурлуй 8/1, 31/1; Мреснота Могила 21/2; Табаки 3/1) представляют собой артефакты, отлитые в иных формах, в отличие от тех, что были найдены в греческих городах Истрия и Никоний. Их окончания увенчаны такими же простыми коническими навершиями, как и окончания браслетов, серёг, височных колец¹⁵² и фибул фракийского типа или изготовленных во фракийской традиции. Аналогичные бронзовые подвески известны в погребении 312 (рубежа IV–III вв. до н. э.) некрополя Аполлонии (Младенова, 1963. С. 297, Обр. 105, № 933), а также в гетском погребении 61 (второй половины IV – первой половины III в. до н. э.) могильника Истрия–

¹⁵² Височное кольцо в полтора оборота с конической шишечкой на одном из окончаний было найдено в ограбленном захоронении Мреснота Могила 23/1 (Гудкова и др., 1985. С. 103, Рис. 61/6), которое могло быть совершено и во второй половине IV в. до н. э., и в первой половине следующего столетия.

«Бент» (Teleagă, Zirra, 2003, S. 23, Taf. 9/4; 23/1; Măndescu, 2010, Pl. 155/7) в Западном Причерноморье.

Только одна из лировидных подвесок (Градешка 10/1) имеет другую форму окончаний – в виде змеиных головок, дополнительно подчёркивая таким образом фракийское происхождение данного вида украшений (Оанча, 1988. С. 120; Редина, 2000б. С. 246–248, Рис. 2/1–5; Redina, 2005, P. 233, Fig 3/1–5).

Конусовидные подвески (30 экз.) обнаружены в девяти скифских захоронениях III в. до н. э. Северо–Западного Причерноморья. Большая их часть обнаружена на левобережье Нижнего Дуная: Градешка 7а/1 – 5 экз., 10/1 – 2 экз.; Дервент 6/1 – 1 экз., 13/1 – 4 экз., 13/2 – 13 экз.; Кугурлуй 15/1 – 1 экз.; Мреснота Могила 4/1 – 1 экз. Однако известны находки и на левобережье Нижнего Днестра: Глиное 69/2, 116/1 – 2 экз (рис. 98/8–11).

Известны аналогичные украшения и в других, более ранних скифских захоронениях региона. Одна бронзовая подвеска происходит из погребения 9 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана (Мелюкова, 1975. С. 73–74, Рис. 57/5). На основании чернолакового лекифа с «чешуйчатым» орнаментом (Sparkes, Talcott, 1970, Pl. 38, Cat. 1140) комплекс датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (Синика, Тельнов, 2018в. С. 254). Ещё четыре бронзовые подвески обнаружены в двух ограбленных катакомбах: Дервент 14/1 (Гудкова, Суничук, 1985. С. 20, Табл. 49/5,6) и Кугурлуй 28/1 – 3 экз. (Гудкова, Суничук, 1985. С. 62, Табл. 120/5,6). Оба погребения с равной степенью вероятности могли быть совершены и во второй половине IV в. до н. э., и в первой половине следующего столетия. В полной мере это относится и к разрушенным погребениям могильника в урочище Кавказ в окрестностях г. Измаил, где были найдены три бронзовые конусовидные подвески (Чигирин, 1965. С. 26, Табл. 7/6; Андрух, Чернов, 1990. С. 157).

Необходимо отметить, что подобные (но не аналогичные!) находки известны в скифских погребальных комплексах Северного Причерноморья. В частности, в кургане Гайманова Могила первой половины IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 508–510; Полин, 2014. С. 289–292), найдены 33 бронзовых цельнолитых «псевдоколокольчиков» или бутылковидных подвесок. Их происхождение С. В. Полин связывает с «дальними южными контактами подгорцевского населения» (Бидзиля, Полин, 2012. С. 220–222, 224, Рис. 321, 330). В этом же кургане были найдены девять бронзовых «настоящих» колокольчиков с выпуклыми стенками и выделенной круглой вертикальной петлёй для подвешивания; в верхней части тулова находятся два противоположных отверстия для вставки стержня, на который подвешивался язычок (Бидзиля, Полин, 2012. С. 243–244, Рис. 360; 361). Ещё три бронзовых «настоящих» колокольчика из Гаймановой Могилы имеют конусовидную форму, петля образована вырезами стенок тулова вверху, под петлёй также находятся противоположные отверстия для вставки перекладины, к которой подвешивался язычок (Бидзиля, Полин, 2012. С. 244–246, Рис. 362).

Важно подчеркнуть, что указанные предметы из Гаймановой Могилы, являвшиеся элементами конского снаряжения, как и аналогичные им находки из скифских памятников Северного Причерноморья (Бидзиля, Полин, 2012. С. 221, 243–245), не являются сколь-нибудь близкими аналогиями указанным находкам из скифских курганов Северо-Западного Причерноморья второй половины IV – первой половины III в. до н. э. В данном регионе были найдены не бутылковидные подвески, не колокольчики, а именно конусовидные подвески, в тулове которых нет противоположных отверстий для крепления стержня, на котором мог находиться язычок колокольчика¹⁵³.

¹⁵³ Единственный бронзовый предмет из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., который, скорее всего, был колокольчиком, найден в заполнении входной ямы ограбленной катакомбы Мреснота Могила 4/1 на левобережье

Подобные изделия обоснованно считаются фракийскими по происхождению (Мелюкова, 1975. С. 185; 1995. С. 28; Андрух, Чернов, 1990. С. 157). Об этом свидетельствуют находки из гетского поселения Сахарна Микэ (1 экз.) на правом берегу Среднего Днестра (Niculiță, Zanosî, Băț, 2016, P. 289, Fig. 2/9), а также на ряде гетских памятников правобережья Нижнего Дуная, в северной Добрудже: на поселениях у с. Алиман (1 экз.) (Niculiță, Zanosî, Băț, 2016, P. 289) и Албешть (Irimia, 2005, P. 340) уезда Констанца; на поселении Сарикиой (2 экз.) жудеца Тулча (Oberländer–Târnoveanu I., Oberländer–Târnoveanu E., 1980, Pl. XXXVI/5a,5b); в погребальной урне кургана I–A (1 экз.) и в насыпи кургана I–B (2 экз.) могильника у с. Енисала жудеца Тулча (Simion, 1971, P. 92, 102, Fig. 7/f,g, 19/d); в насыпи кургана (2 экз.) у с. Телица жудеца Тулча, в амфоре, игравшей роль погребальной урны в захоронении 2 (1 экз.), в большой (1 экз.) и малой (2 экз.) погребальных урнах из погребения 6 данного кургана (Simion, Cantacuzino, 1962, P. 373, 379, Fig. 5/4,11,12,15,19,20). Кроме того, известны конусовидные подвески и на юго–западе Добруджи, в частности, на поселении Адынката I (1 экз.) у одноименного села уезда Констанца (Irimia, 2005, P. 340, Fig. 10/7). На территории современной Болгарии одно подобное украшение найдено в погребении 1/4 у с. Кылново Шуменской обл. (Măndescu, 2010, Pl. 159/22), а второе – в кургане 2 у с. Свештари Разградской обл. (Măndescu, 2010, Pl. 292/16).

Фибулы фракийского типа (19 экз.) известны в 12 скифских погребениях III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья (рис. 101/14), и все они выявлены на левобережье Нижнего Дуная: Владычень–I 13/2; Градешка 7a/1 – 2 экз., 10/1 – 2 экз., 15/1 – 3 экз.; Дервент 5/1; Котловина–I 6/1; Кугурлуй

Нижнего Дуная. В узкой верхней части этого изделия, у которого петля отсутствует, сделаны противоположащие отверстия для крепления несохранившегося стержня; к нему, очевидно, нитью была привязана стеклянная бусина, найденная внутри корпуса предмета (Гудкова и др. 1985. С. 78, Рис. 47/1; Островерхов, Редина 2013, Рис. 102/6) и игравшая роль ударной части язычка.

4/2, 8/1, 19/1, 26/2 – 2 экз., 31/1; Мрснота Могила 21/2 – 3 экз. У трёх фибул окончания ножек обломаны в древности (Градешка 10/1, 15/1; Кугурлуй 26/2)¹⁵⁴. Именно такие фибулы (с одной одновитковой и односторонней пружиной, с изогнутой спинкой и коническим / полусферическим / пирамидальным выступом на окончании ножки) обоснованно признаны фибулами фракийского типа (Spănu, 2013, P. 146–148; Zirra, 2016, P. 117)¹⁵⁵. Кроме того, установлено, что изготовление подобных фибул к востоку от Карпат прекратилось к концу первой половины III в. до н. э. (Zirra, 2016, P. 121).

В более ранних скифских погребениях Северо–Западного Причерноморья известно ещё 18 фибул фракийского типа из 16 комплексов. На левобережье Нижнего Дуная это десять захоронений: Владычень–I 11/1, Котловина–I 5/1, Кугурлуй 9/1, 13/1, 17/2; Мрснота Могила 8/1 – 2 экз., 20/1, 23/2, 24/2; Чауш 14/1. Ещё шесть погребений с фракийскими фибулами исследованы на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 2/12, 10/2 – 2 экз., 10/3; Глиное/Сад 7/5, 8/1; Красное 8/1.

Третьей четвертью IV в. до н. э. на основании чернолакового канфара с коническим канеллированным туловом (Sparkes, Talcott, 1970, P. 118–119, 283–284, Pl. 28, Cat. № 670) со следами длительного использования датируются два захоронения, совершённые в ямах. В первом

¹⁵⁴ Кроме того, в 17 катакомбах III–II вв. до н. э. были найдены фрагменты фибул, которые не позволяют отнести изделия к украшения фракийского или латенского облика: Глиное 10/1 (часть приёмника), 14/1 (игла), 48/1 (приёмник и часть ножки), 58/1 (распалась при расчистке полностью), 82/1 (фрагмент ножки); Глиное 275, 276, 279 (нет данных о конструкции фибул); Владычень–I 14/2 (фрагмент спинки); Дервент 4/1 (фрагмент спинки); Кугурлуй 19/2 (фрагменты); Мрснота Могила 4/1 (игла); Парканы 153 (нет данных о конструкции фибулы); Суклея (нет данных о конструкции фибулы); Чобручи 281, 282, 288 (нет данных о конструкции фибул).

¹⁵⁵ Количество подобных фибул в ареале фракийской культуры столь велико (см. напр. Zirra, 1998; Măndescu, 2010, P. 339–357), что в их перечислении нет необходимости.

(Глиное/Водовод 10/2) обнаружены две фибулы: одна целая, с плоской спинкой, покрытой сплошным штампованным орнаментом в виде прямоугольников; вторая – с округлой в сечении спинкой и отломанной в древности ножкой. В другом захоронении (Глиное Водовод 10/3) найдена целая фибула с плоской спинкой, покрытой сплошным штампованным орнаментом в виде прямоугольников (Синика и др., 2019а. С. 827, Рис. 5/1).

Не ранее начала 30–х гг. IV в. до н. э. датируется совершённое в яме захоронение Котловина–I 5/1 (впускное в кургане)¹⁵⁶, в котором была найдена фибула с плоской спинкой, покрытой сплошным штампованным орнаментом в виде прямоугольников (Фокеев, 1991. С. 16, Рис. 23/3).

С большой долей уверенности третьей четвертью IV в. до н. э. можно датировать катакомбу Владычень–I 11/1, в которой был найден только фрагмент плоской спинки фибулы (Фокеев, 1990. С. 16, Рис. 17/3), покрытой таким же орнаментом, как и на изделиях из захоронений Глиное /Водовод 10/2 и 10/3, Котловина–I 5/1.

Последней четвертью IV в. до н. э. датируются на различных основаниях три захоронения, где были найдены фибулы с округлой в сечении спинкой: Глиное/Водовод 2/12 – совершено в яме (Синика, Тельнов, 2017в. С. 149, Рис. 2/4; 2018г. С. 169, Рис. 1/1; Фокеев, Синика, Руссев, 2018. С. 96–97); Глиное/Сад 7/5 – совершено в катакомбе, ножка фибулы утрачена (Синика, Тельнов, 2018г. С. 169, Рис. 1/2; Синика, Тельнов, Лысенко, 2018г. С. 136, Рис. 5/2;), 8/1 – совершено в катакомбе (Синика, Тельнов, Лысенко, 2018б. С. 90, Рис. 3/1; Синика, Тельнов, 2018г. С. 169, Рис. 1/3).

Погребение Красное (Григориопольский р–н) 8/1, совершённое в яме и содержавшее фибулу с витой спинкой и утраченным окончанием ножки

¹⁵⁶ Дата основного погребения в кургане (Котловина–I 5/3), содержавшего браслет с коническими шишечками на окончаниях, аргументирована выше – конец 40–х гг. IV в. до н. э.

(Серова, Яровой, 1987. С. 42, Рис. 19/4), на основании бронзовых трёхлопастных наконечников стрел со слабо выделенной втулкой датируется второй половиной IV в. до н. э. (Синика, Тельнов, 2017в. С. 148).

Сложно датировать уверенно ограбленные захоронения Мрснота Могила 8/1 и Чауш 14/1, совершённые в ямах. Но, очевидно, что и их дата не выходит за пределы второй половины IV в. до н. э. В погребении Мрснота Могила 8/1, помимо двух целых фибул (у одной утрачена часть иглы), чьи плоские спинки орнаментированы насечками в виде углов, обращённых вершинами в сторону пружины (Гудкова и др., 1985. С. 82–83, Рис. 50/3,4; Редина, 1993. С. 52, Рис. 9/17; 2000б. С. 246, Рис. 1/8; Островерхов, Редина, 2013, Рис. 100/1), была найдена такая же амфоровидная стеклянная подвеска и такие же биконические стеклянные бусины, как в захоронении Глиное/Водовод 10/2. Фибула из катакомбы Чауш 14/1 с утраченной иглой отличается от находок из захоронения Мрснота Могила 8/1 только орнаментацией плоской спинки. На ней посередине находится линия, по обе стороны от которой нанесены косые насечки (Суничук, 1985. С. 42, Рис. 3/4; Редина, 1993, Рис. 9/14).

Шесть ограбленных катакомб на левобережье Нижнего Дуная могли быть сооружены и во второй половины IV в. до н. э., и в первой половине следующего столетия. Бронзовые трёхлопастные наконечники стрел с слабо выделенными втулками, обнаруженные в каждом из этих комплексов, не позволяют отдать предпочтение одному из указанных интервалов. В захоронениях Кугурлуй 9/1 (Гудкова, Суничук, 1985. С. 36, Рис. 77/1), Мрснота Могила 20/1 (Гудкова и др., 1985. С. 96, Рис. 57/12), 23/2 (Гудкова и др., 1985. С. 103, Рис. 61/12) и 24/2 (Гудкова и др., 1985. С. 105, Рис. 62/6) обнаружены целые фибулы с округлыми в сечении спинками, в погребении Кугурлуй 13/1 – часть округлой в сечении спинки с пружинной (Гудкова, Суничук, 1985. С. 41, Рис. 86/4,5), в катакомбе Кугурлуй 17/2 – фибула с округлой в сечении спинкой деформирована, окончание её ножки обломано (Гудкова, Суничук, 1985. С. 46, Рис. 97/4).

Приведённые данные свидетельствуют, что фибулы фракийского типа появляются в скифских погребениях Северо–Западного Причерноморья не ранее середины IV в. до н. э. одновременно и на левобережье Нижнего Дуная (Владычень–I 11/1; Котловина–I 5/1), и на левобережье Нижнего Днестра (Глиное/Водовод 10/2, 10/3). Прекращение их поступления в регион действительно относится к середине III в. до н. э. (Zirra, 2016, P. 121), о чём свидетельствует, в частности, захоронение Кугурлуй 8/1 с фибулой фракийского типа, дата которого надёжно устанавливается на основании фасосского клейма (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 987).

Керамическая посуда из погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья в большей степени, чем украшения, демонстрирует фракийское влияние на скифскую материальную культуру региона в указанное время. Это влияние проявляется как в профилировке сосудов (лепные кувшины и кружки с петлевидной ручкой; миски и чашки с загнутым внутрь венчиком; миски со сложнопрофилированным венчиком для упора крышки; миски и чашки с выделенным ребром), так и в определённых элементах декора, встречающихся на них (выступы–фестоны по венчику мисок и чашек; горизонтальные валики по венчику мисок; вертикальный валик по бортику мисок; миски с упорами под венчиком; орнамент в виде «гирлянды» из украшенных пальцевыми вдавлениями сплошных валиков на горшках). Кроме того, в одном из комплексов был найден фрагмент крышки сосуда, который характерен для фракийской керамической традиции.

Лепные кувшины с петлевидной ручкой, возвышающейся над венчиком, обнаружены в погребениях Глиное 33/1, 46/4, 53/1, 67/5 (рис. 89/4–7). Подобное оформление ручки характерно для целого ряда различных сосудов (черпаков, кувшинов, канфаров) из фракийских/гетских памятников Румынии VI–III вв. до н. э. (Moscalu, 1983, Pl. LXXI–LXXIII), а также для ряда лепных кувшинов из скифских погребальных памятников Северо–

Западного Причерноморья конца V – IV в. до н. э.: на левобережье Нижнего Дуная – Курчи 24/1 (Андрух, Чернов, 1990. С. 155, Рис. 1/24) второй половины IV в. до н. э., Табаки 1/1 (Субботин и др., 1992. С. 6, Рис. 4/3) второй половины IV в. до н. э.; на правобережье Нижнего Днестра – Мерены 1/7 (Дергачёв, Сава, 2003. С. 537, Рис. 10/2) рубежа V–IV вв. до н. э.; на левобережье Нижнего Днестра – Глиное/Сад 13/3 (Синика, Тельнов, Разумов, 2019. С. 23, Рис. 1/3) рубежа V–IV вв. до н. э., Дубоссары 5 (Кетрару и др., 2014. С. 58, 202, Рис. 46/6) второй четверти IV в. до н. э., Глиное/Водовод 10/2 и 16/4 (Синика, Тельнов, Разумов, 2019. С. 23–25, Рис. 2/1,2) третьей четверти IV в. до н. э., Буторы I 4/1 (Синика, Разумов, Тельнов, 2013. С. 44, 114, Рис. 21/4) конца 20–х – начала 10–х гг. IV в. до н. э.

Лепные кружки с петлевидной ручкой из погребений Глиное 19/2, 45/1, 64/1, 66/1 и из ритуальной ямы кургана Глиное 46 (рис. 90/1–4) также свидетельствуют (как и кувшины с петлевидной ручкой) о фракийском влиянии на керамический комплекс скифской столовой посуды.

Загнутый внутрь венчик также характерен для *мисок* фракийского облика (Мелюкова, 1974б. С. 42). В скифских комплексах Северо–Западного Причерноморья такие миски обнаружены в 14 захоронениях: Глиное 2/3, 22/2, 22/3, 46/4, 65/1, 68/1, 78/3, 96/2, 99/1 (рис. 78/10,11, 80/7, 82/6,8,13, 84/5,7); Дервент 11/1, 13/1, 15/1; Кугурлуй 32/1; Чобручи 282. Три миски (Глиное 22/2, 78/3; Дервент 11/1) имеют выступы–фестоны, ещё две (Глиное 46/4, 68/1) – вертикальные выступы по бортику сосудов. Наличие указанных элементов декора на мисках с загнутым внутрь венчиком дополнительно свидетельствует в пользу фракийского происхождения этих керамических форм. Миска из катакомбы Кугурлуй 32/1 демонстрирует сочетание греческой (боковая петлевидная ручка) и фракийской (загнутый внутрь венчик) традиций в изготовлении посуды.

Не вызывает сомнения, что по образцу этих мисок были изготовлены и чашки с загнутым внутрь венчиком из погребений Глиное 99/1, 103/1, 105/2, 109/1 (рис. 147/13–16).

Миски со сложнопрофилированным венчиком для упора крышки найдены в погребениях Глиное 49/1 (рис. 81/2) и Чобручи 402 (рис. 86/9). Несмотря на отсутствие находок подобных крышек в скифских погребениях Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., их наличие и использование уместно предполагать для всех лепных мисок, особенно тех, которые имеют скошенный внутрь венчик. Уже отмечалось, что крышки для мисок достаточно широко известны на фракийских/гетских памятниках Румынии (Moscalu, 1983, Pl. LXIV, LXV). Кроме того, в Северо–Западном Причерноморье сероглиняные гончарные и лепные крышки известны среди материалов городища Надлиманское на левобережье Нижнего Днестра (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 88–89, 111–112, Рис. 42, 62).

Миски с выделенным ребром встречаются чаще, чем другие. В скифских погребальных памятниках Северо–Западного Причерноморья обнаружено 49 таких сосудов с достаточно выраженным или сглаженным ребром: 48 мисок на могильнике у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 976), и одна – в кургане Парканы 154 (Мелюкова, 1962б. С. 153, Рис. 3/1). Чаще всего подобные миски (с выделенным ребром) соотносятся с культурой Поенешть–Лукашэвка (Бруяко, 2009. С. 346, Рис. 5/7, 6/2,4; Гаврилюк, 2009. С. 127, Рис. 11/1–3). Однако не только острорёберные, но и миски со сглаженным ребром характерны для поенешть–лукашэвской культуры. Отмечено, что практически идентичные профили присутствуют в керамических комплексах зарубинецкой, ясторфской, пшеворской и других культур, но, за исключением зарубинецкой культуры, встречаются довольно редко (Пачкова, 2006. С. 338, Рис. 37, 105/6,8,10, 123/1,3,5, 169/1–8). Вне зависимости от того, бастарны или геты были основой формирования памятников этой культуры (Пачкова, 2006. С. 315–320; Бруяко, 2009. С. 346),

фракийское/гетское влияние на её керамический комплекс признаётся большинством исследователей (Фёдоров. С. 1960, 8 и сл.; Романовская, 1969; Никулицэ, 1987. С. 196 и сл.; Щукин, 1994. С. 107 и сл.; Ерёменко, 1997а. С. 67 и сл.). Это влияние отчётливо фиксируется в профилировке сосудов и в определённых элементах декора, нередко наблюдается сочетание и первого, и второго. Так, из 49 мисок с выделенным ребром, обнаруженных в скифских погребениях III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, 15 были орнаментированы выступами–фестонами.

В полной мере изложенное выше относится и к *чашкам с выделенным ребром*. Подобных сосудов среди материалов из анализируемых комплексов найдено всего пять: Глиное 27/1, 37/1, 99/1, 105/2; Дервент 13/2 (рис. 147/17–21).

Выступы–фестоны по венчику мисок и чашек являются одним из наиболее характерных свидетельств фракийского влияния на керамическую посуду из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья. В 22 случаях фестоны отмечены на мисках (Глиное 7/1, 10/1, 13/1, 13/3, 14/2, 15/1, 17/1, 22/2, 27/1, 38/1, 42/1, 45/1, 57/1, 78/3, 86/1, 93/1, 95/1, 96/1, 103/1, 105/2, 109/1; Дервент 11/1), и два раза – на чашках (Глиное 47/1, 96/1). Они располагаются в одной плоскости с венчиком или находятся под углом к нему, причём известны различные варианты декорирования сосудов фестонами, на что уже указывалось при характеристике инвентаря (рис. 77/3,6,8, 78/2,3,5,9, 79/4,8, 80/4,6, 81/10, 82/13, 83/2, 84/1,4, 85/1,3,8, 86/3,6).

Выступы–фестоны известны на сосудах из целого ряда фракийских/гетских памятников как более раннего, так и более позднего времени (Тельнов, Синика, 2012. С. 74, Рис. 2/8–10,16–20): в погребениях могильников Ханска I и Ханска–Лутэрия (Никулицэ, 1977. С. 111, Рис. XII/13), на поселениях Глинжены «Ла Шанц», Солончень–Хлиная и Сахарна Маре на правом берегу Среднего Поднепровья (Kašuba, Naheu, Levițki, 2000,

Р. 29, 40, 82, Pl. XIII/6, XVIII/5, LI/2); на гетских городищах Картал и Новосельское на левобережье Нижнего Дуная (Бруяко, 2009. С. 350, Рис. 6/1–3). Известны подобные элементы декора на лепных сосудах (мисках и чашках) из скифских курганов у с. Оситняжка, Турия и Секирное VII–VI вв. до н. э. в бассейне р. Тясмин (Ильинская, 1975. С. 138, Рис. 19/3,7,8, Табл. XXI/1, XXIII/10, XXXII/3), а также из скифского кургана 321 у с. Забара конца VII – первой половины VI в. до н. э. в бассейне р. Рось в Днепровском лесостепном Правобережье (Ковпаненко, 1981. С. 91, Рис. 18/2, 54/4).

Горизонтальные валики по венчику украшали миски из погребений Глиное 3/1, 87/1, 88/1, 89/1 (рис. 77/2, 83/3–5). Подобный способ декорирования мисок имеет очень широкое распространение на фракийских памятниках VI–III вв. до н. э. (Тельнов, Синика, 2012. С. 74, 76, Рис. 3/1,3–5), а именно, на городищах Сахарна Маре, Бутучены, Пояна, Ханска, на могильнике Страхотин и др. (Arnăut, 2003. С. 72, Fig. 51/ША2). Известен он и на поселении Нагоряны в Среднем Поднестровье (Шовкопляс, 1954. С. 102, Табл. I/9), а также во фракийском погребении у г. Слободзея (Фидельский, 2009, Рис. 1/1) и на поселении Чобручи (Никулицэ, Фидельский, 2004б. С. 197, Рис. 13/2) на левобережье Нижнего Днестра.

Вертикальным валиком по бортику были декорированы всего две миски из погребений Глиное 46/4, 68/1 (рис. 80/7, 82/8). Такой декор зафиксирован на сосудах из погребений могильника Ханска I и Ханска–Лутэрия (Никулицэ, 1972. С. 119, Рис. 3/а,б, 6/а; 1977. С. 111, 3/3,12,14), в позднегальштатском и гетском слоях городища Глинжены «Ла Шанц» (Kašuba, Naheu, Levițki, 2000, Р. 55, Р. VIII/7, XXXI/2,7) и на ряде памятников Запрутской Молдовы (Moscalu, 1983, Р. 75–76, Pl. LV/7,9,11,12).

Миски с упорами, расположенными под венчиком и параллельно ему, обнаружены в катакомбах Глиное 11/1 и 52/1 (рис. 77/7, 81/4). В Северо–Западном Причерноморье аналогии подобным мискам (с горизонтальными упорами различных форм, расположенными под венчиком) обнаружены на

поселении Николаевка (Мелюкова, 1975. С. 53–54, Рис. 22/5,6) и на городище Надлиманское (Дзис–Райко, Охотников, Редина, 2012. С. 105, Рис. 57/1,5) на левобережье Нижнего Днестра. На правобережье Среднего Поднестровья лепные миски с упорами под венчиками известны на гетских поселениях: Сахарна Микэ (Niculiță, Zanoci, Arnăut, 2008, Fig. 3/2, 20/1), Сахарна Маре (Kašuba, Naheu, Levițki, 2000, Pl. LI/2; Niculiță și alț., 2008, fig. 130/1, 136/1), Сахарна «Ла Шанц» (Niculiță, Zanoci, Arnăut, 2008, Fig. 164/7, 172/8,9), Глинжены «Ла Шанц» (Kašuba și alț., 2000, pl. XIII/6), Солончены «Глиное» (Kašuba, Naheu, Levițki, 2000, Pl. XVIII/5). Целый ряд подобных мисок известен на фрако–гетских памятниках Румынии: Равна, Добрина и Груя (VI в. до н. э.), Чернавода (V в. до н. э.), Фрумушица (вторая – третья четверти V в. до н. э.), Слобозия – 4 экз. (вторая половина V в. до н. э.), Черна (V–IV вв. до н. э.), Черника (конец V в. до н. э.), Муригиоль – 2 экз. (IV в. до н. э.), Пояна (IV в. до н. э.), Котнарь (IV–III вв. до н. э.), Брэилица (первая четверть III в. до н. э.) (Moscalu, 1983, Pl. XLIX/1,3–7,9–13, L/3,5–7,9).

Орнамент в виде «гирлянды» из украшенных пальцевыми вдавлениями сплошных валиков зафиксирован на фрагментах горшков (корчаг) из погребений Глиное 18/2, 94/1, 102/3, 105/2, а также из тризны кургана Глиное 31 и изо рва кургана Глиное 89 (рис. 74/10,14–18). Сосуды с аналогичным орнаментом широко известны на фракийских памятниках. В частности, они происходят из гетского могильника Ханска (Никулицэ, 1972. С. 113, Рис. 6б), с городища Сахарна Маре (Niculiță, Zanoci, Arnăut, 2008, P. 103, Fig. 93/11) и с городища Новосельское II на Нижнем Дунае (Бруйко, 2009, Рис. 5/5,9).

В катакомбе Табаки 4/1 внутри лепного поильника был найден *фрагмент крышки лепного сосуда с выраженным бортиком* (Субботин и др., 1992. С. 9. Рис. 6/11) (рис. 147/22). Отметим, что лепные крышки различных форм и размеров с бортиками по краю являются одной из наиболее распространённых находок на гетских поселениях Прутско–Днестровского междуречья (см. напр. Niculiță, Teodor, Zanoci, 1999, Fig. 99–101), но при

этом совершенно неизвестны в скифских погребальных комплексах Северо–Западного Причерноморья.

Анализ погребального обряда, практиковавшегося скифами Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э., не выявил сколько–нибудь ощутимого влияния со стороны гетского населения. Единственным исключением является, возможно, ситуация, отмеченная в захоронении Глиное 10/1 (рис. 46/1). В погребальной камере этой катакомбы было вырублено материковое ложе, на которое был положен погребённый; в этом же ложе была вкопана миска. Подобный обряд (вкапывание сосуда в пол погребального сооружения) у скифов Северного Причерноморья ранее не встречался¹⁵⁷. Вместе с тем, исследователями уже отмечалось, что вкопанные в пол сосуды характерны для фракийских культур типа Поенешть–Лукашёвка (Никулицэ, 1987. С. 219). Н. А. Гаврилюк допускает, что расположение сосудов заглублёнными в пол в культовых зонах и жилищах Золотобалковского поселения и Гавриловского городища в Нижнем Поднепровье является развитием традиции указанных фракийских культур (Гаврилюк, 2009. С. 127). Если принять данную точку зрения, тогда вкопанная в пол материкового ложа миска из погребения Глиное 10/1 будет являться единственным свидетельством фракийского влияния на погребальную обрядность скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.

Ещё одним, причём весьма специфичным проявлением фракийского «влияния» на скифский погребальный обряд является тот факт, что в скифскую насыпь кургана Дервент 7 с основным захоронением в Г–образной катакомбе (III типа) было впущено погребение в яме (Дервент 7/1), совершённое по типично гетскому погребальному обряду – сожжение на стороне с последующим помещением праха в урну, роль которой играло

¹⁵⁷ Мы не принимаем во внимание сосуды, которые были положены в тайник, а затем полностью засыпаны.

тулово синопской амфоры (Редина, 2000б. С. 250). Такой обычай – использование греческих амфор в качестве погребальных урн – широко известен на гетских могильниках на территории Румынии (Тельнов, Синика, 2013. С. 303). Данное гетское захоронение Дервент 7/1 примечательно тем, что оно находилось с внутренней стороны рва кургана, т. е., несомненно, каким-то образом было связано с захоронением в скифской катакомбе.

В целом, можно констатировать устойчивость скифского погребального обряда, основные характеристики которого практически не изменялись, несмотря на длительное соседство с носителями фракийских культур в Северо-Западном Причерноморье на протяжении VI–II вв. до н. э. Наоборот, в некоторых случаях геты воспринимали некоторые значимые элементы скифского обряда и использовали их, модифицируя свои традиции. Ярким примером скифского влияния на гетские погребальные обычаи является сооружение в первой половине III в. до н. э. дромосной катакомбы, исследованной у г. Брэила на правом берегу Нижнего Дуная, в Добрудже, в 35 км к западу от южной оконечности оз. Кагул. В центре погребальной камеры, на дне, находилась урна (миска) с кальцинированными человеческими костями; по углам сооружения стояли сосуды с жертвенной пищей и греческая амфора (Hartuche, 1983, P. 146–148, Fig. 1,2, 3/1, 4, 5/1,2; 2002, P. 154–156. Pl. Fig. 120, 121). Способ погребения (кремация на стороне с последующим помещением праха в урну) и размещение сопровождающего инвентаря совершенно обычны для гетского погребального обряда. Однако скифская конструкция катакомбы (VIII типа) резко контрастирует с гетскими «канонами». Для нас важно, что данное сооружение, весьма схожее с доминирующими в III–II вв. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье катакомбами III типа, является ярким свидетельством скифского влияния на погребальный обряд гетов.

§4. Латенское/германское влияние на материальную культуру

Помимо греческого и гетского, в скифских погребальных комплексах III–II вв. до н. э. отчётливо прослеживается и латенское/германское влияние на материальную культуру. Здесь необходимо отметить одно очень важное обстоятельство. Археологические памятники греческого (города и поселения) и гетского (поселения и погребения) населения хорошо известны и расположены в непосредственной близости или неподалёку от скифских курганов и захоронений. Следы же пребывания кельтов / носителей латенизированных культур не только на Нижнем Днестре, но и во всём Северо–Западном Причерноморье, если не учитывать материалы из скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э., представлены в это время (как, впрочем, и в более раннее – в IV в. до н. э.) только отдельными украшениями и аксессуарами костюма.

На правом берегу Нижнего Днестра в 1961 г. на поселении Калфа Г. Ф. Чеботаренко была найдена раннелатенская фибула. Пружина шестивитковая, с верхней тетивой. Спинка рубчатая, оформлена в виде пяти полукольцевых утолщений. Среднее полукольцо дополнительно выделено тремя полусферическими выступами, опоясанными спиралью. Ножка фибулы обломана в древности (Чеботаренко, Щербакова, Щукин, 1987. С. 242, Рис. 1). Подобная орнаментация фибулы соответствует латенским древностям ступени B_2/C_1 , которая датируется в пределах 270–х – 190–х гг. до н. э. (Щукин, 1994. С. 50). Фрагмент браслета, изготовленного в таком же стиле, был найден в начале 2010–х гг. в Резинском р–не Республики Молдова на правом берегу Среднего Днестра (Топал, 2012. С. 169, Рис. 2/5).

В 2009 г. был изъят у грабителей «кельтский» бронзовый крючок из Слободзейского р–на на левобережье Нижнего Днестра (Кривенко, Синика, Тельнов, 2011. С. 42, 44, Рис. 1/6). Данное изделие использовалось в качестве

поясной пряжки для соединения мужского или женского матерчатого или кожаного пояса. Одно из окончаний крючка представляет собой кольцо, к которому жёстко крепился пояс, а второе выполнено в виде стилизованной головы лошади с небольшими, но хорошо выделенными ушами, выраженным оскалом и подчёркнутым храпом, обозначенным треугольником на верхней челюсти (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 978, Рис. 456/1).

Крючок не имеет аналогий не только в Дунайско–Днестровских степях, но и во всём Северном Причерноморье. В то же время подобные крючки достаточно широко известны в Центральной Европе. Ближайшие аналогии находке из Слободзейского р–на происходят, в частности, из Жемянского Подградья и Голиаре в Словакии, а также из Ленешице и Леднице в Чехии (Filip, 1956, Tab. XLII/1,2, CIV/1; Филип, 1961, Рис. 24/1, 25/3; Щукин, 1994. С. 51, Рис. 19/12,23). Появление подобных крючков в настоящее время относится к последним трём десятилетиям III – первому десятилетию II в. до н. э. (Щукин, 1994. С. 50–52).

В 2015 г. в окрестностях с. Терновка Слободзейского р–на на левобережье Нижнего Днестра на поселении Терновка «Кривое Озеро» была сделана находка бронзовой подвески–сферы с утраченным ушком для крепления. Изделие изготовлено в технике литья по восковой модели. Подвеска состоит из четырёх вертикальных рёбер и одного горизонтального. Рёбра сегментовидные в сечении. Места пересечений горизонтального ребра с вертикальными украшены уплощёнными полусферическими выступами. Аналогичные выступы расположены посередине отрезков горизонтального ребра, между его пересечениями с вертикальными рёбрами, посередине каждого вертикального ребра в верхней и нижней части подвески, а также в самом её низу (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 978, Рис. 456/2).

Ближайшей аналогией находки из с. Терновка является подвеска из Айзенберга у Баттенберга (Эдера) в Гессене (Германия), датированная заключительной фазой позднелатенского времени (Schlott, 1999, S. 41, Abb.

16/a). Немало подобных находок известно и в Северном Причерноморье, особенно в Крыму (Журавлёв, 2014. С. 70–71, Рис. 9), где они датируются от конца I в. до н. э. до первой половины IV в. н. э. (Рыжова, 2005. С. 284–285).

В 2016 г. на левобережье Нижнего Днестра, у с. Токмазея Григориопольского р-на была найдена бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Пружина четырехвитковая, с нижней тетивой. Подовальная в плане дуговидная спинка в сечении уплощена до четырехгранника, приемник короткий и широкий. Ножка, являющаяся продолжением спинки, использовалась для выведения четырех последовательных поперечных «восьмерок», закрепленных, по всей видимости, на тетиве пружины. Проволочка, соединявшая «восьмерки» с тетивой, утрачена. Спинка фибулы орнаментирована мелкой насечкой в виде косых линий, в совокупности составляющих треугольники. Этот орнамент образует полосы, подчеркивающие форму спинки. Только у иглоприемника эти полосы сужаются, образуя, в целом, стилизованный контур рыбы. Кроме того, аналогичные полосы из мелкой насечки нанесены поперечно спинке фибулы. Первая из них расположена в самом широком месте спинки, две другие – ближе к иглоприемнику. Между первой и второй, а также второй и третьей полосами находятся по два треугольника, обращенные вершинами к верху спинки фибулы и образованные такими же полосами косой насечки. Четвертая поперечная полоса находится на удалении от трех описанных, ближе к иглоприемнику, отсекая «хвостовой отдел» контура «рыбы» (Синика, Разумов, Тельнов, 2016. С. 108, Кат. 188; Синика, 2017а).

Ближайшими аналогиями находке из Токмазеи являются фибулы из скифских погребений Глиное 3/1, 16/1, 38/3, 68/1, 115/1, суммарная дата которых определяется второй половиной III – первой четвертью II в. до н. э. (Синика, 2017а. С. 113).

Также в 2016 г. на левобережье Нижнего Днестра, на поселении Слободзея–VI, расположенном у юго-западной оконечности одноимённого

города, была найдена ещё одна бронзовая латенская фибула. Количество витков в пружине и характер тетивы не устанавливаются. Подовальная в плане дуговидная спинка в сечении уплощена до треугольника, иглоприёмник в плане треугольный. На окончании ножки, не скреплённой со спинкой, находится шарик (над широкой частью иглоприёмника), небольшое сегментовидное в сечении утолщение в виде шарика меньших размеров и раздваивающийся хвостик в виде буквы “V” (Синика, Иващенко, 2017. С. 225, Рис. 1/2). Данная фибула является первым подобной находкой на левобережье Нижнего Днестра. Географически ближайшей (но не прямой) аналогией является изделие из гетского городища Сахарна Микэ, расположенного на правобережье Среднего Днестра, в Резинском р-не Республики Молдова (Кашуба, Хахеу, Левицкий, 2002. С. 199. Рис. LIII/1; Топал, 2012. С. 169, Рис. 2/2). Ещё одна подобная фибула на правом берегу Днестра была найдена на городище Рудь «Ла Шанцурь» (Лапушнян, Никулицэ, Романовская, 1974. С. 95, Рис. 34/1). Есть данные о находке духцовских фибул на городище Стольничены (Топал, 2012. С. 169). Две другие подобные фибулы происходят из Запрутской Молдовы – из могильника Зимнича и поселения Кукутень (Ерёменко, 1997а. С. 40, 202).

В 2018 г. стало известно, что в составе клада, обнаруженного грабителями на гетском городище у с. Строенцы Рыбницкого р-на на левобережье Среднего Днестра, находились две идентичные серебряные латенские фибулы с шестивитковыми пружинами с нижней тетивой. На их ножках, которые плотно прижаты к спинке, находится по одной биконической бусине, при этом окончания ножек оформлены в виде трёхпалых лап (Фидельский, 2020. С. 109, Рис. 3).

Фибулы подобной конструкции – с гладкой спинкой и с шариком / шариками на ножке – являются наиболее характерными для латенских древностей «горизонта Духцов–Мюнзинген» или ступени В_{2а}, которая датируется в пределах 330–320-х – 280–260-х гг. до н. э. (Щукин, 1994. С.

49, Рис. 11/6, 16/13) или более узко – 320–280–ми гг. до н. э. (Ерёменко, 1997а. С. 40, 45, 47. Рис. 6/5, 7/14). Однако необходимо отметить, что встречаются аналогичные фибулы и позже, на этапе Lt V_{2b}, т.е. вплоть до 230–х гг. до н. э. (Щукин, 1994. С. 50; Ерёменко, 1997а. С. 40. Рис. 6/11–13).

Также в 2018 г. на поселении у с. Индия Григорипольского р-на был найден литой бронзовый крючок, очевидно, деталь конской упряжи, крепившаяся кольцевым основанием к окончанию псаля (см. напр. Schlott, 1999, Abb. 13/b,c). Ромбический в сечении стержень согнут Г-образно. У основания крючка находится кольцо (сечение которого также ромбическое), при этом часть кольца, противоположная месту соединения со стержнем, стёрта наполовину в результате трения о другую металлическую часть упряжи. «Навершие» крючка представляет собой голову копытного животного (лошади?) с выделенными губами и ушами. По стилю изображения головы копытного находке из Индии близок упомянутый выше поясной крючок, найденный в 2009 г. в Слободзейском р-не (Кривенко, Синика, Тельнов, 2011. С. 42, 44, Рис. 1/6; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 978, Рис. 456/1), и изделия, упомянутые в качестве аналогий к последнему, – из Жемянского Подградья и Голиаре в Словакии, а также из Ленешице и Леднице в Чехии (Filip, 1956, Tab. XLII/1,2, CIV/1; Филип, 1961, Рис. 24/1, 25/3; Щукин, 1994. С. 51, Рис. 19/12,23). Кроме того, подобное, но не идентичное профильное изображение копытного животного находится на ножнах меча из поселения Ла Тен в Швейцарии (Jacobsthal, 1944, P. 177, Pl. 66, Cat. 111).

Среди материалов из скифских захоронений и из «кладов» III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья «чистых» кельтских вещей нет, но зато велико число «латенизированных» находок. К ним относятся некоторые украшения (трёхъярусная гривна, браслеты и кольца с выступами на стержне, браслет с группами рубчиков на стержне, серьги с поперечными «восьмёрками», поясные накладки с изображениями мужских личин),

предметы вооружения (наконечник копья) и конского снаряжения (круглые бляхи и конские нащёчные пластины с изображениями мужских личин), один сосуд (латенский котёл/таз), ворворка, а также крючки–застёжки и фибулы. Последние получили в погребальных комплексах широчайшее распространение.

Трёхъярусная гривна из погребения Глиное 116/1 (рис. 92/2–5; 148/1–4) представляет собой первое подобное украшение из скифского погребения III в. до н. э. (Синика, Тельнов, 2018в. С. 229–232, Рис. 6/1–4), и пятое – найденное за всю историю изучения скифских погребальных комплексов Северо–Западного Причерноморья. Выше уже упоминались и анализировались гривны из кургана 5 у г. Дубоссары, а также из погребений могильника Буторы I 4/2, Глиное/Сад 7/5 и Дервент 13/1. Кроме того, известны ещё две золотые гривны из клада, обнаруженного у с. Ларгуца на левобережье Нижнего Прута (Нудельман, Рикман, 1957. С. 250–252, Рис. 2; 3; Рикман, 1961, Рис. 12; Нудельман, 1969а. С. 129–130, Рис. 1; Никулицэ, 1987. С. 127–128, Рис. 41/4). Однако если гривна из Дубоссар была сделана греческими мастерами (головки львов на окончаниях и соединительная планка с уточками), гривны из могильников Буторы I (окончания в виде рельефных головок змей), Дервент (плоские окончания с насечками, имитирующими змеиные головки) и группы «Сад» у с. Глиное (лопаточковидные окончания с насечками, имитирующими змеиные головки) – выполнены по фракийской традиции, гривны из Ларгуцы – сочетают в себе греческие (головки львов на окончаниях) и фракийские (геометрический орнамент – кольца, косые линии, точки на стержнях гривен) элементы, то гривна из катакомбы Глиное 116/1 не связана ни с греческой, ни с фракийской традицией изготовления подобных украшений.

В скифских погребениях Северного Причерноморья многоярусных и многовитковых гривен нет (см. Петренко, 1978: С. 41–46). Самые близкие находке из захоронения Глиное 116/1 гривны известны на Тамани и в

Прикубанье: в Буеровой Могиле II в. до н. э., в кургане у хут. Карстовый первой половины II в. до н. э., в кургане у хут. Элитный последней четверти II – первой половины I в. до н. э. и из разрушенной гробницы у ст. Ахтанизовской конца II – первой половины I в. до н. э. Все эти многоярусные и многовитковые гривны состоят из согнутых по спирали полых трубок, окончания которых оформлены в виде головок животных. Части гривен соединяются при помощи шарниров или другим способом (Королькова, 2001. С. 74, Рис. 9/1–5; Мордвинцева, Трейстер, 2007б, Кат. В1/3–5, А26/4, В48/1; А103а/2; Власова, 2009. С. 70–72, 78, Табл. II/1–5). Гривна из кургана Глиное 116 существенно отличается от них. Она состоит из трёх трубок, каждая из которых изготовлена из бронзовой пластины, свёрнутой поверх деревянного прутика, т. е. ни одна из трубок не является полый. Ни один из ярусов не представляет собой сомкнутое кольцо, и все вместе они не образуют многовитковую или псевдомноговитковую спиральную гривну. Каждое звено плакировано золотой фольгой, и их соединение осуществлялось при помощи нити, продеваемой сквозь находящиеся на одной оси вертикальные отверстия. Примитивный орнамент на окончаниях верхнего звена, а также его деление на зоны при помощи выпуклых поперечных линий, равно как и трёхъярусная конструкция всего изделия, позволяют считать, что в кургане Глиное 116 была обнаружена гривна, являющаяся упрощённой репликой широко известных в кладах поморской/померанской культуры бронзовых многоярусных нагрудников (Kneisel, 2007, Abb. 6/1,4,5), размеры которых к началу IV в. до н. э. становятся меньше по сравнению с предшествующим временем (Kamińska, 1992, S. 44, Рус. 1–9). Таким образом, гривна из катакомбы Глиное 116/1 является свидетельством контактов скифов Северо–Западного Причерноморья с носителями центральноевропейских культур (Синика, Тельнов, 2018. С. 253–254).

Браслет с выступами на стержне был обнаружен в захоронении Глиное 71/1 (рис. 93/13). Браслет цельный, округлый в сечении, отлит из бронзы, с четырьмя выступами на стержне, которые делят последний на равные части

(Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 436, Рис. 245/11). Ближайшие аналогии данному браслету из Северо–Западного Причерноморья обнаружены в погребениях Дивизия 20/4 (конца второй четверти IV в. до н. э.) в Нижнем Подунавье (Субботин и др., 1992. С. 19, Рис. 16/4), Глиное/Сад 8/5 (последней четверти IV в. до н. э.) и Глиное/Водовод 16/6 (Синика и др. 2021. С. 261, Рис. 15/3) на левобережье Нижнего Днестра (Синика, Тельнов, Лысенко, 2018г. С. 85–86, 88, 90, Рис. 7/1). Кроме того, подобные находки известны в лесостепной зоне Прутско–Днестровского междуречья: два браслета из с. Шипотены Хынчештского р–на, и один – из с. Резены Яловенского р–на Республики Молдова (Топал, 2012. С. 171, Рис. 2/6,8,9)

Кольца с выступами на стержне (5 экз.) известны в одном «кладе» (из Гэвани на правобережье Нижнего Дуная) (рис. 137/2) и в трёх погребальных комплексах: Градешка 7а/1 (строенные кольца – одно изделие (рис. 148/5); кольцо–подвеска), 15/1 (строенные кольца – одно изделие) на левобережье Нижнего Дуная; разрушенное погребение Тирасполь–1980 на левобережье Нижнего Днестра. Подобные кольца известны в захоронениях Глиное/Сад 8/2 (Синика, Тельнов, Лысенко, 2018г. С. 83, 88, 90, Рис. 4/8), Глиное/Водовод 8/2, 14/3 (два спаренных кольца и одно строенное)¹⁵⁸ IV в. до н. э.

Браслеты и кольца с выступами на стержне традиционно считаются изделиями латенского типа (Петренко, 1978. С. 55; Сымонович, 1983. С. 98), изготовление которых осуществлялось и в ольвийских мастерских, о чём свидетельствуют находки литейных форм для их отливки (Нефёдова, 1992. С. 32). Недавно В. Д. Журавлёвым была осуществлена ревизия всех известных браслетов и колец подобного типа, в результате чего исследователь пришёл к выводу, что эти изделия имеют местное, т. е. северопричерноморское происхождение (поскольку в Ольвии известны формы для отливки колец с выступами), при этом не исключаются ни фракийское, ни кельтское влияния

¹⁵⁸ Раскопки автора 2018 г. Материал не опубликован.

на формирование самой идеи изготовления таких колец (Журавлёв, 2014. С. 79–80).

Браслет с тремя группами рубчиков на стержне известен только в катакомбе Кугурлуй 26/2 (рис. 148/6). Представляется, что подобные изделия являются упрощёнными репликами браслетов и колец с выступами на стержне. Подобные браслеты в настоящее время не известны в скифских захоронениях IV в. до н. э. Северо–Западного Причерноморья. Но они встречаются изредка среди материалов скифских памятников Северного Причерноморья и лесостепной зоны (Петренко, 1978. С. 55–56). Наиболее интересной из них является находка из кургана Холодный Яр 28: его стержень орнаментирован группами рубчиков (Покровська, 1957. С. 75, Табл. II/2), как и на браслете из катакомбы Кугурлуй 26/2, а окончания – лопаточковидные, с орнаментом в виде косых крестов. Как уже отмечалось выше, данное украшение сочетает в себе латенскую и фракийскую традиции.

Серьги с поперечными «восьмёрками» найдены в захоронениях Глиное 9/1 (рис. 96/19,20), 29/1, 86/1 (рис. 148/7,8). Украшения изготовлены из округлой в сечении проволоки, одно из окончаний заострено, а второе – обмотано проволокой, из которой выведены поперечная восьмёрка и продольная петля, служившая для крепления заострённого окончания. Автору настоящей работы известна всего одна аналогичная пара серёг, которая происходит из катакомбы II–I вв. до н. э. склепа 114 Беляусского грунтового могильника в Северо–Западном Крыму (Пуздровский, 2007, Рис. 12/II/8,9). Очевидно, что использование «восьмёрки» для оформления серёг следует связывать с аналогичным декоративным элементом, встречающимся на спинках серии бронзовых фибул (захоронения Глиное 3/1, 16/1, 38/3, 68/1, 115/1; поселение Токмазея–II) среднелатенской конструкции (Тельнов, Четвериков, Синика. С. 979), а также их погребальных комплексов зарубинецкой культуры (Пачкова, 2004. С. 71, Рис. 25/1,2).

Пара поясных накладок с изображением мужских голов из погребения Глиное 116/1 вызывает особый интерес (рис. 148/9,10). Такие изображения известны в скифских памятниках (и в погребениях, и в «кладах») Северного Причерноморья III–II вв. до н. э., но все они находятся на предметах конского снаряжения – на круглых бляхах и нащёчных пластинах. Так, пять круглых блях обнаружены в погребении Глиное 31/1 (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 216, 798, 948, рис. 107/6,7; Тельнов, Синика, 2016. С. 301, Рис. 4/4). Аналогичные круглые бляхи происходят из «кладов» у с. Броаска/Бубуечь (4 экз.) на правом берегу Нижнего Днестра и у с. Великопоское (1 экз.) на левом берегу Нижнего Днестра, а также из коллекции «Платар» из «комплекса из-под Овидиополя» (1 экз.) (Симоненко, 2009. С. 170, 172–173, Рис. 140/13, 143, 144). Нащёчные пластины конской узды с изображениями, аналогичными тем, что находятся на поясных бляхах из катакомбы Глиное 116/1, известны в «кладе» из Броаски/Бубуечь на правом берегу Нижнего Днестра и в скифском погребении у с. Чистенькое в Предгорном Крыму (Зайцев, Колтухов, 2004. С. 244–245, рис. 6/3).

Появление всех перечисленных изделий в скифских «кладах» (Карнаух, Синика, Сердюк 2016. С. 232–234) и в скифских погребениях (Глиное 31/1, 116/1; Чистенькое), несомненно, связано с латенским влиянием на скифскую материальную культуру (Мордвинцева, 2001. С. 112–113; Синика, 2011б. С. 184–185; Тельнов, Четвериков, Синика, 2012. С. 13; 2016. С. 799, 979; Тельнов, Синика, 2016. С. 303). Уникальность находок из кургана Глиное 116 заключается в том, что изображения мужских голов впервые зафиксированы на украшениях – на поясных накладках. Совершенно точно, они не являлись предметами конского снаряжения. Эти накладки нашивались на ремень, о чём свидетельствуют отверстия на пластинах, справа и слева от изображения, а также тот факт, что одна из пластин была переделана в концевую стреловидную накладку (Синика, Тельнов, 2018в. С. 258).

Поясная пряжка «с изображением конской головки» из «клада» у с. Бравичены (Фёдоров, 1960. С. 9, рис. 1/1) (рис. 131/11), как и аналогичная находка из «клада» у с. Марьевка (Iakounina–Ivanova, 1927, P. 100, Fig. 2), являются пряжками латенского происхождения (Зайцев, 2008. С. 149), широко известными в Чехии, Словакии, Венгрии, Южной Германии и Швейцарии (Зайцев, 2011. С. 589, 591, Рис. 2/6–9). Морфологически близким обеим указанным пряжкам изделием из Северо–Западного Причерноморья можно считать только упомянутый выше бронзовый крючок из Слободзейского р–на на левобережье Нижнего Днестра (Кривенко, Синика, Тельнов, 2011. С. 42, 44, Рис. 1/6). Одно из окончаний крючка представляет собой кольцо, а второе выполнено в виде стилизованной головы лошади с небольшими, но хорошо выделенными ушами, выраженным оскалом и подчеркнутым храпом (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 978, Рис. 456/1).

Наконечник копья с асимметричным пером из погребения Глиное 86/1 имеет лавролистное перо, длина которого (15 см) значительно превосходит длину втулки (5,5 см) (рис. 52/3). Такие наконечники копий А. И. Мелюкова отнесла к третьему варианту 3 типа I отдела, при этом была отмечена немногочисленность подобных находок (4 экз.) в скифских погребальных комплексах (Мелюкова, 1964. С. 38, Табл. 13/1,4–6). При этом само перо наконечника имеет довольно заметную асимметрию лопастей. Оба этих признака (длина пера больше длины втулки, асимметричность лопастей пера) характерны для целого ряда наконечников копий из кельтских памятников Западной и Средней Европы (Brunaux, Lambot, 1987, Fig. 9/4,5,8–11, 16/3, 27/2,9,10; Schlott, 1999, S. 44–45, Taf. 17/4–6, 20/1, 21/1), в том числе и с поселения Ла Тен в Швейцарии (Vouga, 1923, P. 50–51, Pl. IX, XI). Пропорции пера и втулки, а также форма пера наконечника копья из погребения Глиное 86/1 свидетельствуют о латенском влиянии на данный вид вооружения (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 979–980).

Деталь составного навершия кельтского шлема обнаружена в комплексе из Гэвани (рис. 137/3). Использовалась вторично, возможно, в качестве «подвески–украшения конской сбруи, вместе с бусами и просверленными клыками» (Зайцев, 2007. С. 261, Рис. 2/3).

Бронзовые круглые бляхи конской узды с изображением мужских голов, обнаруженные в погребении Глиное 31/1 (5 экз.), в «кладах» из Броаски/Бубуечь (4 экз.) и Великоплатского (1 экз.), можно уверенно связывать с латенским влиянием. На лицевой стороне блях изображена мужская голова, окаймлённая выпуклым овальным валиком с насечками; лицо удлинённое, безбородое и безусое, с миндалевидными глазами и узким ртом; волосы переданы вертикальными полосками, перехваченными горизонтальной лентой. Уже отмечалось, что идентичные изображения находятся на двух поясных накладках из погребения Глиное 116/1, а также на нащёчных пластинах конского снаряжения из «клада» из Броаски/Бубуечь на правом берегу Нижнего Днестра и из погребения у с. Чистенькое в Предгорном Крыму.

А. Таллгрэн и Э. А. Рикман указывают на кельтские аналогии бляхам (Tallgren, 1926, P. 157–158; Рикман, 1969. С. 33, 38). В. Зирра и М. Б. Щукин, помимо кельтских признаков, обращают внимание и на северогерманские (Zirra, 1979, P. 191; Щукин, 1994. С. 98). С. В. Полин изображения лиц на фаларах из Броаски/Бубуечь связывает с европейскими культурами латенского круга (Полин, 1992. С. 51). Исследование В. И. Мордвинцевой содержит целый ряд аналогий из Центральной и Северной Европы II–I вв. до н. э. Среди них – кельтские маски на серебряных фаларах из Манербио в Северной Италии, аверс серебряной монеты таврисков из Австрии, бронзовая маска на ритуальной повозке из Дейбьерга и золотая бляшка из Иллерупа в Дании. Отмечено, что в стиле бубуечьских пластин проявляются, наряду с дакийскими, преимущественно северогерманские черты (Мордвинцева, 2001а. С. 112–113).

Пара бронзовых конских нащёчных пластин происходит только из «клада» из Броаски/Бубуечь (рис. 132/8,9). Одна из декоративных пластин имеет длину 28 см, ширину 11,2 см и высоту 0,7 см. Поверхность разделена на три зоны двойными выпуклыми горизонтальными линиями, отдельные участки которых покрыты поперечным рифлением с оборота. Верхняя и средняя зоны также поделены вертикальными рифлеными валиками: тремя – вверху, двумя – в середине. Нижняя зона разделена двумя горизонтальными валиками, между которыми проходит вертикальная волнистая линия. Край пластины, за исключением левой закраины средней зоны, орнаментирован двумя гладкими валиками, на небольшом отрезке покрытыми рифлением. В правых частях верхней и средней зон изображены самки оленя с повернутой назад головой и крупным, непропорционально длинным туловищем. Узкая вытянутая морда показана в профиль, при этом видны оба уха животного. Глаз трактован в виде круглого валика с выпуклостью в центре. Такие же кружки украшают плечо, среднюю часть тела и круп оленихи. Ноги развернуты в профиль, при этом раздвоенные копыта показаны анфас. В левой части средней зоны изображены три человеческие головы, контуры которых обведены валиками, частично покрыты рифлением. Изображения голов одинаковые. Рифленый валик отделяет прическу от линии бровей. Завитки волос показаны с помощью чеканки с оборота С-видным пунсоном. Глаза не имеют зрачков. Нос треугольной формы. Вполне отчетливо показаны усы. Среди других мотивов, изображенных на пластине, – двойные и тройные арки с «горошиной» в центре, тройные «горошины» и различные варианты волнистых линий (то гладких, то рифленых) с «горошинами» во внутренних изгибах.

Вторая пластина несколько отличается размерами. Ее длина 27,8 см, ширина 12,9 см, высота 0,7 см. Правый край обрамляет линия из трех выпуклых валиков, причем средний валик покрыт рифлением. По верхнему и нижнему краям пластины проходят двойные валики, частично рифлёные. Построение орнаментальных зон отличается от первой пластины. Верхняя

зона не разделена на части. На ней помещено изображение оленя с повернутой назад головой и ветвистыми рогами, отростки которых направлены в одну сторону. За ним следует фигура животного меньших размеров с длинным хвостом, возможно, собака. Обе фигуры выполнены с соблюдением тех же стилистических приемов, что и изображения на первой пластине. Среднюю зону пересекает двойной вертикальный рифленый валик. Слева от него оттиснуты две человеческие личины вместо трех. Справа пространство разделено пополам двойной горизонтальной рифлёной линией; полученные таким образом прямоугольники также поделены двумя вертикальными валиками с рифлением. В центральных квадратах помещен орнамент из пяти «горошин»: четыре по углам, одна в центре. Справа, посередине каждого квадрата изображена звезда с «горошиной» в центре – восьмилучевая в верхнем квадрате, семилучевая – в нижнем. Лучи звезд выбиты прямым чеканом с оборота, углы подчеркнуты С-видным пунсоном – тем же, что и волосы личин. Нижняя зона соответствует изображению на первой пластине, с добавлением короткой горизонтальной черты, которая примыкает к центру валика, разделяющего среднюю и нижнюю зоны. На этой пластине также встречаются двойные выпуклые рифленые арки и волнистые линии с «горошинами» (Мордвинцева, 2001а. С. 108–109, Рис. 1/1,2).

Аналогичные нащёчные пластины известны только в скифском погребении у с. Чистенькое в Предгорном Крыму. Данный комплекс на основании трёхцветной родосской чашки и унгентария веретенообразной формы (Зайцев, Колтухов, 2004. С. 244–245, Рис. 6/3, 7/7,11) датируется в пределах последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 992–993).

Как уже отмечалось выше, аналогичные изображения мужских голов известны на поясных накладках из погребения Глиное 116/1, а также на круглых бляхах конской узды из катакомбы Глиное 31/1 (5 экз.), в «кладе» из

Великопоского (1 экз.) и в «кладе» из Броаски/Бубуечь (4 экз.), где были обнаружены рассматриваемые нащёчные пластины.

Четыре *серебряные ажурные бляхи конской узды* из «клада» у Гэвани представляют собой свастические трёхлучевые изображения, выполненные в каноне трискелии (рис. 147/5), широко распространённом в латенском искусстве (Jacobsthal, 1944, Pl. 279), однако использование ребристого канта по периферии сильно стилизованных зооморфных изображений указывает на сочетание фракийской и латенской традиций в изготовлении ажурных блях из Гэвани¹⁵⁹.

Латенский бронзовый сосуд из Великопоского (рис. 133/2) представлял собой неглубокий котёл или таз с двумя подвижными ручками (Зайцев, 2012б. С. 148–150, Рис. 6), ближайшие аналогии которому найдены в Невшательском озере в Швейцарии (Зайцев, 2012б, Рис. 3/1–3). Более уплощённую форму сосуда из Великопоского Ю. П. Зайцев связывает либо с переделкой исходного котла, либо с наличием новой, ранее неизвестной разновидности (Зайцев, 2012б. С. 148, Прим. 6).

Ворворка в форме сосуда с выступами на тулове происходит из погребения Глиное 33/2 (рис. 102/9). Аналогии данному изделию неизвестны, при этом необходимо заметить, что оформление тулова ворворки округлыми выступами свидетельствует о близости данного изделия к кругу латенских древностей. В частности, как уже отмечалось выше, браслеты и кольца с выступами на стержне считаются исследователями украшениями латенского типа (Петренко, 1978. С. 55).

Крючки–застёжки из 40 скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. являются одним из наиболее распространённых свидетельств центральноевропейского, а значит, и латенского, влияния на материальную культуру поздних скифов Поднепровья. Как уже отмечалось, все крючки,

¹⁵⁹ Благодарю докт. ист. наук А. Р. Канторовича (г. Москва, РФ) за консультацию.

обнаруженные в захоронениях, представляют три конструктивные схемы, две из которых находят множество аналогий в памятниках ясторфской, зарубинецкой, поенешть–лукашѣвской культур, а также в кельтских погребениях (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 980).

Наиболее распространены крючки–застѣжки с одним загнутым окончанием, раскованной пластиной внизу и выступом для крепления к колчану или к поясному ремню. Они встречены в 25 захоронениях на левобережье Нижнего Днестра: Глиное 3/1, 14/1, 18/2, 24/1, 27/1, 28/1, 34/1, 35/1, 45/1, 48/1, 50/1, 51/1, 53/1, 59/1, 66/1, 71/1, 73/1, 79/1, 84/1, 93/1, 96/1, 100/1, 111/3, 112/1, 116/1 (рис. 50/2). Аналогичные крючки известны, в частности, в погребениях 40 и 44 могильника поенешть–лукашѣвской культуры у с. Долиняны в лесостепном Поднестровье (Смирнова, Мегей, 2000. С. 161, 164, Рис. 6/40а, 7/44а), в захоронениях 1, 16, 17, 57, 77, 140, 162, 165, 172, 174, 182 кельтского могильника Пишкольт в Румынии (Németi, 1988, P. 67, Fig. 6/1; 1989, P. 109, Fig. 1/9, 3/4 (m. 16), 3/9 (m. 17), 12/4 (m. 162), 14/1 (m. 165), 15/7 (m. 172), 17/8 (m. 174), 18/5 (m. 182); 1992, P. 107, Fig. 7/2a (m. 57), 12/4a (m. 77)).

Кроме того, подобный крючок, но без расположенного на пластине выступа для крепления, происходит из катакомбы Кугурлуй 26/1 на левобережье Нижнего Дуная. Очевидно, он был поясным, как и крючки сердцевидной формы из захоронений Дервент 13/1 и Кугурлуй 18/1, на которых также отсутствуют выступы для крепления.

Крючки, представляющие собой пластину с загнутыми навстречу окончаниями в виде скобы, происходят из 14 комплексов: Глиное 21/1, 25/1, 30/1, 38/1, 43/2, 52/1, 58/1, 67/1, 81/1, 88/1, 94/1, 99/1, 106/1, 116/2 (рис. 50/3). Подобные крючки получили широчайшее распространение в латенское время у племён ясторфской культуры в Центральной Европе. Они известны в большом количестве в нижнем течении Заале и на Средней Эльбе, например, в погребениях № 5 у Грэфенхайнихена, № 1 у Мёритцш, № U24 у Наумбурга,

в захоронениях у Мюхельна, № 4 у Тисена, №№ 10, 18, 22, 27, 44 у Трайюна, №№ 11, 19, 20, 22, 24 у Цана (Müller, 1985, Taf. 27/6, 32/12, 44/14, 60/7,24,27, 79/4, 81/11, 82/15, 83/6,16, 85/5, 95/3,11,13, 96/5,8). Недавно была опубликована аналогичная находка из кургана Холодная Гора I, исследованного у г. Белогорск в Предгорном Крыму (Шульга и др., 2018. С. 429, Рис. 22/3).

Очевидно, изделиями латенского происхождения являются крючки, найденные на поселении Индия Григориопольского р-на (возможно, элемент конской упряжи) и из Слободзейского р-на (поясной крючок) на левобережье Нижнего Днестра.

Кроме того, и некоторые крестовидные крючки (с элементами более или менее выраженного зооморфизма), скифское происхождение которых представляется бесспорным, несут на себе следы латенского влияния. Это прослеживается в рубчатой орнаментации стрежней и в их декорировании полусферическими выступами.

В частности, это колчаный крючок из катакомбы Глиное 95/1, одно из окончаний которого оформлено в виде головы лошади. Меньшая часть длинной перекладки и вся короткая перекладка с внешней стороны покрыты сплошным рубчатым орнаментом (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 566, 777, Рис. 318/9, 408/5).

Практически схожая орнаментация, но со своими особенностями, отмечена на крестовидном крючке с утраченным окончанием длинной перекладки из поселения Парканы-II на левобережье Нижнего Днестра. Сохранившаяся полностью часть вертикальной перекладки покрыта тремя группами параллельных линий: две группы включают по три линии (первая группа под коническим расширением, вторая по центру); третья группа, примыкающая к пересечению крестовин, состоит из четырёх линий. Сохранившаяся не полностью часть вертикальной перекладки (с утраченным окончанием)

покрыта также тремя группами линий: в первой, примыкающей к пересечению крестовин, три линии, во второй, расположенной по центру – четыре, в третьей, у несохранившегося изгиба, читаются три линии. Горизонтальная перекладина орнаментирована симметрично. У оснований окончаний расположены по две линии, покрытые насечками, имитирующими перекрученную нить. Возле пересечения перекладин находится по одной группе из трёх линий. Торцевые поверхности перекладин орнаментированы параллельными линиями (Синика, Тельнов, 2016а. С. 307–308, Рис. 1/5; Синика, 2017в. С. 124, Рис. 1/2).

По всей видимости, орнамент в виде сплошных параллельных рельефных линий или в виде групп подобных линий на указанных изделия является репликой рубчатого («гусеничного») декора, присутствующего на спинках фибул (Калфа) и на браслетах (находка из Резинского р-на Молдавии; Кугурлуй 26/2), латенское происхождение которых не подлежит сомнению либо весьма вероятно.

Крестовидные крючки–застёжки из раскопок И. Я. Стемпковского у г. Тирасполь (Rósta, 1905, Р. 474, 476–477, Rajs. 263/24; Синика, Тельнов, 2016а. С. 308, Рис. 1/6), а также из погребения 2/1995 г. на усадьбе Широкая Балка–6 на южной окраине некрополя Ольвии (Папанова, Ляшко, 2015. С. 207, 216, 218, Рис. 5/7), на перекрестиях перекладин и на самих перекладинах декорированы полусферическими утолщениями. Эти выступы очень сходны с теми, которые зафиксированы на браслетах (Шипотены; Резены; Тирасполь–1980) и кольцах (Глиное/Водовод 14/3), латенское происхождение которых признано специалистами.

Фибулы являются наиболее репрезентативным свидетельством латенского влияния на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. Из 129 фибул из скифских погребальных комплексов региона этого времени 93 изделия (72,09%) представляют собой аксессуары костюма латенского происхождения (рис. 100, 101/1–12): Глиное

3/1, 9/1, 13/1, 16/1 (2 экз.), 17/1 (2 экз.), 18/1, 18/2, 19/2 (2 экз.), 24/1, 25/1, 26/1, 27/1, 31/1, 33/2, 34/1 (2 экз.), 35/1, 36/1, 38/1, 38/3, 41/2, 43/2, 45/1, 48/1, 49/1, 51/1, 52/1 (2 экз.), 53/1, 54/2, 54/3, 60/1 (2 экз.), 60/2, 61/1, 62/1, 63/1 (2 экз.), 64/1, 66/1, 67/4, 68/1, 69/2 (2 экз.), 72/1 (2 экз.), 74/1, 75/2, 76/1, 79/1, 81/1, 83/1, 84/1, 88/1, 92/1, 93/1 (2 экз.), 95/1, 96/1, 97/1, 98/1, 99/1, 100/1, 104/1, 105/2, 106/1 (2 экз.), 111/3 (2 экз.), 113/1, 115/1, 116/1 (3 экз.); Глиное 378; Градешка 8/1, 10/1, 14/1; Дервент 13/2, 18/1; Котловина–I 6/2; Кугурлуй 10/1, 26/1, 26/2, 31/1; Мреснота Могила 14/3; Никольское 1/7; Парканы 109; Табаки 4/2 (2 экз.)¹⁶⁰. Кроме того, латенские фибулы найдены на поселениях Калфа на правом берегу Нижнего Днестра, а также на поселениях Токмазея–II и Слободзея–VI – на левом берегу Нижнего Днестра.

Все указанные фибулы, обнаруженные в скифских погребальных комплексах и на поселениях III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, имеют массу аналогий в памятниках различных культур Западной и Центральной Европы (Тельнов, Четвериков, Синика. С. 954–961, Рис. 455). Их появление и развитие всеми исследователями однозначно соотносится с латенской культурой и её влиянием на сопредельные территории (Filip, 1956, Obr. 21/1–4,6–13, 22/3–7,9, 23/1, 26/1–15; Zirra, 1967, P. 54–59, Fig. 28–30; Szabó, 1971, P. 514; Peschel, 1972; Zirra, 1979, Fig. 2; Némethi, 1993, P. 122, 128, Fig. 2, 3/a; Babeş, 1993, S. 89–97). Некоторые типы фибул, считающиеся этнографической особенностью зарубинецкой культуры, такие, как однопружинные фибулы, ножка которых крепится к

¹⁶⁰ Кроме того, в 17 катакомбах III–II вв. до н. э. были найдены фрагменты фибул, которые не позволяют отнести изделия к украшениям фракийского или латенского облика: Глиное 10/1 (часть приёмника), 14/1 (игла), 48/1 (приёмник и часть ножки), 58/1 (распалась при расчистке полностью), 82/1 (фрагмент ножки); Глиное 275, 276, 279 (нет данных о конструкции фибул); Владычень–I 14/2 (фрагмент спинки); Дервент 4/1 (фрагмент спинки); Кугурлуй 19/2 (фрагменты); Мреснота Могила 4/1 (игла); Парканы 153 (нет данных о конструкции фибулы); Суклея (нет данных о конструкции фибулы); Чобручи 281, 282, 288 (нет данных о конструкции фибул).

спинке с помощью скобы, и «копьевидные», также испытали на себе латенское влияние (Пачкова, 2006. С. 73–75, 77–78, 91, Рис. 27, 28).

Ранее было отмечено, что наличие среди материалов могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского р-на значительного количества фибул и крючков–застёжек позволяет считать позднескифскую культуру на левобережье Нижнего Днестра III–II вв. до н. э. «фибульно–крюковой». Как было показано, в сложении этого фибульно–крюкового костюмного комплекса принимали участие различные племена – ясторфской, поянешть–лукашёвской, зарубинецкой культур, а также кельты Центральной Европы (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016. С. 980). В настоящее время очевидно, что фибульно–крюковой была культура скифов всего Северо–Западного Причерноморья, а не только скифов, проживавших на левобережье Нижнего Днестра. При этом наличие в скифском костюме небольшого количества фибул фракийского типа, а также крючков–застёжек, имеющих собственно скифское происхождение, не противоречит данному утверждению.

В недавно вышедшей работе Л. С. Воротинской, посвящённой кельто–скифским взаимодействиям в Северном Причерноморье в III–II вв. до н. э., содержится заключение, что «позднескифские памятники Тираспольской группы [*скифские погребения III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра – В. С.*]... явились отражением... кельто–скифских взаимодействий или смешений» и предположение, что в данных процессах «приняли участие и германские племена, оставившие памятники типа Поянешти–Лукашевка и коронообразные гривны в Подесенье» (Воротинская, 2013. С. 492). Как представляется, это заключение правомерно в отношении не только скифских погребальных памятников «Тираспольской группы», но и всего Северо–Западного Причерноморья.

Завершая анализ качества и глубины инокультурных влияний на скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., необходимо отметить следующее. Материалы, обнаруженные при исследовании скифских погребальных комплексов, «кладов» и поселений региона, позволяют с достаточной уверенностью фиксировать греческий (эллинистический), фракийский (гетский) и латенский/германский (кельтский, ясторфский, поенешть–лукашёвский, зарубинецкий и др.) элементы, выраженные в погребальном обряде и материальной культуре скифов Северо–Западного Причерноморья.

Греческое влияние на погребальный обряд наиболее отчётливо проявляется на примере устройства сырцовых закладов входов в дромосы катакомб и помещения в камерах, как правило, в специальные ниши, светильников, которые имитировали греческие образцы. Другие элементы обрядности и категории материальной культуры, происхождение которых аргументированно связывается с греческими импульсами, фиксируются в скифских захоронениях изредка либо в единственном случае/экземпляре.

Соседство с фракийскими племенами в Северо–Западном Причерноморье нашло своё отражение в единственном предмете вооружения (двулезвийном топоре), некоторых предметах конского снаряжения (удила с зубчатыми элементами, налобник, бляхи конской узды), украшениях (гривна, браслеты и лировидная подвеска со змеиными головками на окончаниях; браслеты и серьги с лопаточковидными окончаниями; браслеты, серьги и лировидные подвески с окончаниями в виде конических шишечек; конусовидные подвески), но наиболее выражено в керамическом комплексе (профилировка сосудов и различные элементы декора).

Элементы материальной культуры племён Центральной Европы (латенской/германской) также достаточно уверенно фиксируются на

археологических памятниках III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья. Это некоторые украшения (трёхъярусная гривна, браслеты и кольца с выступами на стержне, браслет с группами рубчиков на стержне, серьги с поперечными «восьмёрками», поясные накладки с изображениями мужских личин), предметы вооружения (наконечник копья с асимметричным пером) и конского снаряжения (круглые бляхи и конские нащёчки с изображениями мужских личин), сосуд (латенский котёл/таз), ворворка. В то же время появление большинства крючков–застёжек и фибул, обнаруженных в захоронениях и на поселениях, следует связывать не только с влиянием латенских и «латенизированных» культур Восточной Европы на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья, но и с проникновением их носителей непосредственно в данный регион.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на отмеченные латенские и греческие, а также фракийские влияния (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 967–981) на погребальный обряд и материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., их скифские основы представляются очевидными и бесспорными (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 981).

Проводниками греческих влияний на погребальный обряд и материальную культуру скифов Нижнего Днестра в III–II вв. до н. э., как уже отмечалось, являлись не только греки, проживавшие в городах Тира, Никоний (на берегах Днестровского лимана), Ольвия (на правом берегу Южного Буга), но и смешанное греко–варварское население, которому принадлежали поселения, расположенные в непосредственной близости от указанных центров.

Нет сомнений, что фракийский компонент, особенно в керамическом комплексе из скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья, связан с гетским населением, которое уже в III в. до н. э. не только проникало из лесостепной зоны в степную, но и постоянно там проживало, как минимум до самого конца II в. до н. э. Об этом свидетельствуют гетские поселения на левобережье Нижнего Дуная (Картал,

Новосельское–II), на правом берегу (Калфа, Гура–Быкулуй, Олонешты, Тудорово, Паланка) и левобережье (Спея Григориопольского р–на, Граденицы) Нижнего Днестра. Известны в регионе и гетские захоронения: шесть – у с. Джурджулешты на левобережье Нижнего Прута; одно – в скифском кургане 7 могильника Дервент на левобережье Нижнего Дуная; два – между сёлами Тудорово и Паланка на правом берегу Нижнего Днестра; два – у с. Спея Григориопольского р–на, и одно – у с. Ташлык на левобережье Нижнего Днестра.

Относительно латенского влияния, в настоящее время приходится констатировать постоянные контакты скифов с носителями различных латенских и «латенизированных» культур Центральной Европы, поскольку ни поселенческих, ни погребальных памятников, им принадлежавших, не известно не только в Северо–Западном Причерноморье (степной зоне между Прутом и Южным Бугом), но и в Северном Причерноморье. Единственным исключением в настоящее время является погребение в керамической урне на городище Новосельское–II на левобережье Нижнего Дуная (Бруяко, 2009. С. 346, Рис. 6/9). Недавняя попытка Ю. А. Виноградова и К. К. Марченко соотнести памятники «Тираспольской группы»¹⁶¹ со скирами как одной из германских группировок (Виноградов, Марченко, 2014. С. 153), как уже отмечалось, не выдерживает критики, поскольку не находит никакого выражения в археологических материалах (Тельнов Четвериков, Синика, 2016. С. 28, 981, 998).

В то же время поселения и погребения латенизированных культур Восточной Европы в пределах лесостепной зоны, граничащей с Северо–Западным Причерноморьем, известны. В частности, это захоронения и поселения поенешть–лукашэвской культуры, основной ареал которой включает территорию от Восточных Карпат (р. Бистрица) на западе до

¹⁶¹ Имеются в виду скифские погребальные памятники III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра.

днестровского правобережья на востоке, от северной окраины Среднего Поднестровья на севере до границы лесостепной и степной зон на юге. Наиболее ранние памятники этой культуры датируются последней четвертью III в. до н. э., а наиболее поздние – третьей четвертью I в. до н. э. (Iarmulschi, 2014, P. 12, 114, 118, 253–254). В настоящее время носителями этой археологической культуры признаются исторические бастарны (Iarmulschi, 2014, P. 122, 124).

Для нас важно, что погребальные памятники поенешть–лукашѐвской культуры известны и на левобережье Нижнего Дуная (Новосельское–II), и в Прутско–Днестровском междуречье (Сипотены), и на правобережье Среднего Днестра (Мана, Лукашѐвка), т.е. на территории, которая была занята скифами в III–II в. до н. э. (левобережье Нижнего Дуная) или непосредственно примыкала к ней (у границы лесостепной и степной зон в Прутско–Днестровском междуречье). И если бастарны использовали бронзовые ситуты (типа Баргфельд) италийского производства для захоронения праха кремированных соплеменников (Сипотены – одна из ситул, Мана, Лукашѐвка) и в качестве погребального инвентаря (Сипотены – одна из ситул), то скифы – в качестве ёмкостей для помещения содержимого «кладов» (Весѐлая Долина, Марьевка, Старые Бедражи). Те же бастарны на протяжении последней четверти III в. до н. э. и всего последующего столетия могли быть источником, откуда к скифам поступали импорты латенского происхождения (украшения, предметы вооружения и конского снаряжения, аксессуары костюма). В более ранний период (в первой половине и в третьей четверти III в. до н. э.) посредниками между кельтским/латенским миром и скифами, очевидно, были гетские племена, населявшие лесостепную зону Прутско–Днестровского междуречья, территорию Запрутской Молдовы и Добруджу. Это посредничество хорошо заметно в археологических материалах: на протяжении первых трёх четвертей III в. до н. э. изделий латенского происхождения в скифских погребальных комплексах Северо–Западного Причерноморья значительно меньше, чем в последующее время.

По нашему мнению, все инокультурные влияния на погребальный обряд и, особенно, материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. были обусловлены переходом скифов региона от кочевого и полукочевого образа жизни к преимущественно оседлому. В частности, поселение Красное, расположенное в непосредственной близости от могильника у с. Глиное Слободзейского р–на, с очень большой долей вероятности было одним из тех поселений, где проживали скифы, хоронившие своих соплеменников под курганными насыпями соседнего могильника. В полной мере данное утверждение относится и к прочим поселениям, функционировавшим в III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра, возле которых исследованы синхронные скифские погребальные памятники: поселение и могильник у с. Николаевка; поселение Чобручи и Слободзея–VI (расположены рядом) и курганы у с. Чобручи; поселения Парканы–II и курганы у с. Парканы; поселение Терновка «Кривое Озеро» и курганы у с. Терновка; поселение Незавертайловка–VII и курган у с. Коротное, расположенные в непосредственной близости.

Очевидно, что достаточно сложная конструкция катакомб имитировала скифские жилища, в том числе и дома с двускатной крышей, характерные для оседлого образа жизни (Синика, Тельнов, 2014).

Значительное распространение лепных мисок, впрочем, как и других видов лепной посуды и лепных сосудов иного назначения, позволяет считать, что скифы Нижнего Днестра уже с конца IV в. до н. э. переходят к более или менее оседлому образу жизни (Тельнов, Синика, 2014б). В этой связи согласиться с мнением С. И. Андрух, отметившей, что углублению этнических и хозяйственных контактов скифов и фракийцев в III–II вв. до н. э. способствовало появление общего врага в лице Македонии (Андрух, 2000. С. 72), нельзя. Комплекс вооружения и конского снаряжения из погребальных памятников Северо–Западного Причерноморья не отражает существования сколько–нибудь значительной прослойки профессиональных

воинов в среде скифского населения в III–II вв. до н. э. (Синика, Тельнов, 2015а; 2016). Это заключение базируется, в частности, и на анализе предметов вооружения и конского снаряжения, который приведён в настоящей работе и который противоречит недавно высказанному предположению о формировании «весьма военизированного сообщества» на западе «Великой» Скифии, оставившего памятники «Тираспольской группы» (Виноградов, Марченко, 2014. С. 155).

ГЛАВА VI.

Периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья и перспективы её использования для других регионов Северного Понта

Исследования скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. в течение последних 25 лет, а также переосмысление датировок и культурной принадлежности других комплексов, изученных в предшествующее время в Северо–Западном Причерноморье, позволяют констатировать, что в данном регионе скифская археологическая культура существовала непрерывно, по крайней мере, с конца VII в. до н. э. (Синика, 2007а; 2007б) и вплоть до конца II в. до н. э. Этот факт заставляет обратиться к проблеме периодизации скифской археологической культуры Северного Причерноморья в целом, и, в частности, её западного ареала, ограниченного р. Прут на западе и р. Южный Буг на востоке.

Здесь мы кратко остановимся на некоторых наиболее важных работах, поскольку изложенные в них точки зрения имеют прямое отношение к теме настоящей работы.

Более ста лет назад А. А. Спицын предложил первую хронологическую классификацию скифских памятников, опираясь, в первую очередь, на формы погребального сооружения и на погребальный обряд: 1) курганы старшей скифской культуры (Журовского типа) или раннескифские, датированные VIII–VI вв. до н. э.; 2) курганы среднего (младшего Журовского типа) скифской культуры – V–III вв. до н. э.; 3) позднескифские – III–II вв. до н. э. (Спицын, 1918; Алексеев, 2003. С. 15–16).

Семь лет спустя М. И. Ростовцев с учётом предметов ближневосточного и греческого производства предложил свою периодизацию скифской культуры.

Им была выделена группа курганов «эпохи высокой греческой архаики» – VIII–VII вв. до н. э., и группа курганов VI–III вв. до н. э. (Ростовцев, 1925. С. 308–309, 467–468; Алексеев, 2003. С. 16).

В 1954 г. вышла из печати работа П. Д. Либерова, в которой с опорой на подход А. А. Спицына была предложена новая периодизация: I период (старшескифский) – VIII–VI вв. до н. э.; II период (среднескифский) – V – начало IV в. до н. э.; III период (позднескифский) – конец V /начало IV – до начала II в. до н. э. (Либеров, 1954; Алексеев, 2003. С. 16–17).

Единственным исследователем, кто доводил непрерывное (с VII в. до н. э.) существование скифской археологической культуры до III в. н. э. («История Скифии в целом охватывает, таким образом, более тысячелетия»), был П. Н. Шульц, причём основанием для этого стали памятники последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры Нижнего Поднепровья и Крыма (Шульц, 1971. С. 127).

В 1983 г. В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин предложили датировать архаический период VII–VI вв. до н. э., средний скифский – V в. до н. э., поздний скифский – IV – началом III в. до н. э. (Ильинская, Тереножкин, 1983. С.16). Тремя годами позже эти авторы условно разделили скифские курганы на старшие (второй половины VII – V в. до н. э.) и младшие (конца V – начала III в. до н. э.) (Ильинская, Тереножкин, 1986. С. 61).

В 1989 г. А. И. Мелюкова предложила свою периодизацию: 1) старшескифский (раннескифский) – вторая половина VII – VI в. до н. э.; 2) среднескифский – конец VI и V в. до н. э.; 3) позднескифский – IV – первая половина III в. до н. э.; 4) позднейший скифский этап – III в. до н. э. – III в. н. э. (Мелюкова, 1989. С. 49).

Спустя восемь лет, в 1997 г., В. Е. Ерёменко на основании корреляции предметов вооружения (в основном, мужского инвентаря) и украшений (как правило, женского инвентаря) предложил новую периодизацию. Для первой

категории хроноиндикаторов были выделены семь фаз существования Европейской Скифии. Фаза А: 710–650/640 гг. до н. э.; фаза В1: 650/640–560/550 гг. до н. э.; фаза В2: 560/550–470/460 гг. до н. э.; фаза В2/С: 530/520–460/450 гг. до н. э.; фаза С: 500/480–420/400 гг. до н. э.; фаза D1: 420/400–340/330 гг. до н. э.; фаза D2: 370/360–320/300 гг. до н. э. (Ерёменко, 1997б; Алексеев, 2003. С. 18).

Наконец, в 2003 г. из печати вышла монография А. Ю. Алексеева «Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э.», в которой была предложена новая периодизация скифской археологической культуры, охватывающая около 400 лет – от конца VIII в. до н. э. до рубежа IV–III вв. до н. э. Были выделены следующие восемь периодов:

1) конец VIII в. до н. э. – около 680 г. до н. э.: период далеких миграций и стремительных передвижений; появление в Предкавказье и Северном Причерноморье групп кочевников из центрально/среднеазиатского региона; проникновение первой группы номадов в Закавказье и Иран;

2) 680–670/660 гг. до н. э.: период, охватывающий следующее по времени упоминание киммерийцев в ассирийских источниках, появление «скифов первого поколения» в Закавказье и Иране и последующий их отток в Предкавказье;

3) середина – рубеж VII–VI вв. до н. э.: финал киммерийской и скифской истории в Передней Азии; время «гегемонии» второго поколения скифов. Начало масштабного освоения скифами предгорий Северного Кавказа и Днепровской лесостепи;

4) начало VI в. – третья четверть VI в. до н. э.: «темный» период истории Архаической Скифии, завершившийся дестабилизацией обстановки в Причерноморье; нападения на греческие и лесостепные города, прекращение жизнедеятельности некоторых из них, передвижения племен;

5) последние десятилетия VI – начало V в. до н. э.: рубеж, разделяющий две скифские культуры – Древнюю и Классическую (или Геродотову) Скифию; распространение на Кавказе и в Причерноморье нового вещевого комплекса; возникновение локальных очагов скифоидных культур в Поволжье, Подонье и в других регионах;

6) конец первой четверти – 30-е гг. V в. до н. э.: период становления нового скифского общества, сопровождавшийся военным и политическим давлением на греческие полисы;

7) последняя треть V – первая половина IV в. до н. э.: начало стабильного сосуществования с греческими городами при кратковременных нестабильных ситуациях внутри самой Скифии и на некоторых греческих территориях;

8) середина IV – рубеж IV–III вв. до н. э.: финал истории «Великой» Скифии; период внешних войн и конфликтов, появление на Северо–Западном Кавказе и в Нижнем Подонье новых групп кочевников (сирматов, сарматов, сираков?) (Алексеев, 2003. С. 27–28).

В итоге в настоящее время, несмотря на существование различных точек зрения и достаточно разработанных периодизаций, можно констатировать, что в самых общих чертах история Европейской Скифии представляется в виде двух больших, примерно равных по протяжённости, периодов.

Первый из них, от конца VIII до рубежа VI–V вв. до н. э., можно назвать Архаической Скифией.

Последующие два столетия (V–IV вв. до н. э.) чаще всего именуют Классической Скифией.¹⁶²

¹⁶² Скифию V в. до н. э. нередко называют «Геродотовой», иногда включая в это понятие и IV в. до н. э. За IV в. до н. э. закрепилось устойчивое наименование «Великая» Скифия.

Однако ни в одной из современных периодизаций нет места скифским памятникам III–II вв. до н. э. и, возможно, последующего времени – первой половины I в. до н. э. Ситуация не выглядит удивительной, поскольку на момент создания самой новой периодизации (Алексеев, 2003) существование скифских памятников III–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье было предметом ожесточённых дискуссий (Брюяко, 1995; 1997; Полин, 1997). В то же время, как отмечено в Главе I настоящей работы, считалось, что остатки скифского населения с III в. до н. э. концентрируются в Малых Скифиях на Нижнем Днепре и в Крыму (Алексеев, 2003. С. 251; Канторович, 2006. С. 325), а также на правом берегу Нижнего Дуная – в Добрудже (Андрух, 1994; 1995. С. 96–161). При этом господствовало мнение, что финал Скифии на рубеже IV–III вв. до н. э. автоматически означал прекращение существования скифской археологической культуры в её традиционном восприятии. Считалось, что исчезла знаменитая скифская «триада» – скифские формы вооружения, предметы конского снаряжения и изделия, выполненные в характерном для скифов «зверином» стиле.

В настоящее время, по крайней мере, исходя из анализа погребальных и иных памятников Северо–Западного Причерноморья можно утверждать, что скифская археологическая культура данного региона на рубеже IV–III вв. до н. э. своё существование не прекратила.

Уже отмечено выше, что самым заметным изменением в составе вооружения стало исчезновение мечей и кинжалов из скифского «арсенала» (Топал, 2018. С. 153–154) Им на смену пришли боевые топоры. Функциональные и защитно–декоративные предметы конского снаряжения претерпели некоторую эволюцию (появление небольшого количества крестовидных псалиев в III в. до н. э. вместо крестовидных насадок на удила предшествующего времени; широкое распространение трензельных колец;

Данный «мем» «в лексиконе российской и украинской археологии» был подвергнут обоснованной критике (см. напр., Медведев, 2015).

изменение отдельных форм налобников). Подчеркнём, что данные изменения в материальной культуре по своей глубине и качеству не столь масштабны, как трансформация материальной культуры Скифии на рубеже VI–V вв. до н. э. – на переходе от архаического периода к классическому.

В то же время, практически полное исчезновение скифского искусства очевидно. Только некоторые из изделий с большой долей условности можно относить к произведениям скифского звериного стиля, а точнее, к его репликам или пережиткам¹⁶³. Не известно в настоящее время ни одного скифского антропоморфного изваяния, связанного со скифским погребальным комплексом этого времени. По всей видимости, причиной тому стало греческое влияние на материальную культуру варваров, которое к концу IV в. до н. э. (в эпоху эллинизма) стало настолько существенным, что «подавило» их традиционное искусство (Канторович, 2015. С. 1021).

Всё изложенное в совокупности с наличием множества разнообразных скифских памятников III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье позволяет нам выделить ещё один период существования скифов в регионе, обозначив его предварительно как «Скифия эпохи эллинизма».

Таким образом, периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья в настоящее время выглядит следующим образом:

I период – Архаическая Скифия – от конца VII в. до н. э. до рубежа VI–V вв. до н. э. Здесь необходимо отметить, что в Северо–Западном Причерноморье скифские памятники, которые можно уверенно датировать более ранним временем, чем конец VII в. до н. э., в настоящее время не выявлены (Синика, 2007а. С. 23; 2007б. С. 179–180). Памятники этого времени крайне немногочисленны. Указанный период маркирует время

¹⁶³ Это крючки–застёжки из погребений Глиное 3/1, 18/1, 95/1, а также налобники узды из катакомб Глиное 18/2 (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 936) и Градешка 17/1.

первого проникновения скифов на самую западную окраину северопричерноморских степей (впускные захоронения в курганах бронзового века), которое носило отнюдь не мирный характер. Обращает на себя внимание присутствие оружия практически в каждом из погребений соответствующего времени (Синика, 2007б. С. 180).

II период – Классическая Скифия – от начала V в. до н. э. до конца IV в. до н. э. Этот период может быть разделён на четыре основных подпериода:

1) первая половина V в. до н. э. – закрепление скифов на уже знакомой территории, что нашло отражение в появлении скифских курганных могильников (Синика, 2007б. С. 180–181);

2) вторая половина V в. до н. э. – начало постоянного пребывания, увеличение количества, и, соответственно, доминирование в регионе скифского населения (Синика, 2007б. С. 182);

3) первая половина IV в. до н. э. – окончательное освоение региона скифскими племенами. В это время отдельные погребения, курганные группы и могильники известны повсеместно – на левобережье Прута и Дуная, в Дунай–Днестровском междуречье, в Поднестровье и в Днестро–Бугском междуречье (Синика, 2007б. С. 184);

4) вторая половина IV в. до н. э. – время наивысшего расцвета скифской культуры в Северо–Западном Причерноморье, равно как и во всём Северном Понте. Об этом свидетельствуют количество и разнообразие инвентаря и, безусловно, керамических и металлических импортов из погребальных памятников. Вместе с тем, со второй половины и, особенно, с последней четверти IV в. до н. э. становится заметной трансформация погребального обряда (увеличение числа катакомб среди прочих видов погребальных сооружений) и материальной культуры, в которую всё больше включаются инокультурные элементы (греческие, фракийские, латенские) (Синика, 2007б. С. 186–188).

III период – Скифия эпохи эллинизма – III–I вв. до н. э., вплоть до появления первых достоверных сарматских погребений в Северо–Западном Причерноморье. В это время происходит оседание значительной части скифского населения на поселениях. Оседлый образ жизни обусловил очевидную «эллинизацию» скифов (греческое влияние на погребальный обряд и материальную культуру; исчезновение скифского звериного стиля), а также чётко прослеживаемые контакты с гетскими племенами (посуда и украшения фракийского облика), носителями латенских/германских традиций (большинство фибул и крючков–застёжек). Возле поселений формируются и функционируют длительное время большие курганные могильники. Т–образные и производные от них катакомбы безраздельно господствуют среди прочих видов погребальных сооружений и среди других типов катакомб.

IV период – Поздняя Скифия – I–III вв. н. э. В Северо–Западном Причерноморье памятники этого времени в настоящее время представлены поселением и могильником Молога II, расположенными на западной окраине пос. Садовое, примыкающего к с. Молога Белгород–Днестровского р–на Одесской обл., в 15 км к северу от греческого города Тира на правобережье Днестровского лимана.

В это время оседлое скифское население ассимилировано сарматами, но продолжает сохранять свою самобытность, о чём свидетельствуют формы лепной посуды, каменное домостроительство (Гудкова, Фокеев, 1982. С. 105–106. Рис. 21), а также некоторые элементы погребального ритуала – коллективные и асинхронные захоронения в склепах (катакомбах) и многочисленные сопровождающие захоронения собак и лошадей (Малюкевич, 1993. С. 98–100; 2008. С. 181–182).

Безусловно, комплексы этого времени требуют дальнейших полевых исследований, а материалы, полученные при раскопках – углублённого и всестороннего изучения, которое выходит за пределы настоящей работы.

Здесь нам остаётся предполагать, что эти памятники могли начать своё функционирование ещё в I в. до н. э., продолжая традиции Скифии эпохи эллинизма. Именно эти памятники синхронны позднескифским памятникам римского времени Нижнего Днепра и Крыма. В этом смысле, именно за ними наиболее целесообразно сохранить название позднескифских.

Необходимо также отдельно рассмотреть возможность использования данной периодизации для других регионов Северного Причерноморья.

Очевидно, что рамки первого периода (Архаической Скифии) будут расширяться в сторону понижения нижней даты в зависимости от датировок наиболее ранних скифских памятников в каждом конкретном регионе – в Поднепровье, Крыму или в Подонье. При этом, как представляется, верхняя граница периода особых возражений исследователей не вызывает.

Датировка второго периода (Классической) Скифии V–IV вв. до н. э. во всём Северном Причерноморье является общепринятой.

Существование скифских памятников III–II вв. до н. э. на просторах Северного Понта, за исключением Северо–Западного Причерноморья, а значит, и существование Скифии эпохи эллинизма, является в настоящее время предметом научной дискуссии. Как отмечалось в Главе I данной работы, на современном этапе доминирует представление об отсутствии памятников этого периода в Северном Причерноморье. Относительно недавно С. В. Полин признал наличие скифских памятников III–II вв. до н. э. в Поднепровье (Полин, 2014. С. 646), заметив при этом, что «ничего подобного в Северном Причерноморье нет нигде» (Полин, 2014. С. 647).

Это замечание исследователя было подвергнуто критике со стороны коллектива авторов, указавших на наличие различных (погребальных и поминальных) скифских комплексов, дата которых определяется не ранее III в. до н. э.

В Побужье это Рыжановский курган (Скорый, Хохоровски, 2018. С. 57–58, 143, Рис. 119/2), погребение Отрадное 38/2, курганы 3O (51) и 3S Петуховского могильника, поминальный комплекс на восточной окраине г. Николаев (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 989–990).

В Поднепровье в III в. до н. э. функционировало Капуловское поселение, были совершены захоронения 4/2 группы Страшной Могила, 10/2 у с. Тягинка и погребение № 2 в кургане Хомина Могила (№ 13) у с. Нагорное. Кроме того, не ранее рубежа IV–III вв. до н. э. была совершена тризна на кургане Чертомлык, представленная родосским клеймом *Τίμαρχος (Τιμάρχου)* (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 990–992). В 2020 г. появилась первая информация о находках двух тризн на могильнике Мамай–Гора, в каждой из которых находилось по одной клеймёной синопской амфоре. Обе они были произведены при магистратах, исполнявших свои обязанности в последней четверти III в. до н. э.¹⁶⁴

Наличие поселенческих памятников III–II вв. до н. э. в Крыму С. В. Полин не ставит под сомнение. Однако исследователь отметил, что «скифские курганы III–II вв. до н. э. в Крыму до сих пор остаются невыделенными» (Полин, 2014. С. 647). В 2016 г. коллективом авторов были указаны два погребальных комплекса из Предгорного Крыма, суммарная дата которых охватывает III – первую четверть II в. до н. э.: курган IV/3 могильника Беш–Оба и погребение у с. Чистенькое (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 992–993).

В первой четверти III в. до н. э. в Нижнем Подонье были сооружены курганы № 14 группы «Пять братьев» (1960 г.) и № 4 (1908 г.) у ст. Елизаветовской, а также совершены захоронения 25/1 группы Колдыри и

¹⁶⁴ <https://www.facebook.com/mamaigora/posts/2660466234215198> Дата обращения 20.08.2020 г.

27/2 могильника Высочино–V (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 993–996).

В данном случае, как и ранее, приходится констатировать, что введение в научный оборот многих сотен, если не тысяч, уже исследованных, но неопубликованных захоронений, а также корректный подход к их датировке позволят со временем составить более детальную картину скифского присутствия в различных степных регионах Северного Причерноморья, в том числе и в III–II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 1002).

В этой связи остаётся заметить, что существование Скифии эпохи эллинизма в III–II вв. до н. э. или III–I вв. до н. э. (в разных регионах это требует обоснования, исходя из источниковой базы) в Северном Причерноморье, а значит, и признание исследователями соответствующего периода в истории Европейской Скифии, предполагает всесторонний анализ упомянутых выше исследованных, но неопубликованных захоронений (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 1002)¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Когда данная работа уже была написана, И. В. Бруяко, ознакомившись с публикацией могильника у с. Глиное III–II вв. до н. э., отнёс погребение из с. Молога (совершённое в яме, с северной ориентировкой погребённого) на правобережье Днестровского лимана к «древностям Приднестровской Малой Скифии» (Бруяко, 2020. С. 203, Рис. 2/A). В то же время В. В. Кропотов, проведя анализ фибулы из погребения 4 у с. Холмское, предположил, что данное захоронение (совершённое в яме с заплечиками, с юго-западной ориентировкой погребённого) «следует исключить из списка наиболее ранних сарматских памятников Северо–Западного Причерноморья и отнести его к кругу древностей Тираспольской группы, обоснованно связываемой с позднескифской культурой» (Кропотов, 2020б. С. 420, Рис. 1/11, 2/1–6). Этот же исследователь, проведя анализ фибулы из погребения Никольское 1/7, предположил, что данное захоронение необходимо «соотнести с синхронными и территориально близкими ему памятниками Тираспольской группы, обоснованно связываемыми с позднескифской культурой, для которых также характерны положение усопшего вытянуто на спине, его меридианальная (в том числе южная) ориентировка, подстилка из растительного материала и проч.» (Кропотов, 2020а. С. 142).

Скифские памятники римского времени, или позднескифские, достаточно хорошо известны не только в Северо–Западном Причерноморье (упомянутые поселение и могильник Молога II на правом берегу Днестровского лимана), но и в Нижнем Поднепровье (например, могильник Золотая Балка (Вязьмитина, 1972), Красномаякский могильник (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе, 2015), различные поселения), а также в Крыму (Дашевская, 1991, и др.). В этом смысле существование позднескифского периода, охватывающего римское время в пределах I–III вв. н. э. или I–IV вв. н. э., у исследователей сомнений не вызывает. Однако для этого периода, как и в случае с предшествующим, весьма актуально изучение накопленной источниковой базы на современном научном уровне.

В завершение необходимо отметить, что скифская археологическая культура в Северо–Западном Причерноморье развивалась непрерывно – с конца VII в. до н. э. и вплоть до конца III в. н. э. В настоящее время выявлены и исследованы многочисленные и разнообразные скифские памятники III–II вв. до н. э. от Прута на западе до Южного Буга на востоке. При этом, по всей видимости, эти памятники продолжали функционировать и в I в. до н. э., вплоть до освоения этой территории сарматами.

В III–I вв. до н. э. происходит трансформация скифской археологической культуры по сравнению с предшествующим (классическим) временем (V–IV вв. до н. э.). В первую очередь, это было обусловлено влиянием эллинистической культуры. Несмотря на это, а также на заметные фракийские и латенские/германские влияния, скифы продолжают сохранять самобытность своего погребального ритуала и вещевого комплекса.

В римское время (по меньшей мере, до появления носителей черняховской культуры) скифское население не исчезает полностью из Северо–Западного Причерноморья, оно смешивается с сарматами и продолжает сохранять отдельные черты своей материальной культуры и погребального обряда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Письменные источники, в основном, античные, содержат очень немного информации об основных вехах истории скифов в Северо–Западном Причерноморье.

Геродот сообщает о первом проникновении скифов в Поднестровье и их столкновении с киммерийцами, в результате которого последние отступили: «всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне)» (Hdt., IV, 11). Также из этого источника можно почерпнуть некоторые сведения о скифо–персидской войне 512 г. до н. э., в частности о мосте, построенном через Дунай для переправы персидской армии (Hdt., IV, 97–98, 139–141).

В 339 г. до н. э. где–то близ устья Дуная, по свидетельству римского историка Юстина (Just., IX, 2), произошла битва между македонским царём Филиппом II и скифским царём Атеем, завершившаяся гибелью последнего (Шелов, 1971).

Спустя восемь лет, в 331 г. до н. э., скифами был разбит полководец Александра Македонского Зопирион (Just. XII 2, 16–17) где–то между Днестром и Дунаем (Инков, 2014).

Возможно, скифы приняли участие в столкновении гетов под предводительством царя Дромихета с македонским полководцем Лисимахом (Diod., XXI, 12) в 292 г. до н. э. (Сапрыкин, 2010, С. 252–254).

В этой связи основными источниками при изучении скифской культуры западной периферии Причерноморских степей являются археологические. Они представлены, в первую очередь, погребальными комплексами в курганах.

История изучения этих памятников насчитывает уже более 140 лет. И за это время археологически были исследованы более 1 000 скифских памятников, расположенных в степной зоне между реками Прут на западе и Южный Буг на востоке. При этом длительное время считалось, что скифская археологическая культура (вне зависимости от точек зрения на время её появления в регионе) исчезает на рубеже IV–III вв. до н. э., как и в большинстве других регионов Северного Причерноморья.

Причины столь внезапного исчезновения скифов с исторической арены являлись предметом длительных дискуссий. Предлагались различные версии: удары сарматов с востока, кельтов/галатов – с запада, в том числе и одновременные, а также – природно–климатическая (аридизация степей), и экономическая (резкое падение цен на хлеб, что сделало его экспорт из греческих городов–колоний Северного Причерноморья неконкурентным). Как показано в настоящей работе, все перечисленные версии выглядят несостоятельными, поскольку в данное время (за последние 25 лет) в Северо–Западном Причерноморье выявлены археологические комплексы III–II вв. до н. э., и они являются скифскими.

На настоящий момент в регионе известны 370 памятников, которые были совершены (332 погребения), сооружены (14 поминальных комплексов), функционировали (14 поселений), или депонированы (10 «кладов») в III–II вв. до н. э. Эти материалы были получены из раскопок в дореволюционное время на Тираспольщине, а также в советское время (до 1991 г. включительно) и на современном этапе. В совокупности эти археологические комплексы составляют 33,33% от общего числа известных памятников (1110) скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья.

Анализ основных характеристик погребально–поминального обряда показал, что на протяжении III–II вв. до н. э. доминирует ингумация, преобладающим видом погребального сооружения становится катакомба,

преобладает северная ориентировка погребённых, получает широкое распространение практика подзахоронения в ранее сооружённые катакомбы.

Материальная культура скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. продолжает традиции скифской культуры Северного Причерноморья предшествующего времени. В наборе вооружения заметно только отсутствие мечей и кинжалов, на смену которым пришли боевые топоры. Из новшеств в конском снаряжении следует отметить широчайшее распространение трензельных колец. Орудия труда ничем не отличаются от тех, что известны в скифских комплексах V–IV вв. до н. э. Среди посуды получают широчайшее распространение лепные миски и чашки. Украшения, предметы туалета представлены тем же ассортиментом, что и в более раннее время. Среди аксессуаров костюма значительное место занимают фибулы, практически неизвестные в классическое скифское время. Оригинальность набору культовых предметов придаёт наличие лепных курильниц с обожжёнными гальками внутри.

К памятникам скифской оседлости в Северо–Западном Причерноморье относятся поселения, функционировавшие на протяжении III–II вв. до н. э., при исследовании которых были выявлены элементы собственно скифской археологической культуры (жилища в виде юрт), а также вещевой материал – посуда скифского облика, светильники, курильницы, предметы вооружения и воинского снаряжения, аксессуары костюма и др.

Среди прочих археологических памятников региона особое место занимают скифские «клады» или так называемые «странные комплексы». Суммарно их даты укладываются в интервал от второй четверти III в. до н. э. до начала I в. до н. э. Скифская принадлежность большинства «культурообразующих» предметов (оружие, конское снаряжение, посуда) из перечисленных «кладов», а также их находки в качестве погребального инвентаря, позволяют констатировать и скифскую принадлежность самих этих комплексов.

Находки большей части «кладов» в курганах или естественных возвышенностях, а также сопровождение тризнами этих комплексов могут служить свидетельствами в пользу интерпретации последних в качестве погребальных, от которых сохранился только инвентарь. Сочетание отмеченных элементов обряда было достоверно зафиксировано в кургане 20 у с. Семёновка, исследованном более 45 лет назад (в 1975 г.) на правом берегу Днестровского лимана. Несмотря на это, данная гипотеза требует дополнительных подтверждений.

Материалы, обнаруженные при исследовании скифских погребальных комплексов, «кладов» и поселений региона, позволяют с достаточной уверенностью фиксировать греческий (эллинистический), фракийский (гетский) и латенский/германский (кельтский, ясторфский, поенешть-лукашёвский, зарубинецкий и др.) элементы, выраженные в погребальном обряде и материальной культуре скифов Северо-Западного Причерноморья.

Греческое влияние на погребальный обряд наиболее отчётливо проявляется на примере устройства сырцовых закладов входов в дромосы катакомб, и помещения в камерах, как правило, в специальные ниши, светильников, которые имитировали греческие образцы. Проводниками греческих влияний на погребальный обряд и материальную культуру скифов являлись не только греки, проживавшие в городах Тира, Никоний, Ольвия, но и смешанное греко-варварское население, проживавшее на поселениях, расположенных в непосредственной близости от указанных центров.

Соседство с фракийскими племенами в Северо-Западном Причерноморье нашло своё отражение в единственном предмете вооружения, отдельных предметах конского снаряжения, некоторых украшениях, но наиболее выражено в керамическом комплексе. Транслировалось фракийское влияние на скифов гетским населением, которое постоянно проживало в степной зоне в III–II вв. до н. э.

Элементы материальной культуры племён Центральной Европы также представлены некоторыми украшениями, предметами вооружения и конского снаряжения, одним сосудом и одной ворворкой. В то же время появление большинства крючков–застёжек и фибул следует связывать с влиянием латенских/германских культур Центральной Европы на материальную культуру скифов. Ареал одной из таких культур (поенешть–лукашёвской культуры последней четверти III – первой четверти I в. до н. э., связываемой с историческими бастарнами) непосредственно примыкает к территории, занимаемой скифами в это же время.

Несмотря на отмеченные латенские и греческие, а также фракийские влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., их скифские основы представляются очевидными и бесспорными.

В результате автором настоящей работы предлагается новая периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья:

I период (Архаическая Скифия) – конец VII – рубеж VI–V вв. до н. э.: время первого проникновения скифов на самую западную окраину северопричерноморских степей;

II период (Классическая Скифия) –V–IV вв. до н. э.: закрепление скифов на уже знакомой территории, начало постоянного пребывания в регионе скифского населения, окончательное освоение региона скифскими племенами и время наивысшего расцвета скифской культуры в Северо–Западном Причерноморье;

III период (Скифия эпохи эллинизма) – III–I вв. до н. э., вплоть до появления первых сарматских погребений в регионе: оседание значительной части скифского населения; очевидная «эллинизация» части скифов, а также чётко прослеживаемые контакты с гетскими племенами и носителями латенских/германских традиций; возникновение возле поселений и

длительное функционирование больших курганных могильников с захоронениями (нередко асинхронными) в катакомбах;

IV период (Поздняя Скифия) – I–III вв. н. э.: оседлое скифское население региона ассимилировано сарматами, но продолжает сохранять свою самобытность, о чём свидетельствуют формы лепной посуды, каменное домостроительство, а также некоторые элементы погребального ритуала – коллективные и асинхронные захоронения в склепах (катакомбах) и многочисленные сопровождающие захоронения собак и лошадей.

Первые два периода находят своё отражение в множестве скифских археологических памятников Северного Причерноморья и Крыма. Третий период в настоящее время представлен сравнительно небольшим количеством известных погребальных комплексов к востоку от Южного Буга. Заключительный, позднескифский, этап известен по скифским археологическим памятникам в Поднестровье, Поднепровье и в Крыму. В этой связи данная периодизация, с учётом региональных особенностей (длительность этапа, обусловленная наиболее ранними и наиболее поздними скифскими памятниками), может использоваться для всего Северного Причерноморья.

Дальнейшими задачами исследования скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья, как представляется, могли бы стать:

1) уточнение верхней хронологической границы Скифии эпохи эллинизма. Как показывают материалы из поселений Чобручи и Красное на левобережье Нижнего Днестра, греческие керамические импорты (родосские амфоры, столовая посуда с лаковым покрытием, светильники с лаковым покрытием), финал этого периода может относиться и к середине I в. до н. э., и к более позднему времени;

2) изучение материалов из поселений III–II до н. э., расположенных в непосредственной близости от крупных скифских курганных могильников того же времени (например, поселения Красное возле могильника у с. Глиное). Такие исследования, без сомнения, будут актуальными для понимания процессов трансформации Классической Скифии в Скифию эпохи эллинизма, а также последней в Позднюю Скифию, по меньшей мере, в Северо–Западном Причерноморье;

3) решение проблемы происхождения и этнической принадлежности носителей скифской археологической культуры в Северо–Западном Причерноморье (местное или пришлое, из восточных регионов, скифское население). Очевидно, что возможностей одной только археологической науки здесь недостаточно, подобные исследования должны включать естественнонаучные компоненты (сравнительные антропологические и генетические исследования, исследования стабильных изотопов и др.).

В настоящее время очевидно, что всестороннее изучение позднескифских памятников римского времени (типа Молога II на правом берегу Днестровского лимана) позволит создать целостную картину скифской культуры в Северном Причерноморье. В этом смысле дальнейшие исследования скифских памятников предшествующего периода (Скифии эпохи эллинизма) будут актуальными ещё длительное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Агре Д., 2001. Тракийски накити от района на Етрополе (V–IV в. пр. Хр.) // Археология. Год. XLII, кн. 3–4. С. 48–55.
2. Агульников С. М., 1984. Курган эпохи бронзы у с. Капланы // Курганы в зонах новостроек Молдавии / Отв. ред. И. И. Артёменко. Кишинёв: Штиинца. С. 90–97.
3. Агульников С. М., 1990. Отчёт о полевых исследованиях Суворовской новостроечной экспедиции в 1989 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 297. 64 с. + 35 ил.
4. Агульников С. М., 1992. Отчёт о полевых исследованиях Кагульской новостроечной археологической экспедиции у сс. Манта и Гаваноса в 1991 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 342.
5. Агульников С. М., 1993. Курган скифской культуры у с. Манта на Нижнем Пруте // РА. 1. С. 115–119.
6. Агульников С. М., Бубулич В. Г., 2000. Скифский курган 9 у с. Никольское на Нижнем Днестре // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 47–56.
7. Агульников С., Железный В., 2020. Раскопки могильника скифской культуры у с. Казаклия в 2019 году // Forum Olbicum III: до 70-річчя з дня народження В. В. Крапівіної, 4–6 травня 2020 р. Мат–ли міжнар. археологіч. конф. / Ред. кол. Н. О. Гаврилюк та ін. Миколаїв: НДЦ «Лукомор'є». С. 146–150.

8. Агульников и др., 2013 – Агульников С. М., Попович С. С., Церна С. В., Топал Д. А., 2013. Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. № 3. С. 257–284.
9. Агульников С. М., Малюкевич А. Е., 2013. Стратиграфия кургана 20 Казаклийского курганного могильника // *RA. n. Vol. IX. Nr. 2. P. 185–190*.
10. Агульников С., Сава Е., 2004. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинёв: СЕР USM. 243 с.
11. Агульников С. М., Субботин А. В., 1997. Скифский курган V в. до н. э. в Днестровском Правобережье // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья / Отв. ред. С. Б. Охотников. Одесса: Ветаком. С. 182–186*.
12. Алексеев А. Ю., 1987. О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила // *СГЭ. ЛII. С. 28–31*.
13. Алексеев А. Ю., 1992. Скифская хроника (Скифы VII–IV вв. до н. э.: историко–археологический очерк). СПб.: Петербургкомстат. 206 с.
14. Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.: Государственный Эмитаж. 416 с.
15. Алексеев А. Ю., 2013. «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья // *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке. Мат–лы междунар. науч. конф. (Санкт–Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / . СПб.: Нестор–История. С. 349–352*.
16. Алексеев А. Ю., 2014. Радиоуглеродное датирование скифских курганов Северного Причерноморья // *Феномен Більського городища – 2014: До 70–річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80–річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є. В. Черненка (1934–2007): Збірник матеріалів*

наукової конференції / Відп. ред. О. Б. Супруненко. Київ – Полтава: ЦП НАН України і УТОПІК, 2014. С. 9–13.

17. Алексеев А. Ю., 2015. О радиоуглеродном датировании скифских курганов Северного Причерноморья // АСГЭ. № 40. С. 88–98.

18. Алексеев и др. 2005 – Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза. 290 с.

19. Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка. 416 с.

20. Алексеева И. Л., Охотников С. Б., Редина Е. Ф., 1997. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 48–55.

21. Алексеева И. Л., 1971. Скифские погребения в курганах Одесской области // АИУ в 1968 г. Вып. 3. Киев: Наукова думка. С. 150–152.

22. Алексеева И. Л., 1973. Раскопки курганов в междуречье Дуная–Днестра // АО 1972 г. М. 1973.

23. Алексеева И. Л., 1975. Отчет о раскопках курганов эпохи меди–бронзы и раннежелезного века Днестро–Дунайской археологической (новостроечной) экспедицией Одесского музея АН УССР в зоне строительства Червоноярской оросительной системы (сс. Десантное, Мирное, Шевченково, Червоный Яр Килийского р–на, Одесской обл.) в 1974 г. // Научный архив ИА НАН Украины. №1974/62. 55 с.

24. Алексеева И. Л., 1977. Отчёт о раскопках курганов Нижне–Днестровской (новостроечной) экспедицией Института археологии Академии

наук СССР в зоне строительства I очереди Нижне-Днестровской оросительной системы (с. Яски, Беляевский р-н) // Научный архив ИА НАН Украины. №1976/87. 47 с. + 56 табл.

25. Алексеева И. Л., Булатович С. А., 1990. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древностей. Вып. 1 / Отв. ред. А. О. Добролюбский. Одесса – Запорожье: Типография Одесского облполиграфиздата. С. 32–48.

26. Алексеева И. Л., Охотников С. Б., Редина Е. Ф., 1997. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 48–55.

27. Алексеева И. Л., Тощев Г. Н., 2009. Курганная группа у с. Богатое Одесской области // Музейний Вісник. Вип. № 9. Запоріжжя: Запорізький краєзнавчий музей. С. 40–50.

28. Алексеева И. Л., Черняков И. Т., Шмаглий Н. М., 1973. Отчёт о раскопках Днестро-Дунайской (новостроечной) экспедиции ИА АН СССР и Одесского археологического музея в 1972 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1972/14.

29. Алексинский Д. П. 2005. Ранние эллинистические шлемы с тиаровидной тульей из Восточного Средиземноморья // ParaBellum. 25. С. 21–40.

30. Андрух С. И., 1994. Малая Скифия в Добрудже // Древности скифов. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Институт археологии АН Украины. С. 144–157.

31. Андрух С. И., 1995. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. (этнополитический аспект). Запорожье: ЗГУ. 208 с.

32. Андрух С. И., 2001. Могильник Мамай–Гора. Кн. II. Запорожье: ИА НАН Украины – ЗГУ. 282 с.
33. Андрух С. И., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н., 1985. Курганы у села Плавни в низовьях Дуная. Монография депонирована в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., № 21110. Одесса. 158 с.
34. Андрух С. И., Суничук Е. Ф., 1987. Захоронения зажиточных скифов в Низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья / Отв. ред. Т. Л. Самойлова). Киев: Наукова думка. С. 38–46.
35. Андрух С. И., Тощев Г. Н., 1999. Могильник Мамай–Гора. Кн. I. Запорожье: ИА НАН Украины – ЗГУ. 232 с.
36. Андрух С. И., Тощев Г. Н., 2004. Могильник Мамай–Гора. Кн. III. Запорожье: ЗГУ. 203 с.
37. Андрух С. И., Тощев Г. Н., 2009. Могильник Мамай–Гора. Кн. IV. Запорожье: ЗНУ. 312 с.
38. Андрух С. И., Чернов С. И., 1990. Новые скифские памятники Дунай–Днестровского междуречья // СА. № 2. С. 149–163.
39. Антонович В. Б., 1893. Древности Юго–Западного края. Раскопки в стране древлян. МАР. № 11. 78 с.
40. Бейлекчи В. С., 1998. Фалары села Твардица. Ростов Великий: Препринт. 440 с.
41. Березин Я. Б., 1983. Новые погребения последних веков до н. э. в Среднем Притеречье // Кочевники Азово–Каспийского междуречья (межвузовский сборник статей) / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: Госкомиздат СО АССР. С. 97–101.

42. Березовець Д. Т., 1960. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. Т. IX. С. 39–87.
43. Бессонова С. С., 1994. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Институт археологии АН Украины. С. 3–34.
44. Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А., 1988. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка. 216 с.
45. Бидзиля В. И., Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф. 752 с.
46. Божкова А., Агре Д., 1995. Тракийски могили в местността Ябланица край Етрополе // Археология. Год XXXVII, кн. 4. С. 28–36.
47. Болтрик Ю. В., 1993. Курган Кара–Тюбе // ДСПК. IV. С. 183–197.
48. Болтрик Ю. В., 2007. Культові споруди степової Скіфії // Магістеріум. Вип. 27. С. 47–57.
49. Бондаренко Д. В., Иващенко М. В., Синика В. С., 2019. Находки амфорных клейм эллинистического времени из округи Ольвии // РА. S. n. Vol. XV. nr. 1. С. 103–109.
50. Борзияк И. А., Левицкий О. Г., 1989. Исследования двух курганов в Криулянском районе // АИМ в 1984 г. / Отв. ред. Н. А. Кетрару. С. 109–127.
51. Борзияк И. А., Манзура И. В., Левицкий О. Г., 1983. Коржевские курганы // АИМ в 1979–1980 гг. / Отв. ред. И. А. Борзияк. С. 3–27.
52. Бруяко И. В., 1995. Рец. на кн.: Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев. 1992 // РА. № 1. С. 230–237.

53. Бруяко И. В., 1997. От Скифии к Сарматии без природных катастроф // РА. № 4. С. 215–218.
54. Бруяко И. В., 1999а. От диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р. Х.) // Stratum plus. № 3. С. 325–332.
55. Бруяко И. В., 1999б. О событиях III в. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье (четыре концепции кризиса) // ВДИ. № 3. С. 76–91.
56. Бруяко И. В., 2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3 (2005–2009). С. 329–370.
57. Бруяко И. В., 2020. Две новые фибулы латенского стиля из Северо–Западного Причерноморья // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 202–208.
58. Бруяко И. В., Ванчугов В. П., Савельев О. К., 2012. Слои эллинистического времени на городище Новосельское–II // МАСП. Вып. 12. С. 294–335.
59. Бруяко И. В., Загинайло А. Г., Колесниченко А. Н., 2016. Некрополь древнегреческого Никония (материалы к изучению) // Stratum plus. № 3. С. 277–307.
60. Бруяко И. В., Малюкевич А. Е., 2009. Поселение Затока–I («Гермонактова деревня») в Нижнем Поднестровье (характеристика материалов) // МАСП. Вып. 9. С. 180–201.
61. Бруяко И. В., Островерхов А. С., 2010. Новые памятники звериного стиля из Нижнего Поднестровья // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. I / Отв. ред. И. В. Бруяко. Одесса: СМІЛ. С. 113–121.
62. Бруяко И. В., Росохацкий А. А., 1993. Кельто–италийский шлем из коллекции Белгород–Днестровского музея // ПАВ. № 7. С. 78–81.

63. Бруяко И. В., Секерская Е. П., 2016. Очерки экономики населения Северо–Западного Причерноморья в античную эпоху (МАСП. Монографическая серия, № 4). Одесса: Ирбис. 240 с.
64. Бруяко И. В., Ярошевич Ю. И., 2001. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса: Гермес. 144 с.
65. Бубулич В. Г., 1992. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 334. 36 с. + 34 табл.
66. Ванчугов В. П., Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., 1992. Курганы приморской части Днестро–Дунайского междуречья. Киев: Наукова думка. 92 с.
67. Вдовченков Е. В., 2016. Кочевнические жертвенно–поминальные комплексы («странные комплексы») III–I вв. до н. э.: социальная интерпретация явления // *Stratum plus*. № 3. С. 197–215.
68. Вдовченков Е. В. 2018. Социальная история сарматов Нижнего Подонья. М.: Аквилон. 216 с.
69. Венедиков И., 1957. Тракийската юзда // Известия на Археологическия Институт. Книга XXI. София. С. 153–201.
70. Венедиков И., Герасимов Т., 1973. Тракийското изкуство. София: Български художник. 408 с.
71. Виноградов Ю. А., 1999. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н. э.) // *Hyperboreus: studia classica*. Vol. 5. Fasc. 1 / Отв. ред. Д. В. Панченко. СПб.: Бионт. С. 56–82.

72. Виноградов Ю. А., 2000. Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). Тез. докл. междунар. конф. (Тамань, Россия, 9–16 октября 2000 г.) / Науч. ред. С. Л. Соловьёв, Г. Р. Цецхладзе. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 16–29.
73. Виноградов Ю. А., Марченко К. К., 2014. Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // Археологические вести. № 20. С. 143–164.
74. Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я., 1997а. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93–103.
75. Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. 1997б. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 6–27.
76. Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. X. С. 3–63.
77. Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука. С. 310–371.
78. Власова Е. В. 2009. Ахтанизовский клад // ВДИ, № 3. С. 63–78.
79. Внуков С. Ю., 2018. Позднескифские «землянки» городища Кара-Тобе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 4 (70), № 2. С. 51–73.

80. Внуков С. Ю., Лагутин А. Б., 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара–Тобе в Северо–Западном Крыму // Труды ГИМ. Вып. 118. С. 96–121.

81. Волкобой и др., 1980 – Волкобой С. С., Андросов А. В., Лихачёв В. А., Мухопад С. Е., Шалобудов В. Н. 1980. Скифские могильники IV–III вв. до н. э. юга Днепропетровской области // Курганы степного Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалёва. Днепропетровск: ДГУ. С. 18–41.

82. Волкобой и др., 1981 – Волкобой С. С., Лихачёв В. А., Шалобудов В. Н. Андросов А. В. Могильник у с. Башмачка // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках / Отв. ред. И. Ф. Ковалёва. Днепропетровск: ДГУ. С. 45–60.

83. Воротинская Л. С., 2013. К вопросу о кельто–скифских взаимодействиях в Северном Причерноморье в III–II вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Мат–лы междунар. науч. конф. (Санкт–Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор–История. С. 489–493.

84. Вязьмитина М. И., 1969. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. № 150. С. 119–134.

85. Вязьмитина М. И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев: Наукова думка. 192 с.

86. Гаврилюк Н. О., 1980. Кераміка степових скіфських поховань IV–III ст. до н. е. // Археологія. Вип. 34. С. 17–30.

87. Гаврилюк Н. О., 1984. Скіфські імітації форм античного гончарного посуду // Археологія. Вип. 48. С. 7–11.

88. Гаврилюк Н. А., 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка. 112 с.

89. Гаврилюк Н. А., 1999. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев – Харьков: ИА НАНУ – ПТФ. 420 с.
90. Гаврилюк Н. А., 2009. Фракийцы в Нижнем Поднепровье // *Stratum plus*. № 3 (2005–2009). С. 114–141.
91. Гаврилюк Н. А., 2010. Лепная керамика Тира // Тира – Белгород – Аккерман (материалы исследований) / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Одесса: Печатный дом. С. 11–46.
92. Гаврилюк Н. О., 2013а. Міжнародна археологічна конференція «Старожитності Північного Причорномор'я III–II ст. до н. е.» // *Археологія*. № 2. С. 135–137.
93. Гаврилюк Н. А., 2013б. Экономика Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Издатель Олег Филюк. 712 с.
94. Гаврилюк Н. О., 2014. Липна кераміка античних центрів Північного Причорномор'я як джерело до вивчення етнічної та економічної історії // *Археологія*. № 4. С. 30–50.
95. Гавриш П. Я., 2000. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). Полтава: *Археологія*. 232 с.
96. Галанина Л. К., 1965. Греческие поножи Северного Причерноморья // *АС*. 7. С. 5–27.
97. Галанина Л. К., 1980. Курджипский курган. Л.: Искусство. 128 с.
98. Глебов В. П., 2004. Тираспольская группа памятников Поднепровья – сарматы, сираки, скифы // *ССПіК*. Мат–ли конф. «Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 105–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XI. С. 74–77.

99. Глебов В. П., 2016. О вариантах обряда захоронения «ритуальных кладов» III–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. № 3. С. 145–161.

100. Глебов В. П., Дедюлькин А. В., Гордин И. А. 2014. Шлемы восточнокельтского типа в погребальных и ритуальных комплексах на территории Сарматии // *Сарматы и внешний мир. Мат–лы VIII всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (УАВ. № 14) / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН – Наследие. С. 77–83.*

101. Глебов В. П., Гордин И. А., Дедюлькин А. В. 2020. Новые находки «ритуальных кладов» в Нижнем Подонье // *Германия–Сарматия. Вып. III. / ред. О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев. Москва: ИА РАН. С. 354–384.*

102. Гошкевич В. И., 1903. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: ЮГА. 178 с. + 20 табл.

103. Граков Б. Н., 1954. Каменское городище на Днепре (МИА. № 36). 240 с.

104. Граков Б. Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // *МИА. № 115. С. 56–113.*

105. Гребенников Ю. С., 1980. Скифский курганный могильник у с. Отрадное // *Археологические памятники Поингулья / Отв. ред. О. Г. Шапошникова. Киев: Наукова думка. С. 146–164.*

106. Гребенников Ю. С., 2008. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н. э.). Николаев: Илион. 192 с.

107. Гребенников Ю. С., Ребедайло Г. П., 1991. Скифское погребение V в. до н. э. на Ингульце // *Курганы Степной Скифии. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 117–122.*

108. Гречко Д. С., 2010. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Київ: ІА НАН України. 286 с.

109. Гросу В. И., Агульников С. М., Хахеу В. П., 1984. Отчёт о полевых работах курганного отряда Буджакской новостроечной экспедиции по исследованию курганной группы у пгт. Тараклия в 1983 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 195.

110. Гросу В. И., Савва Е. Н., Агульников С. М., 1984. Отчёт о полевых работах Сармато–Черняховской археологической новостроечной экспедиции по исследованию группы курганов у г. Тирасполя в 1983 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 194.

111. Гудкова и др., 1980 – Гудкова А. В., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н., Фокеев М. М., 1980. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1979 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1979/5. 94 с. + 63 табл.

112. Гудкова и др., 1981 – Гудкова А. В., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н., Фокеев М. М., 1981. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1980 г. // Научный архив ИА НАН Украины. №1980/7. 119 с. + 72 табл.

113. Гудкова и др., 1982 – Гудкова А. В., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н., Фокеев М. М., 1982. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1981/1. 94 с. + 79 табл.

114. Гудкова и др., 1984 – Гудкова А. В., Суничук Е. Ф., Тощев Г. Н., Фокеев М. М., 1984. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1983 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1983/14. 24 с. + 32 табл.

115. Гудкова и др., 1985 – Гудкова А. В., Тощев Г. М., Фокеев М. М., Андрух С. И., 1985. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1984/158. 124 с.

116. Гудкова А. В., 1978. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. П. О. Карышковский. Киев: Наукова думка. С. 182–193.

117. Гудкова А. В., Суничук Е. Ф., 1985. Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1984/3а. 103 с. + 180 табл.

118. Гудкова А. В., Тощев Г. Н., Фокеев М. М., 1983. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 56 с. + 61 табл.

119. Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо–Западном Причерноморье / Отв. ред. А. В. Гудкова. Киев: Наукова думка. С. 55–113.

120. Гудкова А. В., Черняков И. Т., 1978. Полевой отчёт о работах Измаильской экспедиции в 1977 году // Научный архив ИА НАН Украины. № 1977/21. 37 с. + 48 табл.

121. Гуляев В. И., 1969. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. № 151. С. 109–127.

122. Гуляев В. И., 2001. О фракийских влияниях в курганных материалах скифского времени на Среднем Дону // РА. № 4. С. 138–142.

123. Гущина И. И., 1969. Янчокракский клад // МИА. № 169. С. 43–52.

124. Дашевская О. Д., 1980. О скифских курильницах // СА. № 1. С. 18–29.

125. Дашевская О. Д., 1989. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо–сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 125–145.

126. Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму (САИ. Вып. Д1–7). 141 с.

127. Дедюлькин А. В., 2012. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 34–45.

128. Дедюлькин А. В., 2016. Шлемы аттического типа с козырьком и вотивные клады III–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. № 3. С. 163–196.

129. Дергачёв В. А., 1979. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. № 3. С. 239–241.

130. Дергачёв В. А., 1982. Отчёт о работе Северо–Молдавской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 171. 37 с. + 24 ил.

131. Дергачёв В. А., 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца. 224 с.

132. Дергачёв В. А., Сава Е. Н., 2003. Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка // *Stratum plus*. № 2 (2001–2002). С. 526–562.

133. Дзиговский А. Н., 2003. Очерки истории сарматов Карпато–Днестровских земель. Одесса: Гермес. 240 с.

134. Дзиговский А. Н., 2013. Сарматы // Древние культуры Северо–Западного Причерноморья (к 95–летию Национальной Академии наук

Украины) (отв. ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова). Одесса: СМІЛ. С. 597–630.

135. Дзиговский А. Н., Островерхов А. С., 2000. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо–сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса: Гермес. 260 с.

136. Дзиговский А. Н., Островерхов А. С., 2010. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // *Stratum plus*. № 3. С. 145–174.

137. Дзис–Райко Г. А., 1965. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане // Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 год / Отв. ред. М. С. Сеницын. Одесса: Маяк. С. 59–68.

138. Дзис–Райко Г. А., Охотников С. Б., Редина Е. Ф., 2012. Городище Надлиманское IV–III вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье (МАСП. Монографическая серия, № 3). Одесса: СМІЛ. 264 с.

139. Дзис–Райко Г. А., Суничук Е. Ф., 1984. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. И. Т. Черняков. Киев: Наукова думка. С. 148–161.

140. Диамант Э. И., Черненко Е. В., 1971. Скифский кинжал из Одесского музея // АИУ в 1968 г. Вып. 3. Киев: Наукова думка. С. 159–160.

141. Доманский Я. В., Марченко К. К., 1980. Поселение ольвийской хоры Козырка 2 // АСГЭ. 21. С. 20–38.

142. Дюмезиль Ж., 1990. Скифы и нарты. М.: Наука. 229 с.

143. Евдокимов Г. Л., 1992. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине // ДСПК. III. С. 136–148.

144. Евдокимов Г. Л., Фридман М. И., 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 85–115.

145. Евдокимов Г. Л., Фридман М. И., 1991. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы Степной Скифии. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 72–97.

146. Ерёменко В. Е., 1997а. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: Санкт–Петербургский университет. 232 с.

147. Еременко В. Е., 1997б. Относительная и абсолютная хронология Европейской Скифии, взгляд со стороны // Stratum + Петербургский археологический вестник / Ред. колл. В. Ю. Зуев и др. СПб.; Кишинев, 1997: Бизнес–Элита. С. 44–61.

148. Журавлёв Д. В., 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // ПИФК. 1 (43). С. 59–85.

149. Загинайло А. Г., Нудельман А. А., 1971. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н. э. // МАСП. Вып. 7. С. 122–137.

150. Загинайло А. Г., Черняков И. Т., Петренко В. Г., 1987. Каролино–Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья / Отв. ред. Т. Л. Самойлова. Киев: Наукова думка. С. 99–108.

151. Зайцев Ю. П., 2005. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тез. и докл. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Символика. С. 88–94.

152. Зайцев Ю. П., 2007. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат–лы Междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 258–268.

153. Зайцев Ю. П., 2008. Шлемы типа Монтефортино и один несуществующий комплекс галатского некрополя в Богазкёе // РА. № 2. С. 5–12.

154. Зайцев Ю. П., 2009. Предметы конской упряжи III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (сравнительный анализ) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Мат–лы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко). Краснодар: КубГУ. С. 134–139.

155. Зайцев Ю. П., 2011. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III–I вв. до н. э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Мат–лы междунар. науч. конф. (Санкт–Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Ред. колл. М. Ю. Вахтина, и др. СПб.: Нестор–История. С. 584–592.

156. Зайцев Ю. П., 2012а. Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладках Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 55–66.

157. Зайцев Ю. П., 2012б. Латенский бронзовый сосуд из Великопоского // Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д. В. Журавлёв, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ. С. 129–151.

158. Зайцев Ю. П., 2012в. Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э.: ритуальные кладки и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар.

науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 67–72.

159. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. № 3. С. 61–99.

160. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. – 1 в. н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: НСС. С. 174–204.

161. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2010. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак–Кая // Древняя и средневековая Таврика (Археологический альманах № 22). Донецк: Донбасс. С. 169–176.

162. Зайцева К. И., 2000. Лепные чашки на ножках конца VII–I вв. до н. э. из Северного Причерноморья // Археологические вести. Вып. 7. С. 140–153.

163. Заноч А., 2012. Фрако–гетские поселения Среднего Поднестровья в контексте восточно–карпатских земель // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 73–80.

164. Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е., 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Одеська міська друкарня. 207 с.

165. Иващенко М. В., Синика В. С., 2017. Амфорные клейма из Надлиманского городища // МАИАСК. Вып. 9. С. 484–533.

166. Иевлев М. М., 1989. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо–сарматской археологии Северного Причерноморья. I.

Тез. докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова (отв. ред. Ю. Г. Виноградов). Запорожье: Коммунар. С. 54–55.

167. Ильинская В. А., 1966. Скифские погребения около г. Борисполя // СА. № 3. С. 152–171.

168. Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка. 268 с.

169. Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы в бассейне р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка. 224 с.

170. Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И., 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 31–63.

171. Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. Скифия в VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 380 с.

172. Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1986. Памятники Степной Скифии // Археология Украинской ССР. Т. 2. / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка. С. 60–90.

173. Императорская Археологическая..., 2009 – Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.–сост. А. Е. Мусин) СПб.: Дмитрий Буланин. 1312 с.

174. Инков А. А., 2014. Ещё раз о «скифском» походе Зопириона // Научные труды Московского гуманитарного университета, № 1. С. 4–16.

175. Канторович А. Р., 2006. Ранний железный век // Археология. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «История» / Ред. В. Л. Янин. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 271–397.

176. Канторович А. Р., 2007а. Конские налобники/наносники с петлёй и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо–сибирского звериного стиля // Ранній залізний вік Євразії: до 100–річчя від народж. Олексія Івановича Тереножкіна. Мат–ли Міжнар. наук. конф. (16–19 травня 2007 р.) / Відп. ред. С. А. Скорий. Київ – Чигирин: ІА НАНУ. С. 74–77.

177. Канторович А. Р., 2007б. О некоторых предметах конского снаряжения с городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо–Западном Крыму. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В. Л. Янин, Ю. Л. Щапова. М.: МГУ. С. 252–274.

178. Канторович А. Р., 2012. Изображение обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюции // *Stratum plus*. № 3. С. 17–71.

179. Канторович А. Р., 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс. на соискание уч. степени докт. ист. наук. Москва: Архив ИА РАН, фонд Р–2. 1724 с.

180. Капошина С. И., 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // *МИА*, № 50. С. 154–189.

181. Карнаух Е. Г., Сердюк М. И., Синика В. С., 2016. Скифский клад из Дебальцево // *Stratum plus*. № 3. С. 217–238.

182. Карышковский П. О., 1971. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н. э. // *ВДИ*, № 2. С. 36–55.

183. Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. 480 с.

184. Кашуба М. Т., Сапожников И. В., 2020. Курганы и находки у села Троицкое на Нижнем Днестре как памятники древности и объекты

кладоискателей XIX – начала XX в. // Археологические вести. Вып. 27. С. 345–366.

185. Кашуба М. Т., Хахей В. П., Левицкий О. Г., 2002. Фрако–гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно–хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века) // Stratum plus. № 3 (2001–2002). С. 118–223.

186. Кетрару Н. А., 2005. Очерки истории археологии Молдовы. 1715–1945. Кишинёв: Центральная типография. 88 с.

187. Кетрару и др., 2014 – Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2014. Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья. II). Тирасполь: Stratum plus. 240 с.

188. Кишлярук В. М., Кузьминова Н. Н., 2000. Растительные остатки из курильниц курганного могильника позднескифского времени у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 38–43.

189. Ключнева И. Н., 2003. Погребения раннего железного века из курганного могильника у пгт. Беловодск Луганской области // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 1. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. С. 289–304.

190. Ковалёв Н. В., Полин С. В., 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы Степной Скифии / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 33–53.

191. Ковпаненко Г. Т., 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка. 188 с.

192. Ковпаненко Г. Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка. 160 с.
193. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Левобережья (Киево–Черкасский регион). Киев: Наукова думка. 336 с.
194. Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., 1978. Скифские курганы у с. Ковалёвка Николаевской области // Курганы на Южном Буге / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. С. 133–150.
195. Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А., 1978. Раскопки курганов у с. Ковалёвка // Курганы на Южном Буге / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. С. 7–132.
196. Ковпаненко и др., 1975 – Ковпаненко Г. Т., Анохин В. А., Гаврилюк Н. А., Сухова И. К. Отчёт о работе Южно–Бугской (Очаковской) экспедиции Института археологии Украинской АН за 1974 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1974/11. 140 с. + 138 рис.
197. Козуб Ю. И., 1973. Модель лука из Ольвии // Скифские древности / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 270–274.
198. Козуб Ю. И., 1974. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ: Наукова думка. 184 с.
199. Кокоржицкая Е. Н., 1985. Фрагмент бронзовой гривны из Никония // Памятники древней истории Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Дзис–Райко. Киев: Наукова думка. С. 50–51.
200. Колекції..., 2007 – Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог. Київ: Академперіодика. 356 с.
201. Колтухов С. Г., 2001. О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Труды ГИМ. Вып. 118. С. 59–70.

202. Колтухов С. Г., 2004. Лепная керамика скифского населения Степного и предгорного Крыма // Херсонесский сборник. Вып. XIII. С. 68–120.

203. Колтухов С. Г., 2010. Погребения скифского времени в курганах к северо–востоку от Ярылгачской бухты // Stratum plus. № 3. С. 197–213.

204. Копылов В. П. Коваленко А. Н., 2002. Заключительный этап скифского Елизаветовского городища на Дону // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Мат–лы III Междунар. конф., г. Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г. / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: Типар. С. 297–298.

205. Копылов В. П., Коваленко А. Н., 2012. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 96–100.

206. Королькова Е. Ф. 2001. Звериный стиль в оформлении гривен скифо–сарматской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура / Отв. ред. Н. А. Захарова. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 68–95.

207. Кривенко А. В., Синика В. С., Тельнов Н. П. 2011. Случайные находки III–II вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // Stratum plus. № 6. С. 41–45.

208. Кропотов В. В., 2020а. Датировка и культурная принадлежность погребения 7 из кургана 1 близ с. Никольское в Поднестровье // Волго–Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 140–143.

209. Кропотов В. В., 2020б. Фибула из погребения 4 могильника Холмское в Северо-Западном Причерноморье // Археологія і давня історія України. Вип. 3 (36). / Гол. ред. А. В. Буйських. Київ: ІА НАНУ. С. 416-422.

210. Кропотов В. В., Лесков А. М., 2006. Курган с коллективным погребением у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. № 84. С. 25–39.

211. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М., 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова Думка. 136 с.

212. Крыжицкий и др., 1989 – Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка. 240 с.

213. Кубышев и др., 1984 – Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А., Нечитайло А. Л., Куприй С. А., Шевченко Н. П., Толкачѳв Ю. И., Амирханов А. Ш., Абикулова М. И., Былкова В. П. Отчѳт о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях // Научный архив ИА НАН Украины. № 1983/26. 240 с. + 119 табл.

214. Кубышев А. И., Куприй С. А., Ковалѳв Н. В., 1999. Скифский курган у с. Каиры // Проблемы скифо–сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100–летию Б. Н. Гракова) / Отв. ред. П. П. Толочко. Запорожье: ЗГУ. С. 142–144.

215. Кулатова И. Н., 1990. Женское погребение IV в. до н. э. из могильника у с. Олѳфирщина // Археологические исследования на Полтавщине. Сб. науч. трудов. К 100–летию Полтавского краеведческого музея / Отв. ред. А. Б. Супруненко. Полтава: Полтавский краеведческий музей. С. 67–76.

216. Лапушнян В. А., Никулицэ И. Т., Романовская М. А., 1974. Памятники раннего железного века (Археологическая карта Молдавии. Вып. 4). Кишинёв: Штиинца. 104 с.

217. Левинский А. Н., 2009. К вопросу о погребальном обряде и обрядности у гетов Днестровско–Прутского междуречья (VI–IV вв. до н. э.) // *Stratum plus*. № 3 (2005–2009). С. 162–175.

218. Левинский А. Н., 2010. История гетов в Лесостепи Юго–Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV вв. до н. э.) // *Stratum plus*, № 3. С. 15–127.

219. Левицкий О. Г., 1988. Курган эпохи бронзы у с. Томай // АИМ в 1983 г. / Отв. ред. Г. Ф. Чеботаренко. Кишинёв: Штиинца. С. 35–44

220. Левицкий О. Г., Демченко Т. И., 1995. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // *ДСПК*. V. С. 41–53.

221. Левченко Б. М., 2012. Исследования первой курганной группы у с. Медвин на Богуславщине (раскопки 1982 г., 1984–85 гг.). // Гречко Д. С., Шелехань А. В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. Киев: Майдан. С. 139–176.

222. Либеров П. Д., 1954. Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо–сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.) / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: АН СССР. С. 132–167.

223. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тез. и докл. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Символика. С. 162–167.

224. Лысенко и др., 2016 – Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Лысенко С. С., Синика В. С., 2016. Новые находки металлических изделий эпохи бронзы у с.

Терновка на левобережье Нижнего Днестра // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И. В. Манзуры / Отв. ред. С. Церна, Б. Говедарица. Кишинёв: Stratum plus. С. 321–328

225. Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов–на–Дону: Изд–во Ростовского университета. 224 с.

226. Максименко В. Е., 1997. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 41–49.

227. Малюкевич А. Е., 1991. Открытие башни Неоптолема // Древнее Причерноморье (II чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского). Тез. докл. конф. / Отв. ред. А. Г. Загинайло. Одесса: Городская типография областного управления по печати. С. 62–63. С. 117–119.

228. Малюкевич А. Е., 1993. Этнические признаки погребального обряда могильника Молога II // Древности причерноморских степей / Отв. ред. В. П. Ванчугов. Киев: Наукова думка. С. 94–101.

229. Малюкевич А. Е., 2008. Обряд захоронения детей на памятнике римского времени Молога II // Краткие сообщения Одесского археологического общества / Отв. ред. С. Б. Охотников, В. Г. Петренко. Одесса: Фаворит. С. 172–183.

230. Манзура И. В., 1982. Раскопки кургана у с. Косоуцы // АИМ в 1977–1978 гг. / Отв. ред. П. П. Бырня. С. 122–129.

231. Манзура И. В., Ларина О. В., Савва Е. Н., 1992. Исследования курганов у с. Паркань // АИМ в 1986 г. / Отв. ред. Н. А. Кетрару. С. 171–189.

232. Манов М., 2015. Скифские цари в Добрудже // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 4. М.: Собрание. С. 424–436.

233. Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: КубГУ. 340 с.

234. Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 3 (39). С. 69–74.

235. Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П., 2000. Елизаветовское городище на Дону (*Pontus Septentrionalis*. II. Танаис. 2). М.: Палеограф. 284 с. + 72 табл.

236. Матеевич Н., Самойлова Т. Л., 2017. Амфорные клейма из Тире (раскопки 1998–2008 гг.). Киев: Издатель Олег Филюк. 234 с.

237. Медведев А. П., 2015. «Великая Скифия» (критический анализ одного из понятий современной скифологии) // *Скифия: Образ и историко-культурное наследие*. Материалы конф. / Ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М.: Институт всеобщей истории РАН, С. 162–166.

238. Мелюкова А. И., 1962а. Курган усатовского типа у с. Тудорово // *КСИА АН СССР*. № 88. С. 74–83.

239. Мелюкова А. И., 1962б. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемповских) // *МИА*. № 115. С. 114–166.

240. Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1–4. 92 с. + 23 табл.

241. Мелюкова А. И., 1965. Скифские элементы в гетской культуре // *КСИА*. Вып. 105. С. 32–41.

242. Мелюкова А. И., 1969. Отчёт о работе Западно–скифской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 3830. 92 с. + 88 рис.

243. Мелюкова А. И., 1974а. Культура племён Днестровско–Прутского междуречья (VIII–I вв. до н. э.) // Древняя культура Молдавии / Отв. ред. В. С. Зеленчук. Кишинёв: Штиинца. С. 7–52.

244. Мелюкова А. И., 1974б. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района // АИМ (1972 г.) / Отв. ред. В. Л. Лапушнян. С. 77–95.

245. Мелюкова А. И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.: Наука. 260 с.

246. Мелюкова А. И., 1976. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо–сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 106–126.

247. Мелюкова А. И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.: Наука. 256 с.

248. Мелюкова А. И., 1981. Краснокутский курган. М.: Наука. 112 с.

249. Мелюкова А. И., 1984. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. И. Т. Черняков. Киев: Наукова думка. С. 90–103.

250. Мелюкова А. И., 1989. Локальные группы скифской и скифообразной культур Восточной Европы // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо–сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 48–51.

251. Мелюкова А. И., 1995. Новые данные о скифо–фракийских взаимоотношениях в IV–III вв. до н. э. // РА. № 1. С. 28–36.

252. Мелюкова А. И., 1999. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961–1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М.: Институт археологии РАН. С. 60–97.

253. Миллер А. А., 1914. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // ИИАК. Вып. 56. С. 220–247.

254. Миллер В. Ф., 1881. Осетинские этюды. Учёные записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. 1. М.: Типография бывш. Ф. Б. Миллера. 170 с.

255. Минчев А., 2008. Тракийски бронзови начелници и апликация с особена форма от Североизточна България (IV–III в. пр. Хр) // Известия. Книга XII. Светът на Гетите. Русе: Печатна база на Русенски университет. С. 97–106.

256. Младенова Я., 1963. Накитите от некропола на Аполония // Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947–1949 г. / Ред. И. Венедиков. София: Българската академия на науките. С. 293–304.

257. Мозолевський Б. М., 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка. 252 с.

258. Мозолевский Б. Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 70–154.

259. Мозолевский Б. Н., Полин С. В., 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: Стилос. 600 с. + 24 табл.

260. Монахов С. Ю., 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов: Саратовский университет. 159 с.

261. Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: СГУ. 680 с.

262. Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров–экспортёров товаров в керамической таре. М. – Саратов: Киммериды – СГУ. 352 с.

263. Монахов С. Ю., 2016. Комплекс транспортных амфор из посёлка У7 поселения Панское I // *Stratum plus*. № 3. С. 309–339.

264. Моргунова и др., 2003 – Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет. 392 с.

265. Мордвинцева В. И., 2001а. Декоративные пластины из Бубуеча // РА. №2. С. 108–114.

266. Мордвинцева В. И., 2001б. Стилистические группы фаларов III–I вв. до н. э. из музеев России и Украины // Ювелирное искусство и материальная культура / Отв. ред. Н. А. Захарова. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 161–166.

267. Мордвинцева В. И., 2013. Комплекс предметов из Булаховки и «ритуальные клады» Северного Причерноморья III–I вв. до н. э. // ПИФК. № 2 (40). С. 144–156.

268. Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю., 2007а. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. Т. 1. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 2). Симферополь – Бонн: Тарпан. 308 с.

269. Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. 2007б. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. Т.

2. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 2). Симферополь – Бонн: Тарпан. 255 с.

270. Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры (САИ. Вып. Д1–10). 56 с. + 32 табл.

271. Нефёдова Е. С., 1992. К вопросу о браслетах «латенского» стиля // Проблемы хронологии латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений. (Ленинград, 1988). Сб. науч. трудов / Науч. ред. М. Б. Щукин, О. А. Гей. СПб.: Ойум. С. 21–34.

272. Нефёдова Е. С., 1993. Бубуечский комплекс (история находки и изучения, задачи интерпретации) // Античная цивилизация и варварский мир. Мат–лы III археологич. семинара. Часть II / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. С. 15–20.

273. Никулицэ И. Т., 1969. Исследования гетского могильника Лутерия у с. Ханска // Далёкое прошлое Молдавии / Отв. ред. Л. Л. Полевой. Кишинёв: АН МССР. С. 134–135.

274. Никулицэ И. Т., 1972. Исследования гетского могильника у с. Ханска–Лутэрия // АИМ в 1968–1969 гг. / Отв. ред. И. А. Рафалович. С. 105–121.

275. Никулицэ И. Т., 1977. Геты IV–III вв. до н. э. в Днестровско–Карпатских землях. Кишинёв: Штиинца. 172 с.

276. Никулицэ И. Т., 1987. Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. Кишинёв: Штиинца. 269 с.

277. Никулицэ И. Т., Фидельский С. А., 2004а. Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000–2003). Vol. I / Red. șef N. Chetraru. Chișinău: Tyragetia. С. 50–63.

278. Никулицэ И. Т., Фидельский С. А., 2004б. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // *Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău – Vadul lui Vodă. 6–11 September 2004 / Ed. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ. Chişinău: Cartdidact. P. 190–216.*

279. Носова Л. В., 2009. Импорт изделий или «импорт» традиций (в связи с новыми находками «иллирийских булавок» в Северо–Западном Причерноморье) // *МАСП. Вып. 9. С. 103–146.*

280. Носова Л. В., 2011. «Греческое» и «варварское» в Северо–Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI – первой половины V вв. до н. э. у с. Маяки) // *МАСП. Вып. 12. С. 150–192.*

281. Нудельман А. А. 1969б. Античный клад из с. Лэргуца // *Труды Государственного историко–краеведческого музея Молдавии. II. Кишинёв: Карта молдовеняскэ. С. 129–134.*

282. Нудельман А. А. 1969б. Монеты Истрии и Тиры из с. Дороцкое (предварительное сообщение) // *Труды Государственного историко–краеведческого музея Молдавии. II. Кишинёв: Карта молдовеняскэ. С. 121–128.*

283. Нудельман А. А., Рикман Э. А., 1956. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии // *Известия Молдавского филиала АН СССР. № 4 (31). Кишинёв: Государственное издательство Молдавии. С. 129–133.*

284. Нудельман А. А., Рикман Э. А. 1957. Новые археологические находки в Молдавии // *СА, № 3. С. 248–252.*

285. ОАК за 1894 г., 1896 – Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1894 год. СПб.: Типография главного управления уделов. 172 с.

286. ОАК за 1897 г., 1900 – Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1897 год. СПб.: Типография главного управления уделов. 192 с.

287. Оанча Е. С., 1988. О некоторых типах украшений фракийского облика из скифских памятников Днестро–Дунайского междуречья // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых учёных ИА АН СССР / Ред. кол. А. П. Абрамов и др. М.: Институт археологии АН СССР. С. 119–121.

288. Оанча Е. С., 1989. Бронзовая модель скифского лука из Подунавья // Проблемы скифо–сарматской археологии Северного Причерноморья. I. Тез. докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90–летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова / Отв. ред. Ю. Г. Виноградов. Запорожье: Коммунар. С. 100–102.

289. Ольховский В. С., 1991. Погребально–поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука. 256 с.

290. Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: МТО МЕТЕО. 188 с.

291. Ольховский В. С., Шилов Ю. А., 1995. Скифский погребально–культовый комплекс кургана Цыганка // РА. № 4. С. 103–113.

292. Онайко Н. А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. (САИ Д1–27). 214 с.

293. Островерхов А. С., 2005. Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (кон. VI – III в. до н. э.) // Структурно–семиотические исследования в археологии. Т. 2 / Глав. ред. А. В. Евглевский. Донецк: Донецкий национальный университет, 2005. С. 219–266.

294. Островерхов А. С., Андреева О. С., 2009. Стекланные геммы с изображением копытных животных в Скифии // ССПіК. Мат–ли конф.

«Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XV. С. 111–116.

295. Островерхов А. С., Охотников С. Б., 1985. Стекланные изделия из античных памятников Нижнего Поднестровья // Памятники древней истории Северо–Западного Причерноморья. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Г. А. Дзис–Райко). Киев: Наукова думка. С. 27–33.

296. Островерхов А. С., Охотников С. Б., 1989. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. № 2. С. 50–67.

297. Островерхов А. С., Редина Е. Ф., 2013. Скифские древности // Древние культуры Северо–Западного Причерноморья (к 95–летию Национальной Академии наук Украины) / Отв. ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова. Одесса: СМІЛ. С. 374–418.

298. Островерхов А. С., Тощев Г. М., 1985. Скiфський кінський наносник // Археологія. Вип. 49. С. 75–77.

299. Охотников С. Б., 1984. Скифский меч из г. Котовска Одесской области // Северное Причерноморье (материалы по археологии) / Отв. ред. Г. А. Дзис–Райко. Киев: Наукова думка. С. 112–113.

300. Охотников С. Б., 1990. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 88 с.

301. Паламарчук С. В., Синика В. С., 2014. Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка // Stratum plus. № 3. С. 291–302.

302. Панковский В. Б., 2016. Структурно–сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное // Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв.

до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratum plus. С. 1003–1038.

303. Панковский В. Б., Синика В. С., 2017. Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное // Stratum plus. № 3. С. 343–359.

304. Папанова В. А., 2006. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знання України. 278 с.

305. Папанова В. А., Ляшко С. Н., 2015. Находки оружия и конской сбруи на пригородных усадьбах Ольвии // МАСП. Вып. 13. С. 207–222.

306. Папанова В. А., Тощев Г. Н., Голик А. А., 2014. Раскопки курганного могильника эпохи бронзы в Северном Приазовье // ССПіК. XX. С. 178–228.

307. Парович–Пешикан М., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка. 220 с.

308. Пачкова С. П., 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев: ИА НАН Украины. 372 с.

309. Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. (САИ. Вып. Д4–5.) 144 с.

310. Петренко В. Г., 1991. Курган бронзового века у с. Старые Беляры // Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г., 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо–Западном Причерноморье: Киев. Наукова думка. 100 с. С. 77–91.

311. Петренко В. Г., 2014. Второй Беляевский курган // ССПіК. XVII. С. 71–106.

312. Петровська Е. Ф., 1968. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. Т. XXI. С. 164–174.

313. Петрунь В. Ф., 2008. О камне из скифских погребений с курильницами в Нижнем Поднестровье и Подунавье // Краткие сообщения Одесского археологического общества / Отв. ред. С. Б. Охотников, В. Г. Петренко. Одесса: Фаворит. С. 147–152.

314. Погорелый В. Н., 1981. Скифские курганы у с. Мирное под Борисполем // Древности Среднего Поднепровья. Сб. науч. трудов / Отв. ред. И. И. Артёменко). Киев: Наукова думка. С. 39–48.

315. Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука. 264 с.

316. Погребова Н. Н., 1956. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища // КСИИМК. Вып. 63. С. 94–97.

317. Погребова Н. Н., 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. № 64. С. 103–247.

318. Покровська Є. Ф., 1957. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли // Археологія. Т. X. С. 65–79.

319. Полидович Ю. Б., 2009. Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы научной конференции. Отв. ред. М. Ю. Вахтина, О. Ю. Соколова, Е. В. Грицик, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор–История. С. 477–484.

320. Полін С. В., 1984. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. Вип. 45. С. 24–34.

321. Полин С. В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев: ИА НАНУ. 201 с.

322. Полин С. В., 1997. По поводу рецензии И. В. Бруяко // РА. № 4. С. 207–215.

323. Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк. 776 с.

324. Полин С. В., 2018. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) // Древности. Исследования и проблемы. Сб. статей в честь 70–летия Н. П. Тельнова / Отв. ред. В. С. Синика, Р. А. Рабинович. Кишинёв – Тирасполь: Stratum plus, С. 267–288.

325. Полин С. В., Карнаух Е. Г., 2012а. Гордашевский «клад» // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 134–144.

326. Полин С. В., Карнаух Е. Г., 2012б. Скифский курган IV в. до н. э. у села Кременёвка в Северо–Восточном Приазовье // АЭАЕ. 4 (25). С. 116–128.

327. Полин С. В., Тупчиенко Н. П., Николова А. В., 1994. Курганы верховьев Ингульца. Вып. 3. (Курганы у с. Головковка, Звенигородка и Протопоповка). Кировоград: Препринт. 95 с.

328. Попандопуло З. Х., 2009. Ещё об одном шлеме типа Монтефортино // Музейний вісник. № 9. С. 51–55.

329. Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И., 1982. Двугорбая Могила // Древности степной Скифии. Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. И. Тереножкин). Киев: Наукова думка. С. 148–178.

330. Придик Е., 1902. Анадольский клад золотых статеров 1895 года // ИИАК. Вып. 3. С. 58–92.

331. Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес–Информ. 480 с.

332. Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик. 272 с.

333. Разумов С. Н., 2002. Роль кремня в поминальном обряде бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Т. 3. Зб. наук. праць / Відп. ред. О. В. Сминтина, О. А. Пригарін. Одеса: Друк. С. 93–95.

334. Разумов С. Н., 2005. Использование кремня в ритуальной практике (по материалам бронзового и раннего железного века Северного Причерноморья) // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Мат–лы междунар. конф. (Сыктывкар, 30 мая – 4 июня 2005 г.). Сыктывкар: Геопринт. С. 54–56.

335. Разумов и др., 2013 – Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Синика В. С., Тельнов Н. П., Четвериков И. А., 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. № 2. С. 297–340.

336. Разумов С. Н., Синика В. С., 2017. «Новый» скифский комплекс III в. до н. э. на правом берегу Нижнего Днестра // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 3. С. 6–19.

337. Раев Б. А., 2020. Конские погребения из Новолабинского погребения 71 и курганов у с. Глиное как индикатор контактов Поднестровья и Прикубанья // Археологія і давня історія України. Вип. 3 (36). / Гол. ред. А. В. Буйських. Київ: ІА НАНУ. С. 510–523.

338. Раев Б. А., Симоненко А. В., 2007. «Странные комплексы»: от эпохи Латена до Могилы неизвестного солдата // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат–лы Междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 268–272.

339. Раевский Д. С., 2006. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. // Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур. С. 263–574.

340. Редина Е. Ф., 1989а. Лепные курильницы из скифских погребений Северо–Западного Причерноморья // Проблемы скифо–сарматской археологии Северного Причерноморья. I. Тез. докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90–летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова / Отв. ред. Ю. Г. Виноградов. Запорожье: Коммунар. С. 133–134.

341. Редина Е. Ф., 1989б. Находки античных монет в скифских погребениях Днестро–Дунайских степей // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского). Тез. докл. конф. / Отв. ред. А. В. Гудкова. Одесса: Типография МО. С. 62–63.

342. Редина Е. Ф., 1989в. Погребальный обряд скифов Днестро–Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья / Отв. ред. Т. Л. Самойлова. Киев: Наукова думка. С. 25–34.

343. Редина Е. Ф., 1993. Классификация фибул из скифских погребений Северо–Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея / Отв. ред. С. Б. Охотников. Одесса: ОАМ АН Украины. С. 50–52.

344. Редина Е. Ф., 1998. О месте производства некоторых типов украшений из скифских могильников // Древнее Причерноморье. IV–е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 12–14 марта 1998 / Глав. ред. В. Н. Станко. Одесса: ОГУ им. И. И. Мечникова. С. 123–128.

345. Редина Е. Ф., 1999б. Скифский могильник Неделково на севере Одесской области // *Stratum plus*. № 3. С. 75–80.

346. Редина Е. Ф., 2000а. К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 28–30.

347. Редина Е. Ф., 2000б. Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали та дослідження. Зб. наук. робіт, присвячена 135-річчю Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова / Відп. ред. О. А. Прігарін, О. В. Сминтина). Одеса: АстроПринт. С. 243–252.

348. Редина Е. Ф., 2013. Кошары // Древние культуры Северо–Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины) / Отв. ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова. Одесса: СМІЛ. С. 583–596.

349. Редина Е. Ф., Симоненко А. В., 2002. «Клад» конца 2 – 1 вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2 / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Издательство Кубанского государственного университета. С. 78–96.

350. Рикман Э. А. 1961. Памятники древнего искусства Молдавии (по археологическим данным). Кишинёв: Картя молдовеняскэ. 38 с.

351. Рикман Э. А., 1969. Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ. 112 с.

352. Рикман Э. А., 1973. Памятники сарматов и племён черняховской культуры (Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 5). Кишинёв: Штиинца, 1973. 172 с.

353. Романов Л. Ф., Кравченко Е. Н., Кишлярук В. М., 2002. Каменный материал из курильниц могильника позднескифского времени у с. Глиное // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Мат–лы III Междунар. конф. (Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г.) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: Типар. С. 306–309.

354. Романовская М. А., 1969. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашёвка // МИА. № 150. С. 81–95.

355. Ростовцев М. И., 1913. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб.: Императорская Археологическая комиссия. 12 с. + 112 табл.

356. Ростовцев М. И., 1914. Античная декоративная живопись на юге России. Текст. Т. I. Описание и исследование памятников. СПб.: Императорская Археологическая комиссия. 517 с.

357. Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Ленинград: Типография 1-й Ленинградской Труд. Арт. 621 с.

358. Рубан В. В., 1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–II вв. // ВДИ. № 1. С. 26–46.

359. Рыжова Л. А., 2005. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму // ХС. Вып. 14. С. 283–290.

360. Рябова В. О., Супрунов О. В., 1998. Жертовник IV ст. до н.е. у кургані біля Гермонактова селища та башти Неоптолема у гирлі Тірасу // Музейні читання. Мат-ли Міжнар. наукової конф, присвяч. 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна. Київ: Музей історичних коштовностей України. С. 66–71.

361. Савва Е. Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв: Штиинца. 217 с.

362. Савва Е. Н., Агульников С. М., Манзура И. В., 1985. Отчёт о полевых исследованиях Буджакской новострочной экспедиции в 1984 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 212.

363. Савва Е. Н., Клочко Е. О., 2002. Раскопки курганов и поселения эпохи поздней бронзы «Кривое Озеро» у села Терновка в Поднестровье // Северное

Причерноморье: от энеолита к античности / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: Типар. С. 149–179.

364. Савельев О. К., Остапенко П. В., 2009. Новые памятники скифской эпохи в Северо–Западном Причерноморье // ССПіК. Мат–ли конф. «Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XV. С. 164–171.

365. Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Гриф и К. С. 151–277.

366. Сальников А. Г., 1966. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960–1962 гг.) // МАСП. Вып. 5. С. 176–225.

367. Самойлова Т. Л., 1988. Тира в VI–I вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 124 с.

368. Самойлова Т. Л., Редина Е. Ф., 1997. Клейма из скифских курганов Дунай–Днестровского междуречья // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Мат–лы полевого семинара (Тирасполь – Глиное. 28–30 августа 1997 г.) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 57–63.

369. Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы русской земли. М.: Синодальная типография. 276 с.

370. Сапрыкин С. Ю., 2010. Гето–дакийские царства эллинистической эпохи // БИ. Вып. XX. С. 251–275.

371. Секерская Н. М., 1989. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 128 с.

372. Сергацков И. В., 2009. «Клад» II в. до н. э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. № 4. С. 149–159.

373. Сергеев Г. П., 1956. Находка медных сосудов на территории Молдавии // // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 4 (31). Кишинёв: Государственное издательство Молдавии. С. 135–141.

374. Сергеев Г. П., 1960. Скифский кинжал (IV–III вв. до н. э.) из Олонештского района Молдавской ССР // ЗОАО. Т. 1. С. 262–265.

375. Сергеев Г. П., 1961. Погребение скифского воина // Труды Государственного историко–краеведческого музея Молдавии. I. Кишинёв: Картя молдовеняскэ. С. 137–140.

376. Сергеев Г. П., 1966. Олонештский античный клад // ВДИ. № 2. С. 132–142.

377. Серова Н. Л., Яровой Е. В., 1987. Григориопольские курганы. Кишинёв: Штиинца. 156 с.

378. Силантьева Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея // МИА. № 69. С. 5–107.

379. Симоненко А. В., 1982. О позднескифских налобниках // Древности Степной Скифии. Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 237–245.

380. Симоненко А. В., 1993. Клады снаряжения всадника 2–1 вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Издательство Кубанского государственного университета. С. 89–90.

381. Симоненко А. В., 2001. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. Вып. 4. С. 92–106.

382. Симоненко А. В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: НСС. С. 134–173.

383. Симоненко А. В., 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Символика. С. 255–260.

384. Симоненко А. В., 2009. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Нестор–История. 328 с.

385. Симоненко А. В., 2011. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор–История. 272 с.

386. Симоненко А. В., 2012. О позднескифских налобниках // Золото, конь и человек. Сб. статей к 60–летию Александра Владимировича Симоненко / Отв. ред. А. В. Симоненко. Киев: К.Н.Т. С. 73–88.

387. Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья (издание 2–е, исправленное и дополненное). Киев: Издатель Олег Филюк. 466 с.

388. Симоненко А. В., 2016. О происхождении позднескифской культуры Нижнего Днепра // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XI / Голов. ред. І. В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова. С. 476–483.

389. Симоненко А. В., 2018. О сарматском завоевании Скифии // НАВ. Т. 17. № 1. С. 27–49.

390. Симоненко А. В., 2020. Ритуальный депозит II–I вв. до н. э. из Брэвичень // RA. S.n. Vol. XIV. Nr. 1. С. 108–120.

391. Симоненко О. В., Сікоза Д. М., Дзнеладзе О. М., 2015. Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011–2015 років. Херсон: ТОВ «Типографія–24». 158 с.

392. Синика В. С., 2004. Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное // ССПіК. Мат–ли конф. «Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 105–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XI. С. 237–239.

393. Синика В. С., 2007а. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н. э. на территории Днестро–Прутско–Дунайских степей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 27 с.

394. Синика В. С., 2007б. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н. э. на территории Днестро–Прутско–Дунайских степей. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 238 с.

395. Синика В. С., 2007в. Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правом берегу Нижнего Днестра // РА. № 4. С. 170–179.

396. Синика В. С., 2011а. К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Археологія: від джерел до реконструкцій / Відп. ред. В. В. Отрощенко. Київ: ІА НАНУ. С. 119–124.

397. Синика В. С., 2011б. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника. Мат–лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского (Москва, 12–14 декабря 2011 г.). Вып. V / Отв. ред. А. С. Балахванцев, Г. Ю. Колганова). М.: Институт востоковедения РАН. С. 184–187.

398. Синика В. С., 2012. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное

на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А. А. Пригарин. Одесса: Смил. С. 264–272.

399. Синика В. С., 2017а. Латенская фибула из Токмазеи // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. № 2. С. 111–115.

400. Синика В. С., 2017б. Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра // Поволжская археология, № 3 (21). С. 141–154.

401. Синика В. С., 2017в. Новый памятник III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижневартковского государственного университета. № 2. С. 122–129.

402. Синика В. С., Закордонец О. А., 2018. Раковины из скифских погребений Северо–Западного Причерноморья // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Том 28, № 1. С. 81–87.

403. Синика В. С., Иващенко М. В., 2017. Комплекс находок III в. до н. э. из поселения у Слободзеи // Известия Самарского научного центра РАН. Том 19. № 3. С. 223–228.

404. Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., 2019. Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сб. науч. трудов, посвящ. 70–летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов–на–Дону: Южный Федеральный университет, 2018. С. 166–176.

405. Синика В. С., Меньшикова В. А., Тельнов Н. П., 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н. э. // Stratum plus. № 3. С. 65–101.

406. Синика В. С., Поспешны Л., Лукасик С., 2020. Археологическое и радиоуглеродное датирование скифского могильника у с. Глиное // РА. № 3. С. 7–15.

407. Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2013. Курганы у села Буторы (Археологические памятники Приднестровья. I). Тирасполь: Полиграфист. 148 с.

408. Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист, 2016. 156 с.

409. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2014. Скифские жилища IV–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (13). Археологія: можливості реконструкцій / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 18–36.

410. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2015а. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // Война и военное дело в скифо–сарматском мире. Мат–лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов–на–Дону: ЮНЦ РАН. С. 180–190.

411. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2015б. Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья // *Tyragetia*. S. n. Vol. IX (XXIV), nr. 1. С. 183–208.

412. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016а. Крестовидные крючки–застёжки из скифских памятников Северного Причерноморья // Археологія та етнологія півдня Східної Європи / Відп. ред. З. П. Маріна. Дніпро: Ліра. С. 304–316.

413. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016б. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Емінак*. № 4 [16]. С. 45–53.

414. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016в. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // Новое прошлое. № 4. С. 258–272.

415. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016г. Скифское погребение с литиком–скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XI / Голов. ред. І. В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова. С. 488–499.

416. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2017а. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Новое прошлое. № 4. С. 286–306.

417. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2017б. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология, 2017. № 8 (257), вып. 42. С. 5–12.

418. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2017в. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // Stratum plus. № 3. С. 131–152.

419. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2018а. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо–Западного Причерноморья // Самарский научный вестник. Том 7, № 1 (22). С. 133–144.

420. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2018б. Перстень эллинистического времени с левобережья Нижнего Днестра // Русин. № 1. С. 30–45.

421. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2018в. Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное // Древности. Исследования и проблемы. Сб. статей в честь 70–летия Н. П. Тельнова / Отв. ред. В. С. Синика, Р. А. Рабинович. Кишинёв – Тирасполь: Stratum plus, С. 223–266.

422. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2018г. Фракийские украшения и аксессуары костюма из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра

(находки 2016–2017 гг.) // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности. Мат–лы Междунар. научно–практич. конф. (г. Измаил, 23–26 августа 2018 г.) / Отв. ред. И. В. Бруяко). Измаил: Ирбис. С. 163–179.

423. Синика В. С., Тельнов Н. П., 2020. Чернолаковые сосуды из скифских погребений IV в. до н. э. в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок 2015, 2016 и 2018 гг.) // Русин. № 59. С. 9–20.

424. Синика В. С., Тельнов Н. П., Закордонец О. А., 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Самарский научный вестник. Том 6, № 2 (19). С. 108–113.

425. Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018а. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижневартовского государственного университета. № 1. С. 111–119.

426. Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018б. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. № 1. С. 125–138.

427. Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018в. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Известия Самарского научного центра РАН. Том 20. № 3. С. 234–244.

428. Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018г. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 2. С. 78–93.

429. Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018д. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра // Записки ИИМК РАН. Вып. 18. С. 69–79.

430. Синика В. С., Тельнов Н. П., Разумов С. Н., 2019. Посуда фракийского облика из скифских погребений конца V – IV в. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра (по материалам раскопок 2015 г. и 2018 г.) // Русин. № 55. С. 18–33.

431. Синика В. С., Четвериков И. А., Тельнов Н. П., 2014. Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // RA. S. n. Vol. X. nr. 1–2. С. 210–217.

432. Синика В. С., Чореф М. М., 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра // КСИА. Вып. 250. С. 336–348.

433. Синика и др., 2012 – Синика В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Четвериков И. А. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. № 3. С. 187–215.

434. Синика и др., 2015 – Синика В. С., Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П. Курганная группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра // МАСП. Вып. 13. С. 164–194.

435. Синика и др., 2019а – Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Oriental Studies*. 2019. № 45 (5). С. 822–844.

436. Синика и др., 2019б – Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н. Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра // *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis* / Editori. A. Zanoci, M. Băț. Chișinău: Cartdidact. С. 281–295.

437. Синика и др., 2019в – Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н. Скифский курган второй половины V в. до н. э. в Нижнем

Поднестровье // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 1, 6–19.

438. Синика и др. 2019г – Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Stratum plus*. № 3. С. 365–390.

439. Синика и др. 2020а – Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках» // *Нижеволжский археологический вестник*. Т. 19, № 1. С. 64–101.

440. Синика и др. 2020б – Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо–Западного Причерноморья // *RA. S.n. Vol. XIV. Nr. 1*. С. 99–107.

441. Синика и др. 2020в – Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Скифские курганы 18 и 19 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Емінак*. № 1 [29]. С. 392–406.

442. Синика и др. 2020г – Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Скифская гробница с мечом типа Солоха на Нижнем Днестре // *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies*. 2020, № 2. С. 165–202.

443. Синика и др. 2020д – Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Скифское захоронение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре // *Stratum*. № 3, С. 331–351.

444. Синика и др. 2021 – Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н. Курган 16 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*. Vol. XV [XXX], nr. 1. С. 239-296.

445. Синицын М. С., 1950. Следы древних поселений скифо–сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга // Наукові записки. Т. IX. Одеса: Одеське обласне видавництво. С. 51–66.
446. Синицын М. С., 1955. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра й Південного Бугу скифо–сарматського часу // Наукові записки. Т. X. Одеса: Одеське обласне видавництво. С. 33–61.
447. Скорый С. А., Хохоровски Я., 2018. Большой Рыжановский курган. Киев: Издатель Олег Филюк. 432 с.
448. Скрипкин А. С., 2016. Гибель Скифии. Сарматский фактор // Stratum plus. № 3. С. 17–31.
449. Скуднова В. М., 1988. Архаический некрополь Ольвии: Публикация одной коллекции. Л.: Искусство. 184 с.
450. Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука. 184 с.
451. Смирнова Г. И., Мегей В. Ф., 2000. Могильник типа Поенешть–Лукашёвка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.) // Stratum plus. № 4. С. 156–171.
452. Смольянинова С. П., 2010. Литейные формы из Тире–Белгорода // Тира – Белгород – Аккерман (материалы исследований) / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Одесса: Печатный дом. С. 100–120.
453. Снитко І. О., 2015. Давньогрецькі некрополі хори Ольвії VI – III ст. до н. е. Київ: Видавець Олег Філюк. 239 с.
454. Спицын А. А., 1901. Раскопки, произведённые в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда // ИИАК. Вып. 1. С. 69–79.

455. Спицын А. А., 1906. Серогозские курганы // ИИАК. Вып. 19. С. 157–174.

456. Спицын А. А., 1918. Курганы скифов–пахарей // ИИАК. Вып. 65. С. 87–143.

457. Степанова Е. В., 2003. Скифские мягкие сёдла: вопросы терминологии // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. Мат–лы науч.–практич. конф., посвящ. 100–летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. С. 151–154.

458. Степанова Е. В., 2004. Боспорские сёдла // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Мат–лы междунар. науч. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: ГЭ. С. 231–246.

459. Субботин Л. В., 1975а. Отчёт об охранных раскопках кургана в с. Орловка и г. Белгород–Днестровском в 1973–1974 гг. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1973–74/53. 8 с. + 12 табл.

460. Субботин Л. В., 1975б. Раскопки курганов у с. Орловка и в г. Белгород–Днестровском // АО 1974 г. С. 356.

461. Субботин Л. В., 1984. Курган у с. Жовтневое // Курганы в зонах новостроек Молдавии / Отв. ред. И. И. Артёменко. Кишинёв: Штиинца. С. 143–152.

462. Субботин Л. В., 1985. Семёновский могильник эпохи энеолита – бронзы // Новые материалы по археологии Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. В. Н. Станко. Киев: Наукова думка. С. 45–95.

463. Субботін Л. В., 1992. Охоронні дослідження кургану в м. Болграді // Археологія Південного Заходу України / Відп. ред. В. Н. Станко. Київ: Наукова думка. С. 67–72.

464. Субботин Л. В., 2000. Северо–Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // *Stratum plus*. № 2. С. 350–387.

465. Субботин Л. В., 2013. Культура многоваликовой керамики (Бабино) // *Древние культуры Северо–Западного Причерноморья (к 95–летию Национальной Академии наук Украины) / Отв. ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова*). Одесса: СМІЛ. С. 278–293.

466. Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., Островерхов А. С., 1998. Археологические древности Буджака. Курганы у сёл Вишнёвое и Белолесье. Одесса: ИА НАН Украины – ОАМ – ОГУ. 174 с.

467. Субботин и др., 1992 – Субботин Л. В., Островерхов А. С., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. Скифские древности Днестро–Дунайского междуречья. Киев: Препринт. 48 с.

468. Субботин Л. В., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н., 1995. Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык. Одесса: НАН Украины. 136 с.

469. Субботин Л. В., Охотников С. Б., 1981. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // *Древности Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. Г. Г. Мезенцева*. Киев: Наукова думка. С. 102–116.

470. Субботин Л. В., Разумов С. Н., Синика В. С., 2017. Семёновские курганы (Археологические памятники Приднестровья. IV). Тирасполь: *Stratum plus*. 186 с.

471. Субботин Л. В., Сапожников И. В., Субботин А. В., 2003. Курганный могильник Дивизия II в междуречье Хаджидера и Алкалии // *Stratum plus*. № 2 (2001–2002). С. 563–581.

472. Суничук Е. Ф., 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Дзис–Райко). Киев: Наукова думка. С. 38–45.

473. Суничук Е. Ф., Фокеев М. М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. И. Т. Черняков. Киев: Наукова думка. С. 103–120.

474. Симонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка. 176 с.

475. Тельнов Н. П., Разумов С. Н., Синика В. С., 2016. Кресальные кремни в погребальном обряде скифов (по материалам могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре) // *Stratum plus*. № 3. С. 129–141.

476. Тельнов Н. П., Синика В. С., 2012. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *RA. S. n. Vol. VIII. Nr. 1–2*. С. 69–83.

477. Тельнов Н. А., Синика В. С., 2013. Гетское погребение на левобережье Нижнего Днестра и некоторые проблемы фракийского погребального обряда // *Tyragetia. S. n. Vol. VII (XXII), nr. 1*. С. 297–309.

478. Тельнов Н. П., Синика В. С., 2014а. Зеркала из позднескифского могильника конца IV–II в. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Мат–лы междунар. археологич. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция. С. 239–249.

479. Тельнов Н. П., Синика В. С., 2014б. Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia. S. n. Vol. VIII (XXIII), nr. 1*. С. 287–316.

480. Тельнов Н. П., Сеника В. С., 2014в. Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы // Русин. № 2 (36). С. 29–54.

481. Тельнов Н. П., Сеника В. С., 2016. Конское снаряжение из скифского могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // *Culturi, Procese și Contexte in Arheologie. Volum omagial Oleg Levițki la 60 de ani / Editori L. Sirbu, N. Telnov, L. Ciobanu, Gh. Sirbu, M. Kașuba. Chișinău: Centrul de Arheologie al Inst. Patrimoniului Cultural, Acad. de Știința a Moldovei. С. 294–309.*

482. Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Сеника В. С., 2012. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 5–15.*

483. Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Сеника В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratum plus. 1096 с.

484. Тереножкин и др., 1973 – Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // *Скифские древности / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 113–186.*

485. Ткачук М. Е., Топал Д. А., Зверев Е. Ю., 2016. Археологические разведки у с. Паланка: новое античное поселение на Нижнем Днестре // *Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сб. статей в честь 60–летия И. В. Манзуры / Отв. ред. С. Церна, Б. Говедарица. Кишинёв: Stratum plus. С. 367–377.*

486. Тонкова М., 1997. Traditions and Aegean Influences on the Jewellery of Thracia in Early Hellenistic Times // *Archaeologia Bulgarica*, 2. С. 18–31.

487. Топал Д. А., 2012. Новые находки раннелатенских импортов между Прутом и Днестром // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 169–171.*

488. Топал Д. А., 2014. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // *Tyragetia. S. n. Vol. VIII [XXIII], nr. 1. С. 7–43.*

489. Топал Д. А., 2018. Скифское клинковое вооружение VII–IV вв. до н. э. (юго–запад Восточной Европы), Дисс. ... докт. истории, Кишинёв, 347 с.

490. Топал Д. А., Чорев М. М., Синика В. С., 2017. Клад серебряных истрийских монет из Резен // *Stratum plus. № 3. С. 129–138.*

491. Тощев Г. Н., 1992. Курганы эпохи бронзы в межозерье Ялпуга и Кагула. Запорожье: Запорожский государственный университет. 50 с.

492. Тощев Г. Н., Редина Е. Ф., 1991. Курганная группа у с. Помазаны Одесской области // *ДСПК. II. С. 95–104.*

493. Тощев Г. Н., Сапожников И. В., 1990. Курганы у станции Фрикацей в низовьях Дуная // *ДСПК. I. С. 13–30.*

494. Трейстер М. Ю., 1988. Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н. э. // *Eirene. XXV. С. 45–67.*

495. Трейстер М. Ю., 1992. Кельти в Північному Причорномор'ї // *Археологія. № 2. С. 37–50.*

496. Уваров А. С., 1856. Исследования о древностях Южной России и берегов Чёрного моря. Вып. 2. СПб: Типография Экспедиции Заготовителей Государственных Бумаг. 46 с.

497. Уженцев В. Б., 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Сонат. 248 с.

498. Фабрициус И. В., 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. Киев: АН СССР. 156 с.

499. Фёдоров Г. Б., 1960. Население Прутско–Днестровского междуречья в I тыс. н. э. (МИА. № 89). 380 с.

500. Фиалко Е. Е., 2004. Деревянные чаши – знаки воинской доблести у скифов // ССПіК. Мат–ли конф. «Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 105–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XI. С. 269–272.

501. Фидельский С. А., 2009. Погребение железного века у г. Слободзея в Нижнем Поднестровье в контексте северо–фракийских памятников // *Tyragetia*. S. n. III [XVIII], 1. С. 235–246.

502. Фидельский С. А., 2012. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н. э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 16–20.

503. Фидельский С. А., 2020. Латенские аксессуары костюма с левобережья Среднего Днестра // *Relații interculturale în spațiul tiso-nistrean în epoca fierului = Cross-Cultural Interaction in the Tisza-Dniester region in the Iron Age* / Editori Aurel Zanoci, Mihail Băț. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, Laboratorul de Cercetări Științifice „Tracologie”. С. 105–118.

504. Фидельский С. А., Иващенко М. В., Синика В. С., 2017. Амфорные клейма причерноморских центров с поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. № 6. С. 329–346.

505. Фидельский С. А., Иващенко М. В., Синика В. С., 2018. Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Археологические вести*. Вып. 24. С. 110–124.

506. Филип Я., 1961. Кельтская цивилизация и её наследие. Прага: Чехословацкая Академия наук – Артия. 218 с. + 40 табл.

507. Фокеев М. М., 1990. Отчёт о раскопках Владыченской экспедиции: могильник Владычень–I // *Научный архив ИА НАН Украины*. № 1989/51. 26 с. + 27 рис.

508. Фокеев М. М., 1991. Отчёт о раскопках 1990 г. // *Научный архив ИА НАН Украины*. № 1990/61. 23 с. + 29 рис.

509. Фокеев М. М., Рандсборг К., Руссев Н. Д., 2000. Полевой отчет Буджакской археологической экспедиции за 1999 г. // *Научный архив ИА НАН Украины*. 31 с. + 26 рис.

510. Фокеев М. М., Синика В. С., Руссев Н. Д., 2018. Скифские курганы–кенотафы группы Воловарската Могила на левобережье Нижнего Дуная // *Stratum plus*. № 3. С. 87–102.

511. Хахеу В. П., 1990. Исследование скифских курганов у г. Тирасполя в 1983 г. // *Археологические исследования молодых учёных Молдавии* / Отв. ред. В. А. Дергачёв. Кишинёв: Штиинца. С. 120–132.

512. Хахеу В. П., 1992. О гетских памятниках Левобережья Молдовы // *Anuarul Muzeului Național de istorie a Moldovei* I. Anul 1991. Chișinău: Muzeul Național de istorie a Moldovei. С. 122–128.

513. Хохоровски Я., 2018. Аристократка? Амазонка? Или жрица? (заметки к дискуссии о статусе женщин в греко–скифских обществах) // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (27) / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 193–203.

514. Храпунов И. Н., 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. (БИ. Вып. VI). 239 с.

515. Чеботаренко Г. Ф., Щербакова Т. А., Шукин М. Б., 1987. Два предмета римской эпохи из Молдавии // СА. № 4. С. 242–248.

516. Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П., 1989. Курганы Буджакской степи. Кишинёв: Штиинца. 212 с.

517. Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 192 с.

518. Черненко Е. В., 1981. Скифские лучники. Киев: Наукова думка. 168 с.

519. Черненко и др., 1986 – Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. В., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 368 с.

520. Черняков И. Т., Дзиговский А. Н., Островерхов А. С., 1986. Отчёт о работе Буго–Днестровской экспедиции ИА АН УССР // Научный архив ИА НАН Украины. № 1985/11. 20 с. + 20 рис.

521. Черняков и др., 1983 – Черняков И. Т., Добролюбский А. О., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н., Сапожников И. В., Чернов С. И., Агбунов М. В., 1983. Отчёт об охранных раскопках в зоне строительства Дунай–Днестровской ОС и Одесской АТЭЦ за 1982 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1982/7. 52 с.

522. Черняков И. Т., Станко В. Н., Гудкова А. В., 1986. Холмские курганы // Исследования по археологии Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. В. Н. Станко. Киев: Наукова думка. С. 53–96.

523. Четвериков И. А., 1997. Изваяние скифского воина из с. Красногорка // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Мат–лы полевого семинара / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь – Глиное. 28–30 августа 1997 г. Тирасполь: ПГУ. С. 12–14.

524. Четвериков И. А., 2002. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н. э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (сборник научных статей) / Отв. ред. Н. А. Кетрару. Тирасполь: Типар. С. 234–245.

525. Четвериков И. А., 2004а. О хронологическом разделении Тираспольской группы // ССПіК. Мат–ли конф. «Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 105–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XI. С. 279–285.

526. Четвериков И. А., 2004б. Результаты полевых исследований у с. Глиное в 2003 году // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000–2003). Vol. I / Red. șef N. Chetraru. Chișinău: Tyragetia. С. 114–118.

527. Четвериков И. А., Иващенко М. В., Синика В. С., 2018. Амфорные клейма из поселения Красное // Startum plus. № 6. С. 199–215.

528. Четвериков И. А., Синика В. С., 2002. Катакомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Мат–лы III Междунар. конф., г. Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г. / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: Типар. С. 299–305.

529. Четвериков И. А., Синика В. С., 2009. Скифский курган конца III в. до н. э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // ССПіК. Мат–ли конф. «Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XV. С. 204–212.

530. Чигирин В. К., 1965. Материалы к археологической карте левобережья Нижнего Придунавья (Килийский и Измаильский р–ны Одесской области). Дипломная работа студента VI курса заочного отделения // Архив Измаильского исторического музея А. В. Суворова. № 2566. 45 с. + 9 табл.

531. Шапошникова и др., 1977 – Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балускин А. М., Гребенников Ю. С., Довженко Н. Д., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н., Магомедов Б. В., Некрасова А. Н., Ребедайло Г. П., Рычков Н. А., Чмыхов Н. А., 1977. Отчёт о работе Ингульской экспедиции // Научный архив ИА НАН Украины. № 1976/7. 243 с. + 114 табл.

532. Шапошникова и др., 1979 – Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Гребенников Ю. С., Балускин А. М., Довженко Н. Д., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н., Ребедайло Г. П., 1979. Отчёт о работе Ингульской экспедиции // Научный архив ИА НАН Украины. № 1978/11. 134 с. + 79 табл.

533. Шахров Г. И., 1990. Исследование курганной группы у с. Новорайск на Херсонщине // ДСПК. I. С. 71–85.

534. Шевченко А. А., 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–111.

535. Шевченко Н. Ф., 2013. Племена Восточного Приазовья на рубеже эр (Труды Приазовской археологической экспедиции. Т. 1). Ростов–на–Дону: Альтаир. 152 с.

536. Шелов Д. Б., 1971. Скифо–македонский конфликт в истории античного мира // МИА, № 177. С. 54–63.

537. Шилов В. П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1. С. 150–168.

538. Шилов В. П., 1974. К проблеме взаимоотношений кочевых племён и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 138. С. 60–65.

539. Шилов Ю. А., Островерхов А. С., Кожокару В. М., 1987. Отчёт о работе новостроечной экспедиции «Газопровод» за 1986 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1986/17. 56 с. + 41 табл.

540. Шкадышек М. 1910. Описание раскопки кургана в окрестностях города Тирасполя, произведённой подполковником Шкадышек 18 июля 1909 г. // ЗООИД. Т. XXVIII. С. 92–94 (протоколы).

541. Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. Вып. 6. С. 5–115.

542. Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., 1985. Курганы на левобережье Нижнего Днестра // Новые материалы по археологии Северо–Западного Причерноморья / Отв. ред. В. Н. Станко. Киев: Наукова думка. С. 95–131.

543. Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., Алексеева И. Л., 1971. Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства Суворовской оросительной системы // Научный архив ИА НАНУ. № 1970/40. 38 с. + 38 табл. + 71 рис.

544. Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., Алексеева И. Л., 1972. Отчёт о работе Днестро–Дунайской (новостроечной) экспедиции Института археологии АН УССР и Одесского археологического музея ИА АН УССР за 1971 г. // Архив ИА НАНУ. № 1971/26. 27 с. + 46 табл.

545. Шовкопляс І. Г., 1954. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі // Археологія. Т. ІХ. С. 98–105.

546. Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка. 180 с.

547. Шульга и др., 2018 – Шульга П. И., Колтухов С. Г., Рукавишникова И. В., Ермолин С. А., Выборнов А. В. Погребальные комплексы в Предгорном Крыму (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25) / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН. С. 422–435.

548. Шульц П. Н., 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство. 88 с.+ 33 табл.

549. Шульц П. Н., 1971. Позднескифская культура и её варианты на Днепре и в Крыму (постановка проблема) // МИА, № 177. С. 127–143.

550. Шуманский Е. А., 1910. Сообщение о находках в кургане Броаска // ЗООИД. Т. XXVIII. С. 8 (протоколы).

551. Щеглов А. Н., 1985. О греко–варварских взаимодействиях на территории эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Мат–лы II Всесоюз. Симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалгубо–1982) / Отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 185–198.

552. Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историко–археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе (Российская археологическая библиотека. № 2). СПб.: Фарн. 324 с.

553. Щукин М. Б., 2001. О фаларах так называемого греко–бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток – Запад) // Ювелирное искусство и материальная культура / Отв. ред. Н. А. Захарова. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 137–161.

554. Эрлих В. Р., 2006. Святилища некрополя II Тенгинского городища в Краснодарском крае // Вестник РГНФ. № 3. С. 37–49.

555. Яйленко В. П., 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука. С. 249–309.

556. Яковенко Э. В., 1970. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма / Отв. ред. А. М. Лесков. Киев: Наукова думка. С. 113–135.

557. Яковенко Е. В., 1971. Про кулясті курильниці IV–I ст. до н. е. // Археологія. Вип. 2. С. 87–93.

558. Яковенко Е. В., 1974. Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ: Наукова думка. 147 с.

559. Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н., 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма / Отв. ред. А. М. Лесков. Киев: Наукова думка. С. 136–179.

560. Яровой Е. В., Четвериков И. А., Субботин Л. В., 1997а. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сб. науч. статей Междунар. археологич. конф. / Отв. ред. С. Б. Охотников. Одесса: Ветаком. С. 251–255.

561. Яровой Е. В., Четвериков И. А., Субботин Л. В., 1997б. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок

1995–1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Мат–лы полевого семинара (Тирасполь – Глиное. 28–30 августа 1997 г.) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 14–19.

562. Яровой Е. В., 1990. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца. 272 с.

563. Яровой Е. В., Четвериков И. А., 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 3–28.

564. Яровой Е. В., Чирков А. Ю., 1989. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции в 1988 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 287. 67 с. + 38 рис.

565. Яценко И. В., 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. № 89. С. 42–50.

566. Яценко С. А., 2001. Знаки–тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература. 190 с.

567. Яценко С. А., 2006. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература. 664 с.

568. Agulnikov S., 1996. Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia (Bibliotheca thracologica. XIV). Bucureşti: Institutul Român de Thracologie. 116 p.

569. Agulnikov S., 1997. Scythian vestiges at the Lower Prut = Vestigii scitice la Prutul Inferior // Prima epoca a fierului la gurile Dunării și în zonele

circumpontice. *Lucrările Colocviului internațional. Tulcea, Septembrie, 1993* / Coord. red. G. Simion. Tulcea: Institutul de cercetări eco–muzeale. P. 253–273.

570. Arnăuț T., 1999. *Necropola getică de la Giurgiulești // Studia in honorem Ion Niculiță* / Editori T. Arnăuț, A. Zanoci, S. Matveev. Chișinău: Cartdidact, P. 135–145.

571. Arnăuț T., 2003. *Vestigii ale sec. VII–III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați. Chișinău: Centrul editorial al USM. 407 p.*

572. Arnăuț T., 2014. *Spații sacre și practici funerare din mileniul I a. Chr. în arealul carpato–balcanic. Chișinău: Bons Offices. 564 p.*

573. Babeș M., 1993. *Die Poienești–Lukaševka–kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, V. 30). Bonn: Verlag R. Habelt. 248 S.+ 46 Taf.*

574. Bozkova A., 2005. *Hellenistic Cantharoi from Southwestern Bulgaria // Studia archaeologica universitatis Serdicensis. Suppl. IV. Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Ludmili Getov* / Ред. Т. Стоянов. С. Ангелова, И. Лозанов. София: Софийски университет «Св. Климент Охридски», P. 46–51.

575. Brujako I., 1997. *Despre evenimentele din sec. III a Chr. în nord–vestul Mării Negre // Istros. VIII. P. 63–81.*

576. Brunaux J.–L., Lambot B., 1987. *Guerre et armement chez les Gaulois (450–52 av. J.–C.). Paris: Editions Errance. 220 p.*

577. Ceban et al., 2015 – Ceban I., Topal D., Agulnicov S., Popovici S., 2015. *Tumulul scitic nr. 7 de la Crihana Veche–La Pietricei (r–nul Cahul) // Arheologia preventivă în Republica Moldova. II, P. 43–58.*

578. Ciobanu et al. 2019 – Ciobanu I., Simalcsik A., Bejenaru L., Pîrnău R. G., Agulnicov S., Popovici S., 2019. Considerații preliminare privind cercetările arheologice și interdisciplinare de la Crihana Veche (raionul Cahul). Campaniile 2016 și 2017 // *Arheologia Preventivă în Republica Moldova*. IV, P. 71–118.

579. Ciobanu I., Simalcsik A., Iorga A., 2020. Cercetările arheologice preventive de la Giurgiulești (r-nul Cahul) din anul 2019 // *Cercetări arheologice în Republica Moldova*. Campania 2018: Sesiunea Națională de Rapoarte, 18 aprilie 2019. Program. Rezumatele comunicărilor / Editor V. Vornic. Chișinău: Comisia Națională Arheologică. P. 37–39.

580. Chochorowski Ja., 2008. Social aspects of sacred spatial organization of Koshary necropolis // *PONTIKA 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Proceedings of the International Conference, Kraków, 18th March, 2006 (Studies in Ancient Art and Civilization. Vol. 11) / Ed. E. Papuci-Władyka*. Kraków: Jagiellonian University Institute of Archaeology. P. 24–45.

581. Conovici N., 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). *Histria (VIII)*. Bucarest – Paris: Enciclopedică – Boccard. 206 p.

582. Dima M. 2013. Monedele de argint ale cetății Istros in epoca elenistică // *SCN, s.n., IV (XVI)*, P. 7–72.

583. Dintsis P., 1986. Hellenistische Helme (*Archaeologica* 43). Roma: G. Bretschneider. 394 s.

584. Fedoseev N. F., 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire / Ed. Y. Garlan*. Aix-en-Provence: Cedex. P. 27–40.

585. Fidelschi S. A., 2006. Dezvoltarea meșteșugului la populația sedentară din regiunea Nistrului Inferior (după rezultatele săpăturilor la așezarea pluristratificată Ciobruciu) // *Tiragetia*. XV. P. 24–33.

586. Filip, Ja. 1956. Keltové ve Střední Evropě. Monumenta archaeologica. Acta praehistorica, protohistorica et historica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Bohemoslovenicae. Monumenta archaeologica 5. Praha: Československé Akademie věd. 552 s.

587. Harțuche N., 1983. Importuri grecești în mormintele geto–dacice din județul Brăila // Istros. II–III (1981–1983). P. 145–159.

588. Harțuche N., 2002. Complexul archeologic Brăilița (Bibliotheca thracologica. XXXV). București: Ministerul educației și cercetării – Institutul Român de Thracologie. 316 p.

589. Iakounina–Ivanova L. 1927. Une trouvaille de l'âge la Tène dans la Russie méridionale // ESA. I. P. 100–109.

590. Iarmulschi V., 2014. Migrația bastarnilor în spațiul carpato–nistrean (în baza necropolei de la Borosești. Teză de doctor în istorie, Chișinău. 264 p.

591. Irimia M., 2005. Descoperiri getice în zona Adâncata (com. Aliman, jud. Constanța) // Pontica. XXXVII–XXXVIII (2004–2005). P. 319–384.

592. Jacobsthal P., 1944. Early Celtic Art. Oxford: at the Clarendon Press. Vol. I. 242 p. Vol. II. 279 pl.

593. Kamińska M. 1992. Napiersniki kultury pomorskiej i ich wyobrażenia na popielnicach twarzowych // Wiadomości Archeologiczne. LII (1), S. 17–44.

594. Kašuba M., Haheu V., Levițki O., 2000. Vestigii traco–getice pe Nistrul Mijlociu. Biblioteca Thracologica, XXXI. București: Vavila Edinf SRL. 224 p.

595. Kneisel Ju. 2007. Die gegürtete Frau. Versuch einer Trachtrekonstruktion // Situla 44. Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 583–596.

596. Lazarova S., Paunova V., 2003. A Late Iron Age Grave Find from the Village of Koilovtsi in Central North Bulgaria // *Archaeologia Bulgarica*. Vol. VII. No. 1. P. 45–58

597. Limberis N. Ju., Marcenko I. I., 2011. Bronzener Blessenschmuck frühskytischer Zeitstellung aus dem Kubangebiet // *Eurasia Antiqua*. Bd. 17. S. 177–187.

598. Loboda I. I., Puzdrovskij A. E., Zajcev J. P., 2002. Prunkbestattungen des 1. Jh. N. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // *Eurasia Antiqua*. Bd. 8. S. 295–346.

599. Mateevici N., 1998. Cercetările a doi tumuli de lângă satul Hlinoiaia, Grigoriopol // *Tyragetia*. VI–VII. P. 73–78.

600. Mateevici N., 2007. Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a Chr. (Biblioteca «Tyragetia». XIV). Chișinău: Bons Offices. 284 p.

601. Mateevici N., 2013. Amforă de Chios de la Dubăsari (o nouă achiziție a MNIM) // *Tyragetia*. S. n. Vol. VII [XXII], nr. 1. P. 293–295.

602. Măndescu D., 2010. Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V – III a. Chr.) între Carpați, Nistru și Balcani. Brăila: Muzeul Brăilei – Istros. 510 p.

603. Moscalu E., 1983. Ceramica traco-getică (Biblioteca muzeologică). București: Muzeul național de istorie. 516 p.

604. Müller R., 1985. Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unterer Saale und Mittelelbe (Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle. Bd. 38). Berlin: VEB Deutscher Verl. der Wissenschaften. 316 s.

605. Némethi I., 1988. Necropola Latène de la Pișcolt, jud. Satu Mare, I // *Thraco-Dacica*. T. IX. № 1–2. P. 49–74.

606. Némethi I., 1989. Necropola Latène de la Pișcolt, jud. Satu Mare, II // *Thraco-Dacica*. T. X. № 1–2. P. 45–114.
607. Némethi I., 1992. Necropola Latène de la Pișcolt, jud. Satu Mare, III // *Thraco-Dacica*. T. XIII. № 1–2. P. 59–112.
608. Némethi I., 1993. Necropola Latène de la Pișcolt, jud. Satu Mare, IV // *Thraco-Dacica*. T. XIV. № 1–2. P. 131–142.
609. Niculiță et al., 2011 – Niculiță I., Zanoci A., Matveev S., Băț M., 2011. Piese de port, podoabă și de toaletă din așezarea traco-getică Saharna Mare // *Archaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeș at his 70th anniversary* / Eds. Măgureanu D., Măndescu D., Matei S. Pitești: Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”. P. 193–204.
610. Niculiță I., Teodor S., Zanoci A., 1999. Butuiceni. Monografie arheologică (Biblioteca Thracologica. XXXVI). București: Ministerul educației și cercetării – Universitatea de Stat din Moldova – Institutul Român de Thracologie. 250 p.
611. Niculiță I., Zanoci A., Arnăuț T., 2008. Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Biblioteca «Tyragetia». XVIII). Chișinău: Bons Offices SRL. 408 p.
612. Niculiță I., Zanoci A., Băț M., 2016. Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca ferului (Biblioteca „Tyragetia”. XXVII). Chișinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei. 464 p.
613. Oberländer-Târnoveanu I., Oberländer-Târnoveanu E., 1980. Aspecte ale civilizației geto-dacice din Dobrogea in lumina cercetărilor din așezarea de la Sarichioi (sec. IV–II i.e.n.) // *Peuce*. VIII. P. 77–142.
614. Peschel K., 1972. Fibeln mit Spiralfuß // *ZfA*. № 6. S. 1–42.

615. Popovici S., Mistreanu E., 2016. O amforă grecească descoperită la Țărăncuța (com. Chioselia, r-nul Cantemir) // *Arheologia preventivă in Republica Moldova*. Vol. III. P. 75–78.

616. Pósta B., 1905. Régészeti tanulmányok az Oroszfüldön. Második resz. (Zichy Jenő Gróf. Harmadik ázsiai utazása. IV. Kötet) [Archäologische Studien auf Russischem Boden. Zweiter Theile (Dritte Asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. Band IV)]. Budapest – Leipzig: Hornyánszky Victor – Karl W. Hiersemann. 280 p.

617. Puzdrovskij A. E., Zajcev J. P., 2004. Prunkbestattungen des 1. Jh. N. Chr. in der Nekropole Ust’-Al’ma, Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // *Eurasia Antiqua*. Bd. 10. S. 229–267.

618. Redina E., 2005. Scytho–Thracian cultural contacts in the northwestern Black Sea littoral // *The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a Round Table «Archaeological Map of Bulgaria»*. BAR International Series 1350. London. P. 231–238.

619. Rotroff S., 1997. Hellenistic pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material (The Athenian Agora. Vol. XXIX). Princeton, NJ: Princeton Academic Press. 575 p.

620. Schlott Ch., 1999. Zum Ende des spätlatènezeitlichen Oppidum auf dem Dünsberg (Gem. Biebertal–Fellingshausen, Kreis Gießen, Hessen) (Forschungen zum Dünsberg. 2). Montagnac. Editions Monique Mergoli. 118 S.

621. Simion G., 1971. Despre cultura geto–dacica din nordul Dobrogei, in lumina descoperirilor de la Enisala // *Peuce*, II. P. 63–129.

622. Simion G., 2003a. Cercetări arheologice de la Telița // Simion G. *Culturi antice în zona gurilor Dunării: Preistorie și protoistorie*, I (Biblioteca Istro–Pontică, Seria Arheologie, 5). Cluj–Napoca: Nereamia Napocae. P. 329–336.

623. Simion G., 2003b. Geto–dacii din nordul Dobrogei, in descoperirile de la Enisala // Simion G. Culturi antice în zona gurilor Dunării: Preistorie și protoistorie, I (Biblioteca Istro–Pontică, Seria Arheologie, 5). Cluj–Napoca: Nereamia Napocae. P. 259–314.

624. Simion G., Cantacuzino Gh., 1962. Cercetările arheologice de la Telița // MCA. VIII. P. 373–382.

625. Sinika V. S., Lysenko S. D., Telnov N. P., 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 4 (2), P. 156–173.

626. Sinika V. S., Telnov N. P., Lysenko S. D., 2020. Scythian Burial–Mound 7 in the “Vodovod” Group in the Lower Reaches of the Dniester River // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 2020. Vol. 26. P. 179–222.

627. Sîrbu, V., Harțuche, N. 2000. Remarques sur le tumulus aristocratique de Găvani, département de Brăila // *Tombes tumulaires de l’Âge du Fer dans le Sud–Est de l’Europe*. Actes du II–e Colloque International d’Archéologie Funéraire organisé à Tulcea, Brăila, Călărași et Slobozia, 18–24 septembre 1995, par l’Association d’Études d’Archéologie Funéraire avec le concours de l’Institut de Recherches Eco–Muséologiques de Tulcea, le Musée de Brăila, le Musée du Bas–Danube de Călărași, le Musée de Slobozia. Tulcea: Institut de Recherches Eco–Muséologiques de Tulcea, P. 139–152.

628. Sparkes B. A., Talcott L., 1970. Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B. C. (The Athenian Agora. Vol. XII). Princeton, NJ.: Princeton Academic Press. Part 1. Text. Part 2. Indexes and illustrations. 472 p. + 25 fig. + 100 pl.

629. Spânu D., 2013. Fibule „de tip hibrid”? // MCA. S. n. IX. P. 145–156.

630. Sulimirski T., 1970. Sarmatians (Ancient Peoples and Places. Vol. 73). New York: Praeger Publishers. 267 p.

631. Szabó M., 1971. Une fibule celtique a Délos // BCH. V. 95. № 2. P. 503–514.

632. Tallgren A. M., 1926. La Pontide préscythique après l'introduction de métaux (ESA. II). 248 p.

633. Tentiuc I., Bubulici V., Simalsik A., 2015. A cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district) // Tyragetia. S. n. Vol. IX (XXIV), nr. 1. P. 221–248.

634. Teodor S., Nicu M., Țau S., 1997. Așezarea geto-dacică de la Poiana (jud. Galați). Obiecte de port și podoabă (II). Oglinzi, ace, obiecte din os // Arheologia Moldovei. 20. P. 27–88.

635. Teleaga E., 2008. Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau: 6. Jh. – Anfang des 3. Jhs. v. Chr. (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 23.). Rahden/Westf: Verlag Marie Leidorf. 524 s.

636. Teleaga E., Zirra V. 2003. Die Nekropole des 6. – 1. Jhs. V.Chr. Von Istria Bent bei Histria: Archäologische Untersuchungen zur Bevölkerung in der westlichen Schwarzmeerregion (Internationale archäologie. Bd. 83). Rahden/Westf.: M. Leidorf. 200 s.

637. Topal D., 2020. Going to pot: Bronze cauldrons on the Western fringe of Scythian culture // Peuce, S. N. XVIII. P. 111–136.

638. Ursachi V., 1995. Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (Bibliotheca Tharacologica. X). București, 592 p.

639. Vokotopoulou J., 1982. “Phrygische Helme” // Archäologischer Anzeiger, S. 479–520.

640. Vouga P., 1923. La Tène. Leipzig: Karl W. Hiersemann. 169 p. + 50 pl.
641. Waurick G., 1988. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme. Monographien. Römisch–Germanisches Zentralmuseum Mainz. Forschungsinstitut für Vor– und Frühgeschichte 14 / Hrsg. A. Bottini. Mainz: Verlag des RGZM, S. 151–180.
642. Zirra V., 1967. Un cimitir celtic în nord–vestul României. Ciumești I. Baia Mare: Muzeul Național Maramureș. 136 p. + 25 pl.
643. Zirra V., 1979. À propos de la présence des éléments laténiens sur la rive occidentale de la mer Noire // Les mouvements celtiques du Ve au Ier siècle avant notre ère. Actes du XXVIIIe colloque organisé à l'occasion du IXe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Nice, le 19 septembre 1976 / Eds. P.–M. Duval, V. Kruta. Paris: Éditions du C. N. R. S., P. 189–193.
644. Zirra V. V., 1998. Bemerkungen zu den Thrako–Getischen Fibeln // Dacia. XL–XLII (1996–1998). P. 29–53.
645. Zirra V. V., 2016. Obiecte și interpretări. În legătură cu „mesajul” fibulelor „hibride” // MCA. S. n. XII. P. 116–121.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ – Археологические исследования в Молдавии. Кишинёв.
- АИУ – Археологические исследования на Украине. Киев.
- АО – Археологические открытия. М.
- АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ.
- АС – Археологический сборник. Ленинград.
- АСГЭ – Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / СПб.
- АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь – Керчь.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ДСПК – Древности степного Причерноморья и Крыма, Запорожье.
- ЗООАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса.
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. СПб.
- МАР – Материалы по археологии России. СПб.

- МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск – Новосибирск.
- РА – Российская археология. М.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. / СПб.
- ССПіК – Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
- УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.
- ХС – Херсонесский сборник. Севастополь.
- ВСН – Bulletin de correspondance Hellénique. Paris.
- ESA – Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki.
- МСА – Materiale și cercetări arheologice. București.
- RA – Revista arheologică, Chișinău.
- SCN – Studii și Cercetări de Numismatică. București.
- ZfA – Zeitschrift für Archäologie. Berlin.